3 1761 05972490 6

326 R I

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXXVII. Вып. 1.
Подъ редакціею д. чл. А. А. Шахматова.

RSKIĬ, IŪLIAN ANDREEVICH

Ю. А. ЯВОРСКІЙ.

ATNIKI GALITŠKO-RUSSKOĬ NARODNOĬ SLOVESNOSTI

ПАМЯТНИКИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I. Легенды. II. Сказки. III. Разсказы и анекдоты.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.
Тип. „С. В. Кульженко", Пушкинская ул., собств. домъ, № 4.
1915.

PG
3927
I38
vyp. 1

LIBRARY
SEP 9 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

По сложившимся временно, въ связи съ переживаемыми историческими событіями, особымъ обстоятельствамъ, лишающимъ издателя на продолжительное время возможности непосредственнаго личнаго наблюденія за дальнѣйшимъ печатаніемъ настоящаго сборника,—Отдѣленіемъ Этнографіи признано своевременнымъ и цѣлесообразнымъ выпустить отпечатанные уже листы послѣдняго теперь-же, въ видѣ перваго выпуска XXXVII-го тома „Записокъ“ Отдѣленія, съ тѣмъ, что остальная часть сборника, содержащая, кромѣ окончанія начатаго уже въ этомъ выпускѣ обзора литературныхъ темъ и мотивовъ и свода параллелей къ нимъ, также еще библіографическій указатель использованной литературы, словарь областныхъ словъ и общее предисловіе и оглавленіе къ цѣлому сборнику, будетъ издана, въ качествѣ второго выпуска того-же тома, при первой возможности отдѣльно.

Январь 1915 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: ЛЕГЕНДЫ.

1.

Люди изъ яицъ.

За тóе, що Ева скусыла Адáма, Богъ прокляу йи, щобы онá на зэмлы рóдыла дйты въ бóляхъ, а по смэрты абы кóждого дня нэслá тйлько яéцъ, кйлько людэй нá-дэнь умырáе, такъ до вйку. Тай бэрэ Богъ тотй яйця, розкрáвуе на дви половыци и мэчэ на зэмлю. Зъ едной половыци рóдытся хлóпэць, а зъ другой дйука, и оны ся потóму, якъ пидростýтъ, жэнятъ. Алэ то й такъ бувáе, що еднá половыця яйця упáдэ на мóрэ, а дрýга на зэмлю, áбо що едну половыцю зъзйстъ якій зьвиръ, то вжэ той чоловйкъ зъ тóи дрýгои половыци, що нэ пронáла, нэ мáе своéи пáры и лышáеся цилэ жытьé пáробкомъ áбо дйукою.

(Отъ Татьяны Голубъ въ Борусовѣ.)

2.

Великаны и маленькіе люди.

Даунó (отъ, видъ насъ такъ трэтого поколйня) бýлы такй вэлыты, що подáу зъ Йилова чэрэзъ горý сокыру сюды, такý рýку маý. То въ Кохáвыни въ косьцéли стойтъ щэ нынька такá ногá вэлыта, видъ зэмлй ажъ до повáлы.

А якъ щэ бýло мáло такйхъ малыхъ людэй, отъ, якъ мы, то разъ выйшоý орáты чоловйкъ на пóлэ. А винъ надійшóý, той вэлытъ, тай такъ взяý на прыгорщи тóго господáря, и вóлы, й плугъ, и прынóсытъ до мáмы: „Дывыся, мáмо, кáжэ, якй ту хробачкй рыютъ пóлэ!"

А по насъ знову такй будутъ маленьки людэ, що сорокъ ихъ можэ въ ньецу молоты. Алэ то вжэ можэ ажъ тогды, якъ якій потопъ будэ, або що, хто то можэ знаты Божу волю?

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

3.

Премудрый Соломонъ.

Маў цисаръ единого сына, тай той сынъ дужэ мудрый ся вывчыў, ещэ мудрійшій, якъ самъ тато. И той хлопэць выйшоў пидъ хату и зробыў сы важкй зъ бляхи и взяў важыты бабынъ розумъ и пэсье гивно. И выйшла акуратъ идъ нёму цисарова, его маты властыва, и пытаеся его: „Що ты ту робышь, сынуню?" — „Важу, кажэ, бабськый розумъ и пэсье гивно". „А котрэ тяжшэ?" — „Пэсье гивно тяжшэ". А маты кажэ: „Оў, сынуню, та-жэ и я баба!" — „Вшыстко рувно!"

Потимъ винъ узяў тай ся забраў съ тымъ тай пишоў помежы хаты. А она ёго казала шукаты и зйиматы и вывэсты въ лисъ. Тай тамъ казала ёго зарйзаты и прынэсты йій сэрцэ и мизэрный палэць зъ рукй на знакъ. Алэ винъ маў пэска, и той пэсокъ съ нымъ разъ-наразъ ходыў. И якъ го слугы взялы въ лисъ тратыты, то пэсокъ пишоў исъ нымъ у лисъ. Тамъ у лиси винъ кажэ: „Людэ, не рижтэ мэнэ, лышэ возьмитъ зъ пэска сэрцэ, а мизэрный палэць вжэ вамъ мушу даты!" И тымъ слугамъ ся жаль зробыло и оны ёго послухалы: зарйзалы пэска и взялы зъ нёго сэрцэ, а потому винъ сы вжэ самъ видрйзаў палэць. И оны то понэслы ёго матэры на знакъ.

А винъ тогды забраўся и пишоў, пэ вказуваўся до свого витцй ани до свойи матэры. Купыў сы квочку съ курятамы и взяў, позолотыў ихъ, и тогды прыйшоў до того мйста, дэ маў витцй и матирь, и сйвъ сы на мйсти и коло себэ розпустыў квочку и курята и даў йимъ йисты. Якъ ту людэ то новыдилы, далы знаты до цисара, що якій-сь панычъ мае такй куры, що такйхъ щэ нихто пэ выдиў. Прыходытъ до

нёго ёго маты и кажэ: „Що панъ хочэ за ти куры?" А винъ кажэ: „Ницъ нэ хочу, лышэ щобы пани едну ничь зо мноу спала!" А она кажэ: „Нэ хочу!" Якъ она то сказала, що нэ хочэ, винъ тогды тоты куры тамъ подарувалъ якому-сь бидному и забрався зноу у съвитъ.

Тай вымыслыв звэрцьедла, такий, що сутъ ныни. Прыйшоу до того мисто зноу, обставывся наукола нымы. Тамъ людэ повыдилы тото, хто подывыться, выдытъ собэ кождый, — то далы зноу знаты до цисара. А маты зноу пишла идъ нему, алэ винъ ся видминыв зноу инакшэ. Кажэ цисарова: „Що хочэ за тоты звэрцьедла?" А винъ кажэ: „Ницъ нэ хочу, лышэ абы пани зо мноу едну ничь спала!" Тогды она кажэ: „Буду!" И лягла коло нёго вжэ въ ночы спаты и взяла его руку и прытулювала до собэ коло пуця, а винъ кажэ: „Я ту посомъ порову!" А взяла го пидъ грудьмы, а винъ кажэ: „Я на тимъ сэрцы лежаву!" А она здумилася дужэ. Рано винъ ся умываву, а она то увыдила, що винъ пальця нэ мае, тай кажэ до нёго: „Чому ты пальця нэ маешь?" А винъ кажэ: „Я малымъ хлопцёмъ бавывся съ дитьмы, та мы цёты палэць обтялы". А она кажэ: „Въ мэнэ е палэць, можэ бы ся тобэ прыдаву?" Тогды она побигла до дому, палэць прынэсла, прытулыла ёму до руки, и палэць ся заразъ прыхопыв, прыриснъ до руки. А она тогды почала крыкъ и йимыла го, хотила го утрыматы, бо вжэ повыдила, що го ей сынъ буву. Алэ винъ ся вырваву видъ нэи и утикъ. И зноу пишоу сы въ съвитъ.

Она взяла, справыла комашнюю и заклыкала людэй и дала имъ такы лыжки доуги, ажъ пидъ стэлю. И кажэ: „Якъ нэ выйистэ тоту страву, то будэтэ вси потрачэни!"—Хто возьмэ йисты, запрэ лыжкоу о стэлю, нэ можутъ йисты. Алэ той прэмудрый Соломонъ о тимъ знаву о всимъ тай убигъ тай кажэ: „Людэ, едэнъ другого годуйтэ: ты зъ-за стола давай тому на той бикъ йисты, а зъ тамтого боку най зачыраe тай тому най дае видъ стины!" Ходытъ она, а мыски сухи. Кажэ: „Хто васъ такъ порадыв?" Кажутъ йий людэ: „Ту який-сь панъ убигъ тай насъ такъ порадыв." Она кажэ: „То мий сынъ буву, чому-сьтэ нэ йималы?"—„Мы нэ знялы!"

Тогды она взяла, насыпала по помости гроши. И кажэ людёмъ: „Абы-сьтэ позбыралы и нэ згыналыся, а якъ нэ позбыраетэ, вси потрачэни будэтэ!" Оны ся ту му-

чатъ, нэ можутъ. А винъ ся ўхопыў тай кажэ: „Смолоў ходакй намасты и по грошохъ ходы и пидоймы едну ногу, а на другій стій; якъ познымаешь гроши зъ тон ноги, то знову дальшэ по грошохъ ходы и збырай!“ И самъ ся забраў и ўтикъ. Уходытъ тота цисарова—гроши позбырани. Пытаеся: „Хто васъ такъ нарадыў?“—„Якій-сь панъ!“ „Чому-сьтэ нэ йималы? то мій сынъ!“ „Мы нэ зналы!“ — И людэ повидправлялыся и пишлы гэтъ.

Тогды казала зробыты золоты плугъ и золоти колэснята. И казала двомъ хлопамъ тягнуты, а трэтому иты за плугомъ, сьвитъ обтягнуты тымъ плугомъ. „Хто ўгадае, що то коштуе грошэй, абы-сьтэ того бралы, то мій сынъ!“—Оны обтягнулы сьвитъ, нихто нэ ўгадаў. Такъ блызько коло того миста буў гостынецъ чэрэзъ лисъ. А винъ то повыдиў, той прэмудрый Соломонъ, и взяў, сиў для сэбэ въ тимъ лиси и взяў сыра и хлиба и йисть. И ся пытаютъ тоты ёго: „Можэ вы ўгадаетэ, що той плугъ коштуе тай колэснята?“ А винъ кажэ: „Якъ нэ будэ бэрэзня вэрэмя, а мая дощу, то той плугъ нэ варта й того, що я на нимъ сыджу!“ И оны ся забралы съ тымъ плугомъ и прыйшлы ажъ до дому, до цисаровои. И пытаеся она: „Цы ўгадаў хто?“—„Нэ ўгадаў, кажутъ, нихто, лышь ту недалэко въ лиси сыдиў якій-сь для сэбэ тай сказаў: якъ нэ будэ бэрэзня вэрэмя, а мая дощу, то той плугъ ницъ нэ варта!“—„Чому-сьтэ го нэ бралы, то мій сынъ!“ „Мы нэ зналы.“ И она вжэ дала покій всёму

А винъ забраўся тогды, наймыў сы два орлы и годуваў ихъ. И зробыў сы скрыню и зарізаў два волы и запакуваў мясо до скрыни. И тогды орлы запрягъ и летиў такъ до нэба Хотиў змьеряты, якъ за высоко видъ земли до нэба. Що котрый зислабнэ орэлъ, то винъ ўриже куснымъ мяса и вэржэ орловы въ пысокъ и лэтытъ дали. Видтамъ зачалы сьвяти крычаты: „Премудрый Соломонэ, вэрныся! бо, кажутъ, ту такъ сонцэ палытъ, що твоимъ орламъ крыла опалытъ, и ты видты упадэшь и ся розыбьешь!“ И винъ послухаў ихъ и вэрнуўся. Щэ на долыну трэба було даты разъ йисты орламъ, а вжэ нэ було мяса. Тогды винъ ззуў чобитъ и видризаў зъ своеи ноги лытки и даў имъ йисты, и тогды злэтиў вжэ на землю. И тогды орлы пустыў у сьвитъ, а самъ пишоў

Хотиў змьеряты морэ, якъ за глубоке. Куныўсы ланцъ на 1200 сяжэнь доўгый, казаў ковалямъ зробыты стоўпъ зелизный на 150 ликтиў грубый, а 90 сяжэнь доўгый. И казаў той стоўпъ забыты въ зэмлю надъ тымъ морэмъ. И зладыўсы щэ таку бочку, абы тамъ маў дэ сыдиты. И тогды пишоў дали, такъ пэдалэко, подывытыся, чы нэ повыдиў бы его очыма, якъ оно за доўгэ, тото морэ. А тамъ мала дитына чэрпае воду варышкоў у товарячій слидъ. А тото нэ дитына була, ай самъ Господь. Винъ кажэ: „Що ты, малэ дзьецко, робышь?“ А дитына кажэ: „Чэрпаю воду у тоту ямку, абы-мъ йи вычэрпау всю!“ А винъ ся осьмихнуў и повидае: „Малэ дзьецко, яке ты глупэ, жэ ты хочэшь таку воду вэлыку вычэрпаты въ таку малэньку ямку!“

И обэрнуўся тогды назадъ и куныўсы курку и когута. И пишоў и до тои бочки всадыў курку и когута: якъ курка на розсьвитю журытся, абы знау, котра пора, цы ничь, цы дэнь, тай якъ когутъ пие. И ўняў ланцъ до стоупа и до бочки и пустыўся въ бочци въ прэсподни. На розсьвитю курка ся журытъ, когутъ пие. И якъ вжэ въ прэсподни стау на дни, прыйшоу морській ракъ и пэрэтяў ланцъ. Такъ винъ тамъ плачэ, бо ся на гору нэ дистане.

Тогды прыходытъ идъ нему злый дияволъ и кажэ: „Выдышь, прэмудрый Соломонэ, якій-есь мудрый, а нынька-сь дурный! Алэ, кажэ, пидпышымы ся, то тя вынэсу на гору!“ Винъ ся пидпысау и дияволъ го вынисъ на гору. Якъ го вынисъ на гору, тогды прэмудрый Соломонъ такъ кажэ до дияволa: „Ты знаешь, яка въ мэни е сила, бо-сь мя вжэ нисъ, алэ я нэ знаю, яка сила въ тоби. Ходы, кажэ, я тэбэ бэру въ шкиряный михъ и буду нэсты бэзъ кусэнь дороги, а хто ся будэ пытаты, що я нэсу, я буду казаты, що дзвинъ. А якъ бы хто ўдарыў въ тэбэ, то абы ты тамъ дзвонныў!“ Идэ, нэсэ его. Хто ся пытае: „що нэсэшь въ миху?“ винъ кажэ: „дзвинъ!“ И такъ идэ, а тры молотильныки пэрэдъ стодолоў молотятъ, а винъ кажэ: „Я маю ту троха жыта въ миху, абы вы мэни вымолотылы!“ Тогды молотильныки кажутъ: „Кладитъ!“ Якъ оны зачалы молотыты, той дияволъ зачаў тамъ дужэ ґваўтоваты, кажэ: „Всё ты видпущаю, лышэмы даруй жытье!“ Тогды молотильныки ся ўпудылы и кажутъ: „Що панъ намъ таке даў молотыты?“ А Соломонъ кажэ: „Молотитъ, нэ пытайтэ, я вамъ за то вэлыки

гроши заплачу!" Оны стáлы молотыты, збылы на рóпу. Винъ тогды взяў мих, вытрясъ рóпу, заплатыў имъ и пишóў.

Потому винъ собй сиў на коня, хотйу конёмъ увэсь сьвитъ обййхаты. Йидэ чэрэзъ лисъ, якъ трáфыў на гыля дубóву, ўдарыла го гыля по шыйи, зломыў сы ґаркъ. И тогды вжэ скиньчыў свое жытьё.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

4.

Почему жиды не ѣдятъ свинины.

Сусъ Хрыстóсъ ходыў по сьвйти съ сьвятымъ Пэтрóмъ. Жыды вжэ зналы, що то Сусъ Хрыстóсъ, а всэ нэ вьерылы. Тай разъ жыдъ до жыда кáжэ: „Колы винъ такій пророкъ, то положймо жыдйўку съ дитыноў пидъ корыто (бо жыдйўка була въ полóзи), най ўгадáе". Тай жыдъ кáжэ до Сýса: „Анý, ты такій пророкъ, то ўгадáй, щó ту е пидъ корытомъ?" А Сусъ Хрыстóсъ кáжэ: „Лёха съ пацьётьомъ!" Тай видслоныли корыто, то жыдйўка ся зробыла лёхоў, а жыдя пацьётьомъ. То тому жыды тэпэрь нэ йидятъ свыни.

(Отъ Марiи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

5.

Почему жиды цѣлуютъ косякъ двери.

То у жыда служыла зъ нáшои вьеры дйўка. Тай всэ си жыды збыткувáлы надъ нэў, тай всэ йій дэ-що говорылы. Разъ жыды кажутъ: „Що тотó за пророкъ? Анý, колы ты кáжешь, що Сусъ Хрыстóсъ по зэмлы хóдытъ, то най винъ зрóбытъ, абы зъ тыхъ пэчэныхъ яёцъ кýрята вылизлы, а той зварэный когутъ абы заній!" Алэ опá кáжэ до ныхъ: „Якй вы, жыды, дурнй! Якъ бы такъ Гóспоть даў, тóбы такъ було!" А жыдъ взяў тай у ню вэргъ пожóмъ.

Алэ она утикала въ двэ́ри, а нижъ застрягъ у одвирокъ. А ку́рята за́разъ вы́лизлы зъ тыхъ яецъ пэчэ́ныхъ тай заци́пкалы, а когутъ варэ́ный заци́ў. Жыды́ тогды́ стоўномъ поставалы. Тай той о́двирокъ тэпэ́рь жыды́ цилу́ютъ, тоту рану, що тамъ жыдъ вэрягъ за ди́укоў ножо́мъ.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

6.

Ангелъ между людьми.

Такъ Господь Богъ вы́правыў по едну душу ангэла. И той ангэлъ пишо́ў та́мка и маў браты маму, а́лэ тамъ ду́жэ булы́ дрибни́й ди́ты и дужэ плакалы, а винъ пожа́лувaў и нэ браў имъ ма́мы. Прыйшо́ў до Бога и ка́жэ: „Я нэ взяў души́, бо тамъ сами́ дрибни́ ди́ты, такъ плачутъ!" Тогды́ Го́сподь Богъ ка́жэ: „На́-тоби́ прутокъ и йды у мо́рэ и уда́рышъ нымъ по морахъ. И тамъ е такій камэнэ́цъ на споди, той камэнэ́цъ вы́ймэшъ и на-тоби́ другый прутокъ и уда́рышъ тымъ прутко́мъ по каминьцы́: що́ въ тимъ каминьцы́ буде?" И винъ такъ зробы́ў, прыйшо́ў до Бо́га и ка́жэ: „Буу въ каминьцы́ хробачо́къ". — „Вы́дышъ, ка́жэ Господь, я знаў за то́го хробачка, що тамъ е, то я бы и за тоты́ ди́ты буу знаў. Йды́-жъ ты собі́, кажэ, гэтъ, за то, що ты мэнэ́ нэ послухаў, на цилы́й рикъ. Шука́й души́ яко́и, якъ на́йдэшъ, то ту прыйдэ́шъ зноў!" А що ту душу вы́правыў Го́сподь Богъ глухо́го ангэла, и ту ду́шу взяў.

А той ангэлъ пишоў и наймы́ўся у едного ксёндза. И прыйшло́ такъ разъ, вы́йшло, що йи́халы до ми́ста. Йи́дутъ, прыйнжджаютъ до едно́го сэла́. Тамъ цэ́рковъ така вэлы́ка, бога́та дужэ, а въ тій цэ́рквы була видпра́ва, мо́лятся. А той слуга́ ксёндзивъ злизъ зъ во́за и набраў собі́ камі́ня и мэтаў нымы у цэ́рковъ. И йи́дутъ знову, прыйнжджа́ютъ до дру́гого сэла. Тамъ сэло́ таке малэ́ньке и цэ́рковъ вжэ би́дна, малэ́нька, а въ тій цэ́рквы сами́ убо́ги ся мо́лятъ. А той злизъ изъ во́за, помолы́ўся пидъ тоў цэ́рковьоў и пойи́хаў. Йи́дутъ-йи́дутъ, а въ

едпймъ сэлй вэсилье идэ, богача едного, таке гучиэ, сиивáютъ. А той набрáу камйня тай мэ́чэ въ ныхъ. И поййхаў Прыйнжджáютъ дáльше, а тамъ бйднэ вэсилье йдэ, такóй и бэзъ музыки. А винъ встаў, излйзъ, помолыўся, абы имъ ся дóбрэ взлó, и ихъ поблагословыў, сиў и поййхаў. Зноў до едного сэла прыйнжджáютъ, тамъ вэзýтъ умэрлóго, и людэй дýжэ богáто идэ, то богачá ховáлы. А винъ мэ́чэ камйнье и въ тыхъ, въ тóго умэрлóго. Прыйнжджаютъ зноу до едного сэла вэзýтъ ўмэрлóго, такóго бйдного, нáвить кеёндза нэма. А винъ стаў, помолыўся и поййхаў вжэ до мйста. Тамки покупылы дэ-що и прыййхалы до дому вжэ. И кеёндзъ ёгó ся ужэ нэ пытáў самъ, лышэ заставыў другого кеёндза, абы го ся запытаў, на-що винъ такé робыў въ дорóзи. А самъ пидъ двэрмы слýхаў.

А винъ кажэ: „Тамъ, дэ такá богáта цэ́рковь була, самй богачй ся молылы, то на дахý на цэ́рквы чорты сыдйлы, то я ихъ зганяў А тамъ така малэ́нька цэ́рковь була, тамъ самй убóги ся молылы, то та цэ́рковь счислыва, то й я ся помолыў. А тамъ, кáжэ, гучиэ вэсилье ишлó, то я мэтáў камйнёмъ, бо тамъ самй чорты йшлы за ны́мы. А ишло бйднэ вэсилье, то булы дóбри, счислывы людэ, то я помолыўся и ихъ поблагословыў. А тамъ вэзлы богачá на катафальку, а то чортъ той богачъ, то я взяў тай мэтаў камйнёмъ. А тамъ бйдного вэзлы мэрлóго, то я помолыўся, бо то счислывый умэ́ръ".

Тогды вжэ той кеёндзъ, що го ся допытуваў, кáжэ му: „Иды-жъ тэпэ́рь, казáў твій кеёндзъ, до мйста и куны для нёго такй чóботы, абы въ ныхъ цилый рикъ мóжна ходыты!" А той áнгэлъ тогды кáжэ: „Нá-що мóму кеёндзовы чобйтъ, колы винъ вжэ ўмэръ!" И такъ бýло. Кеёндзъ лэжáў мэрлый пидъ двэрмы: ўмэръ зáразъ тогды, якъ стаў слýхаты пидъ двэрмы. И той анголъ тогды собй взяў тогý кеёндзову дýшу, сиў на викнó, снэрхнýў крыламы и полэтиў на нэ́бо.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

7.

Смерть кума.

а). Буў бйдный чоловйкъ и ёму дау Панъ-бигъ гарáздъ. Винъ ходыў по сэлй всюда, и просыў, щобы му хто дэржáў до хрэсту дитыну, алэ нихто нэ пишоў.—„Чого́ тамъ пйду до нэго, кáжутъ, нэмá чого́!“ Два дны вжэ тотá дитына булá нэхрэщэна, и прыйшоў той бйдный до жйнки тай кáжэ: „Ходыў-смъ за кумамы вжэ вчóра, ныныка, и нихто нэ пйдэ!“ А жйнка тогды кáжэ такъ: „Иды-но на другэ сэло́, можэ хоть звйдтамъ кого прывэдэшь; а ни, то мóжэ дэ на дорóзи дйда здыблэшь, áбо кого́, щобы дитына нэ була такъ бэзъ хрэсту́!“ И винъ идэ́ на другэ сэло.

Здыбáе ёго кобйта. „Дэ ты йдэшь, чоловйчэ?“ -пытаеся. Взяу винъ йій оповидáты. „Дау мы, кажэ. Панъ-бигъ гарáздъ, и вжэ другый дэнь дитына нэхрэщэна, нихто нэ хóчэ йты за кумá!“ А она кáжэ такъ: „Вэрныся, я ты буду самá за кумý!“ И вэрнулася съ нымъ до дому, щэ здыбалы одного бйдного чоловйка и взялы го съ собоў и охрэстылы вжэ тоту дитыну. Вжэ тогды буу въ хати и хлибъ, и мукá: такъ Панъ-бигъ дау, що ся вжэ зъявыло. Булá тотá кобйта у ныхъ два дны. Кáжэ: „Ну, що-жъ, тэпóрь я вжэ, кумэ, мýшу йты. Алэ я тэбэ зроблю вэлыкимъ дóхторёмъ, кáжэ, бо то я е смэрть! Ты собй якого зйля накопáй, якóго-будь, жэбы-сь йно мау, а якъ я прыйдý по душу браты, то найпэрэдъ будэшь ся дывыў: якъ я бýду хóрому въ головáхъ, то жебы-сь зáразъ тымъ зйлёмъ личыў, и кажы, що той чоловйкъ выйдэ. А якъ я буду въ чогахъ, то кажы: шкода личыты и всёго, бо той чоловйкъ вжэ умрэ́. А щобы було́, кáжэ щэ, й сто душъ въ хáти, то я ся никóму нэ покáжу, йно тобй!“ Тогды забрáлася и пишлá.

Нэзадóўго потóму захорувáу въ сэлй едэнъ богачъ. Дохтóрнў звóжують, рйжнэ, кáжутъ: „Нэ выйдэ вжэ, умрэ́!“ Той тогды накопаў зйля и пишóу до тóго богача. Прыхóдытъ до хáты, а тамъ лю́дэ плáчутъ, завóдятъ. Дывытся винъ, а смэрть стойтъ въ головáхъ слабóго. Винъ тогды кáжэ: „Хоть казáў дóхторъ, що той вжэ нэ выйдэ, а я ёму́ тáки порáдку!“ Пишóў, тóго зйля навары́ў, даў му

ся паны́ты. Э-э, вжэ той за тры-чоты́ры годы́ны встае́, ходытъ, гэтъ здоро́ў. Тогды́ ёму да́лы па́ру ко́рциў збі́жа, па́ру ры́ньскихъ, ну, вжэ би́дный ся запомі́гъ. Тогды́ винъ ся вжэ взяў и до пани́ў личы́ты. Такі́й вжэ винъ найли́шный до́хторъ буў, найслаўні́йшый видъ уси́хъ. А таки́мъ ся на́помъ зробы́ў, паля́цы повыставля́ў, гро́ши, маєтки таки́, що и ди́дыча тако́го нэ було, якъ винъ.

Ажъ ту дальэ́ко дэсь ци́саръ захорува́ў. И той тогды́ пусты́ўся йи́хаты до то́го ци́сара. Цилы́й дэнь йи́хаў-йи́хаў, нигдэ́ нэ можъ було сэла́ зды́баты, ни ми́ста. И въ ночы́ вжэ йи́хаў бэ́зъ лисъ. Йи́хау, а тамъ здалэ́ку сьви́тытся сьви́тло. І́кажэ винъ тогды́ до фи́рмана: „Йи́дьмо тамъ, вжэ тамъ будэ́мъ почува́ты.“ И прыйи́хаў тамъ до то́го сьви́тла, тай гай зъ бры́чки, и идэ́ вжэ тамъ до то́и хаты́ны. Ды́вытся бэ́зъ викно́, а тамъ ти́лько сьвичо́къ горы́тъ, якъ на пэ́би зьви́зды, а́лэ нэ вси еднако: една вжэ догарае, друга и́но-що засьвиты́лася, а и́нчи до половы́ны, то якъ. И винъ ды́вытся, а тамъ сыды́тъ тота́ сама́ коби́та, що ёму́ диты́ну до хрэсту́ трымала. Тай винъ тогды́ кли́чэ, щобы́ ёму отворы́ла. Тай она́ вы́йшла и отворы́ла му. И винъ собі́ сиу́ ко́ло нэ́и тай сыды́тъ. Пыта́е йи ся за ти сьви́чки: що то е тако́го? А она́ ёму такъ повида́е: „Вы́дышь, ку́мэ, то сутъ всё лю́дськи ду́ши; тота́ сьви́чка, що и́но засьви́тытся тай за́разъ клы́нэ, то е душа диты́ны, що якъ ся уро́дытъ тай заразъ у́мрэ, на́вить цы́цьки нэ во́зьмэ ма́мынои; а тота́, що до половы́ны горы́тъ, то чолови́къ въ сэрэ́дныхъ лита́хъ щэ, щэ будэ́ жы́ты доу́го; а та, ка́жэ, що ца́лкомъ вы́горытъ, то вжэ стары́й чолови́къ, нэзадо́ўго вжэ ма́е ўмэ́рты!“ А винъ тогды́ пыта́ся: „Ну, колы́-жъ ту такъ ду́ши вси е, то кажы́, ко́тра е моя́ сьви́чка?“ А она́ ка́жэ: „Дывы́ся, твоя́ вжэ та́ки догара́е ца́лкомъ, ось щэ зъ мину́ту, тай згоры́тъ!“ Вэрта́йся, ка́жэ, наза́дъ до до́му, нэ йидь нигдэ́, бо тако́й на доро́зи умрэ́шь!“ А винъ ся взяў просы́ты, ка́жэ: „Я такъ пэ́ршэ бидува́ў, я нэ маў кусныка хлиба, тай жыў, а тэпэ́рь ма́ю таке́ на́нство, тай вмыра́й? Щэ щобы́-мъ, ка́жэ, хоть рикъ-два прожы́ў тай ди́ты пидхова́ў!“ „То́ ты, ка́жэ смэрть, ниць нэ поможэ, и́но ся вэрта́й, бо му́сышь ўмыра́ты!“

Тогды́ винъ ся назáдъ навэрнуў до дому. Тай прыйиждже́е до дóму, казáў склы́каты майстрúў: такé сы лúжко зробы́ты кáжэ, що якъ ногóў рýшытъ, то онó ся будэ́ обэртáты, кúлько хочь, чы разъ, чы два, абы́ úно ногóў рýшыў. И зáразъ захорувáў, то му зáразъ майстры́ лúжко зробы́лы, и винъ въ тимъ лúжку вжэ лэжы́тъ хóрый. И ды́вытся, а тотá кумá прыйшлá и сыды́тъ ёмý въ ногáхъ, вжэ хóчэ брáты. А той тогды́ рушыў ногóў, а то лúжко до нэ́и ся обэрнýло головóў, а туды́ ногáмы. Онá зноў нэрэйшлá въ нóгы и сúла, а винъ знóву покруты́ў и зноў прыйшóў до нэ́и головóў. И такъ мýчылася съ нымъ смэрть цилы́й дэнь. А потóму ўхóпыла го вжэ за шы́ю, задушы́ла тай кáжэ: „Ой, кýмэ, куда́ вэрты́, тудá вэрты́, трэ́ба ўмэ́рты!"

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

б). Такъ буў бúдный едэ́нъ чоловúкъ. Тай маў дитынý, ўрóдыла му жúнка. То винъ ходы́ў по кумы́, и нихтó нэ хотúў иты́ кýмыты. Понэсли́ до ксёндза хрэсты́ты, здыбáе винъ бáбу, а то смэрть була. А онá ся пытáе до тóго хлóпа: „Та чому́ вы инó бáба тай вы идэ́тэ до хрэсту́?" Винъ кáжэ: „Бо я бúдный чоловúкъ, то нихто нэ хотúў иты́!" Тотá бáба кáжэ до нéго: „То я пúду!" „Та ходи́тэ!"

Прыйшлы́ вжэ видъ хрэсту́ до дóму, тай засады́ў тоту́ кýмý за стиў, алэ ницъ нэ дае ўнúй ўнúсты ни пы́ты. Ажъ бáба кáжэ до нéго: „Та идúтэ, ґáздо, дáйтэ що́ ўнúсты тай пы́ты, ба а якъ-жэ-жъ?" „Зъ щы́рого бы-мъ вамъ сэ́рци даў, та нэмá ницъ, нэма на язы́къ що́ положы́ты!" „Идúтъ лышэ́ до комóры, тамъ е, кúлько хочь, а вы такъ кáжэтэ." Винъ пійшóў до комóры, а тамъ и вынó е, горúвка, мя́со, хлибъ. Тай винъ то ўнисъ до хáты, зачáў гóстыты. А онá кáжэ: „Я то ўнúсты нэ бýду, áни пы́ты, бо я, кáжэ, е смэрть! Вы́дышь, то я тобú дáла тúлько всéго, колы́ ты мэнэ́ заклы́каў въ кýмý; то щэ мы ся пидныши́, то бýдэшь мáты всéго маéтку мнóго, кúлько хóчэшь!" Тай винъ ўнúй ся пидныса́ў. Тогды́ онá кáжэ: „Я ти зрóблю дóхтоpомъ: то бýдэшь по слабы́хъ людёхъ ходы́ў, якъ я буду

въ головй, то будэшь казáты, що умрэ, а якъ въ ногахъ, то подýжае!"

То вжэ винъ такъ всэ ходыў съ нэў. Якъ дэ буў слабый хрэстьяныны, то всэ йихалы по нёго. Еднóму даў рáду, дрýгому, тай такый ся богáчъ зробыў вэлыкій, страхъ! Тай винъ исъ нэў хóдытъ тай ходытъ, тай разъ пытáеся ей: „Смэртэ, щó бы тобй зробыты, абы ты людэй нэ пожырáла?" А онá кáжэ такъ до нёго: „Мэнй бы нихтó ницъ нэ зробыў изъ людэй, хибá бы хто мэнэ спóсобомъ на чэрвóну яблоню высадыў и тэрнёмъ обложыў, то я бы вжэ, кáжэ, нйуды нэ злйзла!" Тай у нёго булá забáва вэлыка тай смэрть булá въ нёго. Винъ собй взяў тай вылизъ на яблинку тай клычэ до смэрты: „Кýмо, та ходитэ й вы на яблинку, туй выдно всё такъ фáйно, ходитъ!" Такъ смэрть вылизла на яблинку, а винъ борзэнько тай изліизъ, обложыў яблинку тэрнёмъ тай тамъ йи лышыў. Смэрть такá голóдна, що-сь два рóки сыдытъ на яблонци. Такá голóдна, такъ страхъ прóситъ ёгó: „Кýмэ, пусты мьи, бо я вжэ нэ мóжу дыхаты!" Алэ винъ йи нэ хотйў пустыты. Тогды онá до нёго кáжэ: „Якъ ты мэнэ пустышь, то бýдэ цилый сьвитъ твій." Тай онá злйзла и ёгó на сáмый нэрэдъ хотйла затяты. Тай кáжэ до нёго: „Я вжэ дýжэ зголоднйла, то мáю ся твоймъ тйломъ пожывыты, а крóвью напойты!" Алэ винъ ся щэ выпросыў на едэнъ дэнь жыты.

Тогды винъ сы зробыў таку колыску, такъ, що ся обэртáе. Якъ смэрть прыйдэ до головы, то винъ ся ногáмы обэрнэ. Тай всэ ся такъ обэртáў, а смэрть такá голóдна, що страхъ! А ту никóго нэ вóльно йій брáты, йно ёгó. Тай винъ всэ такъ робыў, що-сь чы тры рóки, чы штыры. А нотóму онá взяла тай зробыла такъ, абы винъ бйдный буў. Такъ збиднйў циўкóмъ, якъ пэршэ буў. Тай якъ вжэ такъ бйдный стаў, то йій ся тогды даў тай зáразъ ўмэръ. Тай вжэ тогды такъ людэ умырáлы, що-дня по двайцятэро, по трыйцятэро, такъ ся дужэ смэрть розйила. Тай такъ вжэ умырáють и до нынишнёго дня.

(Отъ Марiи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

8.

Солдатъ получилъ отъ Бога карты и сумку.

Такъ буу жоўняръ у войську. Виделужыў свое, що маў служыты, а потому щэ служыў за гроши дви капэталяцьи. Тай якъ виделужыў, тоты гроши ўзяў, тай пэ йшоў до дому, алэ такъ у карты програў вси гроши: пэ лышылося му ницъ, лышь една шустка му ся въ кэшэны затрясла, а винъ о ній пэ знаў. Тай винъ пишоў собі такъ по сьвити и банўс дужэ за тымы гришмы и Бога дужэ просытъ. И здыбалы его сьвяты й Пэтро и Павло и самъ Господь, вси тры. Тай прыйшлы вси штыры вжэ до воды, до такои вэлыкои, тай журятся: якъ-жэ мы ту пэрэйдэмо? А той жоўняръ зняў пантылёны зъ сэбэ тай кажэ: „Я васъ пэрэньсу!" Тай попэрэносыў усихъ трохъ.

Прыйшлы вжэ до корчмы, тай той жоўняръ зачаў шукаты по кэшэнёхъ тай найшоў тоту шустку. Взяў за нэи кватырку горйўки тай хлибэня, выпыу самъ тай частуе и йнихъ, тай ему ся здавало, жэ й оны пылы, а то винъ усю самъ выпыў. Тай ся розійшлы, а Пэтро кажэ: „Божэ, винъ такій бидненькій, а такій щырый: маў тоту едну шустку, тай щэ и насъ частуваў!" Алэ Господь кажэ: „Ну, що-жъ я ему маю даты, колы винъ ничого пэ жадаў?" Алэ ся зійшлы зноў съ тымъ самымъ ўразъ. Тай пытаеся го Господь: „Що-жъ ты жадаешь, добрый чоловичэ, за то, що ты насъ чэрэзъ воду пэрэйсъ тай есь насъ частуваў?" А винъ кажэ: „Ницъ пэ жадаю, лышь жадаю карты такй, абы-мъ дэ пишоў карты граты, абы-мъ уси гроши выграў!" Тай му Господь даў такй карты, алэ щэ зняў зъ сэбэ торбу и такой му даў. И кажэ: „Маешь тоты карты, якъ пидэшь, то вси гроши выграешь; а съ тоў торбоў то ся нигдэ ницъ пэ бій съ нэў, бо якъ бы тя хто хтиў быты, бы-сь торбу отворыў и казаў: гонъ до торбы! А зъ сэбэ, кажэ, абы-сь пйўды тоту торбу пэ зняў!"

Идэ винъ дорогоў, шморнўў у кэшэню, а тамъ штыры срибни мае у кэшэны: такъ му Панъ-бигъ даў. Прыходытъ до едного мйста, тамъ въ едним доми такъ паны карты грають, страхъ! И кажутъ ему паны: „Можэ хочь, диду, карты

граты?" —„Чому нье?" —Тай го взялы до сэбэ, винъ кажэ: „Я маю свои карты!" Якъ сталы граты, приграў винъ всё, нэ лышылося ёму зъ тыхъ штырохъ срибныхъ ницъ, лышь пять шустокъ щэ, всё програў. Винъ щэ тыхъ 5 шустокъ якъ поставыў, вси гроши выграў до сэбэ. Тай гралы щэ цилу добу, пригралы паны всё своё панство, а на остатку щэ на фирманы тай на кони поставылы, кажутъ: „Мусымо своё видограты!" Пригралы фирманы и кони. Винъ тогды спродаў то всё, що выграў, а самъ гроши забраў у кэшэню и пишоў сы. Тоты паны рада-въ-раду, кажутъ: „Ходимъ мы, ёго забьемо и видбэрэмо свою працю!" Пэрэйшлы оны ёго, засилыся быты, алэ винъ увыдиў тай кажэ: „Гопъ до торбы!" Поскакалы паны до торбы, а винъ якъ зачаў быты ихъ тамъ у торби! Оны ся просятъ: „Пусты насъ!" Пустыў ихъ, оны ся забралы тай пишлы.

Винъ прыйшоў такъ до еднoго пана, алэ той панъ кажэ: „Ту е въ мойимъ доми 24 биды, нэ можу сы рады съ ныымы даты. Якъ мы выжэнэшь ти биды, то ся будэшь съ моёў донькоў побыраты!" Винъ ся пытае: „Дэ ти биды сыдятъ?"—„Тутка запакувалыся въ еднимъ покойы!"—Винъ пишоў до того покою, кажэ: „Гопъ до торбы!" Биды поскакалы до торбы, винъ зачаў быты, гэтъ избыў всё на рону. Тай тогды винъ ся пибраў съ тоў донькоў, остаў вжэ паномъ.

Алэ прыйшла смэрть по нёго тай кажэ: „Ходы, вжэ ты часъ иты до дому!" А винъ кажэ: „Гопъ до торбы!" Смэрть ўскочыла до торбы, винъ зачаў быты, такъ избыў, лэдвэ щэ дрибку ныцыть. Тай тогды йи пустыў гэтъ, и она полэтила Тай той собы такъ жыў доўгый викъ, ажъ Господь кажэ до смэрты: „Иды вжэ по нёго, вжэ часъ!" Алэ смэрть кажэ: „Я нэ пиду, бо винъ дужэ бье!" Прыйшоў Господь самъ, тай го пхнуў на тамтой сьвитъ въ пэкло. Тамки зли его повыдилы тай кажутъ: „Що ты ту хочь у насъ? ты насъ тамъ быў, щэ й ту будэшь быты; забырайся, кажутъ, гэтъ видты!" А винъ кажэ: „Я ся забэру, лышэнь мы о-тыхъ сухариў дайтэ!" Далы оны му сухариў, вынисъ винъ зъ пэкла, а то ся поробылы души. Винъ тогды за тымы душамы пишоў, вжэ го Панъ-бигъ прыймыў съ тиломъ до царства.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

9.

Божій судъ.

Такъ булы два братьи: едэнъ буў бйдный, а другый богачъ. Тай бйдный нишоў до богача, абы му даў ишэныци на сьвятый вэчиръ. А той кажэ: „Робы на ишэныцю, я свои диты маю.“ Тай му нэ даў. Посидалы вжэ у того бйдного на сьвятый вэчиръ, а винъ кажэ: „Гэй-гэй! нэ знаты, чы дочэкаю до другого св. вэчэра? я того вэчэра ишэныци нэ йиў!“ Тай кажэ: „Господы, кобы ся мэнй ишэныця ўродыла, я бы й ёму щэ даў!“

Тай той бйдный умэръ, але му ся дужэ ишэныця ўродыла, а у того богача ся нэ ўродыла; а булы такъ побичъ на едній ныви. И богачъ кажэ до тои вдовыци: „То моя ныва, то ся на моїїй ныви ишэныця такъ ўродыла.“—„Та дэ твоя, та-жэ то моя ишэныця!“ Тай ся вжэ такъ на тій ишэныцы грызутъ. Винъ кажэ: „моя“, а она кажэ: „моя.“ Ажъ той кажэ: „Почкай, нидэмо заўтра вэчиръ на ныва: якъ будэ ся що обзываты, чыя то ныва, то будэ або твоя, або моя.“ А винъ взяў свого сына тай закопаў тамъ на ныви въ зэмлю, таку яму выкопаў. „Абы-сь, кажэ, якъ я ся буду пытаты: „чы то моя ныва?“ казаў: „твоя,“ а якъ она ся будэ пытаты, то абы-сь казаў, що то нэ сїй.“

Тай оны выйшлы, а вдовыця кажэ: „Божэ, Божэ, чыя ишэныця?“ А той хлопэць зъ ямы кажэ: „То нэ твоя!“ Ажъ той ся богачъ пытае: „Божэ, Божэ, чыя ишэныця?“—„Твоя!“

Выходытъ богачъ другои дныны, хочэ хлопця видкопуваты, а хлопця нэма. А хлопэць ся зробыў кэртыноў тай доныни рые.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

10.

Нива богатаго и бѣднаго.

Було два брáтьи и мáлы богáтство тай ся подилы́лы тымъ богáтствомъ. Стáршый братъ сíе, тай му ся родытъ, всэ зъ коны́ выдаé корэць. А молóдшому ницъ ся нэ хочэ родыты, тай нэ мáютъ щó йисты ёгó дíты. Тай винъ за кíлька рóкиў спродаў всё свому брáту. А видтáкъ пишóў до тóго брáта тай хочэ ся наймы́ты за слугу. Алэ братъ нэ хотíў го прыймы́ты тай щэ кажэ свóимъ слýгамъ: „Возьмíтъ, найлютíйши псы видопнíтъ, най го роздэрýтъ!"

Той пишоу до дому, такъ плáчэ, тай кáжэ до свогó áнгола: „Иды́, спытáйся до Господа Бóга, що я тэпэ́рь бýду робы́ты?" Анґэлъ пишóў до Гóспода и ёму такъ Господь сказáў: „Иды́ и кажы́ му, най идэ́ до свóго брáта молоты́ты, лышэ́ за таку заплáту, щó му упáдэ за ходáкъ пшэны́ци." Тай той пишóў и го братъ прыймы́ў. Молоты́ў винъ цилы́й рикъ, намолоты́ў пры́горщу пшэны́ци. Тогды́ винъ прыйшóў и пытáеся áнгола. „Иды́, кажы́ до Гóспода Бóга, що я тэпэ́рь бýду робы́ты съ тоў пшэны́цэў?" Гóспод кáжэ: „Иды́, най му богачъ дасть тíлько ны́вы, абы́ засíяты ту пшэны́цю." Тай той пишóў до свóго брáта просы́ты ны́вы на ту пшэны́цю. Тогды́ братъ зачáў ся съмíяты зъ нёго, гадáе сы: що винъ тоў пры́горщэў пшэны́ци засíе? Тай кáжэ: „Ну, иды́, вы́бэры сы що найбíльшу ны́ву." Винъ пишоў, зачáў сíяты, сíяў тоту пшэны́цю цилы́й дэнь и щэ му ся лышы́ла цилá пры́горща, що сы заробы́ў у брáта. И потóму егó ся братъ пытае: „Цы засíяў-есь пшэны́цю?" Винъ кáжэ: Засíяў-емъ цилу вэлы́ку ны́ву и щó мы ся та пры́горща лышы́ла". Тогды́ братъ пишóў, подывы́ўся: засíяна вся ны́ва.

Тай тому бíдному така ся пшэны́ця файна показáла зъ зэмлй, а въ того богачá вжэ нэ такъ зроды́ла. Тогды́ богáчъ кáжэ: „Я тобí тóи пшэны́ци нэ дамъ, ты сы возьмы́ мóю!" Тогды́ винъ пишóў до áнгола свого: „Иды́ ся пытáй до Господа, щó я тэпэ́рь мáю робы́ты?" Гóспод кáже: „Кажы́ му, най винъ бэрэ́ ту пшэны́цю." А самъ спусты́ў Господь градъ и вы́бы́ў тóго бога-

ча́ пшэны́цю, тоту фа́йну, що видобра́ў бі́дному. Тогды́ бога́чъ ка́жэ: „Я тэпэ́рь то́п пшэны́ци нэ хо́чу, возьмы́ сы наза́дъ сво́ю!“ Тогды́ Го́сподь зача́ў дощь спуща́ты на то́го бі́дного пшэны́цю, що гра́домъ була́ побы́та, тай тота́ пшэны́ця ста́ла дэ́сять разі́ў ли́ша, нижъ у бога́ча.

Тай видтогды́ зача́ў той бога́чъ бидни́ты, а той бі́дный зача́ў богати́ты. Тай стаў ци́дычомъ той бі́дный, а той бога́чъ му́сиў ить за жэ́бранымъ хлі́бомъ. Тогды́ той жэбра́къ прыйшо́ў просы́ты слу́жбы у сво́го бра́та. Алэ той подилы́ўся съ нымъ ґрунтомъ и прыймы́ў го на сво́е господа́рство.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

11.

Кровосмѣситель.

Бу́лы стари́ лю́дэ, нэ ма́лы дитэ́й. Тай ду́жэ Бо́га просы́лы, абы́ имъ На́нъ-бигъ дитэ́й даў. Алэ пото́му ба́ба зайшла́ въ тяжъ и ма́ла вжэ роды́ты. Тай въ ночы́ прылэ́тилы а́нгэлы тай ка́жуть: „Якъ бы дитына бу́ла въ тій годы́ни, то́ бы бу́ла вэлы́кимъ богачо́мъ“. Алэ дитына ся щэ нэ уроды́ла. Тай пото́му зноў прылэ́тилы тай ка́жуть: „Якъ бы ся тэпэ́рь дитына ўроды́ла, то витця́ за́бье, а съ ма́тирью ґаздува́ты бу́дэ.“ Тай тогды́ ся хло́пэць уроды́ў, але́ стары́й отэ́ць ся дужэ засмуты́ў, бо винъ чуў, що а́нгэлы говоры́лы. Та жи́нка ёго́ ся пыта́е: „Ты чого́, чолови́че, та́къ-есь ся засмуты́ў?“ —„Бо а́нгэлы каза́лы, ка́жэ, жэ той хло́пэць мэнэ́ за́бье, а съ тобо́ў ґаздува́ты бу́дэ.“

Тай тогды́ оны́ взя́лы, вы́льялы зъ воску скры́ню, тай тоту дитыну положы́лы въ скры́ню, тай замклы́, тай прыбы́лы напи́ръ, жэ хло́пцёвы имя́: Грынь. Тай пусты́лы тоту скры́ню на Дуна́й. И прыплыло́ то дэсь на другэ чы на трэ́тэ сэло́, тай та́мки го йимы́лы. Тамъ бу́ў едэ́нъ ґа́зда, то сы купы́ў тоту дитыну тай даў дитыну до ма́мки.

Вы́плэкалы, тай вжэ вы́рисъ, пастухъ ся зробы́ў. Тай винъ пасъ това́ръ, а ди́ты му разъ ка́жуть:

„Потоплэ́нныку, иды́ товáръ завэрны́!" Винъ прыйшо́ў до дому тай кáжэ: „Тáту, чому́ мэнэ́ такъ ди́ты называ́ютъ потоплэ́нныкомъ?" А той кáжэ: „Бо я тэбэ́ купы́ў, тэбэ́ йимы́лы на води́, я́къ-есь въ скры́ны плыў". Тогды́ винъ кáжэ: „Заплати́тъ мы за той часъ, що я туй робы́ў, най я соби́ йду гэтъ, абы́ мэнэ́ нэ прозывáлы потоплэ́нныкомъ." Винъ ёму заплаты́ў, тай хло́пэць пишо́ў.

Прыйшо́ў до ми́ста тай сы купы́ў фузью. Тай прыйшо́ў до само́го то́го сэлá, дэ его отэ́ць бу́ў, до ко́рчмы. А тáмка въ корчми бу́ў его отэ́ць, áлэ оны́ ся нэ знáютъ обá. А его́ отэ́ць ся дужэ мастный зробы́ў, вжэ й пáсику мае, áлэ му всэ хо́дытъ дыкъ до пáсики мидъ йи́сты. Тай винъ кáжэ въ корчми, що въ нэ́го дыкъ до пáсики ходытъ, а той хло́пэць кáжэ: „О-то́, я ни́ду на нэ́го на полювáнье!" Тай пишо́ў до той пáсики ныльнувáты. А самъ отэ́ць пишо́ў до хáты тай кáжэ до жи́нки: „Ирыви́ўемъ сы якого-сь подорожного панычá, казáў, жэ ды́ка зáбье въ пáсици". Алэ жи́нка кáже: „Иды́-йды, отъ, нэ́ўнэ якій-сь зло́дій, можэ й стрляты нэ вмíе. Ану, кáжэ, завы́ньсь въ кожухъ тай лизь до пáсики, чы́ ты що зробытъ?" Винъ ся завы́ў у кожухъ, поли́зъ у пáсику тай всэ гуркоты́тъ. А той сы паладовáў фузью, стри́лыў тай витця́ зáбыў, гадáў сы, що то дыкъ Входытъ до хáты и кáжэ до ґаздыни, жэ ды́ка зáбыў. А онá вжэ пицъ нэ казáла ёму. Выхо́дятъ рáно, а то винъ ґáзду зáбыў Ґáзду поховáлы, а пото́му оны́ обóе рáзомъ ґаздувáлы цилы́й рикъ, на вьеру сыди́лы. Ажъ у рикъ оцá ся его пытáе: „Що ты е за едэ́нъ?" А винъ кáжэ: „Я плыў на води́, а мэнэ́ едэ́нъ ґáзда взяў, зъ мало́и дитыны выплэкау, алэ потому-мъ пишоў гэтъ, якъ мы ґáзда сказáў, що я нэ ёго сынъ". Тогды́ оцá кáжэ: „Та то ты е мій сынъ!"

Винъ тогды́ пишоу до коваля, казáў сы зробы́ты зали́зный обручъ, забы́ты на голову и прыбы́ты у го́лову штырма цьвёкамы. Тай тогды́ такъ забрáўся и пишоў. Ирыдорези здыбаў капли́цю тай тамъ пишоў до той каплы́ци и цилы́й рикъ нэ мы́ўся, нэ йиў, лышь ся Богу молы́ў. Тай въ рикъ розскочы́ў му ся на голови́ обручъ, тай вжэ винъ ся зробы́ў съвяты́мъ, тай тáки съ ти́ломъ взяў го Богъ до цáрства.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

12.

Заколдованный охотникъ.

Буў едэнъ злйсный, ходыў по лйси. И дужэ быў такъ дэ-що, цы зяяця, цы що, що пидъ руки. Алэ разъ ёго чортъ нэрэбйгъ тай кажэ ёму: „Ты що дужчэ будэшь быты, алэ, кажэ, якъ будэшь браты прычастые, то абы-сь тото плюнуу въ руки и выписъ у лисъ на дуба и въ тото будэшь стрилятъ. Якъ, кажэ, въ тото стрйлышь, то потому що дужчэ будэшь всё быты.“

И винъ такъ зробыў. Пишоу до сповиды и высповидаўся и браў прычастые. И браў и плюнуу въ руку тото прычастые. Тай взяў сы стрильбу и пописъ тото въ лисъ и тамъ положыў на дуба, у самый вэрхъ межы гыльє. И взяў тогды въ тото стрилятъ и стрйлыў. Алэ тогды му ся такъ стэмэнйло въ очахъ и того вжэ гы нэ выдиу. И такъ потому зійшоў зъ розуму, нэ спамятаўся, дэ винъ е.

И винъ такъ ходыў, гы дурный, по лйси и бье рйжнэ, алэ що ўбье, нрыходытъ дъ тому, а ту нэма нидъ. Симь литъ такъ ходыў по лйси. А въ 7 литъ такъ булы едной дны ны дўжэ дощй, грымоты, блыскае дужэ, алэ винъ собй стаў за дуба тай стойтъ, дывытся. Тай увыдиў таку плытку на земли, а зъ-пидъ той плытки всэ такій малый чортъ выхопытся тай ся глумытъ всэ до того, що блыскае. Алэ той злйсный прыдывыўся тай собй стрильбу палядыў тай у того чортыка баўхъ! Тай забыў ёго. Тай тогды йдэ дъ тому вжэ коло тои плытки лышэ ропа. Алэ тогды вжэ такъ ся выяснило, зробылося на дворй файно.

И винъ тогды вжэ пропамятаўся, жэ винъ въ лйси блукае и жэ такъ и такъ зробыў. Тай пишоў вжэ до дому, вжэ тогды низнаў дорогу. Тай пишоў видрізу и высповидаўся и вжэ тогды буў зноў такъ, якъ ёнчи людэ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

13.

Великій грѣшникъ.

Буў едэнъ купэцъ тай винъ гандлюваў по цилимъ краю. мало колы й дома буў, всэ йиздыў. И винъ вжэ добрэ знаў свою дорогу. А разъ въ ночы йидэ тоў дорогоў самоў, а тамъ му ся така вода зробыла, Дністръ, що й пэрэйихаты нэ можна. А тамъ николы жаднои воды нэ було, ажъ тэпэрь. И винъ злизъ, а ту пэрэдъ нымъ така вода шумыть, и винъ тогды кажэ: „Ой-ой-ой, кобы мэнэ звидсы хто выратуваў, вжэ бы-мъ му нэ-знаты-що даў!“ Ино винъ то вымовыў, заразъ ся коло нэго зъявыў панъ. Тай той панъ кажэ до нэго: „Я тя выратую, але ты мэни мусышь то даты, що ты маешь у дому, але нищъ о тимъ щэ нэ знаешь.“ А винъ сы гадае: „Що-жъ, я о всимъ, що маю, добрэ знаю, и худобу, и збижэ, и чэлядь; а то, що нэ знаю, най винъ соби тото возьмэ.“ И винъ ёму тогды тамъ пидпысаў, що му то дае, що е въ доми, а винъ ёго нэ знае. Тай той го выратуваў чэрэзъ воду и винъ пойихау сы дали. Вэртае винъ вжэ назадъ тоў дорогоў до дому, а тамъ така дорога чыста и рыўна, нэма вжэ нигдэ воды.

Прыйихаў до дому, оповидае жиници свою оказью, а жинка му тогды кажэ: „Ой, злэ ты зробыў, злэ! Ты нэўно запысаў му тоту дитыну, що я буду маты.“ Бо она за той часъ зайшла въ цьенжы. И прыйшоў вжэ той часъ, народыўся хлопэцъ. Такъ той хлопэцъ ростэ, якъ зъ воды. Даў го вжэ тато до школы, такъ ся винъ ўчыть, такъ ся ўчыть, надъ усй школярй. Вжэ ся выучыў гэтъ-гэтъ, вжэ туй-туй мае выйты за кеёндза, а ту ани-рушъ, остатныхъ слиў нэ годэнъ ся доўчыты. А ему ся въ сни прысныло, що винъ ся нэ выўчыть николы на кеёндза, бо винъ щэ въ мамынній утроби запысаный дійяволовы, то нэ годэнъ буты кеёндзомъ. Прыйиздытъ винъ до дому, повидае татовы, що нэ годэнъ ся доўчыты и що му ся въ сни прысныло: що то въ тимъ е? А тато взяў и повиў му всю правду. „Нэ знаў-емъ, кажэ, що то тэбэ, тай запысаў-емъ скусьныковы.“ Тогды винъ йидэ назадъ до мисто, радыться кеёндзиў, що ёму тэпэрь робыты? Обрадылыся оны тай кажуть: „Таку бы найтвэрдшу воду, якае, осьвя-

ты́ты, тогды́ возьмэшь тоту воду и пи́дэшь до того чо́рта по пысьмо́." Вжэ му пови́лы, якъ ма́е йты, всё.

Тай винъ взяў тоту во́ду и пишоў до того ми́сця, дэ е тоти́ дія́волы. Прыйшоў тамъ, покропы́ў тоў тве́рдоў водоў, и за́разъ му ся отворы́лы едни́ двэ́ри, и други, и трэ́ти двэ́ри. Взяў тамъ кропы́ты тоў водоў чорти́ў, а той найста́ршый чортъ вжэ му просыться: „Що хочэшь, то ты дамо, йно насъ нэ нэчы́ такъ." А винъ ка́жэ: „Ницъ нэ хочу, йно мы то пысьмо видда́й!" За́разъ му той пысьмо видда́ў. Прыйиждка́е вжэ до дому, сказа́ў та́товы, а потому пойи́хаў до ми́ста, вы́ўчыўся вжэ до киньця́ и стаў за ксёндза.

И буў вжэ ксёндзомъ. Тра́фылo му ся такъ разъ, въ дорогу йи́хаў. Йи́дэ бэзъ дэнь, до ни́ўночы, и нигдэ нэ можэ сэла́ здыбаты. Ажъ ды́вытся, въ ли́сн е хатчы́на и тамъ сьви́тытся. Винъ тамъ прыйиждка́е до того сьви́тла тай до ха́ты пишоў. А тамъ стара́ кобі́та сыдытъ на ла́вци. Низна́ла, жэ то ксёндзъ, тай ка́жэ: „Ой-ой, то вы ту, сэ́мость, дужэ злэ тра́фылы до тои ха́ты!" А тамъ гайдама́хи жы́лы въ тій ха́ти. И якъ она то говорытъ, прыходытъ той найста́ршый гайдама́ха. Тай тота́ стара взяла просы́ты ёго, эбы́ вжэ того ксёндза нэ за́бы́ў. А той ка́жэ такъ до ксёндза: „Якъ мы дашь розгришэ́нье, то тя пущу, а якъ ни, то тя за́бью!" Тогды́ ксёндзъ пыта́е го ся: „Ну, пови́дкъ-жэ ты мэни́, яки́ ты грихы́ на съви́ти заробы́ў?" А винъ ка́жэ: „Я вжэ видъ пятнайцятого року зачаў-емъ гайдама́шыты". Тай взяў повида́ты, ки́лько винъ людэ́й за́бы́ў, бэзъ ли́ку, дэ кого здыбаў. Тай ка́жэ: „А я щэ й та́та и ма́му за́бы́ў! О-тоу на́лыцэў всп-мъ людэ́ побы́ў, тоў самоў!" И ксёндзъ тогды взяў его и ка́жэ: „Ходы́-жъ ты зо мноў!" И видви́ў го 20 кро́ку видъ тои ха́ты и казаў му тамъ тоту на́лыцю и ха́ты въ зэ́млю, ки́лько можэ. И тогды́ му ка́жэ такъ: „Тэпэ́рь ма́ешь ту тоту на́лыцю и дылываты, и якъ она́ ся пры́йме и я́бка зродытъ, тогды́ ты дамъ розгришэ́нье." Тай по тимъ ксёндзъ взяў тай пойи́хаў.

Дэсь такъ за 10 литъ тра́фылося тому ксёндзу зноў разъ йи́хаты тоў самоў дорогоў, дэ той жыў гайдама́ха. Йи́хаў тамда́, а о тимъ гайдама́ци и о на́лыцы вжэ й забуў. И помынуў тоту ха́тку. Ажъ ту въ ли́сн такъ я́блока на́хнутъ, я́къ бы дэ въ сади́. Тай ксёндзъ тогды

кажэ до фи́рмана: „Стань-но!" Ста́нуў.—„Зли́зь-но, ка́жэ, подывы́ся, що то за я́бка?" Той злизъ, пишо́ў, а тамъ е такі́ фа́йни я́блока, а пидъ я́блонэў сыдытъ сы́вый дидъ, такі́й вжэ стары́й, що ся ажъ трясэ́. И той прыхо́дытъ фи́рманъ, повида́е ксёндзовы. „Е тамъ фа́йни я́блока, а пидъ дэ́рэвомъ сыдытъ якій-сь дидъ стары́й, сы́вый, якъ голубь." Той тогды́ ксёндзъ нагада́ў сы за то́го гайдама́ху, зирва́ўся зъ воза тай ицъ вжэ до того ди́да. А то та па́лыця ся прыймыла тай зроды́ла я́бка. Тай ксёндзъ тамъ прыйшо́ў, а той дидъ ка́жэ: „Ой, то я доўго на васъ, е́домость, чэка́ю."—„Вставай, ка́жэ му ксёндзъ, трясы́ тоти́ я́бка!" Винъ тогды́ взяў, якъ потря́съ, вси я́бка облэ́тилы, и́но дви я́бци ся лышы́лы. И трясэ́, и трясэ́, ни́цъ нэ хочутъ упа́сты. Тогды́ ксёндзъ ка́жэ: „О, вы́дышь, то ты Ма́нъ-бигъ вси грихы́ видпусты́ў, и́но та́та й ма́му нэ видпусты́ў". Тай тогды́ взяў, вы́сповидаў го, и тогды́ зъ нэ́го ся вжэ стаў и́но порохъ.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

14.

Панщина.

Даў хлопъ сы́на ўчы́ты до школы. И всэ тамъ возы́ў ри́жного, хли́ба, муки́, гроши, и всэ каза́ў: „Учи́тъ го, та нэ бы́йтэ!" И такъ 15 литъ ўчы́ўся той сынъ въ ми́сти. И тамъ ёго ницъ нэ бы́лы, и винъ ничого нэ ўмиў. Якъ вжэ тоти́ лита́ вы́йшлы, що вжэ тамъ вси покиньчы́лы свойи́ шко́лы, тогды́ и ёго́ вжэ выганя́ютъ, а винъ ничо́го нэ ўмі́е, ницъ-а́ни-разъ. Тогды́ прыйшо́ў винъ до та́та. Буў до́ма ми́сяць, а́бо й два, робы́ты дома ницъ нэ ро́бытъ, бо нэ ўмі́е ницъ, зма́лэньку нэ буў цры ґоспода́рстви. До службы жа́дной такожъ нэ можэ йты, бо ницъ пысьма́ нэ зна́е. То забра́ўся, пишо́ў гайдама́шыты.

Пишо́ў сы въ лисъ и тамъ, якъ лю́дэ йшлы зъ торгу а́бо що, то рабува́ў и здыра́ў зъ ныхъ всё. И такъ ходы́ў-ходы́ў лиса́мы ки́лька литъ, тай зноў разъ вы́йшоў пидъ то сэло́, до ёго та́то буў. А та́то тогды́ акура́тъ буў въ ли́си.

пойнхаў собі за дрова́мы. И тамъ ся обыдва́ здыбалы въ ли́си. Сынъ та́та низна́ў, а той вжэ ёго́ пье. Тай сынъ взяў крыча́ты на старо́го, якъ-бы якы́й лисны́чый: „Що́ ту хо́дышь по ли́си, чого́?" А стары́й взя́ўся просы́ты: „На́ноньку, я за патычомъ шука́ю, я пицъ!" Про́сытся. Алэ той ганьбы́тъ-ганьбы́тъ, а пото́му ка́жэ: „Я тэбэ́ за́бью!" А да́ли вжэ ка́жэ: „А ты зна́ешь, що я твій сынъ, а ты мій та́то?" „Ну, ка́жэ стары́й, то я твій та́то, а ты мэнэ́ за́бьешь?" Ка́жэ винъ тогды́ до старо́го: Абы́-сь знаў, що тя за́бью! За то́е тя за́бью, що ты всэ каза́ў въ школи, абы́ мэнэ́ нэ бы́лы!" Отъ-тогды́ той стары́й ка́жэ такъ: „Та ходы́ до до́му, е тры ґрунты, бу́дэшь ґоспода́рыў, нащо тобі́ по ли́си ла́зыты?" Алэ той ка́жэ: „А я́къ-жэ я тэпэ́рь буду ґоспода́рыў, колы́ нэ учы́ўся? вжэ за ни́зно!" Тай взяў тогды́ старого, прыви́ў до гра́ба, тако́го, що щэ тонкы́й буў, миркува́ў сы, абы́ стары́й мигъ го прыгнуты до зэмли́. Тай той стары́й того грабка́ прыгну́ў до само́и зэмли́. Прыви́ў го тогды́ сынъ до грубого гра́ба, а́лэ стары́й му́чытся-мучытъ, нэ можэ вжэ прыгну́ты. Тогды́ сынъ ка́жэ до нэ́го такъ: „Отъ, дывы́ся, то́нкого-сь прыгнуў, а грубого ни; а ты мэнэ́ за-ма́лку пицъ нэ у́чыў и щэ дру́гымъ нэ дава́ў учы́ты, а тэпэ́рь хочешь, абы́ я ся браў до ґоспода́рства?" Тай тогды́ взяў, на́лыцэў тара́хнуў, тай за́быў та́та, загрэба́ў та́та пидъ лы́стье. Тай по тимъ щэ такъ пять литъ ходы́ў по лиса́хъ, гайдама́шыў. Тай щэ наконэ́цъ йнхаў чэ́рэзъ той лисъ ксёндзъ, тай винъ тамъ щэ того ксёндза за́быў.

А вжэ по́тимъ му ся змэ́рзыло и вжэ нэрэста́ў гайдама́шыты. Тай тогды́ пишоў такъ до двора́ тай стаў въ дворі́ служы́ты. И разъ го панъ нисла́ў съ ко́шомъ до ми́ста по мя́со. Винъ прыни́съ, поставыў у кухны тай вы́йшоў. Бэрэ́ ку́харъ мя́со, хо́чэ вары́ты, а ту мя́са нэма́, и-по ксёндзова голова́ ся зробы́ла зъ того мя́са. Иду́ть за нымъ: що таке ста́лося? Винъ ка́жэ: „Та́-жэ-мъ мя́со фа́йно прыни́съ, якъ ма́е буты". А то ёму́ такъ Па́нъ-бигъ нэрэ-мины́ў на ксёндзову голову, грихы́ му ёго прыга-да́ў. Взя́лы ёго́ тамъ прытыска́ты, тай винъ ся прызна́ў, вжэ нэ мигъ ся видныра́ты. Розпови́ў всё: „Ти́лько, ка́жэ, убы́ў-емъ люда, й та́та, а вжэ на сами́мъ кинцы́ того ксёндза, та́й вжэ-мъ тогды́ нэрэста́ў гайдама́шыты." Посклыка́ў тогды́ панъ ра́ду,

ксендзйў. пáнство: що бы съ нымъ тэпэрь робыты, яку бы му кару дáты? Взялы судыты, такъ му ўсудылы таку кáру: такй тóрбы му казáлы ўшыты шкиряни и тилько въ ныхъ каминя наклáсты, абы йно мигъ тягатыся съ тымъ по сьвити. И прывязáлы му ти тóрбы на плэчи мотузáмы зъ бáйволиў и кáжутъ такъ: „Носы-жъ ты ти тóрбы такъ доўго, поки оны сами нэ облэтятъ; якъ вжэ облэтятъ сами, тогды вжэ мáешь розгришэнье за твой грихы!"

И винъ такъ ходыў съ тымы торбáмы по сьвити вжэ пять литъ. Тай тогды до еднóго сэлá трáфыў, и въ тимъ сэли булá слáбисть. И тамъ тилько людэй поўмырáло, що и пáнщыны пáновы нэ видбулы. И панъ зо-злóсты чэрэзъ то набыў гумэнного, а той пишоў до корчмы тай ся паныў горйўки и потому пишоў на цмынтарь и бье пáлыцэў по гробáхъ, гонытъ мэрлыхъ на пáнщыну. А той надійшоў съ торбáмы тай ся дывытъ на тотó. Тай гадáе сы: „А то що? вжэ-мъ тилько сьвита зійшоў, а щэ-мъ нэ выдиў, абы хто мэрлыхъ на пáнщыну гоныў; досыть, кáжэ, вжэ мáю грихйў на душы, алэ вжэ тóго нэ вытрымаю, щэ й того зáбью!" Идэ прóсто на цмынтарь, тарáхъ, и того зáбыў. Якъ ёго зáбыў, тогды зъ нэго вжэ торбы пообливáлы, а зъ нэго самóго зробыўся йно пóрохъ, ницъ нэ було ни костэй, ни тила, всё ся въ землю розсыпало. Такъ му Панъ-бигъ даў розгришэнье що на тимъ сьвити.

(Отъ Луця Сгрука въ Борусовѣ.)

15.

Когда лучше страдать: съ молоду или на старость?

Такъ булы богáцьки дйты и ся обое пожэнылы. Старй побудувáлы ихъ, дáлы имъ тамъ худобу, дэ-що, алэ оны нэ моглы ся ничого доробыты: худоба имъ гыбла, всё въ долыну имъ пáдало. Тай оны циўкóмъ збиднйлы, до разу, жэ вжэ нэ мáютъ чымъ жыты, бо вжэ нэ хотятъ ихъ

запомагаты витцй. Зибрáлы оны́ ся и пишлы́ до ворожки. Тотá ворóжка самá нэ казáла, áлэ свóго ворожбы́та мáла въ комóри. И пытáе ихъ ся той ворожбы́тъ: „Въ котрúмъ вику оны́ хотя́тъ бидувáты?" Винъ повидáе: „На стáристь". Алэ жи́нка нэрэхóпыла тай кáжэ: „Я нэ хóчу на стáристь, хто насъ бýдэ заходы́ты на стáристь?" „Або въ сэрэ́днимъ вику". кáжэ чоловúкъ. Алэ жи́нка нэ хочэ и въ сэрэ́днимъ.—„Въ молодúмъ вику, кáжэ, хочу бидувáты!"

Забрáлы оны́ ся и пишлы́ въ сьвитъ. И ходы́лы собú, кошыки плэлы́ такъ изъ прутья, абы́ жы́лы. Такъ оны доýгый часъ жы́лы. Алэ йдутъ оны́ гостынцéмъ, такъ надйи́хаў панъ, ёмý сакéўку-грóши вэргъ, а жи́нку ўхопыу на визъ тай пойи́хаў. Зистáў винъ ся тогды́ самъ-едúнъ, áлэ всэ тоты́ гроши съ собоў несытъ, абы́ нэ згубы́ў. Алэ лягъ воды́ пыты, сакéвокъ положы́ў коло сэбэ, прылэтúў крукъ, хопыў грóши и полэтиў. Хóдытъ винъ такъ по сьвúти бидный бэзъ доýгый часъ. И прыходытъ до едного мúста, а тамъ майштрúў дванáйцять будуе димъ. Мэжы ты́мы майштрáмы едúнъ найстáрший; якъ той найстáрший нэ рóбытъ, и оны́ нэ рóбятъ. Винъ кáжэ: „Можэ бы я съ вáмы що робы́ў?" —„А що-жъ ты ўмíешь?"—„Майштровáты нэ умíю."—„То що-жъ будэшь робы́ты?" — „Бýду вамъ файкú запикáты." „Що-жъ ты за то хóчэшь плáты?" А винъ кáжэ: „Такъ, абы́-мъ жыў." Оны́ ёго прыймы́лы. Такъ винъ ся ды́вытъ, якъ оны́ то рóбятъ, учытся за ны́мы. Дэ-сь найстáрший мáйнитэръ нишóў на забáву, а другú вжэ ницъ нэ робятъ. Винъ тогды́ кáжэ: „Йой, лю́дэ, якъ вы дармустэ!" А оны́ ёму кáжутъ: „Отъ, закуры́ фáйку тай покажы́ намъ дорогу!" Винъ тогды́ вы́лизъ на дахъ, зачáў робы́ты. Такъ ся той дахъ дужэ ўдаў, жэ що такóго даху нэ було. Выхóдытъ той найстáрший зъ забáвы, ажъ ся забýў. „Хто тото такъ изробы́ў?" Оны́ повидáютъ: „Той намъ показáў, що файкú запикáе." Винъ повидáе тогды́ до нéго: „Но, то робы́ты тэнэ́рь съ нáмы!" Рóбятъ оны́ такъ по мúсти фуртъ, будуютъ.

Прыходятъ оны́ до едного мúста, до того пáна, що тамъ ёго жи́нка бýла. Алэ винъ ей нэ знáе, а онá ёго нэ знáе, бо вжэ доýгый часъ. Въ тóго пáна мáлы стáвыты двиръ, áлэ дубы рубáты пишлы́ самú въ лисъ. Рубáютъ оны́ дубы, порубáлы. Алэ той увúдиў що едного дуба звúдного (такóго, що е два верхú) и кáжэ: „Що тóго дýба трэба". Винъ зрубáў,

тай дубъ упа́у, а тамъ гро́ши его́, тоты́ съ сакéўкоў лэжа́тъ. Винъ узя́ў, ка́жэ: „То мой гро́ши!" Прыходятъ до того́ па́на, а́лэ той панъ поййхаў на заба́ву, на дру́гэ сэло́. И тоты́ повида́ютъ майнтры́ до тои па́ни, жэ той найшоў гро́ши у ли́си. А она́ до нёго такъ повида́е: „Якъ то твой гро́ши?" Алэ винъ ка́жэ: „Гро́ши мой!" Тай рознови́ў йій всё, якъ ему панъ ти гро́ши вэргъ, а жи́нку ўзяў, тай тоты́ гро́ши потому крукъ хо́пыў тай поши́съ. А она́ тогды́ вста́ла, ка́жэ: „Колы́ то такъ твой гро́ши, то ты мій чолови́къ!" Ры́ходытъ зъ другого сэла́ ви́домость, жэ панъ та́мой на заба́ви ўмэръ. И опы́ ся вжэ обое та́мой въ тыхъ до́брахъ зиста́лы и γаздува́лы.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

16.

Какъ чертъ соблазнилъ праведника въ церкви.

Буу одэ́нъ па́рубокъ, котры́й маў 20 литъ и нэ буу а́ни ра́зу въ цэ́рквы. Зача́лы лю́дэ гудкува́ты, що таки́й вэлы́кый, а до цэ́рквы нэ хо́дытъ. Отэ́цъ и ма́ты напэ́рлы на нэ́го, щобы́ конэ́чно ишо́ў до цэ́рквы. Послу́хаў винъ отца́ и ма́тэры тай зибра́ўся до цэ́рквы. Трэ́ба бу́ло нэрэходы́ты чэ́рэзъ во́ду, а́лэ винъ нэ ззува́ўся, а та́ки нэрэйшоў чэ́рэзъ вэрхъ воды́ и нэ замочы́ў ходаки́ў. Ры́йшоў у цэ́рковъ, ста́нуў соби́ зъ-боку тай щы́ро ся Бо́гу мо́лытъ. Посходы́лыся и лю́дэ, ры́йшоў ксёндзъ, зача́лася служба-бо́жка. Ажъ ту вы́лизъ изъ кутыка чортыкъ съ воловоў ски́роў и зача́ў на ній всё запы́суваты, що лю́дэ робы́лы: якъ ся съмія́лы, одни́ другыхъ обмавля́лы, обзыра́лыся на вси боки́ и т. и. Такъ до́ўго запы́суваў, ажъ му и ски́ры нэ ста́ло. Тогды́ чо́ртыкъ ры́ступы́у ски́ру нога́мы, а другый конэ́цъ взяў у зу́бы и хоти́ў ей натягну́ты, щобы́ бу́ло би́льшэ ми́сця, а ски́ра вы́хопыла му ся изъ зуби́ў, и винъ нэрэвэрну́ўся горпы́цъ. Той па́рубокъ нэ мигъ вы́трыматы тай засьмі́ўся тай ужэ нэвы́диў би́льшэ чортыка. Якъ ся

слу́жба-бо́жа скиньчы́ла, вэрта́ется до дому, хочэ знову пэрэйты́ воду чэ́рэзъ вэрхъ, а́лэ упа́ў ужэ́ по са́ми колі́на и замочы́ўся. И ка́жэ: „Отжэ-жъ такъ! поки-мъ пэ ходы́ў до цэ́рквы, лышь до́ма щы́ро ся Богу молы́ў, то бу́ў-емъ сьвяты́й, а пишоў разъ до цэ́рквы, тай согрешы́ў!"

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

17.

Какъ выходитъ душа изъ тѣла.

Служы́ў едэ́нъ хлопъ 12 литъ пры войську. И вы́служыў 12 литъ и пэ йшоў до дому. Такъ пишоў по сэ́лахъ: що въ сьвити ся дзе? И обходы́ў усі́й сьвитъ и знаў вжэ, що дэ діеся, и тогды́ прыйшоў до свого сэла́, до дому. Прыйшо́ў и такъ самъ до сэбэ гадзе: „Я всё вжэ зна́ю, що ся въ сьви́ти діе, лышэ́ пэ зна́ю, якъ то зъ чолові́ка душа́ выходытъ?" И пишоў пыта́тыся до кёндза, якъ зъ чолові́ка душа выходытъ? И кёндзъ му такъ сказа́ў: „Я тобі́ заўда́мъ на цилы́й рикъ пистъ; якъ ты той пистъ вы́жыешь, то будэшь го зна́ты." И вы́сповидалы го, да́лы прыча́стіе и ка́жутъ такъ: „Цилы́й рикъ маешь такъ постыты: лышэ́ кусныкъ хлі́ба и лы́жку воды́ на добу ма́ешь ма́ты!"

И винъ такъ цилы́й рикъ вы́постыў той пистъ. И прыйшоў тогды́ до кёндза и вы́сповидаўся зноў. Тогды́ кёндзъ ка́жэ: „Иды́, тамъ и тамъ въ ха́ти будэ умыра́ты чолові́къ; тамъ прыйдэшь до тои ха́ты и сядэшь собі́ мэ́жы ві́кна, то тэбэ́ нихто пэ увы́дытъ, а ты будэшь вы́диты, якъ зъ то́го чолові́ка будэ душа́ выходы́ты." И винъ тамъ пишоў, сі́ў сы мэ́жы ві́кна и ёго нихто пэ вы́дцу. Ды́вытся, ды́вытся, а го́лубь прылэ́тиў сы́вый крузь вікно и полэ́тиў за образы́. И зъ-за образи́ў вы́лэтиў и сиў до того слабо́го на тварь и цилю́е его: то вжэ браў голубь душу видъ пёго. То вжэ той вы́диў, якъ зъ едного чолові́ка душа́ выходытъ.

И ка́жэ му кёндзъ: „Тэпэ́рь иды́ що до такои ха́ты, тамъ будэ́ една́ ба́ба умыра́ты; то сы зноў такъ сядь мэ́жы ві́кна и

дывися!" И винъ пишоў до той хаты и дивыться. А голубь чорный вылэтиў зъ комына и на ту бабу сиў, на тварь, и такъ крыламы дужэ бье и кусае.

И винъ пишоу тогды до кеёндза, той чоловикъ. И сказаў кеёндзу, що выдиў. А кеёндзъ ёму сказаў такъ: „То, выдышь, такъ: тамъ, дэ той сывый голубь циллюваў хлопа, то душа счислыва выходыла зъ нёго; а зъ тои бабы, що голубь чорный йи кусаў, то вжэ нэчыста душа, то чортъ браў ей душу." И винъ вжэ потому пишоў.

„Вжэ, кажэ, знаю всё, що ся дие въ съвити!"

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

18.

Въ гостяхъ у мертвеца.

Ходылы два нарубки до едной диуки, оба ей любылы. И кажэ едынъ до другого: „Мы оба нэ будемъ ей браты, лышэ едынъ зъ насъ; то, кажэ, якъ бы я нэршэ ўмэръ, то абы ты мэнэ на вэсилье просыў зъ гробу, а якъ бы ты нэршэ ўмэръ, то я тэбэ буду просыты." И такъ, цы за тыждэнь, цы що, едынъ ўмэръ. А той другый взяў ся жэныты и ходыў по хатахъ, просыў на вэсилье. А за того умэрлого забуў. И якъ вжэ идуть до шлюбу, малы йты вжэ до цэрквы, прыгадаў сы. „Йой, кажэ, що я зробыў? я маў просыты свого камрата на вэсилье, та-мъ забуў; я, кажэ, бижу по нёго!"

И пишоў по нёго на цвынтаръ. И гробъ ся отворыў, и винъ тамъ пишоў до сэрэдыны. И просытъ того умэрлого, и оны ся тамъ звыталы оба, и тамъ взялося нэрэдъ нымы по скляпци выпа и по булци. Оны выпылы тото выно и булки ззилы. Тогды знoў идэ друга скляпка и цэ по булци. И вжэ оны й другу выпылы и зилы.—„Ой, кажэ той, товарышу, я вжэ йду, я ся вжэ ту забавыў зо-тры годыны у тэбэ, трэба йты!"

Выйшоу винъ зъ гробу и пишоў. И рыходытъ до сэлы, вжэ нэ снизнае, дэ винъ е. Вжэ тогды ся пытае людэй.

А тоты́ лю́дэ, що винъ маў бра́ты шлюбъ, ди́вка й сваты́, вси вжэ й поумыра́лы. То винъ въ гро́бы у сво́го камра́та буў 30 литъ. Тогды́ каза́лы му лю́дэ: „Иды́ ся вы́сповидай!" И винъ пишоў пэ́рэдъ ксёндза, вы́сповидаў ся и пото́му ўпаў и зробы́ўся зъ нэ́го самы́й по́рохъ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

19.

Нерожденныя дѣти.

Зачыны́ла сы баба ди́ты, ходы́ла по ксёндза́хъ по шты́ры ра́зы пэ́-рикъ до спо́виды. Пэ хоти́лы йій нигдэ́ ксёндзы́ розгришэ́ня да́ты, ажъ свій ксёндзъ даў йій розгришэ́нье. И каза́ў йій на поку́ту тры по́чы въ цы́рквы ночува́ты: „Якъ ты, ка́жэ, пэ бу́дэ трэ́тои по́чы нычъ, то гриху́ вжэ жа́дного пэ ма́ешь!"

Прыйшла́ вжэ ба́ба до паламаря́, кобы́ йшоў, йій цы́рковь розимкну́ў, абы́ вжэ́ йшла пэ́ршу ничь почува́ты. Вы́йшоў палама́ръ, розимо́къ цы́рковь, запалы́ў йій дви сьви́чки ко́ло прэсто́ла, потому замо́къ цы́рковь, и ба́ба сыди́ла ца́лу ничь. Ра́но розимокъ цы́рковь и вы́пустыў йи. Прыйшла́ она́ до ксёндза, пыта́еся йи ксёндзъ, чы пэ бу́ло йій тамъ що въ цы́рквы? Она ка́жэ: „Нычъ-имъ пэ вы́дила." Зробы́ўся вы́чиръ, пишла́ она́ до паламаря́, абы́ йій йшоў розимкнуты цы́рковь. Вы́йшоў винъ, йій цы́рковь розимокъ, запалы́ў йій дви сьви́чки ко́ло прэсто́ла; она́ собі́ си́ла, а винъ замокъ цы́рковь и пишо́ў доми́. Вжэ она́ сыды́тъ. Вы́йшла гу́ска зъ-пидъ мо́сту пэ́съ гусяты, походы́ла коло пэ́и, походы́ла, нычъ йій пэ каза́ла и спря́талася. Вчыны́ўся дэнь, пишла́ она́ до ксёндза. Пыта́е йи ся ксёндзъ: „Ну, що-якъ, ба́бо, вы́дила ты що?" Она ёму вжэ пови́ла, якъ бу́ло, а ксёндзъ йій ка́жэ: „Ну, добрэ! пэ ма́ешь одну́ ничь спа́ты; якъ ты нычъ пэ бу́дэ, то пэ ма́ешь гриху́." Вжэ зробы́ўся вы́чиръ, вжэ идэ́ она́ на трэ́ту ничь почува́ты въ цы́рковь. Вы́йшоў палама́ръ, розимо́къ йій цы́рковь, запалы́ў йій дви сьви́чки ко́ло прэсто́ла, по́тимъ замокъ и пишо́ў доми́. Сыды́тъ она́, сыды́тъ, ды́вытся: идэ́ гуска зъ-пидъ мосту, така́ вэлы́ка, би́ла,

съ гусяты, ходятъ коло нэи, ходятъ, якъ ялы йи дзюбаты дзюбкамы, ялы йій прыповидаты: „я бы быў собій замолотыў, закосыў, я бы быў у сьвити жыў!" а гуски: „я бы была собій запряла, я бы была собій зашыла, я бы собій въ сьвити жыла!" Тай якъ ялы йи скубсты, рваты, то такъ йи розтырмалы, що нычъ ся нэ лышыло, лышь голи косты. Зробыуся дэнь, выйшлы вжэ йи выпускаты зъ цырквы, а тамъ нэма нычъ, лышь голи косты зъ бабы.

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

20.

Скатерть, баранчикъ и коробъ.

Було два братьи, едэнъ буу бидный, а другый богатый. Богачъ зарізаў свыню, а бидный прыйшоў тай кажэ: „Братэ, дай мэни троха солоныны!" Такъ го дужэ просытъ, алэ богачъ нэ хочэ даты. А потому вжэ уризаў кусныкъ солоныны, даў бидному и кажэ: „Нэсы до дидька!"

Тай винъ узяў ту солоныну тай пошисъ йи до дидька. Нэсэ-нэсэ, ажъ прыходытъ до воды: така вода вэлыка, жэ нияк нэ можна пэрэйты. Тай винъ стаў и стойтъ. Дывыться, а дъ нему идэ старый дидъ сывый. Тай пытае го ся той дидъ: „Чого ты ту стойшь?" -„Та даў мы, кажэ, братъ солоныны, абы-мъ писъ до дидька, тай нэсу, алэ ту пэрэйты нэ можна чэрэзъ воду." Тогды дидъ кажэ: „Сидай на мэнэ, я тя пэрэвэзу." Винъ сиў на дида, пэрэйихаў чэрэзъ воду тай тамъ вжэ злизъ. А дидъ тогды кажэ до нёго: „Якъ тамъ дашь дидьковы солоныну, то винъ тобі за то будэ давaты гроши, алэ абы-сь того нэ браў: будэшь, кажэ, казаты, абы тобі даў баранця и таку кобивочку стару и обрусыкъ, тай щэ абы тобі тры разы у подолокъ шкваркиў вэргъ."

И винъ пошисъ тогды ту солоныну и даў самому найстаршому дидьковы. Такъ ся тамъ зли духи тоў солоныноу утишылы тай зачалы ся балюваты. А потому вжэ даютъ

ему́ бога́то гро́шэй, ска́рбы ри́жни. а́лэ винъ то́го нэ хо́чэ бра́ты. То оны́ ся ёго́ пыта́ютъ: „А що́-жъ бы тоби́ да́ты?"— „Да́йтэ мы, ка́жэ, баранця́, коби́вочку и обру́сыкъ и тры ра́зы въ полу́ шква́ркиў." Алэ чорты́ нэ хоти́лы ёму́ то́го да́ты. Тогды́ винъ ка́жэ: „Ну, то ничого ницъ нэ хо́чу!" Тай хоти́ў вжэ ить гэтъ. Тогды́ той найста́ршый ди́дько ка́жэ: „Та да́йтэ му, да́йтэ, най сы вжэ бо́рэ, що́ хо́чэ!" Тай тогды́ ёму́ да́лы то́го баранця́ и коби́вочку и обру́сыкъ, тай вэ́рглы му тры пры́горщи шква́ркиў у полу́.

И винъ съ тымъ пишоў тай прыйшоў идъ тій води́ зно́ву. А той дидъ та́мки вжэ буў ко́ло воды́ и ка́жэ: „Сида́й на мэ́нэ, я тя пэрэвэ́зу!" И пэрэви́зъ ёго и ка́жэ: „Якъ схо́чэшь гро́шэй, то ска́жэшь: потрясы́ся, баранцю! то ты бара́нъ натрясэ́ гро́шэй, ки́лько хочь; а якъ схочэшь йи́сты чы пы́ты, то ска́жэшь: пристры́ся, обру́сыку! — то на тимъ обру́сыку всё бу́дэшь ма́ты; а якъ бу́дэшь въ яки́й прыгоди, то ска́жэшь: на́ўки зъ коба́ўки!—то за́разъ ты помо́жутъ; а тоты́ шква́рки, ка́жэ, то та́кой нэсы́ въ то́рби до до́му!"

Тай тогды́ дидъ счэзъ, а винъ соби́ пишоў да́ли своёў доро́гоў. Идэ́-идэ́, тай му ся схоти́ло спа́ты. Винъ лягъ тай приспа́ўся тро́ха, а́лэ прохапуеся, а ту ко́ло нёго ти́лько бараниў тай овэ́ць цилэ́ по́лэ ўкры́лы; а то зъ тыхъ шква́ркиў поробы́лыся бараны́ й ви́ўци, бо то булы́ всё ду́ши. Алэ винъ ся ду́жэ напу́дыў тай зача́ў утика́ты видъ ныхъ, а оны́ за нымъ лэтя́тъ. Тогды́ той самы́й дидъ зъявы́ўся, а то буў самъ Го́сподь. Тай ка́жэ: „Чого́ ты такъ бижы́шь?"—„А-о́, ка́жэ, яки́-сь ся бараны́ мэнэ́ ўчипы́лы, щэ бу́дутъ лю́дэ казаты, що-мъ ўкра́ў." Тогды́ Го́сподь ка́жэ: „Стань на мо́ю но́гу тай дывы́ся до-горы́ до нэ́ба! вы́дышь що́?"—„Вы́жу драбы́ну." Тай тоты́ бараны́ и ви́ўци вси, едно за дру́гымъ, такъ гори тоў драбы́ноў ска́чутъ, тай поскака́лы вси до нэ́ба. Тогды́ Господь ка́жэ до нёго: „Тоты, якъ умрэ́шь, за ти ду́ши пидэ́шь до ца́рства!" Тай тогды́ вжэ счэзъ и тота́ драбы́на за нымъ счэ́зла. А винъ пишо́ў соби́ до-до́му.

Прыхо́дытъ до-до́му, а жи́нка ка́жэ: „Та дэ́ ты буў таки́ вики́? йой, вжэ ди́ты зъ-го́лоду умыра́ютъ!" Алэ винъ ка́жэ: „Цыть-тэ, ди́ты! змо́ўтэ молытвы, за́разъ будэ́мо йи́сты!" И посп-

далы за стиў. Винъ положыў обрусыкъ на стиў и кажэ: „Пристрыся, обрусыку!" Тай обрусыкъ ся простэръ и було тамъ рижного йидиня и пытья доста Якъ ся найилы й напылы, тогды винъ сказаў: „Закотыся, обрусыку!" И закотыўся назадъ. Потому винъ послаў жинку до брата, до того богача, абы прыйшоў, и ёго жинка и диты, то ся будутъ балювати. Привэла она брата съ жинкоў тай съ дитьмы. Тогды винъ ихъ посадыў за стиў и кажэ: „Пристрыся, обрусыку!" И було богато йисты и пыты, добрый буў баль. А потому братъ ся пытае: „А видки ты то дистаў?" Тогды винъ му сказаў, жэ понисъ тоту солоныну до дидька тай дистаў за то обрусыкъ. Алэ кажэ: „Я щэ й баранця дистаў." И казаў до баранця: „Потрясыся, баранцю!" И натрясъ баранъ цилу куну грошэй. Даў тоты гроши братовы, и братъ пишоў.

Алэ заразъ пишоў и даў знаты до пана, що той бидный мае такий обрусыкъ и баранця, то бы то добрэ було для пана. Тай панъ послаў слугу до того хлопа, абы прынисъ обрусыкъ и баранця, абы му то показаў. И винъ пишоў до пана, тай тамъ вжэ на нэго чэкало много паниў, позийиджалыся на баль. Винъ положыў той обрусыкъ на стиў и зачаў тоты паны балювати. А потому зноў поставыў баранця и насыпаў имъ грошэй. Тай вжэ хочэ иты до-дому, алэ паны тогды го нэ пустылы, алэ видобралы му обрусыкъ и баранця, а ёго набылы-набылы тай вывэрглы ёго на-двиръ. Тогды винъ вжэ розлютыўся тай пишоў до дому, взяў сы тоту кобиўку и вэрнуўся мэжы паниў. Тай кажэ: „Виддайтэ мэни обрусыкъ тай баранця!" Паны ся зноу до нэго ўзялы быты, а винъ тогды крыкнуў: „Наўки зъ кобаўки!" Якъ ся выхопылы тры хлопы, якъ зачалы паниў быты, тогды му вжэ виддалы всё. И винъ соби пишоў до-дому, и вжэ спокій.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ: СКАЗКИ.

21.

Волшебный конь.

Маў едэ́нъ та́то дванайцять сынйў. Якъ вжэ тотй сыны́ дійшлы́ до литъ, пишлы́ и наймы́лыся вси 12 до двора́ на слу́жбу. Съ тымъ ся паномъ такъ згоды́лы, щобы́ винъ за рикъ слу́жбы кождому дау по конэ́вы. Якъ оны́ вжэ вы́служылы той рикъ, ка́жэ имъ панъ: „Ну, выбыра́йтэ собй кождый по конэ́вы!" Тай оны́ пишлы́ на полэ, дэ ся па́ньски ко́ни па́слы, и вы́браў собй ко́ждый коня́, яко́го хтиў. А наймолодшый братъ буу троха гы дурны́й, то винъ собй вы́брау найгйршого коня́, тако́го сухого, що лэ́дво ды́хаў.

Тогды́ оны́ вжэ поййхалы до свого та́та тай ка́жутъ до нёго такъ: „Та́ту, шука́й намъ тэпэ́рь 12 сэстэ́ръ, абы́ мы ся съ ны́мы пожэ́ныли." Тай стары́й пишо́ў шука́ты. Идэ́-идэ́ тай здыбуе яку-сь паню на дорози. Тай тота́ па́ни ка́жэ: „Дэ ты йдэшь, чоловйчэ?" Винъ тогды́ ка́жэ: „Ма́ю 12 сынйў и оны́ хотя́тъ жэ́ныться, а́лэ такъ хотя́тъ, абы́-мъ имъ знайшо́ў 12 сэстэ́ръ ра́зомъ." Тогды́ па́ни ка́жэ: „Я ма́ю 12 доньёкъ, то най у мэ́нэ сватаютъ!" Стары́й ся ўтйшыў тай пыта́еся: „А дэ-жъ вы мэ́шкаетэ?" А па́ни ка́жэ: „Ходи́тъ до мо́го паля́цу, тамъ ся поды́вытэ на диўча́та, чы вамъ ся сподобаютъ?" Тай винъ пишоў съ нэў до тыхъ паля́циў, тай го тамъ вжэ тота́ па́ни зача́ла прыйма́ты, да́ла йи́сты, пы́ты, якъ ся налэ́жытъ. А потому показа́ла му свои доньки: одынайцять бу́лы такй, якъ ма́е бу́ты, лышэ́ наймоло́дша—вжэ симна́йцять литъ ма́е, а щэ лэ́жы́тъ въ колы́сци. А пани ка́жэ: „То будэ́ для вашого дурного сы́на жйнка!" Якъ ся вжэ стары́й отэ́ць тамъ тро́ха побалюва́ў, пишоў тогды́ до до́му за сына́мы.

Прыхо́дытъ до-до́му, пыта́ются го за́разъ сыны́: „А що, та́ту, найшлы́-сьтэ?" „Найшо́ў-емъ, ка́жэ, зо́быра́йтэся жы́во тай йи́дьтэ!" Тай повйў имъ всё дэ и якъ ма́ютъ йи́хаты. Тогды́ оны́ ся вы́бралы въ дорогу тай йи́дутъ. Одына́йцять бра́тиў поубыра́лы собй ко́ни красно, йи́дутъ, якъ паны́, а дур-

ный на свойій сухій шкапи лэдво лізэ, гэтъ лышыўся сзаду за братима. Тогды той ёго кинь до нэго промовыў: „Спыны свойхъ братиў, абы зачэкалы на тэбэ, бо тота напи, дэ вы йидэтэ свататы, е опырыця, зійсты васъ хочэ. То, кажэ, якъ прыйидэтэ до нэи, то она вышлэ 12 лёкалиў до конэй, абы-жъ вы тымъ лёкалямъ конэй нэ далы въ руки. Потому вышлэ вамъ тры бутэлци вына и тры бохонци хлиба, алэ абы вы тилько два бохонци зійлы и дви бутэлци вынылы, а трэтои ни, тай абы на зэмлю ни дрибка хлиба ни вына нэ упала!" Тогды дурный зачаў на братиў крычаты: „Зачэкайтэ, но-о-о!" Алэ братья кажутъ: „Та чого мы будэмъ на нёго чэкаты, на дурного?" Тай йихалы дали, нэ чэкалы. Тогды винъ зноў клычэ: „Та чэкайтэ, но-о!" А найстаршый братъ кажэ: „О, почкаймо, можэ винъ намъ що скажэ?" Тай зачэкалы на нёго. Винъ имъ заразъ всё тото розповиў, що му кинь наказуваў, абы знялы, що робыты, якъ прыйидутъ тамъ до опырыци.

Тай оны прыйиждджаютъ вжэ тамъ пидъ ти паляцы. Заразъ до ныхъ выбиглы 12 лёкалиў, кождый до коня йшоў. Алэ оны кажутъ: „Мы соби сами лёкали до своихъ кониў." Тай сами прывязалы кони до жолоба тай далы имъ йисты. Тогды вжэ опырыця выслала имъ тры фляшки вына и тры бохонци хлиба. Оны йно дви фляшки вынылы и двое хлиба ззилы, а рэшту видослалы йій назадъ; тай уважалы, абы ни дрибка на зэмлю нэ ўпала. Потому ихъ вжэ опырыця заклыкала до покойиу, посадыла за стиў и дала имъ йисты, пыты, що потрэба.

Якъ вжэ попайидалыся, понаныва́лыся, тогды вжэ кождого спарувала съ единоў донькоў и поклала ихъ всихъ на пидлози спаты, а того дурного положыла въ колыску до наймолодшои доньки; алэ кожду доньку клала у ливый бикъ, а зятяу правый. Тай кажэ: „Спитъ кождый съ своёў, чы вамъ ся сподобае?" Якъ вжэ вси полягалы, взяла и загасыла сьвички, а сама полэтила на граныцю, тамъ дэся вси опырий и чариўныки злитаютъ. И тоти братья заснулы, алэ кинь того дурного брата прыйшоў пэрэдъ двэри и тры разы заирзаў. Тай той встаў зъ колыски и выйшоў. Тогды кинь промовыў до нёго: „Кажы своймъ братьимъ, абы ся нэрэминялы съ жинкамы на мисця: сами абы ля-

глы́на ливы́й бикъ, а ихъ абы́ на правы́й поклáлы." Винъ тогды́ побудыу́ брáтиу́ и сказáу́ имъ, то ся вси зáразъ пэрэминя́лы на ливы́й бикъ. Тай тотá опырыця прылитáе вжэ назáдъ, взя́ла сы мэчъ и на-пóтэмки всимъ донькáмъ, що вжэ лэжáлы у правúмъ бóци, гóловы постынáла, гадáла сы, що то зя́тьимъ. Тогды́ пишлá щэ до колы́ски и тамъ хотúла гóлову стя́ты, áлэ вжэ нэ стынáла, погадáла сы такъ: „Ни, тóму дурнóму вжэ нэ бýду, най ся лы́шытъ, то мóжэ мы хоть воды́ подáстъ!" Тай тогды́ вжэ полэ́тила зноу́ на граны́цю до опырúу́. А кинь зноу́ прыйшóу́ пидъ двэ́ри и тры рáзы запрзáу́. Винъ вы́йшоу́ зъ колы́ски, а кинь му кáжэ: „Утикáйтэ тэпэ́рь гэтъ, що мóжэтэ, бо якъ опырыця вэ́рнэ тай увы́дытъ, що то онá свóи доньки́ порúзала, то вамъ щэ гúршэ бýдэ!" Тай оны́ вси зúрвалыся, посидáлы на кóнэй и пигнáлы. А дурны́й ся сзáду лишы́у́, бо кинь нэ гóдэнъ буу́ бúчы.

Тай онá прылэ́тила вжэ съ граны́ци, засьвиты́ла въ покóю, ды́вытся, а ту тыхъ брáтиу́ нэмá, йно вси ей доньки́ лэжáтъ бэзъ голóу́, тúлько тотá въ колы́сци жывá еднá. Тай онá мáла такóго коня́, що на трёхъ ланьцухáхъ буу́ ўпня́тый, то сúла на тóго коня́ и пигнáла за брáтьямы. Тай взя́ла съ собóу́ съ золотои кáчки пюрó и съ тóи наймолóдшои доньки́ золоты́й волосъ, абы йій ся видъ тóго въ дорóзи вы́дко бýло, бо то сьвиты́ло такъ, якъ сóньцэ. Тай гóнытъ за ны́мы, áлэ вжэ тоты́ стáрши брáтья пэрэйúхалы за ей граны́цю, то ихъ вжэ нэмоглá дистáты. Тúлько той дурны́й щэ ся сзáду лышы́у́, áлэ ся сховáу́ въ корчú, то го нэ ўвы́дила тай мынýла. И по-дорóзи, якъ лэ́тила, загубы́ла той золоты́й вóлосъ и то пюрó золотэ́, а сú кинь загубы́у золотý пидкóву. Тай вэрнýлася назáдъ до свóго дóму.

А той дурны́й йúдэ и здыбáе на дорóзи той вóлосъ— блыщы́тся, якъ у дэнь. И злизъ и хóчэ ёгó брáты, áлэ кинь до нэ́го такъ промóвыу́: „Нэ бэры́ тотó, бо будэ́ бидá!" Нэ слýхаў, взяў вóлосъ. Йúдэ дáли, здыбáе пюрó. Знóву злизáе и бэрэ́, а кинь кáжэ: „Эй, нэ бэры́, будэ́ бидá!" Взяў и пойúхаў дáли, зды́баў пидкóву золотý. Зноу́ кинь кáжэ: „Ой, нэ бэры́, бо будэ́ вэлы́ка бидá!" Винъ нэ послýхаў, взяў и пид-

ко́ву. Тай прыйи́хаў ажъ до-до́му, а бра́тья вжэ тамъ е. И зача́лы му тогды́ бра́тья дя́коваты, що ихъ видъ смэ́рты видкуны́ў.

Пото́му тоты́ бра́тья ся вжэ лышы́лы дэ́ма, а дурны́й пишо́ў собі́ до едно́го па́на на слу́жбу. И такъ ся згодыў у па́на, абы́ й ёго́ кинь пры нимъ буў, тай стаў тогды́ тамъ на слу́жбу. Алэ пові́сыў сы въ сво́ій ій ста́йны золотэ́ пюро́ и вжэ нико́лы нэ потрэбува́ў а́ни лята́рни, а́ни сьві́чки, такъ ажъ блыскъ быў видъ то́го пюра́. Тогды́ слу́гы то пидозрі́лы, и якъ оба́чылы у нэ́го тото́ пюро, пишлы́ до па́на и ўпові́лы му. Каза́ў го панъ заклы́каты до сэ́бэ и ка́жэ: „А бы́ ты мэні́ то пюро́ сюда́ прыні́съ!“ Винъ клэнэ́ся, що нэ мае жа́дного пюра́, видпыра́ еся, якъ мо́жэ. Алэ ницъ нэ помогло́, а панъ ка́жэ такъ: „Якъ мэні́ то за́разъ нэ прынэсэ́шь, то тя стра́чу!“ Тай винъ вжэ пишо́ў до ста́йни, взяў пюро́ тай прыпи́съ до па́на. Тогды́ панъ ка́жэ: „Му́сышь мэні́ щэ ту ка́чку прынэ́сты, що зъ нэ́и то пюро́ е!“ Прыхо́дытъ винъ до свого коня́ тай пла́чэ. А кинь му ка́жэ: „А вы́дышь, нэ послу́хаў-есь мэнэ́, то тэпэ́рь биду́ ма́ешь; ну, а́лэ що́ робы́ты? пойи́дэмо!“ Тай пойи́халы до то́и само́и опыры́ци, що видъ нэ́и ўти́клы. Прыйи́халы пидъ той па́ляцъ, тогды́ кинь ка́жэ: „Бу́хнэшь въ еди́ни два́ри оны́ тоби́ ся отво́рутъ, бу́хнэшь въ дру́ги -зноў ся отво́рутъ, а въ тре́тимъ поко́ю е тота́ ка́чка у ко́йцы; а́лэ, ка́жэ, справу́йся ты́хо, абы́ ся опыры́ця нэ збуды́ла!“ Тай винъ такъ пишо́ў, ка́чку пидъ па́ху забра́ў, тай вы́бигъ на-дви́ръ, на коня́ тай въ но́гы. Тогды́ прыви́зъ ка́чку до па́на и даў му. Панъ ся ду́жэ ўти́шыў, даў ёму́ бога́то гро́шэй тай видосла́ў го зноў до слу́жбы до ста́йни.

А винъ взяў тай собі́ тоту́ пидко́ву золоту́ пові́сыў въ ста́йны, абы́ му сьвиты́ла. Тогды́ слу́гы зноў пидба́чылы, пишлы́ до па́на тай ўпові́лы. Панъ каза́ў му показа́ты ту пидко́ву, а пото́му ка́жэ: „Тому́ сышь мэні́ щэ дistáты то́го коня́, що видъ нэ́го пидко́ва!“ Тай винъ пишо́ў до коня́ тай пла́чэ. А кинь тогды́ ка́жэ: „Ой, тэпэ́рь бида́, бо якъ-жэ то́го коня́ взя́ты, колы́ винъ на трёхъ ланца́хъ ўпиня́ты́й? а́лэ, ка́жэ, иды́ ты до па́на, най тоби́ дастъ 12 шкиръ и 12 бо́чокъ смолы́, то пойи́дэмо по то́го коня́.“ Панъ даў ёму́ 12 шкиръ и 12 бо́чокъ смолы́, тогды́ винъ вжэ пойи́хаў до опыры́ци за конёмъ. Прыйи́ха-

лы тамъ пидъ па́ляцъ, тогды́ кинь ка́жэ: „Бэры́ лопа́ту и копа́й таку́ я́му, абы́ я по са́ми колйна стояў въ тій я́ми.“ Винъ вы́копаў, тогды́ кинь влизъ по колйна въ я́му и стоі́тъ. Тогды́ кажэ: „Поклады́ тэпэ́рь на мэ́нэ едну шкйру и лій едну́ бо́чку смолы́ на ту шкйру!“ И такъ винъ тыхъ 12 шкиръ, едну́ за дру́гоў, на нёго положы́ў и на ко́жду шкйру вы́ліяў бо́чку смолы́. Тогды́ кинь ка́жэ: „Ты лизь тэпэ́рь на дэ́рэво, а я заржу́, то той кинь за́разъ прылэ́тытъ.“ Винъ вы́лизъ, а кинь заирза́ў разъ, то тамто́му конэ́вы урва́уся едэ́нъ ланцъ; заирза́ў дру́гый разъ урва́ўся дру́гый ланцъ; якъ заирза́ў трэ́тый разъ, то тамтому урва́ўся вжэ трэ́тый ланцъ, тай за́разъ кинь прылэ́тиў. А винъ маў на локоть зу́бы, то кёнуўся на то́го коня́ въ я́ми и запусты́ў зу́бы въ нёго чэ́рэзъ вси 12 шкиръ, ажъ до-споду. Алэ го нэ мигъ укусы́ты, ти́лько такъ загря́зъ зуба́мы въ смолу́, що ихъ вжэ нэ мигъ вы́тягнуты. Рва́уся, рваў, а́лэ змучы́уся и ста́нуў. А той за́разъ злизъ съ дэ́рэва тай сиу сы на сво́го коня́ и поййхаў, а гамтой кинь мусиў вжэ йты такожъ за ны́мы сбоку, бо цэ зубйў нэ мигъ вы́ймыты. Тай такъ прывэзлы́ до па́на того золото́го коня́. Тогды́ му панъ вжэ даў грошэй па́ру сотокъ, тай винъ зноў пишо́ў до сво́йи ста́йни.

Тогды́ винъ вжэ собі́ той золоты́й волосъ въ ста́йны повйсыу. Слу́гы зноу о тимъ пану повйлы и панъ каза́ў му прынэ́сты той волосъ. Винъ прынйсъ, тогды́ панъ ка́жэ: „Щэ мэнй докопьчэ прывэзы́ тоту́ па́ннуу, що той во́лосъ згубыла!“ Винъ прыйшо́ў до коня́, такъ плі́чэ. А кинь ка́жэ: „То всё чэ́рэзъ то, що-сь мэнэ́ нэ слу́хаў; тэпэ́рь йидьмо за па́нноў!“ Тай поййхалы. Прыййхалы пидъ па́ляцъ до оныры́ци. Тогды́ кинь ка́жэ: „Иды́ до поко́ю, дэ тота́ па́нна въ колы́сци лэжы́тъ, тота́ тво́я жйнка; а́лэ абы́-сь йи нэ браў, по́ки я нэ заржу́ пидъ викно́мъ, а якъ я заржу, бэры́ йи и нэ бійся нищъ!“ Тай винъ пишо́ў, ста́нуў тамъ ко́ло колы́ски и чэка́е. Ажъ ту кинь заирза́ў, тогды́ винъ ухопы́ў па́нну съ колы́скоў пидъ па́ху, вы́нисъ на-двйръ, сиу на коня́ тай поййхаў.

Тай прывйзъ йи до па́на, а́лэ му йи нэ хотйў да́ты, лышэ́ ка́жэ такъ: „Па́нова ка́чка и па́ниў кинь, а́лэ па́н-

на то моя́, бо то моя́ жи́нка!" А панъ ся на тимъ сло́ви дýжэ застановы́ў тай ка́жэ такъ: „Я ка́жу зо всёи стадны́ны молоко́ вы́цэркаты, у вэлы́кій котэ́лъ пальяты и зо всихъ сторо́нъ пидъ тымъ китло́мъ палы́ты, абы́ то молоко́ ажъ кипи́ло, ажъ ся пэрэвэрта́ло; якъ ты въ тимъ молоци́ ся скупа́ешь и вы́лизэшь жывы́й, тогды́ бýдэ та па́нна твоя́!" Винъ пишо́ў съ тымъ до коня́ тай му то розповида́е. — „Вжэ мэни́, ка́жэ, смэрть ажъ тэпэ́рь бýдэ!" А кинь ка́жэ: „Нэ бі́йся ницъ, лизь у котэ́лъ, а́лэ абы́ я бýў пры тимъ!" Тай винъ пишо́ў до то́го китла́ и прыпрова́дыу сво́го коня́, ка́жэ: „Най хоть мій кинь мо́ю смэрть вы́дытъ!" Якъ винъ вжэ ся розибра́ў, вжэ маў у молоко́ ли́зты, тогды́ кинь фо́ркнуў надъ тымъ молоко́мъ, разъ, и дрýгый, и трэ́тый, а молоко́ за́разъ застыгло. Винъ тогды́ ско́чыў, скупа́ўся въ тимъ молоци́ и вы́лизъ щэ ладні́йшый, якъ пэ́ршэ бýў. Тогды́ панъ соби́ гада́е: „Оў, колы́ винъ щэ ладні́йшый вы́лизъ зъ кипя́чого молока́, то и я ся скупа́ю, мо́жэ видмолодні́ю видъ то́го." Тай за́разъ ся панъ розибра́ў и ско́чыў у молоко́, а кинь тогды́ зноў тры ра́зы фо́ркнуу, и то молоко́ зноў ста́ло таке горя́чэ, я́къ окри́пъ, ажъ пидска́куе. За́разъ ся панъ спа́рыу на-смэ́рть, лышэ́ зъ нэ́го кистки́ повытяга́лы. Тогды́ той ся вжэ съ своёў па́нноў ожэны́ў и зоста́лыся обое на па́ньскихъ маёткахъ.

Тай вжэ пото́му ка́жэ кинь до нёго: „Я тэбэ́ зробы́у таки́мъ на́номъ, то тэпэ́рь ты мэни́ що-сь зробы́: вы́вэды мэнэ́, ка́жэ, на по́лэ, тай застри́ль мэнэ́!" А винъ стаў пла́каты и ка́жэ: „Та дэ бы я тэбэ́ стриля́ў? ты мій найли́пшый прыя́тель!" Алэ кинь ка́жэ: „Якъ ты мэнэ́ нэ за́бьешь, то и самъ нэ бýдэшь жыў!" Тогды́ винъ го вжэ вы́виў въ по́лэ и за́стрилыў. Тай тогды́ ся зъ коня́ по́рохъ зробы́ў тай розлэ́тиўся съ ви́тромъ.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

22.

Джунджаловичъ и сыроѣдъ.

Мау едэ́нъ бога́чъ 12 сынїу. Ка́жэ до ныхъ: „Я нэ бу́ду васъ жэны́ты, по́ки нэна́йду 12 донёкъ у едно́го γа́зды, абы́-мъ васъ всихъ ра́зомъ пожэны́ў.“ Пишлы́ сыны́ шука́ты, ходы́лы по съвити, ажъ найшлы́ 12 донёкъ у едно́го сыройи́да. *) Тай засады́ў ихъ сыройи́дъ за стиў, даў имъ йи́сты й пы́ты. Повэчэ́рялы тай полягалы спа́ты, ко́ждый съ едно́у ди́ўкоў; тай хло́пци спа́лы въ шапка́хъ, а диўки́ въ хустка́хъ. Въ ночы́ той сыройи́дъ ка́жэ: „Чы спышь, Джунджало́вычъ?“ А то ся найста́ршый братъ называ́ў Джунджало́вычъ. Тай винъ ка́жэ: „Ой, нэ сплю, я ду́мки гада́ю!“ Зноў за якїй-сь часъ ка́жэ сыройи́дъ: „Джунджало́вычъ, чы спышь?“ А той нэ спаў, а́лэ ся нэ видзыва́ў ницъ. Тогды́ ка́жэ сыройи́дъ до сыройи́дыхи: „Остри́мо ножи́, бо вжэ уснулы, то ихъ будэ́мъ ри́заты!“ Пишлы́ остры́ты ножи́, а Джунджало́вычъ то чуў тай борзэ́нько шапки́ съ брати́ў позакру́ччуваў на диўки́, а бра́тьимъ пообвыва́ў хустки́; тай собі́ такъ зробы́ў тай лягъ спа́ты. Прыйшо́ў сыройи́дъ съ сыройи́дыхоў, пори́залы свои́ доньки́, бо гада́лы сы, що то хло́пци въ шапка́хъ. А пото́му ляглы́ обо́е спа́ты тай засну́лы. Тогды́ той брати́ў побуды́ў, тай вси кризь викно́ поскака́лы и ути́клы гэтъ до-до́му.

Алэ видта́къ ка́жэ той Джунджало́вычъ: „Я иду́ щэ до сыройи́да, щэ ёго́ жи́нку зари́жу!“ Пишо́ў до сыройи́да тай ка́жэ: „То я твои́ доньки́ зари́заў!“ Ка́жэ сыройи́дъ: „То я тэбэ́ тэпэ́рь зари́жу!“ „Ни, ты мэнэ́ тэпэ́рь нэ рижь, бо я сухы́й; году́й мэнэ́ воло́скими ори́хамы, бу́лкамы й цу́кромъ, абы́ я буу тлу́стый, то тогды́ вжэ будэ́шь маў до́бру пэчэ́ню зъ мэ́нэ.“ Тай сыройи́дъ послу́хаў: годува́ў го фа́йно, вы́годуваў тако́го тлу́стого. Вжэ хо́чэ ри́заты, робы́ты кома́шню. Тай лышы́ў жи́нку, абы́ ёго́ спэкла́, а самъ пишо́ў за го́стима. Тогды́ ка́жэ сыройи́дыха до нёго: „Ляга́й у

*) На вопросъ: что́ такое сыройи́дъ?—разсказчица отвѣтила: „такы́й сыройи́дъ, жэ съ едны́мъ о́комъ,“—но больше ничего о немъ сказать не умѣла.

возо́къ, най тя завэ́зу у ничь!" Тай лягъ винъ, а́лэ всэ то ца́нки ста́нэ, то на-попэрэ́къ ся кладэ́, тай нэ мо́жэ ся влйзты въ ничь. Тогды́ она́ влйзла сама́ въ тачкй тай ка́жэ: „О-та́къ ляга́й, якъ я!" А винъ тогды́ взяў, шаркнўў йи въ ничь тай спикъ ба́бу. Тай покра́яў йи на тарйль и поклаў на стиў, а самъ утйкъ. Прыйшо́ў сыройнйдъ съ другымы сыройнйдамы на кома́шню, позасида́лы за стиў тай йидя́тъ тоту́ пэчэ́ню, балю́ются. А пото́му едэ́нъ ка́жэ до то́го сыройнйда: „Та клы́чтэ куму́ до сто́лу!" - „Э, она́ ся змўчыла съ тымъ Джуиджало́вычомъ, то ся пэ́вно положы́ла тро́хи спа́ты." Алэ йдэ, ды́вытся до лйжка — нэма́; шука́е, клы́чэ — нэма́! „Ой, ка́жэ, то мы ба́бу зййлы!"

А Джуиджало́вычъ зноў до́ма ка́жэ: „Я щэ йду, щэ сыройнйда зако́плю жыво́го въ зэ́млю." Прыйшо́ў винъ до то́го сыройнйда пэ́рэдъ ха́ту тай руба́е ялы́цю. Руба́е тай клы́чэ сыройнйда: „Ходы́-по ялы́цю руба́ты на то́го Джуиджало́выча, бо винъ тобй зарйзаў 12 донёкъ тай ба́бу спикъ, а щэ й тэбэ́ хо́чэ закопа́ты." А той вы́йшоў, нэ знаў, що то е самъ той Джуиджало́вычъ. Вы́йшоў сыройнйдъ, помйгъ му руба́ты ялы́цю, ка́жэ: „До́брэ, я́ бы ты гро́шэй даў, кйлько схо́чэшь, лышэ́ ёго́ въ тру́мну забы́й!" Тай пишо́ў до коваля́, тото́ тру́мно окова́лы. Тогды́ той ка́жэ до сыройнйда: „Нэ-зна́ў, котры́й мицнійшый, чы ты, чы винъ?" -„О, та́-же я!" „Ану́, ляга́й въ трумно, спрубу́й, чы го розйбьешь? щобы́ той Джуиджало́вычъ щэ нэ розбы́ў, бо бы бу́ла бида́!" Лягъ сыройнйдъ, а той го тамъ замкнўў тай пусты́ў го такъ долй водоў.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

23.

Волшебный волкъ.

а). Едэ́нъ ци́саръ маў золотў грўшку, а́лэ що-но́чы прылита́ў до нэ́и золоты́й птахъ и вэ́ краў зъ нэ́и еднў грўшку. А той ци́саръ маў доньку́. И прыйшлы до то́и доньки́ тры царэ́вычи, хоти́лы йи сва́таты: два бу́лы розу́мни, а едэ́нъ буў мэ́жы ны́мы гэй дурны́й. Тогды́ имъ ци́саръ ка́жэ такъ: „Вси тры ся съ мо́ёў доньку́ў жэны́ты нэ мо́жэтэ; то котры́й мини́ диста́нэ пта́ха, що мы грушки́ крадэ́, той будэ́ ся съ нэ́ў жэны́ў.“

Тогды́ оны́ забра́лыся вси тры и пойи́халы за тымъ пта́хомъ. Тоти́ два му́дри ма́лы до́бри ко́ни и гро́ши, а дурны́й нэ маў ницъ, ино́ старо́го коня́, пса и кота́. Оны́ такъ йи́халы бэ́зъ дэ́нь, а пэ́рэдъ вэ́чэромъ трафыў имъ ся лисъ. Йи́дутъ по тимъ ли́си тай ничь ся зробы́ла циўко́мъ. А ту нэма́ а́ни ха́ты, а́ни ничо́го. Тогды́ вжэ пора́дылыся ночува́ты въ ли́си. Накла́лы сы огню́, ко́ни прыпня́лы до дэ́рэва, звары́лы соби́ йи́сты и ля́глы спа́ты. А дурно́го дъ со́би нэ пусты́лы и йи́сты му нэ да́лы. Тай винъ такъ на-бо́ци сво́го коня́ прыпня́ў и вжэ соби́ лэжы́тъ. Ажъ въ ночы́ прыхо́дытъ до нэ́го воўкъ и ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ А винъ ка́жэ: „Нэ йижъ ты мэнэ́, на́-тоби́ пса!“ Воўкъ взяў пса, ззиў и пишо́ў соби́ гэтъ. Якъ имъ ся вжэ дэ́нь зробы́ў, ру́шылыся и пойи́халы да́ли; ти два вперэ́дъ, а дурны́й сза́ду. И зноў заблуды́лыся въ ли́си, а на́-ничь зноў на самэ́ то ми́сцэ тра́фылы. Накла́лы огню́, зйи́лы вэчэ́ру тай полига́лы. А дурны́й соби́ на-бо́ци лягъ, якъ вчо́ра. Той воўкъ прыхо́дытъ зно́ву и ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ — „Нэ йижъ ты мэнэ́, я тоби́ дамъ кота́.“ И воўкъ кота́ взяў и ззиў. Зноў ся дэ́нь зробы́ў, зноў оны́ йи́здылы цилы́й дэ́нь по ли́си тай нэ моглы́ вы́йихаты. А пидъ вэ́чиръ зноў на то самэ́ ми́сцэ тра́фылы ночува́ты. И той воўкъ прыйшо́ў идъ дурно́му и ка́жэ: „Я тэбэ́ ззимъ!“ — „Нэ йижъ ты мэнэ́, йижъ мо́го коня́!“ — И воўкъ зйиў коня́ и пишо́ў. Тогды́ ся дэ́нь зробы́ў, оны́ забра́лыся и пойи́халы вжэ про́стоў доро́гоў, нэ блуды́лы.

А дурны́й идэ́ за ны́мы сза́ду ни́шки. Тай той самы́й воўкъ ёго́ здыба́е и пыта́еся: „Дэ ты йдэшь?" А той му ка́жэ, жэ йдэ за золоты́мъ пта́хомъ. Тогды́ той воўкъ ка́жэ: „Сида́й на мэ́нэ, пойи́дэмо по то́го пта́ха!" Винъ сиў и полэ́тилы, тыхъ двохъ бра́тиў далэ́ко сза́ду лышы́лы. Якъ вжэ прыйи́халы пидъ па́ляцъ, дэ той птахъ буў, ка́жэ воўкъ: „Тепэ́рь тамъ пидэ́шь до паля́цу и тамъ той птахъ бу́дэ въ золоті́й кли́тци; а́лэ жэ-бы́-сь то́го золото́го пта́ха нэ браў, ино́ тамъ е въ дру́гій кли́тци такі́й малэ́нькій е́нчій пта́шокъ, то лышэ́ то́го абы́-сь браў, а за ны́мъ прылэ́тытъ и самъ тамто́й. Тай тогды́, ка́жэ, скачы́ крузь викно́ на-долы́ну, ницъ ся нэ бій, бо я ся розкря́чу такъ, що упа́дэшь на мэ́нэ, якъ на по́душку". Тай винъ пишо́ў по то́го пта́ха, стаў тай гада́е сы: „На́-що я бу́ду браў то́го мало́го пта́ха? я возьму́ сы то́го, по котро́го-мъ прыйшо́ў, золото́го." И винъ ино́ ру́шыў за ту золоту́ кли́тку, а ту дзвинки́ за́разъ дзэлэ́нь-дзэлэ́нь! Вартивныки́ ся посха́нувалы, зланалы го и завэлы́ пэ́рэдъ ци́сара. Тай ци́саръ ся пыта́е: „Чого́ ты ту́тка хо́чэшь?" Винъ му тогды́ всё розпови́ў: „Прыйшо́ўемъ, ка́жэ, за пта́хомъ золоты́мъ." А ци́саръ ка́жэ такъ: „Якъ мэ́ни́ золото́го пса прынэсэ́шь, то ты дамъ пта́ха." Винъ тогды́ пишо́ў до во́ўка и сказа́ў му той антэ́рэсъ. А воўкъ ка́жэ: „А чы я тоби́ нэ каза́ў, абы́-сь нэ ру́шаў то́го пта́ха? ну, а́лэ сида́й, пойи́дэмъ щэ за псомъ". Прыйи́халы до то́го паля́цу, дэ буў золоты́й пэсъ. Тогды́ воўкъ ка́жэ: „Памята́й сы, нэ бэры́ само́го золото́го пса, ино тамъ е дру́гый паршы́вый, то то́го бэры́, а пото́му скачы́ на мэ́нэ чэ́рэзъ викно́, нэ бі́йся ницъ!" Пишоў винъ до паля́цу и зноў гада́е сы: „На́-що мэни́ того паршы́вого пса? я во́зьму то́го, котро́го мэни́ трэ́ба." Алэ ино́ ру́шыў за ланьцу́хъ, а ту дзэлэ́нь-дзэлэ́нь! Жоўня́ры поўстава́лы, взя́лы го и повэлы́ до ци́сара. Ци́саръ ся пыта́е: „Чого́ ты ту прыйшо́ў?" „Я хо́чу, ка́жэ, золото́го пса!" Тогды́ ци́саръ ка́жэ: „Зна́ешь ты що́? е у едно́го ци́сара золоты́й кинь; диста́нь мэни́ то́го коня́, то я тоби́ дамъ мо́го пса." Прыхо́дытъ до во́ўка и то ёму́ ка́жэ. А воўкъ ка́жэ: „Що-жъ, колы́ ты мэнэ́ ни́ўды слу́хаты нэ хо́чэшь! то вжэ ты чэка́й ту́й, а я по то́го коня́ самъ пи́ду; ино́, ка́жэ, памята́й, абы́-сь такъ за ниў годы́ны каза́ў:

гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ е мій воўкъ?—бо якъ-бы-сь то нэ сказа́ў, то я бы вжэ нэ прыйшо́ў до тэ́бэ!" Тай тогды́ воўкъ нигна́ў. Вжэ такъ за пиў годы́ны винъ сы нагада́ў тай ка́жэ: „Гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ мій воўкъ?" И обзыра́еся наза́дъ, а воўкъ вжэ е съ золоты́мъ коне́мъ.

Тогды́ вжэ воўкъ ка́жэ такъ: „Мы то́го коня́ ци́саровы нэ дамо́! я во́зьму, ка́жэ, и пэрэке́нуся въ тако́го само́го коня́, а ты мэнэ́ вэды́!" Тай винъ пови́ў вжэ то́го коня́ (а́лэ то буў самъ воўкъ) до ци́сара, а правды́вого коня́ прыпня́ў въ ко́рчохъ. Пыта́еся ци́саръ: „Ну, е кинь?"—„Е!"—ка́жэ.—„А дэ?"—„А-во́!"—Тогды́ взяў ци́саръ то́го коня́, а ёму́ даў золото́го пса, тай винъ сы пишо́ў. Тай тогды́ ка́жэ: „Гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ мій воўкъ?" Тай за́разъ воўкъ ко́ло нэ́го ста́нуў. Взя́лы коня́ и пса и пойи́халы вжэ до дру́гого ци́сара по пта́ха. Алэ зноў такъ воўкъ пэрэке́нуўся золоты́мъ псомъ и винъ ёго́ пови́ў до ци́сара. Той пыта́еся: „А е пэсъ?" „Е!" И пока́зуе. Тогды́ ци́саръ взяў то́го пса, а пта́ха му золото́го даў. Винъ вы́йшоў и ка́жэ: „Гэй-гэй, мы́лый Бо́жэ, дэ мій воўкъ?" Воўкъ ся ко́ло нэ́го зъявы́ў, тогды́ винъ забра́ў коня́, пса и пта́ха—и пишлы́. А тоти́, що винъ ни́бы полыша́ў ци́сарамъ, то всё зноў счэ́зло́, и кинь, и пэсъ, бо то воўкъ ся въ таке́ буў пэрэке́нуў, а пото́му ўтикъ. Алэ то нэ буў воўкъ, ино́ дія́волъ. Тай вжэ тогды́ ка́жэ му воўкъ такъ: „Тэпэ́рь вжэ йидь про́сто до то́го ци́сара, дэ ся ма́ешь жэны́ты, нэ вступа́й нигдэ́, а́ни до ко́рчмы, нигдэ́!" Посады́ў го на коня́ и вы́правыў, а самъ пишо́ў вжэ е́нчоў доро́гоў.

Той соби́ йи́дэ, а тамъ ко́рчма стои́тъ пры доро́зи. А въ тій ко́рчми ёго́ бра́тья бу́лы. Оны́ йи́здылы по сьви́ти, стра́тылы вси гро́ши, а ничо́го нэ знайшлы́, жа́дного тако́го пта́ха. И якъ той дурны́й йи́хаў ко́ло ко́рчмы, оны́ низна́лы ёго́ и повыбига́лы. И повыта́лыся съ нымъ, а́лэ ра́дятся, я́къ-бы то ёго́ за́быты, абы́ видъ нэ́го ти золоти́ звири́ забра́ты. Тай вы́провадылы го за ко́рчму кава́локъ, тамъ го за́былы тай ке́нулы въ риў. А сами́ забра́лы всё видъ нэ́го тай пойи́халы до то́го ци́сара.

А самы́й той воўкъ надійшо́ў тоў доро́гоў, ды́вытся, а той лэжы́тъ въ ро́ви мэртвы́й. А тамъ сда́лэку воро́на бу́ла съ малы́мъ вороня́ткомъ. Тай воўкъ зайшо́ў бо́комъ и зійма́ў

тото́ вороня́тко. Воро́на зача́ла го просы́ты за свою́ диты́ну, абы́ пусты́ў. А винъ ка́жэ: „Я пу́щу, а́лэ мэни́ прынэсы́ жыву́щои воды́!“ Воро́на полэ́тила тай прынэсла́ ёму́ въ пы́ску тои воды́ жыву́щои. Тогды́ винъ йій пусты́ў вороня́, а во́ду взяў, вляў то́му въ пы́сокъ, по-нидъ писъ му потэ́ръ, и той ожы́ў. И тогды́ му ка́жэ воўкъ: „А вы́дышь, каза́ў-емъ тоби́, абы́-сь нигдэ́ нэ вступа́ў по-доро́зи, а ты нэ послу́хаў!“ Тай ка́жэ: „На́, я тоби́ дамъ таки́ скры́пки; иды́ съ тымъ до то́го ци́сара, тамъ вжэ ро́блятъ тво́и бра́тья вэсилье́; а́лэ, ка́жэ, оны́ тамъ вси смутни́, то якъ на тыхъ скры́пкахъ заграе́шь, то и мэртвы́й бы встаў“. И тогды́ вжэ воўкъ исчэ́зъ.

А тамъ у ци́сара, якъ тоты́ два бра́ти прывэзлы́ пта́ха, коня́ и пса, то вжэ ци́саръ каза́ў робы́ты вэсилье́, абы́ ся едэ́нъ съ ёго́ донько́ў жэны́ў. Алэ хоть то ся вэсилье́ зачына́е, таки́ вси чого́-сь смутни́, ницъ нэма́ вэсэ́лосты, такъ, якъ-бы кого́ хороны́лы. Тай той дурны́й прыхо́дытъ на вэсилье́. Якъ на тыхъ скры́пкахъ заграў, така́ за́разъ охо́та ста́ла, якъ-бы нэ-зна́ты-що. Вжэ го бра́тья низна́лы и настра́шылыся ду́жэ и посолови́лы. Гада́ютъ сы: „Що́ то е за спо́сибъ? мы го за́былы, а винъ ту зноў е!“ И ци́саръ го низна́ў, и ци́сарова донька́. И винъ имъ тогды́ всё розпови́ў: що то винъ всё диста́ў, тоти́ золоти́ звири́, а́лэ го бра́тья за́былы и всё му видобра́лы. Тогды́ ци́саръ ёго́ ожэны́ў съ свое́ў донько́ў, а тыхъ бра́тиў взяў и каза́ў на по́лы розстриля́ты.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

б). Такъ буў едэ́нъ ци́саръ и маў тры сыны́: два бу́лы му́дри, а трэ́тый дурны́й. И маў ду́жэ фа́йни чэрэ́шни, а́лэ ко́ждои но́чы хто-сь чэрэ́шни обрыва́ў. Тогды́ ци́саръ писла́ў стэрэ́чы тыхъ чэрэшэ́нь на́йстаршого сы́на. Алэ той стэрэжэ́, тай здрима́уся, а тогды́ що-сь прыйшло́ и чэрэ́шни обирва́ло. Дру́гои но́чы пишо́ў сэрэду́щій сынъ. И той засну́ў и що-сь чэрэ́шни обирва́ло. Тогды́ вжэ трэ́тои но́чы пишо́ў той дурны́й сынъ. Винъ наоко́ло чэрэ́шни обложы́ў тэ́рнёмъ и сиў на то тэ́рнье, абы́ го коло́ло, абы́ нэ засну́ў. Сы-

дытъ: у ночы прылитае золотый пташокъ тай стау чэрэшни обрываты. А той го хопыу за фистъ, але фистъ урвауся, а птахъ утикъ. Той дурний рано встау, кажэ: „Выдытэ, тату, я вамъ чэрэшнь достэригъ: то золотый пташокъ чэрэшни обрывае.“ Тай показау тогды той фистъ. Але цисаровы дужэ тоты нора ся ўподобалы, то кажэ до сыниў: „Йидьтэ вы и прывэзитъ мэни доконьчэ того птаха!“ Тоты два сыны мудри взялы сы гроши и по конэвы, по тэнуому, и пойихалы. А дурный взяу стару кобылу, яка найгирша була, и взяў въ торбу штыры вўсяни паланыци, пойихау такжэ.

Йидэ на свойий кобыли и всэ йи по-пидъ чэрэво бье: гэй-гэй! Кобыла лэдво лизэ, бо дужэ вжэ стара. Тай винъ прыйихаў въ лисъ и кобылу пустыў на смыкаўки, а самъ сы сиў и зачаў йисты паланыцю. Тай йисть, а ту съ другого боку такъ воукъ дывытся, такъ зубамы клэпцае. Тай винъ кажэ до воўка: „Воўку, чого ты клэпцаешь зубамы? я тобй паланыци нэ дамъ, а якъ хочэшь йисты, то зйинджъ собй мою кобылу!“ Тай воўкъ йимыў кобылу и зачаў йисты. Тогды той зайшоў тай воўка хопыў тай сиу на воўка. И кажэ: „Колы ты мэни кобылу ззиў, то вэзы ты мэнэ тэпэрь!“ А воўкъ кажэ: „Та вжэ тя повэзу!“

Тай винъ такъ на воўку йидэ, а воўкъ пытае го ся: „А дэ ты йидэшь?“ „Йиду, кажэ, по золотого птаха“. Ну, воукъ вжэ знау, дэ той пташокъ е, пигнау. Тай прыйихалы идъ вэлыкому дворовы. Тогды воўкъ кажэ: „Той пташокъ е ту въ дворй; але якъ будэшь ёго браты, абы-сь нэ брау ёго съ клиткоу, абы-сь ёго самого браў!“ Тай дурный пишоў, але увыдиў, що то дужэ красна золота клитка, то бэрэ вжэ и клитку. Алэ клитка загрэмотила, жоуныры посхапувалыся и кажутъ: „Мы бы тобй того пташка далы, лышэ намъ прывэзы золоту брычку!“ Тай винъ сиў на воўка и пойихаў. Прыйиждае до другого двора, тогды воўкъ кажэ: „Иды, але якъ будэшь браты золоту брычку, абы-сь сидла нэ браў!“ Тай винъ выкотыў брычку, але увыдиў, жэ сидло срибнэ лэжытъ, сподобалося му, то пишоў щэ сидло браты. И то сидло загрэмотило, жоуныры ся посхапувалы, кажутъ: „На-що то бэрэшь? привэды намъ золотй кони, то тобй брычку дамо!“ Тогды винъ сиў на воўка тай пойихаў дали.

Ирыйнжджáе до трэ́того двора́, тамъ му воўкъ кáжэ: „Иды́, бэры́ золоти́ кóни, áлэ абы́-сь уздэчки́ нэ браў!" Винъ пишóў, вы́виў кóни, áлэ нэ вы́трымаў, вэрнуўся по уздэчки́. Тай уздэчки́ загрэмоти́лы, жоўни́ры ся посхáпувалы и кáжуть: „Нэ рушь тóго! ирынэсы́ намъ пэ́ршэ золоту́ пáню, тó ты кóни дамó!" Вы́йшоў, сиў на воўка и пойи́халы. Ирыйхалы до чэтвэ́ртого двора́. Зноў воўкъ кáжэ: „Якъ бу́дэшь ту золоту́ пáню бра́ты, абы́-сь нэ браў золоту́ корýну!" Винъ пишóў и вжэ корýны нэ кéваў; ухóныў золоту́ пáню, сиў на воўка и пойи́хаў. Вступы́ў пáйнэрнэ по золоти́ кóни. Далы́ ёму́ вжэ золоти́ кóни, тай пáнны нэ брáлы, лышы́лы му йи. Винъ пойи́хаў тогды́ по золоту́ бры́чку. Далы́ му бры́чку и кóни му лышы́лы й пáнну. Винъ тогды́ ўпрягъ въ бры́чку кóни, посады́ў пáнну на бры́чку и йи́дэ. Пойи́хаў щэ по золотóго итáшка. И зноў му итáшка дáлы за-ду́рно, вы́купу нэ брáлы. Тогды́ винъ вжэ пойи́хаў до-дóму, а воўкъ пишóў собі́ ёнчоў дорóгоў.

На дорóзи зды́балы ёгó брáтья такі́ обдэ́рти, обталáпани. Тай просятся: „Возьмы́ насъ на бры́чку!" Винъ буў ду́жэ щы́рый тай ихъ узя́ў. Алэ якъ оны́ посидáлы, тогды́ ся засмуты́ла пáни, и итáшокъ нэрэстáў сьнивáты, и кóни и бры́чка ся засмуты́лы, бо оны́ вжэ чу́лы, що то якá-сь бу́дэ зрáда для ихъ пáна. Тай на дорóзи тоты́ два брáти взя́лы тай стя́лы дурнóму гóлову, тай гóлову вэ́рглы на одэ́нъ бикъ дорóгы, а толубъ на дру́гый бикъ. А сами́ пойи́халы до-дóму.

Такъ въ ки́лька дниў той воўкъ найшóў тóго гóлову и пишóў шукáты тóлуба. Якъ найшóў и тóлубъ, зложы́ў го до головы рáзомъ и пишóў до свэ́и яйты́ки, пайи́съ мáстэй и змасты́ў, а той тогды́ ожы́ў и кáжэ: „Ой, я маў ду́жэ твэ́рдый сонъ!" А воўкъ кáжэ: „Спáў-бы-сь на-ви́ки, якъ-бы нэ я!" Тай тогды́ пови́ў го до-дóму, до ци́сара.

Тогды́ тамъ у двори́ на подви́рью кáжэ до нéго воўкъ: „Видсунь о-ту́ плыту!" Той запэ́рся и плыту видсу́нуў. Тогды́ воўкъ зáразъ ся зробы́ў чолови́комъ и кáжэ: „Мэнэ́ еднá бáба закля́ла на ты́сячу литъ на воўка, ажъ ты мэнэ́ вы́купыў!" Тай вжэ тогды́ звытáлыся и пишлы́ до покóйнў, до ци́сара. А тамъ вжэ зачынáлы вэсилье

робы́ты, бо маў ся той найста́ршый братъ съ золотоу на́шноу побыра́ты. Алэ на́шна нэ хоти́ла ся виддаваты тай плакала, тай ита́шокъ, кони и бры́чка вси булы ду́жэ смутни́. А якъ той дурны́й тамъ увійшоу, то ко́ни ся звэсэлы́лы, ита́шокъ зача́ў сьпива́ты, а якъ го увы́дила золота́ панна, то зачі́ла ся сьмія́ты и зачала до нёго га́льбу пы́ва пы́ты. Тай тогды́ вжэ винъ и той прынцъ, що буў на воўка закля́тый, всё ци́сару розповы́лы: якъ ста́рши бра́тья дурного зра́дылы и ёму го́лоў стя́лы. Тай винъ тогды́ вжэ съ тоў золотоу на́нноў ожэны́ўся, а бра́тиу нагна́ў гэтъ видъ сэбэ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

24.

Герой освобождаетъ три царевны.

а). Маў едэ́нъ кова́ль такого сы́на, що ви́симь литъ ссаў ма́мыну цы́цьку и сыди́ў за пьецомъ. Якъ вжэ по висьмохъ лита́хъ маў вылазы́ты зъ-за пьеца, каза́ў сы прыклы́каты куми́ў, що го до хрэсту трымалы, а тогды́ якъ ско́чыў съ пьеца на зэ́млю, то по коли́на ўгрязъ въ зэ́млю, вжэ таку́ сы́лу маў. И тогды́ ка́жэ до та́та, абы́ му зробы́ў зэли́зну на́лыцю на тры цэ́тнари и на 50 сяжэ́нь до́угый ланьцу́хъ. И взяў сы сво́ю ча́стку маетку и пишо́у собі съ нымъ въ сьвитъ.

Ирыйшоў до едного сэла́ и вступы́ў до цэ́рквы змовыты молы́твы. И рыхо́дытъ до цэ́рквы, а тамъ тру́мно вы́сытъ на во́здухахъ само́, нихто́ го нэ трыма́е. И винъ ся взяў людэ́й ныта́ты: „Що то е за такій спосибъ, жэ трумно вы́сытъ само?" А лю́дэ повида́ютъ ёму такъ: „То буў бі́дный тай умэ́ръ тай нэ видда́ў никому доуги́ў, то якъ вжэ ёго прыва́зылы съ трумноу до цэ́рквы, то тру́мно ся само взнэ́сло до-горы́ и вы́сытъ такъ лю́дямъ надъ голова́мы и нихто нэ можэ го зня́ты." Тогды́ той ка́жэ: „Ки́лько той бі́дный гро́шэй вы́нэнъ, то я всё за нэго заплачу!" Тай посходы́лыся лю́дэ, а винъ ныта́ есь: „Ки́лько?" То одэ́нъ ка́жэ 100 срі́бныхъ, дру́гый 50, тамъ зно́ву 30, ки́лько кому́ буў вы́нэнъ. Такъ

винъ кождому заплатыў до урайцара, вси доўгы. И тогды вжэ тото трумно упало на зэмлю и заразъ его взялы и поховалы.

А винъ собі дали пишоў. Иде бэзъ лисъ, а тамъ е хата въ тимъ лиси. Алэ щэ здыбаў два збуи, то оны вжэ вси тры разомъ пишлы до тои хаты. Винъ тогды кажэ едному: „Ты сыды въ хати и вары йисты, а я съ другымъ пиду въ лисъ на полюванье.“ Той вжэ наварыў йисты добрэ, а тамъ лизэ до хаты мала дитына. И кажэ до того збуя: „Пэрэсады мэнэ!“ Винъ пэрэсадыў чэрэзъ пориг.—„Посады на лаву!“ Посадыў. — „Дай мы йисты!“ Винъ даў. „Дай щэ!“ И гэтъ всё ззило, що винъ наладыў на обидъ, всё до кали. И хтило щэ, алэ винъ кажэ, що вжэ нэма ничого. Тогды оно взяло и выдэрло ёму пасъ видъ шыи ажъ до крыжиў, чэрэзъ цили плэчи. Тогды винъ взяў, ўтикъ зъ хаты и вылизъ на бучка коло хаты. А оно взяло той пасъ, що зъ нэго сдэрло, повисыло на стини. Тоти прыходятъ обыдва съ полюваня, дывятся, а ту нэма ницъ, лышэ на стини высытъ пасъ зо шкиры. Тогды той кажэ до збуя: „Тэпэрь вжэ ты вары йисты, а я вжэ самъ пиду на полюванье!“ Пишоў, а той ся лышыў. Такъ зноў наварыў йисты, а ту зноў та дитына лизэ до хаты и зноў такъ кажэ: „Витворы!“ Винъ витворыў.—„Посады мя на лави! дай мы йисты!“— И зноў такъ йило-йило, ажъ поки всё ззило. И потому того збуя злапало и выдэрло шкиру на плэчохъ вжэ тому другому. Тай винъ ўтикъ зъ хаты. Утикае, а той съ дэрэва крычытъ збуй: „Лизь сюда, я туй!“ Тай винъ такжэ полизъ на бучка. Прыходытъ той съ полюваня до-дому —нэма що йисты и никого нэма въ хати, лышэ вжэ два пасы на стини высятъ. Винъ тогды взяў, поставыў палыцю въ кути тай ланьцухъ, зачынае вжэ самъ варыты. А саме тото зноў лизэ до хаты, та дитына. Тай кажэ: „Отворы!“—Винъ витворыў.—Посады мэнэ на лавку!“—Посадыў.—„Дай мы йисты!“ —А винъ кажэ: „А я тоби за-що дамъ йисты?“ Якъ узяў соби палыцю, якъ зачаў биду быты, гэтъ ся порозлывала зъ биды кроў та мазь по цилій хати. И оно полэтило зэмлэў и робыло знакъ по зэмлы ажъ до тои ямы, дэ мэшкало.

А винъ тогды взяў ланьцухъ и палыцю и йшоў за нымъ. А тоти два крычутъ съ бука: „Та мы ось-во!“

Винъ ка́жэ: „Ходи́тъ сюда, я вжэ би́ду побы́у тай иду за нэ́ў шука́ты.“ Оны́ тогды́ позлазы́лы и пишлы́ вси тры за тымъ сьлидо́мъ. И прыйшлы́ до то́и я́мы, дэ оно полизло. Тогды́ винъ ка́жэ едно́му: „Лизь ты!“ А той нэ хо́чэ. Ка́жэ другому нэ хо́чэ. Тогды́ винъ полизъ самъ и ка́жэ: „Трымайтэ ланьцу́хъ мо́цно и спуска́йтэ мэнэ́ на-долы́цу!“ И его спусты́лы ажъ на́-дилъ у я́му. Винъ ды́вытся, а то було нэ́кло. И е тамъ той малы́й дія́волъ, що бу́ў у ныхъ въ ха́ти. Якъ оба́чыў то́го, за́разъ утикъ. Той зача́ў рэ́шту дія́волиў на́лыцэў бы́ты, ажъ порозлита́лыся вси, ино́ ся лышыў еда́нъ найста́ршый, бо буў прышня́тый на ланьцуху. И винъ ся тогды́ взяў до то́го найста́ршого до бійки, такъ его́ бье. Той ка́жэ: „Що хо́чэшь, то тобі́ дамъ, лышэ мя нэ бый!“ А оны́ тамъ ма́лы, тоті́ дія́волы, тры панны́, бо ихъ укра́лы зо сьві́та. То той ка́жэ: „Ницъ нэ хочу, ті́лько мы ти панны́ видда́й!“ И дія́волы е́му тогды́ ихъ вжэ да́лы.

А винъ взяў коры́то, прывязаў до то́го ланьцуха и всады́ў до нэ́го найста́ршу па́нну. А тоті́ кумпа́ны на-горі́ потяглы́ ланьцу́хъ на-гору съ тоў па́нноу. И такъ вытяглы вси тры панны́ на-гору́. Алэ видъ наймоло́дшои той собі́ взяў сэ́ўнатъ зъ руки́ на знакъ. А самъ ся щэ лышы́ў на-споди. Тогды́ тоті́ збу́и на-горі́ зача́лыся спэрэча́ты за тоту наймолодшу па́нну, бо була дужэ фа́йна, то ся оба́ хті́лы съ нэ́ў жэны́ты. Алэ она́ каза́ла, що ті́лько за то́го пидэ́, що йи вы́куныў, бо му да́ла сэ́ўнатъ. И оны́ тогды́ вжэ спусты́лы ланьцу́хъ по нэ́го, а́лэ ся намовылы, жэ якъ пидтя́гнутъ такъ гэй до половы́ны, то пустятъ, абы́ ся забы́ў. А его́ душа́ вжэ ту зра́ду чу́ла, то винъ взяў и положы́ў въ коры́то ка́мины: що́ то зъ того будэ? Оны́ пидтя́глы до половы́ны тай бэ́у! пусты́лы наза́дъ, ажъ ся коры́то розбы́ло. Тай тогды́ забра́лы тоті́ панны́ тай пишлы́ наза́дъ до тои ха́ты въ ли́си.

А той зноў тамъ въ нэ́кли пишо́ў тай бье дія́волиў, а найбі́льшэ то́го найста́ршого. Той про́сытся: „Що хо́чэшь, то́ ты дамо́, лышь мы дару́й жытье́!“ А винъ ка́жэ: „Ницъ нэ хо́чу, ино́ мя вы́нэситъ на-сьві́тъ!“ И дія́волъ взяў его́ и вы́нисъ.

Тогды́ винъ прыхо́дытъ до то́и ха́ты. Збу́и е обыдва́, а́лэ панни́ў нэма́, бо дія́волы ихъ зно́ву ўкра́лы и вы́-

нэслы на склянну́ гору́. Винъ тогды́ взяў тыхъ збу́йнў ганьбы́ты, то сё, то то́, жэ ёго́ хти́лы за́быты, а пото́му ка́жэ до ныхъ: „Я вжэ зна́ю, дэ тоти́ панны́ е; ходи́тъ, ка́жэ, зо мноў!" И оны́ прыйшлы́ такъ ажъ пидъ склянну́ гору́. А тамъ нэма́ ницъ, а́ни стэ́жки, ни драбы́ны, ти́лько самэ́ шкло. Ажъ на сами́мъ вэ́ршку́, гэтъ пидъ о́блакомъ, вы́дно бу́ло ти панны́. Та нэма́ яки́мъ спо́собомъ до ныхъ ся диста́ты. Алэ тамъ ся пасъ кинь стары́й въ ли́си, то винъ го за́быў, шки́ру здойму́ў, обэрнуў шэ́рстэў въ сэрэды́ну и каза́ў сво́имъ кумпа́намъ, абы́ го въ тоту́ шки́ру зашы́лы. И взяў тамъ съ собо́ў па́лыцю и ланьцу́хъ. И каза́ў имъ: „Вы соби́ постава́йтэ на-боци и сті́йтэ!" Оны́ го зашы́лы, а тогды́ прылэ́тиў такі́й птахъ вэлы́кі́й, гада́ў, що то мя́со, взяў то мэ́жы ла́бы и вы́нисъ ажъ на саму́ гору́, бо винъ тамъ на гори́ маў дэ́ты. Тай взяў ту шки́ру дзёбаты, ди́тёмъ розрыва́ты, тай зробы́ў въ шки́ри диру́. Той тогды́ зви́дтамъ па́лыцэў яў ма́хаты, а птахъ зля́кся тай полэ́тиў на́-бикъ. Винъ вы́лизъ тогды́ зи шки́ры, ды́вытся, а тамъ панны́ сыдя́тъ на гори́, а коло ныхъ той самы́й дія́волъ, що буў тамъ въ ха́ти, пыльну́е. Якъ оба́чыў ёго́, то такъ зъ горы́ полэ́тиў, що го нихто и нэ выда́ў. А ти панны́ якъ оба́чылы ёго́, то ся ду́жэ ути́шылы, гада́ютъ сы: „Можэ винъ насъ якъ зви́дсы зноў вы́ратуе!" Тогды́ винъ взяў ланьцу́хъ и нома́лу спусты́ў нэ́ршэ еди́ну, пото́му дру́гу, а пото́му й трэ́ту па́нну на-долы́ну. А пото́му вжэ що́-жъ робы́ты? Сиў тай пла́чэ. Нэма́ кому́ ланьцуха́ потры́маты, а́ни дэ зачины́ты, бо то самэ́ шкло. „Тэпэ́рь вжэ гада́е соби́— тутъ мэни́ смэрть бу́дэ!"

Въ тимъ прылита́е до нэ́го малэ́нькій пта́шокъ тай сиў ко́ло нэ́го тай пыта́ется: „Чого́ ты пла́чэшь?" А винъ взяў му повида́ты, що нэма́ якъ зли́зты зъ горы́ и трэ́ба тутъ пропада́ты. Алэ пташокъ ка́жэ: „Цытъ, нэ плачъ! сида́й на мэ́нэ, то я тэбэ́ знэсу́ на́-дилъ." А винъ усьмихну́ўся тай ка́жэ: „Дэ-жъ ты мэнэ́ знэсэ́шь, колы́ ты такі́й малэ́нькій, якъ кулачо́къ?" Птахъ тогды́ ка́жэ: „Ты ся нэ журы́! я вжэ тэбэ́ знэсу́, най я бу́ду малэ́нькій!" Тогды́ якъ розпусты́ў кры́ла, то такі́й вэлы́кій ся зробы́ў, що бы ся и шты́ры таки́ хло́пы зми́стылы. И взяў и знисъ го на́-дилъ и ка́жэ: „А зна́ешь ты, хто тэбэ́ знисъ на́-дилъ?"—„Та дэ́, ка́жэ, ни, нэ зна́ю!" „Зна́ешь, що ты за мэ́нэ заплаты́ў въ цэ́рквы доўгы́? то я тэпэ́рь прыйшо́ў и поми́гъ тоби́ видъ

смэрты!" А то нибы була́ тота́ душа́, що вы́сила тамъ въ цэ́рквы на-публи́ку. Тай потому́ той пта́шокъ счэзъ.

А той дывытся панни́ў вжэ нэма́. Тоти́ збу́ли гада́лы, що винъ вжэ нэвиэ нэ зли́зэ зъ горы́, тай взя́лы ихъ и повэлы́ до ихъ та́та, до ци́сара. Тай вжэ тамъ ма́лы съ ты́мы панна́мы вэсилье́ робы́ты. А винъ тогды́ пишо́ў за ны́мы до то́го ми́ста. И рыхо́дытъ тамъ на вэсилье́ и показа́ў той сэ́ўнатъ, що маў на руци́ видъ наймоло́дшои на́ны. А она́ вжэ тогды́ за жа́дного нэ хти́ла йты, ти́лько пишла́ за нёго.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

б). Буў ци́саръ и цисаро́ва и нэма́лы дитэ́й и ду́жэ ся тымъ смуты́лы. Алэ една́ ворожбы́тка така́ ся найшла́, прынэ́сла разъ ры́бу и такъ каза́ла до цисаро́вои: „На́, ту ры́бу зварь и зи́ндж, то бу́дэшь ма́ла ди́ты!" Куха́рка ту ры́бу зварыла, вы́льляла на полу́мысокъ и занэ́сла цисаро́вій, и та ззи́ла. Алэ щэ ся въ горня́ты ку́сычокъ лышы́ў, то куха́рка сама́ взя́ла и ззи́ла. И потому́ цисаро́ва породы́ла тры до́ньки, а куха́рка хло́пця. Алэ ба́ба-ворожбы́тка взя́ла тай злымъ запрода́ла тоты́ тры до́ньки цисаро́вои. Зли прыйшлы́ въ ночы́ тай тоты́ тры до́ньки ўкра́лы. А куха́рки хло́пэць рисъ та́мка, а якъ вжэ пидри́съ взлы́кій, ка́жэ до ци́сара: „Ца́ру, я вжэ ко́ло васъ нэ бу́ду, йду шука́ты ва́шыхъ доне́къ." Тай ци́саръ му даў гро́шэй и винъ пишо́ў.

Идэ, а на доро́зи зды́баўся съ яки́мы-съ двома́ роби́тныкамы. „Ходи́тъ, ка́жэ, зо мноў, абы мэни́ нэ бу́ло само́му ску́чно!" Тай пишлы́ въ лисъ, а въ ли́си такі́й буў хлопъ, що за́разъ всё запюхаў, дэ що е. То ви́нъ на вси шты́ры сто́роны понюхаў тай такъ ка́жэ: „Тво́и ры́нцэ́зны сутъ дэ-сь на за́хидъ со́ньця, а́лэ нэ зна́ю до́брэ дэ? иды́, ка́жэ, да́ли, тамъ дру́гый такі́й бу́дэ, то́ ты ўнови́сть." И винъ тогды́ пишо́ў на за́хидъ со́ньця и найшо́ў тако́го дру́гого хло́па и ўнови́ў му, за чымъ шука́е. А той вы́йшоў, на вси шты́ры ча́сты понюхаў и ка́жэ: „Сутъ на за́хидъ со́ньця, а́лэ тамъ щэ бу́дэ трэ́-

тый такій, то ты ўповість добрэ." Прыйшоў идъ трэтому, розповіў му, дэ йдэ, чого шукає, а той выйшоў, понюхаў тай кажэ: „Сутъ пэдалэко: иды на захидъ сонця, тамъ е гостынэцъ горо́ў выризаный, якъ до Станиславова, и тамъ пры тимъ гостынцы по ливимъ боци е керныця, 200 сяжэнь глубока, то тамъ пидъ зэмлэў у тій керныцы сутъ ти прыницэзны; алэ, кажэ, ты ихъ нэ дистанэшь, лышэ смэрты ножыешь!"

Тай оны тогды пишлы ажэнь идъ тій ями. Тоты робітныки его на шнуры спустылы у тоту яму, а имъ винъ казаў чэкаты тамъ на нэго тры дны. „А якъ-бы-мъ ся, кажэ, до трёхъ дниў нэ вэрнуў, то абы-сьтэ гэтъ пишлы!"—Тай спустыўся у яму тай тогды пишоў до найстаршои прыницэзны. Алэ она ся дужэ ўтишыла тай кажэ: „Чого ты ту прыйшоў? та-жэ, якъ мій чоловикъ прыйдэ, то тя забье!" „Нэ бійся! винъ йій кажэ. Оповиджъ мэни, що твій чоловикъ йисть?"—Она кажэ: „Йисть ниў вола и ниу бочиўки пыва пье." „Дай, кажэ, тото мэни зійсты!"—Тай тото ззиў и пишоў пидъ мистъ, куды той злый маў иты. Тай той злый прыйихаў на коны, а винъ кажэ зъ-пидъ моста: „Гоў! стань!" „Що ты хочь видъ мэнэ?" „Хочу ся быты! я тя, кажэ, заразъ тутка погребу!" Якъ ся пирвалы бороты, якъ злымъ хопыў, якъ нымъ гэпнуў, лышь ся рона зъ нэго зробыла. Винъ тогды пишоў до сэрэдущои прыницэзны. А она кажэ: „Чого ты сюда прыйшоў? мій чоловикъ тэбэ забье!" „Нэ бійся, нэ забье! лышэ, кажэ, повиджъ ты мэни, що твій чоловикъ йисть?" „Йисть цилого вола и цилу бочку пыва пье." „Дай то мэни зійсты!" Попойиў, паныўся и пишоў пидъ мистъ. Той йидэ на коны злый, а винъ ся выхопыў зъ-пидъ моста, тай до нэго. А злый кажэ: „Ага, то ты мого брата ўбыў? ходы, пидэмъ ся оба бороты!" Якъ ся хопылы бороты, якъ той злымъ пирваў, зноў ся зъ нэго рона зробыла. Тогды вжэ пишоў до наймолодшои. Она кажэ: „Йой, та мій чоловикъ прыйдэ за квадрансъ, то тя забье!" „А що твій чоловикъ йисть?" „Йисть два волы и пье дви бочиўки пыва." „Дала му то зійсты, винъ ззиў всё. Тогды му щэ та прыницэзна кажэ: „Ой, мій чоловикъ найстрашнійшый! то йды, тамъ пидъ мостомъ стоятъ бочки съ водоў, то съ правого боку бочку пэрэкотышь на ливый бикъ, а тоту съ ливого на правый;

а потому, кажэ, якъ будэшь съ нымъ ся боротыся, якъ ся змучышь, то абы-сь тоту воду пыў съ ливого боку, бо тота вода сыльнійша." Тай винъ пишоў и идъ мистъ, нэрэставыу бочки тай ждэ. Ажъ гой злый йидэ. Тай почуў ёго сдалэку тай клычэ: „Ходы-ходы, будэмо боротыся, бо ты моихъ два брати забыў!" Зачалы ся боротыся, тай нэ мигъ никотрый никотрого забыты. Кажэ тогды злый: „Ходимъ тэпэрь воду пыты, бо-сьмо ся помучылы!" Алэ той напыўся съ ливои бочки, а злый съ правои. Тай тогды ся выхопылы, якъ хлопъ тымъ злымъ кепуў, то ся лышэ зъ нёго рона зробыла. Винъ тогды пишоў, забраў вси тры прыпцэзны идъ тій ями. Тамъ ихъ тоти робитныки зъ-горы повытягалы по-еднійна шнури на-гору. Алэ якъ вжэ тоты прыпцэзны вытягнулы, тогды той прывязаў до шнура тяжкій каминь, абы спробувати, що оны зробятъ? Ти вытягнулы до ниў ямы, а тогды каминь пустылы: оттакё бы и съ нымъ було. Тай тогды забралы готы прыпцэзны и пишлы сы ажэнь до цисара. Пишлы тай сказалы, що то оны выкупылы тоти прыпцэзны.

А того лышылы тамой у ями. Ходыў винъ такъ тры дны, алэ нищъ нэ порадыў. Тогды злэтиу орэу у почы и кажэ до нёго: „Чого ты такъ ходышь?" Винъ кажэ, жэ того й того, жэ нэ можэ на-сьвитъ выйты. Тогды ему орэу кажэ: „Я йду гэтъ, алэ ту о 12-ій годыни спадэ олинь, то абы-сь ся добро чэныў, то винъ тя выпэсэ на-гору." О 12-ій годыни олинь упаў, винъ ся го ухопыу и моцно трымаў. Олинь го хочэ звэрочы, алэ винъ ся нэ дау, тай го такъ олинь выпнсъ на-гору. И тогды го оставыў, адэ му даў такі тры волоски, що съ нымы, якъ покрутытъ, можэ залэтиты, дэ хочэ. Тай щэ винъ маў съ собоў тоти ричы, що взяў тамъ зъ ямы: видъ старшои прыпцэзны чэрэвыки, видъ сэрэдущои таке сытко на очы чорнэ, а видъ наймолодшои корупку. То винъ забраў съ собоў, якъ лэтиў зъ ямы.

Тай пишоў соби такъ, наймыўся въ тимъ мисти, дэ той цисаръ буў, у едного коваля за чэлядныка. Алэ други чэлядныки далы ёму такій млотъ, жэ нэ можъ пидняты, такій тяжкый: цы будэ винъ тымъ быты? А винъ якъ тымъ млотомъ взяў, якъ ударыў въ

ба́бу, то и ба́ба залэ́тила и ко́убыця въ зэ́млю, ажъ нэ вы́дно ничо́. Побиглы чэля́дныки до коваля́, до старо́го, да́лы зна́ты. Прыхо́дытъ кова́ль, ка́жэ то выко́пуваты. Оны́ выко́пуютъ, а́лэ му́чатся, нэ мо́жутъ, а винъ ся съмі́є. Тай якъ взяу́ едно́у руко́у, тай вы́тягъ всё. Тай тогды́ стау за чэля́дныка. И разъ дау му кова́ль па́ру ры́ньскихъ, ка́жэ: „Иды́, купы́ зэли́за!" Винъ съ ты́мы гри́шмы пишо́у на трахты́рню, попойи́у, вы́пыу, тай стра́ты́у гро́ши. Алэ пишо́у до склэ́ну тай всё зэли́зо повыносы́у на-дви́ръ. Пыта́ются жыды́: „На́-що ты выно́сышь тото́? нэ рушь!" Алэ винъ то взяу́ на плэ́чи всё зэли́зо тай пишо́у съ тымъ до коваля́, нэ заплаты́у. Разъ зноу трэ́ба бу́ло муки́, писла́ла го кова́лька за муко́у. Винъ гро́ши зноу розтра́ты́у, а́лэ пишо́у до склэ́ну, забра́у сы вси михи́ съ муко́у, яки́ бу́лы въ склэ́пи, на плэ́чи, тай забра́уся и пишо́у. Жыды́ въ крыкъ, зача́лы би́чы за нымъ, а́лэ ся потому боя́лы, тай ся вэрцу́лы. Тогды́ вжэ ка́жэ кова́ль до жи́нки: „Его́ нэ трэ́ба нигдэ́ посыла́ты, бо будэ́ нэсчи́стье!" Тай винъ тамъ вжэ лышэ́ робы́у въ ку́зны.

Алэ та найста́рша прынцэ́зна да́ла такі́й ро́зказъ: „Якъ мэни́ хто таки́ чэрэвы́ки вы́плэтэ, якъ я у я́ми плэ́ла, то диста́нэ вэлы́ку на горо́ду!" Тогды́ той ка́жэ ковалэ́вы: „Иды́, кажы́, що ты таки́ чэрэвы́ки вы́плэтэшь!" Алэ кова́ль нэ хоти́у иты́, боя́уся. „Якъ нэ пи́дэшь, ка́жэ, то тя за́бью!"— Тогды́ кова́ль пишоу до прынцэ́зны и ка́жэ: „Я чэрэвы́ки вы́плэту и прынэ́су за тры дны." Тогды́ прыйшо́у кова́ль до то́го сво́го чэля́дныка и ка́жэ: „Ну, плэты́ чэрэвы́ки, абы́ за тры дны бу́лы гото́ви!" Алэ той му ка́жэ: „О, я соби́ послі́дного дня вы́плэту, щэ ма́ю часъ." Ажъ прыйшо́у трэ́тый дэнь, кова́ль ду́жэ упу́дыуся, що щэ чэрэвы́киу нэма́. Тогды́ той ка́жэ чэля́дныкъ: „Поста́у мы ту пиу́ ки́рця воло́скихъ ори́хиу и пиу́ бочи́локъ пы́ва, то бу́дутъ чэрэвы́ки." Му́спу кова́ль ёму́ то да́ты. Алэ пото́му слу́хае пидъ двэрмы́ нычь нэ чу́ты: той нэ майштру́е ницъ, лышэ́ тоу́чэ ори́хи и пье пы́во. Кова́ль съ кова́лькоу пла́чэ, бо бида́ бу́дэ видъ прынцэ́зны. Алэ пото́му той вы́ймыу ти чэрэвы́ки, що мау зъ то́и я́мы, тай положы́у на ба́бу, а самъ сы лягъ и спытъ. Вхо́дытъ кова́ль тай чэрэвы́ки узя́у тай пони́съ до прынцэ́зны. Алэ она ма́ла на дру́гый дэнь става́ты вжэ до слю́бу съ тымъ едны́мъ роби́тныкомъ, що йи вы́тягнуу зъ

ямы. Тай тогды ковалэвы нагороду вэлыку за ти чэрэвыки дала тай просытъ го вжэ тамъ на то вэсилье на заўтра. А потому ся го пытае: „Цы ты то робыў самъ, ти чэрэвыки?"

„Нье, кажэ, я маю чэляднык такого." Того просыла, абы прыходыў разомъ съ тымъ чэлядныкомъ на вэсилье. Прыходытъ коваль до-дому, кажэ до чэляднык, жэ го просылы на вэсилье до цисара. Коваль нэ йшоў, алэ чэлядныкъ ся рано зибраў, розвязаў соби чорный волосъ видъ того олэня, то заразъ зробыўся вэлыкій панъ и кинь пидъ нымъ стапуў чорный. Тогды полэтиў витромъ на то вэсилье. И здыбаў вжэ вэсилье на сэли, жэ йдутъ до цэрквы. Схопыўся съ коня, ўхопыў молоду-прынцэзну по-пидъ боки, а того робитныка, що съ нэў ставаў до слюбу, гэтъ видтрутыў, тай повиў йи самъ до слюбу. Потому видъ слюбу йи зноу вывиў, алэ го просятъ на вэсилье нэ хочэ йты. Сиў на свого коня и полэтиў ажъ до коваля.

Потому вжэ друга сэстра кажэ: „Хто мэни таке сытко на очы выплэтэ, якъ я плэла, то дистанэ вэлыку нагороду!" Тогды ковалиў чэлядныкъ кажэ до коваля: „Иды и кажы, що ты то выплэтэшь, нэ бійся!" Пишоў коваль и сказаў: „За тры дны прынэсу." Вжэ мынае два дны, а чэлядныкъ сытка нэ плэтэ. Прыйшоў трэтый дэнь, винъ соби тогды казаў даты тры чвэртки волоскихъ ориxиў и бочиўку пыва. Тай зноў ницъ нэ робытъ, пиё ориxи тоучэ и пыво пье. Ажъ выймыў то сытко, положыў на бабу, а самъ уснуў. Коваль взяў сытко тай пониcъ А тамъ сэрэдущa прынцэзна мала заўтра робыты вэсилье съ тымъ другымъ робитныкомъ. Далы ковалэвы гроши и зноў ся пытаютъ: „Цы ты самъ робыў, цы маешь чэляднyка?" „Маю, кажэ, такого чэляднyка." Тогды му кажутъ, абы прыходыў на вэсилье съ тымъ чэлядныкомъ. На другый дэнь выймыў той соби сывый волосъ зробыўся зъ нёго панъ въ сывимъ мундури и зробыўся сывый кинь пидъ нымъ. Винъ зноў полэтиў повитёмъ, а тамъ вэсилье вжэ до слюбу идэ. Винъ молоду тогды зноў видвиў по-пидъ боки до слюбу и зъ слюбу йи зноў видвиў, а потому сиў на коня тай полэтиў гэтъ.

Вжэ ся виддае тэпэрь наймолодша прынцэзна за еднoго цисарского сына. Алэ кажэ: „Хто мы таку

корунку вы́плэтэ, якъ я плэ́ла, то будэ ставáты зо мноу до слю́бу, а той цисáрскый сынъ пидэ́ гэтъ." Той то ўчуў и пислáу ковалй такъ до нэ́и, жэ вы́плэтэ до трёхъ дниу. Алэ чэ́рэзъ два дны пицъ нэ плэтэ́. Ажъ казáў сы дáты корэ́ць орихиў и дви бочи́ўки ны́ва. Ковáль му то даў, а винъ собй йиў-ныў, ажъ трэ́того дня рáно положы́у корýнку на бáбу тай тогды́ лягъ спáты. Ирыйшо́у ковáль, корýнку видни́съ тай зноў тамъ такъ сказáў, жэ то его́ чэлядныкъ робы́ў. Дáлы ёму́ нагороду, а то́го чэлядныка просы́лы на зáўтра, абы́ ставáў до слю́бу. Алэ винъ нэ прыходы́ў. Чэкáлы-чэкáлы, тай вжэ той цисáрскый сынъ вэдэ́ прыницэ́зну, вжэ мáе съ нэ́ў ставаты до слю́бу. Той тогды́ розвязаў бйлый во́лосъ, то стаў пáномъ на бйлимъ коны́. Тогды́ полэ́тиў новйтёмъ и зды́баў вжэ вэсилье́ на доро́зи. Загальтовáў тогды́ то вэсилье́ и пытáеся: „Чые́ то вэсилье́?" Повидáютъ ёму́, що цисáрскый сынъ ся жэ́нытъ съ прыницэ́зноў. Тогды́ винъ имъ розповйў, жэ то винъ ти прыницэ́зны зъ-пидъ зэмлй вы́кунуў и жэ ти рйчы имъ прыйсъ. Тогды́ его́ вжэ снизнáлы и зачáлыся съ нымъ вытáты. Тай той цисáрскый сынъ гэтъ собй пишо́ў, а винъ вжэ тогды́ стáпуў съ тоў наймолóдшоў прыницэ́зноў до слю́бу. А ти дви стáрши сэ́стры лышы́ў вжэ тымъ двомъ робйтныкамъ, áлэ ихъ гэтъ нагнáў въ ёнчый край за зрáду.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

25.

Медвежье-ушко.

Буу едэ́нъ панъ и пишо́ў такъ съ пáнэў у лисъ на я́годы. А тáмка йшоў мэдвйдь, то панъ утйкъ, áлэ пáню пойнмáў мэдвйдь. Тай тогды́ новйў пáню до своёи я́мы и жы́ў такъ съ нэ́ў тры ро́ки. И вжэ онá мáла видъ то́го мэдвэ́дя хло́ця и плэ́кáла го. А въ тры ро́ки кáжэ пáни до мэдвэ́дя: „Я вжэ въ тэ́бэ тры ро́ки, а що-мъ ся нэ мы́ла; иды́, прынэсы́ мэнй воды́!" Алэ дáла му на во́ду рэшэто́, и мэдвйдь пишо́ў за водо́ў. Тогды́

ка́жэ она́ идъ хло́пцёвы: „Сыну́ю, иды́, потрясы́ дубомъ, цы мо́цный ты вжэ?" Винъ вы́лизъ изъ я́мы, потря́съ лышэ́нь съ ду́ба гыльлье опа́ло. Ка́жэ маты: „Ой, щэ-сь за слабый, щэ нэ бу́дэмъ утика́ты." И мэдви́дь прыни́съ воду, она́ ся обмы́ла, тай пи́цъ. И пото́му щэ тры ро́ки плэка́ла то́го хло́пця. И по трёхъ ро́кахъ зноу́ писла́ла мэдвэ́дя съ рэшэтомъ по во́ду, а тогды́ ка́жэ до хлопця: „Поли́зь, сыну, потрясы́ ду́бомъ, цы моцный ты?" Якъ потря́съ ду́бомъ, то дубъ вы́вэрнуўся зивси́мъ на зэ́млю.—„Ну, ка́жэ, вжэ мо́жэмъ утика́ты!"—Вы́йшлы, утика́ютъ зъ я́мы. Ды́вятся, а мэдви́дь вжэ лэты́тъ за ны́мы, доганя́е. Тогды́ хло́пэць ка́жэ: „Вы, ма́мо, ўтика́йтэ, а я ста́ну до нёго." Прылэ́тиў мэдви́дь, той якъ хо́пыў мэдвэ́дя, якъ пымъ вэ́ргъ, тай за́быў мэдвэ́дя. И прыйшлы́ тогды́ до то́го па́на, що ёго́ та па́ни бу́ла. То панъ ся ду́жэ ўти́шыў, и вжэ тамъ γаздува́лы ра́зомъ. А то́го хлопця тамъ пазывалы Мэдвэ́жэ-у́шко.

На вэ́сну трэ́ба вы́вэзты у по́лэ гній. Тогды́ хло́пэць до па́на ка́жэ: „Забыйтэ ки́лька воли́ў и сшыйтэ мэни́ зъ тыхъ шкиръ михъ, то я забэ́ру всій гній и вынэсу самъ на полэ." Алэ панъ ка́жэ: „Та шкода воли́ў: чымъ бу́дэмъ вэснуви́ты?" „Э-що́, я й бэзъ воли́ў самъ повэсну́ю!" Тай сшыў соби́ такій михъ и вынисъ всій гній на полэ. „Тэпэ́рь, ка́жэ, прода́йтэ ко́ни, а я ся запряжу́ у плугъ и бу́ду ора́ты." И такъ зробы́лы. Повэснува́ў гэтъ всё самъ, бэзъ худобы. Алэ по тимъ панъ ёго́ вжэ боя́ўся ду́жэ и хоти́ў ёго стра́ты.—„Бу́дэмо, ка́жэ, копа́ты керны́цю!"—Ко́плэ вжэ то Мэдвэ́жэ-у́шко керны́цю, вы́копаў ду́жэ глубо́ку. А панъ куны́ў вэлы́кій дзвинъ зэли́за тай каза́ў то тамъ сэ́нуты на то́го хлопця до керны́ци; то штыры хло́па лэ́дво зэ́нулы тай пусты́лы у керны́цю. Алэ той, якъ то увы́диў, то ти́лько подуў въ-гору́, а дзвинъ ся навэрну́ў наза́дъ до-горы́ и тамъ щэ за́быв два хло́пы. Алэ вы́лизъ той зъ я́мы и ка́жэ: „То вы мэнэ́ хо́чэтэ за́быты за мо́ю слу́жбу? я вжэ соби́, ка́жэ, пиду́ гэтъ!" И забра́ўся и пишо́ў.

Идэ́-идэ́, здыба́е хло́па. Пыта́е го ся: „Що́ ты за едэ́нъ?"— „Я Ломы́-лисъ, ка́жэ, а́лэ ты що́ за едэ́нъ?" „Я, ка́жэ той, Мэдвэ́жэ-у́шко."—„Ходи́мъ ра́зомъ!"—И иду́тъ-иду́тъ, здыба́ютъ зноу́ чолови́ка. Пыта́ютъ го ся: „Що ты за едэ́нъ?" А

винъ ка́жэ: „Я Розсу́нь-гора́.“ „Ходы́ съ на́мы!“ Идутъ-иду́тъ, здыба́ютъ зноу́ хло́на. Ныта́ютъ его́ ся: „Що́ ты е за едэ́нъ?“ Винъ ка́жэ: „Я Заста́ў-вода́.“ „Ходи́мъ ра́зомъ!“ Тай идутъ-иду́тъ ту такі́й лисъ вэлы́кій, густы́й, нэ можъ пройты́. Тогды́ Ломы́-лисъ вы́ламаў лисъ, зробы́ў доро́гу, пишлы́. Иду́тъ-иду́тъ ту така́ гора́ вэлы́ка, нэ мо́жутъ а́ни вы́лизты, а́ни обійты́. Тогды́ Розсу́нь-гора́ видсунуў гору́ на́-бикъ, зробы́лася доро́га, пишлы́. Иду́тъ-иду́тъ, прыхо́дятъ до воды́ ду́жэ вэлы́ка. Тамъ Заста́ў-вода́ заста́выў во́ду, то оны́ сы пэрэйшлы́ на-су́хо, иду́тъ да́льшэ.

А тамъ у ли́си така́ ха́та бу́ла, то пишлы́ до то́и ха́ты на ста́нцью. И та́мки пэрэночува́лы, а на дру́гый дэнь ура́дылыся иты́ на полюва́нье, а едэ́нъ абы́ ся зиста́ў до́ма вары́ты йи́сты. И пишлы́ тры на полюва́нье, а Ломы́-лисъ зиста́ўся вары́ты йи́сты. И винъ звары́ў и лягъ сы спа́ты. А ту прыходытъ бида́, вытри́скуе по го́ршкахъ. А той ка́жэ: „Що́ то за бида́ мэни́ вытри́скуе по го́ршкахъ?“ А бида́ ка́жэ: „А то що́ тамъ за бида́ лэжы́тъ на мо́имъ ли́жку?“ Тай пишлы́ ся боро́ты, то бида́ натлу́мыла, набы́ла хло́на, тай пишла́ тогды́ гэтъ. Тоты́ попрыходы́лы съ полюва́ня, а́лэ той ницъ нэ каза́ў, що ёго́ бида́ побы́ла. На дру́гый дэнь тры зноу́ пишлы́ у лисъ, а едэ́нъ лышы́ўся вары́ты йи́сты, той Розсу́нь-гора́. И звары́ў йи́сты и лягъ собі́. А бида́ зноу́ прыйшла́ и такъ сы съ нымъ робы́ла збы́тки, а пото́му го пойима́ла, набы́ла-набы́ла и пишла́. Тоты́ прыйшлы́ съ полюва́ня, пообі́далы, а́лэ винъ имъ ницъ нэ каза́ў. Пото́му вжэ трэ́тои дны́ны лышы́ўся Заста́ў-вода́ до́ма, а тоты́ тры пишлы́. Звары́ў йи́сты, лягъ сы спа́ты, а́лэ бида́ прыйшла́, набы́ла го, намотло́шыла и пишла́ сы. Винъ тымъ ницъ нэ каза́ў. Чэтвэ́ртои дны́ны лышы́ўся вжэ той Мэдвэ́жэ-у́шко до́ма. Звары́ў йи́сты и лэжы́тъ собі́ на ли́жку. А бида́ прыйшла́, вытри́скуе по го́ршкахъ, а винъ крычы́тъ: „Що́ тамъ за бида́?“ Та якъ схопыўся съ ли́жка, пойима́ў бида́ за но́гы, набы́ў-набы́ў и видни́съ у ли́съ, у дэ́бру ке́нуў. И тоты́ прыйшлы́, пообі́далы. Пото́му спочыва́ютъ и ныта́ются: „Чы буў ту хто мо́жэ въ ха́ти?“ А Мэдвэ́жэ-у́шко ка́жэ: „Була бида́, а́лэ я йи пойима́ў, набы́ў и вэргъ у дэ́бру.“ „Эй, ану, дэ она́ е?“—Пишлы́ съ нымъ и винъ имъ показа́ў, дэ йи вэргъ. Тай оны́ тамъ вси полі́злы въ ту дэ́б-

ру щэ ту биду́ бы́ты. Алэ тамъ бу́ло би́льшэ бидъ, нэ лышэ́ та одна́, то ти би́ды ихъ якъ ўхо́пылы, то всихъ побы́лы на-смэ́рть, всихъ штыро́хъ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

26.

Сынъ трактирщика.

Такъ буў трахты́рныкъ тай маў сы́на. И той сынъ ёго́ нэ хоти́ў ся учы́ты за трахты́рныка, лышэ́ пустошува́ў. Тогды́ отэ́ць ка́жэ до нёго: „Якъ я умру, то що́ ты бу́дэшь робы́ты?" „Я тогды́, ка́жэ, пиду собі́ въ сьвитъ тай буду на́помъ." Тай отэ́ць умэ́ръ, а винъ тогды́ нэ маў що́ робы́ты, то забра́уся и пишо́ў у сьвитъ. Алэ маў винъ фа́йного пэска́ тай взяў ёго́ съ собо́ў.

Идэ́ винъ чэ́рэзъ лисъ, а мысли́вый увы́диу того пэска́ тай за́стрилыў. Тогды́ винъ вжэ такъ пла́чэ за тымъ пэскомъ, ту́жытъ. Тай здыба́е яко́го-сь чолови́ка исъ пэско́мъ. А то буў самъ Господь съ а́нгэломъ. Тай пыта́еся ёго Го́сподь: „Чого́ ты пла́чэшь?" Винъ ка́жэ: „Я маў фа́йного пэска́, а́лэ мы го якій-сь мысли́вый за́стрилыў." Тогды́ му Господь даў сво́го пэска́ и ка́жэ: „На́тобі тай иды́!" Винъ тогды́ сы взяў пэска́ и пишоў, а́лэ що всэ за сво́нмъ пэско́мъ пла́чэ. И здыбаў зноў яко́го-сь чолови́ка съ пэско́мъ.—„Чого́ ты пла́чэшь?" „Я маў, ка́жэ, пэска́, а́лэ мы мысли́вый за́стрилыў." „Та-о́ ма́ешь прэ́цинь пэска́."—„Э, то ёнчый, то нэ такій!" —Той чолови́къ му тогды́ зноў даў пэска́, вжэ дру́гого. Алэ то буў зно́ву Го́сподь исъ а́нгэломъ. Тай винъ взяў тай идэ́ вжэ съ двома́ пэска́мы. Алэ йдэ дорогоў тай пла́чэ. Здыба́е въ-трэ́тэ то́го чолови́ка тай съ пэско́мъ.—„Чого́ ты пла́чэшь тай ту́жышь?"—„За́быў мы стрилэ́ць мо́го пэска́." „Ба, та ось ма́ешь два."—„Э, то нэ таки́ фа́йни!"—Тогды́ Го́сподь ка́жэ до нёго: „То на́-тобі́ щэ то́го пэска́, трэ́того, а́лэ вжэ нэ плачь би́льшэ!" Тай ка́жэ: „Алэ на́-тобі́ щэ й свы́стало: я́къ-бы ты ся яка́ прыго́да чыны́ла, то абы́-сь тымъ свы́сталомъ засвыста́ў, то ти пэски́ за́разъ ты помо́жутъ."

Идэ́ винъ, идэ́ чэ́рэзъ лисъ, а тоті́ пэскі́ за нымъ идутъ. Тай ды́вытся, а ту у лі́си такі́й вэлы́кі́й двиръ. Війшоў винъ до двора́, а тамъ буў такі́й сы́вый панъ съ жі́нкоу. Тай пыта́еся ёго панъ: „Ви́дки ты, чого ты пыта́ешь?" Винъ ка́жэ: „Я буў пры своимъ та́ту, а́лэ-мъ ся пэ хоті́ў учы́ты за трахты́рныка, то йду тэпэ́рь у съвитъ, бо та́то умэ́ръ." Панъ ка́жэ: „То лыша́йся ту у мэ́нэ, я тя бу́ду учы́ты за трахты́рныка, бо я самъ е трахты́рныкъ." Тай прывиў го до едно́го поко́ю, а тамъ са́ми выдэ́ўки; увиў до другого тамъ са́ми ножі́, са́ми сталёви; увиў до трэ́того тамъ са́ми фузьі́ и ша́бли; увиў го до чэтвэ́ртого поко́ю, а тамъ на-сэрэды́ни стойтъ ба́ба на коўбы́цы, а по-наўкола тои ба́бы лэжа́тъ лю́дэ, вси порі́зани. Тай хлопэць тогды́ гада́е сы въ своі́ній со́висты: „Бо́жэ, ажо́нь ту́тка бу́дэ мо́я смэрть!" Тогды́ ка́жэ панъ до нёго: „Сида́й ту́тка на ба́бу! я тя, ка́жэ, бу́ду учы́ты за трахты́рныка!" Хлопэць ся зача́ў просы́ты: „Пусти́тъ мя, ка́жэ, най щэ хоть по́рэдъ смэ́ртэў Отчэна́шъ измо́вью!" И зача́ў мовыты Отчэна́шъ и свы́снуў у свы́стало разъ. Мовытъ да́льшэ, на-сэрэды́ни свы́снуу дру́гый разъ. Ажъ скиньчы́у Отчэна́шъ до киньця́, свы́снуў тро́тый разъ. То тоті́ пэскі́ за́разъ ко́ло нёго ста́лы тай зача́лы то́го розбі́йныка ду́жэ йі́сты. Той ся про́сытъ: „Бі́йся Бо́га, дару́й мы жытьё, то я тобі́ дамъ таку́ табакёркy, жэ якъ сы погада́ешь на кого́ и покру́тышь табакёркоў у пра́вый бикъ, то му за́разъ голову видкру́тышь; а якъ, ка́жэ, покру́тышь у ли́вый бикъ, то зно́ву му голова́ такъ ста́нэ, якъ була́." — „Дава́й!" Даў му табакёрку, тогды́ винъ ка́жэ своимъ псамъ на то́го: „Гу́зя!" Тай за́разъ псы обпа́лы розбі́йныка и го роздэ́рлы. Тогды́ щэ тоті́ псы роздэ́рлы жі́нку того розбі́йныка, а слу́жныцю пэ роздыра́лы, бо она́ бу́ла въ такій сі́мій пэволы. Тогды́ слу́жныця ка́жэ: „Ту́тка щэ въ пя́тимъ поко́ю е 24 розбі́йныки, а́лэ тэпэ́рь спятъ, щэ бу́дутъ спа́ты съ-годы́ну." Тогды́ винъ взяў съ собоў пэскі́ и пишоў тамъ до розбі́йныкиў. Отворы́у двэ́ри, а́лэ ся злякъ ду́жэ, то пэскі́ тамъ замо́къ, а самъ ути́къ. Алэ слу́хае такъ тоті́ пэскі́ розбі́йныкиў жрутъ, такъ розбі́йныки крыча́тъ! Якъ вжэ пэрэста́лы крыча́ты, якъ вжэ ихъ пэскі́ пожэ́рлы, зача́лы тогды́ пэскі́ ла́ба-

мы до двэрэй драпаты. Той двэри отворыў, а пэскй по кервы плываютъ. Тогды винъ ихъ обмыў видъ той кервы тай забраўся съ ныймы тай пишоў. Алэ пэскй кажутъ до нёго: „Ты вжэ тэпэрь насъ выдиты нэ будэшь, бо мы духи, алэ мы всэ будэмъ коло тэбэ. То, кажутъ, якъ-бы ты ся яка прыгода лучыла, то свысны тры разы, а мы ты заразъ поможэмъ.“ Винъ тогды пишоў, алэ вжэ пэскй нэ выдиў.

Прыйшоў винъ до едного мйста, а тото мйсто на-чорно жалобамы обслонэно. То винъ пытаеся людэй: „На-що то тйлько жалобиў?“ Людэ ёму такъ сказалы: „То е тутка такій злый сатана, що сыдытъ на варстати и що-дэнь едного хрыстяныпа йисть; то ныньки выйшло на цйсарову доньку, абы йшла до нёго тамъ на варстатъ, то тому такй жалобы по всимъ мйсти.“ Тай въ той часъ вжэ взлы цйсарову доньку: напэрэдъ идутъ процэсый и 300 ксёндзиў спивае, такъ гы умэрлому, а цйсарова донька лэжытъ въ марахъ, якъ-бы умэрла. Прыйшлы вжэ блызько дъ тому сатанй, тай тамъ людэ тоту цйсарову доньку вжэ лышылы, а самй поўтикалы. Тогды той хлопъ прыступыў до той цйсаровои доньки и кажэ: „Я пиду напэрэдъ, а ты йды сзаду!“ Прыйшлы такъ дъ тому сатанй на варстатъ, тогды той хлопъ кажэ: „Слава Исусу Хрыстў!“ А сатана кажэ: „Я нэ хочу твои славы, я хочу ййсты!“ Алэ хлопъ кажэ до нёго: „Но, то хоть понюхайтэ сы щэ пэршэ табачки зъ мэи табакёрки!“ Той розпустыў лабыща, хочэ браты табаки, алэ хлопъ якъ взяў табакёркоў крутыты, а сатанй зачалы вязы трищаты. Тай такъ му гэтъ голову скрутыў, ажъ упаў съ варстату на зэмлю. Тогды цйсарова донька кажэ такъ: „Ты ходы тэпэрь зо мноў, ты ся будэшь зо мноў побыраты, бо ты мэнэ видъ смэрты видкупыў.“ Алэ винъ кажэ: „Я щэ того нэ можу зробыты, я прыйду до тэбэ ажъ за рикъ.“ Тогды она взйла и пэрэломыла свій пэрстинь золотый на-двое и пэрэдэрла свое хустятко золотэ, то едну половыну дала ёму, а другу собй сховала. И оны ся обое розійшлы.

А ту цыганъ вылэтиў изъ лйса тай пижъ до пэи наставыў. —„Чого ты хочь у мэнэ?“—„Хочу, кажэ, абы ты повйла, що то я тэбэ видъ смэрты видкупыў; запрысягныся мэнй, кажэ, що я ся буду съ тобоў по-

быра́ты!" Она́ собѝ такъ погада́ла: „Нэ погы́бламъ видъ сатаны́, а видъ цы́гана абы́-мъ гы́бла?" Тай ся збоя́ла и ёму́ запрысягла́. Тогды́ прыйшлы́ до-до́му, ци́саръ ся ду́жэ ура́дуваў, а цы́ганъ зача́ў розповида́ты, що якъ сатана́ зача́ў йи йи́сты, то винъ прылэ́тиў и ёго́ ко́лыкомъ-ко́лыкомъ видигна́ў. И ка́жэ цы́ганъ: „За то я ся му́шу исъ нэ́ў побыра́ты!" „Най бу́дэ! колы́-сь йи видкупы́ў видъ смэ́рты, то най будэ́ вэсилье́!" Алэ она́ пла́чэ, нэ хо́чэ, а пото́му ка́жэ: „Та най вжэ будэ, а́лэ я му́шу щэ рикъ трыма́ты въ жалобахъ, то ажъ, ка́жэ, за рикъ!" Тай такъ чэка́лы цилы́й рикъ. Ажъ якъ вжэ рикъ ся киньчы́ў, жэ маў вжэ той прыйты́, тогды́ она́ ка́жэ: „Тэпэ́рь вжэ роби́мъ вэсилье́!"

А той трахты́рныкиў сынъ прыйшо́ў акура́тъ до то́го ми́ста. Тутъ така́ ра́дисть, вэсэлисть по цили́мъ ми́сти. Винъ изды́баў яко́го-сь ди́да тай пыта́еся ёго́: „А ту чого́ така́ ра́дисть?" А дидъ му тогды́ розпови́ў, що ся ро́бытъ вэсилье́ у ци́сара, бо той цы́ганъ, що видкупы́ў циса́рску доньку видъ сатаны́, будэ́ ся съ нэ́ў побыра́ты. Тогды́ винъ ка́жэ ди́довы: „На́-тоби́ мо́е па́ньске шма́тье, а ты мэни́ дай свои́ то́рбы и шма́тье!" Тай пэрэбра́ўся за ди́да и пишо́ў до едно́и трахты́рни. Зно́ў ся тамъ пыта́е трахты́рныка: „Що́ то за така́ въ ми́сти ра́дисть?" Трахты́рныкъ му такъ са́мо ўпови́ў, жэ цы́ганъ ро́бытъ съ ци́саровоў доньку́ў вэсилье́. Тогды́ винъ ка́жэ до трахты́рныка: „Ого́, то нэ цы́ганъ бу́дэ, то я́ бу́ду съ нэ́ў за́утра бр'ты слюбъ." На то́е трахты́рныкъ ся за́сьміяў,—вы́дытъ, жэ то якій-сь обдэ́ртый дидъ,—тай ка́жэ такъ: „Якъ ты бу́дэшь съ ци́саровоў доньку́ў бра́ты слюбъ, то я тоби́ дамъ мою́ трахты́рню, гэтъ съ уси́мъ, а самъ собѝ пи́ду гэтъ, лышь такъ, якъ стою́." Заклы́калы сьви́дкиў тай на тимъ обыдва́ заложы́лыся.

Тогды́ той забра́ўся и пишо́ў до ци́сара. Прыхо́дытъ тамъ, а ци́сарова донька́ ёго́ снизна́ла, зача́ла ся сьміяты тай зача́ла до не́го га́льбу пы́ва пыты. Тай тогды́ винъ вы́ймыў свій ку́сныкъ пэ́рстиня тай полови́ну хустя́тка, а она́ вы́ймыла сво́е, зложы́лы то доку́пы пасуе акура́тъ. Тогды́ ци́саръ ся пыта́е: „Що́ то е?" То оны́ вжэ всё розпови́лы, що то винъ йи видкупы́ў видъ смэ́рты тай пишо́ў, а цы́ганъ йи хоти́ў за́быты, абы́ му запрысягла́ся. Тогды́ ци́саръ то́го цы́гана каза́ў прыпня́ты до ки́ньскихъ хвости́ў, и копи розна́-

слы цыгана по всимъ сьвити. А той вжэ ожэнуся съ цисаровоў донькоў. Тай взяў видъ того трахтырныка трахтырню, що йи на заклади выграў, тай кажэ: „О, я ся въ свого тата нэ учыў за трахтырныка, алэ таки добру трахтырню маю!“

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

27.

Таинственный рыцарь.

Едэнъ чоловикъ маў полэ дужэ далэко въ лиси. Пишоў разъ въ полэ косыты тай кажэ до жинки: „Якъ настыгнэ полудню, абы-сь мы хлопцёмъ прыслала йисты! алэ, кажэ, абы знаў хлопэць, якъ иты, то я буду сынаты по-дорози солому.“ Прыйшло полудню, тай хлопэць взяў йидинье тай пониcъ. Идэ-идэ тоў дорогоў, куды тато соломы насынаў, алэ зайшоў въ вэлыку гущавыну. Тамъ вжэ соломы нэ було, тай зблудыў тай ходыў такъ до полудня по тій гущы. А потому сиу тай зачаў плакаты. Алэ дывытся, а за тоў гущавыноў якій-сь вэлыкій двиръ. Тогды пишоў идъ тому дворовы. Прыходытъ тамъ до двора, а тамъ було 12 розбійныкиў. Тай розбійныки его ся пытаютъ: „Чого ты ту зайшоў?“ „Та, кажэ, нисъ-емъ татовы йисты тай-емъ заблудыў.“ Оны тогды кажутъ: „Мы тэбэ вжэ видъ, сэбэ нэ пустымо, ты будэшь тэнэрь коло насъ услуговаты!“

Тай потому выбыраются розбійныки дэ-сь въ дорогу, а найстаршый кажэ до хлопця: „Абы-сь нэ выходыў зъ покою тай абы-сь нэ витвыраў тоти двэри, що лыкомъ завязани!“ Тай пишлы соби людэй розбываты. А винъ соби сиў тай плачэ. Алэ потому дужэ цикавый буў подывытыся до того покою тай отворыў двэри, що булы лыкомъ завязани. Дывытся, а тамъ стоятъ три кони: едэнъ чорный, другый сывый, а трэтый билый. Тай ти кони до нёго кажутъ: „Ой, хлопчэ, бида твоя ту будэ! иды, кажутъ, возьмы тамъ съ викна тры

я́бка тай сида́й на насъ и утика́ймо гэтъ звидсы!" Тогды́ винъ бо́рзо взяў тоты́ тры я́бка, сиў на ко́ни и пигна́ў.

Вы́йхаў на по́лэ, а розбі́йныки ся вжэ жэну́тъ за нымъ. Тогды́ ка́жэ кинь: „Вэрзь едно́ я́бко по-за сэ́бэ!" Винъ вэргъ я́бко, то за́разъ стаў вэлы́кій лисъ на сто мыль. Алэ розбі́йныки той лисъ пэрэйхалы тай зача́лы ся да́ли за нымъ гна́ты. Тай вжэ доганя́ютъ—тогды́ дру́гый кинь ка́жэ: „Вэрзь за сэ́бэ дру́гэ я́бко!" Винъ вэргъ я́бко и зробы́лася вэлы́ка вода́. Зноў розбі́йныки ту во́ду пэрэплылы́ тай зача́лы ся да́ли гна́ты. Тогды́ ка́жэ трэ́тый кинь: Тэпэ́рь вэрзь трэ́тэ я́бко по-за сэ́бэ!" Якъ вэргъ то я́бко, зробы́ўся ду́жэ вэлы́кій огэ́нь на сто мыль, що а́ни обійхаты, а́ни пэрэйхаты вжэ розбі́йныки нэ моглы́. Тогды́ винъ прыйхаў въ зэлэ́ный гай, а ко́ни ка́жуть до нёго: „Мы ся ту бу́дэмъ розстава́ты; а́лэ на́тобі́ свы́стало: якъ схо́чэшь насъ до по́мочы, абы́-сь тры ра́зы свы́снуў, то за́разъ прылэ́тымо до тэ́бэ!"

Тай винъ тогды́ пишо́ў и зайшо́ў до вэлы́кого ми́ста до короля́. А тамъ слу́жныця вы́йшла по во́ду, то винъ йи ся пыта́е: „Цы нэ трэ́ба слугы́ у короля́?" Слу́жныця побигла спыта́тыся, а коро́ль ка́жэ: „Трэ́ба слугы́—дрыва́ носы́ты." Тай винъ тамъ ся наймы́ў и по́сытъ дрыва́. Алэ той коро́ль поча́ў во́йну исъ нэ́прыятэлёмъ своймъ, тай нэ́прыятэль вжэ то́го короля́ гэтъ пэрэмага́ў. А той хло́пэць пишо́ў у зэлэ́ный гай, свы́снуў тры ра́зы свы́сталомъ за́разъ ко́ни ста́лы коло нёго и прыв'э́злы му зэли́зну збро́ю. Винъ въ ту ся збро́ю убра́ў, сиў на чорного коня́ тай пойхаў тамъ на війну́. Тогды́ якъ зача́ў за нэ́прыятэлёмъ гоны́ты, побы́ў, розтратува́ў го ца́ўкомъ. А коро́ль ка́жэ до нёго: „Що́ ты тэпэ́рь хо́чэшь видъ мэ́нэ за то?" Винъ ка́жэ: „Да́йтэ мэ́ній на пысьмі́, що найста́ршу доньку́ за мэ́нэ дастэ́!" Коро́ль за́разъ даў му таке пысьмо́, винъ мы́гнуў конёмъ тай пигнаў гэтъ. Пойхаў въ зэлэ́ный гай, зняў збро́ю тай пусты́ў коня́. А самъ пишо́ў зноў до короля́ дрыва́ носы́ты.

Алэ той король зноў зача́ў війну́ исъ нэ́прыятэлёмъ. Винъ тогды́ пишо́ў у зэлэ́ный гай, свы́снуў на ко́ни, тай му ко́ни прынэ́слы сри́бну збро́ю. Винъ ся ўбра́ў, сиў на сы́вого коня́ тай пойхаў на війну́. Зноў по-

бы́ў то́го нэ́прыятэля, а видъ короля́ нэ браў пицъ, лышэ́ зноў взяў таке́ пысьмо́, що му сэрэду́щу доньку́ видда́стъ. Тай тогды́ зноў мы́гнуў, такъ що го нихто́ й нэ вы́диў, и поййхаў въ гай. Тай пишо́ў зноў до короля́ дрыва́ носы́ты.

А коро́ль поча́ў трэ́тый разъ війну́. Въ тій трэ́тій війни́ вжэ нэ́прыятэль короля́ въ нэво́лю взяў. Той слуга́ якъ ся дови́даў, пишо́ў у зэлэ́ный гай и свы́снуў: ко́ни ся зъявы́лы ко́ло нёго и прынэ́слы му золоту́ збро́ю. Винъ ся убра́ў въ ту збро́ю тай поййхаў сво́го короля́ ратува́ты. Побы́ў нэ́прыятэля, короля́ зъ нэво́ли видобра́ў, а́лэ му въ тій війни́ но́гу скали́чылы. Коро́ль тогды́ взяў, ёго́ но́гу своёў ху́сткоў обвяза́ў тай пыта́еся ёго́: „Чого́ ты хо́чэшь за то видъ мэ́нэ, ры́цару?“ Винъ зноў такъ ка́жэ: „Напыши́тъ мы на пысьми́, що дастэ́ за мэ́нэ на́ймолодшу доньку́!“ Взяў сы тото пысьмо́ тай поййхаў зноў у зэлэ́ный гай и ко́ни видпра́выў гэтъ.

А самъ вэрну́ўся зноў до короля́ на слу́жбу. Алэ вжэ буў ду́жэ змучэ́ный, то лягъ спа́ты въ си́нёхъ тай спаў ажъ до полу́дня. Вы́йшла слу́жныця ёго́ будыты тай увы́дила въ нэ́го на нози́ тоту́ королёву хусты́ну. Пишла́ за́разъ до короля́ тай пови́ла, що той слуга́ хусты́ну укра́ў. Тогды́ коро́ль пишо́ў дывы́тыся, а́лэ увы́диў, що то та хусты́на сама́, що винъ на війни́ ры́царовы но́гу обвяза́ў. Тай пыта́еся ёго́: „А ты зви́дки взяў тоту́ хусты́ну?“ А винъ ка́жэ: „Я вамъ за́разъ пока́жу, зви́дки-мъ взяў!“ Пишо́ў у гай зэлэ́ный, свы́снуў на ко́ни, тай ко́ни ко́ло нёго за́разъ ста́лы. Винъ убра́ўся въ золоту збро́ю, а ша́пку ўбра́ў сри́бну, а чо́боты зэли́зни. Тай сиў на ко́ни тай поййхаў нэрэдъ короли́ўскій двиръ. Па́нство вы́йшло напро́тиў нёго, а винъ тогды́ вы́ймыў тоты́ тры пы́сьма и хусты́ну тай показа́ў то королёвы. Тогды́ вси низна́лы, що то буў той-са́мъ ры́царъ. Тай винъ ся ожэны́ў съ на́ймолодшоў доньку́ў, а тымъ двомъ ста́ршымъ донька́мъ пы́сьма видда́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

28.

Стекляная гора.

а). Маў едэнъ ґазда тры сыны: два бўлы розўмни, а едэнъ дурный. Тай якъ ўмыраў, кажэ до найстаршого сына: „Абы-сь прыйшоў пэршои ночы до мэнэ на грибъ!“ А до другого кажэ: „Абы-сь до мэнэ прыйшоў другои ночы!“ Тай тому дурному кажэ: „А трэтои ночы абы ты прыйшоў на грибъ!“ Тай умэръ и поховалы го. Прыйшла пэрша ничь той найстаршый пэ хочэ йты, кажэ до дурного брата: „Иды ты за мэнэ!“ Той пишоў на цвынтаръ, сыдытъ вжэ на гроби. Тай выйшоў зъ гробу отэць умэрлый тай му даў чорный волосъ. Прыйшла друга ничь мае вжэ йты сэрэдущый братъ, алэ пэ хочэ знову, кажэ до дурного: „Иды, братэ, за мэнэ!“ Тай той пишоў, а отэць му даў чэрвоный волосъ. Вжэ трэтои ночы пишоў самъ за сэбэ, то даў му отэць щэ сывый волосъ и кажэ: „Сховай сы то добрэ, ти тры волоски, они тобі стапутъ у прыгоди.“

Зробыў цисаръ въ тимъ краю войну и такъ сказаў: „Котрый вылизэ гори склянноў гороў на гору, то у мэнэ будэ за зятя!“ Тоты два розумни братья взялы сы кони и йидутъ на тоту войну лизты гори склянноў гороў. А дурный и соби йидэ за ными. Прыйихалы тамъ, йидэ найстаршый братъ гори тоў гороў, алэ зломыў сы кинь голову, упаў. Зноў сэрэдущій йидэ тай ёго кинь зломыў сы ногу. А дурный тогды выняў соби чорный волосъ зробыўся пэрэдъ нымъ кинь чорный и убраньє. Убраўся, сиў на того коня тай выйихаў гори склянноў гороў ажъ на-вэрхъ. А цисаръ кажэ: „Ты будэшь у мэнэ за зятя!“ Алэ винъ обэрнўўся тай пойихаў гэтъ. Тай зробыўся зноў дурный, такій обдэртый, якъ жэбракъ.

То зноў зробыў войну цисаръ, жэ хто вылизэ гори склянноў гороў, зятёмъ будэ. Вси сы тамъ на тій гори поломылы, поскручувалы головы, пэ мигъ ни едэнъ выйихаты на гору. А дурный взяў сы чэрвоный волосъ зробыў му ся чэрвоный кинь и убраньє. Убраўся, сиў на коня и пэрэйихаў чэрэзъ склянну гору.

Тогды́ ся ци́саръ утиншыў, жэ такого зя́тя панычá бу́дэ мáты, а тотá ци́сарова пáнна взя́ла тай му застромы́ла на пáлэць срибный пэрстинь. Винъ тогды́ обэрнýў коня, тай до́ли горо́ў, тай ути́къ.

Вжэ ци́саръ трэ́ту во́йну робытъ: „Анý, хто вы́лизэ на горý?" Взяў дурный сывый во́лосъ, зробы́ў му ся кинь сывый и шмáтье. Якъ сну, пэрэйхаў горý навэ́рхъ. Тай тамъ ся тогды́ зробы́ў зноў дурный, обдэ́ртый, тай кáжэ до ци́сара: „Я пэрэйхаў горý тры рáзы, то мы вжэ дáйтэ пáнну!" Алэ она нэ хоти́ла йты за такого дидово́да, кáжэ: „То нэпрáўда! то якій-сь паны́чъ пэрэйхаў, нэ ты!" Винъ тогды́ показáў пэ́рстинь тай ся ўбраў въ тото́ шмáтье, то му вжэ повьерылы. Тогды́ ци́саръ му кáжэ: „Трымáйся тэпэ́рь дэликáтно, бо ты вжэ мáешь бу́ты мо́имъ зя́тёмъ!" И винъ ся тогды́ вжэ ожэны́ў съ ци́саровоў донькоў и стаў ци́саромъ.

(Отъ Марiи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

б). Такъ бу́ло симь брáтиў шисть му́дрыхъ, а сэ́мый дурны́й. Тай пишлы́ тай наймы́лыся вси симь въ едного пáна на службу. Тай кáжэ панъ: „Иди́тъ, жэни́тъ бараны́ пáсты!" Тогды́ ти шисть му́дри займы́лы бараны́ цáсты тай зды́балы на доро́зи якого-сь ди́да. Винъ имъ кáжэ: „Дáйтэ мэни́, хло́пци, ку́сныкъ хли́ба, бо-мъ голо́дэнъ ду́жэ!" Алэ оны́ ёму́ нэ дáлы, пишлы́ дáльшэ. Тай пасу́тъ тоты́ бараны́, áлэ бараниў о́вады скусáлы, тай ся розби́глы по ли́си. Ввэ́чиръ прыхо́дятъ до-до́му, панъ ды́вытся, а бараниў нэмá. Тогды́ ихъ панъ набы́ў ду́жэ, а той дурны́й кáжэ: „Я ни́ду бараниў шукáты!" Тай пишо́ў. Идэ́, зды́бує само́го то́го ди́да на доро́зи. Кáжэ до нёго дидъ: „Хло́пчыку, дай мэни́ хли́ба!" Винъ зáразъ даў ди́довы хли́ба, а ди́дъ ёму́ тогды́ даў скры́пку тай кáжэ: „Якъ загрáешь на ту скры́пку, то зáразъ ся до тэ́бэ вся худо́ба позбигáе." Взяў винъ тоту́ скры́пку тай пишо́ў съ нэ́ў въ лисъ. Якъ загрáў, зáразъ ся вси бараны́ позбигáлы ко́ло нёго. Винъ тогды́ пишо́ў соби́ напэрэ́дъ тай на скры́пци грáе, а бараны́ за нымъ машэру́ютъ. Тай прыгнáў уси́ бараны́ до-до́му.

Потóму зноў панъ кáжэ: „Йдитъ тэпэ́рь нá-ничь отáвы стэрэчы́, бо якй-сь кóни выпáсуютъ.“ Пишлы́ тоты́ розýмни, стэрэжýтъ отáвы. Ажъ прылитáе идъ нымъ макйтра тай кáжэ: „Дайтэ мэнй хлйба!“ Оны нэ хотйлы дáты, тай макйтра гэтъ полэ́тила. Прылитáе лы́жка, кáжэ: „Дайтэ мэнй хлйба!“ Оны́ нэ дáлы, тай лы́жка счэ́зла. Прылитáе мы́ска, кáжэ: „Дайтэ мэнй хлйба!“ Зноў нэ дáлы, тай мы́ска счэ́зла. Тай потóму оны́ нисну́лы, а кони прыйшлы́ на отáву тай спáслы. Прыйшлы́ рáно до-дóму, панъ ся пытáе: „Чы спáслы кóни отáву?“ „Та спáслы!“ Тогды́ ихъ панъ зноў набы́ў, що ся влйзло. На дрýгу ничь вжэ дурны́й кáжэ: „Тепэ́рь я пйду отáвы стэрэчы́!“ Тай пишоў. Прылитáе дъ нёму макйтра и кáжэ: „Дай мэнй хлйба!“ Винъ йій даў, тогды́ онá кáжэ: „Я ты ўповймъ, якъ бýдутъ кóни отáву пáсты.“ Прылитáе лы́жка, кáжэ: „Дай мы хлйба!“ Винъ йій даў, а онá кáжэ: „Я ты ўповймъ, якъ прыйдутъ кóни отáву пасты.“ Тай прылэ́тила зноў мы́ска—винъ даў и йій хлйба. Зноў му мы́ска сказáла, що го збýдытъ. Потóму винъ вжэ лягъ спаты, засну́ў, áлэ го макйтра збуды́ла тай далá му золотй обротянкй. Винъ зайшóў и пойймаў едного коня́. Прыпняў коня́ до плота, а самъ зноў лягъ спáты. Тогды́ го збуды́ла лы́жка и далá му золотй обротянкй. Винъ пойймáў дрýгого коня́, прыпняў тай лягъ спáты. Тай вжэ го зноў мы́ска збуды́ла, далá му золотй обротянкй, то винъ пойймáў трэ́того коня́. Тогды́ винъ вжэ займы́ў собй тоты́ кóни до-дóму.

Алэ потóму едэ́нъ цйсаръ вы́ставыў скляну́ горý и розпысáў такъ: „Хто на ту скляну́ горý вы́йидэ, той у мэ́нэ доньку́ посвáтае!“ Алэ нихто нэ мигъ ни вы́йихаты, ни вы́йты на ту горý. Тогды́ той дурны́й сиў сы на еднóго коня́, що зйимáў въ отáви, заложы́ў золотй обротянкй и поййхаў гóри тоў горóў. Тай ударыў на коня́, ажъ кинь скóчыў на сáмый вэршóкъ. Тогды́ винъ пибрáўся съ цйсаровоў доньку́ў тай пануваў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

29.

Невѣрная мать.

Бу́ла би́дна ма́ты тай ма́ла сы́на, а́лэ оны́ бу́лы ду́жэ би́дни. Сынъ якъ пидри́съ, тай ка́жэ до ма́тэры: „Ма́мо, чого́ мы такъ бу́дэмъ ту́тка бидува́ты? ходи́мъ собі́ въ сьвитъ!" И зыбра́лыся и пишлы́ въ сьвитъ. И найшлы́ дви доро́гы, що една́ йшла ўпра́во, а дру́га ўли́во. Сынъ ка́жэ до ма́тэры: „Ма́мо, я йду до́ли тоў доро́гоў ўпра́во, а вы йдитъ ули́во; якъ вы що́ найдэ́тэ, то вы мэнэ́ заклы́чтэ, а якъ я що́ на́йду, то васъ заклы́чу." Тай на тимъ розійшлы́ся. Сынъ увійшо́ў кава́льчыкъ доро́гы и найшо́ў рэмэ́нэць, а на тимъ рэмэ́нцы бу́ло напы́сано, що хто той рэмэ́нэць найдэ́ и ся нымъ опэрэ́жэ, то будэ́ ма́ты ду́жэ вэлы́ку мицъ и будэ́ счислы́вый. Тогды́ сынъ заклы́каў ма́тирь: „Ма́мо, я вжэ найшо́у счи́стье!" Ма́ма прыйшла́ дъ не́му и пишлы́ вжэ обо́е да́ли въ лисъ.

Тай иду́тъ ли́сомъ, а тамъ такій у ли́си вэлычэ́зный двиръ стойтъ. Оны́ прыйшлы́ дъ то́му дворо́вы. Увійшлы́ до пэ́ршого поко́ю, а тамъ бу́лы сами́ выдэ́ўки; прыйшлы́ до дру́гого поко́ю—тамъ сами́ бу́лы сри́бни лы́жки; прыйшлы́ до трэ́того тамъ сами́ шабли́ бу́лы; прыйшлы́ до чэтвэ́ртого, а тамъ бу́лы сами́ стрильбы́. Тогды́ той хло́пэць вы́браў собі́ найострі́йшу ша́блю и найли́шну стрильбу́ тай пишо́ў до пя́того поко́ю вжэ самъ. Увійшо́ў до пя́того поко́ю, а тамъ спа́лы 12 розбі́йныкиў. Тогды́ винъ зайшо́ў тыхцэ́мъ и всихъ розбі́йныкиў порубаў и постриля́ў на кусныки. Тай вжэ тогды́ взяў тай всихъ позми́туваў до пыўны́ци, а до ма́тэры ка́жэ такъ: „Мы вжэ ту будэ́мо мэ́шкаты, а́лэ абы́ вы ся ни́уды до то́и пыўны́ци нэ дывы́лы!" И даў йій вси ключи́, а самъ узя́ў сы стрильбу́ и пишо́ў у лисъ на полюва́нье.

Алэ ма́ты ёго́ бу́ла ску́са, лука́ва жи́нка, то якъ винъ разъ пишо́ў у лисъ, она́ ся подывы́ла до то́и пыўны́ци. А едэ́нъ розбі́йныкъ буў нэдо́брэ пору́баный тай о́жы́ў. Якъ она́ витворы́ла пыўны́цю, винъ вы́скочыў, ўхопы́ў съ викна́ таку́ масцъ тай обма-

стыу всихъ 12 злодійиу, и вси поужывалы. Тай тогды ніймалы ту матирь и кажуть: „Якъ ты тото нэ учыныш, що мы тобі скажэмо, то тя заразъ забьемо!" Тай она прысягла, що всё будэ робыты. Тогды оны йій кажуть: „Якъ твій сынъ прыйдэ, то кажы, що-сь слаба, най тобі прынэсэ изъ-мэжы двохъ гиръ ябко!" Якъ сынъ прыйшоу съ полюваня, маты зачала йойкаты, що слаба, тай кажэ: „Прынэсы мэній, сынуню, зъ-мэжы двохъ гиръ ябко на ликарство!" Винъ тогды дужэ упудыуся, бо вжэ выдиу, що то яка-сь зрада надъ нымъ. Алэ ноййхаў и вступыў до еднои пани до міста. И та пани дужэ его полюбыла и поспыталася, дэ винъ йидэ? Винъ сказаў, що йидэ для слабои мамы по ябко зъ-мэжы гиръ. Она кажэ: „Ты видтамъ ябка нэ дистанэшь, бо тоти горы всэ трясуться и трясуться, то сходятся, то розходятся, лышэ, кажэ, у дэнь о 12-ій годыни и въ ночы о 12-ій стаютъ тыхо." А дали кажэ: „Алэ на-тобі коня и йидь, можэ якъ дистанэшь." И винъ тогды сиў на коня и ноййхаў. Прыйнжджае тамъ горы тэлэпаются. Алэ винъ чэкаў до 12-ои годыны, то о 12-ій годыни горы сталы. Тогды винъ ўдарыў на коня и прыййхаў до тои яблинки и хопыў за ябко, а горы зачалы ся вжэ зноў тэлэпаты. Винъ нэ мигъ ябко вырваты, тай вырваў цилу яблинку съ корінёмъ. Тай скочыў назадъ, алэ горы вжэ захопылы троха коня сзаду. Кинь вырваўся и пишоў, ницъ му нэ шкодыло. Якъ вжэ выйнхаў, обирваў ябка зъ яблинки и ноййхаў. Вступыў по-дорози до тои пани и лышыў йій вси ябка, лышэ съ собоў едно взяў для матэры. Тай прыйхаў до-дому и даў матэры то ябко, а самъ пишоў зноў въ лисъ.

Тогды тоти злодіе такъ его матэры казалы: „Будэшь казаты, щобы ты щэ прынисъ жывои воды!" Она ёму такъ сказала и винъ тогды зноў пишоў по тоту воду. И вступыў до тои пани и розповиў йій, дэ мае йты. А она ёму кажэ: „Ты видтамъ воды нэ дистанэшь, бо тамъ вэлычэзна гадына надъ тоў керыцэў огнёмъ сыплэ цилый дэнь и цилу ничь, лышэ о 12-ій годыни стае." Тай дала му зноў свого коня и винъ ноййхаў. Прыйнжджае тамъ идъ керыцы—змыя такъ огнёмъ сыплэ! Ажъ о 12-ій годыни винъ схопыўся, зачэръ во-

ды у збаняткo и зачаў утикаты. Змыя вжэ зачала огнёмъ сыпаты тай троха опалыла конёвы хвистъ, алэ утикъ счислыво. По-дорози повэрнуў до пани и лышыў йій воду, лышэ собі дрібку въ скляняткo взяў. Прыйхаў до-дому и даў матэры тоту воду, а самъ пишоў сы зноў на полюванье.

Тогды зноў злодіе матирь пидмовылы, тай якъ винъ прыйшоў, она такъ кажэ: „Сынуню, прынэсы мэнй щэ видъ львыци молока!" Винъ взяў стрильбу тай пишоў. Тамъ лэтытъ львыця, то винъ вжэ хочэ стрилятy. Алэ она кажэ: „Нэ стриляй, я ты дамъ сама молока!" Тай му ся надойила у горнятко и дала му щэ свыстало и кажэ: „Якъ ты ся буде яка прыгода лучыты, то абы-сь тымъ свысталомъ свыснуў тры разы, то ся вси звирй зосьвйта збйгнутъ на помичь!"

Винъ прынйсъ тото молоко до матэры. Тогды она кажэ: „Йой, сынцю, якъ ты ся ужэ давно нэ купаў! я тобі зладыла купиль, иды, скупайся!" А то ей знову злодіе пидмовылы, хотилы го въ купэлы стратыты. Тай винъ розибраўся, лягъ до купэлы, а злодіе зъ-за двэрэй попрыбигалы, хопылы той рэмэнэць видъ нэго, то винъ заразъ зислабъ. Тай тогды го порубалы на дрибни кусычки, змэталы въ михъ и выкепулы на-двиръ.

Алэ тота пани, якъ вжэ винъ доўго нэ прыходыў, зибралася, сила на коня тай пойихала его шукаты. И найшла той мишокъ, дэ винъ буў порубаный, и забрала съ собоў до-дому. Тогды го тоў водыцэў помастыла зъ жывои керныци, надушыла зъ того ябка соку, тай винъ заразъ ожыў.

Потому она взяла, зробыла его голубчыкомъ, а сэбэ голубыхоў. И полэтилы до того двора, до розбійныкиў, и силы собі на дэрэво. Якъ злодіе увыдилы, що то таки дужэ красни голубы, що на сьвити такихъ нэма, хотилы ихъ пійматы. Алэ голубыха тогды зачала спиваты такъ: „Якъ-бы той найстаршый злодій знаў, що якъ-бы насъ пійманў, то до царства бы пишоў, алэ мусытъ ся найпэршэ гэтъ розибраты и той рэмэнэць розпэрэзаты!" А винъ то учўў тай заразъ ся розибраў и рэмэнэць поклаў

на зэ́млю, а самъ полѝзъ за го́лубамы на дэ́рэво. Тогды́ го́лубы ся посха́пувалы, рэмэ́нэць ўхо́пылы тай поўтика́лы. И пото́му зноў ся поробы́лы людьмы́ и винъ запэрэза́ўся въ рэмэ́нэць и вжэ стаў зноў дўжэ сыльны́й.

Тогды́ пишо́ў до то́го двора́. Якъ засвыста́ў тры ра́зы въ то свы́стало видъ львы́ци, то ся усё, що дэ е на сьвѝти, звирѝ, пты́ци, гадьё, позлита́ло до нёго. Тогды́ винъ то всё пощу́ў на тыхъ злодѣ́йиў и то ихъ пороздыра́ло и пожэ́рло. А до ма́тэры винъ ка́жэ такъ: „Що́ мэнѝ тэпэ́рь съ ва́мы робы́ты, ма́мо?" Она́ ка́жэ: „Та що́ бу́дэшь робы́ты? такъ собѝ жы́ймо, якъ пэ́ршэ!" „О, тэпэ́рь вжэ такъ пэ мо́жэ бу́ты!" Тай вы́йшоў на-двѝръ, двиръ пэрэвэрнуў горѝ нога́мы, тай ся тамъ ма́ты за́была. А самъ вэрнуў до свэ́и на́ни и съ пэ́ў ся ожэны́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

30.

Невѣрная жена.

Една́ ба́ба пра́ла въ пото́ци шма́тье и прыйшо́ў идъ нѝй злы́й. Тай той злы́й ка́жэ до нэ́и: „Цы буде́шь ты ся за мэ́нэ виддава́ты?" „Чому́ нье? буду́ ся виддава́ты, а́лэ дэ мо́го чоловѝка подіемо?" Тогды́ злы́й ка́жэ: „Якъ прыйдэ́шь до-до́му, абы́-сь дўжэ йо́йкала, а чоловѝкъ абы́ тобѝ прынѝсъ изъ-за 12-ого ка́мэня мукѝ зъ млына́!" Она прыйшла́ до-до́му такъ йо́йкае! А чоловѝкъ йи ся пыта́е: „Що́ тобѝ таке́?" „Ой, чого́-сь-емъ засла́бла; прынэсы́ мэнѝ, ка́жэ, зъ-за 12-ого ка́мэня мукѝ, то поду́жаю!"

Тай винъ пишо́ў. Алэ маў тры пэскѝ такѝ, то ихъ взяў съ собо́ў. Прыхо́дытъ дъ то́му млыно́вы, а тамъ ко́ло ко́ждого ка́мэня зэлѝзни двэ́ри, а млынъ буў чортѝўскій. Тай увійшо́ў винъ до едного ка́мэня—двэ́ри му ся видомкну́лы, взяў сы мукѝ. Тай повидмыка́лы му ся

вси 12 двэрэй, тай винъ набраў муки зъ кождого камэня. Тай пустыўся иты до-дому, алэ за 12-ымы двэрмы що-сь тоты ёго пэски замкнуло. Прынесытъ винъ муку до-дому, а пэскиў нэма. Ввійшоў до хаты, а злый тогды вылизае зъ-пидъ заничка тай кажэ: „Клады муку, алэ щэ йды мэни за соломоў и за рицомъ, бо будэмъ огэнь класты!" Винъ прынисъ рица и соломы, алэ то помачаў въ воду, абы нэ горило. Тогды вжэ злый зачаў огэнь розкладаты, алэ то дужэ помалу горило, бо мокрэ. Тай взяў злый котэлъ, поставыў на огэнь тай нальляў въ котэлъ смолы, абы ся варыла.

Алэ прылитаютъ иташки тай кажутъ тому чоловиковы: „Вжэ твои псы пройилы чэтвэро двэрэй!" Заки смола скипила, прылэтилы иташки знову и кажутъ: „Вжэ псы пройилы шэстэро двэрэй!" Тогды злый кажэ до нёго: „Розбыраися тай лизь у смолу!" А иташки прылэтилы тай кажутъ: „Ужэ пэски пройилы осьмэро двэрэй!" Тогды винъ взяў злого просыты, абы му щэ позволыў пациръ змовыты. Тай мовытъ-мовытъ, прылитаютъ иташки, кажутъ: „Ужэ пэски пройилы дэсятэро двэрэй!" Тогды вжэ винъ пациръ скиньчыў, а злый кажэ: „Ну, тэпэрь лизь у смолу!" Зачаў винъ ся розбыраты; лышэ ся розибраў, вжэ пэски лэтятъ до нёго. Тай прылэтилы, того злого заразъ роздэрлы тай вынэслы въ потикъ.

Потому кажутъ пэски до нёго: „Ты тэпэрь щэ свою жинку забый!" Алэ она ся взяла дужэ просыты, тай му ся жаль зробыло, даруваў йій жытье. Тай въ ночы вжэ полягалы спаты, а она пишла, выйняла зъ того злого зубъ тай запхала чоловиковы въ ухо, то винъ видъ того заразъ умэръ. Она тогды взяла тай вынэсла го мэртвого въ лисъ на ялыцю. Пэски рано поўставалы, шукаютъ господаря, а господаря нэма. Тай полэтилы у лисъ и найшлы го на ялыцы. Заразъ полэтилы по воўка, абы йшоў, валяў ялыцю до зэмли. Воўкъ такъ гори ялыцэў зубы вывалыў, такъ рвэ, алэ нэ мигъ ялыци повалыты. Тогды полэтилы по мэдвэдя. Мэдвидь якъ взяў, корийье порозрывў и ялыцю лэгонько положыў до зэмли. Тогды пэски увыдилы въ уси зубъ тай полэтилы по заячыка, абы зубъ зъ уха выймыў. Заяць

прыпа́у, зубъ вы́тягнуў, тай чоловікъ за́разъ встаў.

Тогды́ винъ вжэ пишо́ў до жи́нки тай йи хоти́ў за́быты, а́лэ она́ ся ду́жэ просы́ла, то йій зноў дарува́ў кару. Алэ зробы́ў такъ: вэ́ргъ йи до пыўны́ци и поста́выў ко́ло нэ́и цэ́бря ўгля и едно́ поро́жнэ цэ́бря. „Якъ ты, ка́жэ, тото́ поро́жнэ це́бря по́ўно слёза́мы напла́чэшь, то́ ты повье́рью, що мэнэ́ вжэ будэ́шь шанова́ты, а якъ тото́ ўглье ззи́шь, то щэ жа́лушь за злымъ!" Прыйшо́ў ра́но, ды́вытся, а она́ тото́ всё ззи́ла, ажэ́нь вы́лызала цэ́бря, а до́ то́го дру́гого нычь нэ напла́кала. Тогды́ винъ пусты́ў на нэ́и пэски́, то пэски́ йи пойима́лы и роздэ́рлы тай вы́нэслы тамъ у по́тикъ до то́го злого.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

31.

Чудесная птица.

аі. Такъ буў едэ́нъ рыбакъ и ходы́ў за́ўжды на ры́бу, алэ ни́ўды нэ пійма́ў би́льшэ на́-дэнь, якъ пять рыбъ. Тай ка́жэ винъ: „Я тенэ́рь иду́ на пта́хи, можэ би́льшэ пта́хиў бу́ду йима́ты." Тай винъ пишо́ў у лисъ на пта́хи и пойима́ў едно́го пта́шка. Прыни́съ до-до́му и хоти́ў го зари́заты. Алэ ди́ты ду́жэ пла́калы, абы́ нэ ри́заў пта́шка, тай винъ го тогды́ посады́ў въ кли́тку. Тай пта́шокъ зни́съ яйцэ́, а то буў дыя́мэнтъ. Тай винъ тото яйцэ́ узя́ў и пони́съ до ми́ста продава́ты. Пыта́еся го въ ми́сти якій-сь панъ: „Що́ ты хочь за то яйцэ́?" А винъ нэ знаў, що́ каза́ты, тай ка́жэ: „Да́йтэ, що хочэтэ!" Тогды́ панъ му даў 50 ры́ньскихъ. Винъ накупы́ў за ти гро́ши хли́ба, муки́, тай пишо́ў до-до́му. Алэ за́ки винъ вэрну́ў изъ ми́ста, то той пта́шокъ изни́съ дру́гэ таке́ яйцэ́; зноў прода́ў въ ми́сти за 200 ры́ньскихъ. Прыходытъ до-дому, а ту е вжэ трэ́тэ яйцэ́. И такъ ко́ждого дня той пта́шокъ нисъ яйцэ́. Тай той хлопъ збы́ў соби́ вэлы́кій мае́токъ тай зача́ў посыла́ты ди́ты до шко́лы.

Разъ паўчы́тиль пыта́еся тыхъ ёго́ хло́пциў: „Ви́дки вашъ та́то стаў таки́мъ богачо́мъ?" А хло́пци ёму́ сказа́лы, що та́то пойима́ў тако́го пта́шка, що зно́сытъ дыямэнто́ви я́йця, и за ти я́йця та́то бэрэ́ вэлы́ки гро́ши. Тогды́ паўчы́тиль пишо́ў до то́го хло́па и ка́жэ: „Якъ зари́жэшь мэни́ то́го пта́шка, то будэ́ ся мій сынъ побыра́ты съ тво́ёў донько́ў." Той ка́жэ: „До́брэ, зари́ку!" Тай зача́лы робы́ты вэсилье, зари́залы пта́шка для паўчы́тиля тай пишлы́ до слю́бу. Алэ тоты́ два молодши хло́пци зайшлы́ до ку́хни тай того пта́шка укра́лы: ста́ршый хло́пэць зйиў пта́шка, а моло́дшый вы́пыў зъ нэ́го ю́шку. Тогды́ прыйшлы́ видъ слю́бу, а пта́шка нэма́. Алэ паўчы́тиль ка́жэ: „Якъ ся дови́даю, то за́бью того, що пта́шка зйиў!" Тай тоты́ хло́пци ду́жэ ся упу́дылы тай забра́лыся и поўтика́лы гэтъ.

Тай ишлы́ доро́гоу, а ба́ба жа́ла пшэны́цю. „Дэ вы йдэ́тэ, хло́пчыки?" „На слу́жбу!" „То найми́тся въ мэ́нэ!" Наймы́лыся у ба́бы, носы́лы съ нэ́ў пшэны́цю. Прыйшлы́ ввэ́чиръ додо́му, да́ла имъ ба́ба смэта́ны, пыроги́ў, а пото́му полига́лы спа́ты. Встаю́тъ ра́но, а ба́ба увы́дила пидъ ста́ршымъ хло́пцёмъ пидъ голово́ў тры мильо́ны гро́шэй. Алэ якъ винъ встаў, гро́шэй вжэ нэ бу́ло. А то бу́лы длято́го гро́ши, що винъ пта́ха зйиў; а́лэ для дру́гыхъ то ти́лько такъ пока́зувало гро́ши, тай нико́му ся ти гро́ши нэ дава́лы бра́ты, лышэ́нь ёму́. Тай пото́му вжэ хло́пци вы́дилы, що у ба́бы тяжка́ слу́жба, то забра́лыся тай пишлы́.

Пишлы́ до едно́го па́на, а той панъ маў двидо́ньки. Тай ста́рша полюбы́ла сы ста́ршого хло́пця, а молодша молодшого. Ка́жутъ: „Мы ся будэ́мъ съ ны́мы побыра́ты!" Тай оны́ ся такъ пибра́лы: старша взя́ла ста́ршого, а моло́дша моло́дшого хло́пця. Тай оны́ тамъ яки́-сь часы́ жы́лы, а видта́къ моло́дша сэстра́ сво́го чолови́ка нэзлюбы́ла. Тай хоти́ла ёго́ стратыты, то писла́ла го до едно́го чорти́ўского ми́ста по гро́ши. А она́ зна́ла, що то ми́сто въ тимъ дны ма́е ся затрясты́.

Тай винъ идэ́, а́лэ на доро́зи здыба́е ми́сяця, що клаў огэ́нь тай пикъ фа́йку. Пыта́еся ёго́ ми́сяць: „Дэ ты йдэшь?"— „До чорти́ўского ми́ста по гро́ши."—А ми́сяць ка́жэ: „То й я иду́ съ тобо́ў." Тай пишлы́ оба́. На доро́зи здыбалы со́ньцэ, що кладэ́ огэ́нь и пэчэ́ фа́йку. Со́ньцэ ся пыта́е: „Дэ

вы йдэтэ?" „Идэмъ до мйста по грошн." „То и я йду съ вамы." Пишлы вси тры. Тай зноў на дорози здыбалы вйтра, що клаў огэнь и пикъ файку. Кажэ имъ вйтэръ: „Дэ вы йдэтэ?" „До мйста по грошн." „Тай я иду съ вамы." Пишлы вжэ штыры. Идутъ тай надыбалы морозъ, що клау огэнь тай пикъ файку. Пытаеся морозъ: „Дэ вы йдэтэ?" „До мйста по грошн." „И я иду съ вамы." Пишлы вси дали. Тай тамъ сыдытъ дощь, кладэ огэнь тай пэчэ файку. Винъ таки пишоў съ пымы.

Прыходятъ оны до мйста, до тои чортйўскои касы, тай той кажэ: „Дайтэ мэнй грошэй!" Тогды чорты такъ кажутъ: „Якъ намъ вычэрпаешь изъ моря воду, то дистанэшь грошн." Тогды вйтэръ подўў, сталы витры, воду вычэрпалы изъ моря, засыпалы порохомъ, тай стало сухо. Тогды кажутъ чорты: „Тэпэрь намъ до рана то мйсцэ выоры, посій пшэныцю, выжны и въ копы зложы, то ты дамо грошн." Стаў вйтэръ, розсунуў зэмлю и посіяў пшэныцю, соньцэ прыгрйло, дощь пишоў, заразъ пшэныця зійшла и дозрйла. Тай тогды вси разомъ пишлы, выжалы пшэныцю и зложылы въ копы. Потому вжэ чорты кажутъ: „Мы тобй щэ тыхъ грошэй нэ дамо, ажъ поки зноў морэ нэ станэ поўнэ воды, такъ якъ було." Тогды сталы вэлыки дощй, нальялы въ морэ воды, тай стало поўнэ. Алэ щэ чорты кажутъ: „Мы накладэмъ пидъ зэлйзный пьецъ симь пиўлатэркиў дроў,—якъ тогды сядэшь на голый пьецъ и пообйдаешь на пьецу, то вжэ ты дамо грошн и самы выйдэмъ зъ того мйста." Тай напалылы въ зэлйзнимъ пьецу, ажъ буў циўкомъ чэрвоный, тай посадылы ёго на той пьецъ. Алэ заразъ прыйшоў морозъ и положыў руку свою на пьецъ, то пьецъ стаў такій зымный, що той зачаў зубамы клэпцаты и клычэ: „Давайтэ кожуха, бо-мъ змэрзъ!" Тогды чорты увыдилы, що винъ ихъ пэрэграў, тай забралыся зъ того мйста гэтъ, а ёму лышылы касу съ грйшмы.

Алэ винъ вжэ до жоны ся нэ вэртаў. Позгромаджуваў тысячу муляриў, зачалы будуваты нова мйсто. Тай обмурувaў мйсто муромъ и замкнуў на штыры брамы— на кождимъ трахти ёнча брама: на еднимъ чэрвона, на другимъ сына, на трётимъ зэлёна, а на чэтвэртимъ трахти жоута.

Тай потому вжэ зостáу у тимъ мйсти королемъ, чэрэзъ то, що юшку вынуу зъ того итáха.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

—

б). [1] Гдэ было, тамъ было, за чэрвэнымъ морёмъ, за склянноу гороу, за соломяныумы двэрмы, за биллымъ лисомъ, тамъ до воду грабаютъ и писокъ вяжутъ, буу той чоловикъ, що ми оповидау, а я соби добро ўнамятаў таку прыповидку:

Быу одэнъ господаръ дужэ убогій, мэшкау пидъ лисомъ; то винъ часто ходыу до лису — то за птахомъ, то за звирёмъ. Одного разу зловыу винъ дужэ красного пташка съ золотымъ пирёмъ и взяу его до-дому, всадыу въ клитку и такъ его ховаў. Той господаръ не быу учэный, ани его диты, то не знаны о своимъ счастью.

Ажъ одного разу йидэ панъ въ кочу штырма кинъмы и визъ съ собою сына. Ажъ паразъ сынъ показуе витцу своему, колы переходылы коло хаты господаря: „Тату, подывится, якій тамъ пидъ стрихою въ клитци красный пташокъ!“ Панъ казау кочишовы спэрты кони, самъ зійшоу зъ того коча и пишоу подывыться на того пташка. Ажъ дывится на крыльцяхъ написано: „Хто бы мэнэ зйиў, той всэ, колы встанэ зо спаня, найдэ пидъ собою два дукаты.“ Пану тая ричь сподобалася дужэ и заклыкау господаря зъ хаты. И мовытъ до нэго: „Господарю, продай мэни того пташка, дамъ тоби за нэго сто дукатиу!“ А господаръ на тое кажэ: „Панэ, я дужэ убогій, то колы диты просятъ йисты, а я не маю имъ що даты, то оны и цилый дэнь бавятся пташкомъ, а не докучаютъ ми плачомъ; а тоты дукаты виэтъ бы ся розійшлы, то я не продамъ пташка ни-за-що!“ Панъ мовытъ господарю: „Дай мэни пташка, а я тоби дамъ ўруиту подостатокъ и будэшь биля мэнэ жыу до смэрты!“ На тое господаръ згодыуся и пишоу съ панномъ.

Алэ господарова донька дужэ сподобалася пановому сынови, то ожэнуся съ нэю. По вэсилю

[1] Ударенія въ этой посторонней записи не отмѣчены.

панъ казау кухарёвы, жэбы прыправыу пташка того, що купыў видъ господаря. Кухаръ зробыў, якъ панъ казау. Колы вжэ пташка вырыхтувау, лёкай писъ для пана, алэ забыу видэльци тай лышыў талиръ съ пташкомъ въ синёхъ, а самъ щэ вэрнууся. Тамъ бавылыся хлопци того господаря, тай старшій ухопыу пташка, розорваў надвое, зйиу одну часть самъ, а другу даў брату, и той такожъ зйиў. Лёкай прыйшоу съ видэльцямы, а пташка южъ нэма. Вэрнуўся дъ кухарёвы, радятся що робыты? Кухаръ взяу малэ куря, высмажыу, а лёкай виднисъ для пана, тай панъ зйиу. Но панъ лэмъ чэкау почы: рано встау, глядае по постэлы за дукатамы, алэ дукатиў нэма. Нэрэйшла и друга ничь дукатиу заусэ нэма. Въ той часъ склыкау панъ кухаря и лёкая тай пытае: „А що вы зробылы съ золотымъ пташкомъ?" Оны почалы цыганыты, но вкиньцы мусилы повисты, що сталося. Панъ, колы довидаўся, що то хлопци зйилы пташка, прыклыкау стрильця и мовытъ до нэго: „Мусышь мэни зробыты розказъ, бо якъ-бы-съ мэнэ нэ послухау, то я тэбэ прожэну зъ мого двора, а якъ мэнэ послухаешь, то я тэбэ добрэ обдарую: возьмы, кажэ, тыхъ двохъ хлопциў въ лисъ и застриль ихъ, а прынэсы мэни зъ ныхъ очы на-указъ!" Стрилэцъ пана послухау, взяу тыхъ двохъ хлопциу съ собою тай въ лисъ попровадыў. Прыходытъ пидъ лисъ тай вытягнуў стрильбу до хлопциу, щобы ихъ застрилыты, ажъ на счастье приходытъ другого пана лиснычій тай крычытъ: „А бій жэ ся Бога, що ты думаешь робыты?" Той на тіи слова застановыўся тай мовытъ: „Мэни самому жаль тыхъ дитэй, но мушу розказъ паньскій робыты!" На тое другый кажэ: „Ты-бы-съ за ти диты зъ нэкла николы нэ выйшоў!" „Алэ кой я мушу зъ ныхъ прынэсты очы на-ўказъ!" Другій на тое: „Дывыся тамъ пельэмъ бижытъ лысъ; застриль его, а очы выймы, то будэшь маў на-ўказъ."—„Алэ гдэ возьму другыхъ двохъ очэй?" „Виджалуй свого пса, кажэ, застриль его, а очы выймы!" Послухау его стрилэцъ. Въ той часъ мовытъ до хлопциў: „Диты люби, и дитъ тэпэрь въ сьвитъ за очы, жэбы-сьтэ николы нэ прыходылы до-дому, бо я бы пишоў на смэрть!"

Хлопци въ той часъ забралыся въ подорожъ лисомъ, алэ жэ лисъ буў волыкій, то его нэ нэрэйшлы чэ-

рэзъ дэнь. Тогды надэрлы соби моху, постэлылы тай полигалы спаты. Рано поўставалы, алэ и нэ дывылыся, чы тамъ е дэ-що, забралыся тай пишлы далэ лисомъ. Алэ въ другій дэнь нэ выйшлы зъ лиса, зноу тамъ ночовалы, а дукаты зосталы. Ажъ въ трэтій дэнь вэчэромъ выйшлы зъ лиса и прійшлы до одной хаты, що була пидъ лисомъ. Війшлы до тои хаты, а тамъ лэмъ одна баба была. Тай почалы еи просыты, абы ихъ нэрэночовала, но баба видповила: „Диты люби, я васъ нэ можу ночоваты, бо я дужэ рано иду на заробокъ, а вы нэ будэтэ хотилы вставаты.“ Но диты почалы плакаты, то баба ихъ южъ прыняла. Алэ рано баба встала тай хлопцу пробужае, ажъ дывытся—два дукаты пидъ одныемъ, а два пидъ другымъ. Но хлопцу нэ могла добудытыся, то дала имъ спокій, тилько дукаты сховала. Видъ того часу южъ баба бильшэ на заробокъ нэ ходыла, а хлопцыў пры соби трымала. И такъ ся баба по-пры хлопцяхъ збогатила, що купыла соби въ мисти муруваныцу и γрунта и чэлядь сы еднала. Но одного разу пани пишла до миста, а кухарка пишла до пыўныци по молоко. Тай хлопци пишлы за нэю и звалылы горнэцъ молока. Кухарка почала крычаты на хлопцыў: „Вы лотры, то за тое таку шкоду пани робытэ, що васъ выховала!“ Хлопци ўстрашылыся тай утиклы видъ пани.

Зайшлы въ одэнъ лисъ, та ихъ тамъ зайшла ничь, но оны надэрлы сы моху тай полигалы спаты. Рано встаютъ, дывятся на одній постэлы два дукаты и на другій два. Въ той часъ подумалы соби, жэ мала ихъ за-що пани ховаты. Но назадъ нэ вэрнулы, ходылы по сьвиту. Разъ прійшлы до миста, въ котримъ была комэдія. Тай пишлы оба и купылы соби тамъ шисть звирэй: два воўки, два мэдвэди и два львы, и купылы стрильбу и саблю одэнъ и другій. Такъ ходылы оба уразъ по сьвиту. Ажъ одного разу мовытъ молодшій до старшого: „Братэ, нэ добрэ намъ обомъ уразъ ходыты; розійдмэся, а колы ся даколы зыйдэмэ, то одэнъ другому будэмэ оповидаты, що котрый по сьвиту выдну.“ Якъ урадылы, такъ и зробылы. Прійшлы на крыжову дорогу, а пры дорози была дудлава вэрба. Молодшій до старшого кажэ: „Братэ, трэба запяты до тои вэрбы пижъ, а якъ ся котрый повэрнэмэ ўзадъ и увыдымэ, що вистрье нэ заржавлэнэ, то буде знакъ, що оба

жіемо; алэ якъ будэ дакотра сторона заржавлэна, то знакъ, жэ одэнъ нэ жіемо!" Згодылыся на тое тай розпрощалыся и розійшлыся.

Разъ прыходытъ старшій до одного мисто и пійшоў до цайбогатшои трактыярни и мовытъ дотрактыярныка: „Панэ, дай мэни чотыры порціи мяса!" „А то на що? прэнинь нэ зійнинь за чотырохъ!" „Най то паня нэ обходытъ, лэмъ най ми панъ дае!" Въ той часъ заклыкаў звирэй зъ двору и дау кождому по одной порціи. По обиди пытае подорожный: „Панэ, що тутъ чуты нового?" На тое трактыярныкъ: „Злэ у насъ! такъ чуты, жэ всихъ жыдиў будутъ ризаты; алэ я нэ маю страху, бо я сы спровадыў фляшочку ликиў, то колы ми видотнутъ голову, то жэна ми намастытъ каркъ и голову, то ми ся зростэ." И показаў фляшочку подорожному тай поставыу на лави, а самъ гдэ-сь обэрнууся. Тымчасомъ мэдвидь схопыў тую фляшочку зъ лавы, стысъ мэжы пальци, а подорожный заплатыў за страву тай видійшоў. Навэтъ трактыярныкъ нэ бачыу, що сталося. Колы выйшлы въ полэ и шлы коло одной грушки, то мэдвидь загрюбъ фляшочку и идъ грушку, тай пишлы далэ.

Вкиньцы прійшлы до мисто цисарского. Подорожный вступыў до трактыярни и зноў пытае: „Що ту чуты?" „Нэ добрэ! объявыўся тутъ смокъ и водымэ ему за-коляёў по одного чоловика, а заўтра идэ цисарска диўка на пожэртя!" Подорожный на тое: „Мэни якъ-бы ся хотило, то я бы еи нэ даў зійсты!" Трактыярныкъ дау знаты до цисаря. Цисарь прыслау кочъ за подорожнымъ, по винъ нэ пишоу. Въ другій дэнь подорожный пишоў идъ скалу, гдэ быу смокъ; а была тамъ каплыця, то сы стау за каплыцю. Ажъ надходытъ кочинъ съ прэнцызною въ кочу. Прэнцызна війшла до каплыци тай молылася доўго. Смокъ выголодниўся добрэ тай выйшоў зъ диры и пустыўся просто до каплыци. Въ той часъ подорожный защуваў звиряны сзаду: звиры сзаду жэрлы, а винъ съ саблэю до голоу забрауся и видтяу смоковы вси 12 голоу. Звиры головы порозвликалы, тилько языки винъ выняу и сховаў. Прэнцызна до нэго кажэ: „Що сы жычынь за ту услугу?" „Якъ маешь охоту за мэнэ замужъ иты, то тилько жэланя!" „Добрэ! на-тобе на знакъ

половыну нэрстэня и половыну хусточки, а другу половыну я возьму." „Добрэ! но доки я мамъ ждаты?" „Въ протягу року!" Попрощалыся тай розійшлыся Кочишъ заяў до миста, а подорожный лягъ спаты.

Но кочишъ обозрыўся и увыдыў, що той спытъ, то повэрнуў узадъ, позбыраў головы до брычки, а самъ пишоў къ подорожному тай вытягнуў ему голову. И повэрнуў до брычки тай заяў до миста. Но якъ прыйшоў кочишъ на одынъ мистъ, мовытъ до прэнцызны: „Прысяжъ нэродъ мною, що будэшъ моєю жэною, то будэшъ жыты, а якъ не прысяжэшъ, то тэбе кину зъ моста!" Прэнцызна прысягла. Колы прійшлы до миста, кождый ся пытае, що сталося? Кочишъ мовытъ, що смока убыў, то прэнцызну взяў до-дому. Но далы виры. Кочишъ показаў 12 голову въ той часъ звирылы. Цисаръ мовытъ до кочиша: „То якъ-же ты смока забыў?" „Батогомъ! я такъ сылно быў, що за кождымъ разомъ голова видпала." „Но, то я тебе ожэню съ моєю дыўкою." И хотиў заразъ обоє винчаты, але прэнцызна повела, що за рикъ не будэ ся выдаваты, и ждала рикъ.

Въ той часъ звиры дывятся, а панъ головы не мае, що му кочишъ видтяў. Мэдвидь побигъ видъ грушу, выгрюбъ фляшочку, прыйшоў къ пану и намастыў каркъ и голову и зложыў въ-одне. Панъ встаў, но голова на плэчахъ обэрнэна. Панъ мовытъ: „А що вы зо мною зробылы?" Зъ того смутку лягъ спаты. Мэдвидь взяў саблю, видтяў пану голову и зложыў якъ ся належытъ. Той встаў и пишоў по сьвиту.

Въ той часъ южъ цисаръ зачаў вэсилье справляты. А подорожный прыходытъ до трактыярни и пытаеся: „А що тутъ чуты нового?" „Добрэ чуты у насъ: цэсь выдаеся прэнцызна, котра мала питы линьского реку смоковы на пожэртя. — " Подорожный кажэ: „А чому не пишла?" „Бо-дэнь кочишъ смоковы 12 голову видтяў, то за него ся выдае: ой, кобы мы тое йшлы, що тамъ будутъ!" Подорожный кажэ: „Якъ-бы-мъ хотиў, то мы бы йшлы!" Трактыярныкъ заложыў ся съ подорожнымъ: „Я тобі дамъ мою трактыярню, якъ мы будэмо тое йшлы!" Подорожный напысаў картку, вложыў въ кошычокъ, кошычокъ заложыў воўковы на шыю и выправыў его до цисарского бур-

ку. Воукъ пишоў. Въ бурку прэнцызна познала, чій воукъ, взяла картку, пэрэчытала и одослала кождого йнджиня до трактыярни. Трактыярныкъ въ плачъ: „Южъ по мойій трактыярны!“ Но подорожный влагойиў его: „Еслы будэшь спаў въ стайны въ жолоби, а твій слуга въ твоимъ лижку за тры ночы, то трактыярня твоя!“ Згодыўся на тое и зробыты такъ мусиў трактыярныкъ. Прэнцызна по подорожного прыслала кочъ, абы прыходыў на вэсилье. И подорожный прыйшоў. Въ той часъ прэнцызна мовытъ: „Паньство вэльможнэ! я одно слово поспытаю васъ: чы вартае що прымушэна прысяга?“ Одповилы: „Нэ заўсэ!“ „Я прысягла, мовытъ, сама зъ прымусу: якъ мэнэ визъ кочишъ зъ-пидъ скалы, хотиў мя кинуты зъ моста, якъ нэрэдъ нымъ нэ прысяжу, що за иншого нэ выйду за-мужъ, лэмъ за нэго; а то той подорожный забыў смока!“ „Но то нэ можэ буты праўда, бо кочишъ прывизъ 12 голоў!“ Прэнцызна мовытъ: „Я дала ему знакъ, що за иншого нэ выйду за-мужъ.“ И вынала половыну хустыны и половыну нэрстэня. „А тэпэрь ты покажы свои знаки!“ Той показаў такожъ, зложылы въ-одно, здалося. Пры тимъ показаў ещо 12 языкиў. Въ той часъ кочиша розирвалы закиньмы, а подорожный ожэнылуся съ прэнцызною.

По вэсилю пытае вишъ разъ въ ночы жэны: „А що то тамъ на гори сьвитытся?“ Нонэ повила ему. Рано взяу съ собою звирэй и пишоў на гору, а тамъ была стара хата, а коло хаты сами трупы. Войшоў до хаты, а въ хати была Баба-Язя. Тай пытае: „А по-що тутъ панъ прійшоў съ звирыною? чы жобы мэнэ звирыца зйила?“ „Ни, нэ за-тое!“ Тай баба мовытъ: „Ану, якъ-бы тымъ прутыкомъ чвикнуў звирэй?“ „А то спробуй!“ Баба звирэй чвикла, и пана, то скамэнилы.

Ажъ вэртае молодшій братъ къ вэрби, выняу нижъ, а вистря заржавлэнэ. „Ого! южъ мій братъ нэ жіе!“ И пійшоў тою самою дорогою, що и его братъ, и прійшоў до той самои трактыярни, до цисарского мисга. И пытае: „Що ту чуты?“ „Чуты, жэ ся за вамы барзъ засмутыла ваша жэна прэнцызна.“ Той пишоў до цисаря, то тамъ ся нымъ барзъ потишылы, бо думалы, що то молодый цисаръ. Ввэчэръ запросыла цисарова его до лижка. Винъ лигъ, але положыў саблю до лижка на-

сэрэдыну и мовытъ: „Такъ лэжы, якъ тая сабля!" Дывытся, а на гори що-сь сьвитытся. Она ему кажэ: „Нэ ходы тамъ бильшэ николы, бо тамъ кто пидэ, то назадъ нэ вэрнэ!" Той рано взяў съ собою звирэй и прыходытъ дъ хати. Дывытся, а тутъ лэжытъ чоловикъ и трыи звиры. Познаў, що то его братъ, набыў ґвэръ, взяў въ руку саблю и отворыў двэри. Баба, якъ до нэрнного, такъ и до нэго почала облэсно говорыты. Алэ той мовытъ: „Бабо, положы прутыкъ, бо якъ нэ положышь, то тя застрилю!" Баба прутъ положыла, а винъ защуваў бабу звирамы. Баба зъ-болю мовытъ: „Чоловичэ, даруй ми, а я тэбэ прыпроваджу до такои керныци, що якъ тою водою покропышь брата, то ожіе." И повэла его, алэ звиры въ зубахъ ей трымалы. Колы прійшлы до керныци, чоловикъ вложыў кій до воды, а кій запалыўся. Въ той часъ защуваў на-ново бабу звирамы, то баба повэла его до иншои керныци. Подорожный вложыў зноў кій до воды, а кій позэлэниў и пустыў лысты и заквитъ. Винъ зачэръ воды до капэлюха и пишоў дъ брату, покропыў его тою водою и его звирэй, тай поуставалы вси. Тогды защуваў шистьма звирамы бабу, тай ю розирвалы.

Колы пишлы до-дому, молодшій кажэ: „Братъ, я тои ночы спаў съ твоею жэною!" Старшій пишоў сзаду, взяў саблю тай видтяў ему голову. А самъ пишоў до-дому; звирэй хотиў взяты, алэ нэ пишлы. Колы прійшоў до-дому, кажэ: „Жэно, я злэ здилаў!" „А що таке?" „Я забыў свого брата! похвалыуся мэни, жэ съ тобою спаў!" „То ты злэ зробыў; я думала, що то ты самъ, алэ винъ положыў саблю досэрэдыны, щобы-мъ такъ лэжала, якъ сабля." Стало ему жаль за братомъ и вэрнуўся на тое мисцэ, гдэ его зоставыў. Колы надійшоў на тое мисцэ, почалы звиры выты, дъ нэму прыскакуваты и вкэрэдъ нэго бигаты, и то такъ доуго, ажъ поки ся нэ надумаў, що оны хотятъ: вкиньцы прывэлы его до керныци, то тамъ начэръ воды. Въ той часъ звиры побиглы вкэрэдъ дъ брату, а той за нымы. Покропыў его тою водою и той ожывыўся тай встаў.

Оба пишлы до-дому. На дорози урадылы соби такъ: „Нэ даймося низнаты въ бурку!" Якъ прійшлы до-дому, нэ познаў нихто, котрый цисарскій зять. Вкиньцы по-

чала молода цисарова просыты: „Ознаймитъ, котрый вы мій мужъ!“ Но нэ ознаймылы. Молода цисарова пишла мижъ людэй на пораду. Людэ давалы всяку раду. Цисарова вси робы робыла, но жадныймъ способомъ нэ довидалася, котрый си мужъ. Ажъ одна баба дала йій такои рады: взяла цисарова до михура свижои кровы, прыйшла до ныхъ и мовытъ: „Прызнайтэся, котрый вы мій мужъ!“ Но нэ прызналыся. Въ той часъ нхнула нижъ до михура, а михуръ мала нидъ нахою; кроў почала сяльлятыі, а цисарова упала нибы нэжыва. Въ той часъ скочылы оба ратоваты. Тай мовытъ старшій братъ: „Алэ я ажъ тэперь глупый жартъ выстрону! нэ мигъ я дауно прызнатыся!“ —Почау плакаты и мовытъ: „Про глупый жартъ нэ буду маў жэны!“ Въ той часъ цисарова встала, позналa, котрый си мужъ и показала ему штуку, що она нэ до сэбэ нижъ ўняла, лэмъ до михура.

Отъ того часу жылы счаслыво обое. Брата обдарылы добрэ, а колы дознаныся, що ужэ той панъ умэръ, то далы брату подостаткомъ грошэй, щобы и витцу на стари лита лэкшэ было цыхаты. Попрощалыся тай пишоу братъ дъ своему витцу. Найшоў его и матирь жывыхъ, ознаймыў имъ о всимъ, що сталося, чэрэзъ що вэлыку утиху малы. И прожылы въ радосты до смэрты, а якъ нэ помэрлы, то и доднось жіютъ.

(Сообщено о. А. С. Хитякомъ отъ Николая Кирпана изъ с. Тылявы, кросненскаго уѣзда.)

32.

Чудесная рыба.

Разъ пишоу рыбакъ на рыбы тай пойнмаў одну рыбу чэрвону, бэзъ хвоста. Тай кажэ: „Я тэбэ ззимъ!“ А рыба кажэ: „Нэ йидькъ мэнэ, то якъ прыйдэшь до-дому, будэшь маты на столи горня кашы!“ Тай випъ тогды йи пустыў. Прыходытъ до-дому, а кашы нэма. Випъ тогды зноў пишоу на рыбы тай пойнмаў зноу ту-саму рыбу и ка-

жэ: „Вжэ тэпэрь тэбэ зэпмъ!“ Алэ оца кажэ: „Но йидзкъ, то будэшь маты на столи горня кáши!“ Винъ рыбу пустыу, прыходытъ до-дому, а кáши нэмá. Тай пишоу въ грáтый разъ, ту-саму рыбу пойимáу тай кажэ: „Ажэшь тэпэрь тэбэ зэпмъ! вжэ мя бильшэ не здурышь!“ Алэ рыба кáжэ: „Но йидзкъ мя, то будэшь маты дома заужды горня каши!“ Тай кажэ: „А якъ що схочэшь маты, то скажы: съ божэн моцы до помоцы! то ты ся зáразъ все стáнэ, що схочэшь!“

Тай винъ тогды кажэ: „Съ божэн моцы до помоцы абы-мъ мау такій возокъ, абы самъ йихау!“ Зáразъ му ся такій возокъ зъявыу, винъ сиу и пойихау. Тап йиъ, а тамъ ся дывыть цисарова донькá круз вякно бо йи тамъ цисаръ замкнуу, абы она ни съ кимъ не говорыла. А той надийхау тай кáжэ: „Съ божэн моцы до помоцы абы мэнй та пáнна цытыну почула!“ Тай она зáразъ зайшла въ тяжъ тай потому порозыла хлопця.

И въ симъ литъ той хлопець зачау говорыты. Пытáеся его цисаръ: „Цы спизнáу-бы ты свого витця?“ А винъ кажэ, жэ спизнáу-бы зáразъ. Тогды цисаръ зигнау всіи краи на едно поле, а той хлопець ходыть и шукае свого витця. Ажъ прыйшоу идъ тому рыбаковы тай кажэ: „О-то мій отэць!“

Тай тогды цисаръ казау ихъ обое и хлопця съ ныймы кенуты до вязныци. Тап они тамъ сыдилы голодни, бо лышэ имъ дають на-ешь едну булку тай склянку воды для всихъ тройхъ. Алэ винъ тогды кажэ: „Съ божэн моцы до помоцы пап мы ту станэ поуне горня каши!“ Зáразъ ся зъявыло и они ся найилы добрэ. Тогды вжэ тота цисарова донькá кажэ: „Ой, кобы тут хоть викна булы, бо тэмно дужэ!“ То винъ то слóво сказáў и зáразъ стáлы таки высоки вікна, якъ въ дворі. Тогды винъ вжэ кажэ такъ: „Съ божэн моцы до помоцы абы на горі, на найвысшій, зáразъ мэнй стáу королíуский двиръ тап абы мы, кажэ, зáразъ въ тимъ дворі сталы!“ Алэ вжэ ся огтянулы, вжэ зáразъ въ тимъ дворі сталы.

Потому онá разъ кажэ: „Ой, кобы я ся щосъ моймъ татомъ увидила!“ А винъ кáжэ: „Та чому ни? увыдышься!“ И кáжэ: „Съ божэн моцы до помоцы абы видъ мого двора до цисарского стаў гостíньцъ и сталы птахи въ клиткáхъ по-пры гостíньцъ и ружи квитучи!“ Тогды цисаръ увыдиу той го-

стынэцъ тай кажэ: „Що то такого е?" Тай взяў сы на пйўроку хлйба тай поййхаў. Алэ нэ стало му на дорози хлйба тай ся вэрнуў до-дому. Тогды вжэ взйў сы хлйба на два роки тай ййдэ долй тымъ гостынцэмъ. Тай хотйў взяты едного птаха съ клйткоў, алэ го хто-сь ударыў въ высокъ, а нэ выдиў хто? Тай поййхаў дали увыдиў на горй красный двиръ. А той ёго зять выйшоў зо двора на ґанокъ тай кажэ: „Съ божои моцы до помоцы абы тому цйсаровы зъ колйнъ кроў тэкла!" Тогды зйразъ цйсаръ зачаў лйзты на колйнахъ до того двора на-гору, тай му зачала кроў зъ колйнъ тэчы.

И оны ся тамъ балювалы бэзъ тры роки, алэ ся тота ёго донька и зять татовы нэ спизналы, що то оны ёго дйты. А по трёхъ рокахъ той вжэ кажэ: „Съ божои моцы до помоцы — абы тато стаў въ своимъ дворй!" Тай цйсаръ тогды зйразъ стаў въ своимъ дворй въ лйжку. Тай збудыуся тай ся дужэ дывуе, якъ то винъ за едну ничь нэрэйшоў таку дорогу, що нэрнэ два роки муси ййхаты? А той тогды его зять зноу сказаў: „Съ божои моцы до помоцы абы ся той гостынэцъ запаў въ болото!" То вжэ цйсаръ до ныхъ бйльшэ нэ прыйнжджаў, бо нэ знаў куды. А оны собй въ своймъ дворй панувалы ажэнь до смэрты.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

33.

Платокъ, шляпа и топоръ.

Було три брати и вси тры пишлы до войска и статы въ войску старшымы. А тамъ буў едэнъ мини-стэръ, мау дужэ вэлыки гроши въ каси, тай ти гроши зождои ночы хто-сь крау, а нэ знаты хто? И винъ зождои ночы ставыу тамъ сторожу, алэ всэ що-сь войскиу забывало.

А ю той наймолодшый братъ кажэ: „Я пйду тои ночы сторочы!" Тай пишоў до кеєндза, даў му кеєндзъ

колэсо сьвячэно и попанысувау на тимъ колэси золотй лйтэры и дау му що крайды сьвячэнои. Пишоў винъ съ тымъ на сторожу и стау собй на тимъ колэси. А ту въ ночы такій шумъ зъявыуся, такй сувитры стады, тай зачало въ него йскрамы гай головнйма мэгаты. А винъ съ того колэса ани рухаеся. Скоро то блызчэ идъ нёму прыйшло гай заразъ прыйшла пани и кажэ „Прыймы мэнэ на-ничь!" А винъ кажэ „Та йды тамъ до будки гай сны!" Она кажэ: „Ало абы-съ мя о 12-ій годыни збудыў!" Прыйшла 12-та годына, винъ покоутау увыромъ до будки и она встала. Тай кажэ „На-тобй то хустятко въ дарнуцыну!" А винъ кажэ „Вэрзь тамъ, дэ-съ спала!" Тай такъ пишоу и другои ночы на варту. Стойтъ на колэси, а ту стады сувитры гай знову въ нёго головнйма мачэ. Ало винъ съ того колэса ани ся нэ рушыу. Прыйшла съ нему тота пани гай кажэ: „Прыймы мэнэ на-ничь!" „Йды до будки, а ты по бороню!" Тай она пишла гай кажэ „Абы-съ мя знову о 12-ій годыни збудыў!" Прыйшла 12-та годына, винъ покоутау увыромъ, она вйшла гай кажэ „На-тобй дарнуцыну о-тои капелюшокъ!"—„Вэрзь тамъ, дэ-съ спала!" Знову такъ винъ пишоу третои ночы на сторожу. Тай тутъ лэтятъ вороны, такъ квакаютъ изъ-салока, тай зачало йскрамы мэтаты въ нёго, ажъ му обгорйлы брова гай волосье. Тай якъ то прыйшло блызчэ, заразъ прыйшла идъ нёму пани гай кажэ: „Прыймы мэнэ на-ничь!" „Йды тамъ, дэ-съ пэршэ спала!" Она пишла, а винъ йи о 12-ій годыни увыромъ збудыў. Тогды она кажэ „На-тобй о-ту сокирку!" „Вэрзь тамъ, дэ-съ спала!" Ало она кажэ „Тота сокирка, якъ будэшь нэў трясты, то будуть зъ нэи гроши тэтиты, кйлько схочэшь; а тои капелюшокъ якъ заложышь на голову и покрутышь въ лйвый бикъ, то заразъ стане коло тэбэ поуно войска; а хустйна, якъ ся накрйешь нэў, то нихто тя не увыдытъ, абы-съ цэ буў." Тай винъ того вицъ дэи забрау гай пишоу.

Тай надвэрся тоу хустыноу и попайхау инцъ ничого цйсара, тай нихто то не выцну. А тамъ кажэ той цйсаръ: „Хто съ моёу доньковў буцэ граты въ карты цилу ничь, то буцэ ся съ нэу побыраты!" Вицъ

тогды пишоў и кажэ: „Я буду съ нэў граты въ карты!" Грае съ нэу цилу ничь тай всэ тоу сокиркоў трясэ, а зъ нэи ся гроши сыпють. Такъ грали ажэнь до трётои годыны по пиуночы. Якъ она увыдила, що му нэ можэ даты рады, тогды зварыла ёмў заразъ такои кавы, абы успуў. Винъ ся тои кавы напыў заразъ успуў. А она видъ нёго тогды ту сокирку видокрала, тай пишля борзо до коваля, зробыла ещу сокирку съ дироў, насыпала у сокирку троха грошэй и положыла коло нёго. Тогды винъ встау и зачау зноу съ нэу въ карты граты. Тай вытрясъ изъ тои сокирки вси гроши, тай му вжэ грошэй нэ стало. Тогды ёго тамъ набылы тай нагналы.

А винъ взяу, заложыў капелюхъ на голову, покрутыў въ лївый бикъ, заразъ стало коло нёго кима войска. Тай зачало то войско быты до цисарового бурку. Тогды та цисарова донька выйшла и зачала его нэрэпрошуваты. Тай заклыкала ёго до свого покою, капелюшокъ му видобрала, тай тогды го тамъ наобылы и нагналы зноў.

Винъ тогды взяу, надвэргся хустятёмъ, пишоў до покою и лягъ сы пидъ столыкъ. А кухаръ тамъ всэ посытъ на стиу йисты, а той всэ вывэрта. Алэ жоўниръ тамъ стояў на вярти тай добрэ прыдывыуся тай увыдиў, що пидъ столомъ кевается кишье. То хопыў рукоу пидъ стиў, зирвяў съ того хустя, тогды го вжэ вси увыдилы. Тогды зноу го набылы тай выгналы гэтъ.

Тап винъ тогды пишоу и наймыуся у единого пана на службу. Той панъ ю-съ йихау въ дорогу тай кажэ до нёго: „Хоть-съ ту всюда порядки робыў и замыгаў, лышэ абы-съ нэ ў ды нэ йшоу до того покою, що лыкомъ завязаный!" Алэ винъ буу дуже цикавый подывыться до того покою тап пишоу. Винъ дывыться нычь нэма, лышэ смитье по колина, на-сэрэдыни столыкъ, а въ столыку шуфлядка. Винъ ту шуфлядку виторыў, а тамъ е ящыкъ, а въ тимъ ящыку сыдыть того пана ховалэць. Винъ той ящыкъ съ тымъ чортыкомъ взяу у кешэню и пишоу гэтъ.

Тап пишоу съ тымъ зноў до того самого мисто, де та цисарова донька була, тай въ тимъ мисти стау мэшкаты.

Тай ка́жэ въ ночы́ до того хованця: „Иды́, прыньсы́ мэй тоту ци́сарову доньку!" Хо́ванэць полэ́тиу тай за́разъ му й и прыйсъ до ли́жка, а потому ра́но видийсъ й и наза́дъ до-дому. Алэ она заразъ заслабла. Тогды ци́саръ спрова́дыу дохтору́, а дохтори ка́жуть: „То она тои ночы съ хлопомъ спа́ла тай видъ того слаба́". Тогды на другу ничь насы́палы въ ей ли́жко маку, абы той макъ сыпауся и такъ дорогу показа́ў, куда́ ей посыть. Алэ той хованэць й и взяу́ и пошо́съ таки́ми до́брамы, що и ита́хи нэ долига́ють, абы́ ци́саръ нэ знау, дэ макъ ся розсыпаў. Тай ра́но й и зноу́ видийсъ до ей покою Тамъ пишлы́ вжэ за сыньдомъ шукаты, а́лэ дэ тамъ? зайшлы въ таки́ до́бры, що и рушытыся нэ можъ. Тай ся вэрнулы до-дому, нэ дови́далыся ницъ. Тре́тои ночы вжэ поставылы коло нэи сторожу. Той знову нисла́у хованця по нэи, то чортъ полэ́тиу́, загасыу тамъ ля́мпу, сторожу побыу, а ци́сарову доньку взяу и прыйсъ до него, а потому видийсъ й и рано наза́дъ.

Тогды́ вжэ ци́саръ сказау, „Хто мою доньку брау у ночы, той най вжэ ска́жэ, то ся буде съ нэу побыраты!" Тогды винъ пишоу и ка́жэ: „То я й и брау до сэбэ!" Тай оны́ ся тогды́ обое побра́лы тай конець.

(Отъ Ивана Зиша въ Доброгестовъ.)

34.

Собака, кошка и змѣя.

Найму́ся едэ́нъ хлопець у ґазды за тры гроши на рикъ. Вы́служыу той рикъ, взяу заслужэны́ны тры гроши тай пишоу́. Идэ, а тамъ нэсэ́ чоловикъ пса. — „Дэ нэсэ́тэ, ґаздо, пса?" „Нэсу въ лисъ за́быты, бо вжэ, ка́жэ, коло ха́ты нэзда́лый." Хлопець ка́жэ: „Нэ убыва́йтэ, я вамъ дамъ едэ́нъ гришъ за нэго, да́йтэ мэй!" Га́зда ся утишыу́, взяу гришъ и даў му то́го пса.

Идэ́ винъ съ тымъ псомъ, а тамъ знову нэсэ́ чоловикъ кота. „Дэ нэсэ́тэ кота́?" — „Нэсу до воды́ топыты, бо нэзда-

лый" „На-тэ вамъ гришъ, цайтэ мэнй котá!" Тай даў гришъ, взяў сы котá и пишоў.

Тай идэ́, а тамъ такъ хлóпци гáдыну бьютъ. Винъ кажэ: „Йой, нэ быйтэ йи, нá-тэ вамъ гришъ тай пустúтъ йя!" Тай даў имъ гришъ, а гáдына тогды́ за нымъ лизэ. Тай кажэ до нёго на дорози: „Возьмы́ мэнэ, на шыю, я тобй буду показоваты дорогу до мого тáта!" Тогды́ винъ йи взяў на шы́ю тай идэ́. Але она ёму потому кажэ: „Мій тáто тобй будэ цавáты гроши, маетки рижи, áлэ ты абы́ ничого нэ браў, лышэ жадай той камишэ́цъ, що мій тáто нидъ язы́комъ мáе!"

Прыйшоў винъ вжэ тамъ до ей витця́, а той му кажэ. „Я знáю, що ты за ню даў лышэ́нь сдэ́нъ гришъ, áлэ я тобй за твое добрэ сэрцэ дамъ кимá грошэй!" А хлóпэць грошэй нэ хочэ, кажэ: „Дáйтэ мэнй лышé той камишэ́цъ зъ-нидъ язы́ка!" Тай тон ёму даў камишэ́цъ тай кажэ: „Якъ що схочэшь маты, то абы́-сь тымъ камишьцёмъ покрутыў нидъ язы́комъ, то ты ся зáразъ стáнэ!" Тай тогды хлопэць собй пишоў.

Идэ́, а тамъ кóло еднóго цúсара булó дужэ вэлы́ке болóто, а коло того болота стойтъ кима паньства. Тогды́ винъ ся пытае: „Чогó вы ту такъ стоитэ́?" Кажутъ ёму, що казáў цúсаръ, жэ хто тото болото нэрэйдэ, то будэ ся съ его донькоу побырáты. Винъ тогды́ взяў сы дви дóшки, еднý клаў на-нэрэдъ сэбэ на болото, а другу нисъ; якъ вжэ тоту еднý дошку нэрэйшоў, то клаў на-нэрэдъ сэбэ другу, а тоту зáду браў и нисъ. И такъ на тыхъ двохъ дóшкахъ нэрэйшоў цилá болото ажъ до цúсара. А цúсаръ то ся пытае: „Та якъ ты то нэрэйшоў?" Винъ кажэ: „Я всэ пишоў еднóў дорогоу, а другу-мъ нисъ у рукахъ, тай такъемъ нэрэйшоў." Але цúсаръ кажэ. „Хоть ты такій мудрагэль, то що нэ будэшь мою доньку браў, ажъ якъ вымуруешь за еднý ничь на тры штоки двиръ и въ тымъ дворй 12 нынныць и въ кождій нынныцы абы́ буў столыкъ." Винъ кажэ: „Добрэ!" Тай зáразъ тымъ каминьцёмъ нидъ язы́комъ покрутыў, то прылэтилы идъ нему тры чорты и пытáются: „Чого хочэшь?" „Хóчу, кажэ, абы́ мэнй зáразъ стаў двиръ и въ тымъ двори 12 нынныць и въ кождій абы́ буў столыкъ!" Стáлы чортú мурувáты тай вымурувалы то рáна двиръ, такъ якъ

винъ казау. Ци́саръ ра́но выходытъ, дывыться е двиръ. Тай вжэ го тогды́ ожэны́ў съ своёў донько́ў.

Алэ она́ хоти́ла дови́датыся, якъ винъ тото всё зробы́ў? Тай пыта́ется его, а винъ ійі ся звьерыу, ка́жэ: „Я ма́ю такій камиэ́цъ пидъ язы́комъ, жэ якъ покручу, всё мы ся ста́нэ, що хочу!“ Лягъ винъ спаты, тогды́ она вы́мыла ёму той камиэ́цъ тай собі положы́ла пидъ язы́къ. Тай покруты́ла прылэ́тилы пидъ ній тры чо́рты, пыта́ются ей. „Чого хочэшь?“ Она́ ка́жэ: „Абы я ся съ тымъ, що-мъ ся съ нымъ пэ́рше любыла, побрала, тай абы той двиръ за́разъ стау далэ́ко за море́мъ, абы мы собі тамъ ґаздува́лы; а той-во́ най ся тутъ лы́шыть!“ Тай за́разъ сталы сувитры тай пэрэнэ́слы двиръ за морэ, лышэ́нь его лышы́лы въ лі́жку съ котомъ и съ пэ́сыкомъ у чы́стимъ по́лы.

Винъ ра́но встау, нэ зна́е, що съ нымъ ся стало, де ёго двиръ тай де ся жона́ ді́ла? Ажъ подывы́уся пидъ язы́къ, а каминьця́ нэма. То вжэ сы погада́ў, що ёго жона́ зрадыла. Тай тогды́ пишоу, наймы́уся тамъ де-сь на службу, тай пицъ. Але китъ и пэсъ тэтъ видъ нёго пишлы́, пишлы́ шука́ты того каминьця. Тай прыйшлы́ ажъ надъ морэ. Тогды́ взяу пэсъ кота на сёбе тай пэрэплы́нулы. Тай такъ прыйшлы́ ажъ до тои жоны́. Тогды́ взяу китъ щуры́ йима́ты, а щуры́ ка́жуть: „На-що ты насъ такъ йима́ешь?“ А китъ кажэ: „Украдіть видъ наши камиэ́цъ зъ-пидъ язы́ка, то васъ нэ буду йиматы!“ Тогды такій старый, крывый щуръ ка́жэ: „Я пі́ду украсты!“ Тай пишоу тай въ ріжню паскудство заталапау фистъ. Якъ наши уснула, винъ всэ ійі попидъ писъ фостомъ чи́хае. А она́ ся пробуды́ла тай кажэ: „Пфэ, якъ що-сь смэрды́ть!“ Але щуръ ся сховау, тай она́ зноу уснула. Тогды́ винъ ійі зноу чи́хае по-пидъ писъ фосто́мъ. Она́ зноу пробуды́лася, тай якъ сплю́нула, тогды камиэ́цъ ійі вы́пау зъ-пидъ языка на зэ́млю; щуръ камиэ́цъ ухопыу тай утікъ. Дау котовы, а китъ взяу камиэ́цъ у ротъ тай зибра́ўся съ несомъ тай пишлы. Прыйшлы́ идъ мо́рю, взяў пэсъ кота́ на сёбе тай взэ́. Але ся на моры кота́ пыта́е: „Та цы е камиэ́цъ?“ А китъ ка́жэ: „Урррва́ў, е!“ Але тогды́ му камиэ́цъ вы́пау въ во́ду. Тай вы́йшлы на бэ́рэгъ. Тогды́ китъ ка́жэ, що камиэ́цъ му зъ ро́та вы́пау у во́ду. Тай тогды́ пи-

шоу тай зачау дужэ рыбу йиматы. А рыбы го ся пытаютъ: „За-що ты насъ такъ йимаешь?" А китъ кажэ: „Найдитъ мы той каминэцъ, то нэ буду!" Якъ рыбы пишлы шукаты, тай една чэрвона рыба, бэзфоста, найшла каминэцъ и прынэсла идъ котовы. Винъ взяу тай пойисъ ажэнь до свого нана.

Тогды той собй каминэцъ зноу идъ языкъ положыу тай покрутыу тай прылэтилы идъ нёму тоты тры чорты. Винъ имъ тогды кажэ: „Заразъ абы мы тутъ стау мій двиръ и жона!" Тай заразъ сталы сувитры, прынэслы двиръ на то-само мисцэ тай тоту его жону. Алэ винъ тогды жону нагнау гэтъ, а самъ вжэ лынуся въ дворй.

(Отъ Федора Химчука въ Добропостовѣ.)

35.

Чудесная свѣча.

Буу стэнъ чаэда въ соли бйдный дужэ и нэ мигъ ся ниць доробыты и дйты му мэрлы. То винъ вжэ Бога нэ знау, дужэ ся прогнйвау на Бога. И тогды тоступилы до него чорты, кажуть: „Нидышися намъ на душу, то будэшь вэлыкимъ мастыкомъ!" Винъ ся нидысау чортамъ и оны ему далы таку сьвйчку. „Якъ ту сьвйчку засьвйтышь, кажуть, то мы зауш прылэтымо и зробымо тобй, що схочэшь!"

Винъ такъ засьвитыу сьвйчку. „Що жадаешь?" „Хочу въ соли вйтомъ бути!" Тай заразъ остау за вйта.

Алэ разъ прыймыу жыда съ опучима на-ничъ то свэн хаты. И жыдъ поставыу литру горйуки и винъ ся упыу и сказау жыдовы, якъ винъ прыйшоу до мастку и зъ якои прычыны вйтомъ зистау. И показау жыдовы тоту сьвйчку, всю прауду ему уповйу. Алэ погому тоту сьвйчку сховау въ лахи и пидъ столю повйсыу у ваць-

киру. Зайшо́ў жы́дъ у другый разъ исъ онýчима и закрыча́ў, а витыха тоти́ ла́хи зъ-пидъ стэ́ли ўхо́пыла и вынэсла жы́довы и прода́ла. Жы́дъ вы́няў зъ ла́хиў сьви́чку и засьвиты́ў прылита́ютъ дъ нёму тоты́ чорты. „Що ты хо́чэшь?" „Хо́чу, абы-мъ ту въ сэли́ за ви́та зоста́ў!" Тай стаў за ви́та за́разъ, а той γа́зда пишо́ў на жэ́бры.

Алэ маў пэска́, тай той пэсо́къ пишо́ў за нымъ. Идэ́-идэ́, а пэсо́къ зача́ў що-сь нюхаты на доро́зи тай зача́ў грэба́ты нога́мы. Винъ ды́вытся, а тамъ ся що-сь блыщы́тъ, а то буў пэ́рстинь Тай винъ той пэ́рстинь пидоймы́ў и взяў на па́лэць закрýчуваты. Ажъ ту пэ́рэдъ нымъ стаў чортъ. „Чого́ хо́чэшь?" „Хо́чу, абы-мъ таки́мъ богачо́мъ буў и ви́томъ, якъ пэ́ршэ, тай щэ прынэсы́ мы видъ жы́да сьви́чку!" За́разъ му ирыни́съ, тай винъ вжэ зноў зробы́ўся богачо́мъ и обибра́лы го зноў за ви́та. А жы́да каза́ў стра́ты.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

36.

Охъ.

Такъ у ли́си буў волы́кій дубъ, а въ тимъ дуби буў чортъ тай называ́ўся Охъ. Тай маў отэ́ць два сыны́ едо́нъ буў розу́мный, а дру́гый дурны́й. Винъ узя́ў то́го дурно́го тай нови́ў тамъ до того Оха, абы́ ёго́ розу́му научы́ў. Алэ той чортъ маў тамъ вжэ таки́хъ одына́йцить хло́пциў, що ихъ розу́му учы́ў, тай взяў то́го за двана́йцятого. Алэ ка́жэ до того витця́: „Я го научу, а́лэ прыйдэшь за нымъ въ рикъ; то якъ спизна́ешь свого хло́пця, то́ ты го видда́мъ, а якъ нэ спизна́ешь, то хло́пця лы́шу у сэ́бэ!"

Тай той отэ́ць пишо́ў, а Охъ взяў, запалы́ў шты́ры сто́сы дроў тай вэргъ то́го хло́пця у огэ́нь тай ся зъ нёго зробы́ло яйцэ́. Тогды́ винъ вы́ймыў то яйцэ́ зъ огню́ тай вэргъ нымъ до зэмли́, то вы́лизъ зъ то́го

хлóнэць. Тай ся пытáе чортъ: „Цы розумíешь що-гóди?" Кáжэ: „Розумíю, що въ мóго тáта баль е!" Тогды́ винъ взяў и запалы́ў шисть стóсиў дроў тай вэргъ хлóнця въ огэ́нь тай ся зробы́ў волóській орúхъ: вэргъ до зэмлй—тай вы́лязъ зъ тóго хлóнэць. Тай го ся пытáе: „Цы розумíешь вжэ що-гóди?" Винъ кáжэ: „Розумíю, що мій тáто на пóлы óрэ нэрúстымы быкáмы!" Винъ тогды́ взяў тай запалы́ў вúсимь стóсиў дроў тай вэргъ го у огэ́нь—тай ся зробы́ло мáковэ зэ́рно; вэргъ тымъ до зэмлй тай ся зробы́ў зъ тóго хлóнэць. И пытáеся го: „Цы розумíешь що-гóди?" Винъ кáжэ: „Вжэ знаю, щó ся въ пиў-сьвúти дíе!" Вжэ тогды́ буу мудрíйшій видъ самóго Оха.

Алэ чортъ го тогды́ взяў тай замóкъ за 12 двэрэ́й. Алэ винъ знаў, що ёгó тáто вжэ идэ́ по нёго, то зробы́ўся мýхоў я вы́лэтиў крузь тотý дúрку, що ся ключóмъ замыкáе. Тай лэты́тъ и вжэ здыбáе свóго витця́ на пóлы. Тай такъ кáжэ до витця́: „Винъ тамъ зрóбытъ насъ 12 кóнэй, то вси кóни бýдутъ ты́хо стоя́ты, лышь я бýду ирзáты; то бýдэтэ казáты: то мій сынъ!—и зрóбытъ 12 качóкъ вси качки́ бýдутъ ты́хо стоя́ты, лышэ́нь я бýду казáты: такъ-такъ! и зрóбытъ 12 псиў, то вси псы бýдутъ ты́хо стоя́ты, лышь я бýду хвостóмъ мáхаты; и зрóбытъ щэ 12 мухъ вси мýхи бýдутъ ты́хо сыдúты, лышь я бýду брэнчáты; то скáжэтэ: то мій сынъ!" Тай тогды́ видлэ́тиў назáдъ и зноў залэ́тиў тамъ до покою крузь тыхъ 12 дирóкъ.

Прыхóдытъ отэ́ць дрýгои дны́ны—чортъ видмóкъ вси 12 двэрэ́й и вы́пустыў всихъ 12 хлóциў тай зробы́ў 12 еднáкихъ кóнэй; усй кóни ты́хо стоя́лы, лышэ́нь едэ́нъ заирзáў. А той хлопъ тогды́ кáжэ: „О-то мій сынъ!" А чортъ зробы́ў 12 качóкъ, тай вси качки́ ты́хо стоя́лы, лышэ́нь еднá казáла: такъ-такъ! Тогды́ винъ кáжэ: „То мій сынъ!" Чортъ зробы́ў 12 псиў, тай вси псы ты́хо стоя́лы, лышэ́нь едэ́нъ хвостóмъ мáхау. А хлопъ кáжэ: „То мій сынъ!" А чортъ зробы́ў 12 мухъ, тай вси мýхи ты́хо сыдúлы, лышэ́нь еднá брумчáла. А винъ кáжэ: „То мій сынъ!" Тогды́ чортъ тóго хлóнця вжэ зробы́ў зноў хлóномъ и кáжэ: „То ты дэ-сь съ свóимъ витцёмъ буў на розмóви!" А винъ кáжэ:

„Та я буў за 12-мы двэрмы, якъ я мигъ буты съ моимъ та́томъ на розмо́ви?"

Тай го вжэ тогды отэ́ць взяў. Тогды винъ ся вжэ зробы́ў самъ конёмъ золоты́мъ тай ка́жэ: „Абы-сьтэ мя, та́ту, прода́лы за дэ́вять со́токъ, лышь абы-сьтэ мя нэ да́лы съ уздэ́чкоў!" Тай го зноў самъ той купы́ў Охъ, а́лэ отэ́ць даў го съ уздэ́чкоў. То го прыняў до зэли́зного дра́гаря до-горы, такъ що лышь дрибку за́дными нога́мы до зэмли́ докива́ў. А винъ дэ-сь, той чортъ, пишо́ў тай замо́къ тоту ста́йню. И тому найста́ршому, що бу́ло тамъ 11 хло́пциў, даў ключи́ видъ ста́йни. Тай каза́ў имъ, тымъ 11-тёмъ, абы ся нэ дывы́лы до то́и ста́йни. Алэ вны видомклы́ ста́йню тай ся подывы́лы тай узя́лы, видопня́лы то́го коня́ тай вы́вэлы го на-двиръ. А той кинь якъ ду́бнуў ного́ў, тай ся зробы́ла зъ нёго муха, тай ути́къ гэтъ. До сво́го витця́ ути́къ.

Тай видта́къ зробы́ўся золоты́мъ пта́шкомъ въ такі́й золоті́й кли́точци. Тай ка́жэ витцю: „Абы-сьтэ мя, та́ту, прода́лы за пять со́токъ, лышь абы-сьтэ мя нэ да́лы съ кли́ткоў!" А отэ́ць забу́ў тай даў го съ кли́ткоў, зноў то́му Оховы прода́ў. Той взяў го до-до́му тай замо́къ исъ тоў кли́ткоў у зэли́зну кли́тку. Тай той итахъ тры дны ду́жэ фа́йно спива́ў. А тоты взя́лы, одынэ́йцить, тай подывы́лыся на кли́тку тай видомклы́. Тай го зноў вы́нэслы на-двиръ. Тай винъ тогды ду́бнуў ного́ў тай ся зноў зробы́ў му́хоў. Алэ Охъ бу́ў у поко́йы тай тото́ вы́диў: ногна́ўся за нымъ, а́лэ го нэ догоны́ў. Тай винъ тогды ути́къ до сво́го витця́.

Тай тогды ся зробы́ў таки́мъ: ни китъ, ни нэсъ, таки́мъ, гы зэли́зна рукавы́ця. Тай ка́жэ до витця́: „Нэси́тъ-жэ мэнэ́ вжэ тэпэ́рь, та́ту, до ми́ста и прода́йтэ за тры со́тки!" Отэ́ць го вы́нисъ до ми́ста, а́лэ вжэ той Охъ нэ купува́ў то́и рукавы́ци. „Бо, ка́жэ, то вжэ для мэ́нэ нэзда́лэ!" И тогды тото́ купы́ў такі́й стары́й жо́ўниръ и прыни́съ до-до́му. Алэ той тогды въ ночы́ зробы́ўся зъ рукавы́ци зноў хло́номъ и вжэ пишо́ў соби́ въ сьвитъ.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

37.

Птичій языкъ.

Такъ буў едэнъ хлопэць и йшоў пытаты службы. Тай йдэ-йдэ дорогоў, а злый духъ йидэ тай ёго ся пытае: „Дэ ты йдэшь?" „Иду на службу!" — „То наймыся въ мэнэ! алэ, кажэ, цы умієшь ты чытаты тай пысаты?" — „Умію!" „О, то я тэбэ нэ хочу!" Алэ хлопэць пэрэбйгъ тай зноў стаў напротиў злого. А той нэ спизнаў го тай ся пытае: „Дэ ты йдэшь?" „Иду, кажэ, службы пытаты!" „А можэ-бы-сь ся въ мэнэ наймыў?" „Наймуся!" „А цы умієшь пысаты тай чытаты?" „Нэ ўмію!" Вжэ тэпэрь казаў, що нэ ўміе. Тогды злый ёго съ собоў взяў на фиру. И прывизъ ёго до-дому и кажэ: „На, будэшь утыраты ту кныжки видъ пороху и о-того коня будэшь годованы; алэ, кажэ, абы-сь му нэ даваў нычь, тилько лыжку воды и кулакъ виўса на-дэнь!" А самъ винъ маў дэ-сь йихаты на цилый рикъ, той злый духъ.

Ну, пойихаў, а хлопэць вжэ тоты кныжки ўтыраe. Утыраў цы два дны, цы килько, а потому ся взяў учыты зъ тыхъ кныжокъ; наўчыўся зъ ныхъ, що дитына заплачэ, що птыця запыщытъ, що худобына зарычытъ, що жаба накрычытъ. И того коня годованў добрэ: даваў му виўса, килько хотиў, и воды му такъ даваў и пуцуваў го що-дня. Якъ вжэ такъ цилый рикъ тамъ буў, вжэ нэзадоўго маў злый прыйихаты, тогды кинь до нёго промовыў, до хлопця: „Годуй мэнэ, сынуню, якъ можэшь, то будэмо ўтикаты звидсы! бо той злый, якъ прыйидэ, то й тэбэ зробытъ конёмъ, якъ мэнэ зробыў; я такжэ, кажэ, буў такій хлопэць, якъ ты!" Тай винъ тогды годованў коня що лишнэ. А потому разъ сиў на того коня тай зачалы ўтикаты тай утиклы ажэнь за граныцю. То вжэ той злый нэ маў до ныхъ жадного права.

Тогды той хлопэць злизъ съ коня и зняў зъ нэго уздочку, а кинь зробыўся тогды чоловикомъ, алэ вжэ буў такій старый, сывый. И до того хлопця кажэ: „Тэпэрь, сынуню, иды соби въ свій бикъ, а я пиду въ свій; ты що молодый, то йды дэ на службу, а я вжэ нэ можу, то пиду соби жэ-

браты: иды, алэ памятай, кажэ, абы-сь николы никому нэ казаў праўду, абы-сь и жинци, якъ ся ожанышь, праўду нэ казаў!"

Тай ся розлучылы тай той собй пишоў хлопэць. Идэ, а тамъ тры γазды йихалы съ крамщыноў, съ сукнамы. Тай едэнъ ся ёго пытае: „Дэ ты йдэшь?" „Иду службы пытаты!" „Можэ-бы ты ся, кажэ, въ мэнэ наймыў?" „Наймуся!" „То сидай на фиру!" И вжэ такъ йидутъ, такъ сонычко файно гріе, погода. И тоты купци кажутъ: „Будэмъ тэпэрь розкладаты сукна, най ся троха вывитріютъ на соньцы!" Алэ той слуга чуе, якъ два пташки прылэтилы на яблинку и кажутъ: „Ой, то-то заразъ пидэ злыва, а тоты дурни сукна розложылы, абы имъ дощи помочылы." А винъ тото всё розумиў, той хлопэць, бо ся зъ тыхъ кныжокъ, що порохи стыраў, все научыў. Тогды винъ кажэ до тыхъ купциў: „Збырайтэ сукна и ўтикайтэ дэ до корчмы, бо заразъ дощи пидутъ." Алэ тоты купци нэ повьерылы и кажутъ до того едного, що наймыў сы слугу: „О-то наймыў-есь сы якого-сь дурного! ту така погода, а винъ кажэ, жэ дощи пидутъ!" Алэ слуга кажэ до свого γазды: „Газдо, послухайтэ мя днёмъ, то потому будэтэ слухаты й пидъ ничь!" Газда го послухаў, зибраў свій товаръ и поййхаў до корчмы. А ти други два нэ послухалы, лышылыся. Лышэнь той до корчмы прыйихаў такй заразъ дощи сталы, злывы, тай тоты на полы гэтъ помоклы съ сукнамы. Прыйижджаютъ до корчмы, вжэ ани рубця на ныхъ нэ було сухого.

И тамъ ужэ оны ночуютъ въ корчми. Алэ той слуга займыў кони до воды тай чуе, жэ два пташки прылэтилы и сьпиваллы такъ: „Ой, кобы тоты купци зналлы, що ныни гримъ ударытъ въ тоту корчму, то-бы заразъ утикалы звидтамъ!" Винъ заразъ збудыў свого γазду и кажэ: „Ходимъ гэтъ, бо тота корчма будэ горйты въ ночы!" Ти два други купци нэ хотйлы ся и рушаты, лышылыся знову. Алэ той ёго γазда послухаў и забраўся гэтъ. Лышэ оны видйихалы кусныкъ, дывятся, а корчма вжэ горытъ. Тай оны вжэ въ лиси допочувалы.

Алэ той хлопэць знову въ лиси учуў видъ пташкиў, що злодіе тому ёго γазди ўкралы доньку, а маты ся дужэ грызэ тай ся хочэ повисыты. Тогды винъ

ка́жэ: „Газдо, вы лэтйтъ до-до́му, бо тамъ ва́ша жи́нка хо́чэ ся повйсыты; а я, ка́жэ, за той часъ пйду за ва́шоў донько́ў видобра́ты, бо йи злодіе укра́лы!" Тай γа́зда поло́тну́ за́разъ до-до́му: донькй нэма́, а жи́нка вжэ ся вйшае; тогды́ винъ йій шнуро́къ вы́рваў, нэ даў. А той хло́пэць собй за той часъ взяў рыска́ль тай фу́зію тай пишо́ў до то́го лйса, дэ злодіе схова́лы дйўку; то ёму́ пта́шки сказа́лы, що йи схова́лы до сво́йи ха́ты у зэмлы́ пидъ ду́бомъ. Винъ прыйшо́ў до то́го ду́ба, зача́ў рыскалёмъ копа́ты и розкопа́ў ажъ до двэрэ́й видъ то́и ха́ты. Тай отворы́ў двэ́ри, а дйўка такъ сыды́тъ за столо́мъ ко́ло старо́и розбі́йнычки. Алэ тота́ розбі́йнычка на той часъ ся здрима́ла. Винъ тогды́ махну́ў на дйўку руко́ў, абы́ ся видвэрну́ла, тогды́ стрйлыў у розбі́йнычку тай за́стрилыў, а дйўку ўхо́пыў за ру́ку тай поўтика́лы ра́зомъ до-до́му. Тамъ ся дўжэ ўтйшылы та́то и ма́ма, жэ ся донька́ вэрну́ла, тай йи видда́лы за то́го слугу́, тай оны́ ся пибра́лы.

И винъ такъ сы съ жи́нкоў жыў, а́лэ жи́нка разъ ка́жэ ёму́: „Скажы́ мэнй пра́ўду, звйдки ты всё то зна́ешь, що ма́е бу́ты?" То винъ ка́жэ: „Я нэ мо́жу каза́ты, бо-бы-мъ му́сиў ўмыра́ты!" Алэ она́ ся дўжэ ўпэ́рла, ка́жэ: „Умыра́й, а кажы́!" Тай винъ ужэ́ хотйў йій сказа́ты, а́лэ щэ пишо́ў на-двйръ подывы́тыся на сво́е γаздйўство. Ды́вытся, а тамъ пидъ ха́тоў такъ когу́тъ курки́ жэрэ́ и ка́жэ когу́тъ до куро́къ: „А вы шэльмы́, вы гада́етэ, що я такій дурны́й, якъ нашъ γа́зда, жэ мя нэ слу́хаетэ? я васъ, ка́жэ, нау́чу розу́му!" А той то чуў, тогды́ взяў сы воловйдъ, помочы́ў у сыровы́цю тай набы́ў-набы́ў жи́нку, ажъ му вжэ да́ла спо́кій.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

38.

Вѣрный слуга.

Була́ въ ли́си вэлы́ка га́дына. Тай зробы́лы лю́дэ на тоту́ га́дыну наўко́ла полюва́нье, хоти́лы йи за́быты. Алэ йшоў настýхъ чэ́рэзъ лисъ и тота́ просытъ го га́дына: „Ратýй мэнэ́, возьмы́ мя на плэ́чи тай вы́нэсы мя зъ то́го ли́са!“ Тай винъ тогды́ розгорнýўся и взяў йи на шы́ю и обвынýў йи до́ли плэчы́ма, а пото́му ся зноў загорнýў, такъ абы́ га́дыны нэ бýло вы́дно. Тай вы́нисъ йи въ вэлы́ки дэ́бри и тамъ йи пусты́ў. Тогды́ гадына дала́ му таку́ траву́ и ка́жэ: „Ту траву́ якъ попа́хаешь, то будэ́шь всё зна́ты, дэ яки́ мы́слы въ кого́, якъ пты́ця пыщы́тъ, звиръ рычы́тъ, всё будэ́шь зна́ты, що́ дэ на съви́ти е!“

Тай винъ пишо́ў сы съ тоў травоў тай наймы́ўся у едно́го пры́нца на слýжбу. И дýжэ то́му пры́нцовы буў вьéрный, найли́пшый ёго́ пры́ятиль. Алэ той пры́нцъ маў ма́тирь въ чужи́мъ краю́. То разъ то́го пры́нца жи́нка повида́е до нёго: „Що́ то е, що я щэ й ра́зу тва́и ма́мы нэ вы́дила? ходы́, ка́жэ, пойи́дэмо хоть разъ у госты́ну до нэ́и!“ Винъ ка́жэ: „Та най будэ́!“ Тай тогды́ пойи́халы и то́го слугу́ вьéрного взя́лы съ собоў за фи́рмана.

Йи́дутъ-йи́дутъ тай зайи́халы такъ до едно́и ко́рчмы почува́ты. Алэ той слуга́ вы́йшоў до ко́нэй тай попа́хаў то́и травы́ и чýе, що яки́й-сь го́лосъ такъ ка́жэ: „То́го пры́нца тай пры́нцо́ву хо́чутъ въ ті́й ко́рчми тры пі́яки́ обрабýва́ты тай за́быты; а́лэ якъ-бы тымъ пі́яка́мъ да́ты ззи́сты тоту́ воро́ну, що тамъ лэжы́тъ здохла́ на съмитю́, то-бы оны́ за́разъ поўмыра́лы; а хто́-бы то чýў и сказа́ў, той ста́ў-бы по коли́на ка́мэнёмъ!“ Ну, той слуга́ то чýў тай взяў воро́ну тай зла́дыў на пэчэ́ню тай пишо́ў тогды́ до тыхъ пі́яки́ў и ка́жэ: „Пано́вэ ґосподари, туй ся щэ лыш́ыла кýрка зъ вэчэ́ри видъ мо́го па́на, то мо́жэ-бы-сьтэ зи́йлы?“ Тоты́ ся дýжэ ўти́шылы тай ка́жутъ: „Дя́куемо красно́!“ Тай тогды́ сы то́и воро́ны до́брэ попойи́лы тай за́разъ помэ́рлы вси тры.

Ра́но панъ встаў тай пани, поййхалы да́ли, ажъ до свэ́и ма́тэры вжэ заййхалы. Алэ той слуга́ вы́йшоў вэ́чиръ на-двйръ тай попа́хаў тоту́ траву́ и учу́ў, що го́лосъ ка́жэ: „Ту́тка прыййхаў прынцъ до ма́тэры съ жйнкоў, тутка ма́ты на ныхъ чары́ ла́дытъ: якъ ихъ нэ стройы́тъ у ю́шци, то стройы́тъ у пэтру́шци; а́лэ хто́-бы то вы́слухаў и повйў, той ка́мэнёмъ ста́нэ по поясъ!“ Тогды́ вжэ слуга́ пишо́ў и носы́ў самъ ййдинье до сво́го па́на; а́лэ ся на поро́зи нйбы за́шпортаў и то ййдинье ся вы́льляло. Панъ до нёго повида́е: „Що́ ты таке́ робышь?“ Алэ винъ ка́жэ: „Най панъ дасть гро́ши, я бу́ду купува́ты ййдинье въ мйсти, абы́-сьмо сво́е ма́лы!“ Панъ нэ хотйў, а́лэ па́ни вжэ новы́дила, що ту яка́-сь зра́да е, тай зача́ла па́на ду́жэ просы́ты, и панъ ся на то згоды́ў.

Вжэ тамъ ночу́ютъ и другу ничь. Панъ съ па́нэў спочыва́ютъ сы у лйжку, а слуга́ вы́йшоў на-двйръ, попа́хаў зноў то́и травы́ и слу́хае. Го́лосъ ка́жэ: „Ту́тка прынцъ исъ прынцо́воу ночу́е бу́дэ надъ нымъ зра́да: нашлэ́ ма́ты о 12-ій годы́ни гадье́ на ныхъ и поййсть ихъ то гадье́; а́лэ хто́-бы то вы́слухаў и повйў, то ца́ўкомъ бы ка́мэнёмъ стаў!“ Тогды́ слуга́ взяў собй тэ́нгій мэ́чъ и пишо́ў потыхо́ньку до поко́ю, дэ панъ съ па́нэў спаў, и чэка́е. Въ са́мій 12-ій годы́ни такъ гадье́ сычы́тъ, лйзэ, а́лэ той якъ взяў руба́ты мэ́чомъ, гэтъ гадье́ порубаў на ка́ва́лки.

Вжэ рано кажэ ма́ты до сы́на: „Сы́ну мій, тво́я нэсла́ва!“ — „Та чому? „Бо твій слуга́, ка́жэ, тво́ю жйнку лю́бытъ буў въ ночы́ въ поко́ю!“ — Тай прынцъ тогды́ ма́тэры повьёрыу и каза́ў то́го слугу́ за́разъ на шы́бэныцю бра́ты. Ста́нуў винъ пидъ шы́бэныцэў—такъ ду́жэ пла́чэ, а пото́му ка́жэ до па́на: „Ой, па́нэ, цы мо́жэшь мэнэ́ слу́хаты?“—„Мо́жу!“—Тогды́ винъ стаў всё розповида́ты, якъ бу́ло: якъ въ корчми злодіе хотйлы прынца и прынцо́ву за́быты, а винъ чуў голосъ тай тыхъ злодійцў строййў воро́ноў; якъ тото́ сказа́ў, стаў по колйна ка́мэнёмъ. Алэ ка́жэ да́ли: якъ другый разъ ма́ты хотйла имъ чары́ да́ты, а винъ го́лосъ учу́ў тай то ййдинье повылыва́ў; тогды́ вжэ стаў ка́мэнёмъ по

нóясъ. Тай кáжэ дáли вжэ му всё-едно: якъ потóму мáты гадьé на ныхъ пислáла въ ночы́. áлэ винъ гóлосъ вы́слухаў и то гадьé порубáў на макъ: якъ то скиньчы́ў казáты. стаў до-рáзу кáмэнёмъ. Вжэ тогды́ нэ бýло що ви́шаты. Тогды́ той прынцъ и прынцóва дýжэ за нымъ плáкалы. áлэ що? кáминь е кáминь! Пойи́халы вжэ назáдъ до свóго крáю бэзъ слугы́.

Тай тамъ вжэ жы́лы и урóды́ўся имъ хлóпэць. Тогды́ прысны́лося пры́нцовы такъ: якъ тóго хлóпця вóзьмэ, видвэдэ́ тамъ идъ тóму кáмэнэвы и хлóпця розы́дрэ и обмасты́тъ тоў крóўю кáминь, тогды́ той слугá зноў ожы́е. Такъ винъ тогды́ встаў и кáжэ до жоны́, що такі́й сонъ маў, а жонá кáжэ: „Мы що ди́ты будэ́мъ мáты, а другого слугы́ такóго мáты нэ будэ́мъ! то най бýдэ, зробы́ такъ!“ Взяў винъ тóго хлóпця и пови́зъ го ажъ до тóго краю, дэ той кáминь стоя́ў; прыви́ў го идъ кáмэнэвы и хлóпця роздэ́ръ и тоў крóўю обмасты́ў кáминь. Алэ кáминь тáкой стойтъ кáмэнёмъ, якъ пэ́ршэ: и слугы́ нэмá, и хлóпця стрáтыў! Тогды́ винъ кáжэ: „Тэпэ́рь, якъ прыйду до-дóму, то и жи́нци зрóбью смэрть за намóву, и соби́!“ Алэ прыхóдытъ до-дóму, а слугá сыды́тъ вжэ въ покóйы и тóго хлóпця колы́шэ, що винъ роздэ́ръ.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

39.

Черная пани.

Буў би́дный ґáзда и маў дужэ мнóго дитэ́й. Алэ нэ маў ихъ чымъ годувáты, то разъ видви́ў еднóго хлóпця, пайстáршого, въ лисъ, наклáў огóнь и кáжэ: „Грі́йся ту, а я йду дроў лады́ты!“ И пишóў гэтъ; якъ стаў утикáты, тай ути́къ изъ ли́са.

Бижы́тъ винъ такъ чэ́рэзъ нóлэ, а тамъ чорна пáни йи́дэ чорни кóни и фи́рманъ у нэ́й чóрный. Тотá пáни повы́дила, що хлопъ чогó-сь утикáе; якъ ся за нымъ

пустыла, тай ёго пойимала. „Чого ты такъ ўтикаешь?" А винъ нэ хотиў повисты, алэ потому повиў, що лышыў сына у лиси, бо нэ мае звидки тилько дитэй трыматы. „Вжэ, кажэ, съ голоду гынэмъ!" Тогды пани кажэ: „То продай мэний того хлопця!" А винъ кажэ: „Я вамъ таки подарую ёго!" Алэ пани такъ нэ хочэ, кажэ: „Я нэ хочу твои дариўцыны! на-тобе торбу, якъ нэў потрясэшь, то всэ будутъ зъ нэи гроши лэтиты, килько хочэшь! алэ, кажэ, возьмы того хлопця назадъ до-дому и давай го учыты: найпэршэ учы го за коваля, цилый рикъ, а другый рикъ за шэўця, а трэтый рикъ за музыку го учы; а въ тры роки я по нэго прыйиду и сы го возьму!"

Тогды винъ ту торбу взяў, вэрнуўся за хлопцёмъ до лиса и прывиў го до-дому. Тай такъ го чэрэзъ тры роки учыў, якъ пани казала: едэнъ рикъ за коваля, другый за шэўця, а трэтый за музыку. Алэ вжэ зъ тои торбы зробыўся вэлыкимъ богачомъ, то жаль му було хлопця тій паны давати.

Алэ въ тры роки пани прыйихала и хлопця взяла съ собоў. „Ему у мэнэ, кажэ, добрэ будэ!" И пойихала съ тымъ хлопцёмъ. Тай дала ёго до кузни на цилый рикъ, абы ся звидтамъ ани рушыў, ани до никого ницъ нэ говорыў бэзъ цилый рикъ. А на другый рикъ дала го зноў до такои хаты, абы ницъ нэ робыў ёнчого, лышэ абы тамъ робыў чоботы и тамъ складаў; и зноў казала му, абы нидо-кого нэ говорыў. На трэтый го рикъ вжэ дала до двора и дала му скрыпку, абы тамъ у дворй цалый рикъ граў, алэ такой абы нигдэ ся нэ рушаў и ни съ кимъ голосу абы нэ маў. Прыйихала трэтого року и взяла го вжэ видтамъ и дала му грошэй, килько мигъ попэсты, и казала: „Купуй худобу и платы, килько хто хочэ, а потому продавай за то, килько хто дасть, ницъ ся нэ торгуй!" Винъ накупыў богато худобы и такъ йиздыў цилый рикъ и гандлюваў. Алэ та чорна пани щэ му заказала, абы винъ чэрэзъ той цилый часъ до жаднои кобиты ни слова нэ промовыў.

Тай въ рикъ вжэ му та пани казала прыйихаты до сэбэ, бо вжэ йи выкупыў тай ся будэ съ нэў жэныты. Тай винъ вжэ йихаў до нэи, алэ зайихаў нидъ мисто тай вступыў до корчмы на-ничь. А тамъ жыдиўка въ

тій корчми була опырыця тай она мала тры доньки. То она́ ся въ тимъ довидала, жэ тоты дны выходятъ, що винъ ся мае съ тоў панэў побыраты и що тота́ пани дъ нёму мае вжэ сама́ прыйихаты; алэ она́ хотила, абы винъ сы едну ей доньку взяў. Тай намовыла фирмана и дала́ му такихъ слывокъ, абы винъ даў то свому пану, якъ прыйидэ на мисто.

Пойихалы вжэ оны на мисто тамъ малы чэка́ты на ту пану. Алэ той кажэ до фирмана: „Я хочу воды дужэ пыты!" А фирманъ кажэ: „Ту воды нэма, алэ я маю пару слывокъ, то пану воду пэрэрвэ!" Якъ винъ ти слывки зйиў, заразъ уснуў. А тогды вжэ йидэ дъ нёму та пани; алэ вжэ була била и кони били и фирманъ буў вжэ билый, бо йи вжэ той выкупыў зъ нэволи. Алэ винъ такъ дужэ засну́ў, що го нэ могла́ ніякъ розбуды́ты. Пла́кала дужэ коло нёго и повидае до фирмана: „Абы-сь казаў свому пану, якъ ся пробудытъ, абы ся нэ даў зрадыты: я ту буду щэ заўтра коло нёго, то абы нэ спаў!" Тай тогды вжэ видійхала. Ну, а винъ встаў и тогды му фирманъ кажэ: „Ту була́ яка́-сь пани и дужэ пла́кала и казала, абы-сьтэ заўтра нэ спа́лы, бо прыйидэ щэ разъ." Винъ дужэ ся тогды суетыў, алэ пойихаў знову до тои жыдиўки на-ничь.

И на другый дэнь знову та жыдиўка дала́ фирмановы слывокъ, абы даў пану. Пойихалы на мисто и винъ схотиў знову воды. То фирманъ му даў слывокъ, тай винъ ти слывки ззиў и знову засну́ў. Спытъ, а ту прыйиджае тота́ пани. Такъ го будытъ, пидносытъ, алэ нэ могла збуды́ты. Тогды она́ кажэ до фирмана: „Абы-сь казаў пановы, абы ся вжэ заўтра нэ даў зрадыты: абы нэ спаў, бо я щэ прыйиду до нёго заўтра, алэ вжэ бильшэ нэ прыйиду!" Пойихала, а той ся тогды збуды́ў. Тогды фирманъ му знову розповиў, жэ пани була́ и заўтра вжэ послидный разъ прыйидэ: якъ-бы знову спаў, то йи вжэ бильшэ нэ увыдытъ! Тай винъ знову зайихаў до тои жыдиўки на-ничь.

Та жыдиўка фирмана знову такъ намовыла и дала́ му слывокъ. Якъ прыйихалы на мисто, той зйиў слывокъ тай уснуў. Прылитае вжэ та пани щэ сдалэку пла́чэ, бо вжэ повыдила, що винъ спытъ. Тягалася съ нымъ,

будыла, алэ нэ могла пробудыты. Тогды кажэ фирмановы: „Кланяйся пану и скажы, що вжэ мэнэ нэ будэ бильшэ выдиты, хиба що якъ найдэ дымало и зэлизный кепэлюхъ, то можэ мэнэ съ тымъ найдэ!" И пойихала гэтъ. Винъ потому ся пробудыў, а фирманъ му тогды сказаў, що пани вжэ пойихала гэтъ и кланялася до нэго. Тай вжэ тогды винъ подаруваў визъ и кони тому фирмановы, а самъ пишоў пишки.

- Идэ винъ такъ горамы, прыйшоў надъ рику тамъ ся два хлопци купаютъ и лэжытъ коло ныхъ на бэрэзи дымало и кепэлюхъ зэлизный: а оны ся обыдва у води бьютъ. „Чого вы ся, хлопци, такъ бьетэ?" Хлопци кажутъ: „Намъ лышыў тато кепэлюхъ и дымало, та ся нэ можэмъ подилыты!" Тогды винъ кажэ: „То я васъ подилю!" Тай стрилыў мэжы ныхъ, ўхопыў кепэлюхъ и дымало, то видъ кепэлюха го нэ було выдко, а на дымали полэтиў повитёмъ.

Прилитае до мисяца и пытаеся: „Цы нэ выдиў ты такои пани, що пэршэ була чорна, а тэпэрь вжэ била?" Мисяць кажэ: „Я нэ выдиў!" Винъ тогды полэтиў до соньця, пытаеся соньця, цы нэ выдило? Соньцэ кажэ: „Я нэ выдило!" Винъ вжэ тогды полэтиў до витра, а витэръ кажэ: „Я йи выдиў, я въ нэи навить обору позамитаў, бо въ нэи вэсилье за ўтра; алэ, кажэ, ты до нэи нэ пэрэлэтышь, бо дужэ тяжко!"

Винъ полэтиў, ажъ тамъ вэлыка вода, а на тій води зъ повэрэсиля мистъ. Винъ тамъ кажэ до тыхъ сторожиў: „Пуститъ мя чэрэзъ мистъ, най пэрэйду!" Алэ оны кажутъ: „Дай руку видтяты!" „Дамъ видтяты, кажэ, алэ ажэнь на другимъ краиы!" „Най будэ!" Тай пишлы съ нымъ, абы му тамъ руку видтяты. Алэ винъ, якъ вжэ буў на другимъ краиы, взяў дымало мэжэ-ногы, а кепэлюхъ на голову, тай полэтиў, нэ даў руки утяты.

Тай прылэтиў до другои воды, а тамъ вжэ нэ було мосту. Винъ кажэ: „Пэрэвэзитъ мя чэрэзъ воду!" Зноу му тамъ такъ кажутъ: „Дай руку видтяты!" -„Дамъ, алэ ажэнь на другимъ боци!"- Тай го пэрэвэзлы, тогды винъ взяў дымало мэжэ-ногы, а кепэлюхъ на голову, тай полэтиў далы, нэ даў руки.

Прылитае тамъ до свои пани, а тамъ вжэ вэсилье. Тай винъ заўхопыўся до коморы, такъ що

го нихто́ нэ вы́диў. А та па́ни такъ танцю́е. а́лэ що́ разъ та́нэць вы́йдэ, то йдэ до комо́ры и е́ичэ шма́тье бэра́ на сэ́бэ, а що́ ся пэрэбэ́рэ, ды́вытся до звьерцьо́дла. Ажъ винъ по тимъ звьерцьо́дли ўда́рыў и збы́ў, а́лэ она́ ёго́ нэ вы́дила, бо маў той кепэлю́хъ на со́би. Она́ тогды́ ка́жэ: „Хто́ ту е въ комо́ри?" Тогды́ винъ йій ся показа́ў тай ся звыта́лы. Тай она́ тогды́ вы́йшла до го́стиў, застановы́ла вэсилье́ тай ка́жэ: „Тра́фыў мы ся клю́чыкъ золоты́й, а тэпэ́рь зэлі́зный: цы позво́лытэ мэни́?" А тамъ йій повида́ютъ вси: „Позво́лымо!" Она́ тогды́ ка́жэ: „Ну, то-мъ ма́ла бра́ты слюбъ съ па́номъ, а тэпэ́рь вжэ бу́ду бра́ты съ Ива́номъ!"

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

40.

Жидъ-солдатъ.

Маў жыдъ сы́на едына́ка. То́го сы́на ма́лы взя́ты до во́йска, то та́то го рэклямува́ў, абы́ ёго́ до во́йска нэ бра́лы. Вы́даў на той антэ́рэсъ мно́го гро́шэй, а́лэ паны́ гро́ши взя́лы, а сы́на му на-збы́тки забра́лы до во́йска. И за якій-сь часъ той сынъ ви́дтамъ пы́шэ до та́та, що винъ вжэ зиста́ў старшы́мъ, щобы́ ёму́ та́то прысла́ў гро́ши. Тогды́ той зибра́ў па́ру ры́ньскихъ и писла́ў. Алэ нэзадо́ўго сынъ зноў пы́шэ, що вжэ зно́ву стаў старшы́мъ, абы́ му зноў писла́ў гро́ши. Писла́ў ёму́ жыдъ гро́ши, позы́чыў дэ-сь, а писла́ў. Ажъ ту такъ за рикъ пы́шэ той сынъ, що вжэ зиста́ў найста́ршымъ капита́номъ. Тогды́ вжэ стари́ нэ ма́лы ничо́го, бо всій маётокъ на нёго вжэ вы́далы, щэ ся й позазыча́лы; то вжэ ка́жэ стара́ до чолови́ка: „Иды́ ты тэпэ́рь до сы́на, най винъ насъ вжэ тро́ха поратуе!" Тай той пишо́ў ажъ до то́го ми́ста, дэ сынъ стоя́ў. И тамъ прыйшо́ў и пыта́еся: „Дэ ту е мій сынъ, такій и такій? винъ ту е, ка́жэ, найста́ршымъ капита́номъ!" Алэ жоўни́ры ся съ то́го сьмія́лы тай пови́лы старо́му, що ёго́ сынъ нэ е жа́днымъ старшы́мъ, ти́лько тараба́номъ. А сынъ якъ учу́ў, що та́то прыйшо́ў, то му ся сты́дно зробы́ло; и вжэ ся ёму́ нэ

показаў, йно утикъ до лйса. Тай тамъ чэрэзъ лисъ ййхаў капитанъ на снáцыръ, то той го зáбыў зъ карабйна, зняў съ нэго всю мунйцью и на сэбэ ўбраў. Тай сиў сы на тóго коня зъ-пидъ капитáна и поййхаў.

Такъ симь дниў и симь ночэй ййхаў, а ныгдэ нэ здыбáў ни сэлá, ни мйста, лышэ всэ пóлэ тай лисъ. И наконэць дывытся сдáлэку, а тамъ съвйтло. Винъ вжэ йидэ прóсто на тотó съвйтло, прыйнжджáе, а то буў закля́тый нáляцъ. И зáразъ ся брáма самá витворыла, а йно винъ пэрэййхаў, зáразъ ся запэрла назáдъ. Винъ тамъ никóго нэ здыбаў, йно ся лятáрня съвйтытъ на подвйрью на-сэрэдыни. Тогды винъ завйў коня до стáйни, прыпняў го до жóлоба, áлэ стáйня булá цпўкóмъ порóжна ницъ нэмá, áни сйна, áни воды. Винъ тогды пишóў до паляцу, а тáмка е пóкій и на столй ййсты и ныты е. Якъ ужэ сы попоййў и напыўся, жаль му ся зробыло за конёмъ, що цэ ничóго нэ йиў. И пишóў ся подывыты до стáйни, щó кинь рóбытъ? Дывытся, а тамъ овáсъ вжэ е въ жóлоби, пўтня съ водóў пэрэдъ конёмъ, кинь выпуцóваный, якъ ля́лька, а никóго въ стáйны нэмá. Тогды винъ собй зáразъ погадáў: „Оў, ту що-сь кéнско бўдэ!" И пишóў назáдъ до покóю.

Такъ дэ-сь о 11-ій годыни въ ночы прыхóдытъ пáнна и кáжэ до нёго: „Слободó, Слободó, ты тўтка зайшóў, а ту нэжытьé твоé мóжэ бўты! áлэ памятáй сы—ту о 12-ій годыни нáйдэ тйлько хмáры чóрнои, то оны тобй бўдутъ робыты збытки рйжни, тóргаты, огнёмъ сыпаты, áлэ ты абы-сь сыдйў тыхо и всэ абы-сь ся дывыў въ кныжку пэрэдъ сэбэ, абы-сь ся до ныхъ ницъ нэ обэртаў!" И пишлá та пáнна гэтъ. Акурáтъ на 12-ту годыну тйлько хмáры тóи надійшлó пóўни покóи. Рóбятъ ёму збытки рйжни, що мóжутъ, тóргаютъ, бьютъ, áлэ винъ ницъ ся назáдъ нэ подывыў, анй рáзу. Тай тотá годына пэрэйшлá тай то всё посчэзáло.

Рáно выйшоў винъ до коня, хóчэ ййхаты вжэ гэтъ, алэ нэ мóжъ: нэ гóдэнъ на съвитъ выйты, нэмá якъ. Тогды винъ вжэ на дрўгу ничь знóву ночўе. И прыйшлá до нёго дрўга пáнна тай зноў то-самé му кáжэ, абы ся нэ обзырáў áни разъ. И акурáтъ о 12-ій годыни знóву ихъ ся тйлько пахáло, що кáра, и цэ гйрнэ ёму докучáлы, якъ пэрнои нóчы. Алэ винъ ницъ

áни окомъ нэ мругнуў. Тогды всё ся розлэ-тило.

Цилый дэнь знóву тамъ нэрэбуў и вжэ трэ́ту ничь ночýе. Зноў прыхóдытъ трэ́та пáнна тай му кáжэ: „Щэ щобы-сь ту еднý ничь выслободыў, то вжэ и ты бы буў счаслывый, и мы бы выйшлы на вóлю!“ И такъ о пйўночы знóву спáла тотá чэрнява и вжэ му найгирши збытки робыла, такъ, що винъ вжэ нэ гóдэнъ буў вытрыматы, и подывыўся назáдъ. Тогды ти ёгó ўхóпылы мэ́жы сэ́бэ, розирвáлы на кавáлки и повисылы горй ногáмы въ кóмыни.

Алэ вжэ тотй панны на-рáно чысти, вжэ имъ мóжно на сьвитъ выходыты. И оны прыйшлы до тóго покóю и за тымъ шукáютъ, а ёгó нэмá. Дывятся всюды ажъ винъ въ кóмыни высытъ. Тогды оны ёгó зиялы и взялы жывýщои и сцилýщои воды и покроныли ёгó, тогды вжэ Пáнъ-бигъ даў, що винъ ожыў.

Тай тогды оны вжэ вси выйшлы на сьвитъ вжэ имъ ся брáма отворыла. Идýтъ до свóго тáта, до цисара. Тай тогды кáжутъ тóму, абы ся съ котрóў хóчэ зъ мэ́жы ныхъ жэны́ў, бо винъ ихъ выкуныў видъ закля́тья. Алэ винъ кáжэ: „Я щэ нэ хóчу жэнытыся, щэ нэ бýду; я собй йдýу щэ въ сьвитъ трибувáты щэ дáли!“ А оны рáдятся вси тры: „Щó-бы ёмý дарувáты на пáмятку видъ насъ?“ Еднá кáжэ такъ: „Я такý дарýю шáнку, що винъ якъ нэў покрýтытъ, то чы нáридъ, чы вóйско—всё прыкрýтытъ до сэ́бэ.“ А дрýга кáжэ: „Я ёмý дарýю такý сорóчку, що до нэи ся жáдна кýля, áни мэчъ, áни ницъ нэ вóзьмэ.“ А трэ́та вжэ кáжэ: „А я ёмý дамъ такій мэчъ, що нымъ винъ всё вóйско, абы якё, выбье.“ Винъ тогды собй забрáу ти рйчы и поййхаў въ сьвитъ.

Прыйнджáе до еднóго мйста, а тамъ була война: взялы ся съ тымъ цйсаромъ ёнчи два цйсари быты. И вжэ ёго цйукóмъ нэрэбылы, такъ-вó за малý хвы́льку вжэ цйукóмъ бы добылы, нá-ницъ. А той якъ учýў тотó, спý на коня и до тóи війны собй йдэ. И прыйнджáе до тóго цйсара и кáжэ: „Чы потрэбýютъ панъ найяснійшый монáрха до помóцы?“ А цйсаръ кáжэ: „Та чомý нэ потрэбýю?“ Алэ гадáе самъ до сэ́бэ: „Та дэ бы винъ мэнэ́ едэ́нъ чоловйкъ поратувáў, колы мэнй тйлько вóйска та нэ помогло́?“ Алэ той тогды кáжэ: „Дáйтэ

мэнй тры жоўняры!" И поййхаў съ нымы съ трёма. Якъ тоў шапкоў покрутыў, то всё войско съ тамтого боку прыкрутыў до сэбэ, тай магазыны, кони, всё, що було; то дэ-що пэрэбыў мэчомъ, потратувaў, а рэшту всё виддаў тому цйсаровы. Алэ ёму прытій війнй видтялы палэць и винъ нэ маў чымъ завязаты; тогды цйсаръ зняў свою хустыну зъ-пидъ шыи и завынуў му руку. И винъ тогды поййхаў собй гэтъ, нэ знаты дэ? Цйсаръ хотйў му за поратунокъ дяковаты, та нэма кому.

Ажъ разъ цйсаръ стояў въ своимъ бурку въ викпй тай дывытся, а тамъ сдалэку йидэ чэрэзъ мйсто якій-сь чоловйкъ съ обвязаноў рукоў. Тогды цйсаръ низнаў свою хустыку тай казаў того до сэбэ заклыкаты: а то буў самъ той, то ся заразъ низналы и го вжэ цйсаръ нэ пустыў. Тай такъ ёму кажэ: „Вжэ ся жэны съ моёў донькоў и будь ту паномъ!" Тай зробылы вэсилье и винъ вжэ-ныўся.

Алэ та ёго жйнка, цйсарова донька, любылася съ енчымъ цйсаромъ. Тай той цйсаръ напысаў пысьмо до нэи, абы она пэрэдала до нёго тыхъ тры рйчы, що ей чоловйкъ мае: шапку и мэчъ и сорочку; а ёму щобы справыла такй сами и пидложыла, абы винъ нэ знаў. И она взяла, якъ чоловйкъ спаў, тыхъ тры рйчы му забрала и пидложыла ёнчи, тай то запакувала и подала на почту до тамтого цйсара. Тогды вжэ тамтой пышэ, щобы винъ ся ставыў до войны. Алэ винъ ся ницъ нэ боя́ў, бо нэ знаў, що жйнка видминяла му тотй рйчы, тай вжэ ся до війны ставытъ. Тай тамъ крутытъ-крутытъ шапкоў, алэ нэма ничого; а тамтой ворогъ якъ покрутыў, то всё того войско до сэбэ прыкрутыў тай ёго самого ажъ пэрэдъ сэбэ прыкрутыў. И пытаеся тогды ёго: „Яку ты смэрть тэпэрь собй жадаешь?" А винъ кажэ: „Порубай мэнэ на кавалки и зложы въ мишокъ и на коня мя на мого прывяжы и пусты коня, най идэ!" Тай той цйсаръ такъ съ нымъ зробыў: порубаў ёго на кавалки, зложыў на коня и пустыў коня въ сьвитъ.

И той кинь такъ ходыў по сьвйти, ажъ собй врэшти змиркуваў и прыйшоў до тыхъ трёхъ паннйў пэрэдъ брамy. А панны выйшлы и ёго низналы. Зялы зъ нэго той мишокъ, вынялы тотй кавалки тйла й голову, то низналы вжэ.

що то той-самый, що ихъ вы́слободыў зъ нэво́ли. Тогды́ оны́ поскладáлы вси ти кавáлки докýпы, взя́лы жывýщои-сцилýщои воды́, покропы́лы, то зноў такъ Пáнъ-бигъ даў, що винъ ожы́ў, вжэ другый разъ. И тогды́ вжэ оны́ ёму́ кáжутъ: „Вжэ-сь разъ въ съвитъ ходы́ў и смэ́рты-сь пожы́ў, то вжэ нэ йды! лышы́ся съ нáмы, жэны́ся съ одноу тай папýй!“ Алэ винъ нэ хочэ: „Щэ йду, кáжэ, въ съвитъ трибувáты!“

Тай пойи́хаў назадъ до свэ́н жи́нки, а она вжэ съ тымъ ци́саромъ соби́ жые. Тогды́ той ёго кинъ до нэ́го промо́выў: „Ту бýдутъ коло паля́цу стыпáты едно́ дэ́рэво въ сади́, то абы́-сь зайшо́ў и тры три́сци абы́-сь ухо́ныў и кепуу тамъ на ставокъ, до ся той ци́саръ всэ купáе!“ Тай винъ такъ зробы́ў: взяў тры три́ски и кепуў на ставо́къ, а зъ того ся стáлы тры золоти́ качури́. Якъ прыйшо́ў ци́саръ купáтыся, влизъ въ во́ду и лышы́ў на бэ́рэзи всё шмáтье. Тогды́ ся ти качури́ до нэ́го зъявы́лы, áлэ всэ, що винъ ихъ хо́чэ злáпаты руко́ў, вжэ туй-туй, то оны́ всэ дáли плы́нутъ, а винъ за ны́мы. Якъ вжэ бу́у далэ́ко, тогды́ той забы́гъ своё шмáтье скёнуў, а то цисáрске на сэ́бэ убраў, тай пишо́у.

Тай пото́му пы́шэ вжэ до то́го ци́сара, щобы́ ся стáвыў до війны́. И якъ ся вжэ до війны́ постáвылы, то тамто́й крýтытъ-крýтытъ шáпкоў, áлэ ницъ нэ вы́крутыў; а той якъ покруты́ў, то всё во́йско до сэ́бэ прыкруты́ў, и того ци́сара. Тогды́ пытáеся ёго́: „Яку́ ты соби́ смэрть жадáешь?“ А той кáжэ: „Яку́ вжэ самъ хо́чэшь, таку́ робы́!“ Тай той взяў, порубáў го на штýки, такъ, якъ винъ ёго́, тай тоту́ сво́ю жи́нку порубáў, тай вжэ конэ́ць.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

41.

Жена-волшебница.

а). Нэ мигъ ся ожэны́ты едэ́нъ кава́лиръ. Дэ пидэ́, всю́да го видпра́вятъ, нэ хотя́тъ го дпу́ки́. Пишо́ў винъ до воро́жки, а воро́жка ёму такъ повида́е: „Иды́ тамъ у лисъ, стань сы за ду́ба и стій: тамъ прыйду́тъ ся на Дуна́й качки́ купа́ты, то дви зло́жатъ сво́е пи́рье ўразъ, а трэ́та окрэ́мэ; то, ка́жэ, абы́-сь то́и трэ́тои пи́рье браў тото́ тво́я жи́нка будэ́!"

Стаў винъ за ду́бомъ и стойтъ. Прылэ́тилы тры качки́ купа́тыся; дви зложы́лы ўразъ пи́рье, а една́ осибнэ. И винъ то пи́рье ухо́пыў и зача́ў ўтика́ты. Она́ бижы́тъ за нымъ вжэ ся зробы́ла ди́ўкоў—тай про́сытъ ёго́: „Видда́й, видда́й!" Винъ нэ хоти́ў видда́ты, то она́ пишла́ за нымъ ажъ до-дому. Тай винъ то пи́рье замо́къ соби́ до куфра тай ожэны́ўся съ нэ́ў. Жы́лы оны́ соби́ бэ́зъ цилы́й рикъ фе́йно. Алэ она́ го всэ просы́ла, абы́ йій то пи́рье показа́ў, тай въ рикъ винъ йій показа́ў. Тогды́ она́ ўхо́пыла то пи́рье и полэ́тила ажъ до сво́го витця́.

Забра́ў винъ ся й соби́, пишо́ў ажъ тамъ до ей витця́ за нэ́ў. Йій ся тамъ дужэ жаль зробы́ў за нымъ, жэ винъ прыйшо́ў, абы́ винъ тамъ смэ́рты нэ пожы́ў. И ка́жэ до не́го: „Чого́-жъ ты ту йшоў? ту тоби́ смэ́рть будэ́!" Тай зача́ла пла́каты. А да́ли ка́жэ: „Нэ бійся, яко́-сь то бу́дэ! вжэ я бу́ду въ тимъ!"

А то ей отэ́ць бу́ў оны́ръ, а ма́ты оныры́ця. Тай той ей отэ́ць повида́е: „Трэ́ба ёго́ стра́тыты!" Алэ донька́ ка́жэ: „Та́ту, нэ можъ ёго́ тра́тыты, бо то мій чолови́къ!" Алэ зноў ма́ты зача́ла ду́жэ ю́дыты, абы́ стра́тыты. Тай тогды́ отэ́ць ка́жэ: „Ну, якъ винъ мэни́ тоты́ загадки́ зро́бытъ, що я ёму́ ска́жу, то го нэ бу́ду тра́тыты, а якъ нэ зро́бытъ, то го стра́чу!"

Тогды́ го заклы́каў и таку́ робо́ту ёму́ даў: такій тэ́нгій лисъ вы́корчуваты до вэ́чэра, абы́ й пэнька́ нэ бу́ло. Пишо́ў винъ у лисъ, сиў тай пла́чэ: дэ-жъ хто го́дэнъ таку́ робо́ту за едэ́нъ дэнь зробы́ты? Такъ винъ сыди́ў до полу́дня, ажъ вынэсла ёму́ тота́ ёго́ жи́нка йи́сты. Тай ка́жэ: „Цытъ,

Бигъ съ тобо́ў!" Якъ крыкнула, якъ ся злэ́тило що́ на сьвйти було, цы лю́дэ, цы яка́ звирына́, такъ той лисъ вы́корчувалы, вычыстылы, зробылы порохъ. Выхо́дытъ той опы́ръ, пытаеся ёго́: „Вжэ-сь готоў?" А винъ ка́жэ: „Вжэ даўно! якъ мы йи́сты прынэсла, то-мъ вжэ послйдный корчъ выва́лювaў!" Тай пишлы́ ра́зомъ до-дому.

На другый дэнь ка́жэ до нёго опы́ръ: „Ма́ешь мэнй посіяты жыто, абы зійшло́, и вы́жаты и въ копы зложы́ты, всё то ма́ешь до вэ́чэра зробыты!" Винъ пишоу на по́лэ, сиў тай дума́е: „Що́ робыты?" Выносытъ ёму жйнка йи́сты въ полу́днэ. Якъ крыкнула, якъ ся злэ́тилы лю́дэ, жыта наносылы зъ всёго сьвйта и въ копы зложылы. А на по́лы позастрймкувалы стэрняйки, гы колй-бы то на тимъ по́лы бу́ло жыто вы́жатэ. Выйиждже́е той, пыта́еся: „Що́-сь тогды́ робыў, якъ она́ тобй йи́сты прынэсла!" „Послйдный, ка́жэ, снипъ жыта завя́зувaў-емъ и-мъ клаў на копу́!"

Трэ́тый го дэнь вы́правыў, абы то жыто вымолотыу и въ мйхи зибраў и въ румы зложыў. Якъ она вынэсла ёму́ полу́днуваты, якъ ся паридъ излэ́тйў, всё жыто вымолотылы, въ мйхи зибра́лы и въ стырты́ поскладалы, у ру́мы. И тогды́ вы́йихаў отэ́ць и пыта́еся: „Що́-сь робыў, якъ она́ ты йи́сты выносыла?" „Послйдный-емъ михъ жыта завя́зувaў!" И пойи́халы зноў до-дому.

Повида́е тогды́ ма́ты, тота опырыця, до донькй: „Напалы́ въ пьецахъ добрэ и воды́ нальляй въ китлы́!" Попапа́лювала она́ въ пьецахъ, поналывала въ китлы. Пыта́еся ма́ты: „Цы кипятъ?"—„Що нэ кипятъ, ка́жэ, що-йно ся розигрйлы!" И тогды́ кажэ до того свого чоловйка: „Утика́ймо звйдсы, бо насъ ма́ты хочэ спа́рыты!" Тай зробыла ёго́ гусакомъ, а сэбэ́ гу́скоу, полэ́тилы гэтъ, утэклы́

Вста́ла стара́ ся́ ма́ты, дывыться китлы́ кипятъ, а ихъ нэмі. Тогды́ ка́жэ другій доньцй: „Лэты́ за ны́мы!" Алэ оны́ чулы, що за ны́мы сэстра́ лэтытъ, то заразъ она́ зробылася я́блинкоў на чы́стимъ по́лы, а ёго зробыла я́бкомъ на са́мимъ вэ́ршку́ на гылй. Тогды́ ихъ сэстра нэ низна́ла тай обэрну́лася назадъ. Прылита́е до-дому тай ка́жэ: „Нэма!" „А цы нэ находыла-сь дэ́-що?" „Стояла я́блинка и на ній я́бко." —„Бу́ло бра́ты, то оны́!"

Писла́ла она́ тогды́ чолови́ка за ны́мы. Алэ она́ якъ чу́ла, що та́то лэты́тъ, зробы́лася каплы́чкоў, а ёго́ ви́ўтаромъ. Подывы́уся отэ́ць тай нэ спизна́ў, обэрну́ўся зноў до-до́му. Пыта́еся стара́: „Цы здыба́ў-есь дэ́що?" „Ницъ, лышэ́нь каплы́цю й ви́ўтаръ." „Та бу́ло бра́ты, ду́рню, то оны́!"

Тогды́ вжэ полэ́тила она́ сама́ за ны́мы. Алэ оны́ то учу́лы, тай такі́й буў блы́зько Дуна́й, то си́лы сы обо́е на Дуна́й: винъ гуса́къ, а она́ гу́ска. Прылэ́тила ма́ты надъ Дуна́й и ка́жэ: „Диточки́ мои́, чого́ вы видъ мэ́нэ поўтика́лы? я васъ такъ любы́ла ду́жэ!" А пото́му якъ ста́ла во́ду зъ Дуна́ю пы́ты, лышэ́нь дри́бку щэ на-сэрэ́ды́ни лышы́ла, тай вжэ ли́зэ до ныхъ, хо́чэ бра́ты. Тогды́ тота́ донька́ повида́е: „Колы́-сь ся, маму́ньцю, такъ наважыла, то жэбы́-сь пу́кла!" Тай тота́ стара́ за́разъ пу́кла; вода́ ся зъ нэ́и вы́льляла и стау́ Дуна́й по́ўный. А оны́ ся забра́лы тогды́ тай полэ́тилы до сво́го до́му.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

—

бы. Такъ буў едэ́нъ хлопэ́ць и пишо́ў до чо́рта на слу́жбу. Алэ чортъ мау тры донькі́. Тай едні́ ся съ тымъ хло́пцёмъ полюбы́ла и оны́ хоти́лы ся побыра́ты. Алэ чортъ ка́жэ до хлопця: „Я дамъ свою доньку́ за тэ́бэ, а́лэ ажъ тогды́, якъ ты мэ́ни́ 12 мо́ргиў ли́са за едэ́нъ дэ́нь вы́корчуешь и зъо́рэшь и посі́ешь на тимъ пишэны́цю и вы́жнэшь тоту́ пишэны́цю и въ ко́пы зло́жышь и до шпихлиру мого пово́зышь; якъ то всё, ка́жэ, до вэ́чэра зро́бышь, то дамъ за тэ́бэ доньку́!" Тай винъ пишо́ў до то́го ли́са, а́лэ сиў и пла́чэ. Прыйшло́ полу́днэ —вы́нэсла ёму́ тота́ ёго́ па́нна йи́сты. Тай ка́жэ до нёго: „Цытъ, нэ плачъ! на́, йиджъ полу́дэнокъ, а я за тэ́бэ всё зро́блю!" Тогды́ покруты́ла таки́мъ грэбиньцёмъ на голови, то за́разъ попрылита́лы чорты́, зача́лы корчува́ты: за годы́ну вы́корчувалы цилу́ гору́, вы́оралы тото́ тай позаса́джувалы въ тото́ по́лэ стэрня́нки, а потому нанэ́слы по́ўно снопи́ў пишэны́ци, вы́молотылы тай видиэ́слы до шпихлиру́, а соло́му поскладалы въ сто́гы. Тогды́ винъ вжэ прыйшо́ў до-до́му тай

пытáе ёгó ся чортъ: „Ну, чы зробыў-есь такъ?" „Зробыў-емъ! идитъ, подывится до шпяхлиру!"

Алэ чортъ кáжэ: „Я щэ за тэбэ мóю доньку нэ дамъ! ажъ якъ мэнй выставышь за едэнъ дэнь цэркоў и всё, що въ цэрквы е, то тогды ты йи дамъ!" Тогды винъ пишóў, стау тай плáчэ. Прыйшлó полудню прынэсла ёму пáнна йисты тай кáжэ: „Та нэ плачъ, дурный!" Знову тымъ грэбиньцёмъ покруты́ла, то зáразъ попрылитáлы чорты́, выставылы цэркоў, гэтъ усё, за шты́ры годы́ны; áлэ хрэстá нэ моглы́ постáвыты, бо ихъ пэклó, то винъ вжэ самъ вы́лизъ на цэркоў тай застромы́ў хрэстъ. Акурáтъ тогды́ вы́йшоў чортъ дывы́тыся чы ёму хто нэ помагáе робы́ты? Тай увы́дну́ го на цэрквы съ хрэстомъ, то вжэ повьерыў.

Тай знóў кáжэ до нёго: „Щэ мэнй мáешь ты́мы ключи́ма видомкнуты моихъ 12 ны́ны́ць тогды́ ты дамъ доньку́!" Тогды́ винъ взяў ключи́ тай пишóў видмыкаты, алэ дэ тамъ? нэ знáе, котры́й ключъ до котрóи ны́ны́ци, нэ мóжэ трáфыты. Тогды́ прыйшлá тотá ёгó пáнна тай показáла ёму, котры́й ключъ до котры́хъ двэ́рэй, тай винъ тогды́ повидмыкáў вси до единои. Алэ онá щэ ёму́ кáжэ: „Тэпэ́рь будэ́ ся тáто пытаты, котра е пáймолодша донькá? а ты ся будэ́шь нибы доўгó-доўго дывы́ты, а я киўну́ мизэ́рнымъ пáльцёмъ тогды́ будэ́шь казáты: о-тотá е пáймолодша! — то бу́ду я!" А тоты́ тры доньки́ бу́лы таки́ вси еднакóви, якъ еднá. Тай такъ ёму́ кáжэ чортъ: „Ану́, щэ ўгадáй, котрá то пáймолодша донькá?" Винъ дывы́тся-ды́вытся, áлэ онá киўнула пáльцёмъ, тогды́ винъ кáжэ: „О-тотá!" Дóбрэ!

Тогды́ вжэ чортъ нэ мау що робы́ты, то замкнуў ихъ обое до покóю и кáжэ: „Пали́тъ ту въ тимъ пьецу тры дны!" Бо винъ ихъ тамъ хоти́ў въ зэли́знимъ пьецу стрáтыты. А въ тимъ покóйы бу́лы ви́кна на тры ся́жни высóко, то нэ можъ бу́ло вы́лизты тай утикáты. Алэ онá тогды́ ёгó зробы́ла голубомъ, а сэбэ́ голубы́цэ́ў, тай викнó збы́лы и полэ́тилы.

Чортъ увійшóў до покóю, а ихъ нэмá. Тогды́ кáжэ до свóйи сэрэдýщои доньки́: „Гоны́ за ны́мы!" Тай онá полэ́тила, áлэ оны́ учу́лы вэлы́кій шумъ, то онá зробы́ла ёгó бодакóмъ, а сэбэ́ ру́жоў. Сэстрá прылэ́тила, áлэ

нэ могла́ ихъ низна́ты, то вэрнулася назадъ до витця́. Тогды́ отэ́ць ся ей пыта́е: „Чы здыба́ла ты що?" „Нэ здыба́ла-мъ ничо́, лышэ́ бода́къ тай ру́жу на по́лы." „То оны́ булы!"

Тай тогды́ ка́жэ до найстаршои доньки́: „Лэты́ ты!" Полэтила́ она́, а та за́разъ ўчу́ла тай зробы́ла ёго́ ди́домъ, а сэбэ́ коро́воў. Прылэ́тила сэстра́ тай пыта́еся то́го ди́да: „Цы нэ вы́дилы вы ту яки́хъ двое, абы́ утика́лы?" А дидъ ка́жэ: „Вы́диў-емъ двое, а́лэ що тогды́, якъ я буў па́рибкомъ, а тота́ коро́ва я́лиўкоў!" Тай она́ тогды́ вэрну́лася до-дому.

Тогды́ вжэ чортъ самъ полэ́тиў за ны́мы. Алэ она́ ўчу́ла тай зробы́ла ёго́ цэ́ркоўю, а сэбэ́ палама́ромъ. Тай винъ прылэ́тиў тай ихъ спизна́ў и вжэ хоти́ў тоту цэ́ркоў съ палама́ромъ бра́ты. Алэ она́ тогды́ ка́жэ до нёго: „Колы́-жъ ты, та́ту, такъ на насъ настае́шь, то абы́ тя я́сный гримъ за́быў!" Тай за́разъ уда́рыў гримъ и за́быў чорта на ропу, а оны́ соби́ тогды́ полэ́тилы обое гэтъ тай ся нибра́лы.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

42.

Золотоволосая Елена.

Ходы́ў едэ́нъ хлопъ по сьви́ти и шука́ў соби́ ди́ўки. И прыйшоў до едно́и воро́жки, то она́ ёму́ сказа́ла: „Иды́, шука́й золотоволо́сои Ялэ́ны!" И винъ пишо́ў шука́ты.

Шука́ў-шука́ў и нэ мигъ найты́. Тогды́ и пишо́ў до соньця пыта́тыся, чы нэ вы́дило оно́ золотоволо́сои Ялэ́ны? А со́ньцэ ка́жэ: „Я сьви́чу го́ры и долы́ны, а́лэ тако́и Ялэ́ны я нэ находы́ло!" Алэ да́ло ёму соньцэ золоты́й клубо́чокъ и ка́жэ: „Якъ бу́дэшь въ потрэ́би, то вэрзь той клубо́чокъ по́-за сэбэ́!" И винъ тогды́ пишо́ў до ми́сяця. А ми́сяць ка́жэ: „Я ма́ло сьви́чу, лышэ́ въ ночы́, то всю́ды нэ досьви́чую; я нэ знаходы́ў тако́и Ялэ́ны нигдэ́!" И даў му ми́сяць щи́точку

и ка́жэ: „Якъ ты ся бу́дэ яка́ прыго́да лучы́ты, то вёржэшь за се́бэ!" И винъ пишо́ў да́ли до ви́тра. Ви́тэръ ка́жэ: „Йды, твою́ золотоволо́су Ялэ́ну трыйцять бабъ зэли́знымы язы́камы трыма́є; то ты йи, ка́жэ, видъ тыхъ бабъ нэ диста́нэшь, а́лэ йды ту до едно́и ворожки на слу́жбу, то она́ тобі́ дасть тако́го коня́, що бу́дэ лита́ты нови́тёмъ, то на нимъ съ Ялэ́ноу ути́кнэшь!" И даў му щэ ви́тэръ митлу́ и каза́ў му: „Якъ ты ся яка́ прыго́да ста́нэ, то уда́ръ по́-за се́бэ!"

Тогды́ винъ за́разъ пишо́ў до то́и воро́жки. А она́ ёму́ ка́жэ: „Якъ допасэ́шь мою кобы́лу, то я тобі́ дамъ тако́го коня́!" И винъ займы́ў ту кобы́лу на́сты въ лисъ. Алэ въ ночы́ паста́ў вэлы́кій шумъ и кобы́ла счэ́зла. Тогды́ появы́лося ёму́ мно́го лы́сну́ и пишлы́ съ нымъ до то́и воро́жки. А тамъ сыди́ла въ ко́шыку ку́рка на я́йцёхъ, то ти лысы́ ту ку́рку схваты́лы зъ ко́шыка и розбы́лы я́йця, а зъ тыхъ я́ёцъ вы́лэтила кобы́ла съ тромá лошáтамы. Тогды́ вжэ воро́жка дала́ ёму́ едно́ лоша́ и ка́жэ: „Тамъ у тыхъ бабъ е тота́ золотоволо́са Ялэ́на у скляни́мъ збанку́; то абы́-сь йи браў зо збанко́мъ и абы́-сь той збано́къ нэ витваря́ў, ажъ по́ки до-до́му нэ дойи́дэшь!"

И винъ пойи́хаў до тыхъ трыйцитёхъ бабъ. Прыйнжжа́є тамъ, а тоты́ бабы́ вси спятъ. Винъ тогды́ увы́диў тамъ въ вэлы́кимъ збанку́ золотоволо́су Ялэ́ну, то ўхо́ныў йи, сну́ на коня́ и займы́ў. А тоты́ бабы́ съ зэли́знымы язы́камы спа́лы два́йцять чотыры́ годы́ны; по́тимъ встаю́тъ, а Ялэ́ны нэма́. Тай зача́лы ся гна́ты за тымъ молодцёмъ. Винъ учу́ў якій-сь шумъ, що бабы́ за нымъ вжэ лэтя́тъ, тогды́ вэ́ргъ щи́точкоў наза́дъ се́бэ, то за́разъ вы́рисъ стомы́лэвый лисъ. Бабы́ зача́лы той лисъ грызты и го нэрэгры́злы и зача́лы ся да́ли за нымъ гна́ты. Винъ чу́є шумъ, то вэ́ргъ клубо́чокъ наза́дъ се́бэ вы́росла ками́нна гора́. Алэ бабы́ тоту́ гору́ нэрэгры́злы и зноў ся за нымъ жэ́нутъ. Тогды́ винъ буў ужэ́ надъ мо́рэмъ: уда́рыў митло́ў по мо́ру, то мо́рэ му ся розступы́ло и чы́стымъ пу́тэмъ нэрэйи́хаў, а по́тимъ обэрну́ўся и ўда́рыў зноў по мо́ру митло́ў, то мо́рэ ся зійшло́ зноў, якъ бу́ло нэ́ршэ. Тогды́ ся тамъ вси тоты́ бабы́ потопы́лы.

Алэ тамъ царь якій-сь такжэ йиздыў конёмъ по повитю и догоныў того и зачаў ся съ нымъ бороты и видбыраты ёму золотоволосу Ялэну. Алэ кинь того цара буў видъ тои самои ворожки, то ся ти кони що-сь мэжы собоў порадылы, тай кинь звэргъ того цара на зэмлю и царь забыўся. Тай винъ собі тогды съ золотоволосоў Ялэноў пойихаў счислыво до-дому.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

43.

Мужъ-жаба.

Пэкла маты хлибъ тай пислала диўку по воду. Зачырае диўка воду, а жаба йій тамъ нэ дае, кажэ: „Якъ будэшь моя, то ты дамъ воды!" Вэрнулася диўка до-дому бэзъ воды тай кажэ: „Яка-сь жаба нэ дае воду браты!" Тогды маты пислала другу диўку по воду. Зноў йій жаба воды нэ дае, кажэ: „Якъ будэшь моя, то ты дамъ!" А диўка кажэ: „Буду вжэ твоя, колы хочэшь, лышь мы дай воды!" Тогды зачэрла сы воды и идэ до-дому.

А жаба скачэ за ноў. Прыйшла жаба нэрэдъ пориігъ тай кажэ: „Рахомъ-рахомъ-рахомя, нэрэсады мя чэрэзъ пориігъ, дивочко моя!" Взяла диўка, нэрэсадыла жабу до хаты. Тогды жаба кажэ: „Рахомъ-рахомъ-рахомя, дай мы йисты, дивочко моя!" Дала диўка жаби йисты найилася жаба. Вэчиръ кажэ зноў жаба: „Рахомъ-рахомъ-рахомя, клады мэнэ до свого лижка, дивочко моя!" Лягла диўка съ жабоў до лижка тай лэжыть. А въ ночы тота жаба звэргла жабячу коруў тай зробыўся зъ нэи паныч дужэ красный. Тай винъ вжэ пэрэночувaў тамъ съ диўкоў, а рано зноў ся зробыў жабоў.

Тай потому кажэ донька до матэры: „Ой, то нэ жаба, мамо, то паничъ, лышэ винъ мае жабячу коруў!" Маты другого раня розклала огэнь у нэчы тай увидила ту жабячу кору коло лижка и вэргла йи у ничъ згорила. Тэй ся паничъ схоныў, хочэ ся у кору убыраты, а коры

нэма́! Тогды́ ка́жэ винъ до ди́ўки: „А бодэ́й васъ Богъ скара́ў! я щэ маў лышь два роки ходы́ты въ тій кори́, то́-бы-мъ буў кру́лёмъ зиста́ў, а такъ пропа́ло вжэ всё!" Тай пишо́ў винъ до коваля́ тай зробы́ў обру́чъ зэли́зный, то на тоту́ свою жону́ той обру́чъ забы́ў на чэ́рэво тай ка́жэ: „Абы́-сь ажъ тогды́ тоту дитыну уродыла, якъ мэнэ́ знайдэшь!" Тай пишо́ў сы тогды́ въ сьвитъ.

Ждэ она́, ждэ, а винъ нэ прыхо́дытъ. Кажэ она́ до ма́тэры: „Иду́ я, ма́мо, въ сьвитъ за нымъ шука́ты!" Идэ́-идэ́, пыта́ся ми́сяця: „Ми́сяцю, ми́сяцю, далэ́ко сьви́тышь, далэ́ко вы́дышь! чы нэ йшоў ту жэ́бячій круль?" А ми́сяць ка́жэ: „Я нэ вы́диў! иды́ до со́ньця, можэ со́ньцэ зна́е?" Тай даў йій ми́сяць золотэ́ мотовы́льцэ. Она́ прыйшла до со́ньця тай ка́жэ: „Сонычко, со́ничко, далэ́ко сьви́тышь, увэ́сь сьвитъ вы́дышь! чы нэ йшоу ту жэ́бячій круль?" А со́ньцэ да́ло йій золоты́й клубо́чокъ тай кажэ: „Иды́ тамъ до двора́, то винъ тамъ е, винъ ся тамъ съ на́нэу ожэны́ў!"

Пишла она́ тамъ до двора́ тай ся убрала въ лахи, такъ ни́бы по жэ́брихъ ходытъ. Тай просытся до двора на-ничь. Вы́йшла тога пани тай кажэ: „Та ночуй сы тамъ дэ въ кухны зо служныцима!" Нэрэночувала она́ ничь, вы́йшла пидъ хату тай ся ба́вытъ тымъ мотовы́льцэмъ. А пани то увидила тай кажэ. „Кобы́ ты мэни́, бабусю, то мотовы́льцэ продала!" А она кажэ: „Я вамъ го и такъ дамъ, а́лэ пусти́тъ мя едну ничь съ ва́шымъ паномъ спа́ты!" Пани кажэ: „Добрэ́!" Алэ на́ну дала такого порошку до вэчэ́ри, жэ панъ заснуу тай ся цилу ничь нэ пробуды́у. Видта́къ ра́но она вы́йшла пидъ хату тай зноу ся такъ клубо́чкомъ ба́вытъ золоты́мъ. А па́ни кажэ до нэ́и: „Кобы́ ты мэни́ щэ той клубо́чокъ прода́ла!" Она́ ка́жэ: „Я вамъ го дамъ, а́лэ щэ мя пусти́тъ едну ничь съ на́номъ спа́ты!" Тогды́ зноу пани прыладыла то́го порошку для пана, абы заснуу, а́лэ дала́ то служныцы, абы насы́пала до вэчэ́ри; слу́жныця хоти́ла вжэ сы́паты, а́лэ тота жи́нка йи тоукнула и то розсы́палося на зэ́млю. А служныця ся боя́ла тай пицъ па́ни нэ казала, алэ занэ́сла на́ну вэчэ́ру бэзъ по́рошку. Тогды вжэ якъ пишла́ она́ съ на́номъ спа́ты, то панъ вжэ нэ спаў. А она ка́жэ до нёго: „То ты мэнэ́ лышы́ў съ обручо́мъ, а са́мъ-есь ся ожэны́ў съ дру́гоў тай-есь мя забу́ў!" Алэ винъ взяў тай положы́ў

на ню ру́ку, то ся обру́чъ за́разъ розпу́къ тай она́ уроды́ла два хло́пци.

Ввійшла́ па́ни ра́но до поко́ю, ды́вытся тай крычы́тъ: „А ты ту, жэбра́чко, що́ наробы́ла тако́го?" Алэ панъ ка́жэ: „Ты́хо будь, нэ сварыся, бо то мо́я пра́ва жи́нка!" Тай винъ тогды́ па́ню видира́вы́ гэтъ, а съ тоу вжэ γаздува́у ажъ до смэ́рты.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

—

44.

Какъ пастухъ наговорилъ полный мѣшокъ.

Буу едэ́нъ господаръ и мау сына едынака́. Хова́у его́ до дэ́сять литъ, а видъ дэ́сять литъ хло́пэць зробы́уся пусты́й, нэ хоти́у слу́хаты витця́-ма́тэры, а найби́льшэ буу ла́комый на диу́чата тай молоды́ци. Вы́дилы, жэ зъ нэ́го ницъ нэ бу́дэ, и гэтъ-при́чъ нагна́лы го видъ сэ́бэ въ сьвитъ, абы́ чужи́ лю́дэ нау́чылы го розуму. Винъ собі́ взяу́ то́рбу шки́ряну и до то́рбы пыцэ́уку и забра́уся и пишо́у.

Ишо́у ки́лька дэнь, зайшоу дале́ко въ чужыну́. Тай прыйшо́у такъ разъ вэ́чэромъ по-пэ́рэдъ едно́го гра́бе́го двиръ. Панъ стояу́ на бра́ми, увы́диу́ го и заклы́кау до сэ́бэ. Ныта́е его́ ся панъ: „Дэ ты йдэшь, хлопчэ?" „Иду́ слу́жбы ныта́ты!" „Мо́жэ-бы-сь ся въ мэ́нэ наймы́у?" „До́брэ, наймуся́!"—Зави́у его́ панъ до двора, каза́у ему́ да́ты йи́сты. Якъ винъ попойи́у, тогды́ го заклы́кау панъ до поко́ю и взяу́ его́ ныта́ты: „Що́ ты бу́дэшь за слу́жбу робы́у?" А винъ ды́вытся, жэ тамъ сыды́тъ то́го па́на донька́ така́ ла́дна, то повидае́ такъ: „Що́ ти́лько на сьви́ти е, яка́ робо́та, то я всё зро́блю, а́лэ якъ мы панъ заплати́гъ то́, що́ я схо́чу!" Панъ на то здуми́уся тай ка́жэ: „Я вжэ робо́ту зна́йду для тэ́бэ, а́лэ яку́ ты платню́ хо́чэшь?" Винъ повида́е: „Жэ́бы́-сьтэ мэ́ни́ сво́ю до́ньку да́лы за жи́нку!" Панъ поду́мау, жэ то яки́й-сь таки́й бо́йчучо́къ нэвэлы́чкий, тай ка́жэ: „Добрэ, я ты йи дамъ и дамъ тоби́ вси свои́ до́бра, а́лэ му́сымо собі́ зробы́ты за́кладъ, жэ ты мэни́ ма́ешь робы́ты слу́жбу

на тры дны: а якъ за тры дны всэи слу́жбы нэ зробышь, то бу́дэшь смэ́ртью ка́раный!" Тай той прыста́ў на за́кладъ.

На другый дэнь ра́но панъ встаў, побудыў слугы и того хлопця и бэрэ́ ёго́ и вэдэ́ до стайни. Завиў ёго́ до стайни, показа́ў ёму́ сто заяци́у и повида́е: „На то и то пасовыщэ маешь гна́ты тыхъ сто заяци́ў на́сты до вэ́чэра и у вэ́чиръ до-до́му прыгнаты: а́лэ якъ-бы едэ́нъ за́яць бра́кнуў, то будэшь стра́чэный!" Якъ панъ отворыў ста́йню, якъ выпустыў заяци́, вси́ заяци́ полэ́тилы улыцэу обо бу́ла улыця вы́городжэна видъ стайни ажъ до пасовыска. Алэ на пасовы́ску розлэ́тилыся на вси стороны едни́ въ полэ, други въ лисъ—и нэ вы́дно було, дэ ся заяци́ подэ́лы?

Вы́йшоў хлопэць на пасовы́щэ—нэма ни едного за́яця. Тогды́ сиў собі́ на купы́ну, думае „Щэ ту робы́ты?" Тай такъ зъ журбы вы́ймыў пыщэ́ўку зъ то́рбы. Якъ на ту пыщэ́ўку загра́ў, вси заяци́ коло нэ́го заразъ стали паоколо: таку́ вжэ съ тоў пыщэ́ўкоў ворожбу маў. Пасутся заяци́, а винъ собі́ сыдытъ тай грае.

А панъ дома повидае до доньки́: „Абы ты пишла такъ сда́лэку подывы́тыся, що́ той хлопэць робытъ съ заяци́ма?" Донька́ пишла́, подывы́лася сда́лэку и прыйшла́ до-до́му и сказа́ла ро́дычимъ, жэ вси заяци́ ко́ло нэ́го пасу́тся. Панъ тогды́ здуми́ўся, гадае сы, жэ то будэ тэпэ́рь злэ, жэ то яка́-сь обма́на прыйшла́, то трэба надъ тымъ яку́ пра́хтыку вы́думаты. Повида́е тогды́ до доньки́ такъ: „На́-тоби́ грошэ́й, иды́ до то́го пастуха́, мо́жэ-бы-сь у нэ́го едно́го за́яця купы́ла, абы́ му вэ́чиръ бра́кнуў, то го стра́тымо!" Тогды́ она́ убра́лася по-жэбра́цку, абы́ йи нэ пизна́ў, взя́ла гро́ши и пишла́ куповаты за́яця. Прыходытъ она́ до нэ́го, поздоровыла ёго и просытъ, абы́ едно́го за́яця йій прода́ў. Алэ винъ спизна́ў, жэ то та па́нна сама́, тай повида́е, жэ нэ можэ прода́ты, нэ хочэ прода́ты на жа́дэнъ спо́сибъ. Алэ пото́му ка́жэ такъ: „Колы́ ты ся вжэ такъ упэ́рла, то покажы́ гро́ши, чы маешь?" Она ёму гроши показа́ла —въ той часъ винъ повида́е до нэ́и: „Дава́й гро́ши и щэ лягай ту зо мноў ся побаў, то ты за́яця дамъ!" Да́ла она́ ёму́ гроши и учыны́ла ёго во́лю лягла́ до нэ́го. Винъ свій интэ́рэсъ зробы́ў, тогды́ зйима́ў за́яця тай йій даў. Вна прыйшла́ съ тымъ заяцёмъ на подви́рье, ажъ пэ́рэдъ двэ́ри. А той на по́лы на пыщэ́ўку загра́ў за́яць

ійі ся зъ рукъ вы́рваў и прыбійгъ до нэ́го назадъ. Вэ́чиръ прыганяе винъ заяці́ до-до́му. Панъ вы́йшоу, отворы́ў стайню, нэрэрахува́ў заяці́ сутъ вси сто, до-е́дного. Ну, панъ ся ду́жэ засмуты́ў, алэ той хлопэць сы нычь зъ того нэ робытъ, пишоў до двора, повэчэ́раў и лягъ спаты.

На дру́гый дэнь ра́но встау тай займы́ў вжэ самъ, бэзъ па́на, па́сты заяці́. Алэ панъ ка́жэ тогды́: „Ну, ўчора донька́ ходы́ла за за́яцёмъ, куны́ла, та нэ дотры́мала; то вжэ ны́ни маты най идэ́ сама купова́ты!" Тай тогды́ стара́ пани ўбралася зноў по-жэ́брацку тай пишла́ того за́яця куповаты. Алэ хло́пэць зноу нэ хоти́ў прода́ты, ажъ мусила й па́ни такъ му да́ты гро́ши и положы́тыся съ нымъ, якъ донька́ ўчо́ра, тогды́ той пастухъ зйнмау заяця, даў ёго тій па́ни и она пишла́ до-дому. И вжэ двэ́ри отворы́ла до поко́ю, а́лэ пастухъ якъ загра́ў на пыщэ́ўку, то за́яць ся видъ па́ни вы́рваў и прыйшоў на пляцъ до нэ́го. Прыганяе винъ вэ́чиръ заяці́, панъ нэрэрахува́ў сутъ усі́. Ну, кло́питъ!

На тро́тый дэнь посьнйдаў и займы́ў заяці́ зноу па́сты на пасовы́щэ. Алэ панъ вжэ зобыра́ся самъ иты́ купова́ты за́яця. Убра́уся панъ по-жэбра́цку, взяу собі́ дви тысячи ры́ньскихъ и пишоу на по́лэ до пастуха. И прыйшо́ў ажъ идъ пастуховы и просытъ его, абы ёму спродау е́дного заяця. Алэ той повида́е: „Я нэ мо́гу спродаты, бо-бы мы за́разъ смэрть бу́ла!" Алэ панъ повида́е ёму, жэ му дасть за за́яця дви тысячи, бо му дужэ тро́ба. Нэ хо́чэ! Алэ ды́вытся йидэ гостыньцёмъ смаровозъ, мазь взэ́; йидэ такоу кобы́лоу мизэ́рноу, мухи йи вжэ обійлы, ажъ кроў тэчэ́. Тогды́ винъ ка́жэ до па́на: „Ходи́мъ мы до то́го смарово́за: якъ винъ намъ пора́дытъ цы прода́ты за́яця, цы нье?" Прышлы́лы того смаровоза, тогды́ пыта́ся винъ тамъ пэ́рэдъ нымъ то́го па́на: „Ну, дастэ́ дви тысячи за за́яця?" „Дамъ!" „А поцилю́ешъ вы тоту кобы́лу пидъ вогонъ?" Панъ радъ-пэра́дъ кажэ: „Поцилю́ю!" Алэ смаровозъ жыдъ буў ка́жэ: „Я нэ позволю за-дармо мою кобы́лу цилюва́ты!" Пастухъ взяў тоты́ дви тысячи видъ пана одну тысячу взяў собі́, а другу дау жыдовы. Ну, тогды́ панъ пидняў вогонъ, поцилюва́ў кобы́лу—пропало! Въ той часъ пишоу пастухъ, зланау

за́яця и даў па́ну. Панъ вжэ такъ моцно то́го заяця трыма́е, ажъ прыйшо́ў съ нымъ на подви́рье. Тогды́ настýхъ загра́ў на нышэ́ўку за́яць вы́рваўся тай прыбі́гъ наза́дъ на по́лэ. Вэ́чиръ прыганяе винъ заяці́ў съ па́совыска, панъ пэрэрахува́ў заяці́ сутъ вси.

Алэ тогды́ панъ вжэ дýжэ ся роззло́стыу тай за́разъ ёго́ даў до крымина́лу. На другый дэнь розпыса́ў панъ по миста́хъ, то паповэ ся позійнжджа́лы на судъ. Тогды́ розпови́ў панъ той цилый интэ́рэсъ пэ́рэдъ па́ньствомъ: якъ то мо́жэ бýты? Ну, такъ па́ньство ра́дытся мэ́жы собо́ў нэ мо́жутъ то розтолкува́ты. Алэ едэ́нъ панъ повида́е: „Колы́ вы соби́ такі́й за́кладъ зробы́лы, то ма́етэ му тэпэ́рь то да́ты, що́-сьтэ му обіця́лы! а́лэ я ёму́, ка́жэ, що одну за́гадку ска́жу: якъ винъ то зро́бытъ, то пропа́ло, му́сытъ вжэ такъ бýты!" Ка́жутъ вжэ хло́пця прывэ́сты та́мки зъ крымина́лу мэ́жы па́ньство. Прывэлы́ ёго, тогды́ пыта́еся ёго́ той чужы́й панъ: „Чы ты, хлопýню, вы́граў-есь той за́кладъ видъ па́на?" „Вы́граў-емъ!"—„Но, ка́жэ, то такъ нэ мо́жэ бýты, бо панъ нэ маў ся съ кимъ пора́дыты! а́лэ, ка́жэ, я тобі́ дамъ та́ки що едо́нъ за́кладъ: ушы́емъ ты михъ у сто ко́рцэй, то якъ ёго́ наговоры́шь за ква́ндрансъ годы́ны по́ўный и завя́жэшь, въ той часъ бýдэшь ся жэны́ў съ гра́бёго донько́ў и вси добра ёго дистанэшь!" Хло́пэць повида́е: „Дэ-жъ той михъ е?" Тымчасо́мъ тамъ дэ-сь той михъ бо́рзо ушы́лы, на сто ко́рцэй вэлы́кій, и вие́лы до поко́ю пэ́рэдъ паньство.

Винъ тогды́ взяў, запха́ў голову въ михъ, а па́ну ка́жэ трыма́ты михъ ко́ло шы́и, абы́ слова́ нэ выходы́лы зъ ми́ха наза́дъ. И въ той часъ зачына́е говоры́ты. И ка́жэ такъ: „О-то́ про́шу па́ньства послýхаты, якъ мій викъ идэ́!" Тай такъ зача́ў имъ всё повида́ты: якъ винъ буў у сво́го витця́, якъ пишо́ў въ сьвитъ, найміуся у па́на на за́кладъ, якъ пасъ заяці́ на по́лы, якъ прыйшла́ до нёго па́нна и якъ винъ йій прода́ў за́яця. Тогды́, якъ то за па́нну розпови́ў, пыта́еся па́ньства: „Цы по́ўный вжэ михъ?" Повида́ютъ ёму́, жэ нье, жэ ницъ щэ нэ вы́дко. Тогды́ винъ зача́ў говоры́ты да́ли: якъ вы́йшла идъ нёму на по́лэ сама́ стара́ па́ни тай якъ винъ йій прода́ў за́яця. Тогды́ зноў пыта́еся: „Цы по́ўный михъ?"—„Нье, щэ нэма́ нычь!"—Алэ винъ зача́ў повида́ты да́ли: якъ вы́йшоў самъ гра́бя купова́ты

за́яця и дау му дви ты́сячи за за́яця, якъ доро́гоў визъ смаро-во́зъ мазь мизэ́рноў кобы́лоў, якъ панъ тоту́ кобы́лу поцилюва́ў. Алэ за́ки винъ щэ вы́мовыў до киньця́, панъ схо́пыу го за го́лову и вы́рваў му михъ и ка́жэ: „До́ста, вжэ михъ по́ўный!" Тогды́ всё па́ньство зача́ло крыча́ты: „Ви́ватъ, хлопунё выграў!"

И вжэ му́сиў му панъ да́ты свой до́бра и доньку́ за жи́нку, то оны́ побра́лыся и господарува́лы собй.

(Отъ Николая Жегайляка въ Доброгостовѣ.)

45.

Подмѣненная невѣста.

Въ чы́стимъ по́лю буў лисъ. Ко́ло то́го ли́са ишла́ доро́га, а пры доро́зи стоя́ла хаты́на. Въ тій ха́ти бу́ла вдо́ва-бабы́на, ма́ла дви доньки. Бу́лы обй ла́дни, якъ сло́нько, а една́ дру́гій подибна, такъ якъ-бы една́ особа. Алэ вдо́ва ста́ршу ли́ишэ любы́ла и да́ла йи до ми́ста до школы учы́тыся дэ́-що вышыва́ты. А моло́дша була въ до́му и пря́ла кудэ́лю и сьпива́ла собй всэ, якъ найли́пшый капа́рокъ.

Алэ пэдалэ́ко видъ того ли́са було ми́сто столы́чнэ, въ котри́мъ мэ́шкаў ци́саръ. Алэ стары́й ци́саръ ўмэ́ръ и здаў па́ньство на свого сына. Молоды́й ци́саръ хтиў ся ожэ́ныты и пэ мигъ собй пигдэ́ дибра́ты па́нны за жи́нку. Алэ едно́го ра́зу усиў собй на коня́ и пойихаў на сна́цирь то́ю доро́гою по-пры вдо́выну хаты́ну. И ўчуу кра́сный сьпиў зъ тои хаты и хотиў вы́диты хто́ то такъ сьпиває? И зайихаў на подви́рье пэ́рэдъ ви́кна, а ди́ўчына увы́дила бэ́зъ викно и отворы́ла викно. А панъ ся пыта́е ей: „Цы ма́ешь ты воду вдома?" Она повида́е, жэ воды́ вдома нэма, а́лэ най панъ зачэка́е, то прынэ́сэ. Пишла́ исъ зба́нкомъ по воду, а панъ злизъ съ коня́, прывязаў го до дэ́рэва, а самъ пишоу до хаты, сиу и чэка́е. Ди́ўчына прынэ́сла воду зи зба́нкомъ, тогды́ панъ напы́уся и взяу ся ей пыта́ты:

„Якъ ты ту мэшкаешь и съ кимъ?“ А дйўчына повидае, жэ естъ мáма вдóва, áлэ пишлá въ лисъ по тóплыво. А панъ розмавляўся дáли и прыйшоў съ тоў дйўчыноў до такои розмóвы, жэ хóчэ ей свáтаты. Алэ ошá повидáе: „Та дэ то мóжэ бýты? мы е бйдни людэ!“ Панъ повидáе: „Я такъ хóчу, то мýсышь бýты мэнй жйнкоў!“ Дйўчына дэ-сь ся обэрнýла въ дрýгу стóроцу, а панъ вытягнуў сакéўку съ дукáтамы и вложыў въ ей лéжко. И въ той часъ пожэгнáлыся обóе, поцилювáлыся. Тогды щэ повйў йій, жэ зáўтра по нэи прыййдэ, абы бýла мáма вдóма. И сиў на коня и поййхаў.

Въ тимъ рáзи прыхóдытъ мáма зъ лйса съ тóплывомъ, а дйўчына йій повидáе, жэ буў туй якій-сь панъ, паныуся воды и поййхаў гэтъ. Алэ нэ казáла ницъ, що панъ йи хóчэ свáтаты. Ужэ́ буў вэ́чиръ и вдóва казáла дóньци, абы стэлыла пóстиль. Якъ выгорнула пóстиль зъ лйжка, то та сакéўка съ дукáтамы вылэтила на зэ́млю. Мáма схóпылася, пидняла сакéўку и взяла доньку ганьбыты: щó то такого естъ? Дóнька пэрэстрáшэна о нйчимъ нэ знала и ницъ нэ видповидáла. А старá такъ собй погадáла, жэ мóжэ йій Панъ-бигъ такъ прыслáў, жэ ихъ троха заратувáў. И тогды полягáлы спáты, а дйўци прысныўся сонъ, жэ панъ прыйхаў и взяў ей за жйнку и виддáў йій вси добра и ключй видъ покойнýў; áлэ жэ прывйў йи до послйдного покóю, а вйдтамъ выскочыў чорный китъ и подэ́ръ йій дýжэ тварь, цыцькй, рýки, жэ ажъ пробудылася.

Рáно поўуставáлы, мáма ся зибрýла и пишлá въ лисъ по топлыво. Дйўчына зварыла снидáнье и зробыла порядокъ въ хáти, а потóму убрáлася въ то шмáтье, що мáла про сьвято, и сйла пидъ викнó на лáву. И прядэ́ кудэ́лю и сьпивáе, якъ найлйпшый канáрокъ. Дывытся панъ йидэ на коны. Злизъ зъ коня, прывязаў, идэ́ до хáты. И зáразъ ся звыталы, поцилювáлы, тогды панъ взяў ся йи выпытуваты, якъ йій ся ночувáло? Дйўчына ўстыдáлася пáну уповйсты, щó йій ся снýло, а нарэ́шти ўповйла: такъ и такъ. А панъ повидáе: „То всё прáўда, бо ты мóя жйнка мýсышь бýты, áлэ що чóрный китъ, то я за то нэ знáю!“ Пры тій розмови прыйшлá мáма зъ лйса, сказáла: „Слáва Исýсу Хрыстý!“ Панъ ся съ нэю повытáў и зáразъ сказáў йій, жэ будэ свáтаты ей доньку собй за жйнку. А потому повидáе: „Абы-сьтэ ся на зáўтра злáдылы, бо я прыййду и дйўку за-

бэ́ру до свого до́му!" И тогды́ забра́ўся, сну на коня́ и поййхаў до ми́ста.

Алэ коны́ прыййхаў до ми́ста, дистаў там розказъ, жэ война вы́бухла; па́ньство съ во́йскомъ зибра́лося до во́йны. То винъ тогды́ вжэ съ коня́ нэ злизаў, ти́лько обэрну́ўся и поййхаў и взяў ту вдовыну ди́ўчыну на коня́ и такъ прывиэ́зъ йи до свого до́му. Тогды́ ўбраў ей по-пэ́ньску и виддаў йій ключи́ видъ усихъ до́бриу и даў розказъ усимъ, абы́ йи такъ слу́халы, якъ ёго́ жи́нку, ажъ поки винъ нэ вэрнэ зъ войны. А сказаў йій такъ: „Якъ тоби́ будэ скучно самій, то вы́праў фьякеръ, ажэбы тоби́ прывэ́злы ма́му до двора́." И забра́уся панъ и поййхаў на во́йну.

Вона́ якъ пэрэночува́ла, въ другый дэнь вы́правыла фьякеръ по маму. Фи́рманъ якъ тамъ прыййхаў, ка́жэ ба́би, жэ па́ни просы́ла, абы́ прыййхала за́разъ до нэ́и. Алэ она́ сказа́ла такъ: „Ска́жэтэ па́ни, жэ така́ йій дорога до мэ́нэ, якъ мэ́ни до нэ́и!" Фи́рманъ забра́ўся тай поййхаў въ-порожнэ́. Якъ прыййхаў до-до́му, ка́жэ па́ни, якъ ма́ма повида́ла: жэ сама́ така́ доро́га па́ни до нэ́и, якъ йій до па́ни.

Алэ ба́ба пишла́ за́разъ до ми́ста, прывэла́ ста́ршу доньку зъ ми́ста до-до́му и взя́лы ся оби́ ра́дыты, жэ шко́да, абы́ молодша бу́ла тако́ў панэ́ў, а тота́ старша и ўчэ́на и му́дра абы́ пицъ нэ ма́ла; и такъ ся оби́ ўра́дылы, жэ она́ му́сытъ ту сама́ прыййхаты, а оны́ йи стра́тятъ, тогды́ ста́рша ся ўбэ́рэ за па́ню и поййдэ. (Бо оны́ една́ другій подибна, то панъ нэ спизна́е —котра́ ёго́ жи́нка?) Въ тимъ ра́зи прыйижджае та ей до́нька зъ ми́ста, та па́ни, увійшла́ до ха́ты и повыта́лыся. Тогды́ взя́лы зъ нэ́и тягну́ты прото́колъ— якъ ся тамъ въ дворі́ ро́бытъ и якъ тамъ естъ? А вна имъ всю пра́ўду розпови́ла и показа́ла ключи́, жэ ма́ла пры сэ́би, видъ чо́го сутъ? Якъ вжэ всю розпра́ву скиньчы́ла, взя́ла ма́ма и хусты́ноў забы́ла йій пы́сокъ и звязала́ йи; тогды́ зибра́лы зъ нэ́и па́ньске оди́нье и у тото оди́нье ўбра́лася тота́ ста́рша сэстра́. А тій вы́бралы о́чы и обри́залы йій ру́ки по ликта́, а но́гы по коли́на. И въ той часъ вы́йшла тота́ ста́рша до фи́рмана и си́ла на фьякеръ и поййхала до двора́, а́лэ служо́би ей нэ спизна́лы, що то вжэ ёнча сэстра́. Якъ тота́

поййхала, тогды́ ба́ба тоту́ до́ньку видиэ́сла далэ́ко въ лисъ и запо́рпала въ лы́стье; пото́му прыйшла́ до-до́му, забра́ла тоты́ о́чы и ру́ки и но́гы, що йий видри́зала, завы́нула то всё въ пла́хту и пишла́ съ тымъ идъ тій до́ньци до ми́ста.

Алэ тота́ въ ли́си пэрэлэ́жала залэ́дво едну́ ничь, якъ йи почу́лы во́роны и зача́лы въ тимъ лы́стю шука́ты; якъ розгрэба́лы лы́стье, вы́порпалы той ту́лубъ зъ ди́ўчыны, тай якъ зача́лы йи роздзюба́ты, то вы́дзюбалы йий зъ пы́ска тоту́ хусты́пу, що йий ма́ма въ пы́сокъ забы́ла. Якъ ту хусты́ну вы́тяглы, тогды́ она́ зача́ла крыча́ты, а во́роны повидлита́лы. Алэ она́ вы́дытъ, жэ нико́го нэма́ въ ли́си, а ту ли́зты нэго́дна, а́пи ру́шытыся, бо нэма́ чымъ. Тай взя́ла сы сьпива́ты, такъ, якъ пэ́ршэ.

Алэ звы́клэ—якъ то да́вныемы часа́мы -булы́ въ лиса́хъ пустэ́льныки. И дэ-сь тамтуда́ пустэ́льныкъ зайшо́ў и ўчуў той го́лосъ, а нико́го нэ выда́ты. Зача́ў винъ по лы́стю шука́ты и знайшо́ў йи тамъ. Винъ ся дўжэ на тимъ здуми́ў тай пыта́е йи ся, що́ она́ такъ ту ро́бытъ? Тогды́ она́ му всё розпови́ла, якъ йи ма́ма съ сэстро́ў пори́залы. А винъ йий тогды́ ка́жэ: „А цы хоти́ла-бы ты ма́ты зноў очы тай ру́ки тай но́гы?“ И тогды́ накла́ў огэ́нь, розигри́ў йи тро́ха пры огны́, пото́му пообмыва́ў йий ра́ны и позавыва́ў и прыкры́ў йи лы́стьемъ и сказа́ў: „Бу́дэшь ту сама́ до ра́ня, ажэ́нь ра́но я идъ то́би пры́йду!“

На дру́гый дэ́нь ра́но прыхо́дытъ пустэ́льныкъ и прыво́дытъ съ собо́ў хло́пця. Тай повида́е до хло́пця такъ: „Я ма́ю сри́бну кудэ́лю; пэсы́ до то́го ми́ста столэ́чного, а ни-за́-що нэ прода́й, абы́ тоби́ хто що́ дава́ў за нэ́и, ти́лько прода́й за хрыстія́ньски о́чы!“

Якъ хло́пэць ту кудэ́лю прыни́съ до ми́ста, то ёму́ па́ньство за то дае́ сри́бло-зло́то нэва́жэнэ, а́лэ винъ нэ хо́чэ прода́ты: ни-за́-що нэ хо́чэ прода́ты, лышь за хрыстія́ньски о́чы. Алэ та сэстра́ сыды́тъ въ бу́рку на викни́ и увы́дила то́го хло́пця съ кудэ́лёў тай ка́жэ до ма́мы: „Ма́мо, о-то́й хло́пэць продае́ сри́бну кудэ́лю за хрыстія́ньски о́чы; то мы ма́емо о́чы зъ сэстры́, то да́ймо му ти о́чы за кудэ́лю!“ Тай тогды́ заклы́калы того хло́пця до покойну́, прынэ́слы ти о́чы зъ сэстры́ тай да́лы му, а винъ имъ тогды́ даў

кудэ́лю. Тай той хлопэць прынисъ о́чы ажъ у лисъ идъ пустэ́льныковы. Тогды́ пустэ́льныкъ тоты́ о́чы вы́мыў и йій повымыва́ў ра́ны и вложы́ў йій о́чы на пляцъ и пэрэжэгна́ў, то о́чы ста́лы щэ ли́ншн, якъ пэ́ршэ бу́лы. Въ той часъ ди́ўчына му ду́жэ дя́ковала и пото́му сьнива́ла зноў такъ, гы капа́рокъ. Тай хоти́ла ви́дтамъ гэтъ ли́зты, а́лэ пустэ́льныкъ йій нэ позво́лыў, ка́жэ: „По́ты ту ма́ешь бу́ты, по́ки щэ нэ диста́нэшь ру́ки и но́гы!" Тай йи тамъ зоста́выў на ца́лу ничь.

Въ дру́гый дэнь ра́но зноў прыхо́дытъ съ тымъ хло́пцёмъ идъ ній и дае́ хло́пцэвы зло́тэ вэрэтэ́но. „Иды́, ка́жэ, до то́го ми́ста и ни-за́-що нэ прода́й, ти́лько за хрыстія́ньски ру́ки!"—Хло́пэць пишо́ў до ми́ста и про́сто бижы́тъ тамъ, дэ кудэ́лю прода́ў. Якъ та вы́дила па́ни зло́тэ вэрэтэ́но, ка́жэ до ма́мы: „Жэбы́ мы купы́лы, зъ сэстры́ ру́ки да́ймо му за то!" И оны́ ся такъ пора́дылы и да́лы за вэрэтэ́но ру́ки сэстры́. Хло́пэць взяў тоты́ ру́ки и пони́съ пустэ́льныковы у лисъ. Той зноў повымыва́ў йій ра́ны, прыложы́ў ру́ки, пэрэжэгна́ў- ста́лы ру́ки щэ ли́ншн, якъ пэ́ршэ бу́лы.

На трэ́тый дэнь ра́но прыхо́дытъ пустэ́льныкъ зноў съ хло́пцёмъ и дае́ ёму́ дыямэнтову пры́слыцю и ка́жэ: „Нэсы́ до ми́ста и ни-за́-що нэ прода́й, ти́лько за хрыстія́ньски но́гы!" Якъ хло́пэць прыйшо́ў до ми́ста съ тоў пры́слыцёў, тота́ па́ни то увы́дила тай заклы́кала хло́пця, абы́ щэ й пры́слыцю купы́ты. Пора́дылыся оби́ съ ма́моў и да́лы му ти но́гы зъ ди́ўчыны за пры́слыцю. И хло́пэць пишо́ў съ нога́мы. Алэ що-сь то имъ ся ста́ло въ ихъ сумли́ню нэдо́брэ, зача́лы мэ́жы собо́ў шэ́мраты, жэ то злэ зробы́лы, жэ да́лы зъ сэстры́ о́чы й ру́ки й но́гы,— чы то нэ е яка́ зра́да? Поби́глы за хло́пцёмъ, абы́ видобра́ты но́гы, а́лэ хло́пця вжэ й нэ вы́дко. Тай ся завэрну́лы—пропа́ло! Прыно́сытъ хло́пэць но́гы идъ пустэ́льныковы. Тогды́ винъ повымыва́ў ди́ўчыни зноў ра́ны, прыложы́ў но́гы, пэрэжэгна́ў ста́лы но́гы таки́ здоро́ви, якъ пэ́ршэ бу́лы.

Вста́ла ди́ўчына щэ ладні́йша, нижъ пэ́ршэ бу́ла, тай зача́ла ду́жэ дя́коваты пустэ́льныковы. А пото́му вжэ хо́чэ иты́ гэтъ, а́лэ пустэ́льныкъ повида́е йій такъ: „По́ты зви́дсы нэ пи́дэшь, по́ки твій панъ по тэ́бэ нэ прыйи́дэ!" Узя́ў

дйўчыну, завйў далэко въ лисъ до пэчэры, дэ самъ мэшкаў. И тамъ она мала дэрэвяну мыску, нижъ, всё; и тамъ йи зоставыў—най мэшкае, поки панъ нэ прыййдэ.

А тамъ въ бурку такъ тоты господарують, ей сэстра тай мама, ажъ нарэшти прыйиздытъ панъ зъ войны. Выйшла та пани напротиў нэго и ся повыталы и увійшлы до покойиў; але панъ нэ пизнаў, жэ то нэ та-сама пани, бо оны таки булы дужэ подибни. По розмови позасидалы до обиду. Пообидалы и она ўповила тогды, жэ она такій му прэзэнтъ постарала—сриби куделю, злотэ вэрэтэно и дыямэнтову прыслыцю. Винъ на то подывыўся—сподобало му ся то дужэ. И тогды сказаў йій, жэбы навыла на ту куделю клоча и пряла. Якъ она зачала пряты, тогды куделя зачала говорыты, вэрэтэно зачало сьнивaты, а прыслыця всё видповидаты. А вна змэртвила тогды пэрэдъ куделёў и кенула вэрэтэно гэтъ видъ сэбэ, але панъ тогды ся дужэ здумиў и казаў: „Тэпэрь мусышь пряты!" И она мусила пряты, а куделя и вэрэтэно и прыслыця всё розповилы пану, що то она тай мама зробылы съ тоў пановоў дйўчыноў, гэтъ розповилы цилый той интэрэсъ. Въ тій хвылы панъ взяў тоту матирь и ей, даў ихъ за ключъ, а самъ сиў на коня и пойихаў у лисъ шукаты тои дйўчыны (бо куделя повила, дэ она мэшкае въ лиси).

И знайшоў йи тамка въ тій пэчэри. Тамъ ся повыталы, тогды прыйшоў пустэльныкъ и тамъ имъ даў слюбъ. Тогды оны соби обое пойихалы и такъ имъ банда грала въ повитрью, а нихто йи нэ выдиў, ажъ до бурку. Тай винъ тоту маму и сэстру даў на шыбэныцю, а оны обое жылы соби счасливо ажъ до смэрты.

(Отъ Николая Жегайляка въ Доброгостовѣ.)

46.

Принцъ и Шевская-Труба.

Такъ разъ йи́здыў ци́саръ по краю́ тай зайи́хаў до едно́и ди́ўки на́-ничь тай ра́зомъ пэрэночува́лы. Якъ вжэ пэрэночува́лы, тогды́ даў йій ци́саръ гро́шэй и ка́жэ: „Якъ ты поро́дышь сы́на, то абы́-сь му да́ла имя́ Прынцъ и абы́-сь го дава́ла до шко́лы; а якъ вы́ростэ, то абы́-сь, ка́жэ, прысла́ла до мэ́нэ!" Тай лышы́ў йій таки́ лысты́, абы́ то́го сы́на по тыхъ лыста́хъ пизна́ў, якъ до не́го прыйдэ.

И она́ породыла хло́пця. Тай той хло́пэць вы́рисъ и ходы́ў до шко́лы. Разъ ма́ты ха́ту билы́ла тай порозми́тувала тоты́ пы́сьма, що йій ци́саръ лышы́ў. А хло́пэць найшо́ў тай зача́ў чыта́ты. Якъ прочыта́ў, ка́жэ до ма́мы: „Ма́мо, я вжэ йду видъ тэ́бэ, пи́ду до мо́го та́та!" Тай пишо́ў шука́ты сво́го та́та.

Здыба́е по доро́зи хлопця, называ́уся Шэ́ўська-Труба́. Той му ка́жэ: „Чэка́й, тай я пи́ду съ тобо́ў!"—„Та ходы́!" Тай оны́ йдутъ, а Шэ́ўська́-Труба́ ка́жэ: „Дай мэни́ но́жыка, я пи́ду для сэ́бэ вы́ризаты па́лыцю, и для тэ́бэ!" Алэ пишо́ў, вы́ризаў лышэ́ для сэ́бэ, прыйшо́ў тай ка́жэ: „Я тэ́бэ тэпэ́рь тоў па́лыцэ́ў за́бью, якъ мы пэ прысягнэшь за́разъ, що будэ́шь каза́ты, що то я е Прынцъ, а ты Шэ́ўська́-Труба́! и, ка́жэ, дай мы тоты́ пы́сьма, що ма́ешь, бо тя за́бью!" Той му даў и вжэ прысягъ на то́е.

И пишлы́ такъ потому ажэ́нь до ци́сара. Ци́саръ якъ ся дови́даў, що ёго́ сынъ до не́го йдэ, то вы́йихаў на-зустри́чъ идъ нёму. Тай Шэ́ўська́-Труба́ тогды́ взяў, розложы́ў пэ́рэдъ ци́саромъ тоты́ папэ́ри и сказа́ў, що то винъ е той Прынцъ, а на Прынца ка́жэ: „То е мій слуга́ Шэ́ўська́-Труба́!" Тай ци́саръ пови́рыў тай го тогды́ посады́ў ко́ло сэ́бэ на бры́чку, а той Прынцъ сиў собі́ вжэ ко́ло фи́рмана на козёлку. Тай такъ дойи́халы ажэ́нь до дво́ру.

Тай тамъ тогды́ Шэ́ўська́-Труба́ зача́ў на Прынца новыны́ склада́ты. Разъ ка́жэ до ци́сара: „Тату́ню, той слуга́ ка́жэ, що винъ ва́шого коня́ вы́пуцуе!" Тогды́ ци́саръ го прыклы́каў и ка́жэ: „Пуцу́й!" А то буў таки́й кинь

вострый, що и прыступыты нэ даў до сэбэ. Тай той вжэ вы́йшоў пидъ ста́йню и пла́чэ. А кинь ка́жэ до нёго: „Чого́ ты такъ пла́чэшь?“ „Та, ка́жэ, Шэўська́-Труба́ на мэ́нэ сказа́ў, що я тэбэ́ вы́пуцую!“ Тогды́ кинь ка́жэ: „Та чому́ ни? вы́пуцуешь, лышэ́ возьмы́ сы столэ́ць тай щи́тку, стань на столэ́ць тай мя пуцу́й!“ Винъ коня́ вы́пуцуваў.

Алэ Шэўська́-Труба́ зноў на нэ́го зновы́ў, що винъ ўмі́е йи́здыты на тимъ коны́. Зноў той пидъ ста́йнёў пла́чэ, а́лэ кинь го ся пыта́е: „Чого́ ты пла́чэшь?“ „Та ка́жэ мы йи́здыты на то́би!“ „Та чому́ ни? сида́й тай йидь! лышэ́, ка́жэ, возьмы́ сы сыльни́ обротянки́, у едну́ ру́ку ша́блю, а въ дру́гу крэстъ, то сида́й и пойи́дэшь!“ Тогды́ Прынцъ такъ зробы́ў, пойи́хаў на коны́. Алэ кинь такъ во́йско то́нчэ, а той съ коня́ ша́блёў всихъ руба́е, гэтъ вы́былы зо два рэгимэ́ты.

Тай прыйи́хаў до-дому, а Шэўська́-Труба́ зноў на нёго зновы́ў, що винъ мо́жэ дistáты чорнокны́жныцю изъ-за чо́рного мо́ря. Той вы́йшоў пидъ ста́йню, пла́чэ, а кинь ка́жэ: „Чого́ ты вжэ знову пла́чэшь?“ „Ка́жэ Шэўська́-Труба́, що я чорнокны́жныцю зъ-за мо́ря дistáцу!“ „Мо́жэ й дistáнэшь, ка́жэ кинь, сидай на мэ́нэ тай йи́дьмо!“ Тай оны́ такъ йи́дутъ тутъ машэру́е цилэ́ ста́до мурашо́къ. Тогды́ той ка́жэ до коня́: „Гоў, ста́ньмо, най тоты́ мурашки́ пэрэ́йдутъ соби́!“ А на-за́ди йшоў найста́ршый царь мурашо́къ тай ка́жэ до то́го Прынца: „Колы́ ты моё во́йско пошанува́ў, то на́-тоби́ такі́й во́лосъ, жэ я́къ ты що́ будэ трэ́ба, то абы́-сь нымъ махну́ў, то мы́ ты за́разъ прыйдэ́мъ на по́мичь!“ Йи́дутъ да́льшэ, а ту лэтя́тъ журавли́. Винъ ка́жэ до коня́: „Ста́ньмо, абы́ сы журавли́ пэрэлэ́тилы!“ Алэ на-за́ди лэти́ў найста́ршый коро́ль журавли́ў и ка́жэ до нёго: „На́-тоби́ пэро́: абы́-сь махну́ў, то мы́ ты помо́жэмъ!“ И винъ тогды́ пойи́хаў да́ли. Йи́дэ, а ту нэсу́тъ диўки́ во́ду. Тогды́ винъ ка́жэ до коня́: „Ста́ньмо, най диўки́ пэрэ́йдутъ!“ А на-за́ди ишла́ найста́рша диўка тай ка́жэ: „Колы́ ты для насъ такі́й чэ́сный, то на́-тоби́ въ шкляня́ воды́; якъ тя ся яка́ бида́ чэ́пытъ,—збуй, або що́,—то абы́-сь го тоў водо́ў кропы́ў!“ А то бу́ла така́ вода́ дужэ́ сы́льна. Тай тогды́ винъ пойи́хаў—ажэ́нь до чорнокны́жныци.

Алэ чолови́къ то́п чорнокны́жныци нэ хоти́ў муей да́ты. Ка́жэ: „Я йи дамъ, а́лэ якъ мы позбыра́ешь на

полы чвэртку маку, що розсыплю!" „Позбыраю!" Той макъ розсыпаў, алэ винъ узяў, тымъ волосомъ махнуў, то заразъ явылося зъ всёго сьвита поўно мурашокъ и той макъ вызбыралы до едного. Алэ чорнокныжныкъ кажэ: „Я ты щэ нэ дамъ, ажъ якъ розсыплю на полы тры корци пшэныци, а ты то позбыраешь, тогды ты йи дамъ!" Той тогды махнуў нэромъ журавлй ся позлиталы тай позбыралы пшэныцю. Тогды чорнокныжныкъ кажэ такъ: „Ажъ тогды тобй дамъ чорнокныжныцю, якъ ты ся пидэшь зо мноў бороты: котрый, кажэ, котрого забьемо?" Тай зачалыся быты. Алэ той зачаў Прынца спромагаты, то винъ борзо выйняў зъ-за пазухи ту воду, зачаў ёго скрапяты, ажъ го скроныў на смэрть. Тай тогды собй чорнокныжныцю взяў и поййхаў.

Прыйиждже до цйсара исъ чорнокныжныцэў. Тамъ ей хотйлы виддаваты за того Шэўську-Трубу, алэ она стала дужэ сумна тай зачала плакаты. Тогды ей ся цйсаръ пытае: „Чого ты такъ плачэшь?" Она кажэ: „Бо то той е Прынцъ, що мэнэ прывизъ, а той вашъ то е Шэўська-Труба!" Тай розповйла цйсаровы всё: якъ Шэўська-Труба хотйў Прынца на дорози забыты (бо она то всё знала зъ ворожбы). Тогды цйсаръ казаў вывэсты кони и казаў Шэўську-Трубу прывязаты конимъ до нигъ, то кони ёго рознэслы по всимъ сьвити. А Прынца вжэныў съ чорнокныжныцэў и лышыў коло сэбэ на царстви.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

—

47.

Царевна-швея.

Йихала прыницэзна чэрэзъ морэ на другый бикъ—хотила ся подывыты на ёнчи край. Алэ даншифъ пукъ на моры и вси ся людэ потопылы, лышь тота прынцэзна ся на дошци затрымала. И на тій дошци плывала-плывала, ажъ идъ краевы доплыла. Выйшла на бэрегъ, обсушылася, алэ нэ знае дэ ся диты у чужыни? Тай зайшла такъ до единого мисто и прыйшла тамъ до цисарского двора. И пытае йи ся цисаръ: „Що ты хочэшь?" „Службы!" „Що-жъ ты знаешь робыты?" „Я шэукыня!" А она знала дужэ файно шыты. Тай взяла она тамъ въ дворі шыты и такій ручныкъ вышыла, що дэ той ручныкъ будэ, тамъ и она будэ; нихто въ тимъ краіы нэ выдиў такого вышываня. Тай взяла тай положыла той ручныкъ въ покойы на прэстоли.

Алэ старый цисаръ маў сына. Тай умэръ и вжэ ёго сынъ стаў тамъ царомъ. И повидае такъ: „Я возьму сы ключи и пиду ся подывыты по своихъ паляцахъ!" А винъ [щэ нэ знаў, що тота шэукыня е въ дворі. Якъ винъ зачаў по покояхъ ходыты, надыбаў той ручныкъ на прэстоли, пообзыраў и кажэ: „Хто то такій ручныкъ вышыў, я ся буду съ тоў жэныты!" Тай увыдиў вжэ саму-тоту шэукыню и хочэ ся доконьчэ съ нэў жэныты.

Алэ ёму війна выпала на тры роки и винъ поййхаў. И кажэ до свэи матэры: „Мамо, я ся съ тоў панноў буду жэныты, то абы-сь йи нэ пустыла видсы, поки зъ війны нэ вэрну!" И поййхаў. А маты заразъ тоту шэукыню видправыла, нагнала йи гэтъ зо двора. И она пишла на другэ сэло, наймылася тамъ у пана. И зноў тамъ вышыла ручныкъ и поставыла на столи.

Прыйиждже цисаръ зъ війны тай заразъ пытаеся: „Дэ е моя шэукыня?" А маты кажэ: „Пишла гэтъ, нэ хотила чэкаты!" Взяў винъ собі тогды той ей ручныкъ и кажэ: „Абы-мъ симь паръ ходакиў сходыў, а ей мушу найты!" И забраўся и такъ ходыў по сэлахъ и ручныкъ всимъ показуваў -цы нэ выдиў хто таку швачку? Тай го тогды людэ справылы до того двора, дэ она служыла.

Винъ тамъ прыйшо́ў, а́лэ она́ ся скры́ла, бо го ся боя́ла. Алэ винъ тамъ увы́диў той дру́гый ручны́къ, то вжэ знаў, що она́ тамъ е, и каза́ў, абы́ му йи за́разъ видда́лы. Прывэлы́ йи, тогды́ винъ йи ся пыта́е: „Чого́ ты видъ мэ́нэ пишла́?" „Бо мя твоя́ ма́ты нагна́ла!" Тогды́ винъ вжэ нэ йи́хаў съ нэ́ў до-до́му, ино́ вы́ставыў собі́ е́нчый бу́рокъ, зробы́ў съ нэ́ў вэсилье́ и забралыся вжэ до сво́го бу́рку, а ма́тирь зоста́вылы у стари́мъ саму́.

Жыў винъ бэзъ цилы́й рикъ исъ нэ́ў, а́лэ вы́пало е́му́ йты зноў на во́йну. Алэ жи́нка е́го́ тогды́ на тыхъ часа́хъ ходы́ла. Нэ маў винъ кого́ зоста́выты ко́ло нэ́и, лышэ́ зоста́выў тако́го вье́рного ло́гая. Якъ она́ бу́дэ ма́ты дитыну, то каза́ў, абы́ той ло́гай за́разъ съ лы́стомъ до нёго прыби́гъ (а той логай мигъ ду́жэ до́брэ би́гаты, гы пэсъ, бо винъ буў бэзъ лытокъ). Якъ она́ вжэ тоту́ дитыну ма́ла, дала́ она́ лыстъ то́му ло́гаёвы, абы́ зани́съ до ци́сара на во́йну. Алэ винъ бигъ по́-пры стары́й двиръ, то го пэрэймы́ла ци́сарова ма́ты: „Дэ-жъ ты бижы́шь?" Винъ йій показа́ў лыстъ, жэ цари́ўна породыла два хло́пци. Тогды́ она́ той лыстъ взя́ла и спалы́ла, а напыса́ла е́нчій-вжэ ни́бы видъ ци́сара до жоны́, що винъ видпы́суе, абы́ вы́вэзты симь пиўла́тэркиў за ми́сто и запалы́ты и тоту́ е́го жону́ съ хлопцима въ той огэ́нь вэра́чы. Тай тогды́ да́ла ло́гаёвы вэлы́ки гро́ши, то винъ вжэ нэ йшоу до ци́сара, ино́ пони́съ той лыстъ до-до́му и ка́жэ: „Ту ци́саръ видпыса́ў!" Якъ она́ то прочыта́ла, ду́жэ пла́кала. А ти лю́дэ, що йи вжэ ма́лы налы́ты, ду́жэ йи жа́ловалы, и ди́ты, то ка́жутъ такъ: „Мы вы́льльемо зъ во́ску таку цари́ўну и двое дитэ́й и то спалымо́, а вы собі́ йдитъ съ дитьмы́ гэтъ, абы́ васъ нихто нэ вы́диў!" Тай вы́робылы зъ во́ску таки́ лялькй и вэ́рглы то въ огэ́нь.

А она́ забра́ла ди́ты на ру́ки тай пишла́. И вы́робыла ди́тёмъ зыўа́рки зъ папэ́ру и напыса́ла на тимъ, чый оны́ ди́ты и колы́ ся ўро́дылы, котро́го ро́ку; тай напыса́ла, абы́ имъ до 12 ро́киў нихто́ то́го зыўа́рка нэ ру́шыў. И прывяза́ла то едно́му и дру́гому на шы́ю. Тай йи захо́пыла ничь въ ли́си, то она́ тамъ лягла́ съ дитьмы́ спа́ты. Алэ тогды́ прыйшла́ ма́мфа и забра́ла ди́ты и виднэ́сла до едного па́на до двора́. Она́ ра́но встае́ дитэ́й

нэма́. Она́ тогды́ въ плачъ, а́лэ нэма́ що́ робы́ты. Пишла до едно́го сэла́ и наймы́лася у шэ́ўця́ за шэ́ўкы́ню. Алэ о тимъ нэ зна́е ницъ, що ей ди́ты бу́лы за́разъ ко́ло то́го шэ́ўця́ въ дворі́.

А той царь вжэ вэрну́у зъ війны́. Выходытъ банда напро́тиў нэ́го, а́лэ винъ ка́жэ: „Всё мы вэ́сэло, лышь чому́ моя жи́нка нэ выхо́дытъ напро́тиў мэ́нэ?" Тогды́ ёму повида́ютъ: „Ца́ру, та-жэ́ твэ́и жи́нки нэма́!" Тай пока́зуютъ ёму той лыстъ, що винъ ни́бы зъ війны́ пыса́ў. Винъ якъ то прочытаў, зомли́ў. Видтэ́рлы го, тогды́ тоты́ лю́дэ ка́жутъ: „Ца́ру, колы́ ты такъ, то мы тоби́ ска́жэмо пра́ўду: мы твэ́и жи́нки, ни дитэ́й нэ стра́тылы; мы вы́робылы зъ во́ску лялькй и то въ огэ́нь вэ́рглы, а твоя жи́нка пишла́ сы въ съвитъ!"

Тогды́ винъ забра́ўся и лойи́хаў йи шука́ты. Прыйи́хаў до то́го сэла акура́тъ, дэ она́ слу́жытъ и дэ ёго́ ди́ты бу́лы у па́па въ дворі́. Алэ она́ тамъ у шэ́ўця́ зноў вы́шыла трэ́тый такі́й ручны́къ и швэць то прода́ў за вэлы́ки гро́ши то́му па́пу до двора́. Тай прыйи́хаў тамъ вжэ той ци́саръ, зайи́хаў на́-ничь до па́па. Тай ра́но встаў, обмы́ўся, даю́тъ му той ручны́къ, абы́ ся поутыра́ў. А винъ низна́ў то вышы́ванье и ка́жэ: „Хто́ то вамъ такі́й ручны́къ шыў?" А папъ му ка́жэ: „То ту у шэ́ўця́ служытъ една́ шва́чка, то видъ нэ́и!" За́разъ ци́саръ писла́ў по ню слу́гы, абы́ йи прывэлы́. Алэ она́ тогды́ ся ду́жэ ўпу́дыла и ка́жэ до шэ́ўця́: „Бу́ду у васъ служы́ты за-дурно, лышь мэнэ́ дэ схова́йтэ!" Тогды́ швэць ка́жэ: „Лизь ту у скры́ню, я тя видвэзу́ на дэся́тэ сэло́!" Она́ полизла у скры́ню, а винъ тогды́ скры́ню на визъ и прывизъ ажъ до то́го па́па. Тай ка́жэ: „На́-тэ, прывизъ-емъ вамъ мэдвэ́дя!" Витворы́лы скры́ню, ды́вятся, а тамъ она́ сыды́тъ така́ обтала́пана, обдэ́рта. Тай такъ ся ўпу́дыла, жэ нэго́дна й сло́ва промо́выты. Алэ ци́саръ ся съ нэ́ў звыта́ў, пыта́ся: „Чого́ ты ся такъ ду́жэ бо́йшь? та то я—твій чолови́къ!" Тогды́ она́ ся вжэ обэзпэ́чыла тай розпови́ла всё, що́ съ нэ́ў бу́ло. Алэ ти два хло́пци падби́глы до поко́ю, а она́ ды́вытся-ды́вытъ тай пото́му пизна́ла тай ка́жэ: „Ой, та то мой ди́ты!" Тай показа́ла тоты́ зыґа́рки, що имъ нанысала на шы́ю. То щэ имъ тры дны выходы́ло до 12 ро́кіў.

Ажъ ту ды́вятся—прыйиджа́е до двора́ які́й-сь стары́й царь, сы́вый, а то буў ей та́то зъ-за мо́ра

(бо винъ ей шукáў по всимъ сьвйти, нэ мигъ найты). Тогды спизнáлыся и вжэ ся дýжэ ўтйшылы рáзомъ. А потóму вси забрáлыся и поййхалы до свóго двóру. Вжэ рáдисть такá порáда. Зробыў щэ цйсаръ дóма баль тэстя балювáў.

Тогды винъ взяў свóю мáтирь и завйзъ йи до такóго дворá, що ся въ нимъ ницъ нэ бýло вы́дко, и замкнуў йи тамъ; тай даў йій дви вязанки сйна и цэбря воды и кáжэ: „Якъ ты исъ тымъ вы́жыешь два мйсяци, тó ты дарýю жытьé!" Алэ прыйнжджáе въ два мйсяци, а онá вжэ ўмэрла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

48.

Безручка.

Едэнъ γáзда ййздыў въ лисъ всэ по дровá, алэ го нэ мигъ пойимáты жáдэнъ злисный. Ажэнь разъ якій-сь панъ ёгó пойимáў въ лйси и кáжэ: „Я тя тэпэрь подáмъ до суду, ты въ крыминалй зогныешь!" Винъ взяў просыты тóго пáна, а панъ кáжэ: „Абы-сь мы свóю доньку о 12-ій годыни выслаў на-двйръ, я тамъ до тэбэ прыйду!" Вжэ въ ночы о 12-ій годыни панъ прыйшóў пидъ викнó и запýкаў. Гáзда то учýў, збудыў свóю доньку тай выслаў йи на-двйръ. „Иды, кáжэ, отворы, хто-сь пýкае!" — Онá ся пэрэсты́ла тай пишлá, алэ тамъ нэ бýло никóго.

На другый дэнь той зноў поййхаў въ лисъ, а той-самый панъ зноў ёгó зйимáў. — „Я ты, кáжэ, казáў, абы ты мэнй выслаў доньку, а ты нэ послýхаў; пóчкай, я тобй дамъ!" — „Тá-жэ-мъ посылáў, алэ пáна нэ бýло!" — „То абы-сь мы тóи нóчы щэ йи пислáў!" — И у ночы знóву о 12-ій годыни прыйшóў той и запýкаў у двэри. Збудыў γáзда доньку, выслаў на-двйръ, тай онá выйшла, алэ нэрэсты́лася и нэ бýло никóго зноў.

Трэ́топ дыны зноў поййхаў хлопъ въ лисъ тай ёго́ панъ зйнма́ў, ка́жэ: „За́ўтра вы́вэзы доньку́ въ лисъ, а́лэ абы-сь йій пообтыпа́ў ру́ки по ликта́ тай лышы́ў йи ту́тки!" Тай хлопъ такъ зробы́ў: завйзъ доньку́ въ лисъ, повидтыпа́ў йій ру́ки и йи лышы́ў. У ночы́ о 12-ій годы́ни прыйшо́ў той панъ идъ ній, а она́ ся такъ нэрэрсты́ла ли́ктёмъ, то той панъ ся за́разъ дэ-сь диў видъ нэ́и, гы вйтэръ.

И такъ она́ жы́ла въ ли́си симь литъ. Чэ́рэзъ дэнь ходы́ла по ли́си и пыскомъ рва́ла то малы́ны, то корипьцй, то дэ́-що (бо рукъ нэ ма́ла), а въ ночы́ спа́ла собй въ еднїй я́ми. И той панъ всэ до нэ́и въ ночы́ прыходы́ў, а́лэ она́ ся видъ нэ́го всэ такъ ли́ктёмъ видрсты́ла.

А въ симь литъ бу́ло въ ли́си полюва́нье паны́ полюва́лы. А псы видъ ра́ня, якъ пишлы́, то ихъ нэ бу́ло до полу́дня, бо оны́ тамъ падыбалы тоту ди́ўку и йій ра́ны на рука́хъ лыза́лы. И едэ́нъ пэсъ вэрну́уся тамъ до пани́ў, хо́пыў ку́сныкъ солоны́ны и полэ́тиў наза́дъ идъ ній. А паны́ пусты́лыся за нымъ въ погоню и тамъ до то́и ди́ўки прыйшлы́ и взя́лы ся йи пыта́ты: „Ви́дки ты? що́ тутъ ро́бышь?" Она́ ка́жэ: „Я вжэ симь литъ ту́тка; вы́визъ мя та́то въ лисъ, повидру́блюваў мы ру́ки и лышы́ў ту!" Тогды́ паны́ йи взя́лы съ собо́ў. А буў мэ́жы ны́мы ци́сариў сынъ, го винъ йи собй ду́жэ ўподо́баў и ка́жэ: „Я ся бу́ду съ нэ́ў побыра́ты!" Тай побра́лыся обо́е и бу́лы такъ обо́е ра́зомъ пиў ро́ку.

А пото́му ци́сариў сынъ пишо́ў нсъ войськомъ на манэ́ўра на тры ми́сяци. Тай за той часъ ёго жи́нка ма́ла диты́ну тай напыса́ла до нёго, що ма́е фа́йного хло́пця, и той лыстъ пусты́ла на по́чту, абы́ йшоў ажъ до нёго. Такъ пшо́ў той лыстъ чэ́рэзъ сэ́ла, а́лэ той панъ, що пэ́ршэ ходы́ў до то́и ди́ўки, нэрэймы́ў той лыстъ и роздэ́ръ, а напыса́ў е́нчій: що она́ ма́е ни кота́, ни нса. И прыйшо́ў той лыстъ до ци́сарового сы́на, винъ прочыта́ў и ка́жэ: „Що е, най будэ́, най жые́!" И такъ видпыса́ў до жи́нки, а́лэ той панъ зноў нэрэймы́ў лыстъ и напыса́ў дру́гый: най она́ собй йдэ гэтъ, бо якъ винъ йи заста́нэ дома, то йій

смэрть зрóбытъ. Якъ той лыстъ тамъ прыйшóў до цисáрского бýрку, то йи ножáловалы, áлэ нэмá рáды нагнáлы йи гэтъ: прывязáлы йий дитыну такъ кóло цыцьки (бо онá рукъ нэ мáла) тай выправылы йи въ сьвитъ.

А онá пишлá въ той-самый бэ́ригъ, дэ бýла нэ́ршэ. И схотúло йий ся дýжэ воды, то найшлá керныцю тай лягла́ тай взяла́ пыты вóду. Алэ йий ся ликтá замочылы въ вóду, то зáразъ йий видрослы обú рýки. И онá тогды взяла тотý дитыну на рýки и пишлá дáли. Идэ́-идэ́, а въ лúси є хáта. Зайшлá до тóи хáты тамъ бýло що йисты, пыты, а никóго въ хáти нэ бýло. Тай онá ся въ тій хáти лышыла и вжэ ся тамъ заходыла.

А той ей чоловúкъ вэрнýўся до-дóму и взяў ся пытáты дэ є жúнка? Тогды ёмý сказáлы, що самъ винъ пысáў, абы йи гэтъ видпрáвылы, и показáлы му той лыстъ. Тай винъ тогды взяў сы слугý вьерного и пойúхаў йи шукáты. И зайúхаў тáмки въ той-самый лисъ, дэ онá сыдúла, и зайúхаў пидъ ничь до тóи хáты и зачáў ся тамъ просыты нá-ничь. Тай онá ёго прыймыла и спизнáла ёгó зáразъ, а винъ ей нэ спизнáў. Рáно вжэ дэнúло панъ взяў ся въ лúжку крушняты и пустыў дóли лúжкомъ рýку. А онá то увыдила тай кáжэ до сына: „Иды, Ясýню, пидоймы тáтовы рýку!“ Хлóпэць схóпыўся и пидняў му рýку на лúжко. А панъ зноў пустыў нóгу дóли лúжкомъ, то онá зноў кáжэ: „Иды, сынýню, заўдáй тáтовы нóгу на лúжко!“ И рáно панъ встаў и хóчэ йихаты дáли. Алэ той ёгó слугá всё то чуў, щó ся въ хáти робыло, и кáжэ: „Прóшу пáна, анý що положúтся на лúжко и ўдавáйтэ, що спытэ́, тай спустúтъ рýку дóли лúжкомъ; áлэ, кáжэ, нэ спитъ, тúлько слýхайтэ!“ Панъ лягъ тай спустыў рýку, слýхае. А онá зноў кáжэ до хлóпця: „Анý, сынýню, заўдáй тáтовы рýку на лúжко!“ Тай хлóпэць пишóў и заўдáў му рýку. Алэ панъ тогды схóпыўся, тóго хлóпця обцилювáў тай съ жúнкоў звытáлыся. Тай вжэ тогды пойúхалы до-дóму вси трóе.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

49.

Правда и кривда.

Було́ два бра́тьи едэ́нъ би́дный, а дру́гый бога́чъ. Тай той би́дный зложы́ў сы два́йцить ры́ньскихъ на бычки́ тай идэ́ на торгъ бычки́ купова́ты. А бога́чъ якъ то́е учу́ў, и соби́ ка́жэ: „Я пи́ду та́кжэ съ тобо́ў, бра́тэ!" Тай пишлы́ оба́ до ми́ста на торгъ. По доро́зи той бога́чъ ка́жэ до би́дного: „Тэпэ́рь, бра́тэ, ты всё, що́ трэ́ба, платы́, а наза́дъ вжэ я бу́ду платы́ты!" Тай би́дный платы́ў и за сэ́бэ, и за бра́та. Якъ прыйшлы́ до ми́ста, купы́ў соби́ би́дный бычки́, а́лэ вжэ му ся ницъ нэ лышы́ло а́ни ґрэ́йцара. А бога́чъ нэ купы́ў ничо́го. Тогды́ вжэ йдутъ обыдва́ наза́дъ до-до́му. Тай за якій-сь часъ той би́дный ка́жэ: „Ну, бра́тэ, тэпэ́рь вжэ ты ма́ешь платы́ты; дава́й мы йи́сты, бо я вжэ голо́дэнъ ду́жэ!" Алэ той ка́жэ: „Э, щэ часъ, иди́мъ щэ да́ли!" А той зноў ка́жэ: „Та що-жъ? я, бра́тэ, нэго́дэнъ вжэ и йты, та́къ-емъ зголодни́ў!" А бога́чъ тогды́ ка́жэ такъ: „Дай едно́ о́ко вы́няты, то ты дамъ хли́ба!" Ну, той буў ду́жэ голо́дэнъ и даў о́ко. Якъ вжэ той хлибъ зйиў, ишо́ў вжэ зно́ву зъ мы́лю, а пото́му ка́жэ: „Дай мы щэ хли́ба, бо-мъ нэго́дэнъ иты́!" Бога́чъ ка́жэ: „Дай дру́гэ о́ко вы́ймыты, то дамъ!" Тай вы́ймыў му вжэ дру́гэ о́ко и даў му зноў кавы́локъ хли́ба. Тай го тогды́ завиў пидъ фиґу́ру тай ка́жэ: „Туй сыды́, то лю́дэ, що бу́дутъ иты́ доро́гоў, бу́дутъ ты дава́ты хли́ба, то будэ́шь такъ жыў!" И тамъ го лышы́ў, а ёго́ бычки́ займы́у и пишо́ў до-до́му.

Тай би́дный такъ сыды́тъ пидъ фиґу́роў а́ни ру́шытыся нэ мо́жэ, бо сьлипы́й. Ажъ о 12-ій годы́ни въ ночы́ надлэ́тило таки́хъ тры пта́хи вирлы́, що ихъ бу́ло на цилы́й съвитъ ти́лько таки́хъ тры. Якъ тоти́ пта́хи тамъ посида́лы на фиґу́ру, то фиґу́ра ся ажъ стря́сла. И взя́лы ся ра́дыты тоти́ пта́хи. Едэ́нъ ка́жэ: „Въ мо́йій сторони́ злэ чу́ты: бра́тъ бра́товы за два кава́лки хли́ба вы́ймыў о́чы; а́лэ, ка́жэ, той я́къ-бы взяў, поли́зъ за мэ́жу́ и потэ́ръ сы тоў росо́ў о́чы, пото́му такъ за дру́гу мэ́жу́ и за трэ́ту, то зноў та́къ-бы выдиў, якъ пэ́ршэ!" А дру́гый птахъ ка́жэ: „Ой, въ мо́йій сторони́ тако́жъ злэ чу́ты: на цилэ́ ми́-

сто нно́ една́ керны́ця була́, а тэпэ́рь ся загамува́ла и вода́ ницъ нэ йдэ, гэтъ лю́дэ гы́нутъ бэзъ воды́, якъ му́хи, бо тамъ въ керны́цы зали́зла така́ жа́ба и заткала во́ду, то тому́ вода́ нэ йдэ; щобы́ ся такі́й найшо́ў, абы́ ту жа́бу вы́тягнуў, то́-бы такъ вода́ бу́хнула, ажъ по́-надъ вэрхъ!" А трэ́тый птахъ ка́жэ: „И въ мо́йій сторони́ нэдо́брэ чу́ты: цисаро́ва ду́жэ хора, то що́ вжэ дохто́ры зо всихъ сьви́тиў зйижджа́ются, нихто́ нэ го́дэнъ йій пора́ды-ты; а́лэ тамъ е така́ по́рхаўка пидъ пье́цомъ, то я́къ-бы той пьецъ розке́нуты и тоту́ по́рхаўку зви́дтамъ вы́ймыты и ўсу-шы́ты и да́ты то цисаро́вій пы́ты, то она́ була́-бы за́разъ здо-ро́ва!" Тай ти пта́хи такъ ся пора́дылы-пора́дылы тай полэти́лы зноў въ сьвиты́.

А той тамъ всё слу́хае пидъ фиґу́роў, а́лэ ты-хо́нько сыды́тъ, нэ ру́хаеся. Тай гада́е сы такъ: „Ану́, я потрибу́ю ли́зты за мэжу́—чы то пра́ўда?" Поли́зъ за еди́ў мэжу́, нотэ́ръ росо́ў о́чы—вжэ такъ вы́дытъ, якъ скризь сы́то; поли́зъ за дру́гу, зноў сы по-тэ́ръ вы́дытъ ли́пшэ; поли́зъ за трэ́ту, потэ́ръ—такъ вжэ вы́дытъ, якъ вы́диў пэ́ршэ. Тогды́ ўклякъ, помолы́ўся Бо́гу тай соби́ гада́е: „Чого́ я пи́ду тэпэ́рь до-до́му? я пи́ду соби́ въ сьвитъ!"

Тай пишо́ў до то́го ми́ста, дэ тота́ керны́ця ся загамува́ла. Прыйшо́ў тамъ на шынкъ и спу́ сы. Тамъ ся лю́дэ посходы́лы, нарика́ютъ, ра́дятся: прыйдэ́ ся вжэ загы́нуты бэзъ воды́! А винъ ка́жэ: „Я вамъ помо́жу, я вамъ зъ то́и керны́ци воды́ добу́ду!" Опы́ тогды́ ся ўти́шылы и ка́жутъ такъ: „Якъ ты намъ добу́дэшь воды́, то за́разъ ты дамо́ пятьсо́тъ ры́ньскихъ!" Тогды́ винъ каза́ў трёмъ хло́памъ спусты́ты ёго́ въ вэдри́ на́-дилъ до керны́ци тай ка́жэ: „А якъ я ланьцу-хо́мъ ру́шу, то абы́-сьтэ мя за́разъ тягну́лы на-гору́!" Якъ вжэ тамъ до дна диста́ўся, запха́ў тамъ у нору́ ру́ку и зла́паў жа́бу за ла́бы и вы́тягъ. Тай за́разъ ру́шыў ланьцухо́мъ, тай го вы́тяглы на-вэ́рхъ, а вода́ вжэ лэты́тъ въ-гору́, ажъ ся по по́лы порозлыва́ла. Тогды́ ёму́ гро́ши до рукъ зложы́лы и винъ пишо́ў.

Пишо́ў ажъ до то́го ми́ста, дэ цисаро́ва бу́ла хо́ра. Такъ зноў соби́ бо́комъ хо́дытъ, нэ сьмі́е до-ступы́ты до паля́цу. И пишо́ў на шынкъ и ка́жэ лю́дёмъ: „О-жэ, я які́й хлопъ, а я́-бы вы́личыў цисаро́ву!" Нэ вье́рылы

му, нэ вьерылы, алэ такой далы знаты до цйсара. Цйсарь казаў привэсты го до сэбэ и кажэ: „Памятай сы, якъ порадышь цисаровій, то вэлыки маетки дистанэшь, а якъ ни, то тя страчу!“ Тай винъ заразъ казаў той ньецъ розвалыты въ покою, а якъ вжэ розибралы до дна, винъ тоту порхаўку хопыў, ўсушыў, потоўкъ на порохъ и даў то цисаровій пыты, то заразъ цисарова стала здорова. Тогды ёму цйсаръ даў паку грошэй и даў му визъ и кони и выправыў го до-дому съ бандоў на параду.

Прыйнжджае винъ до свого сэла, а тамъ ёго братъ орэ на полы ёго бычкамы, що му видобраў. То винъ пизнаў брата сдалэку и кажэ: „Дай Божэ счистье!“ А той ёго нэ пизнаў, уклоныўся нызко тай кажэ: „Дай Божэ! дякую вэльможному пановы!“ А винъ тогды засьміяўся тай кажэ: „А що, братэ, добрэ мой бычки ходятъ?“ Той вжэ тогды стаў такъ, якъ каминь. Алэ винъ го вжэ взяў до сэбэ на брычку и поййхалы такъ оба у сэло. Прыййхалы до-дому тай вжэ тамъ балюются — трунокъ, рижнэ тамъ. Вжэ якъ ся едэнъ дэнь и другый побалювалы, розохотылыся, тогды той пытаеся брата: „Повиджъ мэни, братэ, якъ то е, що я тобі выймыў очы, а ты зноў выдышь, тай щэ маешь таки гроши?“ А винъ му кажэ: „Якъ ты такъ хочэшь маты такій маетокъ, то ходы, я тэбэ тамъ поставлю пидъ тоту фигуру и выбэру тобі очы, то й ты такъ будэшь маты, якъ я!“ А той богачъ самъ мае тилько маетку, що хиба пташачого молока нэ мае, алэ хочэ маты щэ більшэ. Тай заразъ пишоў пидъ фигуру, тай той ёму выколоў обыдви очы и кажэ: „Тэпэрь сыды туй, ту прылэтятъ таки тры птахи и повидятъ тобі вжэ — що маешь робыты?“ Тай забраўся назадъ до-дому, а того богача тамъ лышыў.

Тогды той сыдытъ тамъ и акуратъ о 12-ій годыни позлиталы зноў ти-самі вирлы, що тогды. Едэнъ кажэ: „А-то, дывится, вжэ тій керныцы якій-сь порадыў, и цисаровій порадыў, всюда порадыў!“ А другый кажэ: „Можэ хто ту буў та слухаў? ану, кажэ, подывимся — можэ и ныни хто слухае?“ Тай тогды злэтилы вирлы пидъ фигуру, а тамъ той сыдытъ. Тогды го зачалы быты, дзюбаты, ажъ му косты порозношувалы по цилимъ полы.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

50.

Два брата.

Булы два брáтья богáтый и бúдный. Бúдному Пáнъ-бигъ даў богáто диточóкъ. И винъ прыйшóў разъ до богáтого брáта, щобы́ го чымъ нэ́рэдъ новы́нкоў поратувáў. „Сáмъ-бы-мъ, кáжэ, съ жúнкоў вжэ якó-сь бидувáў, áлэ дúты съ-гóлоду плáчутъ, що кáра!“—Тогды́ той богáчъ кáжэ такъ: „Колы́ нэ мáешь чымъ дитэ́й годувáты, то еднó рижъ, а другúи тымъ годýй! я́ ты, кáжэ, ницъ нэ мóжу дáты!“ Тай той прыхóдытъ съ тымъ слóвомъ до-дóму и розповидáе жúнци, якъ го братъ видпрáвыў. Тай вжэ взяў и точытъ нижъ, абы́ еднý дитыну рúзаты. Алэ найстáрша дитына ся обзывáе: „Татýню, на-щó вы тóчытэ нижъ?“ А винъ кáжэ: „Казáў стрыко, щобы́-мъ васъ по еднóму рúзаў, а другúи тымъ годувáў!“ Зноў ся та дитына обзывáе: „Вы насъ, тáту, нэ рúжтэ! мы самú позаўмырáемо и будэ́мъ дóты мэртвú, дóки новы́й хлибъ нэ бýдэ!“ И такъ тогды́ Пáнъ-бигъ даў, що оны́ вси, тоты́ диточкú, по тимъ слóви позаўмырáлы. Тогды́ ихъ тáто поскладáў всихъ за пьецъ най вжэ лэжýтъ до новóго хлúба.

А жúнка тогды́ кáжэ ёмý: „Иды́ ты тэпэ́рь до лúса, мóжэ дэ-якý гýбу знáйдэшь, áбо щó, то зварымó тай будэмó мáты на вэчэ́ру!“ Пишóў винъ до лúса, идэ́-идэ́, áлэ съ-гóлоду зислáбъ тай сиў собú на пэнёкъ трóха спочыты. Тай ды́вытся, а зъ-пидъ пэнькá гáдына вылáзытъ и що-сь гэй блыщáчэ му покáзуе; и другúй разъ такъ вы́лизла, и трэ́тый, тай потóму той блыщáчый кáминь—дыя́мэнтъ, що мáла на головú, ёмý тамъ лышы́ла. А то такúй блыскъ удáрыў видъ тóго по всимъ лúси, ажъ óчы замружы́ў. Тай винъ тогды́ взяў той кáминь въ торбы́нку, нэсэ́ до-дóму тай рáдытся съ жúнкоў: „Нэзнáты, я́къ-бы то занэ́сты до пáна до двора́, мóжэ-бы даў хоть ґáрнэць мукú за тóе?“ И винъ то занúсъ до пáна, а панъ ся го пытáе: „Щó-жъ ты мэнú скáжэшь?“ Тогды́ винъ зачáў розповидáты, якъ въ лúси найшóў той кáминь, то мóжэ-бы панъ ёгó купы́ў? Тай вы́няў кáминь зъ тóрбы—блыскъ такúй удáрыў по покóю, що страхъ! Панъ ся тымъ дýжэ утúшыў, даў му за тóе рúжного маётку, вóлы, кóни и збúжа, гэтъ го пидпомúгъ.

А якъ тоті часы вжэ прыйшлы, такъ по Пэтри, тогды дйты за пьецомъ вси поўжывалы. Тогды той вжэ пхъ тато дякуваў Богу тай хотиў справыты на ту интэнцью обйдню. Пишоў до ксёндза тай ладытся вжэ до обйдни. Алэ жйнка того ёго брата богачова умйла добрэ варыты ййсты: о-то-жъ винъ идэ до нэи тай просытъ: „Ходйтъ до мэнэ, бо-мъ наймыў слўжбу-божу, тра яко-сь людэй погостыты; то можэ-бы-сьтэ зварылы дэ-що?" А той кажэ богачъ: „Добрэ, най йдэ!" Прыйшоў вжэ той дэнь, балюются красно, а той богачъ вжэ собй троха пидпыў тай пытаеся брата: „Скажы, яку ты ласку маешь у пана, що тя панъ такъ заратуваў?" А той крутытъ, нэ хочэ повйсты. Алэ богачъ натыскае, спокою му нэ дае: „Повйджъ тай повйджъ!" Тогды той кажэ такъ на-збытки: „Ну, вжэ скажу: я свойій жйнци выризаў прыроджйнье и запйсъ то до пана, то за то мэнй панъ такій маетокъ даў!"

Тогды той богачъ заразъ свою жйнку до-дому клычэ тай забралыся обое до-дому. Тай щэ по дорози йій всё оповиў, жэ братъ за жйнчыно прыроджйнье дистаў видъ пана вэсь маетокъ. „Зробймъ и мы такъ, кажэ, то панъ такжэ дастъ!" Тогды взяў, выризаў жйнци прыроджйнье, завынуў то въ папиръ и понйсъ до пана. Панъ ся пытае: „А що тамъ скажэшь?" А винъ кажэ: „Я прынйсъ пановы то, що мій братъ!" А панъ ся ўтйшыў, гадае сы: „Оў, дэ оны того тйлько бэрутъ?" Алэ той выняў тай положыў на стилъ. Панъ розвывае, дывытся тай кажэ: „Ну, що тамтой прынйсъ, то нэ ты!" Взяў хлопа мэжы слугы, збыу го, збыў, тай выкинуў лэдвэ жывого за браму. Той якъ ся спамятаў, встаў, идэ до-дому. Прыходытъ, а жйнка вжэ пэжыва. Тогды вся громада зійшлася, взялы го въ ланьцушкй тай виддалы до суду, а въ суди го за тое стратылы. Тогды цилый той ёго маетокъ пэрэйшоў вжэ на бйдного брата.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

51.

Счастье въ лѣсу на ели.

Булы два брáтьи: едэ́нъ буу бйдный, а другый богáтый. Тай разъ той бйдный у богáтого молотыу. Молотыу-молотыу, алэ пшэныця всэ скакáла зъ стодóлы за порйгъ. А тамъ такá мышь бйгала и тоту пшэныцю збырáла тай посыла зноу до стодóлы. Винъ ту мышь хотйу пойнматы, алэ му ся нэ давала. Тогды винъ ся взяу ей пытáты: „Щó ты е за еднá?" „Я твóго брáта счйстье!"—Тогды винъ пытáеся: „А моё дэ́е счйстье?" „Твоé счйстье въ лйси на ялыцы!"

Тогды винъ пишоу собй въ лисъ и вылизъ на ялыцю и сыдытъ. А тамъ кóло ялыци була хáта. Винъ дывытся прыйшлы до тóи хáты злодíи и кáжуть: „Утвожъ ся, здэ́бка!" [1] Хáта ся витворыла и оны вíйшлы и кáжуть: „Зáпэжъ ся, здэ́бка!" [1] Тай оны ся тамъ побалювáлы, а потóму выйшлы и пишлы гэтъ и зноу такъ казáлы, якъ выходылы: „Утвожъ ся, здэ́бка!"—а якъ вжэ выйшлы, то: „Зáпэжъ ся, здэ́бка!" Тай пишлы. А той хлопъ тогды злизъ бóрзо съ ялыци тай собй такъ кáжэ: „Утвожъ ся, здэ́бка!" —отворылася и винъ пишоу до хáты: „Зáпэжъ ся, здэ́бка!" —то ся запэрла за нымъ. И тамъ булы грóши, то винъ всэ брау и выносыу на-двйръ и ховáу; вынисъ вжэ дóста, тогды забрáу ти грóши и пишóу до-дóму.

Прыйшоу до-дóму тай тоты гроши хотйу мьеряты—кйлько ихъ е? И пислау до тóго богáтого брáта по чвэ́ртку. Прынэ́слы чвэ́ртку, тогды взяу тоты грóши мьеряты. Змьерыу, а пó-за обручй напхáу шусткй тай видослáу чвэ́ртку до брáта. А той кóутнуу чвэ́ртковъ объ зэ́млю, то тоты вылэтилы шусткй. Винъ ся пытáе тогды брáта—щó винъ ту мьеряу? Гроши! Тай взяу ся го пытáты видки винъ взяу тйлько грошэй? Той му взяу казаты: „Ходыу-емъ въ лисъ тáй-емъ вылизъ на ялыцю, а злодíи прыйшлы тай до хáты казáлы: „Утвожъ ся, здэ́бка! —зáпэжъ ся,

[1] Очевидно польскія выраженія: „Otworz się, izdebka!"—„Zatwórz się, izdebka!"

здо́бка"! а потому пишлы́ гэтъ; то тогды́ я сы набра́ў гро́шэй тай пишо́ў-емъ!"

Тай той бога́чъ взяу сы михъ и пишо́ў на ту ялы́цю сыди́ты. Сыды́ть, а злоді́и пишлы́ до ха́ты тай ся тамъ балюва́лы. Тогды́ вы́йшлы и пишлы́ гэтъ. Винъ злизъ бо́рзо съ ялы́ци тай ка́жэ до ха́ты: „Утвожъ ся, здо́бка!" Тай ся отворы́ла тай винъ тамъ увійшо́ў. Алэ тамъ було на столі́ ри́жнэ йи́сты и пы́ты, то винъ пэ́ршэ взяу ся балюва́ты; ажъ якъ ся побалюва́ў, тогды́ набра́ў гро́ши у михъ и хоти́ў гэтъ пты́, а́лэ вжэ забу́ў, якъ ма́е каза́ты, абы́ ся му ха́та витворы́ла. Каза́ў: „Пэрэвэрны́ся, ха́тка! утвожъ ся, ха́тка!" а́лэ нэ отворя́лася, тай винъ нэ мигъ вы́йты. Тогды́ вжэ взя́у тай схова́ўся тамъ за бочки́. Алэ злоді́и прыйшлы́, взя́лыся балюва́ты тай ся ду́жэ съміялы. А винъ й соби́ ся взяў съміяты за пымы. Оны́ тогды́ зача́лы шука́ты тай найшлы́ ёго́ за бочка́мы; тай взя́лы ёго́, поруба́лы на кава́лки тай пови́сылы на тій ялы́цы ко́ло ха́ты.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

—

52.

Счастье и бѣда.

Булы два бра́тьи: едэ́нъ буу би́дный, а другый бога́чъ. Тай оба́ бра́тьи посіялы пшэны́цю на едній ны́ви. То у би́дного ся фа́йна пшэны́ця ўроды́ла, а у богача́ ги́рша; а́лэ видъ того би́дного всэ хто-сь въ ночы́ браў пшэны́цю и до богача́ пэрэно́шуваў. Би́дный гада́ў сы, що то му братъ крадэ́ пшэны́цю, тай пишо́ў въ ночы́ вартува́ты. Тай ды́вытся, а тамъ якій-сь птахъ пшэны́цю ти́гае. Тогды́ винъ взяў, защу́рыўся тай пойима́у того́ пта́ха, а́лэ хоти́ў того́ пта́ха задуды́ты. Алэ птахъ ка́жэ: „Нэ душы́ мэнэ́, бо тэбэ́ бида́ задусытъ!"—„Хто-жъ ты е?"—„Я, ка́жэ, твого бра́та счи́стье!"—„А мо́е счи́стье дэ?"—Тогды́ птахъ ка́жэ: „Ты нэ ма́ешь счи́стья, бо у тэ́бэ е

бида нидъ прыничкомъ: алэ, кажэ, забыра́йся гэтъ въ сьвитъ, то тобі́ лишэ будэ!"

Тай винъ зибра́ўся съ жинкоу тай съ дитьмы йидэ гэтъ. А бида́ ся выхопыла зъ-нидъ прыничка тай зача́ла вэрэща́ты: „Йой, та ты йидэшь, а мэнэ́ лышаешь?" И чэпылася бида́ во́за, вэрэщы́тъ, нэ хо́чэ ся лышы́ты. Тай оны́ вжэ поййхалы съ бидо́ў, алэ грызу́тся, гада́ютъ сы: „Та дэ мы съ бидо́ў поййдэмо? съ бидо́ў насъ нихто́ и нэ прыймэ!" Алэ взялы въ ли́си видпочыва́ты, злизлы съ во́за тай хо́чутъ огэ́нь кла́сты. Пишо́ў ґазда за дрыва́мы тай ка́жэ до биды́: „Ходы́, помо́жэшь мы дроў нарубаты!" Взяў ду́ба гру́бого, розколо́ў тай ка́жэ бидй: „Нхай тутъ руку, най розко́лю ду́ба!" Бида́ запха́ла обі́ру́ки, тогды́ винъ пусты́ў, тай дубъ бидй ру́ки захо́пыў. Бида́ ска́чэ, вэрэщы́тъ вели́кимы голоса́мы, алэ ся нэ мо́жэ рушыты. А оны́ тогды́ фи́ру бо́рзо запря́глы тай поййхалы да́ли, а биду лышы́лы.

Тай прыййхалы до едного сэла́ наймы́лыся у пана на слу́жбу: чолови́къ буў за вокомо́на, жи́нка за куха́рку, а ди́ты на́слы ви́ўци. Тай сказа́ў имъ панъ: „Абы́-сьтэ мы вьѐриэ служы́лы, то вамъ до́брэ бу́дэ; а якъ ни, то васъ гэтъ видира́влю!" Алэ яко́-сь хло́пэць, якъ насъ ви́ўци, за́быў быча́мъ едну́ виуцю́. Сказа́ў та́товы, а та́то кажэ: „Ты́хо, ницъ нэ кажы́, бо бы ся панъ дужэ гни́ваў; я зако́плю виўцю́ въ до́бру тай ска́жэмо па́новы, що воўкъ ззиў!" Тай пишо́ў съ хло́пцёмъ копа́ты я́му на виўцю́. Ко́плэ, ажъ ды́вытся тамъ е ныўны́ця. Винъ взяў, витворы́ў, а тамъ са́ми бочки́ вси съ гри́шмы. Тогды́ винъ побі́гъ до па́на тай ка́жэ: „Хоти́ў-емъ виуцю́ закопа́ты тай-емъ найшо́ў ныўны́цю съ гри́шмы!" То панъ ся ду́жэ ўти́шыў, поййхау тамъ до ныўны́ци тай набра́ў ви́симъ во́зиў гро́шэй. Тай тогды́ ка́жэ до то́го хло́па: „Я тобі́ дамъ мій всій ма́ётокъ, а собі́ забэ́ру тоті́ гро́ши; я собі́, кажэ, бу́ду на пэ́нсьи жы́ты ты́мы гри́шмы!" Тай видда́ў му панъ гэтъ вси свои до́бра, а самъ съ ты́мы гри́шмы поййхаў.

Тогды́ винъ вжэ стаў вэлы́кимъ богачо́мъ, па́номъ, тай пы́шэ до сво́го бра́та: „Спрода́й всё свое господа́рство тай прыходы́ до мэ́нэ будэ́мо ра́зомъ панува́ты!" Тай той такъ зробы́ў: спрода́ў всё и йидэ. Йидэ тоў-само́ў доро́гоў, дэ бида́ бу́ла прыня́та у ду́би. Ка́жэ до нёго бида́: „Пусты́ мэнэ́

ви́дсы, то я тво́го бра́та зноў на биду́ звэду́, а ты будэ́шь па́номъ!" Винъ биди́ ру́ки вы́ймыў зъ ду́ба, пусты́ў йи, а бида́ тогды́ ся хо́пыла ёго́ шы́и и ка́жэ: „Вжэ тэбэ́ нэ попу́щу, до́ки жы́ты бу́дэшь!" Прыйи́хаў винъ съ тоў бидо́ў до бра́та, а братъ, якъ увы́диў биду́, дужэ ся розгни́ваў тай видогна́ў го гэтъ. Винъ ся завэрну́ў до-до́му, а́лэ вжэ бидува́ў, по́ки нэ ўмэ́ръ.

(Отъ Марін Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

53.

Танецъ съ чертомъ.

Буў дидъ и ба́ба; дидъ маў свою ди́вочку видъ нэ́ршои жи́нки, а ба́ба свою видъ нэ́ршого чолови́ка. Тай ба́ба свою лэда́чыцю ду́жэ ўлюбы́ла, а тоту́ на́сэрбыцю, якъ могла, то збыткува́ла, тай всэ до найги́ршои робо́ты йи заправля́ла.

Нэ зна́ла вжэ, що́ вы́гадаты, тай вы́правыла йи на́ничь до ли́са, до закля́тои ха́ты, абы́ тамъ просо опыхала. Пишла́ сы́рота, опыха́е-опыха́е, ажъ ту прыйшоў до хаты чортъ. Тай винъ йій ка́жэ: „Ходы́, ди́ўчэ, зо мноў танцюва́ты!" Ка́жэ му ди́ўка: „Та якъ я пи́ду танцюва́ты, колы́ нэ ма́ю спи́дныци?" Пишо́ў тогды́ чортъ, прыни́съ йій спи́дныцю тай зноў ка́жэ: „Ходы́, ди́ўчэ, танцюва́ты!" „Я нэ ма́ю чэрэвы́киў!" Прыни́съ чэрэвы́ки, ка́жэ: „Ходы́ танцюва́ты!" Ка́жэ, що нэ ма́е ху́стки, то кора́лиў, ри́жнэ. Такъ всэ посыла́ла чорта, ажъ йій всё попрыносы́ў. Якъ йій вжэ всё позносы́ў, ка́жэ: „Ну, ходы́ вжэ танцюва́ты!" „Пиду вжэ, ка́жэ, ниё щэ абы́-сь мы прыни́съ той-во́ горнэ́ць по́ўно гро́шэй!" Вы́была въ горшку́ дно, вы́копала я́му глубоку тай поста́выла горнэ́ць надъ тоў я́моў; а чортъ посытъ гро́ши тай по́сытъ, ажъ когу́тъ зани́ў. Чортъ тогды́ счэзъ, а ди́ўка сы вжэ да́льшэ опыха́ла. Ра́но прыйшла ди́ўка до-до́му тай кажэ та́товы: „Бэри́тъ, та́ту, михъ тай йи́дьмо по гро́ши до ли́са!" Пойи́халы, забра́лы тоти́ гро́ши зъ я́мы, то ти́лько

було, що лэдвы до-дому прывэзлы: можэ було й пять сотокъ. И убрáлася дйўка файно, ййдутъ до-дóму.

Увыдила тогды баба, що ся дйўци добрэ трафыло, гадáе сы: „О, то я йи вжэ тамъ бйльшэ нэ пущу! най тэпэрь вжэ моя ся троха пидномóжэ!" Выправыла вжэ на другу ничь свóю дйўку до тóи хаты. Пишлá дйўка, áлэ нэ опыхáе, ино ждэ на чóрта. Такъ вжэ коло пйўночы прыхóдытъ чортъ. Кáжэ йій: „Ходы, дйучэ, танцювáты!" А опá ёму тогды всё на-разъ вырахувала, жэбы йій прынйсъ всё крáснэ фáнтя и грóшэй поўный горнэць. Чортъ ужэ знаў, кйлько тамъ того трэба, прынйсъ йій всё видразу; тай якъ ўхопыў дйўку въ тáнэць, то такъ йи порозносыў, що кóжда кйстка окрэмэ була. Ждэ маты рáно на дйўку, ждэ, нэ прыходытъ! Пишлá тогды въ лисъ до хáты, а тамъ зъ дйўки тйлько кисточкй булы.

(Отъ Каськи Шалабской въ Борусовѣ.)

54.

Бѣда.

а). Такъ буў ковáль. То всэ прыходылы людэ до нэго та казалы: „Ой, бидá, бидá!" А той ковáль кáжэ: „Та я нэ выдэку нйўды биды: я йду, кáжэ, въ сьвитъ и буду тóи биды шукáты цы найду?"

Прыйшоў вянъ такъ до сыройдá. [1] — „Кобы-сьтэ мя, кáжэ, нэрэночувáлы!" „Добрэ, я ти нэрэночую: будэшь, кáжэ, съ вйўцима ту спáты!" „Та най будэ, добрэ!" Взяў винъ тамъ ночувáты, а сыройдъ кáжэ до сыройдыхи: „Вжэ остры ножй будэмо ковалй рйзаты!" А ковáль тотó учўў, то якъ выйшоў сыройдъ, шукáе го, а ёгó нэмá. А той сыройдъ нэ маў чымъ засьвиты, то всэ браў вйўци по однiй тай крузь викнó мэтаў. А ковáль собй обэрнуу кожушé, ўбрáўся такъ гы барáнъ ся зробыў, то сыройдъ и ёгó выварэгъ. А винъ за викнóмъ кáжэ: „А

[1] См. стр. 43.

сла́ва Го́споду, що ты й мэнэ́ вы́вэргъ!" А сыройи́дъ за нымъ, за нымъ, алэ нэ мигъ го догоны́ты.

Бижы́тъ кова́ль здыбау затя́тэ золотэ́ топоря́ въ дэ́рэви. Винъ видрыва́е, тай ёго́ рука́ прыллы́ла до то́го топоря́ нэ хо́чэ ся да́ты. Тай винъ видри́зау руку и ўтикъ.

Прыйшо́ў до-дому тай кажэ: „Ажъ тэпэ́рь я биду́ зна́ю, ни́зно ля́жу, ра́по ўста́ю!"

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

б). Такъ до коваля́ ходы́лы лю́дэ и всэ ка́жутъ: „О й, бида́!" А винъ ка́жэ: „Що́ то за бида, що я йи нэ зна́ю?" И такъ одно́го ра́зу зибра́ўся и йдэ шука́ты биды́. Идэ́-йдэ, здыба́е кова́ль шэ́ўця́. Ныта́ся: „Дэ ты йдэшь?" Швэць ка́жэ: „Отъ, иду́, абы́ нэ стоя́ты; а ты, ка́жэ, дэ?" „О, я йду соби́ шука́ты биды́ що́ то за така́ бида́?" „Ну, то ходи́мъ оба́!"

Идутъ-иду́тъ у ли́си була ха́та. Прыхо́дятъ до то́и ха́ты тамъ ночу́ютъ. Ра́по прыйшла́ сыройи́дыха (така́ съ еды́мъ о́комъ) и ныта́ся ихъ: „Що́ вы за едни?"

„Мы йдэмъ шука́ты биды́!" Едэ́нъ ка́жэ: „Я кова́ль!" а дру́гый ка́жэ: „Я швэць!" Тогды́ она́ взя́ла палы́ты въ пьецу. Напалы́ла въ пьёцу, ухо́пыла шэ́ўця́, вэ́ргла въ огэ́нь и винъ ся сникъ; тогды́ го вы́ймыла, укусы́ла два разы и ззи́ла всёго. И ка́жэ до коваля́: „А ты, колы́-сь кова́ль, то мэни́ другэ о́ко прыро́бышь!" И позамыка́ла двэ́ри, абы́ винъ куды́ нэ ўтикъ. И ка́жэ: „Ну, розника́й шы́ло, то мэни́ прыро́бышь дру́гэ о́ко!" Тогды́ кова́ль ка́жэ: „Внэсы́ мэни́ такі́й ланцъ, абы́ я ти звяза́ў!" Она́ внэ́сла ланцъ, винъ йи звяза́ў и кажэ: „Апу, прутны́ся, цы урвэ́шь?" И она́ ся прутнула и урва́ла. И винъ сказа́ў дру́гый прынэ́сты ланцъ и звяза́ў йи, а́лэ она́ зноу урва́ла. Тогды́ взяў тре́тый и звяза́ў, вжэ то́го нэ могла́ урва́ты. Тогды́ винъ розни́къ шы́ло тай взяў и въ то о́ко, що ма́ла, шы́ломъ дю́нуў, абы́ нэ выдила, абы́ ути́къ видъ нэ́и. Вжэ винъ такъ зробы́ў, она́ ся зъ бо́лю прутну́ла, урва́лася и взя́ла вжэ на нёго палы́ты въ пьецу. Хоти́ла й ёго́ снэчы́, а́лэ го нэ могла́ зла́пати, бо нэ вы́дила. А тамъ бу́лы у нэ́и ба-

раны, то винъ ся всэ хова́ў по́-за тыхъ бараніў. То она́ ла́пала ти бараны́ и кеда́ла по-е́дному крузь викно́ (бо боя́лася, я́къ-бы выпуща́ла въ двэ́ри, то и кова́ль бы ути́къ). И вы́мэтала бараны́, а́лэ той кова́ль маў такі́й кожу́хъ, що зъ барана́, тай взяў, у той кожу́хъ завы́ўся и ла́зытъ и всэ такъ: бэ-э-э, ни́бы й винъ бара́нъ. А она́ хо́пыла ёго́ за во́ўну и вэ́ргла й ёго́ крузь викно. Якъ ёго́ вы́вэргла, ка́жэ винъ: „Будь здоро́ва, би́до!“ — „Иды́-йды, я ти щэ пойима́ю!“

И винъ бижы́тъ, а у ли́си такъ яльця лэжы́тъ, а въ тій яльцы такъ затя́та соки́ра и золотэ́ топоры́щэ. Винъ за ту соки́ру пойима́ў, хоти́ў йи вы́рваты, тай нэ мигъ и ру́ку видирва́ты. А она́ йдэ вжэ за нымъ тай съміе́ся: „А я́ ты нэ каза́ла, що тя пойима́ю?“ А винъ вы́ймыў нижъ, ру́ку видри́заў тай ути́къ. Ути́къ ажъ до-до́му и ка́жэ: „Ажъ тэпэ́рь зна́ю, яка́ то бида́!“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

55.

Волшебная скрипка.

Служы́ў едэ́нъ слуга въ сгомо́сци и пасъ това́ръ и гоны́ў въ лисъ. Разъ соби́ взяў пря́дыва и плиў соби́ бычъ у трь мотузки́. А бида надійшла́ тай ка́жэ: „Що́ ты плэтэ́шь?“ „Плэту́, ка́жэ, мотузки́, вси би́ды буду ви́шаты!“ Бида́ ка́жэ: „Йой, що́ хо́чэшь, то́ ты дамъ, лышэ́ абы́-сь пасъ нэ ви́шаў!“ А той у биды́ увы́диў фа́йну скры́ку и чэрэвы́ки, то ка́жэ: „Дай мэни́ тоту́ скры́ку и чэрэвы́ки, то нэ бу́ду!“ Бида́ ёму́ да́ла и ка́жэ: „На тій скры́ци якъ загра́ешь, то всё будэ́ танцюва́ты цы чолови́къ, цы худо́ба; а въ тоты́ чэрэвы́ки якъ ся ўбу́ешь, то тэбэ́ тогды́ нихто́ нэ увы́дытъ!“

И такъ винъ ужэ́ попа́съ худо́бу у ли́си и вы́гнаў на то́локу, сиў сы на купы́ну и загра́ў на тій скры́ци, а худо́ба вся ся посха́пувала тай такъ наоколо нёго танцю́е, що гэй! Пото́му винъ займы́ў худо́бу до-до́му, а кеёндзъ ся пыта́е: „Чого́ такъ худо́ба попри́ла?“ „Я нэ

знáю, кáжэ, чого?" На дрýгый дэнь займы́ў винъ худóбу пáсты, а ксёндзъ пишóў потыхоньку за нымъ—дывы́тыся, щó винъ съ худóбоў рóбытъ? Тай сховáўся ксёндзъ такъ на краю лíса въ тэ́рнье. Ну, той попáсъ худóбу, зноў собí сиў на купы́ну. Якъ заграáў, худóба ся посхáпувала и танцю́е; а ксёндзъ собí тамъ въ тэ́рнёхъ тáкжэ танцю́е гэтъ ся покалíчыў, пообдыраáў. Тай вжэ винъ потóму стаў, займы́ў худóбу до-дóму. А ксёндзъ собí пишóў до-дóму, áлэ ся слузí нэ показáў. Прыйшóў ксёндзъ до-дóму и повидáе йимóсцы, якъ той слугá фáйно умíе грáты. Тогды́ йимосць кáжэ: „Анý, заграй и мэнí такои, най сы потанцю́ю трóхи!" Алэ ксёндзъ кáжэ: „Мэнэ ўпнитъ до стýпы, я нэ хóчу танцювáты!" Винъ якъ зачáў грáты, йимосць такъ по покóяхъ танцю́е, а ксёндзъ схопы́ўся тай зо стýпоў собí танцю́е, гэтъ ся обóе порозбывáлы нá-ницъ.

Тогды́ вжэ ксёндзъ напысáў по всихъ сэ́лахъ лыстъ, що такíй у нэ́го музы́ка е, що якъ заграе, то вси гуля́ты мýсятъ. И попрыйнжджáлы до ксёндза паны́ зо всёго сьвíта и казáлы тóму слузí грáты. Винъ якъ заграáў, то такъ паны́ гуля́лы вси, ажъ ся вжэ стинъ йимáлы. Винъ тогды́ стаў, а паны́ ёго осуды́лы взя́ты за тое на шы́бэныцю. Прывэлы́ ёгó пидъ шы́бэныцю, а винъ зачáў ся дýжэ просы́ты: „Дáйтэ мы мою скры́нку, най хоть съ нэ́ў умрý!" Далы́ му скры́нку, а винъ якъ заграў, то знóву вси паны́ зачáлы танцювáты наўкола шы́бэныци. А винъ тогды́ борзэ́нько тоты́ чэрэвы́ки зъ торбы вы́няў тай ўбуў, то вжэ го бíльшэ нихто тамъ нэ вы́диў. И винъ тогды́ пишóў собí вжэ въ сьвитъ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

56.

Какъ мужикъ занялъ у черта деньги.

Такъ буу едэнъ γазда бйдный и пишоу до биды и пожычыу собй видъ биды гроши. И казаў бидй, що за симь литъ вэрнэ му тоты грошн, а якъ-бы нэ вэрнуў, то го бида возьмэ на душу; и на то пидныса́ўся. Тай взяў грошн и такъ симь литъ γаздувaў и балюваўся зъ тыхъ грошэй. А лэ въ симь литъ прыйшоу вжэ той злый до нёго и кажэ: „Чы зла́дыў-есь гроши?" А винъ ка́жэ: „Та дэ-мъ зладыу? що нэ було колы! я ся, ка́жэ, що навить за твои гроши ни наййў доброэ, ни напыў, а ты вжэ хочэшь бра́ты наза́дъ!" Тогды ка́жэ злый духъ до нёго: „Ну, то ходы до корчмы, то наййшься и напьешься за мои гроши!" Пишлы оны до корчмы тамъ ся наййлы, напылы, а тогды ка́жэ хлопъ до биды: „Ну, ходы тэпэ́рь пидъ корчму, то ты гроши видда́мъ!" Выйшлы пидъ корчму, тогды хлопъ нэ́рнуу, разъ, и другый, и трэтый. Тай ка́жэ: „Зйнма́й тото́ тай завяжы въ γудзъ, то тогды ты гроши видда́мъ!" А злый ка́жэ: „И нэ йнма́ю и γу́дза нэ вяжу и гро́шэй вжэ видъ тобэ нэ хочу!" Тай забра́ўся и полэтиў.

Потому ся о тимъ довйдаў едэнъ бога́чъ въ сэлй, що той такъ чорта змудрува́ў, тай пишо́ў и собй пожыча́ты видъ биды гроши. И пожы́чыў тоты гроши на симь литъ и пидныса́ўся бидй на душу. Тай пакуныў собй бога́чъ за тоты гроши волйу, конэй, рйжного маётку. А потому зачаў гадаты що-бы то зробыты, абы грошэй бидй нэ видда́ты? Тай взяў камйнье возыты и за симь литъ навозыў вэлычэзну купу камйня. А въ симь литъ вжэ злый духъ прыйшоў по гроши. „Цы зла́дыў-есь, ка́жэ, гроши?" А бога́чъ кажэ: „Якъ поста́вышь за ничь млынъ и змэлэшь мэнй то камйнье, то тобй гро́ши видда́мъ!" Алэякъ злый свыспуў, якъ ся чорты позлита́лы, поста́вылы млынъ и всё камйнье змололы до ра́на на муку. И тогды взялы вжэ того богача́ на душу.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

57.

Какъ чертъ бѣжалъ отъ злой жены.

Такъ була́ ба́ба вдовы́ця и нэ могла́ ся видда́ты. Тай ка́жэ разъ: „Ой, Бо́жэ-Божэ, вжэ й за биду́ бы-мъ пишла́, кобы́ мя взяў!" А бида́ йдэ тай ка́жэ: „Ну, пидэ́шь за мэ́нэ?" „Ой, пиду́!" Пожэны́лыся, γаздуютъ собо́й. Алэ ба́ба пото́му увы́дила, жэ спытъ съ бидо́ў, а пицъ видъ биды́ нэ чу́е, тай набы́ла биду́ и нагна́ла фо́сы кона́ты. И нэ дае му на ца́лый дэнь ничо йи́сты, лышь кусэнь хлі́ба. И всэ бье, всэ бье.

Конлэ бида́ фо́су, а йдэ робі́тныкъ дорогоў. Пыта́е го ся бида́: „Дэ ты йдэшь?" „Иду́ на робо́ту!" „А цы ма́ешь ты жи́нку?" „Ой, ма́ю!" „Тай-есь, ка́жэ, лышы́ў йи?" „Лышы́ў! або що́ таке́?" А бида́ ка́жэ: „Та-бо й я та́ки ма́ю жи́нку; такъ мэнэ́ вжэ ку́рва сушытъ, що страхъ! цы можъ ей, ка́жэ, лышы́ты?" „Та чому ни? можъ!"

Тай бида пишла́ съ тымъ робі́тныкомъ и кажэ до нэ́го: „Иды́-жъ ты тэпэ́рь до того ми́ста: я тамъ бу́ду у бровары́ воюва́ты, а ты прыйдэшь я ты ся пока́жу и ты мэнэ́ вы́жэнэшь, то диста́нэшь вэлы́ку надгороду!" Тай бида́ полэ́тила напэ́рэдъ, тамъ вжэ въ бровары́ вое́ куфы розбыва́е, ны́во розлыва́е, о́чы забры́зкуе робі́тныкамъ, ро́бытъ збы́тки, що вси поўтика́лы. Прыхо́дытъ той чолови́къ до ми́ста тай ка́жэ: „Я тоту́ биду́ вы́жэну зъ бро́вару!" Прыхо́дытъ до бровара, а тамъ бида́ сыдытъ на пьецу. Взяу винъ собо́й кочэ́ргу, биду набы́ў вы́гнаў гэтъ. Побу́ў тамъ щэ зъ ты́ждэнь тай вжэ въ бровары́ спокій: диста́у дви сотки тай пишо́ў сы гэтъ.

Тай зды́баўся зноў съ бидо́ў, а бида́ му ка́жэ: „Я тэпэ́рь лэ́чу до едно́го сэла́ до пропина́цьи тай зноў тамъ бу́ду воюва́ты!" Прыхо́дытъ той робі́тныкъ до то́го сэла́, ка́жутъ му лю́дэ, жэ тамъ у пропина́цьи така́ яка́-сь суета́, ра́ды собі́ нэ можъ съ бидо́ў да́ты. А винъ ка́жэ: „Я-бы даў ра́ды!" Прыйшо́ў винъ тамъ, взя́ў сы кочэ́ргу, вы́гнаў биду, набы́ў. Вжэ спо́кій. Дали́ му тры́ста рі́ньскихъ, пишо́ў.

Идэ́ винъ. здыбаўся съ бидоў. тай му ка́жэ бида́: „Иды́-жъ ты соби́ тэпэ́рь съ ты́мы гри́шмы до-до́му. а я йду до е́дного па́на. вжэ соби́ тамъ буду ўаздува́ты; а́лэ ты, ка́жэ. вжэ абы́-сь нэ йшоў мэнэ́ звидтамъ выганя́ты. бо-бы твоя смэрть була́!“ Тай такъ розійшлыся: той чолови́къ пишо́ў соби́ до сво́го до́му. а бида́ полэтила до па́на.

Тай тамъ такъ бида́ въ двори́ вою́е. нэ мо́жъ жы́ты. Алэ панъ ся дэ-сь дови́даў. же е такі́й хлопъ. жэ биду́ вжэ въ двохъ вы́гнаў ми́сцёхъ. тай за́разъ панъ. пойи́хаў по то́го хло́на. Прийижджа́е и ка́жэ: „Ходы́. вы́гоны мы биду́ зъ двора́. бо якъ нэ йдэшь. то тя стра́чу!“ Тай той хлопъ вжэ съ па́номъ пойи́хаў: всё му е́дно я́къ умыра́ты. Прыйижджа́ютъ до двора́. а бида́ сыды́тъ на ко́мыни. Тай ка́жэ бида́ до то́го хло́на: „А ты чого прыйшо́ў? чы я ты нэ каза́ў. жэ тво́я смэрть ту бу́дэ?“ Алэ хлопъ ка́жэ: „Я нэ йду тэбэ́ гоны́ты. я лышэ́ йду тоби́ каза́ты. жэ твоя́ ба́ба за тобо́ў шука́е вжэ сюда́ йдэ!“ „А цы далэ́ко щэ?“ „О. та́ки вжэ за воритьмы́!“ -Якъ ся бида́ пану́дыла. якъ съ ко́мына ско́чыла. тай сы го́лову зломы́ла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

58.

Девять неправдъ.

Такъ булы тры братья два мудри. а на́ймолодшый дурны́й. Тай оны́ пишлы́ вси тры въ доро́гу тай захопыла ихъ ничь въ ли́си. А тамъ у ли́си гори́ў огэ́нь. тай оны́ хоти́лы йты за огнёмъ. Пишо́ў найста́ршый братъ. а то злодіе кла́лы соби́ тамъ огэ́нь. Тогды ёго́ пыта́еся той найста́ршый зло́дій: „Чого́-ты прыйшо́ў?“ „Да́йтэ мэни́ огню́!“ Той ка́жэ: „Дамо́ ты. а́лэ скажы́ намъ дэ́вьить нэпраўдъ; а якъ нэ ска́жэшь. то ты вы́дрэмо видъ головы́ ажъ до рэмэ́ня пасъ и засы́плэмъ то ячми́нноў половоў!“ Алэ винъ нэ ўмиў сказа́ты. то му вы́-

дэрлы пасъ, засыпалы полóвоў тай нагнáлы го гэтъ. Тогды пишóў сэрэдýщый братъ за огнёмъ, тай знóву му такъ той злóдій кáжэ: „Якъ намъ видгадáешь дэ́вьить нэпрáўдъ, то дóбрэ; а якъ ни, то ты выдрэмо пасъ видъ головы ажъ до рэмэ́ня!“ Винъ нэ ўмиў видгадáты, тай му выдэрлы пасъ и нагнáлы. Тогды пишóў вжэ дурный идъ нымъ, то зноў му такъ злодіе кáжутъ: „Скажы дэ́вьить нэпрáўдъ, бо якъ нэ скáжэшь, тó ты выдрэмо пасъ, якъ твóимъ брáтьимъ!“ Винъ тогды кáжэ: „Дóбрэ, я скáжу! áлэ абы-сьтэ ся никóтрый нэ обзывáлы, бо якъ ся котрый обызвэтэ, то я тогды выдру вамъ усимъ по пáси!“ — „Дóбрэ!“

Тай тогды зачáў имъ казáты:

„Я молотыў на дýби горóхъ; гороховя́нка пáдала на зэ́млю, а горóхъ ся на дýби лышыў. Потóму-мъ злизъ съ дýба тай йду дорóгоў, а тамъ въ вэ́рби пыщáтъ шпáки варэ́ни-нэчэ́ни; ихáю у дуплó рýку нэ можъ, ихáю нóгу нэ можъ; áлэ якъ-емъ ся дóбрэ нотыснýў, то-мъ ся всій увійшóў. Я забрáў шпáки за пáзуху, хóчу вжэ йты назáдъ: áлэ ихáю рýку нэ можъ, ногу нэ можъ! А я собí нагадáў, що въ мóго тáта е старэ́ топорыщэ, тай-емъ побигъ тай прынисъ. Тогды-мъ вырубаў дуплыщэ, ажъ-емъ вжэ мигъ вылизты. Йду дорóгоў, прыйшóў-емъ надъ мóрэ, тай мы ся схотило воды. А насэ́рэдъ мóря бýла керныця. А я маў лупыну изъ горóху, то-мъ на ню сиў и пойихаў по мóру, напыўся воды зъ керныци тай йиду назáдъ. Алэ топорыщэ зъ-за рэмэ́ня ўпáло въ мóрэ, нэ мигъ-емъ го дистáты. Тогды я пишóў до дида, узяў зэлизни выла, вычэрпаў вóду зъ мóря тай найшóў-емъ топорыщэ и заткáў зноў за рэмиинь. Йду чэ́рэзъ пасóвыщэ, а тамъ пасэ́ старá кобылыщэ. Я тогды сиў на кобылыщэ тай йиду. А топорыщэ якъ зачáло цюпаты въ кобылу, тай пэрэцюпало на-двóе. Я тогды изли́зъ, зрубáў зъ вэ́рбы киў тай збыў до-кýпы кобылыщэ. Тай йиду я собí, ажэ́нь гоў! нэ можъ дáли! Я ся обэртáю, а на кобыли выросла вэрбá ажэ́нь до нэ́бо тай запяла у нэ́бо. Тогды я полизъ гóри тій вэ́рби—ажэ́нь на вэршóкъ. А тамъ бýла хáта. Я ввійшóў до хáты—тамъ бýло пыты, йисты, то-мъ сы попойиў и напыўся. Выхóжу зъ хáты, а вэрбы вжэ нэмá дэ-сь ся подила. Алэ тамъ булá въ кýтыку ячмиина полóва. Тай я взяў, зачáў зъ тóи полóвы крутыты вузыщэ тай зачáў-емъ ся спускáты на зэ́млю. Алэ-мъ выкрутыў усю полóву, тай нэ стáло,— щэ бýло до зэмли на штыры сяжни. Тогды я зачáў съ-горы

вузыцэ рваты, а на-долыни зсыляты, тай такъ лизу на-долыну. А тогды прылэтилы пчолы тай залэтилы мэни у пысокъ. То мэни тогды зачаў мидъ тэчы зъ пыска, а людэ попрылиталы исъ збанкімы тай набыралы мэду. А найстаршый злодій зъ-мэжы васъ прыйшоў тай лызаў то, що на зэмлю пакапало"...

Тогды той злодій кажэ: „О-то вжэ пэпраўда!" Тогды той дурный выдэръ злодіямъ по паси видъ головы ажъ до рэмэня, узяў сы огню тай пишоў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

59.

Панъ Коцкій.

Такъ буу у едного γазды китъ тай нэ хотиў йиматы мышы, бо буў старый. Тай γазда взяў и видвизъ котавъ лисъ. Улиси китъ издыбаўся съ лысычкоў тай лысычка взяла ёто до свэи ямы. Кажэ: „Ты нэ масешь жинки, а я нэ маю чоловика, то будэмъ разомъ γаздуваты!"

Тай разъ заяць ся здыбаў съ тоў лысычкоў и кажэ: „Лысычко, я прыйду сэи почы до тэбэ!" А она кажэ: „Йой-йой, бійся Бога, нэ прыходы, бо въ мэнэ е панъ Коцкій, то винъ бы тэбэ зайиў!" Тай заяць тогды побигъ и уповиў всимъ звирыимъ, що у лысычки е якій-сь панъ Коцкій, страшный дужэ. А звири ся порадылы тай кажутъ: „Испраўмо мы для нёго гостыну, то увыдымо, що то за панъ Коцкій такій?" Тогды пишоў воўкъ за мясомъ, мэдвидь за мэдомъ на закуску, дыка свыня пишла за бульбамы, а заяць за капустоў. Тай зладылы для пана Коцкого обидъ.

Тогды послалы заяця до пана Коцкого. Заяць прыбигъ идъ лысычыній ями тай стаў сы на двохъ лабкахъ. Лысычка выйшла зъ ямы тай кажэ: „Чого ты прыйшоў?" А заяць кажэ: „Просятъ звири, абы панъ Коцкій тай ты прыйшлы-сьтэ на гостыну!" Лысычка кажэ: „Заки мы прыйдэмъ, то кажы звирыимъ, абы ся поховалы, бо панъ Коцкій

всихъ бы пороздыра́ў!" За́ки панъ Коцкій прыйшо́ў на гостыну, вси звирй ся похова́лы: мэдвйдь вылизъ собй на ялыцю, дыкъ залйзъ въ лыстье, воўкъ схова́ўся мо́жы ко́рчи, а за́ячыкъ залйзъ пидъ лопу́хъ тай стулыў у́ха. Тогды панъ Ко́цкій прыйшоў исъ лысычкоў и зййлы собй обое той обйдъ. Алэ пото́му винъ ка́жэ: „Тото́ щэ ма́ло!" А звирй то учу́лы тай ся дужэ пэрэстра́шылы. Тай дыкъ зъ лыстья фостомъ мэ́лькнуў, а китъ гада́ў, що то мышь, тай за фистъ ланъ! Дыкъ тогды схо́ныўся, зача́ў утика́ты, а китъ ся дыка дужэ напу́дыў тай ско́чыў го́ри тоў ялыцэў, дэ мэдвйдь сыдйў. Мэдвйдь тогды зача́ў на самъ вэршо́къ го́ри ялыцэў лйзты, а́лэ ся вэршо́къ зломыў, тай мэдвйдь упа́ў на зэ́млю тай ся за́быў. Тогды вси дру́ги звирй собй зача́лы утика́ты гэтъ ся розлэ́тилы по всимъ лйси. А панъ Ко́цкій тогды злизъ съ ялыци и пишоў зноў до кумы лысычки γаздува́ты.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

—

60.

Волково счастье.

Такъ ишоу воукъ исъ лысомъ и ка́жэ лысъ до воука: „Ты, кумэ, будэшь ныныка ма́ты якé-сь счйстье, бо на тэ́бэ со́ньцэ прытрйло!" Тай пото́му лысъ пишо́ў собй у едэ́нъ бикъ, а воўкъ у дру́гый. Алэ воўкъ собй тотй слова́ добрэ запамята́ў.

Тай воу́къ идэ́-идэ́ -надыбаў ку́сэнь солоныны. Алэ гадáе сы такъ: „Я бу́ду щэ ма́ты счйстье, то на-що мэнй то́и солоны́ны? я собй що лйпшого щэ знайду!" Тай лышыў солоныну тай пишоў. Идэ́ да́ли пасэ́ся кобыла съ лоша́тёмъ. Прыйшо́ў воўкъ идъ нiй тай ка́жэ: „Я твоé лоша́ ззимъ!" Алэ кобыла ка́жэ до нéго такъ: „Якъ моé копыто прочыта́ешь, що́ тамъ напысано, то тогды тобй дамъ лоша́!" Тай наста́вылаёмý копыто, абы чыта́ў, тай уда́рыла го по зуба́хъ, ажэ́нь упа́ў. Тогды забра́ўся воўкъ тай

пишоу дали пытаты счистья. Идэ-йдэ, а тамъ пасэся свыня съ пацятамы. Винъ кажэ: „Я твое паця ззимъ!" А свыня кажэ: „Та якъ будэшь йисты, колы оно дужэ бруднэ? я, кажэ, пиду тай го умыю тай щэ хрину до того прынэсу, то го тогды зйишь!" Воукъ сиу тай чэкае, алэ свыня ся пэ вэртала пэ мигъ ся дочэкаты. Тай пишоу, идэ пасутся бараны. Винъ прыйшоу идъ нымъ тай кажэ: „Я еднoго зъ васъ иззимъ!" Алэ бараны кажутъ такъ: „Добрэ, вжэ еднoго зйишь! алэ щэ пэршэ ходы съ намы, бо мы маемо еднoго пэбищыка ховаты, то намъ будэшь за дякa сьпиваты!" Воуковы ся то подобало и пишоу съ баранамы у сэло. И тогды сиу сы на горбочку тай якъ завыу, то людэ повыбигалы съ псамы, якъ зачалы воука быты, ажъ забылы на смэрть.

Такэ то було воуковэ счистье!

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

61.

Собака и волкъ.

Мау γазда пса называуся той пэсъ Тэрко. Винъ чэрэзъ всій свій викъ тому γазди вирнэ служыу, алэ на старисть вжэ пэ мигъ. Тай тогды го γазда взяу тай нагнау гэтъ.

Идэ пэсъ, идэ здыбауся съ воукомъ. А воукъ ся его пытае: „Дэ ты йдэшь?" Винъ кажэ: „Нагнау мэнэ мій γазда гэтъ, то йду на жэбры!" Тогды воукъ кажэ: „Я тэбэ такъ пораджу, що тэбэ γазда зноу будэ шановаты; якъ заутра, кажэ, пидэ γазда въ полэ пишэныцю жаты и вынэсэ съ собоу малу дитыну, то я забигну тай дитыну ухоплю, а ты тогды будэшь за моу лэтиты и дитыну видъ мэнэ видбэрэшь и занэсэшь свому γазди!" Выйшоу γазда съ жинкоу жаты пишэныцю тай вынисъ дитыну и положыу пидъ кинку. Тогды воукъ забигъ тай хлопця ухопыу, зачау утикаты. А Тэрко тогды за воукомъ, воука догопыу, видобрау дитыну

и зани́съ свому γа́зди. Га́зда за́разъ вы́ймыу изъ то́рбы кава́локъ солоны́ны и хлиба и даў то Тэрко́вы. И пото́му вжэ ёго́ трыма́ў и годува́ў до́брэ; вжэ го шанова́лы вси за то, що диты́ну видкуны́ў видъ во́ука.

Алэ разъ пэсъ вы́йшоў зноў у по́лэ тай здыбаў само́го-то́го во́ука. А воукъ ка́жэ: „Цы пра́уда, що-мъ тя до́брэ пора́дыў? я́къ-жэ ты мэни́ тэпэ́рь за то видилаты́шь?" А пэсъ ка́жэ: „Ходы́, у мо́го γа́зды е кома́шня, то я тя до́брэ нагоду́ю!" Тай запрова́дыў во́ука до ха́ты на кома́шню, такъ що нихто нэ вы́диў, и ка́жэ: „Лизь нидъ стиў, а я тя бу́ду трахтова́ты!" Тай даў му тамъ хлиба, солоны́ны, пыроги́ў тай фля́шку гори́уки. Алэ ся воўчы́ско ду́жэ тоу гори́ўкоу ўны́ў тай ка́жэ до пса: „Я тэпэ́рь бу́ду сьнива́ты!" А пэсъ му ка́жэ: „Бі́йся Бога, сыды́ ты́хо!" Алэ воўкъ буў вжэ ду́жэ пьяны́й тай завы́ў, то едни́ лю́дэ зъ ха́ты поўтика́лы, а дру́ги взя́лыся до во́ука бы́ты. Тогды́ Тэрко́ лягъ на во́ука и нэ даў го бы́ты. Тай вы́виў во́ука въ лисъ, а самъ вжэ жы́ў ко́ло γа́зды ажъ до смэ́рты.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ).

62.

Коза.

Маў γа́зда жи́нку и дви ди́уки. Тай куны́ў сы козу и заста́выў ста́ршу ди́ўку козу́ па́сты. Ка́жэ до нэ́и: „Абы́-сь козу́ до́брэ па́сла, бо якъ будэ́ голо́дна, то тя зари́жу!" Прыгна́ла ди́ука вжэ козу́ съ па́ши до-до́му, тогды́ γа́зда пыта́еся козы́: „Цы йи́ла ты, ко́зочко, цы пы́ла ты?" А коза́ ка́жэ: „Ни йи́ла я, ни пы́ла я! би́гла-мъ чэ́рэзъ лисо́чокъ, хо́пыла-мъ клэ́ню лысто́чокъ, стэбэльцэ́ травы́ци, лы́жку воды́ци!" Тогды́ винъ взяў тай тій ди́ўци го́лову видтя́ў.

И зноў дру́гу ди́ўку заста́выў па́сты козу́. Прыгна́ла ди́ўка козу́ до-до́му, зноў ка́жэ коза́: „Ни йи́ла я, ни пы́ла! би́гла-мъ чэ́рэзъ лисочокъ, хо́пыла-мъ клэ́ню лысто́чокъ, стэбэльцэ́ травы́ци, лы́жку воды́ци!" А γа́зда й дру́гій ди́ўци видтя́ў го́лову.

А видтакъ заставыу вжэ свою жинку козу пасты. Пасэ жинка козу, годуе, потому прыгнала йи до-дому, а коза кажэ: „Ни йила я, ни пыла я! бигла-мъ чэрэзъ лисочокъ, хопыла-мъ клэню лысточокъ, стэбэльцэ травыци, лыжку водыци!“ Тай γазда взяу тай жинци голову видтяу.

И займыу вжэ самъ козу пасты. Напасъ козу, прыгнау до-дому и пытае йи ся: „Цы йила ты, цы пыла ты, козочко?“—„Ни йила я, ни пыла я! бигла-мъ чэрэзъ лисочокъ хопыла-мъ клэню лысточокъ, стэбэльцэ травыци, лыжку водыци!“—Тогды γазда якъ узяу козу быты, набыу-набыу, лэдвы утикла.

Алэ она була китна. То залэтила въ лисъ, найшла сы тамъ яму тай уродыла козыня. Тай выйшла троха пасты, а потому ся вэрнула до ямы тай кажэ: „Выйды, выйды, козынятко, выссы мое цыцынятко, а въ цыцэчкахъ молочко, а на рижкахъ синцэ!“ Козыня выйшло тай ссало. Тай коза такъ всэ ходыла пасты, а потому козыня до сэбэ такъ клыкала. Алэ воукъ то чуу, тай якъ коза зноу пишла до лиса, прыйшоу надъ яму тай клычэ: „Выйды, выйды, козынятко, выссы мое цыцынятко, а въ цыцэчкахъ молочко, а на рижкахъ синцэ!“ Алэ козыня чуло, жэ то енчій голосъ, тай нэ выходыло. Прыйшла коза тай кажэ: „Выйды, выйды, козынятко, выссы мое цыцынятко, а въ цыцэчкахъ молочко, а на рижкахъ синцэ!“ Тай оно выйшло, поиссало, зийло синцэ тай кажэ до мамы: „Мамо, мэнэ ту що-сь клыкало!“ А коза кажэ: „Абы-сь ся нэ дало зрадыты, бо то можэ якій нэпрыятиль!“ Алэ воукъ вжэ добрэ слухау, якъ коза клычэ, тай коза пишла въ лисъ, а воукъ прыйшоу тай кажэ вжэ тонкимъ голосомъ: „Выйды, выйды, козынятко, выссы мое цыцынятко, а въ цыцэчкахъ молочко, а на рижкахъ синцэ!“ Выбигло козыня, а воукъ хопыу го тай иззиу. Зализъ у яму—чэкае щэ на козу. Прыйшла коза зъ лиса тай клычэ: „Выйды, выйды, козынятко, выссы мое цыцынятко, а въ цыцэчкахъ молочко, а на рижкахъ синцэ!“ Вылэтиу воукъ, хопыу козу, задушыу и ззиу.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ).

63.

Пѣтухъ и курица.

Мау дидъ когутыка, а ба́ба ку́рочку. Тай бабына курочка нэсла я́йця, а ди́диў когутыкъ ницъ нэ робы́ў—та́кой ходы́ў. Ба́ба всэ дэ́-що соби́ за ти я́йця купова́ла, а дидъ на́вить нэ мау що закуры́ты. Тай дидъ когута́ нагна́ў на слу́жбу.

Пишоў когу́тъ, зайшо́ў до едно́го па́на. Тай вы́лэтиў собі́ на дахъ тай запі́яў: „Въ мэ́нэ ша́пка позлаца́на, а въ па́на засра́на! кукури́ку!" Панъ тото́ учу́ў тай когута́ йнмы́ў тай вэргъ у во́ду—гада́ў, що ся когу́тъ ўто́пытъ. Алэ винъ напы́ўся воды́ до́брэ тай вы́лэтиў зъ воды́ на дахъ тай зноў такъ пі́е: „Въ мэ́нэ ша́пка позлаца́на, а въ па́на засра́на! кукури́ку!" Тогды́ панъ розлю́тыўся и вэргъ когута́ въ огэ́нь. Алэ винъ тоў водо́ў, що ся напы́ў, огэ́нь залі́яў, загасы́ў, тай му ничо́ нэ шко́дыло. Вы́лэтиў на дахъ и щэ ду́жчэ па́новы пі́е: „Въ мэ́нэ ша́пка позлаца́на, а у па́на засра́на! кукури́ку!" Тогды́ панъ пойима́ў когута́ и вэргъ до пыўны́ци. А въ пыўны́цы бу́лы гро́ши, то когу́тъ набра́ў, налы́γаў по́ўно гро́шэй у сэ́бэ, заткаў сы γрэ́йцаромъ на за́ди диру́, абы́ гро́ши нэ вылита́лы, тай вы́лизъ крузь диру́ изъ пыўны́ци на-дви́ръ. Тогды́ вжэ полэ́тиў про́сто ажэ́нь до ди́да. Алэ по дорози вы́наў му той γрэ́йцаръ, що заткаў сы нымъ на за́ди. Тай прылэ́тиў когу́тъ до ди́да тай му натря́съ грошэ́й по́ўну вэрэ́ту.

Тогды́ ба́ба якъ то увы́дила, нагна́ла сво́ю ку́рочку на слу́жбу. Тай ку́рка пишла́, а́лэ нэ йшла далэ́ко, лышэ́ залі́зла въ бода́чье. Найи́лася бода́ча и писку́ тай найшла́ той γрэ́йцаръ, що когу́тъ загубы́ў. Тогды́ вжэ лэты́тъ до-до́му тай крычы́тъ: „Ба́бо, нэсы́ вэрэ́ту, бо я бу́ду гро́ши сы́паты!" Ба́ба борзо постэлы́ла вэрэ́ту, а ку́рка якъ зача́ла сы́паты, насы́пала по́ўно бода́ча и писку́ тай той γрэ́йцаръ вы́сыпала. А когу́тъ увы́диў той γрэ́йцаръ тай заби́гъ тай хо́пыў: „То я, ка́жэ, загубы́ў на доро́зи!" А ба́ба когута́ пойима́ла тай γрэ́йцаръ видо-

брала. Тогды дидъ прылётиу тай взяу бабу тай забыу.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ).

64.

Золотыя дѣти.

аа. Служылы у цисара тры сэстры. Тай цисаръ прыйшоў разъ пидъ двэри до кухни и слухае, а готы тры сэстры такъ собы говорылы. Найстарша кажэ: „Я кобы-мъ ся виддала за цисарского кухаря, то-бы мы добрэ було!" А сэрэдуща кажэ: „Я кобы ся виддала за цисарского пэкаря, мини-бы щэ лиишэ було!" А наймолодша кажэ: „Я кобы-мъ ся виддала за цисарского сына, то-бы-мъ була цисариўна, то мини-бы найлиишэ було!" Цисаръ то чуу, алэ имъ ся нэ показоваў и пишоў сы гэтъ. А на другый дэнь заклыкаў ихъ пэрэдъ сэбэ тай кажэ: „Що вы вчера въ кухны говорылы?" Старши сэстры нэ хотилы ся прызнаты, алэ наймолодша кажэ: „Та що-сьмо говорылы? отъ, найстарша сэстра казэла, що бы ся виддала за цисарского кухаря, а сэрэдуща за цисарского пэкаря, а я казэла, що бы мы найлиишэ було, якъ-бы-мъ ся виддала за самого цисара!" Тай цисаръ тогды кажэ: „То най будэ такъ!" Ну, пожэнылыся кухаръ съ найстаршоў, пэкаръ съ молодшоў, а цисаръ ся съ наймолодшоў ожэнылыў.

Алэ такъ за рикъ выпала ёму війна, а туёго жинка въ тяготи ходытъ. То винъ кажэ до тыхъ двохъ старшыхъ сэстэръ: „Но, дозырайтэ-жъ йи ту, сэстры, а що ўродытъ, абы-сьтэ мы заразъ написалы!" И пойихаў на війну. Якъ вжэ она дитину мала, сэстры ёму написалы, що мала здохлого пса; алэ то буў хлопэць съ золотымъ волосёмъ, то оны го видъ нэи хопылы и ввэрглы въ стаў, а пидъ ню пидложылы здохлого пса, такъ що она о тимъ нэ знала. Алэ тамъ надъ ставомъ панъ едэнъ выйшоў на спацирь и того хлопця увыдиў на стави и взяў го до сэбэ на выхованье, бо самъ дитэй нэ маў. И цисаръ видтамъ на-

нысáу до-дому такъ: „Що уродылося, то вжэ поховайтэ тамъ, дэ ёмý пляцъ, а жйнку мы ратýйтэ!“ Прыйиждже зъ війны—ну, пицъ!

Побуу рикъ дома -зноу му выпала війна, а жйнка зноу ходитъ у тяготй. И винъ тогды кажэ зноу сэстрамъ: „Ратуйтэ йи, бійтося Бога, абы она нэ бидувала!“ Тай она зноу хлопця мала съ золотымъ волосёмъ, алэ сэстры го видъ нэй взялы и пидложылы йій здохлого кота и такъ напысалы до цйсара, що мае здохлого кота. А винъ видписаý: „То поховаты тамъ, дэ тому пляцъ, а йи ратувáты!“ А тоту дитыну взялы и зноý вэрглы на стаý. Алэ той панъ самый зноý увыдиý дитыну на ставй и йимыу и забраý до сэбэ. Вжэ мае двохъ хлопциý.

Прыйихаý царь зъ війны, побуý якій-сь часъ коло жйнки, а потому выпала ёму зноý війна, вжэ трэтый разъ; а жйнка зноу така ходытъ въ тяготй. И винъ кажэ, „Ратýйтэ-жъ йи, сэстры, ажъ поки я ся нэ вэрну!“ Тогды она вжэ ýродыла дйуку—саму-такý съ золотымъ волосёмъ. Алэ сэстры напысалы до цйсара, що она мае здохлого птаха, а дитыну вэрглы на стаý. Выйшоý той панъ знóву, дывытся—плавае дитына по ставу; йимыý и взяý на выховáнье. А цйсаръ видтамъ напысаý: „Колы-жъ она такъ вжэ трэтый разъ зробыла, то абы йій вымуруваты такý здэбку, абы въ ній лышэ стояла, абы ся нэ могла áни кенýты, áни сйсты; и зробыты на очы викно, абы хто будэ йты, абы йій мэжэ-очы плюнуу, а вартиýникъ абы стояу коло нэй, абы вси йій въ очы плювалы!“ Ти сэстры съ нэý такъ зáразъ зробылы тай замурувалы йи. Йидэ цйсаръ зъ війны, тамды надйихаý тай йій мэжэ-очы плюнуý самъ.

Але той панъ, що тоты дйты у сэбэ маý, умэръ. Тай прыходытъ до тыхъ дитэй яка-сь стара пани тай кажэ: „Кобы вы, дйточки, до мэнэ тэпэрь прыйихалы, то вамъ бы добрэ було въ мэнэ!“ Тогды найстаршый хлопэць збыраýся йихаты, алэ нижъ такій съ билымы чэрэнцимы взяý и заткаý въ городъ у грядкй тай кажэ: „Якъ ти чэрэнци почэрвонютъ, то мэнэ вжэ нэ будэ!“ Такъ винъ пойихаý до тои пани. Алэ тамъ буý коло тои пани такій дидъ, що скакаý; то винъ ся на нэго подывыý и стаý камэнёмъ и кинъ нидъ нымъ стаý камэнёмъ. Выходятъ тамъ дома братъ и сэстра до городу, а чэ-

рэ́нци чэрво́ни. Тогды́ пойихаў молодшій братъ, а пожыкъ зноў такъ въ грядки́ заткаў—чы бу́дэ чэрво́ный? Алэ якъ тамъ надійихаў, той дидъ зноў скака́ў: винъ подывы́ўся и стаў ка́мэнёмъ—и винъ, и кинь. Выходытъ сэстра́ на другый дэнь въ горо́дъ—вжэ чэрэ́нци зноў чэрво́ни. Забыра́еся и она́ йихаты за бра́тима. а́лэ завы́нула сы о́чы въ платъ и йидэ собі́ (бо сда́лэку вы́дила, що ками́нье стойтъ, то завы́нула о́чы, абы́ ницъ нэ вы́дила). Тай пэрэйихала,—дидъ ска́чэ, а́лэ она́ ницъ нэ вы́дила. Вы́бигла тота́ па́ни и ди́да жэ́рдкоў набы́ла. А она́ съ коня́ ўпа́ла и заумлива́е. Па́ни ся пыта́е: „Чого́ ты?“ А она́ ка́жэ: „Та якъ я ма́ю тэпэ́рь жы́ты, колы мо́ихъ брати́ў нэма́!“ А па́ни йи отишыла, ка́жэ: „Цытъ, нэ пла́чь, тво́и бра́тья бу́дутъ!“ Тай взя́ла па́ни воды́, обильльёла тоў водо́ў ками́нье, то за́разъ постава́лы зноў такъ, якъ бу́лы,—и хло́пци, и ко́ни. И тогды́ ся звыта́лы съ сэстро́ў. А та па́ни имъ да́ла въ дару́нокъ прутокъ и яйцэ́ и каза́ла имъ съ тымъ иты́ до-до́му и тамъ надъ ставо́мъ гниздо́ зробы́ты и положы́ты яйцэ́ въ то гниздо́ и прутокъ заткаты ко́ло гниздо́ въ зэ́млю.

Тай оны́ вжэ вси тро́е пишлы́ и такъ зробы́лы. Выхо́дятъ ра́но, а стаў такі́й ся вэлы́кій зробы́ў и ду́жэ вы́дкій, такі́й, що въ съви́ти нэма́ дру́гого тако́го; а зъ то́го прутка́ вы́росла гру́шка ду́же фа́йна, а зъ яйця́ зробы́ўся птахъ, а такі́й, жэ говоры́ты ўмі́е. И тамъ зийнджа́лыся пано́вэ зъ цило́го съви́та на той ся стаў дывы́ты, и на гру́шку, и на то́го пта́ха. А птахъ всэ ка́жэ, якъ яко́му па́ну да́ты яку́ госты́ну, а паны́ имъ за то вэлы́ки гро́ши платя́тъ. Алэ той царь, той ихъ та́то, та́кжэ прыйихаў подывы́тыся на тото ды́во. Тай тогды́ ди́ты пыта́ются то́го пта́ха: „Що́-бы то́му па́ну да́ты таке́ йи́сты, що винъ у свойимъ до́му нэ ма́э?“ А птахъ ка́жэ: „Да́йтэ му пацёрокъ у полу́мысокъ тай до то́го выдэ́ўки!“ Оны́ ёму тото́ да́лы, а винъ ка́жэ: „Яки́ вы дурни́, ди́ты! та-жэ́ то лышь баба́мъ на го́ниръ носы́ты, нэ йи́сты, а щэ выдэ́ўкамы!“ А птахъ тогды́ видповида́е: „Ца́ру, то тоты́ ди́ты дурни́? а цы му́дрый-жэ ты, колы́ ты свойі́й жи́нци мэжэ́-очы илю́ешь и свои́ ди́ты пусты́ў-есь блу́домъ?“ Тай тогды́ ци́саръ ся ду́же ути́шыў, ди́ты обійимы́ў

тай ка́жэ: „То мои ди́ты? я нэ знаў!" Тай побі́гъ заразъ до то́я здэ́бки и жи́нку взяу звидтамъ. Алэ йій вжэ грыбъ буў вы́рисъ на гру́дёхъ -видъ то́го, що йій лю́дэ наплюва́лы ти́лько. Тогды́ винъ каза́ў тоты́ сэ́стры прывяза́ты до таки́хъ конэ́й, що щэ нэ булы въ роботи, и пусты́ў въ сьвитъ, абы́ ихъ кони рознэ́слы. А жи́нку и диточки́ взяў до са́бэ и панува́ў собі́ съ ны́мы счислыво.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

бі. Йи́хау панъ дорогоў, а нидъ мэстомъ пра́лы тры́ пра́чки. Една́ ка́жэ: „Кобы́ мя той панъ узя́ў, я́-бы золо́ти ху́сты робы́ла!" Дру́га ка́жэ: „Кобы́ мя панъ узя́ў, я́-бы золо́ти хусты пра́ла!" А тра́та ка́жэ: „Мэнэ кобы панъ взяў, то я́-бы золо́ти ді́ты родыла — по два хлопци на-ра́зъ!" Винъ нэ браў ни тоту́, що золоти́ ху́сты робы́ла, ни тоту́, що золоти́ ху́сты пра́ла, лышэ взяў тоту́, що золоти́ ди́ты ро́дыть; взяў йи до свого бурку за жону.

Тай она́ вжэ такъ за па́ру часи́ў дитыну сходы́ла ся ма́ты. Алэ панъ на той часъ пойи́хаў у дорогу, а йи зоста́выў. Вжэ ма́ла она́ роды́ты, тогды́ стара́ па́ни, то́го па́на ма́ты, прыйи́хала тай ка́жэ „У насъ ся нэ такъ ди́ты родытъ, у насъ по па́ньску: ли́зэся на стрыхъ и съ стры́ху ся подае." Вы́лизла она́ на стрыхъ, тамъ мала два хло́пци, тай пода́ла ихъ на-долы́ну. А стара́ взяла тай тоты́ хлопци побы́ла и закопала ихъ на бра́ми едного на еди́мъ боци бра́мы, а другого на другимъ; и зачалы зъ тыхъ дитэ́й два я́воры росты́. А па́новы напыса́ла лысты́, жэ му жи́нка ўроды́ла пса и ко́та: то панъ виднысау, абы́ йи нагни́ты гэтъ нимъ прыйи́дэ до-дому, абы́ йи нэ вы́диў. Тай йи тогды́ нагна́лы зъ бурку гэтъ.

Тай тогды́ ся панъ тамъ въ дорози съ сычоу ожэны́ и вжэ йи́дэ съ па́нэў до-дому. Йи́дэ такъ въ браму — хиля́ся я́виръ до я́вора: „Цы до́брэ ся тоби́, бра́тчыку, стои́тъ?" — „До́брэ, бо по-пры мэ́нэ мій татунцё йи́дэ!" — „Ой, мэ́ні нэдобрэ, бо по-пры мэ́нэ мацосы́щэ йи́дэ!" — Панъ нэ ўчуў то́го, але́ па́ни учула. Тогды́ каза́ла ти я́воры порубаты и поре-

быты зъ ныхъ лижка: поробылы лижка—на еднимъ панъ спытъ, на другимъ пани. Пытаеся въ ночы дошка до дошки: „Цы добрэ ся тоби, братчыку, спытъ?“—„Добрэ, бо на мэни татунцё спытъ!“—„Ой, мэни нэдобрэ, бо на мэни мацосыщэ спытъ!“ Панъ нэ чуў, пани учула. Казала тоты лижка порубаты, въ ньецъ покидаты; положылы въ ньецъ—выскочылы зъ ньеца дви ыскры, зробылыся два бараны. Взялы тыхъ бараниў до покою.—спятъ коло пана. Пытаеся въ ночы баранъ барана: „Цы добрэ ся тоби, братчыку, спытъ?“—„Добрэ, бо коло мэнэ мій татунцё спытъ!“—„Ой, мэни нэдобрэ, бо на мэнэ мацосыщэ дыхае!“—Панъ нэ чуў, пани учула. Казала справыты комашню тай ти бараны порізаты; зарізалы, зробылы комашню. Прыйшла якуратъ та ихъ маты, що йи нагналы, на ту комашню. алэ йи нихто нэ спизнаў: йисты бараниў она нэ йила, бо вжэ знала, що то ей диты, лышь вси кисткі збырала и до миха ховала, кэрвавымы слёзамы ихъ умывала. Якъ ти кисткі вызбырала вси, зробылыся два хлопци зъ тыхъ кисткъ. Тай взялы йій казаты: „Якъ ты, мамо, бидуешь, а мы щэ гиршэ! алэ въ тимъ часи будэмъ панувати!“

Тамъ щэ той баль буў ажъ до трэтои дныны. Тай такъ сы той панъ зайшоў съ ёнчымы панамы у бэсиду: „Хто-бы видгадаў, у якимъ я стрэмэню стрэмиў?“ Нихто нэ мигъ видгадаты, ажэнь тота кажэ тыхъ хлопциў маты: „У мэнэ е два хлопци, то оны видгадаютъ!“ Тогды панъ казаў ихъ прывэсты до покою и кажэ: „Якъ вы видгадаетэ, то два михи волоськихъ орихиў дамъ!“ Тогды хлопци зачалы пэрэдъ паньствомъ всё розповидаты: якъ пралы тры прачки и що казэлы, якъ ся панъ съ еднoў ожэныў и она мала два золоти хлопци, и що потому съ ныны було,—гэтъ усю повилы праўду. А панъ казаў тогды запалыты на полю два сяги дроў и тоту свою матирь и ту фальшыву паню до огню кенуты, то ся спэклы на вугля. А тоту взяў нэршу жинку тай съ хлопцима до сэбэ—тай вжэ булы разомъ.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

65.

Мачеха и падчерица.

Такъ буу дидъ тай баба: дидъ мау свою доньку, а баба свою. Выйшла разъ баба до соньця тай кажэ: „Сонічко, сонічко! вэсэло сьвитышь, далэко выдышь: чы е щэ дэ така дивочка красна, якъ моя донэчка-пазунэчка?“ А соньцэ кажэ: „Твоя красна донэчка, а дидова Анна-панна щэ лиша!“ Тогды баба взяла тоту дидову дуку тай вивэла въ лисъ тай тамъ йи лышыла.

А дука ходыла по лиси, ходыла, тай зайшла до розбійныковои хаты. Разбійныкиў дома нэ було, то она тамъ позапрятувала, обрусъ положыла на стиу, а сама ся сховала пидъ пьецъ. Вэчиръ розбійныки попрыходылы тай кажуть: „Ту хто-сь у насъ буу, жэ такъ файно попрятау!“ Тай вжэ на другый дэнь пишлы розбійныки у лисъ, а едэнъ ся лышыў дома, кажэ: „Я буду ся дывыты—хто то намъ попрятуе?“ Тай тота дука вылизла зъ пидъ пьеца, попрятала въ хати тай хочэ зноў пидъ пьецъ лизты. Алэ той йи тогды пойимау тай нэ пустыу. Попрыходылы розбійныки зъ лиса тай ся дужэ ўтишылы, жэ будуть маты ґаздыню.

А тота мачоха зноу выйшла и пытаеся сонічка. „Сонічко, сонічко! вэсэло сьвитышь, далэко выдышь: чы е щэ дэ такэ дивочка, якъ моя донэчка?“ А соньцэ кажэ: „Твоя красна донэчка, алэ дидова щэ лиша пэнна-Анна, у покояхъ сыдытъ!“ Тогды баба пишла до лиса до тои хаты тай кажэ: „Анпунэчко-панпунэчко, покажы мы хоть ручэчку!“ Она нэ хотила показаты.—„Покажы-жъ мы, кажэ, хоть пальчыкъ, чы жыешь?“—Она йій выставыла палэць, а баба взяла тай йій запхала мэртвый пэрстинь на палэць, тай она умэрла. Попрыходылы розбійныки додому, а она мэртва лэжытъ. Алэ едэнъ розбійныкъ ся дывытъ, а у нэи пэрстинь на руци; здоймылы йій той пэрстинь и она зноў ожыла.

А та мачоха выйшла тай зноў ся пытае соньця. „Сонічко, сонічко! вэсэло сьвитышь, далэко выдышь: чы е щэ дэ така дивочка, якъ моя донэчка?“ А соньцэ кажэ: „Твоя красна донэчка, алэ дидова Анна-панна щэ лиша!“—„Йой, кажэ баба, то она щэ нэ умэрла?“—Тай пишла зноў до нэи

до ли́са. Якъ прыйшла́, якъ взя́ла пла́каты: „Аннунэчко-панцунэчко, покажы́ мы хоть ни́гтыкъ!“ Она́ показа́ла, а ма́чоха взя́ла тай ні́й запха́ла мэ́ртву шпы́льку пидъ ноготь, тай она́ зноу́ у́мэрла. Прыйшлы́ розбі́йныки — она́ мэртва́. Зноу́ ся грызу́тъ—що ся съ нэ́у ста́ло? Ды́вятся всю́ды—нэма́ жа́дного знаку́. Ажъ едэ́нъ яко-сь подывы́ўся пидъ ноготь—е шпы́лька; вы́тяглы тоту́ шпы́льку и она́ зноу́ ожы́ла. Алэ́ йи вжэ тэпэ́рь стэ́рэглы, вжэ йи само́и нэ лыша́лы.

А ма́чоха вы́йшла до со́ньця тай пыта́еся: „Со́ничко, со́ничко! вэ́сэло съвитышь, далэ́ко вы́дышь: чы е щэ така́ ди́вочка, якъ мо́я до́нэчка?“ А со́ньцэ зноу́ такъ ка́жэ: „Тво́я до́нэчка кра́сна, а́лэ ди́дова Анна-па́нна щэ ли́пша!“ Тогды́ пишла́ ба́ба зноу́ до нэ́и; хо́дытъ по́-пидъ ви́кна, про́сытъ, абы́ йи впусты́ла до ха́ты. Тай розбі́йныки бу́лы въ ха́ти и поховалыся и каза́лы йі́й, абы́ ба́бу впусты́ла. А ба́ба ся тогды́ до нэ́и кенула, хоти́ла йи зари́заты, а́лэ розбі́йныки прыскочылы, хо́пылы ба́бу и вжэ́ йи зари́залы.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

66.

Цыганъ и чортъ.

Наймыу собі́ чортъ цы́гана. Тай винъ тому цы́гановы ка́жэ: „Иды́, прынэсы́ мэни́ воды́ изъ керны́ци!“ Даў ему шки́ряну то́рбу, тай цы́ганъ пишо́ў по во́ду. Тай зачэ́ръ въ торбу воды́, а́лэ бу́ла ду́жэ тяжка́, тай нэ мигъ йи цы́ганъ вы́тягнуты. Чортъ ждэ на во́ду, ждэ,—нэма́ цы́гана съ водоу. Тай вжэ чортъ пишо́ў самъ идъ керны́цы. Ды́вытся, а цы́ганъ собі́ взяў рыска́ль тай наўко́ла обко́пуе керны́цю. Тогды́ чортъ пыта́еся ёго́: „А ты що́ ро́бышь, цы́ганъ?“ Цы́ганъ ка́жэ: „Та-жэ нэ бу́ду заўжды ходы́ты по во́ду, то разъ ты прынэ́су цилу́ керны́цю, тай будэ́шь вжэ ма́ты всэ во́ду до́ма!“ Тогды́ чортъ ся напу́дыў, ка́жэ: „Нэ тра́ба!“ Тай зачэ́ръ самъ воды́ тай пони́съ.

Потóму пислáў ёгó чортъ въ лисъ по паты́чье. Алэ цы́ганъ нэ мигъ паты́ча назбырáты тай зачáў лы́ка дэ́рты изъ дэ́рэва: надэ́ръ лы́ка дóста тай зачáў обвя́зовaты лисъ наокóло—еднó дэ́рэво до дрýгого вязáў. Чортъ ждэ-ждэ на цы́гана,—нэ прыхóдытъ. Тогды́ пишóў самъ до ли́су. Прыходытъ тай ды́вытся, що цы́ганъ обвя́зуе лы́комъ лисъ наокóло. Тай пытáеся ёгó чортъ: „А ты щó рóбышь?" —„Та хóчу видрáзу цилы́й лисъ занэ́сты до-дому, абы́-мъ нэ би́гаў по кóжду ски́пку зъ-оси́бна!" Тогды́ чортъ назбырáў самъ паты́ча и пони́съ.

Алэ пишóў чортъ до старшого чóрта радытыся—щó-бы съ тымъ цы́ганомъ робы́ты? А той стáршый кáжэ: „Та зáбый ёгó!" Тай у ночы́ полягáлы спáты; áлэ цы́ганъ положы́ў тамъ на лáвыцю, дэ вся спаў, кожýхъ, а самъ сы лягъ въ кýтыкъ пидъ лáвыцю,—бо вжэ знаў, що го чортъ хóчэ зáбыты. А чортъ гадáў у ночы́, що цы́ганъ на лáвыцы вжэ уснýў, тай взяў сы зэли́зну пáлыцю, и якъ по кожуси́ пáлыцэў луснýў, пишóў гóлосъ по всíй хати. А цы́ганъ зъ-пидъ лáвыци кáжэ: „О-о-óхъ! а то мя блыхá укусы́ла!"

Тогды́ чортъ пишóў знóў рáдытыся до тóго стáршого чóрта тай кáжэ: „Я ёгó зэли́зноў пáлыцэў удáрыў, а винъ кáжэ, що ёгó блыхá укусы́ла!" Тай стáршый чортъ кáжэ ёмý тогды́: „Дай му грóшэй, ки́лько схóчэ, лышэ́ най ся забырáе гэтъ, най ся видчэ́пытъ видъ тэ́бэ!" Тай чортъ даў цы́гановы пóўну тóрбу чэрвини́ну, тогды́ вжэся цы́ганъ забрáў и пишóў.

Алэ потóму чортъ тыхъ грóшэй пожáлуваў тай полэ́тиў за цы́ганомъ—видбы́раты тоты́ гроши пазáдъ. Цы́ганъ ся обэрнýў тай кáжэ: „А ты чогó хóчэшь, врáжый сы́ну?" А чортъ кáжэ: „Знáешь, цы́ганэ, най такъ бýдэ: котры́й тоў зэли́зноў пáлыцэў до-горы вы́сшэ пидвэ́ржэ, то тóго бýдутъ грóши!" Цы́ганъ кáжэ: „Дóбрэ!" Якъ чортъ вэ́ргъ пáлыцэў, то ажэ́нь за годы́ну ўпáла на зэ́млю. А цы́ганъ тóи пáлыци пидня́ты нэгóдэнъ, áлэ трымáе тай ды́вытся до нэ́ба тай кáжэ: „Я тамъ мáю брáта на нэбэси́хъ коваля́, то му вэ́ржу пáлыцю—бýдэ мáты дóбрый молотокъ!" Тогды́ чортъ цы́гана за рýку ўхóпыў и кáжэ: „Нэ мэчы́, бо никода пáлыци!"

А да́ли ка́жэ зноу чортъ до цы́гана: „Най такъ бу́дэ, жэ хто дужчэ полэ́тытъ, то́го бу́дутъ гро́ши!“ А цы́ганъ ка́жэ: „Ой, нэбо́жэ, я ма́ю тако́го сынка́, що лышэ́ тры дны мае; то ся съ нымъ нэ́ршэ помьеряй, а пото́му ажъ зо мно́ю самы́мъ!“ Тай бо́рзо цы́ганъ пишо́ў, зла́паў за́яця у борозди́ тай ка́жэ до чо́рта: „О-то́ мій сыно́къ,—ану́ лэты́ тэпэ́рь съ нымъ!“ Пусты́ў за́яця, а чортъ за нымъ. Алэ да́ ёму́? за́яць лышэ́ мы́гнуў тай полэ́тиў, нэ дигна́ў го чортъ.

Тогды́ вжэ чортъ ка́жэ: „Ну, то щэ будэмо ся боро́ты: котры́й котро́го нэрэмо́жэ, того́ бу́дутъ гро́ши!“ Алэ цы́ганъ ка́жэ: „Дурны́й чо́ртэ! я ма́ю тако́го та́та, що вжэ му симь литъ до я́мы йи́сты но́шу, бо стары́й ду́жэ; то ты ся, ка́жэ, найпэ́ршэ съ нымъ поборы́, а тогды́ вжэ бэры́ся до мэ́не!“ Знаў цы́ганъ у ли́си—до е мэдви́дь, тай нови́ў чо́рта до того мэдвэ́дя: чортъ поли́зъ у я́му идъ мэдвэ́дэвы, а́лэ якъ го мэдви́дь ўхопы́ў, якъ зача́ў душы́ты, тай пабы́ў чо́рта тай вы́вэргъ изъ я́мы.

Тогды́ прыйшо́ў чортъ идъ цы́гановы тай ка́жэ: „Щэ хто ду́нэ ду́жчэ пого́ў о ка́минь, то то́го бу́дутъ гро́ши!“ Чортъ якъ ду́пнуў, ажэ́нь цы́гановы въ уха́хъ зазэлэньпоти́ло. А цы́ганъ за той часъ пальля́ў сы въ холя́ву воды́ тай ка́жэ: „О, що́ то! я якъ ду́пну, то ажэ́нь зъ ка́мння вода́ потэчэ́!“ Тай ду́пнуў, вода́ вы́тэкла зъ холя́вы на ка́минь тай ка́минь стаў мо́крый.

Тогды́ вжэ ка́жэ чортъ до цы́гана: „Тэпэ́рь хто ду́жчэ свы́снэмо, то то́го вжэ набэзпэ́чнэ бу́дутъ гро́ши!“ Якъ чортъ свы́снуў, пишлы́ голоса́ по всимъ сьви́ти. А цы́ганъ ка́жэ: „Ой, якъ я тоби́, чо́ртэ, свы́сну, то оглу́хнэшь и осьли́пнэшь видъ то́го; то завы́й сы, ка́жэ, хусты́ноў о́чы тай у́шы, абы́ ты нэ пошкодыло!“ Чортъ завы́ў соби́ о́чы и у́шы, а цы́ганъ взяў сы до́ўбню, якъ даў чо́ртовы тры ра́зы по-за́-уши, ажъ чортъ кры́кнуў: „Гоў, нэ свыцы́ ужэ́, бо болы́тъ ду́жэ!“

Тай вжэ тогды́ чортъ лышы́ў цы́гановы тоты́ гро́ши и забра́ўся до-дому.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ:

РАЗСКАЗЫ и АНЕКДОТЫ.

67.

Три слова.

аі. Було два брáтьи: одэ́нъ бу́ў богáчъ, а дру́гый бі́дный. Тай бі́дный прыйшо́ў до богача тай прóсытъ, жэбы́ го поратовáў. А винъ ёму́ даў мы́ску муки́. И винъ тото писъ, а ві́тэръ взяў тай му муку́ розвіяў, нимъ винъ йи до-дóму прыпи́съ. Тогды́ винъ кáжэ такъ: „Я йду тэпэ́рь Пáна-бóга позывáты! я ти́лько везэ́и муки́ трóха дистáў, тай ту мы Пáнъ-бигъ розвіяў!" И пишо́ў въ сьвитъ — Пáна-бога позывáты. Ну, алэ дэ пры́йдэ, чы́ до сэлá, чы́ дэ до су́ду, то вси го ганьбя́тъ: „Дэ-жъ ты вы́диў, абы́ хто Пáна-бога позывáў? дэ-жъ ты на нэ́го судъ найдэшь?" И винъ такъ зайшо́ў ажъ до тóго ми́ста, дэ ци́саръ е. И ся до ци́сара ўнхаў и впусты́лы го пэ́рэдъ самóго ци́сара. Тогды́ винъ тамъ зачáў пэ́рэдъ ци́саромъ свое оповидáты, жэ му Пáнъ-бигъ муку розвіяў и жэ за то шукáе на нэ́го прáва. Алэ ци́саръ го тáки поганьбы́ў тай го видъ сэ́бэ пагнáў. Гадае сы: „То пэ́ўно якій-сь дурны́й!"

Тогды́ винъ йдэ, а ци́сарова донькá сыди́ла въ другимъ паля́цу на пёнтри и вы́дила ёго и кли́чэ ёго́ съ-горы́: „Чолови́чэ, чэкáй-но! чого́ ты тамъ, кажэ, ходы́ў до ци́сара?" А винъ взяў йі́й оповидáты, що нигдэ́ нэ мóжэ на Пáна-бóга прáва найты́, навить у ци́сара нэ найшо́ў! А онá кáжэ: „Ты дурны́й, нэ мáешь счи́стья! то ожэны́ся — мóжэ жи́нка бу́дэ счи́стье мáты твоя́, а якъ нэ жи́нка, то мóжэ дитына; и вы вси зъ тóи одно́и души́ бу́дэтэ жы́ты!"

Алэ ци́саръ якъ обáчыў, що ёго донькá съ тымъ хлóпомъ говоры́ла, то казáў ёго завэрнуты назáдъ до сэ́бэ и пытáе го ся: „Щó тамъ та пáни съ тобо́ў говоры́ла?" А винъ тогды́ розповіў, якъ ёму пáни казáла ся жэны́ты, що мóжэ тогды́ бу́дэ маў счи́стье. Алэ ци́саръ тогды́ розгнивáўся тай кáжэ: „Ти́лько насъ ту е пáнства до рáды и нихтó тобі́ нэ знаў порадыты, а она бáба, тай тобі́ таку́ рáду дáла!" И оны́ ся тамъ такъ обрáдылы — ци́саръ съ своймы

миниѝстрамы: „Колы-якъ она ёму такъ порадыла, то хоть она миниѝ донька, а най будэ ёму жинкоў!“ И тогды йи заклыкау и она вжэ ся нэ сьмила протывыты и мусила заразъ иты за того хлопа. И тогды имъ цисаръ даў гроши и кони и выправыў ихъ до того сэла, звидки винъ буў.

Якъ оны вжэ прыйшлы до-дому, то поставылы собѝ хату файну, и стодолу, и стайню,—всё сы вжэ тамъ посправлялы. Але жинка ёму тогды кажэ: „Иды ты щэ на тры роки въ сьвитъ служыты; якъ тотѝ тры роки выслужышь, тогды абы-сь до мэнэ вэртаў назадъ, то будэмъ вжэ господарувaты!“ Той пишоу и стаў у едного хлопа на службу, у богача. Той хлопъ кажэ: „Трэба ся годыты!“ А винъ кажэ: „Я нэ хочу пицъ, йно абы я буў нэ голодэнъ, нэ голый, нэ босый, тай щобы-сьтэ мэнэ едно слово научылы: за едно слово, кажэ, рикъ буду служыў!“ И вжэ му тамъ рикъ выходытъ, а господаръ ся журытъ—яке-бы му слово даты за ту службу? Вжэ рикъ выйшоу, прыходытъ винъ до господара, а той му кажэ: „Памятай, абы-сь николы тамъ нэ ночувау, дэ старый шыкаръ, а молода шыкарка!“ Тогды пишоў винъ до другого господара на службу зноў стаў на рикъ лышэ за едно слово. Видслужыў той рикъ, а господаръ кажэ ёму: „Дамъ тобѝ таке слово: абы-сь нэ давaў сэрцю волю!“ Тогды вжэ пишоў на трэтый рикъ на службу—зноў такъ за едно слово. Выйшоу му рикъ, тогды му той господаръ такъ сказау: „Памятай сы, абы-сь дэ йшоў, якъ-бы едэнъ утикаў, а другый бигъ за нымъ и пытаў—чы ты того нэ выдиў, то абы-сь казаў, що нэ выдиў-сь никого!“

Винъ тогды вжэ повэртае до-дому до своёи жинки. Идэ бэзъ лисъ, а видсы напротиў нэго идэ злодій, нэсэ гроши, що касу ўкраў у пана. Тай ся здыбалы обыдва, а злодій кажэ: „Ту за мноў жэнутъ киньмы козакѝ, то жэбы-сь нэ казаў, що я туда йшоў!“ И сховаўся по-за корчи. Той видійшоў кавалокъ, а ту заразъ надійхалы тры козакѝ, пытаютъ го ся, чы здыбаў кого? А винъ кажэ: „Та дэ! я вжэ йду зъ мылю тоў дорогоў, але никого-мъ нэ здыбаў!“ Тогды оны ся порадылы и кажутъ: „Эй, вэртаймося на инчу дорогу, можэ тамда пишоў!“ Тай

завэрнулыся. А той тогды клычэ, той злодій: „Чоловичэ, чоловичэ! ходы-но сюда!“ Тай взяў, всыпаў му половыну грошэй въ мишокъ. „На-тобі, кажэ, за то, що-сь нэ ўповиў!“

Той пишоў дальшэ и надъ вэчиръ прыйшоў до мйста тай пишоў на-ничь на шынкъ. Выпыў горйўки, хлиба сы взяў, повэчэраў тай вжэ хотиў тамъ лягаты спаты. Алэ тамъ ся тымчасомъ музыка зробыла. Тай тогды винъ дывыться, а то тамъ е старый шынкаръ и молода шынкарка.—„Ото, кажэ, я за то цилый рикъ служыў, а ту бы-мъ тэпэрь почуваў?“ Тай забраўся зъ корчмы и лягъ собі такъ за корчмоў пидъ плотомъ. А тамъ зайихаў якій-сь панъ на-ничь и почуваў. А изъ корчмы выйшлы пьяни парубки и поспыралыся на той плитъ и взялы ся радыты: „Тэпэрь ту, кажуть, панъ зайихаў подорожный, то мы забыймо шынкара, гроши сы забэрэмъ, а скажэмъ на того пана, що то винъ зробыў!“ Алэ якъ опы ся такъ на плитъ поспыралы, то па опанчи имъ выслилы таки каны; а той хлопъ взяў и потыхоньку вытяў едному таке качэльцэ зъ тои каны знакъ собі зробыў. Тай ти ся порадылы и потому пишлы и того шынкара забылы. Рано дывятся—хто-сь шынкара забыў, а нэзнаты —хто? Никого въ корчми нэ було, тилько панъ, то нэўнэ панъ забыў. Взялы того пана до суду тай хотятъ го тратыты. А той хлопъ тогды пишоў до суду и замэльдуваў: „Прошу ласкавого суду, кажэ, то за-дурно той панъ тэрпытъ, бо я маю знакъ, хто шынкара забыў!“ Тогды кажутъ: „Покажы!“ И винъ взяў, выняў той знакъ зъ опанчи и розповиў всё, такъ и такъ, якъ було. Той знакъ тогды судъ взяў, тай тогды розказалы, абы ся вси хлопы, вси-вси, яки е въ мйсти, зійшлы на пляцъ. Поставылы всихъ въ ґлидъ, тогды вжэ судъ йдэ съ тымъ знакомъ—гэтъ дывыться съ-заду на вси опанчи. Тай знайшлы въ едного парубка дираву, то до нэи той знакъ прытулылы акурату пасуе. Заразъ того парубка взялы пидъ варту, а пана пустылы на волю. Панъ тогды даў тому хлопу, що го выбавыў, гроши и кони съ новозомъ, всё сакумпакъ. Тай вжэ винъ собі пойихаў до-дому, якъ якій панъ.

Вжэ було такъ нэдалэко до того сэла, тай винъ вступыў

до еднóи хáты. Тай пытáеся за свóю жинку: „Щó опá рóбытъ, якъ господáрытъ, якъ собй тамъ рáду дáе?" (Звычáйно - тры рóки нэ буў дóма). А та кобйта въ тій хáти нарóбыла плёткиў: „А твоя жйнка такá и сякá!" наговорыла му Богъ знáе щó, а всё нэпрáўду. То винъ ся дýжэ розгнйваў на свóю жйнку и вжэ сы погадáў: „Ось мáю фýзью, то йн застрйлю!" Тай прыйнжджáе на своё обыстьё, а тамъ ся щэ въ покóйы сьвйтытъ. Винъ дывытся крузь викнó, а тамъ жйнка ёго грáе на фортэпляйнахъ, а хто-сь такъ танцю́е, áлэ вжэ нэ выдиў - хто? То винъ гадáў сы, що то мóжэ кохáнокъ якій, тай вжэ вымирыў фýзью, вжэ хотйў стрилятъ до покóю. Алэ зáразъ сы погадáў, жэ винъ служыў цилый рикъ за то слóво, абы нэ даў сэрцю вóлю. „Ни, кáжэ, нэ бýду стрилятъ!" И пишóў до хáты, дывытся, а то никóго нэмá, инó жйнка грáе, а малá дитына танцю́е тай ся сьміё. Тогды вжэ му сэрцэ змякло. Вжэ собй тогды господáрылы рáзомъ и бýлы счислывы.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—

б). Такъ едэнъ ожэнуся и буў съ жйнкоу кйлька мйсяцыў, áлэ го потóму видобрáлы и винъ пишóў до вóйска. Пишоў на трыйцить литъ, áлэ жйнку лышыў за пóясомъ у тяготй. И буў на вóйни и выслужыў 30 литъ и тогды вжэ ишóў до-дóму. А щэ съ нымъ два дрýги шлы жоўнйры зъ вóйска до-дóму. Тай оны идýтъ-идýтъ, зайшлы въ еднймъ сэлй до еднóго γáзды нá-ничь. Алэ тамъ въ тій хáти буў на пьёцу старýшко и ницъ ся нэ обзывáў до ныхъ. Тогды оны кáжутъ: „Чомý той старýшко ницъ съ нáмы нэ говóрытъ?" А γáзда кáжэ: „Оны дýжэ мýдри, áлэ ницъ нэ говóрятъ; лышэ часóмъ скáжутъ еднó слóво, áлэ имъ трэ́ба за нэго дýката заплатыты!" Тогды той жоўниръ, що служыў 30 литъ, выймыў дýката и даў старýшковы. А винъ тогды кáжэ, той старýшко: „У чужй антэрэ́са нэ трэ́ба ся нйγды мишáты!" Тогды той выймыў дрýгый дýкатъ и даў му. А старýшко кáжэ: „Бóрзымы дорóгамы нйγды нэ йды, лышь иды дóўгымы и бэзпэ́чнымы!" А винъ вый-

мыў щэ трэтый дўкатъ и даў, тогды старўшко кажэ: „Нэ робы що-будь, алэ сы нэршэ розважъ!" Тай ти жоўниры вжэ тамъ доночувалы и рано пишлы дали.

Идўтъ-идўтъ, а въ лиси стойтъ хата и коло тои хаты була скрыня и коўбыця, а на коўбыцы сокира; и поўно тамъ въ скрыны було костэй зъ людэй. Тоты надійшлы тамъ и кажэ едэнъ до другого: „Нэзнаў, що то е таке? ану, запытаймося въ хати!" Алэ той кажэ: „Ой, у чужи дила нэ трэба ся мишаты!" Тай оны нэрэйшлы по-пры тото, алэ вжэ нэ пыталыся. А тамъ дали стоялы два чоловики, алэ то булы розбійныки. То оны ся имъ поклонылы: „Слава Сусу!"—тай идутъ дали. Алэ тоты розбійныки кажутъ тогды до ныхъ: „Чому вы ся нэ пытаетэ, що тото е за штука?" „Намъ, кажэ той, у чужи дила нэ трэба ся мишаты!" Тогды розбійныки кажутъ: „То вы мудри людэ, що-сьтэ ся нэ пыталы! бо ту хто йшоў, то ся пытаў, а мы го заразъ за то бралы и рубалы: тото, кажутъ, е зъ всихъ тыхъ людэй костье!" Тогды пишлы, а той жоўниръ кажэ: „О, вжэ мій едэнъ дўкатъ е!"

Алэ йдутъ такъ, идутъ, ужэ нэдалэко було до ихъ сэла. И ти два молодци кажутъ: „Мы ходимъ о-туда блызшэ, то боршэ зайдэмъ, якъ гостыньцёмъ!" Алэ той нэ хотиў иты блызшоў дорогоў, то ти два пишлы лисомъ наўпраўци, а винъ пишоў соби наоколо гостыньцёмъ. Прыйшоў у сэло, нэрэночуваў въ тимъ сэли, алэ тамтыхъ двохъ нэма. А людэ въ корчми кажутъ: „Тамъ яки хо-сь двохъ воякиў въ лиси воуки ззилы!" А винъ соби нагадаў тогды того старўшка: „Вжэ, кажэ, мій другый дўкатъ е!"

И тогды винъ ся забраў и прыйшоў такъ у вэчиръ до свого сэла. И спизнаў тамъ хаты и свою хату. И прыйшоў пидъ свою хату и дывытся тамъ крузь викно: тамъ у хати горытъ огэнь, а ёго жинка стойтъ коло прыпичка тай якій-сь парубокъ коло нэи що-сь сы говорятъ. Алэ винъ сы погадаў, що то жинчынъ коханокъ, то взяў стрильбу и вжэ на нёго справляў; алэ що-сь соби розгадаў, що му старўшко казаў, то стрильбу кенуў и пишоў до корчмы. И тамъ узяў казаты, що винъ изъ чужого сэла воякъ. Алэ людэ ёго ся пытаютъ: „А кілько вы ужэ въ войску слўжытэ?" „Я, кажэ, вжэ слўжу 30 литъ!" Оны тогды взялы

казаты, що ту едэнъ зъ того сэла такой пишоў до войска и вжэ го нэма 30 литъ: алэ лышыў жинку въ тяготи и жинка уродыла хлопця, то винъ вжэ вырисъ и ся въ школахъ выучыў, а заўтра ся будэ высьвящуваты на ксёндза. И винъ тогды утишыўся дужэ, що винъ свого сына нэ застрилыў, и погадаў сы самъ до сэбэ: „О-то, вжэ е мій трэтый дукатъ!"

Тай винъ тамъ щэ тоту ничь пэрэночувaў въ корчми, а на другый дэнь рано пишоў до цэрквы—дывытыся, якъ тамъ ёго сына высьвящувалы на ксёндза. Тай зъ цэрквы пишоў до свэи хаты на комашню. Тамъ позасидало тилько паньства, ксендзиў тай ґаздиў, тай винъ сы тамъ за стиў сиў, алэ ся ницъ нэ прызнаваў, що то винъ е тато. Ажэнь потому встаў тай зачаў пэрэпыватъ до свого сына тай кажэ: „Сыну, то я твій тато!" Тай даў му таку буўку, що маў зъ войска, а въ тій буўци було поўно дукатиў. Тай оны ся тамъ вжэ вси спизналы, то вжэ тогды липшый баль буў, бо вжэ буў ґазда въ хати.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

вi. Едэнъ старый ґазда мау сына и го ожэныў. А якъ умыраў, заклыкаў го до сэбэ и кажэ: „Ходы, сыну, я тобі що-сь скажу! скажу тобі тры слова: абы-сь бэзъ очый свойхъ худобу нэ даваў въ чужи руки; абы-сь жинку бэзъ очый на музыку нэ пущаў; абы-сь, дэ тя ничь захопытъ, тамъ абы-сь всэ ночувaў!" Тай тогды отэць умэръ.

А той пишоў разъ на торгъ за волами. Идэ вжэ зъ того торгу до-дому, ажъ захопыла го ничь на полы. То вжэ нэ йшоў до-дому, ино тамъ ночувaў на полы. Тай чуе у ночы—такъ що-сь стогнэ, такъ сапае, алэ нэ йшоў; ажъ рано пишоў, дывытся—що то таке було? Дывытся, а тамъ глына сьвижа, що була копана яма. Винъ взяў розкопуваты тоту глыну, розкопаў, а тамъ съ банякомъ гроши: то хто-сь тамъ въ ночы гроши закопаў. И винъ взяў тоты гроши и пишоў до-дому.

Тай разъ до нёго прыйшоў едэнъ ґазда, абы му даў кобылы волочыты. „Ой, кажэ, нэ дамъ вамъ, ґаздыку, бо

мо́я кобы́ла жэ́рэбна, то нэ мо́жу вамъ да́ты!" Алэ той зача́ў ду́жэ просы́ты, каза́ў, що то малы́й ку́сныкъ по́ля, що бу́дэ уважа́ты на кобы́лу, тай му тогды́ даў. Алэ пото́му пишо́ў самъ тамъ на полэ дывы́тыся цы той шану́е кобы́лу, цы ни? Ды́вытся, а той такъ го́нытъ кобы́лу, такъ бье, ажъ кобы́ла помэта́ла пэжывэ́ лоша́. А той хлопъ взяў лоша́ и сховаў у тэ́рнье, а кобы́лоў волочы́ў цэ цилы́й дэнь, а нэ даў йій ницъ йи́сты. Алэ той то всё вы́диў, взяў вэ́чиръ то лоша́ зъ тэ́рня и пови́сыў до́ма у банта́. Вжэ прыви́ў вэ́чиръ сосі́дъ кобы́лу, а́лэ ґа́зда му ницъ нэ ка́жэ.

А на дру́гый дэнь винъ маў ить ы́ на купэ́цтво, а ёго́ жи́нка ка́жэ: „Я пиду́ на вэсилье́!" „Та якъ ты пи́дэшь на вэсилье́, колы́ диты́на е мала́? съ диты́ноў, ка́жэ, що зро́бышь?" — Алэ она́ ся ду́жэ папыра́ла, то йій вжэ позво́лыў ить ы́, а́лэ самъ вжэ нэ йшоў на купэ́цтво, лышэ́ схова́ўся и ды́вытся що́ бу́дэ? Жи́нка пишла́ вэ́чиръ на то вэсилье и диты́ну взя́ла съ собо́ў. Алэ диты́ну пусты́ла въ си́нёхъ помэ́жы дру́ги ди́ты, а сама́ соби́ тамъ танцю́е, балю́еся. А той ей чолови́къ зали́зъ до синэ́й, такъ, що го нихто́ нэ вы́диў, тай тоту́ сво́ю диты́ну взяў и видни́съ до свэ́и сэстры́ на дру́гэ сэло́. И пото́му пишо́ў на купэ́цтво и нэ бу́ло го зъ ты́ждэнь. А жи́нка ту такъ шука́е за диты́ноў, пла́чэ, а́лэ нэма́ нигдэ́. Тогды́ пишла́ до свэ́и ма́тэры ра́дытыся, що́ йій чолови́ковы каза́ты, якъ ся вэ́рнэ, що диты́ны нэма́? А ма́ты йій такъ ка́жэ: „Зроби́мъ таку́ ля́льку и бу́дэмъ каза́ты лю́дямъ, що диты́на ўмэ́рла; то тоту́ ля́льку похова́емъ — и спо́кій!" Тай такъ зробы́лы: похова́лы ля́льку, якъ мэ́рлу́. Прыйшо́ў чолови́къ до-до́му, а жи́нка пла́чэ, що диты́на ўмэ́рла. То винъ йій ка́жэ: „Цытъ, нэ плачь, на всё во́ля Бо́жа! а́лэ, ка́жэ, наймэ́мъ за диты́ну слу́жбу-бо́жу тай кома́шню спра́вымо!" Тай наймы́лы слу́жбу-бо́жу, зла́дылыся и запросы́лы людэ́й и ксёндза на кома́шню.

Алэ по оби́ди вжэ винъ ка́жэ до тыхъ людэ́й: „Пэрэпраша́ю васъ, ка́жэ, а́лэ я ходы́ў по купэ́цтви, то-мъ чуў тры ри́чы. Такъ у едни́мъ сэли́ у ко́рчми лю́дэ говоры́лы, що умыра́ў стары́й отэ́ць тай каза́ў сы́новы такъ: „Дэ тя ничь захо́пытъ, абы́-сь тамъ ночува́ў; абы́-сь у чужи́ ру́ки бэ́зъ очы́й худо́бы нэ дава́ў; жи́нку на музы́ку абы́-сь бэ́зъ очы́й нэ пуща́ў!" И, ка́жэ, йшоў разъ той сынъ зъ купэ́цтва, ничь го за-

хо́пыла въ полы, тай винъ тамъ почува́ў. Чуў въ ночы́, жэ хто-сь ко́ло нэ́го що-сь ро́бытъ, а ра́но увы́диў сьви́жу глы́ну и найшо́ў тамъ закопаный баня́къ съ гри́шмы; то, ка́жэ, чы маў винъ тоты́ гроши бра́ты?" Тогды́ вси лю́дэ на то ка́жутъ: „Но, ёго счи́стье таке́ бу́ло!" Алэ ґа́зда повида́ў да́ли: „А зноў разъ винъ даў кобы́лу суси́ди и пишо́ў дывы́тыся—що́ той бу́дэ робы́ты? А суси́дъ такъ гоны́ў кобы́лу цилы́й дэнь и нэ даў йий йи́сты, жэ кобы́ла змэта́ла лоша́, а винъ го ке́нуў у тэ́рнье; то що́ за то́е ма́е бу́ты?" Тогды́ вси лю́дэ ка́жутъ: „Тако́го, що чужо́и худо́бы нэ шану́е, то ва́рто-бы хоть на тры ро́ки да́ты до крымина́лу!" „А жи́нку ка́жэ той ґа́зда да́ли— пусты́ў разъ той-самы́й на вэсилье́, а самъ ни́бы пишо́ў на купэ́цтво, а́лэ ся вэрну́ў и ды́вытся що она съ диты́ноў зро́бытъ? То жи́нка пишла́ на вэсилье́, гуля́е соби́, а диты́ну лышы́ла въ си́нёхъ. А той чолови́къ забра́ў потыхо́ньку диты́ну и видни́съ до свои́ сэстры́, а самъ пишо́ў на купэ́цтво. Вэрта́е зъ купэ́цтва, а жи́нка му ка́жэ, що диты́на ўмэ́рла, що йи похова́лы; а́лэ то она́ зробы́ла ля́льку и ля́льку похова́лы!" — То лю́дэ ка́жутъ: „О, то таку́ бы жи́нку до́брэ набы́ты!"

Тогды́ винъ пишо́ў и ўнисъ гроши и ка́жэ: „То я найшо́ў гро́ши!" „Ну, то счи́стье твое!" Тогды́ зноў ўнисъ то лоша́ зъ бантиў тай показаў, якъ му суси́да зба́выў. А потому вжэ ўнисъ диты́ну и ка́жэ: „О-то́, за мо́ю диты́ну похова́лы ля́льку!" Тай ка́жэ: „До́брэ то мэни́ стары́й та́то нака́зуваў, -ца́рство му нэбэ́снэ!"

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

68.

Мудрая дѣва-семилѣтка.

а). Бу́лы два бра́тьи: едэ́нъ бу́ў ду́жэ богачъ, а дру́гый би́дный, такі́й би́дный, жэ и шэрсти́ны нэ маў коло ха́ты, худобы́ны. Прыйшо́ў до бра́та и про́сытъ молока́. У бра́та е трыйцить коро́ў, а́лэ нэ хо́чэ да́ты молока́. Алэ засла́бло у того богача́ тэля́, тай винъ го вжэ хоти́ў ри́заты: тогды́ би́дный братъ прыйшо́ў и вы́просыў соби́ видъ нёго тото́ тэля́, жэму подарува́ў. И тото́ тэля́ вы́росло вжэ бу́ла фа́йна коро́ва; молока́ дае́ за тыхъ 30 коро́ў богачо́выхъ. А бога́чъ тогды́ хо́чэ тото́ тэля́ видбыра́ты: той би́дный нэ хоти́ў видда́ты, а́лэ тогды́ бога́чъ замэльдува́ў би́дного до су́ду.

Пишлы́ до суду, а́лэ що? Той бога́чъ съ папа́мы ся зна́е, съ папа́мы за сто́лыкъ сида́е, то такъ судъ зизна́ў до то́го би́дного: „Абы́-сь такъ до мэ́нэ прыйшо́ў ни йшо́ў, ни йи́хаў, ни го́лый, ни оди́тый, то тогды будэ́ твоя́ корова!“ Прыйшо́ў би́дный до-до́му тай пла́чэ. А мау винъ доньку симь року́ма́ла, а́лэ була ду́жэ мудра. То тота́ донька́ ка́жэ: „Чого́ вы, та́ту, пла́чэтэ?“ Винъ ка́жэ: „Та каза́ў мы судъ ни йты, ни йи́хаты, абы́ ни го́лый, ни оди́тый!“—„Ой, та́ту, то вы то́го пла́чэтэ?“—Тай ка́жэ: „Да́йтэ мы саку́лю тай баранця́ и за́яця йнми́тъ мы, то я за васъ сама́ пи́ду!“ Тогды́ зия́ла съ сэ́бэ шма́тье, затя́гла на го́лэ ти́ло саку́лю, взя́ла баранця́ мэжэ́-ноги, а зяця въ ру́ки,—тай такъ прыби́гла на баранцы́ ажъ до су́ду пидъ бра́му. Судъ йи увы́диў тай вы́пустыў псы на нэ́и, абы́ йи роздэ́рлы, а́лэ она́ пусты́ла заяця, тай псы за за́яцёмъ поби́глы. Тогды́ йи ся той панъ пыта́е: „Хто тэбэ́ такъ нара́дыў?“— „Я сама́ такі́й ро́зумъ ма́ю!“

Тогды́ судъ заклы́каў тыхъ бра́тиў зноу до суду тай ка́жэ: „Котры́й мы ўпови́сть, що́ найроді́йшэ, найтя́жшэ, найсьвитлі́йшэ и найчысті́йшэ, то того коро́ва бу́дэ!“ Той би́дный прыйшо́ў до-до́му и зача́ў зноў пла́каты. Донька́ зноў ся пыта́е: „Чого́ вы, та́ту, пла́чэтэ?“—„Ой, ка́жэ, каза́ў мы судъ ўпови́сты, що́ е найроді́йшэ, найтя́жшэ, найсьвитлі́йшэ и найчысті́йшэ?“ Тогды́ она́ ка́жэ: „Йой, та́ту!

зэмля́ е найтя́жша и найроді́йша, а о́чы найсьвитлі́йши и найчысті́йши!" Тай той тогды́ пишо́ўсъ тымъ до суду. А бога́чъ зарі́заў пацюка́ и взяў пшэны́ци и то до суду взэ́з. Тай вжэ въ су́ди пыта́ются то́го бога-ча́: „А що́ тамъ, ку́мэ, угада́лы-сьтэ?" А той ка́жэ: „Мій пацю́къ то найроді́йшый и найтя́жшый, а пшэны́ця моя́ найчы-стійша и насьвитлі́йша; то я то па́новы дару́ю!" Тогды́ ся судъ пыта́е би́дного: „А ты якъ кажэшь?" „У мэ́нэ е зэмля́ най-тя́жша и найроді́йша, а о́чы сутъ найсьвитлі́йши и найчы-стійши!" Тогды́ судъ вжэ прызна́ў би́дному коро́ву. а́лэ ка́жэ: „Хто тэбэ́ такъ нара́дыў?" „У мэ́нэ е така́ диты́на симь литъ ма́е!"

Тогды́ панъ ка́жэ: „Абы́-сь каза́ў, абы́ мы прынэ́сла дару́нокъ и нэ-дару́нокъ!" Винъ прыйшо́ў до-до́му, такъ ся грызэ́, а донька́ ся пыта́е: „Чого́ вы, та́ту, зноў пла́чэтэ?" —„Бо бида́,—ка́жэ; каза́ў судъ, абы́-сь му прынэ́сла дару́нокъ и нэ-дару́нокъ!"—„Да́йтэ мы, ка́жэ, пта́ха, то понэсу́!"—Тай пишла́ съ пта́хомъ идъ тому па́новы тай дае́ му то́го пта́ха. а́лэ панъ наста́выу руку, тогды́ пта́ха пусты́ла и полэ́тиў: то буў такі́й дару́нокъ и нэ буў дарунокъ.

Алэ той панъ буў кава́лиръ. Тай тогды́ писла́ў по ей витця́ тай ка́жэ: „Я йи бэ́ру за жи́нку, бо она́ е мудрі́йша, якъ я!" Тай вжэ ся тогды́ обо́е пибра́лы. Алэ панъ дэ-сь разъ пойи́хаў у госты́ну. А йшлы ку́пци зъ доро́гы,—едэ́нъ сы ко́нэй накупы́ў, а дру́гый быки́ў. Тай оны́ въ ко́рчми ночува́лы тай кобы́ла въ ночы́ лоша́ ўро́дыла. Едэ́нъ ка́жэ купэ́ць: „То моя́ кобы́ла ўро́дыла лоша́!"—а дру́-гый собі́: „То мій быкъ уро́дыў!" Тай пишлы́ до су́ду, а́лэ па́на нэ бу́ло дома. Тогды́ вжэ тота́ ёго́ жи́нка розпы-та́лася ихъ сама́, чого́ оны́ хо́чутъ, тай тогды́ ка́жэ: „А цы хлопъ родытъ, цы ба́ба?" —„Та баба!" „Ну, то абы́-сь-тэ зна́лы, що то кобы́ла ўродыла лоша́, нэ быкъ!" Тай тогды́ купци пишлы́ собі́ гэтъ. Тай идутъ вжэ тоты́ ку́пци доро́гоў, а панъ йи́дэ. Тай ка́жэ едэ́нъ дру́гому: „Яка́ тота́ па́ни му́дра! такъ насъ розсуды́ла—ли́пшэ, я́къ-бы які́й судъ!" А панъ то ўчуў, прыйи́хаў до-до́му тай ка́жэ: „Ага́, то ты вжэ судъ ро́бышь сама́? иды́-жъ ты видъ мэ́нэ гэтъ, я тэбэ́ вжэ нэ хо́чу!" Алэ она́ ка́жэ: „Та хоть щэ повэчэ́раймо ра́зомъ!" Повечэ́ралы, а́лэ она́ зла́дыла ёму́ таку́

гарба́ту, що якъ йи ся паны́ў, то у спу́ў: она́ го тогды́ взя́ла на визъ тай вэзэ́. Винъ ся въ доро́зи пробуды́ў тай ка́жэ: „Йой, а ты мэнэ́ до вэзэ́шь?“ „Дэ я йи́ду, тамъ и тэбэ́ вэзу́!“ Тогды́ панъ ка́жэ: „Обэртаймо до-до́му, най вжэ будэ!“ Вэрну́лыся до-до́му тай вжэ она́ сама́ судъ робы́ла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

б). Буу едэ́нъ лисы́чій кавалиръ; хоти́ў ся жэны́ты, а́лэ нэ мигъ собі́ дибра́ты до свэ́и ўподо́бы жи́нки. Вэрну́ўся ду́жэ лю́тый зо сьви́та до-до́му тай заста́ў слугу́ на подви́рью и зача́ў крыча́ты на нэ́го: „Що́ ты ту такъ дармуе́шь, ли́са нэ нылыцуе́шь?“ А тамъ лэжа́ў вэлы́кій ка́минь, то ка́жэ панъ: „Абы́-сь мы съ того камэня шки́ру зняў до за́ўтра, бо якъ нье, то бу́дэшь смэ́ртью ка́раный!“

Тай той слуга́ прыйшо́ў до-до́му тай ся ду́жэ загры́зъ. Алэ ма́ў доньку-едыначку, що ма́ла лышэ́ симь литъ, то она́ ся го пыта́е: „Та́ту, чого́ вы ся такъ засумува́лы?“

„Злэ, доню! вэрну́ўся панъ лю́тый и казаў мэни́ съ ка́мэня шки́ру зня́ты!“ Она́ ка́жэ: „Иди́тъ до па́на и кажи́тъ, жэ панъ йи́здыў по сьви́ти, то пэ́ўнэ вы́диў, якъ ся съ ка́мэня шки́ру зныма́е; то най панъ троха зачнэ тоту́ шки́ру зныматы, а вы вжэ пото́му здойимытэ всю!“ Тай винъ прыйшо́ў до па́на тай ка́жэ: „Най мы панъ тро́ха ножо́мъ зачэ́пытъ шки́ру, то я здійму́ всю пото́му!“ Панъ ка́жэ: „Оў, хто тэбэ́ такъ пора́дыў?“ „Моя донька́!“

Тогды́ панъ ка́жэ: „Колы́-жъ тво́я донька́ така́ му́дра, то́ па́-тобі́ дэ́сять яецъ и занэсы́ ихъ до свэ́и доньки́, жэбы́ мэни́ на за́ўтра изъ тыхъ яецъ вы́вэла ку́рята, вы́годувала и прынэ́сла мэни́ на обі́дъ!“ Прыйшо́ў винъ до-до́му, прыни́съ доньці́ тоты́ я́йци и повида́е: „Каза́ў панъ, абы́-сь зъ тыхъ яецъ на за́ўтра вы́плодыла ку́рята и вы́годувала до обі́ду!“ Ди́ўчына ка́жэ: „До́брэ, а́лэ на́-тэ вамъ ква́рту пшона́, абы́ панъ тото пшоно́ посіяў и на за́ўтра зибра́ў и змолоты́ў и мэни́ жэбы́ прыни́съ, бо нэ маю чымъ курята годува́ты!“ Той узя́ў пшоно́ и поні́съ до па́на и такъ па́ну розпови́ў, якъ донька́ каза́ла.

Панъ тогды повидае до нэго: „Я пшона сіяты нэ буду и курятъ вжэ нэ хочу, алэ въ мэнэ заўтра будэ баль, то абы твоя донька була въ мэнэ на балю; алэ, кажэ, абы и йшла и йихала, и дорогоў и но-за дорогоў, гола и одита, и абы мэни такій дарунокъ прынэсла, абы я го выдиў, а нэ взяў!" Прыйшоў отэць до-дому, кажэ то всё доньці, жэ панъ такъ казаў. Тай кажэ: „Мэнэ-сь выкупыла видъ клопоту, а сама-сь въ такій зализла, жэ й нэ вылизэшь!" Она кажэ: „Этъ, то дурныця! лышэ прынэсітъ мэни, тату, два голубци и злапайтэ мэни вивьерку, тай вжэ!" Отэць пишоў въ лисъ, пойнмаў два голубы тай вивьерку и прынисъ то доньці. Она тогды ўбралася въ сакулю, то була й гола и одита; взяла вивьерку у мищэ й голубы въ хустыну, взяла цапа на доугый шнуръ и сила соби на цапа и йидэ: троха йидэ дорогоў, а видтакъ злизэ съ цапа и пущае цапа но-за дорогу, то такъ и йидэ и йдэ, дорогоў и но-за дорогу, якъ панъ казаў,—такъ ажэнь до панового дворў. Алэ панъ якъ йи сдалэку увыдиў, казаў слугамъ псы спустыты, абы йи псы зайилы; псы до нэи ся пустылы, а она вивьерку зъ мищэты пустыла на зэмлю, то вивьерка полэтила, а псы за нэю, за нэю. Тогды вжэ она прыйшла пэрэдъ пана на ґанокъ. Панъ заразъ выйшоў съ паньствомъ, дывятся на ту комэдыю. Тогды она тыхъ два голубци зъ хустыны выймыла и пановы показала; алэ якъ панъ вжэ хотиў браты, тогды ти голубци пустыла, а оны злэтилы и пропалы: выдиў панъ дарунокъ, а нэ взяў.

Тогды вжэ панъ увыдиў, що она мудрійша видъ нёго, тай ся съ нэў ожэныў.

(Отъ Николая Жетайляка въ Доброгостовѣ.)

69.

Попъ-знахарь.

а). Взя́лы ся ксёндзъ съ дякóмъ ра́дыты: я́къ-бы то, а́бы оны́ ста́лы ворожбы́тамы? А дякъ ка́жэ такъ: „Я бу́ду кра́сты кóни, вóлы, позавóджу въ лисъ и вамъ пови́мъ, а вы бу́дэтэ лю́дямъ ворожы́ты—дэ то е, що имъ пропа-ло!“

Взяу́ дякъ, укра́ў у богача́ кони, зави́ў въ лисъ въ дэ́бру и прыпня́ў тамъ; тогды́ прыхóдытъ и повида́е ксёндзовы, въ котри́мъ ми́сцы вжэ ти кóни сутъ. Бога́чъ за ки́ньмы шука́е нэма́ кóнэй. Тогды́ ксёндзъ ка́жэ: „Я ма́ю таку́ кны́жку тамъ е за ри́жни ри́чы; мóжэ-бы я ся въ нiй и до ва́шыхъ кóнэй дочыта́ў?“ Чыта́е-чыта́е ксёндзъ и ка́жэ: „Ва́ши кóни укра́ў злóдiй, а́лэ нэ маў щэ часу́ прода́ты, то ихъ прыпня́ў въ ли́сп кóло бука!“ Идэ́ хлопъ до ли́са кóни е! Прыхóдытъ до ксёндза дя́коваты.

„А щó, е кóни?“ „Е, еуóмость!“ Тай ка́жэ хлопъ: „Ну, а щó-бы еуомóсцэвы да́ты за то, що мы ся худóба вэрну́ла?“ —„Дай два́йцить ры́ньскихъ!“— Ну, щó хлóповы? дóбрэ, що е кóни,— даў.

И оны́ ворожы́лы такъ обыдва́ дэ́сить литъ, грошэ́й сы дóсыть вжэ назбыва́лы. Алэ въ 10 литъ тра́фылося у па́на укра́лы му ка́су, и та́кой ёго вла́сни слу́гы, трыихъ, укра́лы. Щó робы́ты? нэзна́ты дэ ся ка́са поди́ла? Тогды́ той панъ чуў, що ксёндзъ всю́да ворóжытъ, то запря́гъ кони и писла́ў по нэ́го; а́лэ я́къ-жэ тэпэ́рь ксёндзовы ворожы́ты за ка́су, колы́ винъ о тимъ нищъ нэ зна́е? Ну, а́лэ му́сытъ йи́хаты, бо панъ нэ жарту́е. Прывэ́злы вжэ ксёндза до па́на, за́разъ панъ ка́жэ: „На́й-бы ся ксёндзъ дочыта́ў за мóи грóши, то я за то дамъ па́ру сóтокъ; а якъ мы нэ вы́ворожышь, ка́жэ, то тя стра́чу!“ И замкну́ў ксёндза до покóю, даў му сьви́тло та́мка и ка́жэ: „Сыды́-жъ ту, дóки мы нэ пови́шь, дэ мои́ грóши!“ На ра́но прыхóдытъ панъ, пыта́еся: „А щó, еуóмость, дэ грóши?“—„Ой, ка́жэ, щэ-мъ нэ найшóў! вжэ туй-туй, а щэ-мъ нэгóдэнъ дочыта́тыся! можэ вжэ сэ́н нóчы!“ Каза́ў му панъ да́ты йи́сты и замкну́ў знóву:

„Чыта́й!“ На другый дэнь прыхо́дытъ панъ зноу, пыта́еся: „Е вжэ мои гро́ши?“ „Ой, ни, щэ-мъ нэго́дэнъ! вжэ на ту ничь мо́жэ!“ Зноу́ му панъ даў йи́сты и замкну́ў.

Вжэ тре́ту ничь сыды́тъ ксёндзъ; сыды́тъ соби́, сьви́чка ся сьви́тытъ. А ти тры злодіи, що то гро́ши ўкра́лы, пора́дылыся и писла́лы едно́го пидъ викно́ до ксёндза. „Подывы́ся, ка́жутъ, що́ винъ тамъ ро́бытъ? чы винъ ся тамъ до насъ нэ дочыта́ў?“ Той тогды́ прыхо́дытъ пидъ викно, а когу́тъ тогды́ запіяў: кукури́ку! А ксёндзъ тогды́ гада́е сы: „О, вжэ когу́тъ ніе, вжэ бу́дэ бо́рзо дэнь!“ Тай ка́жэ: „Сла́ва тоби́, Го́споды, вжэ нэ́ршый!“ ни́бы гада́е сы, жэ нэ́ршый когу́тъ запіяў, а́лэ той соби́ мы́слытъ зло́дій, що то ксёндзъ вжэ дочыта́ўся до нэ́го, що вжэ го зна́е. Тай за́разъ побы́гъ до тыхъ кумпа́нну тай ка́жэ: „Ого́, вжэ ксёндзъ ся до мэ́нэ дочыта́ў, вжэ мэнэ́ зна́е!“ И оповиў имъ, якъ бу́ло. Тогды́ взя́лы ся ра́дыты тай писла́лы дру́гого пидъ викно дывы́тыся; той прыхо́дытъ тай зноу́ такъ тра́фыў, що когу́тъ запіяў: кукури́ку! А ксёндзъ ка́жэ: „Сла́ва-жъ тоби́, Го́споды, вжэ дру́гый!“ Той учу́ў, настра́шыўся тай побы́гъ до тамты́хъ двохъ и ка́жэ: „Ого́, вжэ й мэнэ́ зна́е!“ Тай тре́тый тогды́ ка́жэ: „Ну, то щэ я пи́ду!“ Пишо́ў, ста́пуў пидъ викно́мъ, а когу́тъ зноу́ своё: кукури́ку! Тай ксёндзъ тогды́ ка́жэ: „Сла́ва-жъ тоби́, Го́сподоньку, вжэ тре́тый!“ Той знову утикъ тай вжэ ся такъ боя́тъ вси тры гада́ютъ сы, жэ вжэ ксёндзъ на всихъ ихъ дочыта́ўся; тай иду́тъ тогды́ до ксёндза пидъ викно́ и пу́кають до викна́. Ксёндзъ витворы́ў, пыта́еся: „Хто тамъ?“ -„А мы!“—„Та яки́ мы?“—„Та мы тоти́ гро́ши укралы! ино вжэ про́шу ла́ски Па́на-бога тай суомости, абы-сьтэ нэ каза́лы па́ну на насъ!“ -„Та ни, нэ ска́жу! а́лэ дэ́ гроши?“ „А тамъ, кажутъ, въ гною мы схова́лы!“— Ксёндзъ вжэ ся утиныў, бо що то? тры по́чы вжэ, якъ въ крымина́ли сыды́тъ!

Вжэ на ра́но панъ прыхо́дытъ, пыта́еся: „Ну, а е вжэ гро́ши?“ А ксёндзъ ка́жэ: „Лэ́дво-нэлэ́дво дочыта́ў-емъ-ся до тыхъ гро́шэй!“ „Дэ-жъ оны́?“ Ксёндзъ му тогды́ ўповиў; вы́тягнулы зъ гно́ю скрынчы́ну е гро́ши вси. Тогды́ панъ даў ксёндзовы па́ру сотокъ и видпустыў го до-до́му.

Тогды ксёндзъ прыйхаў до-дому тай кажэ до дяка: „Вжэ я бильшэ ворожыты нэ хочу!" И щобы му людэ далы спокій, взяў и запалыў обыстье згорило всё; то якъ людэ прыходылы за радоў, то вжэ ксёндзъ казаў: „Я вжэ нэ можу ворожыты, бо мэний книжка згорила, а зъ ончои книжки, кажэ, вжэ ворожыты нэ умію!"

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

61. Булы бидный ксёндзъ тай дякъ. Прыйшлы Вэлыкодни сьвята, а оны нэ малы й паски. Тай прыйшоў дякъ до ксёндза тай кажэ: „Мы такъ цэрквы служымо вирно, а таки-сьмо бидни, жэ нэ маемо навить паски!" Тогды ксёндзъ кажэ: „Що-жъ я ту пораджу?" Кажэ дякъ: „Най ксёндзъ будутъ за ворожбыта, а я буду красты!"

Пишоў дякъ до одного пана и украў бугая; а якъ го виў изъ стайни, то ўбуў бугая на вси штыры ногы у чоботы, абы сьлиду нэ було товарячого. Тай завиў го въ лисъ, прыпняў мажы потоками на спози, а самъ пишоў до ксёндза и розповиў ёму дэ того быка прыпняў, абы ксёндзъ знаў ворожыты. Тай тогды пишоў до того пана, бо панъ дужэ шукаў за бугаёмъ тай ся дужэ грызъ тай казаў панъ: „Кобы мы хто того бугая вынайшоў, заразъ-бы-мъ даў сотку!" Тогды дякъ кажэ: „Въ нашимъ сэли е ксёндзъ винъ знае добрэ ворожыты, то винъ вамъ можэ вынайдэ быка!" Панъ поййхаў до ксёндза, тогды ксёндзъ му сказаў, що злодіе быка укралы, алэ ихъ дэнь захопыў, то нэ моглы съ нымъ дальшэ иты, лышэ го въ лиси на спози прыпнялы. Заразъ слугы пишлы и бугая найшлы въ лиси на тимъ мисцы, дэ ксёндзъ казаў. А панъ-дидычъ выймыў сотку и даў ксёндзу: тэпэрь вжэ сутъ сьвята!

А дякъ пишоў зноў до другого пана и украў волы и видвиў дэ-сь у потикъ, прыпняў, а потому ксёндзу то розповиў. А самъ пишоў до того пана тай кажэ, що въ тимъ сэли е ксёндзъ дужэ вэлыкій ворожбытъ всё знае. Тай панъ поййхаў до ксёндза, ксёндзъ му сказаў дэ быки, тай слугы быки найшлы. Зноў той панъ даў сотку ксёндзовы.

А у якого-сь трэтого пáна вжэ самú слýгы укрáлы золотый пэрстинь. А панъ довúдаўся, що той ксёндзъ такій ворожбытъ, то зáразъ пислáў по ксёндза.

„Якъ мэнú, кáжэ, нэ новúшь -дэ той пэрстинь, то тя стрáчу!“ Тогды ксёндзъ кáжэ: „Якъ я мóжу знáты, дэ твій пэрстинь? áбо я го укрáў?“ Тогды панъ ввэргъ ксёндза до вязныцы. Прыйшлá ничь запíяў когýтъ пэршый разъ; слугá ся схóныў -щó тамъ ксёндзъ рóбытъ? А ксёндзъ кáжэ: „А Гóсподы, вжэ пэршый!“ винъ такъ гадáў, що пэршый когýтъ вжэ запíяў, áлэ слугá ся дýжэ ўпýдыў, бо гадáў, що то ксёндзъ на нёго кáжэ. Зáразъ запíяў когýтъ дрýгый разъ; тогды дрýгый слугá ся схóныў слýхае нидъ двэрмы. А ксёндзъ кáжэ: „Гóсподы, вжэ дрýгый!“ На той часъ запíяў когýтъ трэтый разъ; тогды ся вжэ трэтый слугá зырвáў, слýхае. А ксёндзъ кáжэ: „А Гóсподы, вжэ е трэтый!“ Тоты тры слугы пишлы тогды ксёндза просыты, абы на ныхъ нэ новúў, що то оны пэрстинь ўкрáлы, тай му дáлы трóха грóшэй—заслужэны́ны свэ́и, абы нэ ўповúў. Тогды имъ ксёндзъ кáжэ: „Нэ скáжу, áлэ залипúтъ той пэрстинь у тúсто и вэрзьтэ мэ́жы ёндыки, а котрый ёндыкъ иззúсть, абы-сьтэ мы ўповúлы!“ И ззиў ёндыкъ чóрный, що бúлэ крылó маў, то ти слýгы то зáразъ ксёндзовы ўповúлы. Тай вжэ рáно ксёндзъ сказáў пáну: „Вжэ знáю—дэ пэрстинь! слýжныця вымэла го зо сьмитёмъ на-двúръ, а чóрный ёндыкъ съ бúлымъ крылóмъ ззиў го!“ Зарúзалы тóго ёндыка тай найшлы пэрстинь.

Тогды панъ взяў, вэргъ косý у керныцю тай кáжэ до ксёндза: „Колы ты такій вэлыкій ворожбытъ, то скажы-щó я такé вэргъ у керныцю?“ Тогды ксёндзъ кáжэ: „О-тó, вжэ трáфыла косá на кáминь!“ гадáў сы, що ту вжэ ёгó смэрть бýдэ. Алэ тогды панъ даў му щэ й дрýгу сóтку -за то, що такъ дóбрэ видгадáў.

Тóму ксёндзу бýло имя́ Свэрщóкъ. И панъ ноўнмáў свэрщкá и положы́ў нидъ обрусъ на стиў. Тай кáжэ до ксёндза: „Щэ видгадáй мэнú щó тýтка е?“ Тогды ксёндзъ кáжэ: „Ой, Свэрщкý, Свэрщкý, то-сь ся упáў въ рýки катúў!“ такъ на сэбэ. А панъ учýў, що винъ кáжэ: Свэрщкý, -тай зачýдуваў-

ся самъ, що винъ такъ всё знае. Даў му трэ́ту со́тку тай ка́жэ: „Йды вжэ гэтъ видъ мэ́нэ, ты-бы видъ мэ́нэ всё па́ньство вы́браў!“

Тогды вжэ ма́лы до́брый Вэлы́кдэнь и ксёндзъ, и дякъ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

70.

Ворожея.

Була бидна вдовыця съ диточка́мы и ма́ло по що-дэ́нь ходыла до еуомо́сця, щобы йи чымъ обдарува́лы. Спрыкрылося парэ́шти еуомо́сцёвы, тай ка́жэ до нэ́и, щобы собі якый-сь заро́бокъ вы́найшла: „Отъ, могла́-бы-сь ворожы́ты!“

Послу́хала баба тай пишла́ рва́ты зи́ля. Надхо́дытъ друга ба́ба тай пыта́еся: „На́-що вы тото, ку́монько, рвэ́тэ?“

„Ой, то помичнэ́ видъ усёго!“ видпови́ла вдова́.—„А на що-жъ?“—„А, ка́жэ, тото́ видъ коро́ў, тото́ видъ боля́чки, тото́ видъ пэрэлы́стныци. *) а ось-то́ видъ диво́къ!“—„А на що-жъ тото́ видъ диво́къ?“—пыта́еся кума. „Щобы ся виддава́лы!“ ка́жэ вдова. „Ой, ку́монько, да́йтэ-жъ мэ́ни того зи́ля!“ ка́жэ кума́ (а у нэ́и бу́ло тры до́ньки вси видъ винэ́ць). Нарва́ла вдовы́ця яко́го-сь бурьяну́ тай ка́жэ до нэ́и: „До схидъ со́ньця обкури́тъ тымъ свои́ до́ньки и най тры ра́зы обійду́тъ ха́ту доўко́ла!“

Прыйшлы́ оси́нни мясны́ци прыйшлы до кумы́ сватачи́, а що ба́ба до́брэ ви́но да́ла, то въ зы́мни мясны́ци прыйшлы по дру́гу, а по Вэлы́цидны виддалася й трэ́та. Ба́ба надава́ла воро́жци вся́чыны и варэ́нэ, и пэчэ́нэ, всимъ ей обдарува́ла, що́ хоти́ла. А щэ до то́го розголосы́ла, що она́ сла́ўна воро́жка, то такъ до нэ́и лю́дэ йшлы, якъ по сьвячэ́ну во́ду.

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

*) См. ниже—въ приложеніяхъ—повѣрья о дикой бабѣ.

71.

Околдованный мужъ.

Такъ ходыў кумъ до кумы. Алэ тота кума мала чоловика тай хотила го счэрувaты, абы винъ ницъ нэ выдиў и нэ чуў. Пишла она до ворожки, абы йій въ тимъ порадыла. Ворожка йій дала такій порошокъ, що якъ того всыплэ до стравы, то чоловикъ заразъ и осьлиниэ, и оглухнэ. Алэ той ей чоловикъ нидслухау тоту ихъ пораду, -ну, алэ нэ казаў жинци ницъ. Тай она сховала той порошокъ у скрыню, хотила му вжэ вэчиръ даты до вэчэри. Алэ винъ то зо скрыни гэтъ высыпаў, а тамъ йій на тото мисцэ положыў порошку зъ порохна. алэ она о тимъ ничо нэ знала.

Тай такъ ввэчиръ жинка зварыла порошокъ тай му ся дала напыты. Винъ выпыў тай потому кажэ до нэи: „Йой, жинко, та-бо я чого-сь нэ выджу!“ Дала му щэ ся напыты, а винъ кажэ: „Йой, та я вжэ й нэ чую!“ Тай тогды лягъ сы на запичь спаты.

А въ ночы прыйшоў кумъ до ёго жинки. Тай она ся тогды пытае чоловика: „Цы чуешь ты що, цы выдышь що?“ „Ани нэ чую, ани нэ выджу!“ Она тогды взяла тай поставыла на стиў пырогы, смэтану, тай сила кума съ кумомъ йисты. Алэ она выйшла на-двиръ, а чоловикъ тогды съ нэчы схопыўся, взяў макогинъ тай забыў кума. Тай запхаў му пырогъ въ пысокъ, а самъ лягъ спаты. Ввійшла жинка до хаты тай кажэ: „Йой, цы выдышь ты, чоловичэ, удавыўся кумъ пырогомъ!“ Винъ кажэ: „Э, то байка!“

Тай тогды взяў кума на плэчи тай пониcъ до пана. Тай тамъ го поставыў пидъ викно тай взяў клыкаты пана, алэ панъ ся нэ обзываў. Тогды винъ взяў тай выбыў викно, а самъ сховаўся въ корчи. А панъ выйшоў съ фузьоу тай стрилыў до того мэрлого пидъ викномъ, ажъ упаў. Тогды той зъ корчиў выбигъ тай кажэ: „То такъ, панэ? забыў-есь хлопа? я тя, кажэ, виддамъ до крыминалу!“ Алэ панъ ся дужэ напудыў тай кажэ: „Йой, нэ кажы ницъ, бійся Бога! я ты дамъ, що хочэшь!“ Тай му то-

гды́ панъ даў доста грошэй тай кони, котрй найлйпши, тай випъ сы тогды поййхаў до-дому и розбогатйў на цилэ́ сэло́.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

72.

Ловкій воръ.

Такъ бу́лы два бра́тьи: ста́ршый буу богатый, а́лэ буў зло́дiёмъ, а моло́дшый буў бйдный, а́лэ буў чэ́сный ґа́зда. Ста́ршый нэ мау дитэ́й, а моло́дшый маў тры хло́пци. То ка́жэ той ста́ршый братъ до моло́дшого: „Дай ты мэнй свого найста́ршого сы́на въ-прыймы: на́-що, ка́жэ, мае мiй маетокъ ить въ чужй руки? ёму́ лы́шу!" И взяў сы найста́ршого сы́на и пишо́ў съ нымъ у лисъ. Тай той хло́пэць увы́диў въ лйси фа́йни бу́ки. — „Стры́ку, ка́жэ, якъ-бы тоты́ бу́ки на чэ́твэро розколо́у, то-бы булы́ фа́йни о́сы до во́за!" — Алэ той ка́жэ тогды́ до хло́пця: „Ой, тэбэ́ мэнй нэ трэ́ба!" Тай прыйшо́ў до бра́та и ка́жэ: „Бра́тэ, дай мэнй сэрэду́щого сы́на, бо той нэзда́лый!" Тай узя́ў сы сэрэду́щого хлопця и пишо́ў съ нымъ у лисъ. А хло́пэць увы́диў фа́йни бэрэ́зы тай ка́жэ: „Стры́ку, изъ тыхъ бэрйзъ булы́-бы фа́йни оглоблй до саня́й!" Тогды́ стрыкъ ка́жэ: „Ой, гэтъ сы иды́, мэнй тэбэ́ нэ трэ́ба!" Тай пишо́ў по наймоло́дшого хло́пця до бра́та. — „Дай мы, ка́жэ, наймоло́дшого хло́пця, бо ти ся мэнй обыдва́ нэ сподобалы!" — Тай и съ тымъ пишо́ў найнэ́ршэ у лисъ. А хло́пэць увы́диў въ лйси фа́йни бу́ки. Ка́жэ: „То-бы до́брэ бу́ло ты́мы бу́камы комо́ры пидважуваты!" Тогды́ стрыкъ ка́жэ: „А жэ́нь ты мiй, бо ты дба́ешь о зло-дiйство!"

Тай иду́тъ оны́ оба́ по́-пры гостынэцъ, а тамъ жэнэ́ якiй-сь хлопъ виўцю́. Тогды́ той хло́пэць ка́жэ: „Стры́ку, я́-бы ту виўцю́ укра́ў видъ нёго!" — „Ба, та якъ украдэ́шь, хиба́ го за́бьешь?" — „Ой ни! я съ нёго, стры́ку, и порткй ўкраду́!" — „Та крады́!" — Тай винъ тогды́ пишо́ў, обма-

стыу чобитъ болотомъ тай вэргъ напэрэдъ того хлопа на дорогу. А той идэ по-пры чобитъ, але ся й нэ дывытъ на чобитъ, бо буў дужэ обсмарованый болотомъ. Алэ хлопэць зноў той чобитъ ўхопыў тай обмыў тай полэтиў напэрэдъ хлопа и вэргъ вжэ чыстый чобитъ на дорогу. Хлопъ увыдиў, що вжэ другый чобитъ лэжытъ, тай гадае сы: „О-то, хто-сь пару чобитъ згубыў; нэ мигъ-жэ я тамтой чобитъ пидняты, то-бы-мъ маў добру пару!" Тай тогды оглянуўся, жэ никого на дорози нэма, и рыпняў виўцю до дэрэва, чобитъ положыў коло нэи, а самъ вэрнуўся назадъ по той другый чобитъ. А той тогды забигъ хлопэць, ўхопыў виўцю и чобитъ тай утикъ. Хлопъ тамъ чобота шукае-шукае—ай нэма. Вэртаеся, а ту й того чобота нэма, и виўци нэма. А хлопэць взяў, борзо виўцю облупыў тай пэрэбигъ того хлопа и заихаў тоту шкиру у болото, такъ що воўну було выдко навэрха воўноў. Хлопъ надійшоў тай кажэ: „О-то-сь ся тутка въ багно ўпакувала, а я тя шукаю!" Тай пустыўся за виўцёў лизты, але жалуваў портки, абы нэ обталапаты въ болоти, то здіймыў тай положыў на камиць, а тогды полизъ у болото. Тогды хлопэць забигъ, портки ўхопыў тай утикъ.

Тай тогды кажэ до стрыка: „Стрыку, мы тэпэрь будэмъ ту виўцю пэчы!" Взялы виўцю пэчы, а винъ тогды кажэ: „Стрыку, я йду за водоў, бо мы ся пыты хочэ!" Алэ взяў сы михъ, намыкаў травы у михъ тай взяў дручокъ въ руки тай въ той михъ бье, а самъ крычытъ: „Йой, ґваўту! то нэ я виўцю краў, то мій стрыкъ!" А стрыкъ то за корчима учуў, гадаў сы, що то шандары хлопця бьютъ, то мясо лышыў и ўтикъ. Той тогды прыйшоў, виўцю допикъ, добрэ сы попойиў тай понисъ рэшту и продаў.

Алэ ся вжэ до стрыка нэ вэртаў, лышэнь собі пишоў въ сьвитъ на крадижъ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

73.

Воръ Климко.

Такъ прыйшо́ў до ксёндза служы́ты хлопъ называ́ўся Клымко́. Алэ винъ собі́ дужэ полюбы́ў доньку́ ксёндзову тай хоті́ў ся съ нэ́ў побыра́ты. Алэ ксёндзъ ся о тимъ довідау тай ка́жэ до нёго: „Будэ́шь ся съ моёў доньку́ў жэны́ты, якъ украдэ́шь у мэ́нэ що найкра́сши во́лы, якъ вы́йдутъ слу́гы на по́лэ ораты!“ Тогды́ винъ пишо́ў до ми́ста, накупы́ў собі́ ку́рятъ тай пишо́ў съ ты́мы ку́рятамы на по́лэ. Алэ то було́ пидъ ли́сомъ, то винъ попущаў ку́рята тай ку́рята ся розлэ́тилы по ли́си. А ксёндзови слу́гы то увы́дилы тай побі́гилы за ты́мы ку́рятамы въ лисъ—хоті́лы пойима́ты. Тогды́ той Клымко́ заби́гъ, два во́лы ўхопы́ў тай забраў. Алэ якъ браў ти во́лы, то повидри́зуваў тымъ вола́мъ хвосты́ и дру́гымъ у ны́сокъ вола́мъ позатыка́ў, що ся лышы́лы въ плу́зи. Слу́гы прыхо́дятъ воли́ў пэма́. Тогды́ гада́лы сы, що то быки́ едни́ дру́гыхъ ззи́лы, бо хвосты́ ма́лы въ пы́ску. А винъ ста́нуў сы на фосъ тай схова́ўся за дуба тай всэ клы́чэ: „Фы-фы-фи́ў, виў вола́ ззиў!“ Слу́гы попрыйиждка́лы вжэ до-до́му, ксёндзъ ся пыта́е: „А щэ два быки́ дэ?“ Слу́гы ка́жутъ, що быки́ едни́ дру́гыхъ пойи́лы, а́лэ ксёндзъ ка́жэ: „То Клымко́ ўкраў!“

Тогды́ ка́жэ до нёго: „Ты щэ нэ бу́дэшь у мэ́нэ доньку́ сва́таты, ажъ по́ки нэ украдэ́шь у мэ́нэ ко́ни зо ста́йни!“ А Клымко́ ка́жэ: „Вкраду́!“ Прыйшо́ў вэ́чиръ, а ксёндзъ попрыпына́ў псы на бра́махъ, а шты́ры слу́гы стэрэгли́ ко́ни. Тогды́ Клымко́ взяў ґа́рнэць оковы́тки въ ко́рчми и взяў муки́, замисы́ў ти́сто на оковы́тци и даў то псамъ, то псы ся поны́лы, а винъ ихъ тогды́ повидпына́ў и на бра́махъ пови́сыў вси псы. Тогды́ самъ вы́лизъ на пи́дрю и зача́ў ка́паты оковы́ткоў до ста́йни, а слу́гы то почу́лы тай зача́лы ту оковы́тку лыза́ты, гада́ютъ сы: „О-то́, яки́й фа́йный дощь!“ Тогды́ винъ узя́ў ту оковы́тку що-ра́зъ ду́жшэ льля́ты, то ся слу́гы гэтъ поны́лы и полига́лы спа́ты. Винъ крузь стэ́лю влизъ до ста́йни тай позвя́зуваў слу́гы вси за воло́сье доку́пы. Тогды́ сы витворы́ў двэ́ри, взяў ко́ни тай займы́ў

до-дому. Рано выходытъ ксёндзъ, дывытся, а псы на брамахъ повишали; идэ до стайни, а тамъ конэй нэма, а слугы бьются, едэнъ на другого крычытъ: „Пусты мы волосье!“ То ксёндзъ имъ волосье порозрызуваў тай кажэ имъ: „О-то-сьтэ кони пыльнувалы! адитъ, вжэ Клымко ўкраў!“

Алэ щэ ксёндзъ кажэ до Клымка: „Щэ ты доньки нэ дамъ, поки щэ едну ричь нэ зробышь: якъ украдэшь у мэнэ зыґарокъ, то вжэ на-пэўнэ ся будэшь жэны ты!“ А той зыґарокъ выспу падъ лижкомъ, тамъ, дэ ксёндзъ спаў. Пишоў Клымко у ночы, выкопаў ўмэрлого зъ гробу, прыйшовъ пидъ викно тай пхае крузь викно ўмэрлого до ксёндза. Ксёндзъ гадаў, що то ся Клымко пхае, то взяў палашъ тай тому ўмэрлому голову видтяў. Тай тогды выйшоў зъ покою, абы вжэ того дэ сховаты, а Клымко за той часъ влизъ крузь викно до покою, зыґарокъ ўхопыў тай пишоў.

Рано ксёндзъ вжэ кажэ до нёго: „Щэ едно: якъ мэнэ самого украдэшь, то ты вжэ доньку дамъ на-пэўнэ!“ — „Чому ни? украду!“—Тогды пишоў Клымко до мисто до золотныка, взяў сы золотый мундуръ и золоту палыцю— убраўся такъ, якъ сьвятый Пэтро, и прыйшоў въ ночы до ксёндза и кажэ: „Ныныка вси ксёндзы мають иты на страшный судъ, то ходы и ты, бо я сьвятый Пэтро!“—„Почкай щэ, сьвятый Пэтрэ, най ся умыю!“ „Алэ боршэ!“ Ксёндзъ ся умыу, кажэ: „Почкай щэ, сьвятый Пэтрэ, най попойимъ на дорогу!“—Алэ той кажэ: „На страшный судъ нэ трэба йисты!“ Тай ксёндзъ зибраўся, кажэ му тогды Клымко: „Лизь у той михъ!“ Ксёндзъ зализъ у михъ, тогды той пониcъ ксёндза. Такъ вжэ по тэрню ксёндза волочытъ, по камиию, а ксёндзъ сы гадае: „То пэўно тэрновоў дорогоў мы йдэмъ до царства!“ Потому заниcъ ксёндза тай повисыу такъ въ михў на банта, тамъ, дэ кўры ночовалы. Тай всэ йдэ тай коўтае у двэри, а ксёндзъ всэ кажэ: „О, Господы, прыймы мэнэ до царства твого!“ Тай потому Клымко тамъ лишыў ксёндза въ курныку тай пишоў спаты. Рано выйшлы служныци выпущаты куры, а ксёндзъ кажэ: „Господы, чы я щэ доўго ту буду въ чыстылыцы?“ Служныци ся напудылы и поўтикалы до хаты. Ажъ тогды Клымко ксёндза выпустыў зъ миха на волю. Тай

вжэ тогды даў му ксёндзъ доньку тай винъ ся съ нэў ожэны́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

74.

Какъ жидъ и жидовка вознеслись на небо.

Буў жыдъ дужэ богатый и тамъ ковáль ходы́ў до нёго: той ковáль зáўшэ пыў горйўку. áлэ нэ маў чымъ платы́ты, бо вжэ всё, що маў, пропы́ў, то жыдъ вжэ му нэ хотйў давáты горйўки. Тогды́ той ковáль дэ-сь роздобўў собй шўстку, купы́ў за шўстку сьвичóкъ, зробы́ў сы лихтáръ и прыйшóў у ночы́ до тóго жы́да пидъ викнó. И вси рáзомъ сьвичкй засьвиты́ў и кáжэ: „Мóйшэ, чы спышь ты?“ такъ нйбы áнголъ кáжэ. „Нэ силю!“ „Абы́-сь ковалэ́вы подаруваў тоты́ грóши, що винъ ты вы́нэнъ, то пйдэшь счаслы́вый до нэ́ба!“—„Подарýю, кáжэ, áлэ якъ я пйду до нэ́ба?“—„Лизь у кóмынъ—тамъ е воловйдъ, то засылы́ сы воловйдъ за шы́ю, а я тя вы́тягну до нэ́ба!“ -Ну, той жыдъ полйзъ у кóмынъ, засылйў сы воловйдъ на шы́ю, а ковáль тогды́ потягнýў—тай вжэ по жы́ди: пусты́ў дóли комыномъ трупъ.

Прыхóдытъ ковáль рáно, жыдйўка му дáла горйўки тай кáжэ: „Мій чоловйкъ пишóў въ ночы́ до нэ́ба; áлэ нэ́ўнэ дýжэ кляў, то го вйдтамъ скéнулы тай упáў назáдъ!“ А ковáль кáжэ: „Мóжэ й васъ такъ вóзьмутъ до нэ́ба, áлэ абы́-сьтэ нэ кля́лы!“—„А дэ́ бы я кля́ла, я бýду сьпивáты!“—Прыхóдытъ ковáль дрýгои ночы, зноў той лихтáръ засьвиты́ў тай кáжэ: „Хáна, абы́-сь тóму ковалэ́вы заантэбэлювáла всій маéтокъ, бо на дрýгу ничь пидэ́шь до нэ́ба!“

У дрýгый дэнь онá заклы́кала коваля́ до сэ́бэ тай поантэбэлювáла ёмý вси дóбра. „Бо я, кáжэ, тои нóчы пйду до нэ́ба!“—Прыхóдытъ ковáль въ ночы́, клы́чэ: „Хáна, ходы́ до нэ́ба!“—„Та якъ мáю иты́?“ „Такъ, якъ твій чоловйкъ ишóў: лизь у кóмынъ!“ Полйзла Хáна у кóмынъ, за-

сылыла сы воловидъ за шыю, тогды ковалъ потягнуў—ўмэрла вжэ й жыдиўка. Тай такъ ковалъ остаў у тыхъ жыдиўськихъ добрахъ, богачомъ стаў на цилэ сэло.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

75.

Жидовскій Мессія.

Такъ едэнъ чоловикъ служыў у жыда до самои старосты, а на старисть нэ змигъ вжэ робыты и згорбатиў, то жыды го гэтъ нагналы. Алэ винъ такъ соби думае: „Я тоты жыды мушу чымо-сь змудруваты!“ Тай тогды пишоў до миста и накупыў соби билого полотна тай шмаркачкиў. Тай у ночы обвынуўся у то полотно, взяў шмаркачкы и позастрамкуваў на митлу тай такъ пишоў нэрэдъ ту жыдиўську хату. Тогды ти шмаркачкы вси позасьвичуваў тай клычэ до викна: „Мойшэлэ!“ такъ тры разы сказаў, алэ Мошко нэ обзываўся. Тогды вжэ сказаў такъ: „Мойшэлэ, я ангэлъ съ нэба! мэнэ Господь пислаў сказаты, що твоя Сура породытъ Мэсыяша!“ Жыдъ то ўчуў, пэрэполошыўся, нэ мигъ навить слова промовыты. Идэ той хлопъ другои ночы до жыда. Позатыкаў сьвички на митлу, позасьвичуваў, стаў пидъ викна тай клычэ: „Мойшэлэ, я ангэлъ съ нэба! твоя Сура породытъ Мэсыяша!“ Тогды рано Мошко встаў, пишоў радытыся до рабина. Кажэ: „Прыходыў ангэлъ съ нэба, що моя Сура породытъ Мэсыяша!“ Тай рабинъ кажэ: „Добрэ, алэ абы-сь ся щэ запытаў, хто мае буты отэць тому Мэсыяшовы?“ Прыйшоў хлопъ трэтои ночы, позасьвичуваў сьвички пидъ викнамы тай клычэ: „Мойшэлэ, Мойшэлэ! я—ангэлъ съ нэба! твоя Сура породытъ Мэсыяша!“ Тогды жыдъ ся пытае: „А хто ёму будэ отэць?“ Кажэ той: „Иванъ Свэціашъ!“ А то винъ ся такъ называў—той хлопъ.

На другый дэнь прыходытъ жыдъ, такъ Ивана просытъ, абы йшоў до ёго доньки, жэ дужэ трэба. „Тоби, кажэ, въ

насъ такъ добрэ будэ -що схочэшь, то будэшь йисты й пыты, и гроши ты дамо!" Иванъ нибы сразу нэ хотиў, алэ потому зибраўся и пишоў до жыдиў. Такъ го вжэ жыды шануютъ, такъ го гостятъ цилый дэнь, якъ пана. А ввэчиръ ужэ зла́ды-лы лижко тай полягалы Иванъ съ Суроў спаты. Алэ Иванъ клычэ въ ночы: „Жыдэ, сьвиты!" А жыдъ кажэ: „Робы, робы!"

Тай потому та жыдивочка стала въ тяжы. А Иванъ той цилый часъ у жыдиў буў, жыў сы, якъ панъ, грошэй сы кима́ наскладаў тай тогды пишоў сы гэтъ. Алэ Сура породыла того Мэсыяша; жыды ся дывятъ, а то сыксылысъ диўка! Тай тогды пишлы жыды съ Иваномъ до суду. Въ суди кажутъ жыды: „Иванэ, виддай намъ гроши, бо то мало буты Мэсыяшъ, а ўродылося сыксылысъ!" Тогды Иванъ кажэ: „Иды, дурный жыдэ! чы я тобі тогды въ ночы нэ казаў, абы-сь сьвиты́ў, а ты всэ крычаў: робы, робы!—то я нанотэмки нэ выдиў добрэ тай змылыуся замисць Мэсыяша зробыў-емъ сыксылысъ!" Тогды го судъ видправыў, жэ нэ вынэнъ.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

76.

Жиды съ Иваномъ въ дорогѣ.

Такъ ишлы жыды въ дорогу тай взялы собі Ивана жыдиўского. И кажутъ: „Ты ходы съ намы, будэшь насъ провадыты!" И далы ёму нэсты чэтвэро хлиба, абы малы що въ дорози йисты. Алэ Иванъ нисъ тай всэ собі того хлиба ламаў тай йиў. Посидалы жыды полуднуваты, а ту нэма—лышэ два хлибы. Тай кажутъ: „Чуешь, Иванъ, а дэ е щэ двое хлиба?"—„Та-жэ оци е двое хлиба!"—Жыды кажутъ: „Чуешь, Иванъ, зачнимъ рахуваты съ киньця: праўда, жэ було чэтвэро хлиба?" „Та було!" „Ну, а дэ е двое?" „Та оци е двое!"—И такъ жыды всэ зачыналы съ киньця рахувати, алэ Иванъ имъ всэ такъ-само казаў, тай нэ моглы ёму жыды того спэрэчыты.

Алэ пишлы́ да́льшэ и ишлы́ цилы́й дэнь, а у вэ́чиръ захо́пыла ихъ ничь въ ли́си. Тай тогды́ жыды́ ка́жутъ до нёго: „Чу́ешь, Ива́нъ, абы́-сь насъ положы́ў до́брэ спа́ты!" „Поло́жу!" ка́жэ. „Алэ чу́ешь, Ива́нъ, абы́ жа́дэнъ зъ насъ нэ лэжа́ў съ-краю́, абы́ насъ воўки́ нэ ззи́лы!" Тогды́ Ива́нъ найшо́ў мурашко́ву купы́ну вэлы́ку тай прыви́ў жыди́ў до то́и купы́ны, тай ка́жэ: „Кладится наоко́ло то́и купы́ны голова́мы въ купы́ну, то жа́дэнъ нэ бу́дэ съ-краю́; а́лэ, ка́жэ, тыхо́нько лэжи́тъ, нэ ру́шайтэся, абы́ воўки́ нэ ўчу́лы!" Тай жыды́ полягалы въ ту купы́ну, лэжа́тъ, а мурашки́ куса́ютъ. А Ива́нъ собі́ вы́рубаў до́бру па́лыцю, тай що жыдъ ся кы́нэ, а Ива́нъ жы́да па́лыцэў: „Ты́хо, ка́жэ, бо ту воўки́ є!" И такъ бы́ў жыди́ў, нэ дава́ў имъ вставаты до́ўгый часъ. Алэ вжэ жыды́ нэ моглы́ вы́трыматы, то имъ вжэ позво́лыў ставаты. Вы́чэкалы яко́-сь до ра́на тай пишлы́ да́льшэ въ доро́гу.

Тай зноў ихъ вэ́чиръ захо́пыў въ ли́си. Ка́жутъ жыды́ до Ива́на: „Чу́ешь, Ива́нъ, абы́ намъ бу́ло до́брэ спа́ты! поклады́ насъ дэ высо́ко, абы́ вжэ ничо́ нэ куса́ло!" Тогды́ Ива́нъ пишо́ў, найшо́ў ялы́цю высо́ку и тамъ на ялы́цы на вэ́ршку́ наклаў чэты́ны зробы́ў жыда́мъ ли́жко. Тай ка́жэ: „Ну, вжэ ли́зьтэ, вжэ до́брэ спа́ты бу́дэтэ!" И жыды́ тамъ повылиза́лы на ялы́цю тай ка́жутъ: „Чу́ешь, Ива́нэ, обрубай гыльє до́ли ялы́цэў, абы́ ту воўки́ до насъ нэ вы́лизлы!" Тай Ива́нъ взяў, обруба́ў гыльє на ялы́цы, такъ що ся нэ лышы́ло а́ни едного су́ка. И лягъ собі́ пидъ ялы́цэў, спаў до ра́ня. Алэ ра́но жыды́ побуды́лыся тай клы́чутъ: „Чу́ешь, Ива́нъ, до́брэ бу́ло спа́ты, а́лэ куды́ намъ тэпэ́рь злиза́ты?" А Ива́нъ ка́жэ: „Йимайтэся едэ́нъ вэ́ршка́, а то́го най ся йима́е дру́гый, пото́му дру́гого трэ́тый, такъ едэ́нъ по дру́гимъ ажъ на зэ́млю!" Пойима́ўся такъ едэ́нъ жыдъ гыли́, а дру́гый злизъ до́ли нымъ тай ся чэпы́ў ёго́ нигъ, тай такъ ся що-сь шты́ры пойима́лы едэ́нъ за дру́гого; а гыля́ ся тогды́ ўломы́ла тай жыды́ тогды́ попа́далы вси на зэ́млю и побы́лыся на-смэ́рть. А Ива́нъ забра́ў видъ ныхъ всё, що ма́лы, гро́ши и всё, тай пишо́ў собі́ до-до́му.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

77.

Тяжба жида съ Иваномъ.

Йихаў жыдъ у дорогу тай сы наймыў Ивана, абы му на возн крамщыну стэрйгъ. Тай оны йидутъ, а тамъ на дорози вэлыке багно. Тогды жыдъ кажэ: „Иванэ, куды мы пойидэмо?“ „Жыдэ, обйидьмо чэрэзъ фосу, бо мы ся въ тимъ багни потопымо!“ Тай жыдъ тогды зачаў коня быты, абы скакаў чэрэзъ фосу, тай кинь пэрэскочыў, а Иванъ за той часъ вытягнуў жыдовы гроши зъ кешэни тай сховаў. Пэрэйихалы чэрэзъ фосу, жыдъ до кешэни, а грошэй нэма.—„Иванъ, дэ ты мэни гроши подиў?“—Иванъ кажэ: „Ты дурный жыдэ, а дэ-жъ я твои гроши выдиў?“—„Иванъ, то ходимъ до суду, ты мэни гроши ўкраў!“ Иванъ кажэ: „А дэ-жъ бы я съ тобоў, жыдэ, до суду йшоў?“

Тогды жыдъ зачаў просыты: „Иванъ, якъ пидэшь зо мноў до суду, то я тоби добрэ заплачу!“ А Иванъ кажэ: „Та я-бы вжэ пишоў, алэ обдэртый нэ можу йты; купы мэни кожухъ!“ Жыдъ пишоў, купыў кожухъ. Ну, Иванъ кажэ: „Та якъ такъ пиду съ простоў голово? купы мы шапку!“ Жыдъ купыў шапку, кажэ: „Ну, Иванъ, вжэ ходы!“—„Я босый нэ пиду пэрэдъ судъ! купы мы щэ, кажэ, чоботы!“ Жыдъ купыў и чоботы. Тогды ся Иванъ файно ўбраў, алэ кажэ до жыда: „Я нэ пиду пихотоў, бо мэнэ ногы болятъ; дай мы свого коня!“ Жыдъ даў ёму коня, сиў сы Иванъ на коня, а жыдъ за нымъ бижытъ пишки.

Ну, прыйихалы оны пэрэдъ судъ, пытаеся панъ: „Що вы ту хочэтэ?“ А жыдъ зачаў казаты: „Мы йихалы на бэскидъ, а мій кинь скикъ, кешэня ся продэрла, гроши пацъ, а Иванъ хапсъ!“ Тогды панъ ся пытае Ивана: „То ты ўкраў жыдовы гроши?“ А Иванъ кажэ: „Алэ-о, прошу пана, та дэ я его гроши выдиў? отъ, жыдиўска напасть!“ Тай кажэ до жыда: „Можэ щэ скажэшь, що то твій кожухъ, що на мни?“ А жыдъ кажэ: „Та нэ ўно, що мій!“ „То можэ й чоботы твои? и шапка твоя?“ „Ба, та чый-жъ? та мой!“ „А можэ то щэ и кинь твій?“ „Або що, Иванэ, можэ нэ мій?“ Тогды судъ гадаў сы, що якій-сь жыдъ або дурный.

або злодій, тай кажэ: „Чого ты, поламанцю жыдэ, хочэшь видъ того ґазды?" Тай жыда тамъ набылы-набылы, а Иванъ сы поййхаў, якъ панъ, своёў дорогоў.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

—

78.

Какъ жидъ леталъ.

Буў едэнъ хлопэць, пасъ худобу. И сиў сы въ ситныкъ и плиў зъ ситныку крыла. А жыдъ идэ зъ вэлыкои дорогы тай пытаеся: „Що ты ту, хлопчэ, робышь?" —„Плэту крыла изъ ситныку; а вы видки, жыдэ?"— Жыдъ кажэ: „Иду зъ ярмарку та хотиў-бы-мъ що пэрэдъ вэчэромъ дома буты, бо шабасъ захапуе!" Тогды хлопэць кажэ: „Ой, вы ныныка вжэ нэ зайдэтэ до-дому, бо вжэ пизно: алэ, кажэ, купитъ сы въ мэнэ тоти крыла за сторыньскихъ, то й заниў годыны залэтытэ!" Даў жыдъ сотку и пытаеся: „А цы тоти крыла сами прыростутъ, цы ты ихъ прышыешь?" „Нье, жыдуню, я вамъ прывяжу до рукъ!" Тай прывязаў жыдовы тоти крыла до рукъ и кажэ: „Тэнэрь лизьтэ на дуба, а съ дуба вжэ полэтытэ, якъ итахъ!"

Жыдъ вылизъ на дуба у самый вэршокъ тай клычэ на хлопця: „Хлопчэ, бувай здороў, я лэчу!" „Нэ вильно, кажэ хлопэць,—я нэ позваляю!" —Жыдъ говорытъ съ дуба у-другэ: „Хлопчэ, бувай здороў, я лэчу!"—„Я нэ позваляю, нэ вильно!" Жыдъ кажэ въ-трэтэ: „Я вжэ лэчу, бувай здороў!" Тай пустыўся съ дуба, лэтытъ доли гылёмъ на зэмлю тай всэ крычытъ: „Соломы, соломы!" А якъ вжэ упаў на зэмлю, кажэ: „Вжэ мы нэ трэба соломы, вжэ-мъ здохъ! охъ!"

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

79.

Какъ жидъ высидѣлъ изъ арбуза коня.

Едэ́нъ γа́зда маў гарбузы́ тай взяў сы тры гарбузы́ и пишо́ў до ми́ста. Тамъ въ ми́сти сиў собі́ на торго́выцы и сыдытъ исъ ты́мы гарбуза́мы. И прыйшо́ў жыдъ пдъ нёму, пыта́еся що́ то таке́ винъ ма́е? Хлопъ ка́жэ: „То кобы́ лячи я́йця!" - „А що́ хо́чэшь за таке яйцэ́?" „О, ка́жэ хлопъ, ты, дурны́й жы́дэ, нэ ку́пышь того́, то дорогэ́!" Алэ жыдъ даў му пя́тку и купы́ў е́дного гарбуза́. Тай пыта́еся: „А якъ то трэ́ба сыди́ты на тимъ яйцы́?" Ка́жэ хлопъ: „Бу́дэшь сыди́ты штыры нэди́ли, то вы́лизэ лоша́!"

И жыдъ прыни́съ до-до́му то яйцэ́, зла́дыў сы ко́шыкъ, положы́ў яйцэ́ у ко́шыкъ, сиў и сыдытъ. Сыдытъ-сыдытъ, вы́сыдиў штыры нэди́ли, а́лэ кинь нэ вы́лизъ. То щэ посады́ў жи́нку на штыры нэди́ли сыди́ты на яйцы́. Вы́сыдила вжэ й жи́нка свій часъ, а́лэ нэма́ коня́. А жыдъ роззлостыўся тай хо́пыў тото́ яйцэ́ тай вэргъ крузь викно́ у горо́дъ у капу́сту. А тамъ у капу́сти сыди́ў за́яць; тай якъ жыдъ вэргъ тымъ гарбузо́мъ, то за́яць ся спу́дыў и полэ́тиў. То за́яць утика́ў, а жыдъ гада́ў, що то лоша́ вы́скочыло зъ яйця́, тай бижы́тъ за нымъ тай крычы́тъ: „Сцё-сцё, чэка́й, я твій та́то!" И лэти́ў за за́яцёмъ, доки мигъ. А пото́му ся вэрну́ў до жи́нки тай ка́жэ: „Ой, кобы́-сь щэ бу́ла сыди́ла зъ годы́ну, то бы буў кинь!"

Тогды́ жыды́ щэ дурни́ бу́лы.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

80.

Жидовское войско.

Такъ жыды́ зибра́лы собй во́йсько тай узя́лы Ива́на, абы́ ихъ воды́ў. Тай прыйшла́ ничь захо́ныла ихъ въ лйси. Тогды́ жыды́ ка́жутъ до Ива́на: „Ива́нъ, абы́ ты насъ до́брэ виў, то мы тобй вэлыки гро́ши дамо́!" А той найста́ршый ихъ султа́нъ ка́жэ: „А якъ ты насъ до́брэ нэ бу́дэшь воды́ты, то мы тэбэ́ за́бьемо!" Той Ива́нъ зпаў въ лйси до́бри стэжкй, а́лэ винъ ихъ туды́ нэ воды́ў, лышэ́ по гу́щохъ по вэлы́кихъ.

Нэрэвйў жыдйў чэ́рэзъ лисъ, а тамъ бу́ло по́лэ съ грэ́чкоў. Тогды́ жыды́ ка́жутъ: „Ива́нъ, оць вода́!" Алэ Ива́нъ ка́жэ: „Та дэ́ то вода́? то грэ́чка!" Тогды́ той найста́ршый султа́нъ ка́жэ: „Цы вода́, цы грэ́чка, моё во́сько маршъ!"

Тай нэрэйшлы́ чэ́рэзъ грэ́чку, надійшлы́ идъ вэлы́кій водй. Жыды́ ка́жутъ: „Ой, Ива́нэ, вода́!" Алэ Ива́нъ ка́жэ: „Якй вы, жыды́, дурнй! та то щэ лйпша грэ́чка, нэ вода́!" Тай ка́жэ: „Якъ хо́чэтэ стлу́мыты γа́зди всю грэ́чку, то поставайтэ вси рядо́мъ и дэржйтся за ру́ки и такъ машэру́йтэ вси ра́зомъ!" Тогды́ жыды́ поставалы рядо́мъ, а Ива́нъ собй стаў на-бо́ци. Тай той найста́ршый жыдъ ка́жэ: „Цы грэ́чка, цы вода́, мое во́сько маршъ!" Якъ поскака́лы жыды́ въ во́ду, то всй ся до е́дного потопы́лы.

И видтогды́ вжэ жыдйўского во́йська нэма́.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

81.

Попъ и работникъ.

Прыйшо́ў до ксёндза служы́ты хлопъ называ́ўся Ива́нъ. Робы́ў зъ ты́ждэнь на пробу, а пото́му ксёндзъ ка́жэ: „Ну, тра ся годы́ты!“ Алэ слуга́ ка́жэ: „Я абы́ буў нэ голый тай нэ голодэнъ, то ничого би́льшэ нэ потрэбую; алэ, ка́жэ, абы́ ся ксёндзъ пи́ўды на мэ́нэ нэ гни́ваў!“ Тай такъ ся зго́дылы, щобы́ ся едэ́нъ на дру́гого нэ гни́ваў, бо котры́й ся бу́дэ гни́ваты, тому дру́гый писъ видри́жэ.

А той ксёндзъ буў дужэ бога́чъ: оборо́гы, збижэ по ки́лька литъ тамъ у нёго стоя́ло. Тай ка́жэ ксёндзъ до Ива́на: „Иды въ сэло́ по змло́цки—тра збижэ молоты́ты!“ А винъ ка́жэ: „Я тоту́ дри́бку й самъ помоло́чу!“ Алэ пишо́ў до стодо́лы, взяў ципъ у ру́ки тай ка́жэ: „Я таки́мъ ци́помъ нэ ўмію молоты́ты!“ Пишо́ў до ли́са, вы́рубаў сы тэ́нього гра́ба на біякъ, а бучка́ на ципы́ўно, зробы́ў сы ципъ и пишо́ў молоты́ты. Тай за-дэ́нь всё збижэ, яке дэ бу́ло, помолоты́ў, а́лэ всё змишаў доку́пы: гра́чку, про́со, ячми́нь, пшэны́цю всё ра́зомъ. Тогды́ ксёндзъ выхо́дытъ до стодо́лы тай ажъ кры́кнуў: „А ты що́ ту, Ива́нэ, наробы́ў?“—„Та що́ тако́го, еґо́мость?“—„Та́-жэ-сь всё доку́пы помиша́ў, зопсува́ў-есь мы всю пра́цю!“ —А винъ тогды́ пыта́еся: „Ну, а́лэ нэ гни́ваетэся, еґо́мость?“ — „Та ни!“ „Ну, то и я ся нэ гни́ваю!“ А потому взяў едно́ зэ́рно у ру́ки и такъ що-сь съ тымъ зэ́рномъ прымо́выў, що кождэ збижэ стало зноў окрэ́мо, ко́ждэ таке́ чи́стэ, я́къ-бы на млынку вымлынкуваў. Ксёндзъ ды́вытся, ти́лько голово́ў покы́ваў тай ка́жэ: „Ну, до́брэ!“

На дру́гый дэнь вжэ ксёндзъ ка́жэ: „Бэры́ во́лы, йидь до ли́са по дрыва́!“ Тай винъ пойи́хаў. Прыйи́хаў до ли́са, а́лэ нэ руба́е дэ́рэва, ино́ рука́мы бу́ки вырыва́е съ кори́нёмъ. Накла́ў по́ўну фи́ру тай щэ пишо́ў за едны́мъ бу́комъ, а мэдвэ́ди зайшлы́ тай забылы волы. Винъ прыйшо́ў, якъ то увы́диў, ўхопы́ў два мэдвэ́ди тай запря́гъ до ярма́; быки́ў лышы́ў въ ли́си, пойи́хаў мэдвэ́дямы до-до́му. Прыйижджа́е на подви́рье вы́биглы

вси дывытыся: така фира вэлыка, що страхъ, а мэдвэдямы вэзэ. Тай кажэ ксёндзъ: „А ты що, Иванэ, зробыў? дэ волы?"

„Мэдвэди волы нобылы, то-мъ, кажэ, мэдвэдямы прыйхаў! алэ нэ гнивается, сумость?" „Ни-ни!" „То пяни!"

Алэ ксёндзъ прыйшоў до покою тай журытся съ йимосцэў, кажэ: „Отъ, биду-сьмо яку-сь прыняли ани го трыматы, ани видправыты!" Йимость тогды кажэ: „Пойидь до дидыча, можэ винъ тобі якъ порадытъ?" Запрягъ ксёндзъ кони, вьо! пойихаў до пана. Тай вжэ тамъ розповиў пановы яка го ся бида учэпыла, що ту съ слугоў робыты? А панъ кажэ такъ: „Скажитъ му, що вы у мэнэ купуетэ сино, то най винъ до мэнэ прыйдэ подывытыся на то сино чы добрэ? а я ту, кажэ, спущу на нэго такого бугая, що щэ нидуды зъ стайни нэ выходыў, то винъ го забье!" Ксёндзъ утишыўся, пойихаў до-дому и заразъ посылае Ивана до того дидыча. Той пишоў, прыходытъ до двора, а панъ пытаеся: „Ты що скажэшь?"—„Дэ-сь ту, кажэ, нашъ ксёндзъ купыў сино, то-мъ прыйшоў подывытыся!" А панъ показаў руко́ў на вэлычэзну стырту, що можэ й двайцить фиръ сина було, тай кажэ: „А-во, тоту стырту ксёндзъ хочэ купыты!" Той Иванъ тогды кажэ: „Оў-ва, до того нэ трэба-бы навить фиры браты; возьму на плэчи тай понэсу!"—„Якъ ты тоту стырту возьмэшь на плэчи, кажэ панъ, то я тобі ей подарую!" Винъ тогды пишоў, поназбыруваў ланьцухиў тай мотузя, обвязаў стырту наукола, на плэчи пидниісъ тай нэсэ. Сыла! А панъ тогды крычытъ до наймытиў: „Пускайтэ бугая!" Той лэтытъ за Иваномъ,—бу-ў, бу-ў, —а Иванъ ся схылыў тай бугая за хвистъ тай на стырту вжэ й бугая нэсэ. Тай пониісъ то собі до-дому.

Тогды вжэ зноў ксёндзъ радытся съ йимосцэў—що ту робыты съ Иваномъ? Тай йимость кажэ: „Досыть намъ жаль за маеткомъ, алэ лышимъ всё и утикаймо, щобы-сьмо хоть съ душоў якъ утиклы видъ биды!" Тай урадылыся—въ ночы, якъ Иванъ зaснэ, утикаты. Алэ винъ тоту ихъ розмову пидслухаў тай вэчиръ лягъ спаты, харчытъ такъ, ну, вжэ спытъ. Тогды ксёндзъ съ йимосцэў зачалы ся збыраты въ дорогу. Дэ-що найлишшэ, яке красно фантя, кныжки мудри, то всё позбыралы въ тлумаки, абы взяты съ собоў. Алэ щэ пишлы чого-сь до другого покою, а Иванъ борзэнько встаў, кныжки зъ тлумака выкидаў и влизъ тамка

самъ и сыдытъ. Оны прыйшлы, взялы тлумакй на плэчи тай пишлы. А Иванъ на дорози схылыў въ мишку голову на-дилъ тай такъ лэгонько, нибы дэ сдалэку, крычытъ: „Чэкайтэ на мэнэ, ксендзуню, но-о!" Оны гадалы, що Иванъ за нымы бижытъ, тай зачалы собй бичы, що сылъ малы. Винъ тогды знову такъ схылыўся тай крычытъ вжэ гэй голоснійшэ: „А чэкайтэ мэнэ, но-о!" „Ой, кажэ ксёндзъ, Иванъ ужэ туй-туй нэдалэко!" Тай тамъ булы корчй надъ ставомъ, то оны вжэ тамъ въ корчй забйглы тай ся сховалы. Тай скенуў ксёндзъ тлумакъ на землю, ажъ бэўкнуло. А Иванъ кажэ зъ тлумака: „Ой-ой-ой, а то-сьтэ мя лэгонько кенулы!" А оны ся тогды напўдылы, кажутъ: „А тамъ хто?" —„Та я!"—„Якій я?" —„Та я, кажэ, Иванъ!"—Тогды вылизъ изъ мишка тай кажэ: „Вы йшлы, а я ся маў лышаты? а гнйваетэся, еγомость?"—„Ни!" —„Ну, то и я ни!"

Тогды вжэ кажэ ксёндзъ: „Вжэ въ ночы нэ будэмъ вэртаты до-дому, ночуймо туй: ты, Иванэ, лягай видъ ставу, я ляжу видъ дороги, а йймость въ сэрэдыни будэ спаты!" Тай такъ тамъ полягалы. Якъ вжэ зачаў Иванъ храпйты, тогды ксёндзъ кажэ до йимосци: „Най щэ Иванъ лйпшэ заснэ, то ты го возьмэшь за ногы, а я за голову, тай кенэмъ го въ стаў!" Чэкаютъ-чэкаютъ тай зъ дороги змучэни поснулы. Тогды Иванъ встаў, йймость перэсунуў на своё мйсцэ видъ краю, а самъ сы лягъ въ сэрэдыну тай лэжытъ. Ксёндзъ ся пробудыў тай шэпчэ: „Йймость, вставай, будэмъ биду топыты! бэры за ногы!" —гадаў ксёндзъ, що то йймость колопёго лэжытъ. Тай Иванъ встаў, взяў йймость за ногы, а ксёндзъ взяў за голову,—якъ розмахнулы, тай въ саму сэрэдыну ставу бухъ! Тогды ксёндзъ кажэ: „Отъ-тамъ съ тобоў до чорта!" А Иванъ кажэ: „Отъ-тамъ до дйдька!" Тогды ксёндзъ пизнаў, що то Иванъ, нэ йймость, тай кажэ: „Иванэ, та мы йймость утопылы!" А Иванъ кажэ: „А мэнй що до того? казалы-сьтэ, то-мъ кенуў! алэ нэ гнйваетэся, еγомость?" А ксёндзъ вжэ буў дужэ лютый тай крыкнуў: „Иды собй вжэ разъ до чорта!" Тогды Иванъ ксёндза ўхопыў, видрйзаў му нисъ тай пустыў ксёндза бэзъ носа. А самъ вжэ пишоў собй въ сьвитъ на вандэръ.

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

82.

Шальной работникъ.

аа. Прыйшоў Иванъ до еуомосця годытыся на службу. Якъ ся годылы, кажэ Иванъ такъ: „Я ницъ нэ хочу, алэ ся мушу тры разы на-дэнь узэзыты!" Ксёндзъ сы гадае: „Та що мэни то шкодытъ? най будэ!"

Пишоў винъ ораты на полэ съ ксёндзомъ. Годыну ораў, якъ ся налэжытъ, а потому лэтытъ до-дому поузэзыўся. Прылитае на подвирье, крычытъ тамка. Алэ у йимосци въ покойы буў дякъ. Якъ йимосць учула, що слуга лэтытъ, кажэ дякові: „Ой-ой, ховайся въ грубу!" Дякъ полизъ въ грубу, а Иванъ вжэ въ покойы. Йимосць го ся пытае: „А чого ты, Иванэ?" А Иванъ кажэ: „Та дужэ на полы сьнигы, завэруха, то-мъ прыйшоў до-дому!" (А то було лито—сонычко ажъ пэкло.) Тай кажэ Иванъ: „Казалы еуомосць въ груби запалыты!" Набраў тогды грэчаной соломы, запалыў въ груби, а дякъ тамъ душытся, чыхае; якъ ся дэбрэ дымъ закурыў, дякъ вжэ нэ мигъ вытрыматы тай зъ грубы—вьо!—ўтикае. Кажэ тогды Иванъ до йимосци: „О-о-о, яка-сь бида зъ грубы полэтила!" (Алэ Иванъ знаў, що то дякъ ходытъ до йимосци.) Тогды йимосць дала Ивановы гориўки тай винъ пишоў зноў ораты.

Ораў зноў зо дви годыны тай зноў до-дому лэтытъ. Гонытъ по подвирью, а дякъ тамъ знову въ покойы. Йимосць кажэ: „Ой-ой, та Иванъ знову е! дэ-жъ ту дяка сховаты?" А тамъ стояла въ синёхъ на сходахъ бочка съ клочомъ; тай дякъ тамка влизъ до тои бочки, накрыўся клочомъ тай сыдытъ. Прылитае Иванъ, кажэ: „Воловоды ся на волахъ пирвалы, тра клочье браты тай сукаты нови!" Тай полизъ на сходы, хопыў тоту бочку съ дякомъ тай съ-горы кёнуў по сходахъ на землю, ажъ ся бочка розсыпала. Дякъ лэдво встаў -такъ ся дужэ побыў—тай полизъ гэтъ. А Иванъ зноў забраўся въ полэ.

Алэ ся завэрнуў тай слухае пидъ викномъ -що будэ йимосць съ дякомъ рады ты? Йимосць кажэ до дяка такъ: „Ты вжэ до мэнэ нэ ходы, бо бида спокою нэ дае! алэ

якъ за́ўтра бу́дэшь ора́ты, то я навару́-напэку и тобі́ то вы́пэсу въ по́лэ!" Тай вжэ на другый дэнь пишо́ў Ива́нъ съ ксёндзомъ ора́ты на свое по́лэ, а дякъ такъ пэдалэ́ко гэй за горбо́мъ на свое. Алэ дякъ мау едно́го пэрі́стого быка́, а дру́гого чо́рного, а у ксёндза обі́ быкі́ чо́рни бу́лы, а пэрі́стого пэ було. Що́-жъ Ива́нъ ро́бытъ? Зняў съ сэ́бэ ногавы́ци тай пэрэвяза́ў ны́мы сво́го едного быка́ на-попэ́рэкъ чэ́рэзъ чэ́рэво, такъ що вжэ быкъ буў сда́лэку гы пэрі́стый. А йі́мость надійшла́ и гада́ла сы, що то дякъ о́рэ, колы́ быкъ е пэрі́стый, тай прыйшла́ ажъ идъ ны́мъ; якъ прыйшла́, то вжэ пэ могла́ ся вэрта́ты до дяка́, ну, що́-жъ робы́ты? Поста́выла тамъ пэ́рэдъ ныхъ то йі́джэнье пыроги́, пэчэ́ни, гэтъ всё, бо нала́ды́ла до́брэ для дяка́. Тай тогды́ пыта́еся Ива́на: „А ты що таке́ съ быкомъ зробы́ў?" А Иванъ ка́жэ: „Ду́жэ овадье тнэ во́лы, то-мъ пэрэвяза́ў штана́мы!" Тай тогды́ ся ксёндзъ съ Ива́номъ до́брэ найі́лы и наны́лыся гори́ўки, а йі́мосць ка́жэ: „А пэ зна́ешь ты, Ива́нэ, дэ рэ́ентъ орэ?" —„О-та́мъ, ка́жэ, за горбо́мъ!" Ка́жэ тогды́ йі́мосць: „На́-жъ, видпэсы́ то, що́ ся лышыло, рэентовы!" Ива́нъ пишо́ў за горбо́къ, гори́ўку вы́пыу до-рэ́шты, мя́со ззиў, а пыроги́ всэ кида́ў на зэ́млю. Тай вэрну́ўся, пэ ходы́ў до дяка́. Прыхо́дытъ, а йі́мосць ёго́ ся пыта́е: „А да́ў-есь рэентовы?" „Да́ў-емъ, красно́ дя́кувау́!"

Тай взяў зноў ора́ты, а ксёндзъ такъ пишо́ў собі́ на горбо́къ. И йдэ ксёндзъ тоу стэ́жкоў, вы́дытъ пыроги́, що Ива́нъ пакéдаў, тай всэ пидо́йімэ пыри́гъ въ кешэ́ню, гада́е сы: „Шко́да!" А йі́мосць то увы́дила тай пыта́еся Ива́на: „Ива́нэ, а що́ тамъ е́уомосць такъ сбыра́е?" Ива́нъ ка́жэ: „Оны́ ся вжэ довідалы, що рэ́ентъ до васъ хо́дытъ, то збыра́ютъ ками́нье, бо хо́чутъ вамъ го́лову розбы́ты!" Тогды́ йі́мосць зі́рвалася тай зача́ла утика́ты до-до́му. А ксёндзъ прыхо́дытъ, пыта́еся Ива́на: „Чого́ такъ йі́мосць побі́гла жы́во?" Ива́нъ ка́жэ: „Ва́ша па́сика горы́тъ!" Тогды́ ксёндзъ собі́ полэ́тиў до-до́му. А йі́мосць ся що́ бі́льшэ упу́дыла, що йи ксёндзъ за́бье, тай щэ бі́льшэ утика́е. Тай попрыбига́лы до-до́му, позаса́пьювалыся и одно́ до дру́гого нэго́дни сло́ва вы́мовыты. —„О-то́, ка́жутъ, то насъ гу́нцвотъ подуры́ў!"

Тай вжэ вэчиръ Ивáнъ прыйшоу съ поля тай пигнáў вóлы па-ничъ пáсты; áлэ нэ пасъ, лышэ пигнáў ихъ до жыдйў и продáў на ятки. Алэ взяў сы видъ кóждого волá хвистъ; тай тамъ булó такé болóто вóзэро, то винъ пишоу и тамъ ти хвосты позаныхáў въ то болóто, обталáпаў въ болóти, а потóму вытягнуў назáдъ и понйсъ до-дóму. Ккёндзъ ся пытáе: „А дэ-жъ вóлы?" Ивáнъ кáжэ: „Та нэмá! якъ ся збрыкалы зъ лйса, якъ ся розигнáлы въ то вóзэро, то вси нйрнулы зоўсймъ; я, кáжэ, тягнўў-тягнўў за хвосты, áлэ ся хвосты урвáлы, а волы ся потонылы!" Тай показэў ти хвосты, то ксёндзъ вжэ кáжэ: „Та прáўда!"

Алэ го вжэ тогды ксёндзъ пагнáў, кáжэ: „Иды ты собá гэтъ видъ мэнэ, вжэ мэнй досыть!"

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

б). Такій буў мамóнъ тай ся наймыў у еднóго γáзды. Алэ кáжэ: „Гáздо, я ся всэ мýшу въ полýднэ γэдзыты!"

Тай пишлы въ полэ орáты. Прыйшлó полýднэ, а винъ ся зγэдзыў тай полэтиў до-дóму. Алэ до тóго γáзды жйнки ходыў ксёндзъ тай тэнэрь буў у нэи. Якъ γаздыня увыдила, що слугá лэтыть, то взяла тай сховáла ксёндза пидъ ничь. Прылэтиу той тай кáжэ: „Казáў мы γáзда дрывá пидъ ничь помэтáты!" Тай взяў тамъ дрыва мэтáты пидъ ничь тай всэ па ксёндза кéдае, всэ ксёндза дзюγае. Помэтáў тай зноў полэтиў въ пóлэ.

Видтакъ въ другый дэнь въ полуднэ зноў зγэдзыўся тай прылитáе до-дóму. А γаздыня сховáла ксёндза у бóчку съ прядывомъ у синёхъ. Прылэтиў той тай кáжэ: „Казáў мы γáзда всё прядыво порозвйшуваты въ бóнтахъ!" Тай взяў вйшаты прядыво тай ўхóныў и ксёндза за чйўку и пидвйсыў до-горы. Тай зноў гэтъ полэтиў у пóлэ.

Пишлы трэтои дыны ораты зноў той прылитáе до-дому. А γаздыня вжэ ксёндза сховáла на пидъ завязáла го у бохъ. Винъ прылэтиў тай кáжэ:

„Казáў мы γáзда вси бóхи съ поду позмйтуваты, казáў плóщыки робы́ты!" Тай зачáў бóхи съ подý змйтуваты тай кéнуў и той съ ксéндзомъ на зэ́млю, ажъ бэ́ўкнуў. А самъ побйгъ зноў у пóлэ.

Тай пишлы́ чэтвэ́ртои дны́ны орáты прыбигáе винъ зноў до-дóму. А γаздыня сховáла ксéндза въ стáйны пидъ я́сли. Алэ винъ кáжэ: „Казáў мы γáзда всій гній зо стáйни вы́мэтаты!" Взяў мэтáты гній тай всэ ксéндза пидъ я́слима зэлйзнымы вы́ламы дзю́γае. Тай забрáўся зноў у пóлэ.

Пятои дны́ны пишлы́ ораты лэты́тъ слугá до-дóму. А γаздыня ксéндза сховáла въ скры́ню. Винъ прылэ́тиў тай кáжэ: „Казáў мы γáзда тотý старý скры́ныцэ пусты́ты доли водóў, бо тамъ е γáздиў хóванэць *)!" Вхóпыў скры́ню на плэ́чи тай поййсъ у вóду. Тогды́ ксéндзъ вы́диу, що то нэ жáрты, тай взяў ся дýжэ пресы́ты: „Дамъ ты, кáжэ, грóшэй и жы́та, ки́лько схóчэшь, лышэ́ мы дарýй жытьé!" Тогды́ винъ ксéндза вжэ пусты́ў, а ксéндзъ му даў дóста грóшэй, збйжа тай кóни.

И винъ тогды́ вжэ поййхаў сы гэтъ.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

83.

Лысачокъ.

Такъ бýло то за часи́ў, колы́ щэ нэ бýло мнóго шкилъ, а хто хтиў ся ўчы́ты, той ишóў до Львóва. Такъ бýлы у Львóви два хлóпци зъ сэлá, хлопски сыны́, ўчы́лыся въ шкóлахъ. То оны́ всэ йшлы пи́шки зи Львóва до-дóму на вакáцьи и зъ вакáцый до шкóлы назáдъ; часóмъ йшлы и цилы́й ты́ждэнь, бо дорóга то далэ́ка, и вступáлы по дорóзи до дóбрыхъ людэ́й: видпочáлы сы, попойи́лы дэ́-що тай дáли.

*) См. ниже въ приложеніяхъ повѣрья о хованцѣ.

Разъ яко-сь зійшлы тоты два хлопци зи звычайнои дороги, зъ гостынця, зайшлы пидъ вечиръ у яке-сь незнакомэ сэло тай вступылы до хаты, що стояла на краю сэла пидъ лисомъ. Ввійшлы до хаты, а тамъ пры столи сыдытъ хлопъ и баба тай йидятъ вэчэру, а по хати ходыло соби тэлятко. „Слава Богу!“ -сказалы хлопци. Тогды имъ видповилы господари: „Слава на вики! а вы що за еди?“

„Мы скубэиты тай идэмо до Львова до школы; та можэ-бы-сьтэ, кажутъ, прыняли насъ на-ничь?“ „Та чому ни? тай просымо до вэчэри, панове скубэиты!“ И далы имъ вэчэряты мыску пыроги. Алэ баба взяла едэнъ пыригъ и понэсла тэляты и кажэ: „На, лысачку, зйиджъ и ты пырижка!“ Хлопци кажутъ: „Вы що тэляты йисты даетэ людску страву?“ Кажэ баба: „Та тое нашъ сынъ лысачокъ! то винъ разомъ съ намы йисть и спытъ, та такій мудрый, а щэ й року нэ мае!“ Змиркувалы хлопци, що то яки-сь дурни людэ, тай чу-жъ штудэрувати якъ-бы то дурныхъ обдурыты? Тай порадылыся тай кажэ той старшый: „Ну, колы то вашъ сынъ, то грихъ, абы-сьтэ го такъ лышылы; бо якъ такъ выростэ, то быкомъ зистанэ на вики!“ „Та що-жъ-бы намъ робыты?“ „Отъ, кажутъ, дайтэ его до школы, най йдэ съ намы до Львова, то можэ ся выучытъ на якого пана, то возьмэ васъ на стари лита до себэ!“ Тоты людэ ся дужэ утишылы и рада въраду кажутъ: „То даймо нашого лысачка до школы, най идэ!“ Хлопъ буў богатый, прыладыў визокъ, напакуваў рижного збижа, муки, крупъ, дэ-що, а на другый дэнь скоро-сьвитъ запрягъ коня, высадыў лысачка на визъ разомъ съ хлопцямы тай такъ выправыў ихъ до Львова, а баба заводыла, якъ-бы за ридноў дитыноў. Ну, пицъ, пойихалы. Алэ хлопци вступылы заразъ до пэршого мисточка на ярмарокъ тай продалы визъ, коня и лысачка, гэтъ всё, а сами съ гришмы пишлы соби до Львова.

За рикъ тоти-сами хлопци вэрталы на лито до-дому, то зноў зайшлы до того-самого хлопа. Тоты господари дужэ ся утишылы, алэ баба ся заразъ пытае: „А дэ мій лысачокъ, чому нэ прыйшоў съ вамы?“ Хлопци кажутъ: „Та винъ здоровый, алэ пэрэказуе вамъ, що нэ можэ прыйты, бо ся мае дужэ богато учыты!“ Тай кажутъ: „А такій ся паныч зъ нэго зробыў, що-бы-сьтэ го и нэ пизналы!

вжэ цiўкомъ такiй, якъ чоловiкъ, и ходыть вжэ такъ, лышь щэ трóха на лыцы такъ гы быкъ!" „А слáва Гóсподу!" ўтiшылыся ти людэ. Тай вжэ нэ знáлы що робыты зъ утiхи съ тымы школярáмы. На другый дэнь хлóпци пишлы дáльшэ додóму, áлэ сказáлы имъ щэ такъ: „Прыладьтэ грóши для лысачка, а якъ бýдэмо знoў вэртáты до Львóва, то вступымо до васъ по ти грóши!" Ну, якъ вэртáлы, вступылы хлóпци знoў, взялы для лысачкá грóши и пишлы. Тай такъ вступáлы и посылы лысачкóвы грóши чэрэзъ кiлька литъ. Тай всэ тумáнылы старыхъ, що лысачóкъ ся въ школи дýжэ дóбрэ ўчыть, áлэ нэ мáе часý до ныхъ прыйты. А тотй людэ вжэ чэрэзъ лысачкá цiўкомъ збидилы. Алэ бáба потóму вжэ дýжэ панырáлася, що хочэ лысачкá вжэ вýдиты, тай хотйла до нэго йты до Львóва. Тогды вжэ хлóпци боялыся, то вжэ нэ ходылы чэрэзъ тóе сэлó, лышь всэ йшлы óнщоў дорогоў.

Ажъ такъ разъ хлопци вычыталы въ γазэтахъ, що якiй-сь Юзэфъ Лысакъ зистáў старóстоў въ тимъ мйсти, дэ нэдалэко тотй людэ булы. То вжэ тогды, якъ пишлы знoў до-дому, вступылы съ тоў γазэтоў до тыхъ людэй тай кáжуть: „Отъ, вжэ-сьтэ ся дочэкáлы потйхы зъ вáшого лысачкá, бо вжэ зистáў старóстоў!" Тогды показáлы имъ γазэту, дэ тамъ пысáла о тимъ Юзэфѣ Лысаку. „Тэпéрь вжэ, кáжуть, идйть до нэго, най васъ вóзьмэ до сэбэ, бо-сьтэ вжэ старй тай збидилы-сьтэ чэрэзъ нэго, а винъ вжэ панъ!" Тай тогды пишлы собй вжэ гэтъ. Алэ хлопъ щэ нэ вйрыў, то взяў γазэту тай пишоў до дякá, абы му йи прочытáў чы то прáўда, що школярй казáлы. Дякъ прочытáў, кáжэ: „Прáўда, ту стойтъ, що Юзэфъ Лысáкъ зистáў старостоў!" „А слава Ты, Гóсподы!" зитхнýў хлопъ. Алэ гадае сы: „Можэ рэентый збрэхáў?" Тай пишоў до ксёндза. Ксёндзъ такъ-само прочытáў му γазэту, тогды хлопъ поцiловаў ксёндза въ рýку тай пишоў. Алэ щэ ся тáки бойтъ, що мóжэ й ксёндзъ збрэхáў? Тогды йихаў якiй-сь панъ въ повóзи дорогоў, то хлопъ вжэ сдáлэку прысйў и кланяеся. Панъ казáў фирмановы стáты, пытáеся: „Щó хочэшь, хлóпэ?" Тогды той прóсытъ пана, абы му прочытáў въ γазэти. Панъ знoў такъ-сáмо прочытáў такъ е, Лысáкъ е старостоў. Тогды вжэ хлóпъ увйрыў,

пишоў до жи́нки тай кажэ: „То вжэ та́ки пра́ўда, вжэ вси такъ прочыта́лы!“

Тай каза́ў жи́нци спэчы́ балабухиў тай на другый дэнь вы́бралыся вжэ обо́е до то́го ми́ста до лысачка́. Прыйшлы́, розпыта́лыся, тогды́ тамъ имъ показа́лы дэ панъ старо́ста мэ́шкае, тай пишлы́ вжэ до нэ́го. Хлопъ лышы́ў ба́бу въ си́нёхъ, а самъ пишо́ў до поко́ю. Панъ старо́ста сыди́ў пры столи́, плэчы́ма обэ́рнэный до двэрэ́й, тай нэ чу́ў, що хлопъ ввійшо́ў. Алэ той зача́ў му ся прыдывля́ты зо всихъ сторо́нъ тай пото́му пидійшо́ў тай потягну́ў па́на за рука́ў. Тай ка́жэ: „Лысачку!“ Панъ зи́рваўся тай кры́кнуў: „А ты що ту хо́чэшь?“ „Лыса́чку, ка́жэ, та ты мэнэ́ нэ снизнаешь?“ Панъ зача́ў ду́жэ крыча́ты, а́лэ ба́ба якъ учу́ла крыкъ, нэ вытэрпила въ си́нёхъ тай вбе́гла до поко́ю вжэ хо́чэ обнымáты па́на тай ка́жэ: „Лыса́чку, диты́но моя́!“ Алэ панъ всэ крыча́ў и тру́ты ў ба́бу гэтъ, то ба́ба тогды́ кенула ёму́ балабу́хи съ мишко́мъ въ го́лову тай ка́жэ: „А тра́стя тобі́ ма́тирь! то ты вжэ такі́й панъ, що насъ и зна́ты нэ хо́чэшь?“ Тай зача́ла заводы́ты, а́лэ вжэ прыбе́глы слу́гы тай взя́лы хло́па съ ба́боў до арэ́шту.

Ажъ пото́му ся на су́ди показа́ло, що́ то бу́ла за шту́ка, що школяри́ дурны́хъ обдуры́лы. Алэ що́? шука́й ви́тра въ по́лы!

(Сообщено В. Я. Трушомъ изъ гор. Золочева.)

84.

Два умныхъ брата и дуракъ.

Такъ було тры братьи: два булы мудри, а едэнъ дурный. Тай малы старў матирь, алэ она була дужэ слабá. Разъ тоты мўдри братья забралыся оба въ лисъ, а дурного лышылы вдóма. И кажутъ ёмў: „Зробышь кўпиль тай матирь скупáешь!“ Той узяў, нальляў окропу до ваньенки тай хóпыў матирь съ запичка и кепуў у той окрйнъ, ажъ маты зáразъ ся обнáрыла и ўмэрла. Брáтья прыйшлы зъ лйса тай пытáются дурного: „А цы скупаў-есь матирь?“ „Та-мъ скупаў, кажэ, алэ ся нэ хочэ зъ ваньенки рўшыты, щэ сыдытъ тáмой!“ Оны дывятся, а матирь спáрылася нэжывá. Тогды оны того дурного нагнáлы гэтъ.

Дурный пишоў до стайни, взяу свого быка, зарйзау тай облуныў шкйру; мясо лышыў тамъ, а шкйру взяў и пишоў у лисъ тай вылизъ на дуба ночувáты. А въ ночы надййхалы жыды съ крамщыноў тай сйлы пидъ дуба на пóпасъ; розложылы крамщыну тай зачáлы рахувáты гроши. А дурный съ дўба дывытся тай пустыў на жыдйў тотў шкйру. Жыды ся уйдылы, кажутъ: „Ай-вáй, пóбо на насъ лэтытъ!“ Тай всё лышылы, а самй поўтикáлы. Тогды дурный злизъ съ дўба, забраў собй всю крамщыну и грóши, напакувáў то на жыдйўску фйру тай поййхаў.

Тай поййхаў до-дому, алэ вжэ до брáтиў нэ йшоў, лышэ собй постáвыў свóю хáту тай ся ожэныў съ богáцькоў дйўкоў и ґаздувáў собй за тоты жыдйўски маётки. Алэ ёго брáтья нэ знáлы звйдки винъ таке богáтство мáе, тай прыйшлы идъ нёму и пытáются ёго: „Скажы, брáтэ, звйдки ты такé богáтство мáешь?“ Тогды винъ имъ кáжэ: „Я облуныў мóго быка тай пойсъ-емъ шкйру до мйста на торгъ, то мы жыды за ту шкйру кимá грóшэй далы!“ Зáразъ брáтья пишлы до-дóму, гадáютъ сы: „Колы винъ дурный за едну шкйру тйлько дистáў, то мы якъ облунымо вси нáши быкй тай корóвы, то намъ жыды дадўтъ страхъ кимá за ти шкйры!“ Тай порйзалы гэтъ усю

свою худобу, облупылы шкиру тай повэзлы до мисто. Прыйихалы и крычать на мисти: „Гэй, шкиры на продажъ!“ Жыды прыйшлы, купуютъ, алэ що? даютъ за тоты шкиры то пять пустокъ, то килько, якъ ся звыклэ платытъ видъ штуки. Алэ тогды оны кажутъ: „Що ся будэмъ торговаты? дайтэ намъ за ти шкиры мильонъ грошэй, то продамо!“ Жыды ся зачалы зъ ныхъ дужэ сьміяты, щэ ихъ наштуркалы добрэ, тай оны тогды вжэ пойихалы съ тымы шкирамы назадъ до-дому.

Прыйнжджаютъ тай дужэ булы люти на того дурного брата, що ихъ такъ обдуры́ў, всэи худобы ихъ позбавыў. Тай взялы радытыся мэжы собоў, жэбы ёго за тое забыты. Прыйшлы въ ночы до нёго до хаты, алэ винъ лэжаў такъ видъ стины, а на краиы спала ёго жинка. То братья гадалы, що то винъ лэжытъ на краиы, хопылы тоту ёго жинку и забылы. Тогды винъ взяў мэртву жинку и пойисъ до мисто тай посадыў йи коло муру, такъ абы нэ ўпала, и положыу нэрэдъ ню кошыкъ яблокъ, такъ нибы она ти ябка продае. А самъ ся сховаў за муръ. Тай тамъ якій-сь панъ йихаў штырма кинымы тай увыдиў бабу съ ябкамы тай стапуў, злизъ съ брычки и пишоу до нэи куповаты ябка. Тай кажэ до мэртвои бабы: „По чому ти ябка?“ А баба ся нэ обзывае. Панъ другый разъ кажэ: „Продай ябка!“ Баба ся ницъ нэ обзывае. Тогды панъ розлютыўся, паль! — бабу по-за-уха, а баба нэрэвэрнулася на зэмлю. Тогды той выхопыўся зъ-за муру тай до пана: „А ты що зробыў, нащо-сь мэни жинку забыў? я тя, кажэ, заразъ виддамъ до крыминалу!“ Алэ панъ ся зачаў просыты, кажэ: „Всё ты дамъ, лышэ ницъ нэ кажы!“ Винъ собі тогды взяу паньски кони и брычку тай пойихаў.

Алэ братья якъ увыдилы ёго, що йидэ штырма кинымы, дужэ ся дывувалы и кажутъ до нёго: „Та-жъ мы тэбэ забылы въ ночы! якъ-жэ ты зноў жыешь тай щэ такимы кинымы йидэшь?“ А винъ кажэ: „Та то вы нэ мэнэ забылы, лышэ мою жинку; а я йи, кажэ, видийсъ до мисто тай продаў панамъ, то мы за ню паны тоти кони далы!“ Братья якъ то учулы, то полэтилы чымъ-боршій до-дому, жинки порізалы тай повэзлы до мисто. Тай стапулы на мисти, крычатъ: „Хто купуе мэртви жинки?“ Якъ

тото́ увы́дилы шанда́ры, пойима́лы обохъ братну тай до крымина́лу ихъ забралы.

Вы́сыдилы оны́ па́ру литъ въ крымина́ли, тогды́ ихъ пусты́лы вжэ до-дому. Прыйшлы́ до-дому тай зноў радятся на того дурного бра́та: „Мы ёго забьемо!" Тай йимы́лы го, ка́жуть: „Тэпэ́рь вжэ тэбэ́ утопымо!" „Добрэ, ка́жэ, ти́лько най щэ слузи́ ска́жу, якъ ма́е по мо́йій смэ́рты ґаздува́ты!" Алэ винъ ка́жэ до слуги́ такъ: „Якъ оны́ мэнэ́ понэ́сутъ, то абы́-сь побі́гъ тай горя́чи голови́ позатыка́ў у ихъ хаты́!" Вжэ го завяза́лы тогды́ у михъ пэсу́тъ топы́ты. Алэ едэ́нъ ся братъ обэрнуў, ды́вытся тай ка́жэ: „Йой, на́ши хаты горя́тъ!" Тай тогды́ кенулы ёго́ въ мишку на зэ́млю, а сами́ побі́глы хаты́ ратува́ты. А туды́ надійшоў ризны́къ гнаў дужэ бога́то свынэ́й. Тай ся пыта́е ёго: „Що́ ты ту въ ми́ся ро́бышь?" Винъ ка́жэ: „Я нэ ўмію ани чыта́ты, ани пыса́ты, а хотя́тъ мя за круля обибра́ты!" Ризны́къ тогды́ ка́жэ: „Я ўмію чытаты й пыса́ты, то пусты́ мэнэ́, най я ли́зу въ михъ!" Тай поли́зъ у михъ, той го завяза́ў, а самъ займы́ў свыни тай пишо́ў. Тамъ бра́тья огэ́нь погасы́лы, вэрта́ются наза́дъ—дурно́го топы́ты. Вхо́пылы той михъ тай вэ́рглы въ воду.

Алэ прыхо́дятъ до-до́му, а братъ ста́до свынэ́й жэнэ́. Тогды́ оны́ нэ зна́лы що казаты, пытаются ёго: „Та ты нэ ўтопы́ўся? ви́дки таки свы́ни маешь?" А винъ ка́жэ: „Якъ-есьто мя кенулы до воды́, то тамъ була́ така́ вэлы́ка свыня́, я йи ся ўхопыў за хвистъ и она́ мэнэ́ вытягнула зъ воды́: а за нэ́ў, ка́жэ, повылита́лы зъ воды́ и дру́ги свы́ни, то я сы ихъ займы́ў до-дому!" Тогды́ бра́тья сы гада́ютъ: „Скачи́мъ въ во́ду, то и мы соби́ свынэ́й ви́дтамъ прыжэ́нэмо!" Тай пишлы́ на мистъ и скочылы обыдва́ въ во́ду лышэ́ вода́ за ны́мы забэлькоти́ла.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

85.

Мертвая мать.

Булы два братьи: старшій ожэнуся дома на γрунти, а молодшый па-бикъ ся ожэнуў прыстаў тамъ до едной вдовы. Тай хотиў молодшый видъ брата сплаты свэи частки, алэ той нэ хотиў му ницъ даты. Тогды пишоў той бидный въ ночы на цвынтаръ и видкопаў свою маму зъ гробу, тай заниcъ до брата до коморы и посадыў йи тамъ на γэлэтку съ сыромъ. Рано той братъ пишоў до коморы и увыдиў тамъ мэртву маму и дужэ настрашыўся. Тай пишоў до молодшого брата радытыся що съ мамоў робыты? Тай кажэ такъ: „Трэба йты до ксёндза, абы йшоў ховаты маму зноў, лышэ абы добрэ грибъ запэчатаў!" Алэ той бидный кажэ: „На-що тобі щэ ксёндзовы тай дяковы платыты? я тобі самъ поховаю маму, алэ що ты мэни дашь за то?" „Бэры, кажэ, тоту γэлэтку съ сыромъ!" Той узяў бабу и γэлэтку, алэ бабы нэ ховаў, лышэ йи сховаў у сэбэ въ стодоли. Тай на другу ничь зноў йи заниcъ до брата до коморы и посадыў йи на скрыню (а въ тій скрыны булы полотна, шматье тай гроши булы). Выйшоў рано братъ до коморы, а мама зноў на скрыны сыдытъ. То пишоў зноў до бидного брата радытыся. А той кажэ: „То ницъ, то мама нэўно хочэ, абы ты мэни щэ тоту скрыню даў; дай мы, кажэ, скрыню, то йи поховаю!" Той му даў, винъ тогды взяў скрыню и бабу, алэ бабы щэ нэ ховаў. Взяў йи въ ночы тай зноў видниcъ до брата и посадыў йи мэжы кони. Братъ то увыдиў, нэ знаў вжэ що робыты? Тай зноў прыйшоў до того и кажэ: „Поховай вжэ разъ маму добрэ, абы нэ вылазыла, то ты дамъ кони!" Той видвиў соби кони до свэи стайни, а маму взяў у михъ и пониcъ на другэ сэло ховаты.

Тай нэсэ винъ маму, алэ на дорози здыбаў злодія, що пакраў поўный михъ кожухи, полотна и прядыво тай то всё въ миху нисъ. Якъ ся оба здыбалы, то ся спудылы оба и михи помэталы на зэмлю. Алэ потому ся оба повэрталы идъ михамъ, то злодій нэ выдиў добрэ тай взяў той михъ съ бабоў, а той вжэ взяў злодійиў михъ. Тай

розійшлыся той пишоў въ свій бикъ, а злодій въ свій. Тай прынесытъ злодій михъ до-дому и поставыў го въ комори. Війшоў до хаты тай кажэ жінци: „Иды, тамъ е михъ въ комори, то новынымай всё тай поховай до скрыни!" Жінка пишла до коморы, розвязала михъ тай хопыла бабу за чіўку и тягнэ. Тай увыдила, що то мэртва баба, тай ся настрашыла, побігла до хаты тай кажэ: „Йой, та то яка-сь мэртва баба въ миху!" Засьвитылы лямпу, дывятся такъ е баба! Тогды той злодій кажэ до жінки: „То мэнй Господь за кару такъ зробыў! вжэ більшэ, кажэ, нэ піду красты!"

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

86.

Какъ цыганъ топилъ бѣду.

Післаў разъ чоловікъ жінку на торгъ, даў йій симь ґрэйцариў и кажэ: „Купы за штыры ґрэйцары булокъ, а за тры солы, а щэ абы-сь симь ґрэйцариў прынэсла рэшты!" Она пишла, такъ на дорози плачэ якъ-бы то зробыты? Надійшоў ксёндзъ тай пытаеся: „Чого ты такъ плачэшь?" А вна повила, яку йій штуку чоловікъ заўдаў. Тогды ксёндзъ йій даў два рыньски и кажэ: „Я ввэчиръ до тэбэ прыйду, то прыладься!" Тогды она дэ-що накупыла и пишла до-дому. Якъ прыйшла, чоловікъ ся пытае: „За що ты тілько всёго накупыла за які гроши?" Она кажэ: „Якій-сь ксёндзъ даў мы два рыньски и казаў, що ввэчиръ до мэнэ прыйдэ!" Тогды винъ выкопаў въ синёхъ пидъ порогомъ яму, а жінци кажэ: „Якъ ксёндзъ прыйдэ, то упадэ въ яму тай ся забье!" И ввэчиръ ксёндзъ прыйшоў и упаў въ яму, а хлопъ пидскочыў тай го тамъ забыў.

Потому на другый дэнь зноў такъ чоловікъ выправыў жінку до міста и даў йій 7 ґрэйцариў, абы накупыла рижного и щэ 7 ґрэйцариў рэшты прынэсла. Она йдэ, плачэ, алэ здыбаў йи зноў другый ксёндзъ, даў йій гроши и кажэ, що прыйдэ ввэчиръ до нэи. Тай то-

гды́ хлопъ и того ксёндза въ я́ми за́быў. И такъ посыла́ў жи́нку чэ́рэзъ 7 дниў, то 7 ксендзи́ў прыйшло́ и въ я́ми ихъ хлопъ побы́ў вси симъ.

Тогды́ вжэ заклы́каў цы́гана и ка́жэ: „У мэ́нэ въ си́нёхъ е бида́: дамъ ты, ка́жэ, пя́тку, лышэ́ вы́нэсы тоту́ биду́ гэтъ!" Тай вы́тягъ едно́го ксёндза зъ я́мы и поста́выў за двэ́ри, а цы́ганъ хо́ныў ксёндза у михъ и видни́съ и кёнуў въ ста́ў. Алэ за́кимъ цы́ганъ ся вэрну́ў, хлопъ вы́тягъ зъ я́мы дру́того ксёндза и поста́выў за двэ́ри. Прыхо́дытъ цы́ганъ, а хлопъ ка́жэ: „О-то́, бида́ ся зноў вэрнула, щэ бо́рнэ, нижь ты!" Цы́ганъ хо́ныў го у михъ и видни́съ у ста́ў. Прыхо́дытъ, а хлопъ вжэ тре́того ксёндза поста́выў за двэ́ри. Зноў цы́ганъ видни́съ у ста́ў и такъ повыпо́шуваў вси 7 ксендзи́ў, бо гада́ў, що то всё тота́-сама́ бида́ ся вэрта́е. Даў му хлопъ пя́тку и цы́ганъ пишо́ў.

Идэ́, а тамъ вы́йшоў яки́й-сь ксёндзъ надъ ста́ў на спа́цирь. Тогды́ цы́ганъ гада́ў, що то та-сама́ бида́ зноў вы́лизла зо ставу́, тай пойма́ў ксёндза и ка́жэ: „То я тэ́бэ вжэ 7 разъ видни́съ, а ты щэ ся вэрта́ешь?" Тай зача́ў ксёндза бы́ты, за́быў тай вэ́ргъ у ста́ў.

И вжэ ся бида́ би́льшэ нэ вэрта́ла.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

—

87.

Глупыя бабы.

Ма́ў едэ́нъ ґа́зда дурну́ жи́нку тай йи разъ вы́правыў на торгъ до ми́ста. Она́ взя́ла гу́сы тай забра́ла на торгъ продава́ты. Прыйшла́ вжэ на торгъ, а́лэ нэ зна́ла по-чому ся платя́тъ гу́сы? То зачиныла яко́го-сь чоловика тай ка́жэ: „Постійтэ туй, попыльну́йтэ мы гусэ́й, а я ни́ду подывы́тыся—якъ ся гу́сы платя́тъ? а́лэ, ка́жэ, абы я васъ спизна́ла, якъ ся вэ́рну, то па́-тэ вамъ мій кожу́хъ -трымайтэ!" И да́ла му кожу́хъ, лышы́ла гу́сы тай пишла́. Вэрнула, шука́е, а то́го вжэ нэма́ пишо́ў съ гусьмы

и съ кожухомъ. Прыйшла́ до-дому и розновила то чоловиковы. А чоловикъ ся дужэ розлютыў тай кажэ: „Колы ты така дурна, то я гэтъ иду въ сьвитъ за очыма! якъ найду щэ таку дурну, якъ ты, то ся вэрну дъ тоби, а якъ нье, то ся нэ вэрну!" И забраўся и пишоў.

Прыходытъ до еднoго сэла, дывыться такъ една кобита гонытся за куркоў, такъ курку бье! Винъ йи ся пытае: „Що ты, жинко, робышь?" А она кажэ: „Мае курка курята, та нэ хочэ имъ даты сэаты!" „А що мэни дашь, кажэ, якъ я тя научу, якъ ся мае курята кормыты?"—„Дамъ ты 50 рыньскихъ!" Кажэ винъ: „Дай мэни сюда муку!" Дала она муку, тогды винъ замисыў тисто и подробыў курци на землю, а курка що ухопытъ кусныкъ, то клычэ курята годуе. Тогды ся жинка утишыла, дала му гроши и винъ собе пишоў дали

Идэ-идэ тымъ сэломъ дали, дывыться, а тамъ прыставыла баба драбыну до даху тай тягнэ корову по драбыни на дахъ тай бье. Тогды винъ пытаеся: „А що вы робытэ, кобито?" Она кажэ: „Выросла трава на даху така файна, то гоню корову, абы пасла, алэ шэдьма нэ хочэ лизты!" Винъ зноу такъ кажэ: „Що мы дастэ, якъ я васъ науччу?"—„Дамъ, що хочэтэ, лышэ научитъ!"—Винъ тогды взяў сэринъ, вылизъ на дахъ и скосыў траву, тогды даў траву корови и зийла. Дала му та кобита зноў 50 рыньскихъ и винъ пишоў.

И йдэ тымъ-самымъ сэломъ дали, а тамъ на киньцы такъ кобита бигае съ рэшэтомъ по дворе тай махае рэшэтомъ до двэрэй. „А що вы робытэ, кобито?"—Она му кажэ: „Хочу загнаты соньцэ до хаты, бо тэмно, та нэ можу!"—„Що мэни дастэ, кобито? я вамъ заразъ зажэну!"

„Дамъ, кажэ, 100 рыньскихъ!" Взяў винъ тогды сокиру тай пылу, вырубаў въ стини диру и вставыў викно, то вжэ соньцэ сьвитыло до хаты. Взяў видъ бабы 100 рыньскихъ и пишоў вжэ до-дому - дъ свойий жинци. И прыйшоў и кажэ: „Е щэ таки дурни бабы на сьвити, якъ ты, —навить дурнійши!"

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

— —

88.

Человѣкъ съ того свѣта.

аѣ. Мау едэ́нъ чолови́къ дурну́ жи́нку. И винъ пойи́хаў разъ въ лисъ тай ка́жэ до нэ́и: „Жи́нко, якъ я прыйи́ду зъ ли́са, абы́ бу́ло що́ йи́сты!" Она́ затоны́ла, нальля́ла едэ́нъ зэлизны́къ окро́пу, и дру́гый, и трэ́тый, тай ввэ́ргла въ едэ́нъ зэлизны́къ едэ́нъ горо́хъ, у дру́гый едну́ бу́льбу, а въ трэ́тый лы́жку муки́. Чолови́къ прыйи́ждже зъ ли́са, а она́ ёму́ то поста́вила тай ка́жэ: „Йижь!" Винъ ся тогды́ ду́жэ розлю́тыў и пишо́ў собі́ въ сьви́тъ.

Идэ́-идэ́ и прыйшо́ў до едно́и ба́бы, а та ба́ба пыта́еся ёго: „Ви́дки вы?" „Зъ усёго сьви́та!" А она́ нэ дочу́ла тай пыта́еся: „Зъ тамто́го сьви́та?" Винъ тогды́ ка́жэ: „А-я́, изъ тамто́го сьви́та!" Тогды́ она́ ка́жэ: „А що́ тамъ мо́и татуньо тай мамуня тай диточки́ ро́бятъ?" „Таки́ голэ́ньки, ка́жэ, таки́ босэ́ньки! тай нэ ма́ютъ що́ йи́сты, ни пы́ты!" Тогды́ она́ узя́ла и дала́ ёму кожухи́ў и спраки́ў и гро́ши тай ка́жэ: „Занэси́тъ то на тамто́й сьвитъ, най ся мои ма́ма тай та́то тай диточки́ поубыра́ютъ та най сы йи́сты ку́пятъ!" Той всё тото́ забра́ў и пишо́ў.

Надхо́дытъ то́и ба́бы чолови́къ и вна ёму́ то розпови́ла, що прыйшо́ў якій-сь чолови́къ и взяў кожухи́ и гро́ши на тамто́й сьвитъ. Тогды́ винъ пыта́еся: „А цы даўно́, цы догоны́ў-бы я ёго́ ещэ́?" „Нэда́ўно!" Сиў на коня́ и займы́ў, ажъ догоны́ў то́го, а́лэ той схова́ў ти ричы въ ли́си, а самъ сиў собі́ для сэ́бэ тай прыкры́ў гиўно́ ша́пкоў. Тай всэ ка́жэ: „А-у́ша-га, а-у́ша-га!" Той надийи́хаў, пыта́еся го: „Цы нэ вы́дилы вы яко́го подоро́жного, абы́ туды́й йшоў?"—„Вы́диў-емъ, ка́жэ, полэ́тиў!"—Тогды́ той нигна́ў да́льшэ, а́лэ нэ догоны́ў, вэрну́ўся. Тай ка́жэ до то́го: „Мо́жэ-бы вы ёго́ догоны́лы?"—„Чому́ ни? догоню́! а́лэ, ка́жэ, на́-тэ—то́го пта́шка пидъ ша́пкоў стэрэжи́тъ, ажъ поки я ся нэ вэ́рну!" Тай тогды́ сиў винъ на то́го коня́, що той га́зда прыйи́хаў, тай пойи́хаў гэтъ; а хлопъ того пта́шка стэрэжа́-стэрэжа́ ажъ до

вэ́чэра. Прыйшо́ў вэ́чиръ ни коня́, ни хлопа! Зача́ў винъ то́го пта́шка бра́ты, хоти́ў вжэ йты до-до́му. И такъ наоко́ло ша́нки обту́люе, абы́ пта́шокъ нэ ўтикъ, засу́нуў ру́ку пидъ шанку, а то гиўно́.

Прыходытъ до-до́му и ка́жэ жи́нци: „Зробы́ла ты дурнэ́, а́лэ я щэ дурни́йшый буў!"

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

бі. Ходы́ў едэ́нъ по сьви́ти чолови́къ. Тай разъ прыйшо́ў до корчмы, а въ ко́рчми нэ бу́ло нико́го, лышь жыди́ўка; жыдъ дэ-сь пишоў до сэла́. А тота́ жыди́ўка ёго́ ся пыта́е: „Видки вы́?" „Изъ сьви́та!" А оа́ нэ дочу́ла тай ка́жэ: „Ви́дки-ви́дки? зъ тамто́го сьви́та?" — „Зъ тамтого сьви́та, а-я́!" Тогды́ она́ ся пыта́е: „А що́ тамъ ро́бятъ мой та́то тай ма́ма?" „О, ка́жэ, та́то свы́ни пасэ́, а ма́ма михы́ ла́тае; дужэ тамъ бидуютъ!" Тогды́ она́ му надавала по́ўный михъ билы́зныны, хли́ба, булокъ, ри́жного, абы́ видни́съ на тамтой сьвитъ до ей та́та тай ма́мы. И винъ взяў и пони́съ.

А тогды́ жыдъ вэрнуу до-до́му, а она́ кажэ: „Ту буў чолови́къ зъ тамтого сьви́та, то-мъ дала дэ́-що для та́та й ма́мы, бо ду́жэ тамъ бидуютъ!" Тай жыдъ за́разъ си́ў на коня́ тай пойи́хаў здоганя́ты то́го чолови́ка. Такъ жэнэ́, а той увы́диў тай вэ́ргъ михъ у ко́рчи, а самъ сы стаў пидъ бэрэ́зу и трыма́е обо́ма рука́мы бэрэ́зу. Жыдъ прыйи́хаў про́сто нёго тай пыта́еся: „Цы нэ вы́дилы вы тако́го, абы́ нисъ михъ на плэ́чохъ?" — „Вы́диў-емъ, ка́жэ, а́лэ то вжэ даўно́ було!" „А цы догоны́лы-бы-сьтэ го?"

„Да́йтэ, ка́жэ хлопъ, най сяду на коня́, то можэ дого́ню! а́лэ мусытэ за мэ́нэ трыма́ты тоту бэрэ́зу, за́ки я вэ́рну, абы́ нэ ўпа́ла!" Тогды́ жыдъ пидпэ́ръ бэрэ́зу трыма́е зъ всэ́и сы́лы, а той сы си́ў на коня́, взяў зъ корчи́ў михъ тай пойи́хаў. Трыма́е жыдъ бэрэ́зу, трыма́е, такъ до вэ́чэра. Тай у вэ́чиръ вжэ хо́чэ йты гэтъ; то такъ пома́лу-пома́лу видсува́уся видъ бэрэ́зы, а пото́му якъ ско́чыў на-бикъ боя́ўся, абы́ на нёго нэ ўпа́ла. Алэ бэрэ́за нэ ўпа́ла.

Тай прыйшоу жыдъ до-дому тай кажэ до жи́нки: „Досыть ты дурна бу́ла дала-сь михъ билы́зныны тай хлиба. а́лэ я щэ дурнійшый, бо-мъ дау коня́ и бэрэ́зу-мъ за-ду́рно цилы́й дэнь трыма́ў!"

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

89.

Хитрый мужъ и глупая жена.

Буў одэ́нъ ґазда би́дный тай робы́ў у па́на на па́нщыни. Тай разъ му панъ таку́ гору́ съ корчима казаў розко́пуваты. Впнъ копаў-копаў тай найшо́ў вэлы́ки гро́ши въ тій гори́. Прыйшо́ў до-до́му тай ка́жэ жи́нци: „Я найшо́ў гроши въ па́новій гори́, то пидэ́мъ въ ночы́ и во́зьмэмъ, абы́ нихто́ нэ вы́диў, абы́ панъ нэ видобра́ў!" Впнъ йій то сказа́ў, алэ да́ли сы погада́ў, що злэ зробы́ў, що сказа́ў жи́нци, бо я́къ-бы йи колы́ набы́ў, то она́ за́разъ пи́дэ и будэ о тимъ крыча́ты мэ́жы лю́дэ. Тогды́ ка́жэ до нэ́и: „Лягай спа́ты, бо ажэ́нь о трэ́тій годы́ни пидэ́мъ по гро́ши!" Жи́нка лягла, а впнъ пишо́ў, пакуны́ў колачи́ў и розмэта́ў по обо́ри тай по ха́ти. И пишо́ў щэ тай поста́вы́ў зэли́зко и етрыкъ то снюхъ зла́пауся у зэли́зко, а ры́ба въ етрыкъ; а́лэ впнъ взяў, нэрэминя́ў тото́ поста́вы́ў ры́бу у зэли́зко, а снюха́ въ етрыкъ. Такъ зробы́ў тай пишо́ў до-до́му и лягъ спа́ты. Ажъ о трэ́тій годы́ни по ни́ўночы схо́пыўся и збуды́ў жи́нку. „Йой, ка́жэ, а-ды́ колачова туча йшла поўно колачи́ў въ ха́ти!" Жи́нка вста́ла, пишла́ збыра́ты колачи́ тай ка́жэ: „О-то фа́йна туча, кобы́ такъ що-ночы!" Тогды́ вжэ пишлы́ на гору́ по гро́ши. Идуть и надыбалы въ е́трыку снюха́. „Йой, ка́жэ, а-ды́—снюхъ ся зла́паў до е́трыка!"—Тай йдуть-йдуть, а тамъ въ зэли́зку ры́ба. „О-то́, ка́жэ, а вна ту якъ зайшла́?" Тогды́ пишлы́ и ти гро́ши забра́лы тай понэслы́ до-до́му.

Яко́-сь цы за ты́ждэнь, цы якъ, набы́ў той чолови́къ жи́нку, а она́ ўти́кла на сэло́, ґваўтуе, а пото́му пишла́

зо злосты до пана тай ка́жэ: „Той мій чоловікъ найшо́ў гро́ши у па́новій горі́ тай забра́ў!“ Панъ тогды́ писла́ў по нёго слу́гы. Винъ прыйшо́ў, пыта́еся ёго́ панъ: „Ты найшо́ў гроши?“ „Ни! та дэ́?“ „А-о́тъ твоя́ жи́нка ка́жэ, що-сь найшо́ў въ мо́йій горі́!“ „Нэкъ! ка́жэ хлопъ; та она́ дурна́ цыу́комъ!“ Панъ заклы́каў жи́нку, пыта́еся: „Цы найшо́ў твій чоловікъ гро́ши?“ „Найшо́ў!“ „Прыни́съ у ночы́ до-дому?“ „Прыни́съ!“ ка́жэ. А чоловікъ тогды́ ка́жэ до нэ́и: „Та дэ, колы́?“ „А-о́, ка́жэ, тогды́, якъ колачо́ва туча йшла! щэ́-сьмо пады́балы по дорози сиюха́ у ётрыку и ры́бу въ зэли́зку!“ Тогды́ чоловікъ ка́жэ: „Нэсчи́стье мое, вжэ мы цыу́ко́мъ жи́нка здури́ла!“ А панъ ка́жэ до ба́бы: „Э, йды собі́, ты дурна́!“ Тай йи панъ гэтъ пагна́ў до-до́му нэ повьёрыў.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

90.

Дуракъ.

Буў отэ́ць богачъ тай маў тры сыны́: два булы розу́мни, а едэ́нъ дурны́й. Тай заста́выў ихъ отэ́ць па́сты ви́ўци. На полу́днэ вы́правылы розу́мни бра́тья дурно́го до-до́му, абы́ имъ прыни́съ обі́дъ. Взяў дурны́й пырогы́ и галушки́ тай нэсэ́. А воро́ны всэ ска́чутъ тай—ква-ква. А винъ имъ всэ пырогы́ мэ́чэ, абы́ нэ крыча́лы, тай вымэтаў вси пырогы́ воронамъ. Алэ идэ́ дали зноў воро́ны крыча́тъ за нымъ. Тогды́ винъ зача́ў мэта́ты воро́намъ галушки́ тай зноў вымэтаў галушки́ вси до е́дной. Прыйшо́ў дъ бра́тимъ — прыни́съ поро́жни горшки́. Пыта́ютъ го ся бра́тья: „Дэ-жъ оби́дъ?“ Винъ ка́жэ: „Та пырогы́ забра́лы ворогы́, а галушки́ свашки́!“

Пишлы́ оны́ тогды́ до-дому сами́, а ёго́ лышы́лы съ ви́ўцима и ка́жутъ: „Пасы́-жъ ту ви́ўци, а́лэ пыльну́й, абы́ бу́лы вси на-ку́пи!“ Винъ взяў, побы́ў, пори́заў вси ви́ўци тай поскладаў на-ку́пу. Прыхо́дятъ бра́тья.

„Йой, та що ты ту поробыў, дурняго?" Винъ кажэ. „Ба, та-жэ-сьтэ казалы, абы вйуци булы на-купи, то-мъ поскладаў!"

Тогды братья кажутъ: „Ходимъ мы тэпэрь въ сьвитъ, бо якъ ся тато довидае, то насъ забье!" Идутъ оны, идутъ, а коло едной хаты лэжала брама. Дурный кажэ: „Я бэру тоту браму!" „Та пэ бэры, дурню, на-що тобй?" „Мэни треба!" Тай взяў браму, понисъ. Зайшлы оны въ лисъ тай лизутъ на дуба почувати. Вылизлы на дуба, а дурный щэ й браму съ собоў вытягнуў. А въ ночы прыйшлы злодіе тай взялы пидъ дубомъ огэнь клясты. Тай розложылы тамъ свой маетки и зачалы ся дилыты. А дурный тогды съ дуба на ныхъ ся ўсцяў. „О-то, кажутъ злодіе, якій дощыкъ росытъ!" Тогды дурный пустыў съ дуба браму. Злодіе напудылыся тай зачалы ўтикаты.—„Йой, кажутъ, гримъ на насъ ударыў!" Тай поўтикалы гэтъ и вси маетки полышалы. Тай тогды вжэ братья вси ти маетки забралы тай вэрнулыся вжэ до-дому.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

91.

Школьникъ и нищій.

Ишоу бйдный школяръ зи Львова на вакацьи до свого сэла. Хлибъ му вжэ выйшоў вэсь, а пэ маў за-що купыты собй. Тай такъ зитхнуў собй: „Господы! кобы хоть щусточку знайты на дорози!" Идэ дальшэ, ажъ ту зыркъ! що-сь блыщытся на дорози. Винъ пидняў, дывытся, а то дукачъ. Дужэ ся ўтишыў хлопэць, але сы потому гадае: „Що мы зъ того, хто-жъ мэни ту на сэли зминяе того дукача?"

Тай такъ здыбуе пры дорози дида сьлиного тай куляного. Знаў, що диды мають много дрибныхъ грошэй (бо тогды то й диды бувалы богати), тай кажэ: „Диду-сю, можэ-бы-сьтэ мэни зминялы дукача?" „А-ну-ну, покажы, най подыўлюся -чы справдэшный дукачъ?" Взяў дидъ дукачъ въ руки, обэртае го на вси боки, обмацяў тай пытаеся

тогды хлопця звидки мае дукача? Винъ сказаў му цилу праўду, що знайшоў на дорози. Тогды дидъ выйняў зъ-за пазухи малый ящыкъ и поклаў въ него дукачъ тай кажэ: „То выдышь, дурню, щэ мы акуратъ одного дукача браковало, щобы ящыкъ буў поуный; тэпэрь иды соби съ Богомъ, бо якъ ся пэ устуныш по-доброму, то тя кулямы нагоню!“ Хлопэць видійшоў съ плачомъ, алэ потому стапуў и дывыться що дидъ будэ робыты?

Дидъ встаў и пишоў, а хлопэць потыху за нымъ; тай прыйшлы такъ до хатынки пидъ лисомъ. Дидъ увійшоў до хаты, а хлопэць стапуў пры порози. Алэ въ хати буў щэ другый дидъ такжэ сьлипый и крывый. Тай той въ хати кажэ: „То ты, Максымэ?“ —„Я!“ кажэ той дидъ, що прыйшоў. Тай зачаў му тогды розповидаты, якъ винъ видобраў хлопцевы дукача. —„О-тэпэрь маю вжэ поуный ящыкъ!“ кажэ. „А-ну-ну, покажы!“ Той выйняў ящыкъ и дае дидовы; алэ школяръ тогды потыхоньки пидійшоў, наставыу руку тай взяў ящыкъ видъ дида. Тогды выйшоў зъ хаты тай побигъ собе геть.

Алэ дидъ кажэ до дида: „Чому мы пэ даешь ящыка? чы ся бойшь, чы що?“ Той кажэ: „Та-жэ-мъ ты що-йно даў!“ Дидъ кажэ, що нье, алэ той му кажэ: „То ты поуно сховаў, злодію!“ Тай такъ видъ слова до слова зачалыся диды быты. Ажъ парэшти здогадалыся на школяра тай кажуть: „О-то, поуно той школяръ взяў гроши! то-то—що шкубэръ, то штудэръ!“ Тай на тимъ погодылыся.

(Сообщено В. Я. Трушомъ изъ с. Славна, золочевскаго у.)

92.

Какъ люди дурака разуму учили.

а). Една баба числала сына до мiста купыты чвэрть гороху. Винъ буў трoха гы прыдурковатый, то она му казала (абы винъ нэ забуў), абы всю дорогу, якъ будэ йты до мiста, всэ казаў: „Чвэрть гороху, чвэрть горoху!“

И винъ идэ дорогоў тай всэ собi такъ говорытъ: „Чвэрть гороху!“ А тамъ пры дорози сiяў богачъ горoхъ тай чуе, що той идэ дорогоў тай всэ кажэ: „Чвэрть горoху!“ Тай винъ го завэрнуў и кажэ: „Щo ты за-едэнъ? то ты мэнi кажэшь, щобы мэнi ся тiлько чвэрть горoху уродыла?“ Тай взяў того быты хлопака. „Памятай сы, кажэ, абы-сь, якъ когo такъ здыблэшь, всэ казаў: Дай Божэ счiстье, щобы-сьтэ нэ моглы ни пэрэносыты, ни пэрэвозыты!“

Той идэ тогды знoў зъ кавалокъ дороги взэўтъ мэрлого. А той имъ дурний тогды кажэ: „Дай Божэ счiстье, абы-сьтэ нэ моглы ни пэрэносыты, ни пэрэвозыты!“ Злапалы го, набылы.—„То мы ту плачэмъ, заводымъ, а ты намъ таке кажэшь? ты повынэнъ, кажутъ, клякнуты и мoвыты молытвы: Вiчная память!“

Тай вжэ знову идэ дали здыбае вэсилье. Тогды винъ вжэ клякъ сдалэку, руки зложiў и молытся Богу пэрэдъ вэсилье: „Вiчная память та вiчная память!“ Ти дывятся—а то щo?—„Мы ся, кажутъ, всэ ille, а той Богу мoлытъ за насъ, абы мы ўмыралы, чы щo?“—Тай го тогды вжэ знoву набылы, вжэ таки добрэ.

И вэрнуўся вжэ тогды съ плачомъ до-дому, вжэ й за горoхомъ нэ ходыў. Розповiў мами всё, якъ го тры разы побылы, плачэ. А мама тогды му кажэ: „Дурня ны сiютъ, ны орутъ, дурни ся самi родятъ! тай ты такiй!“

(Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

б). Мала баба чоловика лoγэна, що нэ хотiў робыты ницъ. Тай жiнка го набыла кочэргоў тай нагнала въ сьвитъ, абы го людэ розуму наўчылы.

Винъ идэ́ лю́дэ въ по́лю вэсну́ютъ собі́. Ишоў по́-иры едно́го нэ каза́ў ницъ; ишо́ў по́-иры дру́того та́кой ницъ; по-иры тре́того надійшо́ў и зноў ницъ нэ ка́жэ. Тогды́ той поста́выў во́лы цы ко́ни, йимы́ў и набы́ў то́го. „Та за́-що вы мэнэ́ бьётэ?" „Абы́-сь, ка́жэ, якъ що таке́ зды́блэшь, казаў: Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ нэ могли́ ни нэрэвозы́ты, ни нэрэносы́ты!"

Винъ идэ́ вэзутъ умэрця́. Винъ ка́жэ: „Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ нэ могли́ ни нэрэвозы́ты, ни нэрэносы́ты!" Йимы́лы го лю́дэ, набы́лы. Тогды́ винъ ся ныта́е: „Та я́къ-жэ мэни́ каза́ты?" „Ма́ешь каза́ты: Абы́ за таке́ нихто́ нэ знаў, ни чува́ў!"

Винъ идэ́ зды́буе вэсилье. Ка́жэ: „Вода́й за таке нихто́ ни знаў, ни чува́ў у тимъ сэли́!" Йимы́лы вэси́льни, набы́лы го. „За-що́ мэнэ́, лю́дэ, бьётэ?"—Ка́жутъ вэси́льни: „Якъ таке зды́блэшь, ма́ешь каза́ты: Дай Бо́жэ счи́стье, абы́-сьтэ ся вэсэлы́лы, абы́-сьтэ ди́ты съ ны́мы ма́лы!"

Винъ идэ́, а ризны́къ свы́ни жэна́. „Дай Бо́жэ счи́стье, ка́жэ, абы́-сьтэ ся вэсэлы́лы, абы́-сьтэ съ ны́мы ди́ты ма́лы!" Ризны́къ нэрэбі́гъ, якъ зача́ў бы́ты, винъ ся тогды́ ныта́е: „Ба, я́къ-жэ мэни́ каза́ты?"

„Ма́ешь каза́ты: Дай Бо́жэ счи́стье, абы́ надъ тымъ поны́ галылу́йкалы, абы́ то ся на тарэ́лы кра́яло!"

Ну, идэ́ винъ, а едэ́нъ тамъ сыди́ў для сэ́бэ. Винъ ка́жэ: „Дай Бо́жэ счи́стье, абы́ надъ тымъ поны́ галылу́йкалы, абы́ то ся на тарэ́лы кра́яло!" Той ся схо́ныў, набы́ў, а винъ ка́жэ: „Якъ-жэ мэни́ каза́ты?" „Ницъ нэ ма́ешь каза́ты, ка́жэ, лышэ́ абы́-сь плю́ныў!"

Идэ́ винъ, а два ба́бы сыдя́тъ на зари́нку една́ дру́гій въ го́лову ся дывы́ла. Винъ тогды́ мэ́жы ба́бы плю́ныў. Йимы́лы ба́бы, набы́лы. Винъ ка́жэ: „Йой, лю́дэ, та вжэ мя такъ бьётэ—ко́сты-сьтэ мы поломы́лы! що-жъ вжэ ма́ю робы́ты?"—„Якъ дэ таке́ найдэ́шь, абы́-сь сво́ю го́лову пхаў!"

Винъ идэ́, а два ся пісы йидя́тъ. А винъ запха́ў сво́ю го́лову мэ́жы ныхъ тай пісы видійлы дурно́му го́лову.

(Отъ Федора Химчука въ Доброгостовѣ.)

93.

Три гроша.

Прыйшоу кумъ до кума тай кажэ: „Пожычтэ вы мэнй тры гроши!" „А колы виддастэ?" „Я вамъ, кажэ, виддамъ нэ за доўгый часъ за мисяць!" Тай кумъ пожычыу му тры гроши.

Алэ мынае мисяць нэма грошэй. Тогды кажэ той, що пожычыў видъ кума гроши, до жинки: „Вжэ мынае той часъ, що маемо кумовы гроши виддавати, а нэма; то я возьму и ўмру, а ты мэнэ паладуй тай положы на лавыцю!" И положыуся за умэрлого на лавыцы. Тогды кумъ прыходытъ по гроши. Такъ кума плачэ за чоловикомъ, заводытъ, то винъ йи ся пытае: „Кумо, а вы чого такъ плачэтэ?"

„Та подывится, кажэ, умэръ мы чоловикъ! хто вамъ тэпэръ тоты гроши тры виддастъ?" Алэ кумъ пишоў до жыда, куныў сы сьвичку тай прыйшоў зноу до кума: засьвитыў сьвичку тай зачаў кумовы ляпаты на нисъ. А кумъ усэ соби носомъ покивуе, а той лишэнь соби посьмишкуе. Тай потому положыу усю сьвичку кумовы на нисъ; якъ сьвичка догорила, то кума сноклоъ въ нисъ, а той тогды махнуў рукоў по носи. Тогды кумъ кажэ до нёго: „А вы що робытэ, кумэ? та-жэ вы вжэ булы ўмэрлы!" —„Добрэ, кажэ той, що-сьтэ прыйшлы та-сьтэ мя ожывылы!" А кумъ кажэ: „А колы вы мэнй тры гроши виддастэ?" —„Вжэ вамъ чымъ-найборшэ виддамъ!"—Тай кумъ забраўся тай пишоў до-дому.

Тогды кажэ той до жинки: „Я зноў ўмру, а ты выкопай яму тай мэнэ поховай; алэ нэ закопуй зэмлэу, лышэнь прыкрый яму дошками!" Тай такъ зробылы знову. А кумъ прыходытъ зноў по гроши. Баба плачэ, йойкае, а винъ кажэ: „Кумо, та чого вы такъ плачэтэ?"—„Ба, та ўмэръ мы чоловикъ, то хто вамъ тры гроши виддастъ?"

„Уновиджтэ мэнй, кажэ, до вы ёго поховалы, най иду за ёго душу Отчэнашъ змовью!" Тай прыйшоў надъ яму такъ бурчытъ, гы бугай, тай глйноу у дошки мачэ. А той кажэ зъ ямы: „А-кецъ-ке!" Тогды кумъ кажэ: „Кумэ, а вы що тамъ робытэ въ ями?"—„Ой, кажэ, виджэнйтъ бугай пэршэ!" Тогды вылизъ изъ ямы, а кумъ кажэ:

„Ну, колы́ вжэ тоты́ тры гро́ши виддастэ́?" „Вжэ тэпэ́рь, ка́жэ, за тры дны нэ́ўнэ виддамъ!"

Тай тогды́ пишо́ў до жи́ники и ка́жэ: „Жи́нко, иды́ до ксёндза, будэ́шь каза́ты, що я ўмэ́ръ, абы́ мэнэ́ йшлы хова́ты; а́лэ, ка́жэ, абы́ мэнэ́ хова́лы пи́зно въ ночы́, то я зъ тру́мна вы́хоплюся тай утэчу́, нэ бу́дутъ вы́диты!" И даў йій тры гро́ши, ка́жэ: „Дашь ксёндзу едэ́нъ гришъ и дяко́вы едэ́нъ гришъ, а що трэ́тый для насъ лы́шытся, а кумовы та́ки нэ виддамо́!" Тай она́ пишла́ до ксёндза тай такъ всё розпови́ла, якъ винъ йій каза́ў. И прыйшлы́ вжэ вэ́чиръ хова́ты ёго́, видира́вылы тай понэ́слы. Прыйшлы́ до цэ́рквы, а́лэ вжэ пи́зна годы́на бу́ла, то ксёндзъ ка́жэ: „Лю́дэ, тэпэ́рь вжэ глубо́ка ничь, мы нэ будэ́мъ гришно́ ти́ло тэпэ́рь у я́му пха́ты!" Тай видложы́лы на рано, а лю́дэ позабыра́лыся до-до́му. Алэ той кумъ до-до́му нэ йшо́ў, лышно́ стау сы въ кутчыку у цэ́рквы.

Алэ ксёндзъ забу́ў у цэ́рквы свою́ табаке́рку, то писла́ў по ню слу́гы до цэ́рквы. Слу́гы увійшлы́ до цэ́рквы, засьвиты́лы сы тай увы́дилы на сэрэ́дыни тру́мно. А оны́ нэ зналы, що то то́го чолови́ка на́-ничь лышы́лы, гада́лы сы, що то можэ яки́й оны́ръ. [1] Тай ка́жутъ: „Ану́, нэрэтни́мъ тото́ тру́мно!" А той ка́жэ зъ тру́мна: „Я васъ поду́шу!" А кумъ ка́жэ зъ кута́: „А я бу́ду помага́ты!" Тоты́ слу́гы якъ то почулы, то поутика́лы ажэ́нь до-до́му. Тогды́ той вы́лизъ изъ тру́мна, а кумъ ка́жэ зъ кута́: „Ку́мэ, а вы ту що́ ро́бытэ?" „Добрэ, ка́жэ, що́-сьтэ прыйшлы́, тэпэ́рь бу́дэмъ цэ́ркоў обкрада́ты!" Тай розбы́лы скарбо́нку, забра́лы вси гро́ши тай подилы́лыся. А кумъ ка́жэ: „Ку́мэ, а видда́йтэ що мэ́ний тоты́ тры гро́ши!" Алэ тогды́ едэ́нъ слуга́ вэрну́ўся потыхо́ньку, бо хоти́ў зна́ты—що́ то таке́ въ цэ́рквы бу́ло? Тай всу́нуў го́лову крузь двэ́ри, а той кумъ схо́ныу съ нэ́го ша́пку тай даў ку́мовы.—„На́-тэ вамъ, ка́жэ, за ти тры гро́ши,—дайтэ мы спо́кій!"

Ажэ́нь тогды́ кумъ ку́мовы ти тры гро́ши видда́ў.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

[1] См. ниже—въ приложеніяхъ повѣрья объ оныре.

94.

Дѣдъ и баба.

Такъ буу дидъ тай баба и вны малы у лйси на горбку хатку. Алэоны булы дужэ бйдни и нищъ нэ малы, лышэнь ходылы на грыбы та збыралы. И такъ разъ пишлы и надыбалы въ лйси барана и зарйзалы го тай понэслы до-дому; шкйру здоймылы тай положылы пидъ лаўку, а мясо зварылы тай засўнулы у ничь. А самй и пишлы у сэло за выдэўкамы, абы йисты то мясо, бо вжэ по-паньски хотйлы ся балювати.

И здыбалы цыгана на дорози тай кажутъ до цыгана: „Абы-сь нэ йшоу до нашои хаты тамъ на горбку пидъ лйсомъ, бо тамъ у насъ е мясо у пэчы тай шкйра пидъ лавыцэў!“ Тай пишлы у сэло, а цыганъ зайшоў до хаты, наййуся мяса, лышэ кисткй лышыу у мысци, узяу шкйрку въ торбу тай пишоу гэтъ.

Прыходятъ дидъ тай баба до-дому, дывятся, а въ мысци лышэнь кисткй, тай шкйрки нэма пидъ лавкоў, лышь дрйбка воўны, а на тій воўни сыдйлы мухи. Тогды кажэ дидъ до бабы: „О-то, мухи поійлы намъ нашу ирацю!“ А баба кажэ: „Бийимо тэпэрь прокляти мухи!“ Тай взяу дидъ макогйнъ, а баба рэбрачку вжэ лйтаютъ по хати за мухамы. Дэ котра сядэ, заразъ бьютъ, цы на горнэць, цы на викно, всё порозбывалы.

Тогды кажэ баба до дйда: „Э, такъ злэ!“ Сйла сы тогды баба на порози съ рэбрачкоў, а дидъ наганяе до нэи мухи тай баба бье на порози. Вси мухи такъ выбыла, лышэ една ся щэ лышыла — сйла бабы на нисъ. Алэ баба крычытъ: „Бый, дйду, муху, оци на носи сыдытъ!“ Тогды дидъ якъ ударыў бабу макогономъ по носи, то баба полэтила ажъ до синэй, забыу бабу на смэрть. Тай конэць.

(Отъ Ивана Зинка въ Доброгостовѣ.)

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ОТД. I и II.*

95.

Вѣчные жиды.

Кажутъ, що якъ жыды росыпалы Исуса Хрыста, то ихъ Исусъ Хрыстосъ закляў, щобы жылы до кинець сьвита на вики. И оны сыдятъ за морёмъ и нэ можутъ ся звідтамъ дистаты до краю до свого, бо моря разъ-ў-разъ граютъ, вода кинытъ разъ-ў-разъ. Хиба въ одну суботу стае фали тота.

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

96.

Языкъ природы.**

Буў у пана лёкай. Тай той панъ всэ собі варыў яке-сь таке зилье, що видъ того всё знау, що ся въ сьвити діяло и що ся що буде діяты; але тому лёкаёвы було заказано, щобы винъ ничого нэ кушау того. А винъ такой разъ покоштувау того зиля, хоць му заказано було, тай тогды винъ вже также знау всё, що дэ яка птыця говорытъ, цы якій зьвиръ, цы лыстъ шумытъ на дэрэвыни, то винъ то всё вже розумиў. И панъ за то ёго нагнау готъ, що винъ покушау того зиля, и такъ го за-

*) Такъ какъ, по досадному случаю, нѣсколько нашихъ записей въ свое время затерялось и поэтому раньше—въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ сборника—помѣщено быть не могло, то мы помѣщаемъ ихъ, разыскавъ ихъ нынѣ вновь, только здѣсь—въ видѣ дополненій.

**) Ср. № 37.

кля́ў, що я́къ-бы винъ кому́ о тимъ сказа́ў, що розумі́е, то́-бы за́разъ ўмэ́ръ.

Тай винъ тогды́ пишо́ў собі́ гэтъ — до сво́го сэла́, ожэны́ўся и зача́ў вжэ собі́ самъ ґаздува́ты. Тай винъ маў свій сала́шъ овэ́ць, то разъ такъ поййхаў на той сала́шъ съ жи́нкоў: жи́нка йи́хала на кля́чы, а винъ на коны́. По доро́зи кля́чъ зача́ла рза́ты, а винъ тогды́ за́сьміяўся, бо кля́чъ каза́ла до коня́: „Мини́ тя́жшэ, нижъ тоби́, бо я иду́ самочэтвэ́рть, а ты идэ́шь самодру́гъ!“ Такъ каза́ла, бо коби́та бу́ла у тяготи́ и кля́чъ та́кжэ бу́ла жэрэ́бна, то нэго́дна бу́ла за коне́мъ постыга́ты самочэтвэ́рть.

Алэ я́къ ґа́зда на то за́сьміяўся, то жи́нка зача́ла ёго́ прыныра́ты: „Чого ты ся сьміешь тай чого́?“ А винъ нэ хоти́ў йій пови́сты, каза́ў, що я́къ пови́сть, то умрэ́. Алэ жи́нка того нэ слу́хала, лышэ́ доконэ́чнэ хоти́ла зна́ты чого́ винъ ся сьмія́ў? Тогды́ винъ йій зноў ка́жэ: „Я́къ вжэ такъ хо́чэшь, то иды́, стэлы́ мы на ла́ўку, бо я бу́ду умыра́ты и тогды́ ты пови́мъ всю пра́ўду!“ Тай она́ му за́разъ постэлы́ла на ла́ўци, щобы́ ўмыра́ў.

Тогды́ ґа́зда вы́йшоў щэ на-дви́ръ подывы́тыся що разъ на сво́е ґаздиўство, а тамъ собі́ ходы́лы ку́рки тай когу́тъ. И чу́е ґа́зда, що когу́тъ ка́жэ до куро́къ: „Отъ, я́кый той ґа́зда дурны́й! я нэ одну́ жи́нку ма́ю, а ось ки́лько, тай прэ́цинь надъ ны́мы старшу́ю, що му́сятъ мя вси слу́хаты, а винъ одні́й баби нэ мо́жэ ра́ды да́ты! я́къ-бы, ка́жэ, до́брый ґа́зда, то-бы сы намочы́ў посторо́нокъ въ солы тай бы ґаздыню тымъ до́брэ набы́ў, а нэ ўмыра́ў-бы за-ду́рно!“ Тай ґа́зда тото́ вы́слухаў и такъ зробы́ў: взяў, намочы́ў посторо́нокъ, жи́нку до́брэ вы́быў, вы́смаруваў, то вжэ тогды́ нэ ныта́лася го ницъ би́льшэ, до́киль жы́ла.

(Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

97.

Калиновая дудка.

Такъ булы́ пидъ тай баба тай ма́лы дви ди́ўки: дидъ маў свою видъ пэ́ршои жи́нки, а ба́ба свою видъ пэ́ршого чолови́ка. Тай ти диўки́ пишлы́ разъ въ лисъ на я́годы, а́лэ ди́дова диўка збыра́ла я́годы у коробочку, а ба́бына такой въ ны́сокъ. Тай вэрта́ютъ вжэ до-дому, то ди́дова ма́ла поўну коробочку яги́дъ, а ба́бына пэ ма́ла ницъ. Тогды́ ка́жэ та ба́бына диўка: „Сэстры́чко, видночы́ньмо сы троха!" Тай полигалы на траву́, алэ ди́дова диўка заснула, а ба́бына взя́ла тай йи зари́зала. Тогды́ видобра́ла ійі тоту коробочку съ ягидьмы́, а ей закопа́ла въ зэ́млю, посады́ла тамъ на гроби галузку зъ калы́ны тай пишла́ до-до́му. До́ма дидъ ся ныта́е: „А дэ-жъ моя́ до́нэчка?"

„Та пэ зна́ю, ка́жэ дэ-сь ся лыпы́ла съ-за́ду!"

А тамъ чэ́рэзъ лисъ пишлы́ съ дороги два парубки́ тай ка́жутъ: „Видночы́ньмо сы тро́ха, камбра́тье!" Посида́лы сы пидъ корчи́ тай сыдя́тъ. Алэ ды́вятся, а тамъ така́ фа́йна калы́на зацвы́ла, то оны́ взя́лы, ури́залы прўтыкъ зъ тои калыны тай въ́стругалы сопи́ўку тай взя́лы на ійі граты. А сопи́ўка взя́ла до ныхъ промавля́ты:

„Ой, пома́лу-ма́лу, козачэ́ньку, грай,
пэ пораны́ мэнэ́ въ сэрдэ́чко въ край!
Було насъ дви ди́вочки,
пишлы́ на яги́дочки:
една́ дру́гу пэ злюбы́ла,
нижъ у сэ́рцэ застромы́ла!"

И парубки́ взя́лы тоту́ сопи́ўку и пишлы́ собі́ да́ли, а́лэ зайшлы́ на-ничъ до того ди́да витця́ тои диўки. Тай зноў тамъ едэ́нъ па́рубокъ зача́ў на ту сопи́ўку гра́ты, а она́ зноў такъ зача́ла промавля́ты:

„Ой, пома́лу-ма́лу, козачэ́ньку, грай"... и т. д.

Старый отэ́цъ якъ то учуў, кажэ: „Кобы́ вы мэ́ни́ тро́ха позволылы загра́ты, парубки́!" Тай оны́ му ей да́лы, а она ёму́ зноў такъ сьпива́е:

„Ой, пома́лу-ма́лу, тату́нэчку, грай"... и т. д.

Тогды́ стары́й ка́жэ до то́й ба́бынои ди́ўки: „То ты зари́зала мо́ю до́нэчку, вы́дышь?" Алэ она́ схова́лася на ничь у кутъ и нэ хоти́ла зли́зты, а ба́ба взя́ла щэ крыча́ты на ди́да: „Ты стары́й ду́рню, таке́ глу́пство гово́рышь!" Алэ дидъ ка́жэ: „Ну, то якъ нэ она́ зари́зала, то най сама́ загра́е на сопи́уку мо́жэ она́ йій ска́жэ!" Тай тогды́ нарубки́ стягнулы ди́ўку съ пэ́чы, то вжэ му́сила граты. А сопи́ука йій тогды́ зачала промавля́ты:

„Ой, помалу-ма́лу, сэстры́чко, грай,
нэ поранкі́ мэнэ́ въ сэрдэ́чко въ край!
Було́ насъ дви ди́вочки,
пишлы́ на яги́дочки;
ты мэнэ́ нэ злюбы́ла,
нижъ у сэ́рцэ застромы́ла!"

Тогды́ ту ди́уку взя́лы тай йи прыпи́лы до ки́ньского хвоста́, то йи кинь розбы́у, розни́съ на смэрть.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

98.

Отецъ освобождаетъ свою дочь, похищенную вѣтромъ. *)

Такъ пэсла една́ жи́нка чолови́ковы йи́сты на по́лэ, а́лэ она́ бу́ла въ тяготи́ и бу́ло ду́жэ горя́чо, то якъ ишла́, дужэ ся змучыла и упри́ла. Тай ка́жэ: „Бо́жэ-Бо́жэ! кобы́ повіяў тро́ха холодный ви́тэръ на мэ́нэ, то якъ буду ма́ты ди́ўку, то йи подару́ю ви́трыковы!"

Тай вжэ потому поро́дыла ди́ўку, а́лэ о тимъ забула, що йи подарува́ла ви́тровы. Якъ вжэ тота́ ди́ўка тро́ха пидросла́, вжэ ма́ла симь литъ, то йшла разъ по во́ду у керны́цю, а́лэ тогды́ стаў вэлы́кій ви́тэръ тай ухо́пыу ди́ўку и пони́съ гэтъ.

*) Ср. № 41.

Тай ей отэць шукáуйи, шукáу по сьвити, алэ нэ мигъ нигдэ найты. Тогды винъ прыйшоў до едного ворожбыта, а той ворожбытъ ёму такъ кáжэ: „Твóю доньку ўхóпыў витэръ тай трымáе йи въ свóйій хáти, áлэ ты ся до нэи нэ мóжэшь дибрáты, бо то дýжэ далэко! áлэ, кáжэ, закýй пáлыцю зэлизомъ, то якъ ты тоту пáлыцю схóдышь, тогды свóю доньку найдэшь!“

Тай винъ такъ ходыў-ходыў по сьвити съ тоў пáлыцэў, ажъ вжэ сходыў пáлыцю циўкомъ. Тай тогды прыйшóў до еднóго лису, дывыться, а тамъ ёгó донькá вóду нэсэ зъ керныци. Тай вжэ звытáлыся тай пишлы до тои хáты, дэ онá бýла,—до витра. Витра нэ бýло дома, то витрова маты прыймыла гонá-ничь, áлэ го сховáла по конэць стóлыка пидъ корыто, абы витэръ нэ ввидиў, якъ ся вэрнэ до-дóму.

Алэ прыходытъ витэръ у ночы о самои пиўночы тай кáжэ: „Чýты, що ту присна душá е!“ Тай якъ стаў шукáты, тай найшóў тóго чоловика. Тогды хотиў ёгó стрáтыты, áлэ та донькá дýжэ просыла, то го вжэ лышыў прыжытью, алэ кáжэ до нёго такъ: „Въ мэнэ е таке вэлыке морэ, то якъ ты то морэ заутра до вэчэра замáчэшь, абы бýло риўнэ пóлэ, тогды я тобú дамъ твою доньку!“ И даў ёму склянну сокиру и склянный рыскáль и склянну мотыку тай кáжэ: „Тымъ-ó мáешь то морэ замитуваты!“

И винъ пишóў то морэ замитуваты, áлэ ся дýжэ жýрытъ, бо хто то мóжэ такý робóту зá-дэнь зробыты? Зачáў копáты, áлэ ся тоти склянни ричы поломылы, то вжэ стаў и стойтъ тай плáчэ. Ажъ ту въ полýднэ прынэсла ёму донькá йисты тай якъ махнула такимъ прýтыкомъ, що мáла за пáзухоў, то ся заразъ позбигáло поўно людэй тай засыпалы тотó морэ за якý годыну. Ввэчиръ прыходытъ витэръ тáмки, подывыўся, що морэ засыпанэ, тай здумиўся самъ до сэбэ: „О-тó робóта!“

Алэ потóму зноў кáжэ: „Я щэ тобú твои доньки нэ виддáмъ! ажъ, кáжэ, якъ ты мэни зáутра до вэчэра позбырáешь цэтнаръ мáку, що я тобú насыплю, тогды вжэ тобú доньку виддáмъ!“ Тай высыпаў на пóлы цэтнаръ мáку тай той отэць зачáў той макъ збырáты. Алэ дэ тамъ? нэ мóжэ! Ажъ понэсла зноу ёму дýка йисты въ полýднэ тай зноў такъ махнýла

прутомъ, то ся пазлитáло тúлько итáхнуў, що той макъ вы́збыралы до-кры́хты.

Алэ вúтэръ таки нэ даў му донькú, лышэ́ лышы́ў ихъ обóе у сэ́бэ на слу́жбу. Тай той стары́й отэ́ць такъ ся вжэ тамъ грызá, плáчэ, áлэ донькá кáжэ: „То ницъ, якó-сь то бу́дэ!" Тай потóму вúтэръ дэ-сь забрáўся и пишóў. Тогды́ дúўка зробы́ла витця́ гóлубомъ, а сэбэ́ гóлубчыхоў тай взя́лы ўтникáты обóе. А вúтэръ прыходытъ до-дому тай ся пытáе мáтэры дэ оны́ ся подúлы? Тогды́ мáты му кáжэ: „Гэтъ полэ́тилы!" Винъ взяў за ны́мы лэтúты тай стаў дýжэ лисы́ по дорози крышы́ты, дахú зрывáты, то що, бо вжэ дýжэ буў лю́тый. А тотá дúўка учýла ёго́ сдалэку, то зáразъ зробы́ла сэбэ́ я́блинкоў, а витця́ я́блокомъ. Прылэ́тиў вúтэръ идъ тій я́блинци, пообзырáў, потря́съ йи на вси бóки, áлэ нэ спизнáў ихъ тай полэ́тиў дáльшэ. А оны́ тогды́ вжэ пишлы́ сы спокійно до свого дому.

(Отъ Дмитрія Гавриляка въ Доброгостовѣ.)

99.

Сестра-вѣдьма.

Булá баба старá и мáла дви доньцú: еднý виддáла на дрýгэ сэлó, а молóдша ся щэ лышы́ла вдóма.

Алэ тотá донькá, що ся виддáла, булá дýжэ чариўны́ця вэлы́ка. Якъ щэ еи вэ́злы въ вэсилье́, то онá на сáмый пэ́рэдъ зáразъ свóго чоловúка ззúла. Якъ ззúла чоловúка, тогды́ взя́ла йúсты вси тоты́ свахы́, старосты́, гэтъ цилэ́ вэсилье́ ззúла. Нэ стáло йій тыхъ йúсты, тогды́ онá забрáлася до людэ́й на сэлú—вы́йшла цилэ́ сэлó. Якъ вжэ нэ бýло когó йúсты, вжэ нэ стáло людэ́й, тогды́ онá взя́ла йúсты умэрлú зъ гробúў.

А дрýга сэстрá дóма кáжэ: „Мамýнцю, я пидý до свóйи сэстры́чки на вэчэрны́чки!" Тай пишлá до тóи сэстры́ нэ знáла, що то такá чариуны́ця булá. Идэ́-идэ́ зды-

бала по дорози бйлого пса. Пыта́е йи ся той пэсъ: „Дэ ты йдэшь, дитынко?" „Иду́ до сэстрычки на вэчэрнычки!" Алэ пэсъ ка́жэ: „Ой, нэ йды, дитынонько, бо твоя́ сэстрычка опырычка! вси людэ въ сэли́ выйшла, то й тэбэ́ ззистъ!" Идэ́ она́ да́ли здыба́е чо́рного пса. Пэсъ йи ся пыта́е: „А дэ ты йдэшь, дитынонько?" „Иду́ до сэстрычки на вэчэрнычки!" „Ой, нэ йды, ка́жэ, бо твоя́ сэстрычка—опырычка, то тэбэ́ ззистъ!" Зноу́ идэ́ да́ли здыба́е сывого пса. А пэсъ ка́жэ: „Дэ ты йдэшь, дитынко?" — „Иду́ до сэстрычки на вэчэрнычки!" „Ой, нэ йды, бо тя ззистъ, бо твоя́ сэстрычка—опырычка!"

Алэ она́ того нэ слу́хала тай прыйшла́ ажъ до то́и ха́ты, дэ тота́ сэстра́ сыдйла. Тай такъ пэрэдъ ха́тоу здыбала ногу зъ хрэстянына пидъ го́рбомъ у глыни. Идэ́ на подвирье, а тамъ рука́ зъ хрэстянына лэжытъ на подвирью. Идэ́ до двэрэ́й, а тамъ за́щынка у двэ́рёхъ то на́лэць зъ чоловйка. Идэ́ до комо́ры поупа бо́чка кровэ́. Идэ́ до дрывитни зноу́ по́ўна дрывитня ко́стэй зъ людэ́й. Вылизла на стрыхъ тамъ по́ўно волосья е ко́сы зъ диво́къ. Тай вжэ тогды ввійшла́ до ха́ты, звыта́лася съ тоу́ сэстро́у тай сйла собй прясты.

А тота́ опырыця сыдйла за пьецомъ и ййла мэрлого (бо вжэ людэ́й въ сэлй нэ бу́ло). Тай взяла йи ся тогды пыта́ты: „Дйуко, а що тамъ чуваты, що тамъ выда́ты?"

„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що здыба́у мэнэ́ бйлый пэсъ!" —„Нэ пэсъ то, дйуко, нэ пэсъ,—то полу́днэ!" —Тай пыта́еся зноу́: „Дйуко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?"—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що здыба́у мэнэ́ чо́рный пэсъ!" „Нэ пэсъ то, дйуко, нэ пэсъ,—то ничь!" —Зноу́ за якый-сь часъ ка́жэ: „Дйуко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?"—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що здыба́у мэнэ́ сывый пэсъ!"—„Нэ пэсъ то, дйуко, нэ пэсъ,—то пора́нокъ!" —Пыта́еся да́ли: „Дйуко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?" —„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що въ тэбэ е пидъ горбомъ у глыни людска нога́!" „Нэ нога́ то, дйуко, нэ нога́,—то моя́ мотыка, я тымъ глыну копа́ю! дйуко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?"—„Тото́ чуваты, тото выда́ты, що въ тэбэ е людска рука́ на подвирью!" „Нэ рука́ то, нэ рука́, то мой грабли́, я тымъ триски́ грома́джу! дйуко, що́ тамъ чува́ты, що́ тамъ выда́ты?"—„Тото́ чува́ты, тото́ выда́ты, що въ тэбэ въ двэ́рёхъ за́-

щынка изъ пáльця!" „Нэ пáлэць то, нэ пáлэць, то килокъ, я тымъ двэ́ри защипáю! дúўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?" „Тотó чувáты, тотó выдáты, що въ тэ́бэ е поўна дрывúтня кóстэй!" „Нэ кóсты то, нэ кóсты, то дрывá, я тымъ палю́ собú въ пьéцу! дúўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?"—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що въ тэ́бэ въ комори пóўна бóчка кровэ́!" „Нэ кроў то, нэ кроў,—то борщъ, я то собú наквáсыла тай варý! дúўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?"—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що въ тэ́бэ е пóўный стрыхъ волóсья!"—„Нэ волóсье то, нэ волóсье,—то повúсмо и лэнъ, я то прядý собú на шмáтье! дúўко, щó тамъ чувáты, щó тамъ выдáты?"—„Тотó чувáты, тотó выдáты, що ты сы заволоклá трýпа за пьецъ тай йишь!"—„А йимъ, йимъ, дúўко, йимъ, тай тэ́бэ́ ззимъ!"

Тай тогды́ за дúўкоў зъ-за пьéца ся вы́хопыла, а дúўка зачáла дýжэ утикáты. Тай йи вжэ тотá опырыця нэ могла́ дигнáты тай такъ утúкла дúука счислы́во до своїи мамы.

(Отъ Каськи Загальской въ Стольскѣ.)

100.

Заклятая голова.

Булы дидъ и бáба тай бáба мáла свóю дúвочку, а дидъ свóю. Алэ такъ ти ся диўкú нэ любы́лы и бы́лы ся зáўшэ, то дидъ кáжэ разъ до свэ́и дúўки: „Иды́ ты собú дэ на слýжбу, бо я вжэ ту нэ мóжу ницъ порáдыты!"

Идэ́ онá, идэ́, ажъ наздыбáе ничь. А ничь кáжэ до нэ́и: „Возьмы́, полипы́ мэнэ́, помасты́ мэнэ́, дúвонько, то я тобú стáну въ прыгоди!" Онá помасты́ла, облины́ла йи тай пишлá. Идэ́ дáли—наздыбáе корóву. А корóва кáжэ: „Возьмы́, обмы́й мэнэ́, вы́мэчы зъ-пидъ мэ́нэ гній, то я тобú стáну въ прыгоди!" Дúўка взя́ла, вы́мэтала гній, обмы́ла корову тай пишлá собú дáльшэ.

Тай идэ-йдэ надыбала хату, а въ тій хати була заклята голова. Кажэ до нэи тота голова: „Зачэшы мэнэ, обмый мэнэ!“ Тай згодыла йи такъ на цилый рикъ у сэбэ на службу. Такъ дйука цилый рикъ тоту голову чэсала тай мыла. Выйшоў йій рикъ, тогды голова кажэ до нэи: „Ты у мэнэ служыла добрэ, то иды, возьмы сы зъ коморы куфэръ тамъ маешь свою заслужэнну!“ Алэ въ тимъ куфри було поўно грошэй тай краснэ шматье, то дйука то всё взяла тай повэзла до-дому. Йидэ она до-дому тай повэрнула до тои коровы, а корова йій дала сыра, масла на дорогу, кйлько сама хотйла. А видтакъ надыбала тоту пичь, то йій пичь дала хлйба, кйлько могла взяты на фйру. Прыйихала вжэ до-дому тамъ отэць выйшоў напротиў нэи тай ўтйшылся дужэ, що тйлько всёго привэзла.

А мачоха тогды гонытъ свою дйуку на службу, кажэ: „Иды й ты на службу,—ады, кйлько тота понавозыла всёго,—то и ты такъ иды!“ Пишла дйука, алэ идэ-идэ—надыбала пичь. А пичь кажэ: „Обмый мэнэ, обмасты мэнэ, то я тобй стану въ прыгоди!“ А она кажэ: „О, щэ ся ту буду коло тэбэ талапаты!“ Тай пишла дальшэ—нэ обмыла. Идэ-йдэ надыбала корову. Корова кажэ: „Вымэчы зъ пидъ мэнэ гній, обмый мэнэ, то я тобй стану въ прыгоди!“ „О, кажэ, нэ мала-бы-мъ що робыты!“ И пишла геть.

Тай йдэ-йдэ надыбала знову закляту голову въ тій хати. Та голова кажэ: „Зачэшы мэнэ, обмый мэнэ тай наймыся на цилый рикъ у мэнэ, я ты заплачу добрэ!“ Алэ она нэ хотйла йи заходыты, лышэ пэрэночувала ничь и вжэ хочэ йты дали. Тогды тота голова кажэ: „Но, возьмы сы тамъ куфэръ зъ коморы, вэзы до-дому!“ Взяла дйука той куфэръ, повэзла. Йидэ-йидэ надыбала тоту-саму коровy. —„Дай мы, кажэ, сыра й молочка, коровыцэ, бо-мъ така голодна, що страхъ!“—Алэ корова йій ницъ нэ дала. Йидэ дальшэ надыбуе ничь „Кобы-сь мы, кажэ, дала троха хлйба, бо я така голодна, що лэдво дыхаю!“—Ничь йій нэ дала ницъ. Прыйихала вжэ она до-дому —маты выйшла, ўтйшылася. Алэ розтворяютъ оны куфэръ, а въ куфри сами жабы тай гадье, тай то гадье вылизло и ззйло тоту бабыну дйуку.

(Отъ Маріи Сецьвки въ Добропостовѣ.)

101.

Запроданный черту.*)

Такъ буў едэнъ бидный чоловикъ нэ маў зъ чого жыты. И пишоў винъ разъ у лисъ смэрты сы шукаты, алэ здыбаў тамъ якого-сь крывого пана (а то буў злый духъ). Тай пытаеся го той панъ: „Дэ ты йдэшь?“—„Иду шукаты сы смэрты, бо нэ маю якъ жыты!“— „Пидпышыся мэни, -кажэ панъ, —то я ты дамъ грошэй, кильки схочэшь: запышы мэни тото, чого въ твоимъ доми нэма!“ Тай винъ пидпысаў му ся и вжэ тогды дистаў видъ пана богато грошэй, що лэдвэ понисъ.

Прыходытъ винъ до-дому, а тамъ акуратъ тогды его жинка мала дитыну. Ну ницъ, вжэ той хлопэць пидрисъ и пишоў до школы такъ ся файно учытъ, що гэй! И йдэ винъ такъ разъ зо школы, а попэрэдъ нёго скачэ крывый птахъ и всэ ёму кажэ: „Ты мій, ты мій!“ И винъ прыйшоў до-дому и сказаў то свому витцю. А отэць тогды взяў дужэ плакаты.—„Та чого вы такъ плачэтэ, тату?“— пытаеся хлопэць. Алэ отэць нэ хотиў му щэ сказаты, що го запродаў злому духовы.

Тай вжэ той хлопэць выписъ вэлыкій—вжэ маў зъ пятнайцить литъ—тай доучуваўся вжэ въ тыхъ школахъ на ксёндза. Ажъ зноў такъ разъ идэ дорогоў, а крывый птахъ попэрэдъ нэго скачэ тай крычытъ: „Ты мій, ты мій!“ Сказаў винъ татовы, пытаеся го що то е такого? А тато взяў зноў дужэ плакаты тай вжэ му тогды повиў всю праўду. — „Злэ-мъ зробыў, кажэ, запысаў-емъ тя, сынуню, злому духовы, бо-мъ нэ знаў, що ты ся тогды уродыў!“ Алэ сынъ му тогды кажэ: „Нэ журится, тату, сьмійтэся зъ того!“ Тай пишоў заразъ до ксёндза, розповиў му всё, то му ксёндзъ даў кропыло, кныгу, тоти апараты, що ся службу-божу правытъ, тай винъ съ тымъ собй пишоў.

Идэ-йдэ лисамы-потокамы, ажъ прыходытъ то тои хаты, дэ той злый духъ буў. А тамъ було дванайцить двэрэй, то винъ прыйшоў до единыхъ двэрэй, туркнуў, ано ся нэ ви-

*) Ср. № 13.

творя́ютъ; а́лэ винъ покроны́ў сьвячэ́ноў водо́ў то му ся за́разъ двэ́ри витворы́лы. Винъ вiйшо́ў до покою, кро́нытъ тамъ, чыта́е, а пото́му ка́жэ: „Виддайтэ мы тото́ пысьмо́, що мэнэ́ та́то запыса́ў!" А тоти́ зли ду́хи, що тамъ бу́лы въ поко́йы, про́сятся, ка́жутъ: „Мы нэ ма́емъ то́го пысьма́,—иды́ да́льшэ!" Винъ прыйшо́ў до дру́гыхъ двэрэ́й, до трэ́тыхъ, тай всэ тамъ кроны́ў и чыта́ў, а жъ пэрэйшо́ў вси поко́йи до двана́йцятого. Тамъ зноў покроны́ў до́брэ то́го найста́ршого зло́го ду́ха -крыво́го и ка́жэ: „Виддай мэни́ мое пысьмо́!" Тогды́ той вжэ нэ маў що робы́ты, бо го ду́жэ пэкло́, тай взяў, розри́заў сы ки́стку на позй, вы́няў то пысьмо́ и му виддаў.

Тогды́ хло́пэць прыйшо́ў до-до́му и ка́жэ: „Тэпэ́рь вы, та́ту, вжэ ся нэ жури́тъ ницъ, бо я вжэ видобра́ў то пысьмо́, що вы ся на мэ́нэ пидпыса́лы!" И показа́ў та́товы пысьмо́, а пото́му подэ́ръ го и вэ́ргъ у ничь згори́ло на-ви́ки. И вжэ ся тогды́ вы́учыў на ке́ндза и жыў соби́ ажъ до смэ́рты.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

102.

Мальчикъ и мертвецъ.

У едно́го у́зды буў малы́й хлопэць едына́къ. Тай едно́го ра́зу пасъ винъ съ дру́гымы пастуха́мы това́ръ коло цвы́нтаря. Посида́лы хлопци полу́дуваты, а той едына́къ ка́жэ: „Ану́, я занэ́су умэрло́му хли́ба!" Тай взяў ку́сныкъ хли́ба и пони́съ на цвы́нтаръ, лягъ на гро́бъ тай клы́чэ: „Умэрлы́й, на́-тобі́ хли́ба!" Тогды́ умэрлы́й зъ гро́бу ка́жэ: „Иды́-йды, прынэ́сэшь мы у ночы́ о двана́йцятій годы́ни!" Хлопэць ся ду́жэ злякъ и ути́къ до-до́му. И вжэ такі́й сумны́й хо́дытъ, ницъ нэ йисть, нэ гово́рытъ.

То пэ́ршои но́чы щэ ницъ нэ було. А на другу ничь о 12-ій годы́ни прыйшо́ў умэрлы́й пидъ ха́ту тай клы́чэ: „Нэсы́-жъ мэни́ хли́ба!" И трэ́тои но́чы зноў такъ

прыйшоў пидъ хáту за хлйбомъ. Тогды вжэ тóго хлóпця рóдычи пишлы до ксёндза рáдытыся—щó ту робыты? А ксёндзъ такъ казáў: „Снэчйтъ хлйба, то въ ночы возьмэмъ хоругвы и хрэстъ и такъ пидэмъ съ хлóпцёмъ на цвынтаръ!" Тай такъ зробылы: въ ночы о 12-ій годы-ни пишлы процэсьоу на цвынтаръ идъ тóму грóбовы, постáвылы того хлопця съ хлйбомъ на-пэрэди, а ксёндзъ зачáў видпрáву. Алэ сьвичкй всэ гаслы, ажъ ся грибъ розтворыў, тай хлóпэць упáў у грибъ и зноу ся грибъ за нымъ запэръ.

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

103.

Шапка мертвеца.

Ходылы на вэчэрныци дяукй тай хлопци. Тай кáжутъ разъ хлóпци едэнъ до дрýгого: „Зложймся на горйўку, пидэмъ по горйўку!" Алэ кóждый ся боя́ў иты до кóрчмы, бо булá тэмна ничь. Тогды еднá дйўка кáжэ: „Оў, вы ся боитэ, а я бы самá пишлá!" Тай пишла тотá дйўка по горйўку.

Идэ онá чэрэзъ цвэнтаръ, а тамъ стойтъ якій-сь хлопъ. Онá гадáла, що то котрый хлóпэць выйшоў йи пýджаты, тай кáжэ: „То ты мэнэ пýджаешь?" Тай го штоўхнула тай пишлá дáли. Взяла онá въ кóрчми горйўки, идэ вжэ назáдъ, а той хлопъ всэ щэ стойтъ. Тогды онá вжэ розгнивалася тай зйрвала съ нэго шáпку, удáрыла го шáпкоу по ныску и пишла. Прыйшлá до хаты на вэчэрныци тай кáжэ: „Якій-сь мэнэ дýрэнь пýджаў, áлэ-мъ му сдэрла шáпку! чыя то шáпка?—прызнавáйтэся!" Оны ся тамъ дывятъ на ту шáпку, а на ній е такій знакъ, що винэць буў.)

) Парней хоронятъ обыкновенно въ шапкѣ, украшенной вѣнкомъ изъ свѣжихъ листьевъ и цвѣтовъ.

А тогды хто-сь прыйшоў пидъ хату, запукаў до викна тай клычэ: „Виддай мэний шапку!" Тогды дйўка дала тоту шапку хлопцямъ и кажэ: „Та кеньтэ му шапку чэрэзъ викно!" (бо ся сама вжэ бойла.) Алэ той кажэ: „Якъ-есь мы йи здоймыла, такъ мэний тэпэрь сама заложы!" Алэ она боялася нэ пишла.

Тай той мэртвэць такъ що-ночы прыходыў пидъ ей викна и всэ казаў, абы му шапку заложыла на голову. Що робыты? Порадыўся ей отэць съ ксёндзомъ тай урадылы такъ, що трэба вжэ дйўку видвэзты на цвэнтаръ идъ тому мэрлому. Зробыў той отэць вэлыку комашню, запросыў пять ксендзйў, тогды вложылы тоту дйўку въ труну и повэзлы йи ты умэрлу на цвэнтаръ. Взялы тамъ ксендзы видправляты молытвы, а той мэрлый вжэ тамъ стойтъ. Тогды вжэ тота дйўка взяла му закладаты шапку на голову, алэ винъ йи якъ ўхопыў, якъ понисъ, то рознисъ йи по кисточци по цилимъ цвэнтары.

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

104.

Баба хуже черта.

Було двое людэй и дужэ ся любылы. И чортъ ходыў до ныхъ бэзъ симъ литъ, алэ нэ мигъ ихъ скусыты, щобы ся посварылы. Тай идэ винъ разъ дорогоў и плачэ тай здыбаў стару бабу. И тота баба зачала ся ёго пытаты: „Чого ты такъ плачэшь?" А винъ зачаў йий тогды оповидаты свій клопитъ. А она ему кажэ: „Що мэний дашь, якъ я тобй тото зроблю?" Чортъ йий тогды обицяў пару чобйтъ, якъ она скусытъ тыхъ чоловика и жинку.

Тогды пишла баба до тыхъ людэй, алэ дома була йно жинка, а чоловикъ буў дэ-сь въ полю. И она кажэ тій жинци такъ: „Я чую, що вы ся съ чоловикомъ дужэ любытэ, алэ я вамъ дамъ таку раду, що васъ чоловикъ щэ лйпшэ будэ любыў!" И казала йий наварыты

мыску пырогиў и спэчы кáчку и всё то засýнуты за плытку въ пьецъ, а на прыпичку постáвыты лышэ трóха квасного борщý въ горняты; и казáла щэ прынэсты литру гориўки и постáвыты у кýтыкъ у шáфци: áлэ тóго чоловиковы, якъ ся вэрнэ съ пóля, нэ казáла ницъ давáты, лышэ тóго трóха борщý.

„Якъ то всё зрóбытэ, кáжэ, то васъ чоловикъ щэ бильшэ будэ любыў, якъ тэпэрь!“ Тай вы́пыталася потóму, дэ чоловикъ ôрэ, тай тогды́ вжэ пишлá соби́ дáли.

Тай пишлá просто до тóго чоловика на пóлэ и кáжэ до нэго: „Дай Бóжэ счистье!“ А потóму щэ кáжэ: „Та вы ту такъ гарýетэ тяжко, а вáша жинка вдóма балюеся съ хабаляямы! навэлá сы, кáжэ, хабалиў, прынэсла гориўки, спэклá для ныхъ пэчэню, наварыла пырогиў, баль такый, що нý, а для васъ зварыла трóха борщý—такого квасного, що якъ-бы пэсъ ззиў, тó-бы здохъ!“ И забрáлася и пишла.

Прыйиздытъ чоловикъ до-дóму и кáжэ до жинки: „Дай мы йисты!“ А онá кáжэ: „Та нэмá ницъ, йно трóха борщý тамъ на прыпичку!“ Алэ идэ чоловикъ до шáфки—е гориўка, дывытся въ пьецъ—е пырогы тай пэчэня. Тогды́ винъ вжэ повьéрыў, що му казáла тотá бáба, взяў сы кія тай набыў жинку. То такъ скусыла бáба тыхъ двóе людэй.

А чортъ вжэ мýсиў за тое дáты бáби чóботы, алэ якъ йий давáў, то нэ рукамы, лышэ подавáў йий ти чоботы на вылахъ. Тай кáжэ: „Нá-тобй, бо я ся бóю, абы ты що й мэнэ нэ скусыла!“

(Отъ Гната Ворка въ Ладычинѣ.)

105.

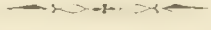
Баба и чертъ.

Сіяла баба съ дидькомъ рипу на-спиуку. Винъ кажэ: „Що твоё буду цы спидокъ, цы вэршокъ?" Она кажэ: „Нье, мій буду спидокъ, а твій вэршокъ!" Тай такъ ся тамъ подилылы: баба взяла всю рипу, а дидько лыстье звэрху.

Тай вжэ тотды посіялы на-спиуку просо. Дидько ся зноу такъ пытае: „Цы ты будэшь брала вэршокъ, цы спидокъ?" А баба кажэ: „Нье, ты вжэ взяу зъ рипы вэршокъ, то я тэпэрь возьму вэршокъ зъ проса, а ты бэры собі спидокъ!" Тай винъ взяу корінье зъ проса, а баба вэршокъ.

Тогды вжэ чортъ кажэ: „Та ты мэнэ два разы обцыганыла! то ходимъ ся тэпэрь быты обыдвое!" Тай взялы ся быты чэрэзъ плитъ, алэ баба взяла собі рожэнъ, а ёму дала γрали; то баба всэ дидька рижномъ штуркае, а винъ γралямы чэрэзъ плитъ нэ можэ ани разъ. Тай такъ баба дидька пэрэбыла, то винъ забрауся тай утикъ.

(Отъ Каськи Загальской въ Стольскѣ.)



ПРИЛОЖЕНІЯ.

Изъ галицко-русскихъ народныхъ повѣрій.

1. Хованецъ и инклюзъ.

Нѣкоторые люди имѣютъ домовика, который приноситъ имъ богатство и счастье, исполняетъ всевозможныя хозяйскія работы и порученія и вообще служитъ своему хозяину усердно и вѣрно, но за то по смерти беретъ себѣ его душу. Такой домовикъ называется здѣсь „хованецъ", „годованецъ", или просто „свій".

Чтобы получить такого хованца, нужно 9 сутокъ носить подъ лѣвой мышкой „яйцо-зносокъ" отъ совершенно черной курицы; въ продолженіе всего этого времени нельзя ничего работать, ни говорить, ни умываться, ни чесаться, ни молиться, ни въ церковь ходить. Только тогда, по истеченіи 9 сутокъ, выйдетъ изъ яйца хованецъ. Это самый обыкновенный и простой рецептъ, хорошо извѣстный не только въ цѣлой Галичинѣ, но и у многихъ другихъ народовъ. Однако, отдѣльные мотивы его получаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ Галичины различныя, хотя и незначительныя, измѣненія.

И такъ, прежде всего расходятся мнѣнія относительно яйца, производящаго хованца: оно должно быть или первымъ яйцомъ молодой курицы, или послѣднимъ—старой (но всегда совершенно черной); должно быть совсѣмъ безъ желтка, или-же съ двумя желтками; иногда требуется также, чтобы оно происходило отъ курицы, поющей пѣтухомъ (такъ какъ въ такой курицѣ сидитъ чертъ).

Время, когда выгрѣвается яйцо подъ мышкой, также не всегда безразлично для успѣха дѣла. Въ с. Яленковатомъ, скольскаго у., и въ с. Борусовѣ, бобрецкаго у., вѣрятъ на счетъ этого такъ: нужно носить яйцо подъ мышкой 9 сутокъ передъ Пасхой; на „Вэлыкдэнь" слѣдуетъ пойти съ нимъ въ церковь на заутреню и, когда священникъ провозгласитъ: „Христосъ воскресъ!"—сказать тихо 3 раза: „И мій воскресъ!" Въ эту-же минуту вылѣзетъ хованецъ изъ яйца.

Порою считаютъ нужнымъ завернуть яйцо въ наклю („клочье“) и такъ носить его подъ мышкой.

Хованца можно получить также слѣдующимъ образомъ: „Во Львови е такій склэпъ и тамъ высятъ на стини два хрэсты: едэнъ праўдывый, а другый намалёваный мазэў; то трэба той праўдывый хрэстъ ударыты, а той зъ мазы поциловаты,— тогды той купэць дастъ хованця“. (Отъ Михаила Голуба въ Борусовѣ.)

Приведемъ еще нѣсколько народныхъ разсказовъ о существѣ и значеніи домовика:

—„Такого годованця дэржатъ дэ-сь въ запори, абы нихто нэ выдиў,—въ комори або на поди. Разъ на-дэнь даютъ ёму въ чэрэпку йисты всяку страву, лышь щобы нэ була солэна,— бо якъ-бы му посолыў, чы на-збытки, чы таки нэхотячы, то ся тяжко пимстытъ.“ (Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

—„Одна стара вдова мала хованця. Разъ наганьбыла чого-сь свого парубка, а випъ зо злосты насыпаў до стравы, котру баба прыладыла для хованця, солы. Алэ баба ничого нэ знала тай занэсла тоту страву хованцэвы до шпихлира—тай ужэ бильшэ нэ вэрнула. Ажъ на другый дэнь знайшлы йи повишэну гори ногамы въ пэрэруби — вжэ закостэнилу. То хованэць йи тамъ повисыў за ту страву.“

(Отъ Гната Трача въ Доброгостовѣ.)

„У старого Луця Мэльныка на поди буў годованэць и чэрэзъ то Луць буў богачъ на цилэ сэло. Той годованэць буў якъ-бы малэнькій паничъ въ чорнимъ спэнцырку съ сьвитячымы ґудзыкамы; такъ го килька сосидиў выдило. Нэразъ ввійдутъ людэ до хаты -диты ся колышутъ въ колысци, а годованэць можы нымы съ люлькоў въ зубахъ—такъ ся съ нымы колышэ, ажъ пидъ повалу.—Разъ забулы и далы му чыръ посолэный, а сами пишлы въ полэ. Прыходятъ съ поля, а той вытягнуў быка на пидъ и повисыў го на драґары гори ногамы. И вси чулы, якъ ся старый Луць за то съ нымъ на поди сварыў. А якъ старый Луць умэръ, то годованэць буў щэ въ хати рикъ по ёго смэрты. А потому сынъ Луця нэ хотиў ся съ нымъ вжэ заходыты—бояўся душу загубыты. То разъ, якъ годованэць влизъ до шуфляды въ столи, випъ забыў го тамъ цвёчкамы, а потому, якъ була злыва и прыйшла вэлыка вода, пустыў стиў доли рикоў. Алэ съ тамтого боку надійшоў

зять нэбижчыка Луця, зийма́ў стиу и вжэ видъ того часу дужэ розбогати́ў.“ (Отъ Евки Даневой въ Крушельницѣ.)

Представленіе о домовикѣ хованцѣ часто смѣшивается въ народныхъ разсказахъ съ другимъ, родственнымъ представленіемъ о такъ называемомъ „виклюзѣ“ т. е. неразмѣнной монетѣ. Такое именно смѣшеніе этихъ двухъ, въ сущности—различныхъ понятій представляютъ, напр., слѣдующіе народные разсказы:

„Пишоу хлопъ полемъ и выдытъ, що другій хлопъ оре чтырма волы самъ-едэнъ, и чуе, якъ що-сь му виўмы гонытъ: собъ-ча! а нычъ нэ выдытъ. Прыходытъ бліжэ, а тамъ що-сь свыщэ. Тогды винъ кажэ: „А хто то вамъ, γаздо, волы гонытъ?“—„То мэни́, кажэ, мій сынъ волы гонытъ!“—„Дэ-жъ е вашъ сынъ, колы го нэвыдко?“—„А-о, воловы вынъ празимъ уси!“ Тай вынъ зъ уха, а то было яблочко, а у яблочку сыдытъ той виклюзъ. А той хлопъ кажэ тогды: „А спродайте вы мэни́ того свого сына!“ „Та продамъ!“ „А що хочытэ?“ „Хочу, кажэ, тры срибни!“ Той вынъ и дау и кыже ему. „Я вамъ даю, лышэ абы винъ видъ мэнэ нэ утикъ!“ И спрятау го до кешэни мэжы гроши. Прыйшоу доми и самъ ся такъ гнецытъ, що вжэ нэ потрэбуе слугы дэржаты. Яу винъ выныматы зъ кешэни, а ту ани грошэй, ани того яблка.“

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкомъ.)

„Пойихалы ксёндзъ на ярмарокъ, взялы тамъ по торговыцы торговаты що-сь. И подыбалы тамъ єдного хлопа, а єму що-сь пидъ плэчомъ сыпиває. Тогды пытаютъ єго ся ксёндзъ: „А що тамъ у тэбэ, хлопэ, сыпиває?“—„Прошу єγомосця, то такій у мэнэ сынъ такъ файно сыпиває!“—Тоти ксёндзъ ялы казаты: „Продай ты мэни єго, хлопэ!“ Выняў той хлопъ, а то быў самсонъ або виклюзъ—таке чэрвонэ яблочко. То ксёндзъ ся пыталы: „Що ты хочэшь, хлопэ, за то?“ Яў той хлопъ казаты: „Я хочу два срибни!“ Но, ксёндзъ далы єму тогды два срибни, а того яблоко спрятаты у пулярошъ съ гришмы. И прыйшлы до-дому, вынымаютъ ксендзъ пулярошъ, дывлятся, ано нэма ни того, ни грошэй.“ (Отъ нея-же.)

—„Пишоу едэнъ чоловикъ зъ Борынычъ до Роздолу тай здыбау на дорозн рыньскый-конфлюзъ. Прынисъ го до-дому, а нэ знаў щэ, що то нэчысти гроши. И дэ єго зминяу або выдау.

то винъ и самъ всэ прыйшо́ў до нёго наза́дъ, и щэ дру́ги гро́ши прыни́съ. Якъ вжэ ся той чолови́къ пидноми́гъ до́брэ и ёму́ ся вжэ то змэрзи́ло, то пишо́ў до ксёндза и пови́ў. А ксёндзъ тогды́ му каз́ў —наза́дъ на то-самэ́ ми́сцэ видно́сты, ви́дки го взяў. То якъ тамъ видни́съ на ту доро́гу, то конфлю́зъ стра́шно ся сэ́рдыў и ша́пку съ но́го здэръ—ма́ло му смэрть тамъ нэ бу́ла. Тай бу́ря ста́ла тамъ така́, що страхъ, а́лэ пото́му вжэ би́льшэ той конфлю́зъ до нёго нэ вэрта́ў." (Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

Напечатано въ „Живой Старинѣ", 1897 г., вып. I, стр. 105—106 и 111.—Другія галицко-русскія и вообще малорусскія параллели см.: И. Я. Франко: Апокріфи і легенди з українських рукописів, 1899, т. II, стр. 176 и 320; его-же: Людові вірування на Підгірю „Етнографічний Збірник" Т-ва им. Шевченка, 1898, т. V, стр. 210; В. М. Гнатюкъ: Знадоби до гал.-рус. демонольогії—тотъ-же „Етногр. Збірник", 1904, т. XV, стр. 96—106 и 254; Д. Ленкій: Хованець або богъ-домовикъ—„Зоря", 1883, № 7, стр. 114—115; „Житє і Слово", 1894, т. II, стр. 354, 1895, т. IV, стр. 185; „Правда", 1868, стр. 43 и 120; Д. И. Вагилевичъ: Bojkowé—„Časopis Českého Museum", 1841, стр. 64—65; T. Vernaleken: Mythen und Bräuche des Volkes in Oesterreich, 1859, стр. 238—239, 261—263; П. Верхратскій: Початки до уложеня номенклятури и терминологиі природописноі народнёі, 1869, ч. II, стр. 40; F. X. Mroczko: Śniatyńszczyzna, 1897, ч. I, стр. 20—23; O. Kolberg: Pokucie, 1888, т. III, стр. 86—89; F. Řehoř: Čert—mosaika z lidových podání halicko-ruských—„Zlatá Praha", 1895, стр. 150—151; „Rocznik kółka naukowego tarnopolskiego", 1892, стр. 135; „Lud—organ T-wa ludoznawczego we Lwowie", 1896, т. II, стр. 252—254, 1897, т. III, стр. 152—154, 1899, т. V, стр. 381—382, 1900, т. VI, стр. 386—388; В. М. Козарищукъ: Изъ буковинскихъ карпатскихъ горъ—„Наука", 1890, стр. 81 и 83; R. F. Kaindl: Die Huzulen, 1894, стр. 75, 83, 104; его-же: Neue Beiträge zur Ethnologie und Volkskunde der Huzulen—„Globus", 1896, т. 69, № 6, стр. 94; И. Левицкій: Сьвітогляд українського народа, 1876, стр. 51—54; М. П. Драгомановъ: Малорусскія нар. преданія и разсказы, 1876, стр. 57; П. П. Чубинскій: Труды этногр.-стат. экспедиціи въ зап.-рус. край, 1872, т. I, стр. 192—193 и 208;

П. В. Ивановъ: Нар. разсказы о домовыхъ и т. п. -„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва, 1893, т. V, стр. 23—53; Б. Д. Гринченко: Изъ устъ народа, 1901, стр. 109—113; И. И. Манжура: Сказки, пословицы и т. п. „Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва, 1890, т. II, стр. 129—130; В. Н. Ястребовъ: Матеріалы по этнографіи новоросс. края. 1894, стр. 77—78; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія. 1890, стр. 102; А. Н. Аѳанасьевъ: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, 1867, т. II, стр. 77—120 и passim.

Въ частности—объ инклюзѣ см.: В. Г. Щуратъ: Zaubergeld—„Am Urquell", 1893, т. IV, стр. 105—110 и 135—141; В. М. Гнатюкъ: Знадоби до гал.-рус. демонольогіі, стр. 254—264.

Библіографію мотива о рожденіи изъ яйца вообще см.: Ю. А. Яворскій: Omne vivum ex ovo. Къ исторіи сказаній и повѣрій о яйцѣ. 1909, стр. 16—20.

2. Переступень.

Пэрэстýпэнь (мандрагора bryonia alba) ростэ́, якъ сы полю́бытъ ми́сцэ, за угло́мъ за ха́тоў а́бо въ горо́ди—зъ пиў мэ́тра у зэмлы́. Лы́стье ма́е таке, якъ на хмэ́лю, скризь обсы́панэ чо́рнымы я́годамы. Ма́е такы́й корнь, акура́тъ такы́й, якъ мала́ диты́на,—ма́е го́лову, ру́ки, но́гы,—бо винъ е зъ тыхъ дитэ́й-поты́рычатъ,*)—пэрэкида́еся зъ ныхъ.

Хто нэ зна́е, а ёго́ урвэ́ а́бо пэрэ́тнэ, то винъ за́разъ пошко́дытъ пораны́тъ на цили́мъ ти́ли, ажъ кроў тэчэ́, видо́ймэ ру́ки, но́гы а́бо й ро́зумъ,—а зъ кори́ня ёго́ тэчэ́ би́ла кроў. Тогды́ той хрэстяны́нъ лэжы́тъ хо́рый и можэ лэжа́ты й ки́лька року́. Ажъ я́къ-бы ся дови́даў, що то видъ пэрэсту́пня ёму такъ е, то тогды́ бэрэ́ цилушку хли́ба и ма́сла сьвяче́ного и γрэ́йцаръ, кладэ́ тото́ коло того пэрэсту́пня, прыту́лытъ до то́го ми́сця, дэ то утя́ў, помасты́тъ и пэрэпро́сытъ ёго́, тогды́ прыго́рнэ зэмлэ́ў,—то вжэ му тогды́ за́разъ полэ́кшытъ.

*) Поты́рычата или страччуки́— это души убитыхъ или умершихъ безъ крещенія дѣтей.

Часомъ дэ якъ городятъ плитъ и натра́фытъ хто коло́мъ на нэ́го, то му́сытъ розибра́ты плитъ и наўко́ло нэ́го обкопа́ты зэ́млю.

Пэрэсту́пэнь часо́мъ пэрэке́дуеся въ дити́ну: вы́скочытъ зъ зэмли́ и ся́дэ соби́ на пло́ти а́бо на яки́мъ слу́пи, пиднэ́сэ одну ру́ку и но́гу до-гори́ и сыды́тъ, а пото́му счэ́знэ нэзна́ты дэ?

Дэ винъ рости́, то прыносытъ счи́стье и ма́етокъ. Алэ якъ му ся ми́сцэ змэрзы́тъ, а́бо що́, то забэ́рэся и пэрэ́йдэ на е́нчэ ми́сцэ. Лю́дэ го́ ду́жэ шину́ютъ и нэ ру́шаютъ го.

Хто зна́е видмо́выты, той го мо́жэ вы́рваты и ницъ му ся нэ ста́нэ. То е ду́жэ дорогэ́ кори́нье, на́вить го до аптыки продаю́тъ,—и вжэ тамъ въ аптыци знаютъ, до чо́го оно́ е налэ́жнэ. (Отъ Сеня Вереса въ Грусятычахъ.)

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, 1900 г., вып. IV, стр. 598. Ср. Ю. А. Яворскій: Die Mandragora im südrussischen Volksglauben въ „Zeitschrift für österreichische Volkskunde“, 1896 г. № 12, стр. 353—361, и 1897 г., № 2, стр. 63—64, гдѣ приведена также важнѣйшая литература предмета.

3. Дикая баба.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ русской Галичины сохранились, между прочимъ, интересные обрывки преданій объ одномъ женскомъ миѳическомъ или демоническомъ существѣ—такъ называемой дикой бабѣ, которая извѣстна здѣсь, впрочемъ, также и подъ другими названіями, какъ-то: „литавыця“, „вітрэныця“, „пэрэлэстныця“, или „богыня“.

Сравнительно наиболѣе ярко и цѣльно сохранились повѣрья о дикой бабѣ у горцевъ стрыйскаго уѣзда, на разсказахъ которыхъ, главнымъ образомъ, и основывается предлагаемый сводъ этихъ повѣрій, причемъ одна ихъ часть записана нами лично, другая-же извлечена изъ рукописныхъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ 1870-хъ годахъ и любезно предоставленныхъ намъ заслуженнымъ галицко-русскимъ писателемъ-этнографомъ—А. Ю. Алексѣевичемъ.

Дикая баба обыкновенно очень красива; особенно прекрасны ея волосы—золотистые и очень длинные.

Чаще всего она является во снѣ или даже на яву молодымъ, холостымъ мущинамъ, которые безумно влюбляются въ нее и отъ тоски по ней изнываютъ и чахнутъ. Но она пристаетъ также нерѣдко и къ женатымъ людямъ и овладѣваетъ ими до такой степени, что они покидаютъ своихъ женъ и не могутъ больше жить съ ними. Она приходитъ къ своему избраннику каждую ночь и ложится возлѣ него или у его ногъ. Человѣка, къ которому привяжется дикая баба, водятъ въ церковь или на богомолье, освящаютъ надъ нимъ воду, призываютъ ворожей-шептухъ и т. п. Однако, до тѣхъ поръ, пока она сама его не оставитъ, никакая сила и никакія средства не могутъ освободить его отъ ея власти.

—„До одного γазды ходыла литавыця и всэ зганяла жону изъ постэли, а сама лягала коло нэго. Ажъ разъ хто-сь нарадыў жони, щобы положылася окрэмэ спаты, а якъ литавыця надійдэ и заснэ, то щобы йій ўтяла волосье (бо она мае волосье прегырэшнэ и доўгэ онь до зэмли). Ажъ ту въ ночы запукало що-сь до викна.—чоловикъ заворкотиў крузь сонъ, а потому зноў тыхо стало. Тогды жона встала, засьвитыла на прыпичку сьвичку и дывыться, а она така красна, що лышь стань та дывыся; и обіймыла γазду наўколо шыи. То тій жони тогды жаль ей стало, то она яла ихъ лышь розганяты. Колы-жъ литавыця проснулась, то кажэ до жоны: „Колы ты мэнэ нэ позбыткова́ла и нэ позбавыла мэнэ чэсты, то ужэ γаздуй собі сама, а я ужэ нэ буду більшэ ходыты!" Тогды витэръ подуў и она счэзла тай тілько за нэи чутки было." (Изъ с. Опорца.)

Дикая баба очень любитъ горохъ, въ которомъ—въ огородѣ или на полѣ—ее нерѣдко можно встрѣтить и поймать. Однако, поймать ее можно только тогда, если отнять у нея ея сапоги-скороходы, въ которыхъ она шагаетъ по нѣскольку верстъ за-разъ; безъ этихъ сапоговъ она не можетъ бѣжать и вообще теряетъ свою сверхъестественную силу. Тогда она покорно идетъ за поймавшимъ ее человѣкомъ, служитъ ему вѣрно и исполняетъ всякое его приказаніе, а если онъ этого пожелаетъ, то дѣлается даже его женой.

—„Одэнъ парубокъ маў въ полы горохъ и що-сь му въ нимъ дужэ вэлыку шкоду робыло, а нэ знаў що? Ажъ разъ

вы́йшоу въ по́лэ и увы́диў ко́ло гороху чоботы, а въ горо́си така́ красна ви́трэныця, ажъ о́чы въ го́лови забы́ў. Онъ тогды́ хопы́ў одэ́нъ чо́битъ и ка́жэ: „А то ты мэни́ таку́ шкоду робышь? то тэпэ́рь му́сышь вжэ зо мноў иты́!“ Прыйшлы́ доми́, тогды́ онъ чо́битъ стулы́ў, щобы́ она́ нэ зна́ла гдэ, тай вжэ му́сила бы́ты ёго́ жоно́ю. Жы́лы соби́ фа́йно, ґаздува́лы и ма́лы диты́ну таку́ кра́сну, що кра́сшои нигдэ́ нэ бы́ло. Но прыйшо́ў часъ и умэ́рла диты́на, а колы́ вси йо́йкалы, она́ ка́жэ: „Та що йо́йкаетэ? то трэ́ба гра́ты и вэсэлы́тыся!“ И заста́вила гудаки́, щобы́ гра́лы по диты́ни. Вси чу́довалыся тому, но нычъ вжэ нэ ка́залы. За нэдо́ўгый часъ умэ́ръ пакъ стары́й отэ́ць ей ґа́зды, а она́ йо́йкае, ажъ страхъ бэрэ́ слу́хаты. Тогды́ вжэ чолови́къ зви́дуеся ей: „А чому́-жъ ты тэпэ́рь пла́чэшь, хоть онъ мій отэ́ць, а нэ тоби́? а за диты́ноў то-сь ся вэсэлы́ла, хоть ты йій ма́ты бы́ла?“ А она́ ёму́ нэ хоти́ла сказа́ты: „Ты то́го нэ зна́ешь и нэ бу́дэшь зна́ты!“ Онъ вы́дытъ, що она́ нэ хо́чэ сказа́ты, то вжэ обиця́ў йій видда́ты чо́битъ. —„Но, колы́ такъ, то вжэ ты ска́жу: бо ты нэ вы́диў, якъ старо́го ду́шу грихы́ наля́глы тай обступы́лы в с и (т. е. черти) и позлита́лыся, що бы для ко́ждого и ки́сточки нэ ста́ло, а якъ я ста́ла йо́йкаты, то оны́ напу́дылыся и поўтика́лы; а колы́ диты́на ўмэ́рла, то така́ ра́дисть бы́ла ко́ло нэ́и, що нэ бы́ло чого́ банова́ты!“ Пото́му ёму́ щэ би́льшэ дэ́-що розпови́ла, то тогды́ вжэ онъ йій му́сиў да́ты чо́битъ. Тогды́ такі́й вэлы́кій ви́тэръ подуў—тай ти́лько йи вжэ вы́диў. А колы́ прыйшлы́ мясны́ци, то посва́таў соби́ отданы́цю.“ (Изъ с. Яленковатаго.)

—„Одэ́нъ госпо́даръ зйима́ў ды́ку ба́бу въ сво́йимъ горо́си. Чо́боты взяў, схова́ў до комо́ры, а она́ зача́ла ёго́ просы́ты, щобы́ йій видда́ў чо́боты. Винъ нэ видда́ў, а она́ тогды́ пишла́ за нымъ до-до́му и служы́ла му, якъ найвирні́йша слу́жныця; робы́ла вся́ку господа́рску робо́ту ду́жэ зру́чно, и госпо́даръ нэ мигъ ей нахвалы́тыся. Такъ служы́ла ёму́ ажъ до Риздвя́ныхъ сьвятъ. На Сьвяты́й вэ́чэръ помогла́ ґаздыны всё робы́ты и вары́ты. А колы́ вэчэ́ря вжэ була́ гото́ва, ґаздыня сказа́ла всій чэ́ляды: „Про́шу васъ всихъ до вэчэ́ри!“ Вси посида́лы, а ды́ка ба́ба си́ла соби́ въ ку́тыку и всэ сьмія́лася чэ́рэзъ цилу́ вэчэ́рю,—ницъ нэ йи́ла, лышэ́ сьмія́лася. Ей ся пыта́лы—чого́ она́ ся сьмі́е, а́лэ она́ нэ хоти́ла сказа́ты. Ажъ якъ скиньчы́лы вэчэ́ряты и ещэ́ би́льшэ ей просы́лы, щобы сказа́ла имъ, она́ обиця́ла сказа́ты, еслы́ йій виддаду́тъ чо́боты. Госпо́-

даръ йій обицяў, що виддасть, а она зачала имъ розповидаты: „Якъ-бы вы выдилы, що ся съ вашоў вэчэроў діяло, вы бы и сами нэ булы йилы, лышэнь-бы-сьтэ ся сьміялы: ґаздыня, намисць сказаты: „прошу васъ всихъ хрщэныхъ до вэчэри!“ -сказала тилько: „прошу васъ всихъ до вэчэри!“ тогды ся злэтилы вси чорты и показувалы рижни фиґули—скакалы по столи, по мыскахъ, плювалы въ ныхъ, то що!“ Тогды господари зачалы ей ся розпытуваты о рижни ричы, о лики протиў рижныхъ хоробъ, о чары. Она имъ всё розповила, оны йій тогды далы чоботы,—и пишла соби. Якъ вжэ була на дорози, тогды господаръ прыгадаў соби ещэ, що нэ запытаўся ей що робыты на мотылыцю у овэць? Выбигъ за нэў на дорогу и пытаеся ей. А она ёмў сказала: „Возьмы нижъ, тай зариж, тай изійджъ!“ (Отъ Антона Лазоревича въ Крушельницѣ.)

Такимъ образомъ, въ общемъ, какъ оказывается изъ приведенныхъ выше мотивовъ повѣрья, дикая баба, собственно, нисколько не является злымъ и вреднымъ существомъ, а напротивъ, обнаруживаетъ много положительныхъ и симпатичныхъ чертъ и качествъ. Уже сама ея внѣшняя красота свидѣтельствуетъ достаточно ясно о томъ, что со злой, нечистой силой она не имѣетъ ничего общаго; впрочемъ, это подтверждается иногда также и прямо, напр., свидѣтельствомъ яленковатовскаго разсказа о томъ, что она отгоняетъ отъ умирающаго грѣшника осаждающихъ его злыхъ духовъ.

Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ разсказахъ дикая баба неожиданно представляется прямо таки злымъ и нечистымъ существомъ, которое насылаютъ на людей колдуны и вѣдьмы для того, чтобы оно причиняло имъ различныя пакости и обиды.

Такъ, напр., дикая баба обвиняется иногда въ томъ, что она сосетъ молодыхъ людей, или даже маленькихъ дѣтей, вслѣдствіе чего у нихъ изъ грудей течетъ кровь, а сами они все болѣе блѣднѣютъ и чахнутъ.

Дикой бабѣ приписывается, наконецъ, также подмѣна дѣтей: она похищаетъ иногда у неосторожной матери новорожденнаго ребенка и подмѣниваетъ его своимъ—такъ называемой „видминой“; чаще всего это продѣлывается ею ночью, въ особенности, если въ комнатѣ нѣтъ никакого свѣта. Такая „видмина“ обыкновенно очень некрасива, зла и прожорлива, но не живетъ больше семи лѣтъ.

—„Богыня—то така́ нэчы́ста коби́та, що жыé въ ли́си; она́ хо́дытъ го́ла, а цыцькы́ ма́е таки́ до́ўги, що мо́жэ ихъ пэрэви́сыты чэ́рэзъ плэ́чи, гы́-бы ко́сы.—То она́ ссэ люды́й—цы дивокъ, цы хло́пцыў, кого́-бу́дь. Такъ усыпля́е чолови́ка, жэ му ся такъ ду́жэ спа́ты хо́чэ, гы́-бы му о́чы зашы́ў. Тай за́разъ кладэ́ся ко́ло нэ́го и ссэ, и ссэ, якъ диты́на ма́му. То пото́му таки́й хло́пэць ма́е таки́ цыцькы́ вэлы́ки, якъ коби́та, що ма́е диты́ну. А она́ щэ миня́е въ ночы́ ди́ты,—якъ и́но пэхрэщэ́нэ, то за́разъ пидминя́е: во́зьмэ лю́дську диты́ну, а лыша́е свою́—таку́ суху́ а паску́дну, жэ ся мэ́рзко подывы́ты. То е видми́на.“

(Отъ Каськи Загальской въ Стольскѣ.)

Какъ видимъ, всѣ эти отрицательные, чисто демоническіе мотивы повѣрья о дикой бабѣ находятся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ его общимъ характеромъ и духомъ, что считать ихъ основными и существенными чертами едва-ли возможно. Они примѣшались къ нему, вѣроятно, только извнѣ и случайно—изъ другихъ, родственныхъ, демонологическихъ представленій, или-же, можетъ быть, возникли подъ позднѣйшимъ вліяніемъ церковнаго ученія, низвергнувшаго сплошь всѣ существа и явленія народной, языческой миѳологіи въ преисподнюю злой, нечистой силы.

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, 1897 г., вып. III—IV, стр. 439—441, и 1900 г., вып. IV, стр. 599; см. также: „Житє і Слово,“ 1894, т. II, стр. 358—359, и „Der Urquell“, 1898, т. II, стр. 78—82.—Ср. еще: В. М. Гнатюкъ: Гал.-рус. нар. легенды, 1902, т. II, стр. 5—8; И. Я. Франко: Людові вірованя на Підгірю—„Етногр. Збірник“, 1898, т. V, стр. 94 и 212; O. Kolberg: Pokucie, т. III, стр. 103; П. П. Чубинскій: Труды экспедиціи, т. I, стр. 193; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, стр. 276—281; его-же: Boginki-mamuny—„Wisła“, 1891, т. V, стр. 572—587.

О видминѣ см.: И. Я. Франко: Людові вірованя, стр. 210—211; R. F. Kaindl: Die Huzulen, стр. 5; П. П. Чубинскій: Труды экспедиціи, т. I, стр. 130—131 и 193—195, т. IV, стр. 6; В. Н. Ястребовъ: Матеріалы по этногр. новоросс. края, стр. 79—80; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, стр. 180—182.

———

4. Опырь.

Если беременная женщина посмотритъ въ церкви во время „великаго входа" на священника, несущаго чашу, то ея дитя будетъ имѣть двѣ души и сдѣлается „опырёмъ" или „упырёмъ"; узнать это можно проще всего по тому, что такой человѣкъ разговариваетъ самъ съ собою.

Съ опыремъ нельзя жить въ мирѣ и дружбѣ, потому что тогда онъ легче всего можетъ повредить человѣку или даже совсѣмъ погубить и съѣсть его; напротивъ, съ нимъ слѣдуетъ постоянно ссориться и вообще относиться къ нему враждебно, такъ какъ это уничтожаетъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабляетъ его демоническую силу.

А сила опыря уже при его жизни весьма велика и разносторонняя: онъ можетъ насылать на людей всевозможныя болѣзни и эпидеміи, а даже умерщвлять и съѣдать ихъ; онъ можетъ навлекать на нихъ грозу, дождь, градъ и разныя другія бѣдствія; онъ колдуетъ коровъ и отнимаетъ у нихъ молоко, портитъ урожай и т. п.; онъ знаетъ будущее и открываетъ тайны; наконецъ, онъ можетъ дѣлаться невидимымъ и принимать видъ различныхъ животныхъ и т. д.

Но еще могущественнѣе и страшнѣе становится опырь послѣ своей смерти. Кромѣ обычныхъ, перечисленныхъ выше, пакостей и бѣдствій, онъ можетъ теперь причинять людямъ еще особое зло: онъ выходитъ ночью между полуночью и „первымъ пѣвнемъ"—изъ могилы и проникаетъ въ дома къ спящимъ людямъ, чаще всего къ своимъ-же собственнымъ роднымъ, причемъ или тутъ-же высасываетъ изъ нихъ кровь, такъ что они сейчасъ умираютъ, или-же заманиваетъ ихъ, а даже увлекаетъ насильно—къ себѣ въ могилу.

Опыря — все равно, живой-ли онъ, или мертвый,—люди страшно боятся и стараются защищаться отъ него разными способами. Такъ, напр., если живой опырь колдуетъ коровъ и отнимаетъ у нихъ молоко, то берутъ 12 кусковъ желѣза и бросаютъ ихъ въ печь на огонь; когда желѣзо раскалится, то опырь сейчасъ прибѣгаетъ въ этотъ домъ и проситъ, чтобы вынули желѣзо изъ огня, такъ какъ это его жжетъ; тогда можно съ нимъ заключить договоръ, послѣ чего онъ уже оставляетъ этотъ домъ въ покоѣ.

Если-же опырь ходитъ по смерти и безпокоитъ или заѣдаетъ людей, тогда откапываютъ его гробъ и сжигаютъ его голову или цѣлый трупъ на терновомъ огнѣ, или-же только отрѣзываютъ ему голову и кладутъ ее въ ногахъ, а затѣмъ прибиваютъ ее осиновымъ коломъ или желѣзнымъ гвоздемъ ко дну гроба, тогда уже опырь не можетъ болѣе выходить изъ могилы и вредить людямъ.

Вотъ, въ заключеніе, нѣсколько подлинныхъ народныхъ разсказовъ объ опыряхъ, записанныхъ нами въ разныхъ мѣстностяхъ русской Галичины:

„Въ нашимъ сэлй е жыдъ и винъ опыръ. Разъ - на Вознэсэніе вэчиръ—повыходылы хлопы зъ корчмы, а ту яка-сь бидэ напротиў ныхъ бижытъ и помынула ихъ, якъ стрила. Оны вжэ озыраются дэ оно ся подинэ? А то пэрэкенулося котомъ и полизло по-пидъ браму до еднoго богача и забигло до стайни. Тоти хлопы пишлы до господаря и му сказалы. Винъ тогды выйшоў до стайни съ лятарнёў, дывытся, а въ стайны е китъ. Злапаў кота, ўризаў му ўхо и пусты́ў (бо ся нэ хотиў зачипаты съ бидоў, ино абы знакъ маты—що то за едэнъ е?) На другый дэнь прыходытъ винъ до корчмы, а тамъ жыдъ съ обвязанымъ ўхомъ. Тай кажэ му тогды жыдъ: „Ой, назначыў-есь мя такъ, що ни мэжы людэ ся нэ могу показаты, ни други опыри мэнэ тэпэрь нэ потрэбуютъ.“

(Отъ Сеня Вереса въ Грусятычахъ.)

—„Двое ихъ было въ хати—дидо съ бабоў. Тай дидо умэръ, людэ ся посходылы на сьвиченя, трохи посидилы тай ся потому забыраютъ доми. Баба кажэ: „Идитъ, людковэ, кой идэтэ, я вжэ свому прыятэлыковы сама посьвичу!“ Людэ ся розійшлы, сыдытъ баба у запичку, сыдытъ, видтакъ подуў витэръ и сдуў съ дида полотно. Идэ баба пидныматы тото полотно, ано и дидо ся самъ яў кеваты. Якъ тото баба увыдила, то утэкла до коморы и замкла́ся. Дидо за нэў, добувается до коморы, ано нэ можэ. Вылизъ тогды на пидъ тай розмэтаў повалыня—хочэ вжэ лизты крузь диру до коморы, а ту когутъ запіяў. Дидо застыгъ на поди, а баба зо страху въ комори.“

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

—„Умэръ едэнъ старый чоловикъ, спрятали го—тай нычъ. Алэ до добы за нымъ умэръ молодый парубокъ, за тымъ зноў молодый γазда,—такъ кождый дэнь хто-сь въ сэли умыраe. Ну нычъ, ажъ розболиўся у богача едынакъ тай заразъ умэръ.

Нэ мо́жэ то́го богачъ подарува́ты, идэ́ до ксёндза тай кажэ, що то хто-сь людэ́й пойида́е, пэ́ўно той стары́й, що пэ́рший умэ́ръ,—то трэ́ба го розкопа́ты. Ксёндзъ нэ боронылы. Ну, пишо́ў той хлопъ, взяў сы щэ трёхъ, пишлы́ до то́и ба́бы и ка́жуть: „Ходы́, ба́бо, бо идэ́мъ тво́го γа́зду розко́пуваты!“ Взя́лы сы видъ нэ́и пла́хту и пишлы́ вжэ съ ба́боў на цвынтаръ; я́лы тогды́ грибъ розко́пуваты, а винъ сыды́тъ, пидпэ́рся на ру́ки такі́й чэ́рвоный, ти́лько ма́е кервы́ въ со́би лю́дской. Ды́вытся ба́ба, ка́жэ: „Тьфу, пропа́ў-бы-сь, нэ двы́гъ-бы-сь-ся, нэ вста́ў-бы-сь!“ Тогды́ ёго́ вы́тягнулы зъ я́мы, поруба́лы, завяза́лы въ пла́хту, поста́вылы на тэрно́вый корчъ, пидпалы́лы, — и згори́ў. Якъ ёго́ тамъ спалы́лы, то такі́й за ны́мы ви́тэръ нэчы́стый поду́ў и йшо́ў за ны́мы заводячы́ видъ цэ́рквы ажъ у сэло́ до ко́рчмы.“ (Отъ нея-же.)

„Умэ́ръ молоды́й γа́зда, спря́талы го тай нычъ. Ажъ чэтвэ́ртои но́чы прыхо́дытъ винъ видъ викно́ тай клы́чэ: „Мары́сю, пусты́ мя!“ Она́ вста́ла, пусты́ла,—яў винъ йій каза́ты: „Но, збыра́йся зо мноў!“—„А ди́ты якъ лы́шу?“—пыта́еся жона́.—„Лышы́ такъ, якъ я лышы́ў, нэ бу́дэ имъ нычъ!“—Зибра́лася она́, позабыра́ла свое́ руба́тя тай идэ́. Иду́тъ по́-пры цэ́ркоў, а винъ ка́жэ: „Ку́ры спятъ, свы́ни спятъ, а мэртвы́й жыво́го до гро́бу вэдэ́!“ Прыйшлы́ такъ идъ гро́бовы, а винъ ка́жэ: „Розтворы́ся, гро́бэ!“ Грибъ ся нэ отвыра́е. Ка́жэ винъ такъ дру́гый разъ, и трэ́тый, и ажъ за трэ́тымъ ра́зомъ розтворы́ўся грибъ. А винъ ка́жэ тогды́ жи́нци: „Ну, скачы́ у грибъ!“—„Ой, я нэ ска́чу,—скачы́ ты впэрэ́дъ!“—Винъ уско́чыў, а она́ вэ́ргла за нымъ свое́ руба́тя; винъ тамъ зра́зу гада́ў, що то она́ ско́чыла, тай ка́жэ: „Запры́ся, гро́бэ!“ Грибъ ся запэ́ръ, а она́ тогды́ въ но́гы, якъ я́ла утика́ты! Увы́диў опы́ръ въ гро́би, що жоны́ нэма́, ка́жэ: „Отворы́ся, гро́бэ!“ Грибъ ся отворы́ў, яў винъ ли́зты изъ гро́бу, догоня́е йи.—А она́ бижы́тъ-бижы́тъ, вы́дытъ сьви́тло въ ха́ти; бу́хнула въ двэ́ри, убига́е, ано́ тамъ лэжы́тъ мэртвы́й на ла́выцы, а нико́го въ ха́ти нэма́, лышь когутя́ сыды́тъ на пла́нци. Си́ла она́ на пры́пичку та вжэ ся Бо́гу мо́лытъ. А тотъ прыби́гъ видъ викно́ тай клы́чэ: „Пусты́ мя, бра́тцю, я такі́й, якъ и ты!“ Яў тотъ мэрлэ́ць на ла́ви нога́мы ке́ваты, а она́ тогды́ розпаса́ла изъ сэ́бэ по́ясъ та ке́нула му на но́гы. А винъ тогды́ ка́жэ: „Нэ пу́щу тя, бра́тцю, бо мы ланьцу́хъ на нога́хъ!“ Ка́жэ тотъ зъ-видъ викна́ зно́ву: „Пусты́ мя, бра́тцю, я такі́й, якъ и ты!“ Яў тотъ на ла́ви ру-

камы кéваты, а она́ зня́ла съ сэ́бэ пацёрки тай кéнула му на руки. „Ой, нэ пу́щу тя, бра́тцю, бо мы ланьцу́хъ на рука́хъ!" Ка́жэ той вжэ трэ́тый разъ: „Пусты́ мя, бра́тцю, я такій, якъ и ты!" Яў тотъ го́лову пидныма́ты, а она́ съ сэ́бэ унлэты зня́ла и вэ́ргла му на шы́ю. „Нэ пу́щу тя, бра́тцю, бо мы ланцъ на шы́и!" А тогды́ запи́ло тото́ когутя́, -ну, вжэ йій ся лэ́кшэ ўчыны́ло: той замэртви́ў на ла́ви, а тамто́й пидъ викномъ на дворі́." (Отъ нея-же.)

Къ послѣднему разсказу объ увозѣ мертвымъ мужемъ или женихомъ оставшейся женщины записаны нами еще слѣдующіе два варіанта:

– „Служы́ў едэ́нъ хлопъ у па́на, а жи́нку маў въ сэлі́ и хаты́ну. И пойі́хаў съ тымъ па́номъ до далэ́кого ми́ста, а тамъ була́ сла́бисть; и винъ тамъ захорува́ў и умэ́ръ, и въ тимъ краю́ чужи́мъ го похова́лы. Винъ тогды́ ви́дтамъ въ ночы́ прыйі́хаў сы́вымъ коне́мъ до сво́йи жи́нки пидъ ви́кна и клы́чэ: „Ка́сю, Ка́сю, отворы́!" А она́ щэ нэ зна́ла, що винъ тамъ умэ́ръ, гада́е сы –вэрну́ў зъ доро́гы. Вста́ла, отворы́ла, а винъ до нэ́и ка́жэ: „Бэры́ сво́и хусткі́ та дэ́-яке ли́пшэ шма́тье,— пойі́дэмо гэтъ, бо я собі́ въ чужи́мъ краю́ купы́ў и́нчу ха́ту и ґрунтъ—ли́пши, якъ ту!" Она́ зибра́ла свое́ шма́тье и вы́йшла. Взяў винъ йи за ру́ку и посады́ў на коня́ -пойі́халы; ажъ якъ она́ си́ла на коня́, то злякла́ся, бо вы́дытъ, що то нэ кинь, якъ ма́е бу́ты, ино́ таке́, якъ ви́тэръ. -Прыйижджа́ютъ вжэ до то́го ми́ста, дэ винъ умэ́ръ, пэрэйі́халы бэзъ ми́сто— нэ вступа́ютъ нигдэ́. И йі́дутъ за цэ́ркоў -про́сто повэрта́ютъ на цмы́нтаръ; тамъ у́жэ́ кинь счэзъ, ино́ винъ лышы́ўся и она́. А на гро́би ёго́ була́ дира́ на-сэрэды́ни, то винъ ка́жэ: „Лизь туды́, тамъ е мой до́бра!" Тогды́ она́ ка́жэ такъ: „Лизь ты напэрэ́дъ, а я пото́му поли́зу!" И винъ поли́зъ, а она́ ка́жэ ёму́ тогды́, абы́ тягну́ў скризь диру́ ей шма́тье; забы́ла тамъ шма́тье въ диру́, а сама́ зача́ла ўтика́ты гэтъ –бэзъ поля́, ровы́, а́лэ сама́ нэ зна́ла куда́? Лэти́ла, лэти́ла, ажъ сда́лэку вы́дытъ съви́тло; бижы́тъ вжэ до то́го съви́тла, тамъ прылита́е, а то ха́та на по́лы. Тара́хнула она́ въ двэ́ри, видсу́нула си́ны, вби́гла до ха́ты, а тамъ мэрлы́й лэжы́тъ, -нэма́ би́льшэ нико́го въ ха́ти, лышь съви́тытся съви́тло. И она́ зъ ля́ку вли́зла на пьецъ и сыды́тъ тыхо́нько. А тамъ ей чолови́къ добу́ўся зъ гро́бу, взяў сы щэ би́льшэ опыри́ў и лэти́ў за нэ́ў и прылэ́тиў ажъ до само́п-то́и хаты́ны. Тогды́ крычы́тъ чэ́рэзъ викно́: „От-

вуржъ мэ́рлый мэрлэ́му, що-сь будэ́мъ ро́бицъ жывэ́му!" *) И той мэрлэ́цъ въ ха́ти зача́ўся ру́шаты, то но́гу зсу́нэ, то ру́ку, а пото́му й цилы́й встаў, пишо́ў и отворы́ў двэ́ри. И опыри́ў тамъ найшло́ по́ўна ха́та и вжэ ей клы́чутъ: „Вылазы́ зъ-за пье́ца!" А она́ имъ ка́жэ: „Я нэ ма́ю чоби́тъ, прынэси́тъ мы пэ́ршэ чо́боты!" Писла́ў той опы́ръ за́разъ едно́го до сво́го гро́бу, бо она́ тамъ свое́ шма́тье лышы́ла; той вжэ прыни́съ и зно́ву йи клы́чутъ. А она́ тогды́ вжэ ка́жэ: то ху́стки нэ ма́е щэ, то по́яса нэ ма́е,—ажъ йій такъ всё шма́тье попрыносы́лы. **) И вжэ бы йій тогды́ була́ смэрть напэ́ўнэ, а́лэ тымчасо́мъ такъ Па́нъ-бигъ даў, що когу́тъ запіяў,—дэ-сь тамъ бу́ў въ хаты́ни когу́тъ. И тогды́ ся вжэ вси опыри́ порозлита́лы, порозбыва́лыся, и она́ вжэ ма́ла спо́кій. Прыйшло́ ра́но, да́ла она́ зна́ты до людэ́й, и тогды́ взя́лы тамъ и забы́лы тымъ опыря́мъ осыно́вый килъ въ пы́сокъ наскри́зь, ажъ въ зэ́млю. А она́ йшла до сво́го сэла́ паза́дъ тры ми́сяци, а опы́ръ йи зави́зъ ви́дтамъ за одну́ годы́ну." (Отъ Луця Струка въ Борусовѣ.)

—„Булы́ хло́пэць тай ди́ўка тай ся обо́е любы́лы. Тай винъ пишо́ў до во́йська и тамъ въ во́йську умэ́ръ. Тай ви́дтамъ прыйшо́ў умэрлы́й до нэ́и, а́лэ она́ вжэ спа́ла, то заклы́каў йи крузь викно́: „Ка́сю, Ка́сю, встава́й, пойи́дэшь зо мноў!" А она́ ка́жэ до не́го: „А ты що́ за е́дэнъ?"—„Та я прыйшо́ў зъ во́йська, ходы́, пойи́дэмъ!" Взя́лы йихаты, а́лэ винъ всэ ка́жэ до коня́: „Ньо, по́-за сэ́бэ, ньо, по́-за сэ́бэ!" Ажъ она́ ка́жэ до не́го: „Та йи́дэшь, тай йи́дэшь, а дэ-жъ тото́ сэло́ е?" „О-ту́тъ за́разъ, ка́жэ, вжэ блы́зько!"—Тай прыви́зъ йи на цвэ́нтаръ и ка́жэ: „Лизь ту у я́му!" Алэ она́ нэ хоти́ла, ка́жэ: „Ты лизь пэ́ршэ, бо я нэ зна́ю—куды́?" Зали́зъ винъ у я́му, а́лэ ся хо́пыў ей за́паски, то она́ за́паску видопня́ла, а сама́ зача́ла утика́ты; тай тамъ бу́ла трупа́рня на цвэ́нтары, то заби́гла до то́и трупа́рни и запха́лася за пьецъ. Алэ тамъ у трупа́рны лэжа́ў зно́ву опы́ръ умэрлы́й. Тамто́й зъ гро́бу вжэ за нэ́ў прыби́гъ тай клы́чэ до то́го у трупа́рны: „Встава́йтэ, ўмэ́рли, бу́дэмо жыви́ жэ́рлы!" Взяў той встава́ты умэрлы́й, а́лэ тогды́ когу́тъ за-

---

*) Очевидно—польская фраза: „Otwórz zmarły zmarłemu, coś będziemy robić żywemu!"

**) Ср. выше сказку № 53: Танецъ съ чертомъ.

пи́ў, то обыдва́ тоті́ опыри́ поумыра́лы зно́ву. Алэ ди́ўка тамъ зо страху опими́ла; якъ прыйшо́ў ра́по гра́баръ до трупа́рни, то найшо́ў йи тамъ за пьецомъ нимý. Зробы́лы ксендзы́ вэлы́ку видира́ву, тай тогды́ вжэ та ди́ўка зноў промо́вила и розпови́ла всё за тыхъ опыри́ў, що йи хоти́лы зи́йсты. Алэ якъ лышэ́ то оповила, тай за́разъ умэ́рла сама́."

(Отъ Маріи Стецѣвки въ Доброгостовѣ.)

Иногда, впрочемъ, приходитъ такой мертвый опырь къ своей женѣ, или даже къ чужой женщинѣ, и съ другою цѣлью, а именно, чтобы спать съ ней и пользоваться правами мужа. О такомъ случаѣ передаетъ, напримѣръ, слѣдующій народный разсказъ:

„Едэ́нъ γа́зда ду́жэ шапова́ўся съ своёў жоно́ў, тай тако́й молоды́й умэ́ръ, и спря́талы го. Нэма́ едну́ ничь, нэма́ дру́гу, а трэ́тои вжэ винъ прыхо́дытъ до ха́ты; ди́ты повидсува́ў, самъ лигъ ко́ло жоны́, лэжы́тъ. И такъ ходы́ў дви нэди́ли до нэ́и,—така́ она́ вжэ ста́ла, що лю́дэ йи ся пу́джалы. Тай я́лы йи ся пыта́ты: „Що́ тоби́, молоды́цэ, що́ тоби́ ся ста́ло?"—„Ой, ка́жэ, я́-бы вамъ сказа́ла, кобы́-мъ нэ ўмэ́рла!" Ну, нычъ изъ нычо́го, надійшла́ разъ до нэ́и яка́-сь подоро́жна ба́ба; а быў вжэ вы́чиръ, то про́сытся, кобы́ йи прыня́ла на́-ничь.—„Я-жъ бы-мъ васъ, ба́бко, прыня́ла, та вы у мэ́нэ нэ мо́жэтэ ночува́ты!" — „Та чому́?" — пыта́еся ба́ба. — „Ой, бо до мэ́нэ мэрлы́й γа́зда хо́дытъ на́-ничь!" — И я́ла йій всё каза́ты. А ба́ба йій тогды́ ка́жэ: „Спря́чъ-жэ ты мэнэ́ пидъ цэбэ́ръ, що руба́тье мо́чышь, а соби́ внэсы́ шма́тье винча́ўнэ и пи́ўку, хусткі́й и по́ясъ и сьви́чку сьвя́то-вэчи́рну, а якъ вжэ бу́дэшь миркова́ты, що винъ идэ́, запалы́ сы тоту́ сьви́чку, влизь за стиў и убыра́йся; винъ бу́дэ ся тэбэ́ пыта́ты: „гдэ ты ся збыра́ешь?"—ты ёму́ кажы́: „иду́ на вэсиля́ до ма́мы!"—„а яке́-жъ тамъ вэсиля́?"—ты кажы́, що братъ сэстру́ бэ́рэ; опы́ръ тоби́ бу́дэ каза́ты: „кто таке́ чуў, бы братъ сэстру́ браў?"—а ты му на то: „кто таке́ чуў, бы мэртвы́й до жыво́го ходы́ў?"—и хоть-бы тя якъ клы́каў, нэ йды!"—Покла́ла она́ ди́ты спа́ты, ба́бу спря́тала пидъ цэбэ́ръ на за́пичку, тогды́ соби́ запалы́ла тоту́ сьви́чку и ста́ла убыра́тыся за столо́мъ. Чу́е—йдэ вжэ γа́зда, отворы́ў сы синий двэ́ри, хатни́, війшо́ў у ха́ту и сиў сы конэ́ць стола́. Тай пыта́е йи ся: „Гдэ ты ся збыра́ешь?"—„Та на вэсиля́ до ма́мы!"—„На яке́ весиля́?"—„Братъ сэстру́ бэ́рэ!"—„Кто тото́ чуў, абы́ братъ сэстру́ браў?"—„А кто тото́

чуў, абы мэртвый до жывого ходыў?"—Нэ кажэ винъ ійій нычъ, а дали кажэ ійій: „Ходы, най тя хоть поцилую!" —„Ой, я нэ пиду!" „Ходы, кажэ, най лышу на тоби познаку!" „Нэ лышай на мэни, лышы на моймъ столи!"—Винъ тогды якъ ўдарыў руко́ў о стиў, то ажъ проломыў стиў,—килько рука, тилько выпало стола. И тогды витэръ подуў, поотворяло двэри и взяло го зъ хаты, и пропаў вжэ на вики."

(Отъ Татьяны Михайловичъ въ Головецкѣ.)

Опырь—это одно изъ самыхъ популярныхъ и распространенныхъ представленій галицко-русскаго народнаго суевѣрія. Почти каждая деревня, чуть-ли не каждый дворъ передаетъ о немъ свои особенныя преданія и сказки. Приведенные выше повѣрья и разсказы можно считать въ общемъ ихъ типичными отраженіями.

Напечатано въ „Живой Старинѣ", 1897 г., вып. I, стр. 107—110; см. также: „Zeitschrift des Vereins für Volkskunde", 1898, т. VIII, вып. 3, стр. 331—336.—Ср. еще: Д. И. Вагилевичъ: O upirech a widmách—„Časopis Českého Museum", 1840, стр. 232—261; И. Я. Франко: Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г.—„Кіевская Старина", 1890, апрѣль, стр. 101—120; его-же: Людові віруваня на Підгірю—„Етногр. Збірник", 1898, т. V, стр. 182, 186—187, 216; „Житє і Слово", 1895, т. IV, стр. 186 и 360; О. Роздольскій: Гал. нар. казки—„Етногр. Збірн.", 1895, т. I, стр. 5—8; F. X. Mroczko: Śniatyńszczyzna, ч. I, стр. 82—83; В. М. Гнатюкъ: Знадоби до гал.-рус. демонольогії—„Етногр. Зб.", 1903, т. XV, стр. 159—174; R. F. Kaindl u. A. Manastyrski: Die Rutenen in der Bukowina, 1890, ч. II, стр. 26—27, 54—56; R. F. Kaindl: Die Seele und ihr Aufenthaltsort nach dem Tode im Volksglauben der Rutenen und Huzulen—„Globus", 1895, т. 67, № 23, стр. 357; его-же: Zauberglaube bei den Huzulen—„Globus", 1899, т. 76, № 15, стр. 229—231; его-же: Die Huzulen, стр. 84—85; П. П. Чубинскій: Труды экспедиціи, т. I, стр. 205—206, т. II, стр. 411—416; М. П. Драгомановъ: Малорус. нар. преданія и разсказы, стр. 62—66, 391—393; П. Ефименко: Упыри—„Кіев. Старина", 1883, іюнь, стр. 371—379; тамъ-же, 1884, январь, стр. 169—171, 1890, февраль, стр. 338—340; П. В. Ивановъ: Нар. разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ—„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва", 1891,

т. III, стр. 156—180; Б. Д. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, 1895—96, т. I, стр. 52—56, т. II, стр. 92—107; его-же: Изъ устъ народа, стр. 129—142, 387—388; В. Н. Ястребовъ: Матеріалы по этногр. новоросс. края, стр. 74—77; Н. Ѳ. Сумцовъ: Культурныя переживанія, стр. 271—274; его-же: Колдуны, вѣдьмы, упыри—„Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва", 1891, т. III, стр. 229—278; З. Кузеля: Причинки до нар. вірувань з поч. XIX ст.—„Записки Т-ва им. Шевченка", 1907, т. 80, стр. 109—124.

Относительно мотива о возвращающемся мертвомъ женихѣ, мужѣ или братѣ вообще см.: О. Колесса: Шевченко і Міцкевич, 1894, стр. 25—45; И. И. Созоновичъ: Къ вопросу о западномъ вліяніи на слав. и рус. поэзію, 1898, стр. 1—259; И. Д. Шишмановъ: Пѣсеньта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи—„Сборникъ за нар. умотворения, наука и книжнина", 1896, т. XIII, стр. 474—569, 1898, т. XV, стр. 449—600+186.

Систематическій обзоръ литературныхъ темъ и мотивовъ

съ библіографическимъ сводомъ параллелей.

1.

Люди изъ яицъ.

Люди происходятъ изъ яицъ Евы, которыя Богъ разрѣзываетъ на двѣ части и бросаетъ на землю: изъ одной половины родится мальчикъ, а изъ другой—дѣвушка, которые потомъ женятся; если-же одна половина яйца погибнетъ, то человѣкъ изъ другой половины остается всю жизнь одинокимъ.

—

Напечатано въ „Живой Старинѣ", VII, 110.

Параллели этой замѣчательной легенды въ европейскомъ фольклорѣ не встрѣчались намъ вовсе; только одинъ „восточный" (!), болѣе или менѣе близкій варіантъ приведенъ у O. Dähnhardt-a: Naturmagen, I, 210: Богъ разрѣзалъ яблоко на двѣ части, изъ которыхъ одну далъ Адаму, а другую Евѣ; поэтому женятся только тѣ люди, которые найдутъ другую половину своего яблока.

Библіографію мотива о рожденіи изъ яйца вообще см.: Ю. А. Яворскій: Omne vivum ex ovo, стр. 16—20.

2.

Великаны и маленькіе люди.

Въ старину жили великаны. Однажды такой великанъ поймалъ пашущаго человѣка и принесъ его на ладони, вмѣстѣ съ волами и плугомъ, своей матери.

Со временемъ же опять появятся такіе маленькіе люди, что сорокъ ихъ будетъ молотить въ одной печи.

—

Напечатано въ „Живой Старинѣ“, VII, 110.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 4—5, 249—250; „Етн. Зб.“, V, 94; Kaindl: Die Huzulen, 95—96; Kaindl-Manastyrski: Die Ruthenen, II, 50; Драгомановъ: Преданія, 383; Чубинскій: Труды, I, 212 и 216; „Кіев. Ст.“, XC, 118; Сумцовъ: Очерки ю.-р. апокриф. сказаній, 37—42; Federowski: Lud białor., I, 201—202; Nowosielski: Lud ukr., II, 11—14; „Zbiór wiadom.“, II, 126, XI, 215; „Жив. Ст.“, X, 200—201; „Карацинѣ“, IV, 47; Dähnhardt: Natursagen, I, 242—246, III, 310.

3.

Премудрый Соломонъ.

Соломонъ, будучи мальчикомъ, вѣсилъ бабій умъ и собачье г...о. Мать велѣла убить его за это, но слуги только отрѣзали у него палецъ и отпустили его въ свѣтъ.

Затѣмъ С. возвратился подъ видомъ купца назадъ и продавалъ матери—сначала золоченую насѣдку съ цыплятами, а затѣмъ—зеркала, каковыя самъ-же онъ и изобрѣлъ; за нихъ мать согласилась спать съ нимъ одну ночь, а затѣмъ отдала ему отрѣзанный палецъ, который тутъ-же и приросъ снова къ его рукѣ. Только тогда мать узнала его и хотѣла его задержать, но онъ вырвался и убѣжалъ.

Чтобы поймать его, мать устроила обѣдъ для народа, причемъ, однако, дала людямъ такія длинныя ложки, что нельзя было ѣсть; С. посовѣтовалъ имъ—кормить другъ друга черезъ столъ—и скрылся. Тогда мать разсыпала по полу деньги и велѣла людямъ подобрать ихъ—не сгибаясь; С. посовѣтовалъ—намазать подметки смолой и подбирать деньги ногами,—а затѣмъ снова убѣжалъ въ свѣтъ.

Наконецъ, мать велѣла сдѣлать золотой плугъ и обвозить по свѣтѣ, опрашивая людей—сколько онъ стóитъ? Угадалъ только одинъ С., сказавъ, что если въ апрѣлѣ не будетъ хорошей погоды, а въ маѣ дождя, то этотъ плугъ не стоитъ даже и его испражненій,—но слуги не догадались и не захватили его. Послѣ этого мать оставила его уже въ покоѣ.

Затѣмъ С. полетѣлъ на двухъ орлахъ къ небу, чтобы измѣрить разстояніе между нимъ и землею, однако, въ виду окрика святыхъ съ неба, долженъ былъ вернуться назадъ, причемъ подъ конецъ, когда не хватило для орловъ пищи, долженъ былъ вырѣзать и дать имъ икры съ собственныхъ ногъ.

Желая измѣрить глубину моря, С. спустился въ него въ бочкѣ на желѣзной цѣпи, хотя о тщетности этой затѣи предупреждалъ его самъ Господь—въ видѣ ребенка, вычерпывавшаго море ложкой въ коровій слѣдъ. Когда С. былъ уже на днѣ моря, морской ракъ перерѣзалъ цѣпь, вслѣдствіе чего онъ не могъ болѣе выбраться наверхъ.

Тогда явился къ нему на помощь діаволъ, который, взамѣнъ за запись души, вынесъ его снова на свѣтъ. Однако, здѣсь С. заманилъ его хитростью въ кожаный мѣшокъ и велѣлъ молотильщикамъ молотить его до тѣхъ поръ, пока онъ не превратился въ мазь.

Послѣ этого С. отправился на конѣ въ свѣтъ, желая объѣхать его кругомъ, но по пути ударился въ лѣсу объ дубовый сукъ и—умеръ.

Параллели: Сказанія о Соломонѣ, прямымъ отзвукомъ которыхъ является, несомнѣнно, и данная запись, проникли въ народныя литературы, какъ извѣстно, изъ письменныхъ, апокрифическихъ памятниковъ, широко распространенныхъ и популярныхъ также и въ славяно-русской письменности; см. напр. Пыпинъ: Памятники, III, 51—71; его-же: Очеркъ, 102—123; Тихонравовъ: Лѣтописи, IV, 2, 112—153; его-же: Памятники, I, 254—272; Порфирьевъ: Апокриф. сказ. ветхозав., 240—241, 261—263; Франко: Апокріфи, I, 280—295; Веселовскій: Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ; его-же: Разысканія, гл. V; Сумцовъ: Очерки ю.-р. апокриф. сказаній, 50—55.—Народныя параллели сказаній о Соломонѣ см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 38—59, II, 229—232; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 22—49; „Ж. і Слово", I, 136—139, II, 352—353, IV, 347—353; Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 56—57; Драгомановъ: Преданія, 99—108; Чубинскій: Труды, I, 106—107; Kolberg: Chełmskie, II, 83—85; Добровольскій: Смол. этн. сборн., I, 245—266; „Этн. Обозр.", XVIII, 85—109; Худяковъ: Великор. сказки, II, 130—138; Садовниковъ: Самар. сказки, 206—211; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 124—126; „Сборн. Кавк.", XXVI, 2, 187—189; Dähnhardt: Natursagen, I, 321—336.

Отдѣльные мотивы нашей легенды о Соломонѣ обращаются въ народныхъ литературахъ также въ другой связи и безъ его имени. Такъ, напр., мотивъ о попыткахъ измѣренія моря или неба см.: „Zbiór wiadom.", VII, 38—39, XI, 124—125; Kolberg: Chełmskie, II, 83—85; его-же: Lud, VIII, 103—105. Мотивъ о ребенкѣ, вычерпывающемъ ложкой море, пріурочиваемый обыкновенно къ легендѣ о св. Августинѣ, см.: Владиміровъ: Великое Зерцало, 10; „Zeitschr. Ver. Vk.", XVI, 90—95.—Мотивъ о длинныхъ ложкахъ см.: Веселовскій: Сказки объ Иванѣ Грозномъ, 323.—Мотивъ о подниманіи денегъ посред-

ствомъ насмоленныхъ подметокъ, входящій также въ составъ разсказовъ объ искусномъ ворѣ, см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., III, 100; Чубинскій: Труды, II, 604; Романовъ: Бѣлор. сборн., III, 411—412; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 350; Веселовскій: Сказки объ Иванѣ Грозномъ, 318; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 69, 159, 398—399; „Сборн. Кавк.", VI, 2, 222—223; Radloff: Proben, III, 340, IV, 197; Lidzbarski: Neuaram. Hs., 244.

4.

Почему жиды не ѣдятъ свинины.

Два жида, желая посмѣяться надъ І. Христомъ, спрятали жидовку съ ребенкомъ подъ корыто и предложили ему угадать—что это? Христосъ превратилъ за это жидовку и ея ребенка въ свиней. Съ тѣхъ поръ жиды не ѣдятъ свиного мяса.

—

Параллели: Ю. А. Яворскій: Notizen zur Gesch. der Märchen u. Schwänke въ „Der Urquell", II, 196—197; Гнатюкъ: Легенды, I, 66—67; „Ж. і Сл.", II, 182; Mroczko: Śniatyńszczyzna, I, 62; Драгомановъ: Преданія, 4; Чубинскій: Труды, I, 49—50; „Кіев. Ст.", XXIII, 143, XXXII, 448—449; Kolberg: Chełmskie, II, 157; „Zbiór wiadom.", II, 130—131, V, 167, VII, 108—109, XI, 39, XIV, 208, XV, 265; Романовъ: Бѣлор. сборн., IV, 159; Добровольскій: Смол. этн. сбор., I, 243; Federowski: Lud białor., I, 197; Аѳанасьевъ: Легенды, X—XI; „Этн. Обозр.", XIII—XIV, 251—252; „Жив. Ст.", V, 441; „Записки Геогр. О-ва по Отд. Этн.", V, 715; „Wisła", III, 103; Świętek: Lud nadrab., 583—584; „Lud", VII, 134; „Česky Lid", VI, 146; „Карацић", III, 233—234; „Zeitschr. Ver. Vk.", V, 101; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 523—524; Merkens: Was sich das Volk erzählt, I, 69; Bladé: Contes gascogn., II, 153—154; Reinsch: Die Pseudo-Evangelien, 98—99, 127, 131; Dähnhardt: Natursagen, II, 102—107, 279—281. *)

---

*) Замѣтимъ кстати, что въ названномъ трудѣ г. Dähnhardt-а (II, 281), между прочимъ, приведена также полностью славянская библіографія предмета, сведенная нами въ свое время въ нашихъ „Notizen" (см. выше),—однако, какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, безъ всякаго указанія источника...

5.

Почему жиды цѣлуютъ косякъ двери.

Желая смутить христіанскую дѣвушку, жиды высказали пожеланіе, чтобы, въ доказательство божественности І. Христа, изъ жареныхъ яицъ вылупились цыплята, а вареный пѣтухъ чтобы запѣлъ. Когда же дѣвушка отвѣтила, что все это во власти Божьей, тогда одинъ жидъ бросилъ въ нее ножемъ, который застрялъ въ косякѣ двери. Въ ту-же минуту изъ жареныхъ яицъ вылупились цыплята и вареный пѣтухъ запѣлъ. Въ память этого чуда жиды цѣлуютъ косякъ двери и понынѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 116—118; его-же: Етн. мат. Уг. Р., VI, 127; Головацкій: Нар. пѣсни, II, 6; Зубрицкій: Нар. календарь, 43; Kolberg: Pokucie, I, 113; Драгомановъ: Преданія, 386; Чубинскій: Труды, I, 67; „Харьк. Сборн.", VI, 185; Потебня: Объясненія, II, 765; Сумцовъ: Писанки, 10; Добровольскій: Смол. этн. сб., I, 244; Аѳанасьевъ: Легенды, IX, XIII—XIV; его-же: Поэт. воззр., III, 754; „Этн. Обозр.", XI, 197; Костомаровъ: Памятники, I, 217—218; Франко: Апокрифы, II, L, 329—330; его-же: Слово о Лазаревѣ воскресеніи, 27, 46, 54; Веселовскій: Разысканія, III, 32; его-же: Ю.-р. былины, 260—261, 267—268; Владиміровъ: Вел. Зерцало, введ., XI, прилож., 13, 69; его-же: Къ изслѣд. о „Вел. Зерцалѣ", 70—71; Безсоновъ: Калѣки перехожіе, I, 614—617; Порфирьевъ: Апокриф. сказ. новозав., 50; А. Ѳ. Бычковъ: Опис. сборн. Публ. Библ., I, 163; И. А. Бычковъ: Каталогъ рук. Саввантова, I, 180; Архим. Леонидъ: Систем. опис. рук. гр. Уварова, III, 51; Шевченко: Кирил. рук. Дрезд. библ., 7—8; „Сборн. Кавк.", XIX, 2, 142—143, XXVI, 2, 178—179, XXXII, 3, 117; Чебанъ: Рум. легенды о Богородицѣ, 34; Polívka: Drobné příspěvky, 110—115; Weil: Bibl. Leg., 293; Hoffmann: Das Leben Jesu, 330—331, 334; Liebrecht: Zur Volkskunde, 179—180; Köhler: Kl. Schriften, III, 223—228, 639—641; Dähnhardt: Natursagen, II, 2—5, 84.

6.

Ангелъ между людьми.

Господь послалъ ангела по душу одной женщины, но тотъ пожалѣлъ ея маленькихъ дѣтей и оставилъ имъ мать. Тогда Господь велѣлъ ему разбить прутикомъ камень на днѣ моря, указывая ему, что онъ знаетъ и заботится даже о червяхъ внутри этого камня; въ наказаніе же за ослушаніе послалъ его на годъ на землю, пока не найдетъ какой-нибудь другой души.

Изгнанный ангелъ поступилъ въ работники къ попу. Однажды поѣхали они оба въ городъ. Въ пути работникъ совершилъ рядъ странныхъ поступковъ: бросалъ камнями въ богатую церковь, въ шумный свадебный поѣздъ, въ пышные похороны, и въ то-же время почтительно останавливался и молился передъ убогой церковкой и при встрѣчѣ съ похоронами и свадьбой бѣдняковъ.

Дома потребовалъ смущенный хозяинъ отъ работника, черезъ другого священника, объясненія его страннаго поведенія, причемъ самъ слушалъ подъ дверью. Тотъ объяснилъ, что камнями онъ разгонялъ чертей, которые находились среди богатыхъ людей—и въ церкви, и на свадьбѣ, и на похоронахъ; встрѣчая же убогихъ, но благочестивыхъ людей, онъ благословилъ ихъ и молился.

Послѣ этого исповѣдникъ передалъ ангелу приказаніе хозяина—купить для него сапоги на годъ, но оказалось, что послѣдній уже подъ дверью умеръ. Тогда ангелъ взялъ его душу и улетѣлъ съ ней въ окно на небо.

—

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 158—161; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 114—117, III, 42—43, VI, 118—120; „Ж. і Сл.“, II, 350—352; Kolberg: Pokucie, IV, 200—202; его-же: Chełmskie, II, 85—87; Гринченко: Этн. мат., I, 71—73; Добровольскій: Смол. сб., I, 323—325; Federowski: Lud białor., I, 140, 230, II, 271—273, III, 282—283; Аѳанасьевъ: Легенды, 88—90; Садовниковъ: Самарскія сказки, 251—253; „Этн. Обозр.“, XXI, 81—83, 87—88, XXII, 111; „Zbiór wiadom.“, VII, 116; „Mat. antr.“, VIII, 182—184; „Жив. Стар.“, IX, 395—396; Драгомановъ: Розвідки, IV, 216—230; Сумцовъ: Литер. родня разсказа гр. Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“—„Харьк. Сб.“, IX, 132—139; Варшеръ: Исторія одного литер. сюжета—„Подъ знаменемъ науки“, 99—118; Веселовскій: Солом. и Китоврасъ, 106—108, 135, 210—211, 314, 317—318, 323—325; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 249—250, II, 231—234; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 129—131; Strohal: Hrv. pripov., I, 226—230; Шапкаревъ: Сборн. нар. умотв., IX, 387—388; Поливка: Бѣлѣжки, 30; Strausz: Die Bulgaren, 101—104; „Сб. Кавк.“, XXVIII, 2, 18—19; Dähnhardt: Natursagen, II, 86; „Národop. Sb.“, II, 116, III, 111, IV-V, 144, 147, VII, 224; „Arch. f. slav. Phil.“, XXI, 261, 294—295.

7.

Смерть кума.

а). У одного бѣдняка никто въ деревнѣ не хотѣлъ крестить ребенка. Согласилась быть кумой только неизвѣстная прохожая женщина, съ появленіемъ которой въ домѣ бѣдняка появились также чудеснымъ образомъ различные припасы. Это была смерть. Уходя, она сдѣлала своего кума великимъ докторомъ, обѣщавъ показываться ему у изголовья или въ ногахъ больного: въ первомъ случаѣ больной будетъ жить, въ послѣднемъ долженъ умереть.

Такимъ образомъ, бѣднякъ долго игралъ роль искуснаго доктора и сдѣлался большимъ богачемъ и бариномъ. Наконецъ, однажды пришлось ему ѣхать къ одному больному царю, причемъ онъ заблудился въ лѣсу и попалъ въ избушку, въ которой горѣло множество свѣчей разной величины, а при нихъ сидѣла его кума—смерть. Свѣчи изображали человѣческія жизни, соотвѣтственно предопредѣленному для каждой изъ нихъ сроку, причемъ свѣча самого доктора уже совсѣмъ догорала.

Возвратившись домой, онъ велѣлъ сдѣлать себѣ вертящуюся кровать, чтобы не допустить смерть къ себѣ въ ноги, но она, тщетно намучившись съ нимъ цѣлый день, наконецъ, схватила его за шею и задушила.

—

б). Первая половина разсказа совершенно тождественна съ варіантомъ **а**, за исключеніемъ двухъ незначительныхъ отступленій: 1) бѣднякъ, за помощь со стороны смерти, долженъ ей подписаться; 2) появленіе смерти у изголовья или въ ногахъ больного имѣетъ обратное значеніе: въ первомъ случаѣ—смерть, во второмъ—выздоровленіе.

Во второй части механически вставленъ родственный мотивъ объ увязненіи смерти, встрѣчающійся обыкновенно въ другой связи. Вывѣдавъ у смерти средство для ея увязненія, вѣроломный кумъ заманилъ ее на красную яблоню и обложилъ терновникомъ, вслѣдствіе чего она не могла оттуда тронуться и просидѣла тамъ нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, освободившись изъ этого плѣна, смерть хотѣла тутъ-же убить своего кума, но затѣмъ, уступая его мольбамъ, дала ему еще одинъ день отсрочки. Тогда онъ сдѣлалъ себѣ вертящуюся колыбель, въ которой дол-

гое время избѣгалъ смерти, все поворачиваясь къ ней ногами, пока она, наконецъ, не сдѣлала его опять совершенно нищимъ, какимъ онъ былъ раньше. Послѣ этого онъ уже самъ отдался ей и умеръ.

И съ тѣхъ поръ изголодавшаяся смерть, которой все это время нельзя было никого другого тронуть, кромѣ своего кума, стала еще съ большей яростью забирать людей, и забираетъ ихъ такъ и понынѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 169—170, II, 32—38; его-же: Етн. мат. Уг. Р., VI, 140—142; его-же: Знадоби, II—1, XXXVIII—XXXIX; „Ж. і Сл.", I, 139—140, 147, III, 219—220; „Наука", 1894, VII—IX, 418; Роздольскій: Казки, I, 92—93; Чубинскій: Труды, II, 430—432; Гринченко: Этн. мат., II, 89—91; его-же: Изъ устъ народа, 120—124, 427—428; Малинка: Сборн. мат., 310—311; Шейковскій: Быть подолянъ, II, 66—68; „К. Ст.", 1890, XII, 506—507, 1892, VIII, 147—148; Шейнъ: Матеріалы, II, 414—419; Добровольскій: Смол. сб., I, 314—318; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 66—67; Federowski: Lud białor., I, 141—143, II, 132—134; Сержпутовскій: Сказки бѣлор.-полѣш., 35—36; Аѳанасьевъ: Легенды, 157—162; его-же: Поэт. воззр., III, 201—203; Ждановъ: Сочиненія, I, 606—608; Иваницкій: Мат. вологод., 196—197; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 103—105; „Этн. Об.", VII, 83—84, XXII, 128, XXVIII, 92—94; „Ж. Ст.", XX—1, 97; „Сб. Кавк.", XVIII, 3, 144—147, XIX, 2, 145—148; Sad. Barącz: Bajki, 213—222; Kolberg: Chełmskie, II, 87—88; его-же: Lud, III, 156—157, VIII, 134—137; „Zbiór wiad.", XI, 113—116, 272—273, XII, 14—16; „Mat. antrop.", VI, 173—174, 182—183, X, 261—262; Świętek: Lud nadrab., 387—388; „Lud", VIII, 49—50; „Wisła", VIII, 98—114, IX, 726—732; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 55—58; „Slov. Pohl.", 1895, 388—391; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 65—74; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 119—120; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 185—188, IX, 494—497; Strausz: Die Bulgaren, 104—106; Ardalić-Polivka: Nar. pripov., 62—64; Polivka: Pohádkosl. studie, 188—195; его-же: Бѣлѣжки, 16; „Národop. Sb.", IV—V, 144; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 352; „Arch. f. sl. Phil.", XIX, 241; Jahn: Volkssagen, 33—34; Wlislocki: Märchen u. S. Zig., 94—96; Stier: Ung. M., 30—33; Gonzenbach: Sic. M., I, 123—124, II, 217; Schmidt: Griech. M., 117—118; Carnoy-Nicolaides: Traditions pop. de l' Asie Min., 144—150; Luzel: Légendes chrét., I, 335—357; „Germania", XXV, 138—139; „Zs. Ver. Vk.", IV, 34—41, VI, 67—68; Benfey: Pantschatantra, I, 524—525; Grimm: K. H. M., I, 216, 219—222, III, 69—71; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 377—388; Köhler: Kl. Schr., I, 291—292.

Мотивъ о свѣчахъ жизни вообще см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 263—264; „Наука", 1894, VII—IX, 439, X—XII, 610—611; Kaindl: Die Seele—„Globus", LXVII, 360; Jahn: Volkssagen, 35—36; „Zbiór wiad.", XVII, 285—286; Bladé: Contes gasc., II, 198—200; Máchal:

Nákres, 86; Аѳанасьевъ: Поэт. воззр., III, 203; Polívka: Pohádkosl. studie, 191; Bolte-Polívka: Anm. zu Grimm, I, 388; Köhler: Aufsätze, 108; Клингеръ: Животное, 293—298.

Мотивъ объ увязненіи смерти см. ниже № 8 и 52.

8.

Солдатъ получилъ отъ Бога карты и сумку.

Отставной солдатъ, возвращаясь домой, проигралъ въ карты всѣ заслуженныя деньги, такъ что осталась у него только одна мелкая монета. Въ дорогѣ онъ встрѣтилъ Господа съ апостолами Петромъ и Павломъ, которыхъ онъ перенесъ черезъ воду, а затѣмъ на послѣднюю монету угостилъ въ корчмѣ хлѣбомъ и водкой. За это Господь далъ ему карты, которыя всегда выигрываютъ, и сумку, въ которую все должно прыгать по его приказанію; кромѣ того, въ карманѣ онъ нашелъ вдругъ нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Пришелъ солдатъ въ городъ и сталъ играть въ карты съ господами, причемъ выигралъ отъ нихъ не только всѣ ихъ деньги, но и лошадей съ кучерами. Когда же они хотѣли убить его, чтобы отнять свое имущество, онъ запряталъ ихъ всѣхъ въ свою сумку и избилъ ихъ, послѣ чего выпустилъ ихъ на свободу.

Затѣмъ пришелъ онъ къ одному барину, въ домѣ котораго страшили 24 черта. Онъ половилъ всѣхъ чертей въ свою сумку и избилъ ихъ на мазь, послѣ чего, въ награду за это, женился на дочери барина и, такимъ образомъ, сдѣлался самъ бариномъ.

Спустя нѣкоторое время пришла за нимъ смерть, но онъ велѣлъ ей тоже прыгнуть въ свою сумку, избилъ ее и выпустилъ еле живую. Послѣ этого онъ жилъ еще въ спокоѣ долгое время, такъ какъ смерть боялась и подступать къ нему, но, наконецъ, пришелъ къ нему самъ Господь и толкнулъ его на тотъ свѣтъ— въ адъ. Однако, черти, по старой памяти, тоже испугались солдата съ сумкой и велѣли ему убираться вонъ изъ ада. Уходя, онъ захватилъ оттуда съ собою немного сухарей, которые затѣмъ превратились въ души. И съ этими душами уже Господь впустилъ его въ свое царство.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 42—53; его-же: Етн. мат. Уг. Р., VI, 274—275; его-же: Знадоби, II—1, 60—64; Рудченко: Ю.-р. сказки, II, 177—179; Манжура: Сказки, 61—63; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 340—345, IV, 48—51; Шейнъ: Матеріалы, II, 409—412; Federowski: Lud białor., II, 283—287; Аѳанасьевъ: Легенды, 53—71, 154—157; Иваницкій: Мат. вологод., 195; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII-4, 359, XII-3, 379, 385; „Сборн. Кавк.", XVI, 1, 313—316; Ждановъ: Сочиненія, I, 600—608; „Zbiór wiad.", V, 234—235, 245—246, IX, 115—117, XV, 19—23, XVI, 37—39; „Mat. antrop.", V, 5—6, 25—27, 113—115, VI, 143—146, 153—155, 384—388, 395—396; „Lud", VI, 352—357; „Wisła", VIII, 232—236; Kolberg: Lud, III, 115—118, VIII, 133—136, XIV, 191—196, XIX, 223—224; его-же: Chełmskie: II, 111—112; Gliński: Baj. pol., II, 134—149; Ciszewski: Krakowiacy, I, 163—166; Świętek: Lud nadrab., 321—324; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 272—276, II, 198—204; Leskien-Brugmann: Lit. M., 410—412, 559—561; „Arch. f. slav. Phil.", V, 648—652, XXVI, 459—460; „Zs. f. öst. Vk.", IV, 309; Grundtvig: Dän. Vm., II, 179—193; Blade: Contes gasc., III, 93—103; Ortoli: Contes cors., 155—170; Luzel: Lég. chrét., I, 311—333; Grimm: K. H. M., I, 402—416, III, 131—143, 409; Köhler: Aufsätze, 48—78; его же: Kl. Schr., I, 83—84, 104—105, 111.

Мотивъ объ увязненіи смерти или чертей вообще см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 206—210, II, 38—42; его-же: Етн. мат. Уг. Р., IV, 185—186; его-же: Знадоби, II—1, 65; Роздольскій: Казки, I, 66—68, 90—91; Драгомановъ: Преданія, 120—123; Чубинскій: Труды, I, 217—219, II, 430—432; Манжура: Сказки, 60—61; Рудченко: Ю.-р. сказки, I, 65—66; Шейнъ: Матеріалы, II, 147, 413—414; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 76—79; Federowski: Lud białor., I, 144, II, 132; Сержпутовскій: Сказки бѣлор.-полѣш., 33—34; Аѳанасьевъ: Легенды, 53—71, 154—157; его-же: Поэт. воззр., III, 40—52; „Сб. Кавк.", XVI, 1, 308—309; „Zbiór wiad.", IX, 117, XI, 6, XII, 16, XV, 20—22, 256—257, XVI, 75—76; „Mat. antrop.", V, 107—108, VI, 174, 341—342, 376—377, X, 249—250; Kolberg: Lud, III, 181—182, XIV, 248—250; Ciszewski: Krakowiacy, I, 159—168; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 177—179; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 56—57; Schleicher: Lit. M., 108—115; Václavek: Pohádky, I, 15—16, 44—50; „Č. Lid", IV, 542; „Národop. Sb.", IV—V, 144; „Arch. f. sl. Phil.", XVII, 576, XIX, 243, 262, XXXI, 602; Strausz: Die Bulgaren, 106—110; „Zs. Ver. Vk.", I, 158—161; Schell: Berg. Sagen, 18—19; Bladé: Contes gasc., II, 225—230, Sébillot: Lit. or. H.-Bret., 175—180; Carnoy: Lit. or. Picard., 67—89; Köhler: Kl. Schr., I, 83, 111, 258, 303, 321. — См. также № 7 и 52.

Мотивъ о сухаряхъ-душахъ см. № 20.

9.

Божій судъ.

Бѣдный братъ просилъ у богатаго пшеницы на святой вечеръ, но тотъ не далъ. Черезъ нѣкоторое время бѣдный умеръ, пшеница же на его нивѣ уродилась хорошая, а у богача - худая. Тогда богачъ захотѣлъ отнять у вдовы эту ниву. Послѣ долгихъ споровъ, согласились на Божій судъ. Однако, жадный богачъ закопалъ на нивѣ своего сына, который, на вопросъ - чья пшеница?—отвѣтилъ изъ ямы, что - богатаго.

На слѣдующій день пошелъ богачъ откапывать своего сына, но его въ ямѣ уже не было: онъ превратился въ крота и роетъ землю и понынѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 119—121; Kolberg: Pokucie, III, 141—142; Драгомановъ: Преданія, 385; „Zbiór wiad.", III, 99, XV, 65; „Карацюбъ", II, 214—216; Strausz: Die Bulgaren, 72; „Ć. Lid", VI, 265—269, VII, 18—19, IX, 57; „Zs. Ver. Vk.", III, 224—225; Dähnhardt: Naturagen, III, 454—455, 527.

10.

Нива богатаго и бѣднаго.

Два брата раздѣлились наслѣдствомъ, послѣ чего одинъ разбогатѣлъ, а другой совсѣмъ обнищалъ, такъ что со временемъ продалъ богатому весь свой надѣлъ, причемъ послѣдній не хотѣлъ даже принять его въ работники и прогналъ его прочь. Тогда бѣдный, по совѣту своего ангела, попросился молотить у брата цѣлый годъ за лапоть пшеницы, а затѣмъ выпросилъ у него столько нивы, сколько нужно, чтобы посѣять эту пшеницу. Сѣялъ онъ эту пшеницу цѣлый день, засѣялъ ею большую ниву, и все еще осталась у него та горсть зерна, которую онъ выработалъ у брата.

Въ свое время пшеница бѣднаго взошла хорошо, а у богатаго плохо, въ виду чего послѣдній принудилъ его помѣняться нивами. Тогда Господь выбилъ градомъ ниву богатаго, когда

же тотъ опять заставилъ бѣднаго помѣняться, то оросилъ ее дождемъ, такъ что пшеница бѣднаго поднялась лучше прежняго.

Съ тѣхъ поръ бѣдный братъ сталъ быстро разживаться и сдѣлался помѣщикомъ, богачъ же скоро совсѣмъ обѣднѣлъ, такъ что, въ свою очередь, пришелъ къ брату просить службы, а тотъ отдѣлилъ ему часть своей земли и принялъ его къ себѣ на хозяйство.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 125—127; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 26—27, 40—41; Гринченко: Этн. мат., II, 146—147; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 19—22, 165—166; Добровольскій: Смол. сб., I, 298—306; Шейнъ: Матеріалы, II, 365—370; Аѳанасьевъ: Легенды, 39—42, Садовниковъ: Сам. ск., 270—277; Иваницкій: Мат. вологод., 218—220; „Этн. Об.“, IV, 235—237, V, 152—154, VII, 74—76; Веселовскій: Разысканія, VIII, 318—319; Kolberg: Lud, VIII, 92—93; Dobšinský: Prostonar. pov., IV, 53; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 279; Polivka: Pohádkosl. st., 181—188; „Arch. f. sl. Phil.“, XIX, 261, XXI, 279.

11.

Кровосмѣситель.

Бездѣтные старые люди просили у Бога дѣтей. Ночью во время родовъ старикъ услышалъ, какъ ангелы объявили, что родившійся въ этотъ часъ мальчикъ убьетъ отца и будетъ жить съ матерью. Испуганные старики положили ребенка въ ящикъ изъ воска, прибили ярлыкъ съ именемъ Григорія и пустили ящикъ по Дунаю.

Такъ приплылъ ребенокъ въ какое-то село, гдѣ одинъ человѣкъ взялъ его къ себѣ и выростилъ его. Со временемъ мальчикъ сталъ пастухомъ, но, узнавъ о своемъ происхожденіи, ушелъ въ свѣтъ.

Такъ пришелъ онъ, наконецъ, и въ свое родное село и нанялся къ своему отцу, не зная его, стеречь ночью пасѣку отъ кабана. По совѣту жены, старикъ пошелъ испытать новаго сторожа, причемъ надѣлъ тулупъ навыворотъ и урчалъ, подобно кабану. Сынъ убилъ его изъ ружья, а затѣмъ цѣлый годъ жилъ съ матерью, какъ съ женою. Только черезъ годъ имъ случайно открылась страшная тайна ихъ отношеній.

Тогда онъ пошелъ къ кузнецу и велѣлъ прибить себѣ на голову желѣзный обручъ, съ которымъ онъ скрылся въ келію и молился тамъ, не умываясь и не ѣдя ничего, цѣлый годъ. Послѣ этого обручъ спалъ съ его головы, а Богъ взялъ его съ тѣломъ къ себѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 120—124, 213, II, 236—237; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 70—73, VI, 97—107; Онищукъ: Мат. гуц. демон., 12—15; Kolberg: Pokucie, IV, 208—210; S. Barącz: Bajki, 71—72; Драгомановъ: Преданія, 130—131; его-же: Славянські перерібки Едіпової історії—Розвідки, IV, 1—196; Гринченко: Этн. мат., 63—66; Добровольскій: Смол. сб., I, 269—276; Federowski: Lud białor., II, 309—310; Ждановъ: Рус. был. эпосъ, 330; Костомаровъ: Памятники, II, 415—424; его-же: Собр. сочиненій, I, 181—196; „Zbiór wiad.", VII, 9—10, VIII, 115—126, XIII, 104—106; Ciszewski: Krakowiacy, I, 60—63; „Wisła", II, 762—766, VI, 54—79, 279—299; „Сб. Кавк.", IX, 2, 184—189; „Arch. f. sl. Phil.", V, 47—60, XI, 321—326; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 47—48; Oesterley: Gesta Rom., 291—294, 399—409, 641—646, 725, 746; Köhler: Kl. Schr., II, 173—203.

Мотивъ о предопредѣленіи судьбы при рожденіи см. еще: Малинка: Сб. мат., 291; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 195; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 244; Добровольскій: Смол. сб., I, 293; Federowski: Lud. białor., II, 312—314; „Arch. f. sl. Phil.", XXI, 280, 294.

Мотивъ о покаянныхъ веригахъ или цѣпяхъ см. № 14 и 43.

12.

Заколдованный охотникъ.

Одинъ лѣсникъ хорошо стрѣлялъ, но, для бо́льшаго успѣха въ охотѣ, чертъ научилъ его выплюнуть причастіе, положить на дубъ и выстрѣлить въ него. Послѣ выстрѣла причастіе исчезло, а охотникъ сошелъ съ ума и 7 лѣтъ бродилъ по лѣсу, причемъ все, что онъ стрѣлялъ, куда-то исчезало.

Однажды въ грозу онъ увидѣлъ чертенка, выскакивавшаго изъ-подъ плиты и смѣявшагося надъ молніей. Онъ убилъ его наповалъ, послѣ чего погода сразу прояснилась, а самъ онъ пришелъ въ себя, вспомнилъ все и нашелъ дорогу домой. Затѣмъ онъ исповѣдался и сталъ снова такимъ, какъ всѣ люди.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, I, 211—212; его-же: Етн. мат. Уг. Р., II, 147; его-же: Знадоби, II—2, 190; Онищукъ: Мат. гуц. демон., 116—117; „Ж. і Сл.", II, 180, III, 218, 372; Kaindl: Zauberglaube bei d. Huzulen—„Globus", LXXVI, 273—274; Драгомановъ: Преданія, 35, 42; Чубинскій: Труды, I, 19—20; Гринченко: Изъ устъ народа, 108, 289, 427; „К. Ст.", 1905, VII—VIII, 148; Nowosielski: Lud ukr., II, 165—166; Сержпутовскій: Ск. бѣлор.-полѣш., 23—25; Federowski: Lud bialor., I, 153; Добровольскій: Смол. сб., I, 105—108; „Ж. Ст.", IV, 487—488; „Этн. Об.", II, 95, 108—109, 115, V, 134, XVIII, 110; Садовниковъ: Сам. ск., 282, 380—381; Веселовскій: Разысканія, VIII, 327; „Zbiór wiad.", XV, 240; Kolberg: Lud, VIII, 133; „Lud", V, 372, VI, 197, 352, VII, 284; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 203—204, 228—229, II, 62—63, 224; „Zs. f. öst. Vk.", VI, 237; „Č. Lid", VIII, 97; „Arch. f. sl. Phil.", V, 641—642, XXI, 301; Jahn: Volkssagen, 330—331, 339—340; Müllenhoff: Sagen, 366—368, 549; Bartsch: Sage Meklenb., I, 155, 235.

13.

Великій грѣшникъ.

Одинъ купецъ возвращался домой, но на дорогѣ разлилась вдругъ вода, такъ что нельзя было переѣхать. За помощь, оказанную ему тутъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, онъ записалъ ему то, о чемъ дома не знаетъ. Запроданнымъ оказался его сынъ, котораго жена въ то время носила.

Мальчикъ выросъ хорошо и въ школѣ обогналъ всѣхъ товарищей, но, чтобы стать священникомъ, никакъ не могъ доучить послѣднихъ, необходимыхъ для этого, словъ. Во снѣ ему было открыто, что причиной этого была запись, данная на него отцомъ діяволу. По совѣту священниковъ, онъ отправился въ адъ и, съ помощью святой воды, отнялъ у чертей запись, послѣ чего уже легко доучился до конца и сталъ самъ священникомъ.

Однажды въ дорогѣ онъ заблудился въ лѣсу и попалъ къ разбойникамъ. Главный изъ разбойниковъ, убившій на своемъ вѣку много людей, и даже своихъ отца и мать, потребовалъ отъ него разрѣшенія отъ грѣховъ, угрожая въ противномъ случаѣ смертью. Тогда священникъ велѣлъ ему вбить въ землю палку, которою онъ убивалъ людей, и поливать ее, пока она не принесетъ плодовъ, а самъ уѣхалъ.

Спустя 10 лѣтъ случилось священнику опять проѣзжать черезъ тотъ-же лѣсъ. Пораженный необыкновеннымъ запахомъ

яблокъ, онъ остановился и увидѣлъ подъ яблоней сѣдого, какъ лунь, старика, въ которомъ узналъ бывшаго разбойника. Священникъ велѣлъ ему потрясти яблоню, выросшую изъ посаженной палки, и всѣ яблоки упали на землю, кромѣ двухъ — непрощенныхъ грѣховъ убійства отца и матери. Тогда священникъ исповѣдалъ его, послѣ чего онъ разсыпался прахомъ.

Параллели: Ю. А. Яворскій: Очерки по ист. рус. нар. словесности, I, 20—22; Игн. изъ Никловичъ: Казки, 3—7; Гнатюкъ: Легенды, II, 141, 146—153; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 121—124, III, 31—35, IV, 188—190; его-же: Знадоби, II—1, 67—70; Kolberg: Pokucie, IV, 145—154; его-же: Lud, VIII, 122—124, XIV, 197—210; Драгомановъ: Преданія, 130—131, 406—410; Гринченко: Этн. мат., I, 165—166; Матинка: Сборн. мат., 305—306; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 251—256; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 307—312, IV, 29—30; Federowski: Lud białor., II, 311—312; Аѳанасьевъ: Легенды, 91—97, 177—180; Садовниковъ: Сам. ск., 292—299; Худяковъ: Великор. ск., III, 95—97; „Ж. Ст.", XII, 465—467, XX—1, 97; „Этн. Об.", VI, 12—15; Сумцовъ: Очерки, 88—89; его-же: Разборъ Ром., 72—73; Веселовскій: Разысканія, X, 376—385; Ждановъ: Рус. был. эп., 325—338; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVI—2, 250—251; „Arch. f. slav. Phil.", XVII, 574, XIX, 245, 295, XXI, 297, XXVI, 458, XXXI, 603; Karłowicz: Podanie o Madeju—„Wisła", II, 804—814, III, 102—134, 300—305, 602—604, V, 43—59; „Zbiór wiad.", XI, 106—107, XVIII, 344—346; „Mat. antrop.", V, 3—5, 97—99, 176—177, X, 246—248; „Lud", VII, 139—140; Glinski: Baj. pol., IV, 5—25; Ciszewski: Krakowiacy, I, 67—72; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 119—121, II, 46—51, 268—281; „Slov. Pohl.", 1901, X, 596—597; Dobšinský: Prostonár. pov., II, 12—26; Václavek: Pohádky, I, 84—87; „Č. Lid", XI, 263—265; Polivka: Dr. příspěvky, 72—74, 103—106, 138; Красић: Нар. припов., II, 25—31; Strohal: Hrv. pripov., I, 75—91; Strausz: Die Bulgaren, 115—116; Schleicher: Lit. M., 75—79; Leskien-Brugmann: Lit. M., 500—504, 576; Schott: Wal. M., 165—171; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 135—137; „Zs. Ver. Vk.", XIII, 70—72; Luzel: Leg. chrét., I, 161—215, 267—281; Köhler: Kl. Schr., I, 403—404.

Мотивъ о записи по невѣдѣнію см. еще: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 10—12; Гнатюкъ: Легенды, II, 40—41; Роздольскій: Казки, I, 46; Чубинскій: Труды, II, 138—139, 219—220; Рудченко: Ю.-р. ск., I, 101, 109—110, 115—117; Драгомановъ: Преданія, 309—311; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 33; Сумцовъ: Разб. Ром., 80; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 55—56, 63, 166, 176; Шейнъ: Матеріалы, II, 266—267; Добровольскій: Смол. сб., I, 99, 158, 512; Federowski: Lud białor., II, 63, 243—245; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 3, 56, 60, 63, 66, 70, 73, 75, 78—79, 107; Худяковъ: Великор. ск., I, 58, 60; его-же: Матеріалы, 82, 98; Садовниковъ: Сам. ск., 67; Ончуковъ: Сѣв. ск., 309, 375; „Ж. Ст.", XVII—2, 232—233; Ждановъ: Р. был. эп., 316—333; „Zbiór

wiad.", V, 190—192, XI, 289, XVIII, 361; „Mat. antrop.", V, 148—149, VI, 363—364; Ciszewski: Krakowiacy, I, 22—29; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 242—248, 457—459, II, 344—348; Václavek: Pohádky, I, 68—69, 85; „Arch. f. slav. Phil.", XXI, 268; „Zs. f. öst. Vk.", III, 189—190; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 118—119, 131—132; Grimm: K. H. M., I, 66, 282—283, II, 6—7, 35—36, 115—116, 377—378, III, 22, 94—95, 166, 210, 321.—См. также № 41 и 101.

Мотивъ о чудесномъ прорастаніи палки или головни вообще см.: Ю. А. Яворскій: Очерки, I, 22; Порфирьевъ: Изсл. апокр. ветхозав., 112—114; Франко: Апокрифы, I, 87—88; Тихонравовъ: Памятники, I, 305—306, 309; его-же: Сочиненія, I, 166, прил., 50; Сумцовъ: Очерки, 88—89; Веселовскій: Разысканія, X, 371—378; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVI—2, 250—251; Ждановъ: Р. был. эп., 330—338; его-же: Сочиненія, I, 678; Dähnhardt: Natursagen, II, 265—268; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 112.

14.

Панщина.

Отецъ отдалъ сына въ городъ въ ученье, но запретилъ бить его. Черезъ 15 лѣтъ сынъ вернулся домой, ничему не научившись, а такъ какъ по хозяйству онъ тоже ничего не умѣлъ дѣлать, то не остался дома, только ушелъ въ лѣсъ разбойничать.

Спустя нѣсколько лѣтъ онъ встрѣтилъ въ лѣсу отца, который опять звалъ его домой на хозяйство, но онъ показалъ ему,—на опытѣ съ нагибаніемъ молодого и стараго дерева,—что теперь уже поздно чему-нибудь учиться, а затѣмъ убилъ его, зато, что онъ и самъ ничему не училъ его, и другимъ не позволялъ учить. Потомъ онъ убилъ еще проѣзжаго священника, но, наконецъ, ему опротивѣла эта жизнь, и онъ поступилъ къ одному помѣщику на службу.

Здѣсь послали его однажды въ городъ за мясомъ, но, когда открыли корзину, то нашли, вмѣсто мяса, голову священника. Въ виду этого чуда, разбойникъ признался въ своихъ преступленіяхъ, послѣ чего ему присудили привязать на спину кожаные мѣшки съ камнями и носить ихъ до тѣхъ поръ, пока они сами не спадутъ съ него.

Такъ скитался онъ по свѣту съ этими мѣшками 5 лѣтъ и, наконецъ, зашелъ однажды въ село, гдѣ былъ моръ, такъ что некому

было отбывать панщину. И вотъ видитъ онъ, что пьяный прикащикъ пошелъ на кладбище и билъ палкой по могиламъ, сгоняя на панщину покойниковъ. Возмущенный этимъ кощунствомъ, онъ убилъ прикащика, и въ ту-же минуту съ него спали мѣшки, а самъ онъ разсыпался прахомъ.

Напечатано на стр. 4—6 нашей статьи „Очерки по исторіи рус. нар. словесности. I. Легенда о панщинѣ", спеціально посвященной изслѣдованію литературной исторіи данной легенды. Тамъ-же сведена и литература предмета, которую, для большаго удобства справокъ, приводимъ здѣсь снова, дополняя ее рядомъ новыхъ, обнаруженныхъ нами лишь впослѣдствіи, библіографическихъ данныхъ:

Гнатюкъ: Легенды, I, 211, II, 143—145; Онищукъ: Мат. гун. демон., 14—15, 116—117; Драгомановъ: Преданія, 131—132; его же: Розвідки, IV, 99—100; „К. Ст.", 1884, X, 175; „Этн. Об.", XVII, 78—79; „Mat. antrop.", II, 98—99; Шейнъ: Матеріалы, II, 371—373; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 311—312, IV, 27; Federowski: Lud białor., II, 310—311; Аѳанасьевъ: Легенды, 94—97; Садовниковъ: Сам. ск., 294—295, 299—301; „Сб. Кавк", VII, 2, 51—53, XVI, 1, 198—203, XXVIII, 2, 22—24; Ристић-Лончарски: Срп. прип., 8—12; Grimm: K. H. M., II, 475—477.

Параболу о нагибаніи молодого и стараго дерева см.: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 20; Гнатюкъ: Легенды, II, 139—140; „Zbiór wiad.", V, 243; Grimm: K. H. M., II, 419.

Мотивъ объ явленіи убійцѣ головы или крови его жертвы см. еще: Ю. А. Яворскій: Очерки, II, 47; Гнатюкъ: Легенды, II, 114—115; S. Barącz: Bajki, 155; Kolberg: Pokucie, IV, 197—198; Садовниковъ: Сам. ск., 301—302; Ончуковъ: Сѣв. ск., 458; Luzel: Lég. chrét., II, 187—193; Sébillot: Tradit. H.-Bret., I, 265—266; Köhler: Kl. Schr., I, 154—155.

Мотивъ о покаянныхъ веригахъ см. № 11 и 43.

15.

Когда лучше страдать: съ молоду или на старость?

Зажиточные молодые супруги, вслѣдствіе постоянныхъ неудачъ въ хозяйствѣ, со временемъ совсѣмъ обѣднѣли. Тогда они обратились за совѣтомъ къ ворожеѣ, но сама она ничего имъ не сказала, только ея знахарь (домовой?) спросилъ ихъ, въ какомъ возрастѣ они предпочитаютъ бѣдствовать? Мужъ хотѣлъ отложить это на старость или хоть на средніе года, но жена настояла на томъ, чтобы отбыть всю бѣду сейчасъ, въ молодости.

Съ этимъ и пошли они въ свѣтъ. Однажды повстрѣчался имъ на дорогѣ какой-то баринъ въ каретѣ, который, бросивъ мужу кошелекъ съ деньгами, увезъ жену. Потомъ и деньги эти похитилъ воронъ, послѣ чего мужъ долго скитался по свѣту въ одиночествѣ и нуждѣ.

Наконецъ, въ одномъ городѣ ему удалось поступить на работу въ артель плотниковъ, съ которой онъ со временемъ пришелъ строить домъ и къ тому барину, который увезъ его жену. Здѣсь, срубывая въ лѣсу дубы на домъ, онъ нашелъ на одномъ изъ нихъ свои, похищенныя вороном, деньги. Такъ какъ барина не было дома, то плотники пошли съ этими деньгами на судъ къ барынѣ, и тутъ мужъ и жена узнали другъ друга. Въ то-же время пришло извѣстіе о смерти барина, послѣ чего соединившіеся вновь супруги остались полными хозяевами въ его имѣніи.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 184—192; его-же: Етн мат. Уг. Р., I, 82—103, III, 83—84; S. Baracz: Bajki, 13—14; Рудченко, Ю.-р. сказки, I, 161—163; Чубинскій: Труды, II, 539—540; Малинка: Сб. мат., 308—309; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 273—276; Шейнъ: Матеріалы, II, 159—161; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 330—334, IV, 45—46; Добровольскій: Смол. сб., I, 530—532; „Сборн. Кавк.", VII, 2, 213—219, XVIII, 3, 166—167; „Mat. antrop.", V, 48—49; Kolberg: Lud, XXI, 198—200; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żur., II, 314—318; „Arch. f slav. Phil.", XIX, 254—255, XXI, 294, XXVI, 461; Поливка: Бѣлѣжки, 23; „Č. Lid", XI, 444; Dobšinský: Prostonar. pov., IV, 39—42, Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 132—138; Шанкаревъ: Сборн. умотв., IX, 300; Strausz: Die Bulgaren, 106—107, 109; „Zs. Ver. Vk.", VI, 68; Lidzbarski: Neuaram. Hs., 108—113, 195—198; Rosen: Tuti-Nameh, II, 269—277; Oesterley: Gesta Rom., 444—451, 730; Köhler: Kl. Schr., II, 245—255, 351—354.

16.

Какъ чертъ соблазнилъ праведника въ церкви.

Одинъ парень до 20 лѣтъ не ходилъ въ церковь, только молился дома. Наконецъ, однажды, по настоянію родителей, онъ отправился въ церковь, причемъ по дорогѣ перешелъ черезъ

рѣку по верху воды, какъ по суху. Во время службы онъ увидѣлъ въ углу церкви чертенка, который записывалъ на шкурѣ людскіе грѣхи, а записавъ ее всю, хотѣлъ растянуть ее зубами и при этомъ перекувыркнулся вверхъ ногами. Парень засмѣялся, послѣ чего уже больше не видѣлъ чертенка, а на обратномъ пути замочился уже въ водѣ по колѣни, такъ какъ согрѣшилъ въ церкви и, такимъ образомъ, потерялъ свою святость.

Напечатано въ „Житьѣ и Словѣ", 1894, II, 349. Подробный историко-литературный обзоръ данной легенды сдѣланъ нами въ особомъ докладѣ, прочитанномъ 24 сентября и 8 октября 1906 г. въ Кіевскомъ Историческомъ О-вѣ Нестора-лѣтописца п. з.: „Три старца" Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня". См. „Чтенія въ Ист. О-вѣ Нестора-лѣтописца", XIX - 4, 1, 97—102.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 88—89, 239—240; его-же: Знадоби, II—1, 38; „Ж. і Сл.", II, 349—350; Драгомановъ: Преданія, 140—143; Гринченко: Этн. мат., I, 73—74, II, 152—154; „К. Ст.", 1888, XI, 267—268; Веселовскій: Zwei kleinruss. Legenden zu Rabelais— „Russ. Revue", 1874, V, 288—290; „Этн. Об.", V, 155—156, XXVIII, 104—105; Добровольскій: Смол. сб., I, 318; Federowski: Lud białor., I, 19, 34, II, 125—126; Сержпутовскій: Ск. бѣл.-полѣш., 101—103, 168—170; Шейнъ: Матеріалы, II, 373—376; „Ж. Ст.", II, 156; „Zbiór wiad.", V, 221, XVIII, 485; Kolberg: Lud. VIII, 143—144; Świętek: Lud nadr., 461—462; Toeppen: Abergl. Mas., 123—124; Grohmann: Sagen Böhm., 75; Cerny: Myth. byt., 234—235; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 105; Поливка: Бѣлѣжки, 11; „Arch. f. sl. Phil.", XIX, 261, XXI, 266, 280; Pauli: Schimpf u. Ernst, 209, 510.

Мотивъ о чертѣ, записывающемъ въ церкви людскіе грѣхи, см. еще: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., III, 43; „Ж. і Сл.", II, 352; Kolberg: Pokucie, IV, 201; „Этн. Об.", XXI, 88; Federowski: Lud białor., I, 18, 250, II, 220; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 328; „Zbiór wiad.", VII, 64—65; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 249—250, II, 232—233; „Sl. Pohl.", 1901, X, 598; Bolte: Der Teufel in der Kirche— „Zs. f. vergl. Lit.-gesch.", 1897, N. F., XI, 249—266.

Мотивъ о хожденіи по верху воды вообще см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 14, II, 137; его-же: Етн. мат. Уг. Р., IV, 35; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 44, 56, 61, 125; Federowski: Lud białor., I, 11; „Ж. Ст.", VII, 125; Ончуковъ: Сѣв. ск., 107; „Mat. antrop.", X, 277; Петровъ: Прологъ, 126; Пономаревъ: Памятники, IV, 59, 182—183; Франко: Св. Климент у Корсуні, 286; Шестаковъ: Изслѣдованія, 91—92; Migne: Curs. patr. lat., LXXIII, 1000.

17.

Какъ выходитъ душа изъ тѣла.

Служилъ солдатъ въ войскѣ 12 лѣтъ, потомъ обошелъ весь свѣтъ и все узналъ, кромѣ одного—какъ душа выходитъ изъ тѣла? Возвратившись домой, онъ, по совѣту священника, постился цѣлый годъ на хлѣбѣ и водѣ, затѣмъ исповѣдался и пошелъ къ одному умирающему, чтобы узнать, какъ будетъ выходить его душа? Тутъ онъ увидѣлъ, что въ окно влетѣлъ сѣрый голубь, сѣлъ на лицо умирающаго и въ поцѣлуѣ принялъ его душу. Потомъ опять пошелъ онъ къ одной умирающей женщинѣ и увидѣлъ здѣсь чернаго голубя, который влетѣлъ черезъ трубу и сталъ бить и клевать ее въ лицо. Священникъ объяснилъ ему, что въ первомъ случаѣ выходила изъ человѣка душа праведная, душа же той женщины была грѣшная, а потому забралъ ее діяволъ.

Параллели: Въ народной словесности намъ извѣстна только одна, болѣе или менѣе сходная, великорусская легенда—въ сборникѣ Аѳанасьева, стр. 87—88, причемъ здѣсь, однако, вмѣсто голубей, являются за душами просто добрые и злые ангелы смерти. Повидимому, данная легенда только случайно проникла въ русскую народную словесность—изъ книжныхъ, духовно-повѣствовательныхъ источниковъ, въ родѣ Патериковъ, Прологовъ и другихъ подобныхъ сборниковъ, въ которыхъ она встрѣчается довольно часто. См. напр.: Петровъ: Прологъ, 122—123, 135—137; Владиміровъ: Вел. Зерцало, 101—103; его-же: Къ изсл. о „Вел. Зерц.", 63—65; Migne: Curs. patr. lat., LXXIII, 1011.

Что же касается, въ частности, символическаго представленія объ ангелахъ смерти въ образѣ птицъ, то оно, являясь тоже, по всей вѣроятности, отраженіемъ книжной, духовной традиціи, въ то-же время распространено въ народной словесности довольно широко и прочно. См. напр.: Гнатюкъ: Русины Пряш., 63; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 83; Драгомановъ: Розвідки, IV, 85—86, 88; Владиміровъ: Др. р. лит., 169; Luzel: Lég. chrét., I, 172—173, 185—186, 200—202, 278—279, II, 18—29.—Въ общемъ, представленіе это находится, безъ сомнѣнія, въ прямой связи съ общимъ народно-поэтическимъ и легендарнымъ образомъ души-птицы. См. напр.: Аѳанасьевъ: Поэт. воззр., III, 214—226; Веселовскій: Слово о 12 снахъ Шахаиши, 15; Котляревскій: Сочиненія, III, 192—193; Перетцъ: Изсл. и мат., I—1, 260—264; Драгомановъ: Розвідки, IV, 115; Клингеръ: Животное, 47—100; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 114—116; Grimm: D. Myth., II, 690—691; Federowski: Lud bialor., I,

219; Kaindl: Die Seele—„Globus“, LXVII, 357—358; Negelein: Seele als Vogel—„Globus“, LXXIX, 357—361, 381—384; Dähnhardt: Natursagen, III, 476—486.

18.

Въ гостяхъ у мертвеца.

Два парня, любившіе одну и ту-же дѣвушку, условились между собою, что въ случаѣ, если одинъ изъ нихъ умретъ раньше, другой долженъ позвать его изъ могилы на свою свадьбу. Вскорѣ одинъ парень дѣйствительно умеръ, другой же сталъ готовиться къ свадьбѣ, причемъ пригласилъ на свадьбу всѣхъ своихъ знакомыхъ, а про умершаго товарища совсѣмъ забылъ. Только по дорогѣ къ вѣнчанію онъ вспомнилъ вдругъ о своемъ уговорѣ и побѣжалъ на кладбище, чтобы пригласить еще мертваго товарища на свадьбу. Могила раскрылась, и онъ вошелъ въ нее и пригласилъ покойника, послѣ чего тотъ угостилъ его виномъ и булками. Когда же онъ вышелъ изъ могилы, то не узналъ уже села ни людей. Всѣ его близкіе и знакомые уже поумирали, такъ какъ съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ. А затѣмъ, исповѣдавшись, и самъ онъ разсыпался прахомъ.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 134—139; его-же: Знадобы, II—2, 40—41; Гринченко: Этн. мат., I, 287—291; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 319; Ciszewski: Krakowiacy, I, 171—172; „Arch. f. sl. Phil.“, XVI, 319, XXI, 270; Müllenhoff: Sagen, 96, 413; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 282—283; Pauli: Schimpf u. Ernst, 319—320.

Мотивъ о чудесномъ провожденіи большого промежутка времени вообще см.: „Ж. і Сл.“, II, 187—188, III, 373—374; Франко: Карп.-рус. письм., 117, 121; Гнатюкъ: Легенды, I, 161—162, II, 52—53, 66—70, 134—139; Kaindl: Die Seele „Globus“, LXVII, 360; Аѳанасьевъ: Легенды, 117—118, 123—128; его-же: Сказки, I, 209, II, 82; Ончуковъ: Сѣв. ск., 287; Ровинскій: Р. нар. картинки, I, 160, III, 61—64, IV, 163, 533—534; Сумцовъ: Пушкинъ, 169—172; Владиміровъ: Вел. Зерцало, 24, 103; Federowski: Lud białor., II, 289, 296—299; Трейландъ: Лат. ск., 162—163; „Zbiór wiad.“, V, 218—219; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 53—56; „Arch. f. sl. Phil.“, XVII, 577, XXIX, 472; Grimm: K. H. M., I, 207—208; Pauli: Schimpf u. Ernst, 320—321, 537, 562; Bebel: Schwänke, II, 62—63, 144; v. d. Hagen: Gesammtaben-

teuer. III, 609—623; Liebrecht: Zur Volkskunde, 27—29; его-же: Gerv. v. Tilbury, 89; Wesselsky: Mönchslatein, 193—194, 257; „Germania", I, 12, III, 431; Köhler: Kl. Schr., II, 224—241, 427—4

19.

Нерожденныя дѣти.

Одна женщина сдѣлала себя посредствомъ колдовства безплодьой, а затѣмъ, раскаявшись, все ходила къ исповѣди, но ни одинъ священникъ не хотѣлъ отпустить ей этого грѣха. Наконецъ, мѣстный священникъ велѣлъ ей провести 3 ночи въ церкви: если съ ней тамъ ничего не случится, то значитъ, что грѣхъ ей прощенъ.

Въ первую ночь не видѣла она въ церкви ничего. Во вторую—вышла изъ-подъ пола гусыня съ гусятами, походила вокругъ нея и молча исчезла. Наконецъ, на третью ночь гуси—это были ея нерожденныя дѣти—бросились на нее съ упреками и стали клевать и рвать ее, пока не разорвали ее въ клочки.

Напечатано, съ историко-литературнымъ обзоромъ параллелей, въ „Живомъ Словѣ", 1899 г., I, 47—49, IV, 231. Тому-же легендарному сюжету, въ связи съ духовными стихами о грѣшной дѣвѣ, посвящена нами особая статья: „Очерки по ист. рус. нар. словесности. II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ и легенда о нерожденныхъ дѣтяхъ", Кіевъ, 1905.

Параллели: Гнатюкъ: Легенды, II, 128—129; Садовниковъ: Сам. ск., 247; „Ж. Ст.", VIII, 233; Federowski: Lud białor., II, 129; „Č. Lid", IX, 258; Grundtvig: Dän. Vm., II, 258—270; Ortoli: Contes Cors., 5—8; Luzel: Lég. chrét., II, 207—210; „Germania", XXVIII, 114, Bolte: Lenaus Gedicht Anna—„Euphorion", 1897, IV, 323—333; „Zs. Ver. Vk.", X, 436—438, XIV, 114—117.

20.

Скатерть, баранчикъ и коробъ.

Бѣдный братъ попросилъ у богатаго сала. Тотъ далъ ему кусокъ, но сказалъ при этомъ: „неси къ черту“! Такъ бѣднякъ и понесъ сало къ черту.

У большой рѣки онъ встрѣтилъ старика, который перенесъ его черезъ воду, а затѣмъ велѣлъ ему требовать отъ чертей за сало не что другое, какъ только барашка, коробъ и скатерть, да еще 3 горсти шкварокъ. Бѣднякъ сдѣлалъ такъ, и черти дали ему все это. На обратномъ пути тотъ-же старикъ перенесъ его опять черезъ рѣку, причемъ объяснилъ ему также чудесныя свойства полученныхъ имъ предметовъ, изъ которыхъ барашекъ могъ трусить изъ себя деньги, скатерть развертывала всяческія угощенія, а изъ короба выскакивали въ защиту владѣльца молодцы съ палками; шкварки же старикъ велѣлъ ему нести въ сумкѣ домой.

По дорогѣ бѣднякъ заснулъ, проснувшись же, увидѣлъ возлѣ себя цѣлое стадо барановъ и овецъ, которые всюду бѣжали за нимъ; это были человѣческія души, вынесенныя имъ въ видѣ шкварокъ изъ ада и превратившіяся теперь въ барановъ и овецъ. Тутъ снова явился ему тотъ-же старикъ—это былъ самъ Господь—и, поставивъ его на свою ногу, показалъ ему лѣстницу, по которой всѣ эти души поскакали въ небо, а затѣмъ обѣщалъ взять по смерти и его тоже въ свое царство.

Придя домой, бѣднякъ позвалъ къ себѣ богатаго брата, угостилъ его со своей скатерти и далъ ему денегъ отъ барашка, разсказавъ при этомъ все, что съ нимъ произошло. Завистливый богачъ донесъ объ этомъ барину, который отнялъ у бѣдняка скатерть и барашка, но затѣмъ, подъ ударами палокъ изъ его короба, долженъ былъ возвратить ему все обратно.

Параллели: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 81—96, V, 202—209; Чубинскій: Труды, II, 344—354; Манжура: Сказки, 55—57, 74—76; Рудченко: Сказки, II, 125—139; Малинка: Сборникъ мат., 309—310; Ястребовъ: Матеріалы, 129—130; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 161—165; Романовъ: Бѣлор. сборникъ, III, 271—283, 402, IV, 205—206; Сумцовъ: Разб. Ром., 66—67; Добровольскій: Смол. сборникъ, I, 585—590, 597—606; Federowski: Lud białor., I, 95—96,

161—162, II, 144—145; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 217—221, IV, 181—182; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 304—313; Худяковъ: Великор. ск., II, 49—54, его-же: Матеріалы, 18—20, 38—39; Садовниковъ: Сам. ск., 136—139; Иваницкій: Мат. волог., 188—189; Ончуковъ: Сѣв. ск., 66—68, 272—274, 320; „Ж. Ст.", XX—1, 98; „Этн. Об.", XII, 59, XXXVII, 127—128; „Сб. Кавк.", XV, 2, 168—170, XXVI, 2, 216—221, XXVII, 5, 8—13; „Zbiór wiad.", V, 189—190, 200—203, IX, 84—86, XI, 110—111, 288—289, XV, 27—28, XVI, 51—52; „Mat. antrop.", II, 79—80, V, 222—224, VI, 375—376, X, 257—258; Kolberg: Lud, III, 112—113, 145—146, VIII, 127—128, XIV, 22—29, 212—217; его-же: Przemyskie, 218—226; Ciszewski: Krakowiacy, I, 166—170; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 166—170; „Wisła", VIII, 531—535; Gliński: Baj. pol., I, 202—212, IV, 101—115; Toeppen: Abergl. Mas., 147—148; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 37—39, 74—77; Dobšinský: Prostonár. pov., I, 17—31, III, 59—64; „Slov. Pohl.", 1896, 322—324; Красић: Нар. прип., I, 15—21; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 45—49; „Národop. Sb.", III, 122, 126, IV—V, 134, VII, 129; „Arch. f. slav. Phil.", XVII, 577, XXI, 299—300, XXVI, 469, XXXI, 277, XXXIII, 597; Schleicher: Lit. M., 105—108; Leskien-Brugmann: Lit. M., 464—467, 488—490, 573; „Ung. Revue", VIII, 332; Schott: Wal. M., 204—213; Stier: Ung. M., 79—83; Schmidt: Griech. M., 114—115; Gonzenbach: Sicil. M., I, 335—339, II, 235; Basile: Pentamerone, I, 15—27; Ortoli: Contes Cors., 171—178; Carnoy: Litt. or. Picard., 308—315; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 213—217; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера", 190; Потанинъ: Очерки, IV, 357—358, 538; „Germania", XIV, 84—85; Grimm: K. H. M., I, 185—192, III, 65—66; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 349—361; Köhler: Kl. Schr., I, 47, 67.

Мотивъ о ношеніи милостыни къ черту или къ Богу см. еще: Гнатюкъ: Легенды, II, 174—179; „Ж. і Сл.", IV, 97—100; Драгомановъ: Преданія, 49—50; Гринченко: Этн. мат., I, 179—181, II, 83—85; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 271—273; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 320—321; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 133—134; Köhler: Kl. Schr., I, 67.

Мотивъ о душахъ въ видѣ шкварокъ и овецъ см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 59; его-же: Знадобы, II—1, 40—41; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 7, VI, 36—37; Federowski: Lud białor., I, 226; „Этн. Об.", XVIII, 112—113; „Zbiór wiad.", V, 219—220, XVIII, 482—483; „Mat. antrop.", V, 108, VI, 377, 387, XI, 39; „Wisła", VII, 31—32; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 280; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 178—182.

21.

Волшебный конь.

У одного человѣка было 12 сыновей. За годъ службы у барина они получили по коню, причемъ младшій сынъ, глупый, выбралъ себѣ самаго плохого коня. Затѣмъ сыновья просили отца найти имъ въ жены 12 сестеръ. Старикъ встрѣтилъ на дорогѣ барыню, у которой оказалось 12 дочерей; она тотчасъ согласилась отдать ихъ въ жены его сыновьямъ, причемъ дураку была опредѣлена самая младшая изъ нихъ, лежавшая еще, несмотря на свои 17 лѣтъ, въ колыбели.

Поѣхали братья къ барынѣ свататься. Тутъ конь дурака открылъ имъ, что они ѣдутъ къ вѣдьмѣ, и научилъ ихъ, какъ вести себя, чтобы она ихъ не съѣла: не отдавать коней ея слугамъ, а изъ 3-хъ хлѣбовъ и 3-хъ бутылокъ вина, которые она вышлетъ имъ на встрѣчу, съѣсть только 2 хлѣба и выпить только 2 бутылки, не уронивъ при этомъ ни одной крохи или капли на землю. Братья все это исполнили. Послѣ ужина вѣдьма уложила ихъ спать попарно съ дочерьми, дурака же положила къ младшей дочери въ колыбель. По совѣту коня, братья перемѣнились мѣстами съ дочерьми вѣдьмы, вслѣдствіе чего послѣдняя, вмѣсто имъ, отрубила въ потьмахъ головы своимъ дочерямъ, пощадивъ только невѣсту дурака, а затѣмъ улетѣла на границу къ колдунамъ. Тогда братья, снова предупрежденные конемъ, стали убѣгать, но вѣдьма, возвратившись съ границы, погналась за ними, сѣвъ на своего золотого коня и взявъ перо золотой утки и золотой волосъ младшей дочери, чтобы освѣщать себѣ путь. Однако, братья успѣли ускакать черезъ границу и возвратились благополучно домой, только младшій отсталъ и спрятался въ кустахъ; но вѣдьма его не замѣтила и вернулась ни съ чѣмъ, потерявъ притомъ золотые перо и волосъ, а конь ея потерялъ золотую подкову.

Вопреки совѣтамъ своего коня, дуракъ поднялъ утерянныя вѣдьмой золотыя вещи, а затѣмъ поступилъ на службу къ одному барину. Въ конюшнѣ онъ, вмѣсто фонаря, повѣсилъ золотое перо, въ виду чего баринъ велѣлъ ему достать золотую утку, съ которой было это перо. Съ помощью коня дуракъ похитилъ утку у вѣдьмы изъ-за 3-хъ дверей. Затѣмъ, узнавъ о

золотой подковѣ, которую дуракъ, въ свою очередь, повѣсилъ въ конюшнѣ, баринъ велѣлъ ему привести потерявшаго ее коня. Дуракъ опять поѣхалъ къ вѣдьмѣ, поставилъ своего коня, по его указанію, передъ ея домомъ въ яму по колѣни и покрылъ его 12-ю шкурами, просмоленными смолою изъ 12-ти бочекъ; когда его конь заржалъ 3 раза, прибѣжалъ къ нему, сорвавъ своихъ 3 цѣпи, конь вѣдьмы, вонзился зубами въ шкуры и застрялъ въ нихъ, послѣ чего дуракъ уже легко привелъ его къ барину. Наконецъ, баринъ узналъ также о свѣтившемъ въ конюшнѣ золотомъ волосѣ и велѣлъ дураку привезти ему самую дѣвицу, которой принадлежалъ этотъ волосъ. На своемъ волшебномъ конѣ дуракъ увезъ у вѣдьмы также и ея дочку, вмѣстѣ съ колыбелью, но не хотѣлъ уже отдать ее барину, такъ какъ это была его невѣста.

Тогда баринъ велѣлъ надоить большой котелъ молока и вскипятить его, чтобы дуракъ выкупался и погибъ въ немъ. Но тотъ привелъ своего коня къ котлу, и какъ только послѣдній на него 3 раза фыркнулъ, молоко сейчасъ остыло, такъ что онъ окунулся въ него безъ малѣйшаго вреда и вышелъ еще лучшимъ молодцомъ, чѣмъ былъ прежде. Тогда баринъ, желая помолодѣть, въ свою очередь, прыгнулъ въ котелъ, но конь снова трижды фыркнулъ, молоко закипѣло, и баринъ сварился въ немъ на смерть. Послѣ этого дуракъ женился на своей невѣстѣ и остался хозяиномъ въ имѣніи барина.

Волшебный же конь сталъ теперь просить своего хозяина, чтобы онъ вывелъ его въ поле и застрѣлилъ, такъ какъ иначе и самъ онъ жить не будетъ; когда же тотъ, уступая его настояніямъ, застрѣлилъ его, онъ разсыпался прахомъ и развѣялся по вѣтру.

Параллели: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 64—68; Роздольскій: Казки, II, 61—65, 85—86, 124—129, 149—150; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 209—229; Драгомановъ: Преданія, 286—290, 333—338; Чубинскій: Труды, II, 36—40, 290—293; Манжура: Сказки, 46—47; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 128—135; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 228—250, VI, 288—297, 362—370; Шейнъ: Матеріалы, II, 51—52, 276—283; Weryho: Pod. białor., 26—31; Federowski: Lud białor., II, 293—295; Добровольскій: Смол. сб., I, 632—633; „Этн. Об.“, XXI, 143—145, XXII, 106; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 263—268; Эрленвейнъ: Нар. ск., 39—43; Худяковъ: Великор. ск., I, 100—103, III, 126—129; его-же: Матеріалы, 121—127; Садовниковъ: Сам. ск., 73—77, 190—197; Смирновъ: Систем. указатель

—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 158—161; „Сб. Кавк.“, XIV, 2, 97—102 XVIII, 3, 72—78, XXVIII, 2, 120—124, XXXIII, 3, 69—74, XLII, 2, 15—20; Kolberg: Pokucie, IV, 132—144; его-же: Chełmskie, II, 95—98; его-же: Lud, VIII, 33—35, XIV, 57—62, XIX, 234—236; „Zbiór wiad.“, V, 252—254, XI, 113—118, 264—266; „Mat. antrop.“, VI, 411—413; Nowosielski: Lud ukr., I, 327—338; Gliński: Baj. pol., II, 5—42, IV, 54—74; „Lud“, II, 46—53; „Wisła“, VIII, 524—531; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 153—155, 436—443, 453—457, II, 159—163, 328—336; Leskien-Brugmann: Lit. M., 360—363, 526—530; Němcova: Nár. báchorky, II, 171—185; Václavek: Pohádky, II, 33—42; „Národop. Sb.“, III, 101; Поливка: Бѣлѣжки, 4; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 341—351; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 5—7; „Arch. f. sl. Phil.“, I, 276—279, V, 64—66, 75—78, XIX, 250, 258, XXXI, 599; Grimm: K. H. M., II, 191—195; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 483—486; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 37—41, 81—85; „Zs. f. öst. Vk.“, II, 189, 223, IV, 159; Grundtvig: Dän. Vm., II, 4—23; Gonzenbach: Sic. M., I, 201—205, II, 149—155, 254—256; Schott: Wal. M., 184—193; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 306—309; Radloff: Proben, IV, 443; „Orient u. Occident“, II, 300—301; Köhler: Kl. Schr., I, 195—196, 305—308, 411, 413—414, 464, 467—469, 542, 546—551. См. также слѣдующій № 22.

Мотивъ о женитьбѣ нѣсколькихъ братьевъ на невѣстахъ—сестрахъ см. еще: „Наука“, 1896, VIII—XI, 603—606; Чубинскій: Труды, II, 409—410; Federowski: Lud białor., II, 177; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 88—89; „Сб. Кавк.“, XIII, 2, 308, XIV, 2, 205, XVIII, 1, 64—69, XXVII, 2, 129—130, XXIX, 4, 5, XXXIII, 3, 43—44; Świętek: Lud nadr., 337—338; „Arch. f. sl. Phil.“, XXI, 297; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 148—150; Stier: Ung. M., 28—34; Radloff: Proben, IV, 443—447; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 190, 214.

Мотивъ о перемѣнѣ мѣстъ или головныхъ уборовъ съ дочерьми вѣдьмы см. еще: „Наука“, 1896, VIII—XI, 604—605; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 89; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 354; „Národop. Sb.“, IV—V, 150, VI, 220; Carnoy: Litt. or. Picard., 257—260; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 124—126, 499—501.

Мотивъ о купаньи въ кипящемъ молокѣ см. еще: Роздольскій: Казки, I, 81; Рудченко: Сказки, I, 95; Чубинскій: Труды, II, 11, 14, 303; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 246; Nowosielski: Lud ukr., I, 276—277; Шейнъ: Матеріалы, II, 46—47, 397; Němcova: Nár. báchorky, I, 28—29; „Arch. f. sl. Phil.“, XIX, 250, 261.

— —

22.

Джунджаловичъ и сыроѣдъ.

У одного богача было 12 сыновей, которыхъ онъ хотѣлъ женить только на 12-ти сестрахъ. Братья нашли 12 дочерей у одноглазаго сыроѣда, который тутъ-же уложилъ ихъ спать попарно, причемъ парни имѣли на головахъ шапки, а дѣвушки—платки. Старшій братъ, Джунджаловичъ, слышалъ ночью, какъ сыроѣдъ сговаривался съ женой, чтобы ихъ во снѣ зарѣзать: тогда онъ переложилъ шапки съ братьевъ на дочерей сыроѣда, а платки послѣднихъ—на братьевъ. Такимъ образомъ, сыроѣдъ съ женой порѣзали въ потьмахъ своихъ дочерей, братья же благополучно убѣжали домой.

Но Джунджаловичъ возвратился назадъ къ сыроѣду, чтобы зарѣзать его жену. Тотъ, въ свою очередь, хотѣлъ его зарѣзать, но онъ предложилъ ему откормить его прежде орѣхами, булками и сахаромъ, чтобы изъ него вышло жирное жаркое. Сыроѣдъ откормилъ его хорошо и велѣлъ женѣ зажарить его въ печи, а самъ пошелъ звать гостей на пиръ. Притворяясь неповоротливымъ при посадкѣ въ печь, Джунджаловичъ втолкнулъ туда и сжарилъ жену сыроѣда, которую затѣмъ, не узнавъ, съѣли мужъ и его гости, а самъ снова бѣжалъ.

Затѣмъ онъ, однако, возвратился къ сыроѣду еще разъ, чтобы закопать его самого въ землю. Онъ сталъ рубить передъ его домомъ ель и объяснилъ ему, что это онъ дѣлаетъ гробъ, въ который хочетъ забить Джунджаловича. Съ помощью сыроѣда онъ сколотилъ изъ ели гробъ, оковалъ его крѣпко у кузнеца, а затѣмъ предложилъ сыроѣду испробовать его прочность, чтобы Джунджаловичъ не вырвался изъ него. Когда же сыроѣдъ ложился въ гробъ, онъ забилъ его тамъ и пустилъ по водѣ.

Параллели: Kolberg: Pokucie, IV, 53—58, 141—144; „Сборн. Кавк.“, II, 2, 133—137, IX, 2, 162—167, XLII, 2, 79—81; „Mat. antrop.“, VIII, 154—159; Трейландъ: Лат. ск., 204—211; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 74—79; „Národop. Sb.“, VI, 220; Красиѣ: Нар. прип., II, 16—20; Шапкаревъ: Сборн. умотв., IX, 347—349; „Arch. f. sl. Phil.“, I, 282—283; Hahn: Griech. u. alb. M., II, 178—183; Basile: Pentamerone, I, 346—354; Gonzenbach: Sic. M., II, 143—149, 254—256; Vinson: Folklore basque, 81—92; Carnoy: Litt. or. Picard., 241—251; Köhler:

Kl. Schr., I, 305—308, 414, 546—551.—См. также—въ особенности, относительно начальнаго мотива о женитьбѣ 12 братьевъ на 12 дочеряхъ сыроѣда—выше № 21.

Вообще о людоѣдахъ-песиглавцахъ, къ разряду которыхъ, повидимому, слѣдуетъ отнести также и нашего одноглазаго сыроѣда. см.: Драгомановъ: Розвідки, I, 152—155; Веселовскій: Изъ ист. ром. и пов., I, 453—476.—См. также ниже—№ 54.

Мотивъ о бросаніи въ печь жены или дочери людоѣда см. еще: „Ж. і Сл.", III, 376; Роздольскій: Казки, I, 68: Онищукъ: Мат. гуц. демон., 138—139; S. Barącz: Bajki, 236; Драгомановъ: Преданія, 354—355; Мордовцевъ: Малор. сб., 368; Кулишъ: Записки, II, 18: Малинка: Сб. мат., 273; Шейнъ: Матеріалы, II, 47—48, 72—73, 275—276: Романовъ: Бѣлор. сб., III, 265—266, 268, 269—270; Добровольскій: Смол. сб., I, 499—500; Federowski: Lud białor., II, 64, 171—173; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 90—95, 100; Ончуковъ: Сѣв. ск., 101, 191—192; „Сб. Кавк.", XV, 2, 134; Веселовскій: Поэтика, II—1, 19; „Zbiór wiad.", II, 152—153, V, 231, XVIII, 317—318; „Mat. antr.", V, 120: Ciszewski: Krakowiacy, I, 77—78, 162; Трейландъ: Лат. ск., 68, 105—106; Němcova: Nár. báchorky, I, 310; Václavek: Pohádky, I, 67—68; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 79—81; „Národop. Sb.", III, 117; „Arch. f. sl. Phil.", XIX, 244—245, 250—251; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 162—164; Grimm: K. H. M., I, 85—86; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 115—126; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 77—78, II, 110—111; Остроумовъ: Сарты, II, 4—5, 10—11; Буслаевъ: Очерки, I, 32; Köhler: Kl. Schr., I, 414.

Мотивъ о плѣненіи подъ предлогомъ примѣрки гроба см. еще: Ю. А. Яворскій: Преданіе о смерти Костя Джуловича и его источники—„Научно-лит. Сборн. Гал.-рус. Матицы", 1901, I—2, 171—176; Аѳанасьевъ: Легенды, 58—60: Ждановъ: Сочиненія, I, 650—658; Миллеръ: Очерки, I, 377—386; Шамбинаго: Старины о Святогорѣ и поэма о Калеви-поэгѣ —„Журналъ М. Н. Пр.", 1902, I, 50—52: Ciszewski: Krakowiacy, I, 162; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 211—212, II, 57; „Národop. Sb.", VI, 220; Gonzenbach: Sic. M., I, 200—201; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 78; „Arch. f. sl. Phil.", I, 273: Weil: Bibl. Leg., 189—190; Köhler: Kl. Schr., I, 305—307, 410, 414, 546—551: Dähnhardt: Natursagen, III, 505.

23.

Волшебный волкъ.

а). У царя была золотая груша, но каждую ночь золотая птица похищала съ нея плоды. Въ то-же время къ царской дочери посватались три брата-царевича,—два умныхъ и третій дуракъ,—и царь обѣщалъ отдать ее въ жены тому изъ нихъ, кто достанетъ ему эту птицу.

Царевичи поѣхали за птицей, причемъ дуракъ взялъ съ собою также собаку и кота. Въ пути, во время ночевокъ въ лѣсу, къ дураку все подходилъ волкъ, чтобы его съѣсть, но онъ, вмѣсто себя, отдалъ ему въ первую ночь — собаку, на другую—кота, а на третью—коня.

Послѣ этого волкъ сталъ служить дураку. Сперва онъ повезъ его на себѣ къ замку, гдѣ находилась золотая птица, и велѣлъ ему, не трогая послѣдней, взять другую, маленькую птичку, за которой уже сама полетитъ и золотая. Однако, дуракъ не послушался и сразу схватилъ клѣтку съ золотой птицей, но тутъ-же зазвонили звонки, и онъ былъ пойманъ сторожами. Царь этого замка велѣлъ ему достать золотого пса, взамѣнъ за котораго онъ обѣщалъ ему дать птицу. Дуракъ поѣхалъ опять на волкѣ въ другой замокъ, но снова ослушался его наставленій и схватилъ, вмѣсто паршиваго пса, сразу золотого, такъ что попался снова. Этотъ царь, въ свою очередь, велѣлъ ему достать, взамѣнъ за пса, золотого коня. Тутъ ужъ волкъ взялся самъ привести этого коня, лишь-бы дуракъ во время вспомнилъ о немъ: „Гей, гей, милый Боже, гдѣ мой волкъ?“ Волкъ досталъ коня, но не велѣлъ отдавать его царю, а самъ принялъ его видъ, такъ что дуракъ вымѣнялъ у царя за золотого пса не настоящаго коня, а волка, который затѣмъ, по произнесеніи имъ тѣхъ-же словъ, возвратился къ нему назадъ. Такимъ же обманнымъ образомъ вымѣняли они у другого царя золотую птицу, послѣ чего волкъ оставилъ дураку золотыхъ животныхъ и птицу и, запретивъ ему останавливаться по дорогѣ, разстался съ нимъ.

Однако, дуракъ опять не послушался совѣта волка и, встрѣтивъ около одной корчмы своихъ братьевъ, остановился съ ними. Братья, увидѣвъ у него золотыхъ животныхъ и птицу, которой они не успѣли достать, отняли ихъ, а его убили и бросили въ ровъ. Здѣсь нашелъ его, однако, волкъ, который тутъ-же, взамѣнъ за пойманнаго имъ вороненка, получилъ отъ вороны немного живой воды, оживилъ ею мертваго и далъ ему скрипку, чтобы онъ шелъ на свадьбу къ братьямъ.

Между тѣмъ, на свадьбѣ, которую справлялъ одинъ изъ братьевъ дурака съ дочерью царя, было очень печально, словно на похоронахъ. Когда же явился дуракъ и заигралъ на своей скрипкѣ, то всѣ развеселились, а затѣмъ, когда онъ разска-

залъ о своихъ приключеніяхъ и обличилъ коварство братьевъ, царь выдалъ дочь за него, а его братьевъ велѣлъ разстрѣлять.

б). У царя было три сына: два умныхъ, а третій дуракъ. Такъ какъ въ царскомъ саду каждую ночь кто-то обрывалъ черешни, то царь велѣлъ сыновьямъ по очереди сторожить ихъ. Оба умныхъ сына проспали всю ночь и не поймали вора. Только дуракъ, обложившись терновникомъ, не уснулъ, такъ что увидѣлъ золотую птичку, которая прилетала клевать черешни; но онъ не успѣлъ поймать ее, а только вырвалъ у нея хвостъ, который и показалъ утромъ отцу. Послѣдній же велѣлъ тогда сыновьямъ достать ему и самую птицу.

Братья поѣхали, но дуракъ, взявшій самую плохую лошадь, скоро отсталъ отъ нихъ, а затѣмъ, отдавъ лошадь на съѣденіе голодному волку, вскочилъ на послѣдняго и велѣлъ везти себя къ золотой птицѣ. Волкъ привезъ его къ замку, въ которомъ находилась эта птица, но совѣтовалъ брать ее одну, безъ клѣтки. Дуракъ не послушался, а хотѣлъ взять также и золотую клѣтку, которая произвела при этомъ такой шумъ, что сторожа проснулись и схватили его, однако, потомъ обѣщали дать ему птицу, если онъ привезетъ имъ взамѣнъ золотую бричку. Онъ поѣхалъ тогда на волкѣ за бричкой, но опять былъ схваченъ сторожами, такъ какъ, вопреки совѣту волка, хотѣлъ захватить, кромѣ брички, еще и серебряное сѣдло. Здѣсь потребовали отъ дурака взамѣнъ за бричку—золотыхъ лошадей, которыхъ онъ, однако, опять не досталъ, такъ какъ снова нарушилъ совѣтъ волка и пытался взять вмѣстѣ съ ними и уздечки. Однако, эти сторожа, въ свою очередь, обѣщали отдать ему лошадей, если онъ достанетъ имъ золотую дѣвицу. Въ этотъ разъ онъ уже послушался волка и счастливо унесъ дѣвицу, не тронувъ ея золотой короны. На обратномъ пути ему отдали золотыхъ лошадей, не взявъ дѣвицы, затѣмъ отдали бричку, не взявъ лошадей, а наконецъ, даромъ же отдали ему и золотую птицу.

Послѣ этого дуракъ разстался съ волкомъ и поѣхалъ домой. По дорогѣ онъ встрѣтилъ своихъ двухъ братьевъ и принялъ ихъ въ бричку, послѣ чего тотчасъ все, предчувствуя бѣду, осоловѣло: и дѣвица, и птица, и лошади, и бричка. Дорогой

братья срубили дураку голову и бросили ее въ одну сторону, а туловище въ другую, и поѣхали домой. Однако, волкъ нашелъ голову и туловище дурака, сложилъ ихъ вмѣстѣ и помазалъ своими мазями, и дуракъ ожилъ. Тогда они пошли вмѣстѣ къ царю. Тамъ на дворѣ волкъ велѣлъ дураку сдвинуть плиту, послѣ чего онъ обратился въ человѣка и оказался принцемъ, котораго злая волшебница превратила на тысячу лѣтъ въ волка, а теперь дуракъ освободилъ отъ заклятья. Затѣмъ они вошли оба во дворецъ къ царю, гдѣ старшій братъ уже праздновалъ свадьбу съ золотой дѣвицей, но при этомъ все было грустно; когда же появились они оба, все сразу развеселилось. Они разсказали царю о предательствѣ братьевъ, послѣ чего дуракъ женился на золотой дѣвицѣ, а братья его были изгнаны прочь.

Параллели: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 76—84, V, 34—43; S. Barącz: Bajki, 183—186; Kolberg: Pokucie, IV, 113—118; его-же: Lud, VIII, 48—52; Рудченко: Сказки, I, 153—156; Чубинскій: Труды, II, 297—300; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 250—253; Federowski: Lud białor., II, 42—44, 58—62; Weryho: Pod. białor., 38—42; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 258—263, 266—267; Худяковъ: Великор. ск., I, 1—7; Ончуковъ: Сѣв. ск., 235—238; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 136—147, IV, 159—161; Смирновъ: Сист. указат.—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 161—163; „Сб. Кавк.“, XXXIII, 3, 35—40; „Zbiór wiad.“, VII, 70—73, VIII, 306—308, XI, 96—98, XII, 51—54; „Mat. antr.“, V, 142—146, 238—239, VI, 167—169, X, 253—254; Chelkowski: Opow. Przasn., I, 202—214; Ciszewski: Krakowiacy, I, 186—188; Gliński: Baj. pol., I, 11—31; Трейландъ: Лат. ск., 211—229; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 24—30, 267—271; Leskien-Brugmann: Lit. M., 363—375, 530—537; Beneš-Třebizský: Nár. poh., 61—72; „Národop. Sb.“, IV—V, 176, VI, 222, VII, 220; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 12—19; „Arch. f. sl. Phil.“, XVII, 578, XXXI, 274; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 56—64; Schott: Wal. M., 253—262; Radloff: Proben, I, 42—59, IV, 146—154; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 192; „Or. u. Occ.“, II, 685—686; Büttner: Märch. Suaheli, 113—125; Grimm: K. H. M., I, 290—298, III, 98—100, 308; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 503—515; Köhler: Kl. Schr., I, 110, 264—265, 537—541.

Мотивъ о воронѣ, приносящемъ живую воду, см. еще: Роздольскій: Казки, I, 35; „Наука“, 1894, I—II, 52; Гринченко: Этн. мат., I, 162—163; Ястребовъ: Матеріалы, 148; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 112; Шейнъ: Матеріалы, II, 51—52, 79, 91, 177; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 43—44, 72, 139, 231, 237—238, 250, VI, 12, 228, 318, 330—331; Добро-

вольскій: Смол. сб., I, 409—410, 452—453; Weryho: Pod. białor., 30—31; Federowski: Lud białor., I, 113, 126, II, 40—41, 61, 85, 116; Худяковъ: Великор. ск., I, 18—19, II, 42—43, III, 128—129; Эрленвейнъ: Нар. ск., 10, 62, 137, 166; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 145—146, 262, 278, II, 12; Ончуковъ: Сѣв. ск., 22—23, 267; Миллеръ: Очерки, I, 226; Костомаровъ: Памятники, II, 321; „Zbiór wiad.", XII, 30; Трейландъ: Лат. ск., 228; Grundtvig: Dän. Vm., II, 20—21; Radloff: Proben, II, 196—199.

24.

Герой освобождаетъ три царевны.

a). Сынъ кузнеца до 8-ми лѣтъ сосалъ материнскую грудь и сидѣлъ за печкою, а затѣмъ, призвавъ своихъ крестныхъ родителей, вдругъ соскочилъ съ печки, причемъ, отъ своей великой силы, погрязъ по колѣни въ землю. Послѣ этого, взявъ съ собою желѣзную палку въ 3 цэтнара и цѣпь въ 50 саженъ, онъ пошелъ въ свѣтъ.

Въ одномъ селѣ онъ увидѣлъ въ церкви гробъ, висѣвшій въ воздухѣ, узнавъ же, что въ немъ лежитъ несостоятельный должникъ, онъ уплатилъ за мертваго всѣ долги, послѣ чего гробъ опустился на землю и былъ похороненъ.

Сынъ кузнеца пошелъ дальше и встрѣтилъ въ лѣсу двухъ разбойниковъ, съ которыми и поселился вмѣстѣ въ лѣсной хатѣ. Два раза ходилъ онъ съ однимъ изъ товарищей на охоту, между тѣмъ, какъ другой оставался варить обѣдъ, и оба раза приползало въ хату малое дитя, съѣдало весь обѣдъ, выдирало у повара полосу кожи изъ спины и вѣшало ее на стѣнѣ, а затѣмъ куда-то исчезало. Наконецъ, сынъ кузнеца остался уже самъ варить обѣдъ, когда же опять явилось дитя и потребовало ѣсть, онъ избилъ его своей желѣзной палкой такъ, что оно еле убѣжало, оставляя кровавый слѣдъ по землѣ, въ свою нору.

Взявъ палку и цѣпь, герой пошелъ съ обоими товарищами по слѣдамъ къ норѣ, въ которой скрылось дитя. Такъ какъ товарищи не хотѣли спуститься въ нее, то онъ самъ спустился туда на цѣпи и увидѣлъ, что это былъ адъ, а въ числѣ діяволовъ находилось и то малое дитя, которое являлось въ ихъ хату. Тутъ онъ сталъ избивать чертей своей палкой,

пока они не отдали ему трехъ царевенъ, похищенныхъ ими со свѣта. Затѣмъ онъ привязалъ къ цѣпи корыто, въ которомъ товарищи его подняли наверхъ всѣхъ трехъ царевенъ, послѣ чего, предчувствуя измѣну, онъ не сѣлъ въ него самъ, а положилъ туда камень, который коварные товарищи, поднявъ на половину, сбросили внизъ, а сами съ царевнами ушли въ свою хату.

Оставленный въ аду, сынъ кузнеца снова принялся избивать чертей, чтобы они вынесли его на свѣтъ. Выбравшись, такимъ образомъ, наверхъ, онъ нашелъ товарищей въ той-же хатѣ, но царевенъ діяволы снова похитили и унесли на стеклянную гору. Онъ пошелъ съ товарищами къ этой горѣ, велѣлъ зашить себя, вмѣстѣ съ палкой и цѣпью, въ лошадиную шкуру и, притаившись, лежалъ такъ, пока не прилетѣла къ нему большая птица и унесла его на верхъ горы, гдѣ были ея птенцы. Когда птица проклевала въ шкурѣ дыру, онъ отогналъ ее палкой и вышелъ изъ шкуры, а затѣмъ вновь освободилъ царевенъ отъ діявола и опустилъ ихъ на цѣпи на землю, самъ же долженъ былъ остаться на горѣ, такъ какъ одному нельзя было спуститься внизъ. Вдругъ прилетѣла маленькая птичка и, распустивъ огромныя крылья, снесла его на себѣ на землю, послѣ чего открылась ему, что она -душа того бѣдняка, за котораго онъ заплатилъ въ церкви долги.

Между тѣмъ, царевны съ товарищами героя, въ увѣренности, что онъ уже не вернется со стеклянной горы, отправились къ своему отцу—царю и готовились уже играть съ ними свадьбу. Тутъ, однако, явился къ нимъ вдругъ сынъ кузнеца, который и женился на оставшейся ему вѣрной младшей царевнѣ.

б). У царя и царицы не было дѣтей. Однажды ворожея принесла рыбу, съѣвъ которую царица родила трехъ дочерей, а кухарка—отъ остатковъ—одного сына. Но ворожея продала дочерей царицы діяволамъ, которые и унесли ихъ ночью къ себѣ.

Когда сынъ кухарки подросъ, онъ пошелъ отыскивать царевенъ. По дорогѣ онъ встрѣтился съ двумя рабочими и взялъ ихъ съ собою. Въ лѣсу они встрѣтили, одного за другимъ, трехъ мужиковъ, обладавшихъ чудеснымъ нюхомъ, и тѣ ука-

зали имъ мѣстопребываніе царевенъ — на западѣ, въ глубокомъ колодцѣ подъ землей. Прійдя къ этому колодцу, кухаркинъ сынъ велѣлъ товарищамъ опустить себя на канатѣ внизъ и ждать его 3 дня.

Подъ землею онъ нашелъ сперва старшую царевну и попросилъ дать ему то, что ея мужъ — діяволъ ѣстъ и пьетъ: полъ вола и полъ бочки пива. Съѣвъ и выпивъ все это, онъ засѣлъ подъ мостомъ, черезъ который долженъ былъ проѣзжать діяволъ, и убилъ его. Затѣмъ онъ пошелъ къ средней сестрѣ, съѣлъ у нея цѣлаго вола и выпилъ цѣлую бочку пива, послѣ чего убилъ также и ея мужа на мосту. Наконецъ, у самой младшей царевны онъ съѣлъ двухъ воловъ и выпилъ двѣ бочки пива, затѣмъ подъ мостомъ переставилъ бочки съ водою и, во время боя съ діяволомъ, самъ напился сильной воды, а ему предоставилъ слабую, послѣ чего уже легко справился съ нимъ тоже. Потомъ онъ отвелъ царевенъ къ колодцу, черезъ который его товарищи вытащили ихъ на канатѣ наверхъ, а вмѣсто себя, привязалъ къ канату камень, который они подняли до половины и затѣмъ пустили внизъ, сами же съ царевнами пошли къ ихъ отцу—царю. А кухаркинъ сынъ, между тѣмъ, пробродивъ подъ землею 3 дня, подстерегъ ночью летучаго оленя и вылетѣлъ на немъ на свѣтъ, причемъ захватилъ съ собою изъ ямы башмаки, вуаль и кружево царевенъ, а кромѣ того, получилъ отъ оленя три волшебныхъ волоска.

Возвратившись въ городъ, гдѣ жилъ царь съ царевнами, кухаркинъ сынъ поступилъ на работу къ кузнецу, причемъ неоднократно проявлялъ такую необыкновенную силу, что всѣ стали его бояться: такъ, однимъ ударомъ огромнаго молота онъ вбилъ наковальню въ землю, а затѣмъ вытащилъ ее одной рукой назадъ; то опять унесъ на плечахъ, не заплативъ ничего, все желѣзо изъ лавки, а другой разъ—всѣ мѣшки съ мукою.

Между тѣмъ, старшая царевна объявила большую награду тому, кто сошьетъ ей такіе башмаки, какіе она носила подъ землею. По настоянію работника, кузнецъ взялся сшить ихъ, а затѣмъ отнесъ царевнѣ тѣ башмаки, которые тотъ вынесъ изъ-подъ земли, въ виду чего не только получилъ обѣщанную награду, но также былъ приглашенъ, вмѣстѣ со своимъ работникомъ, на свадьбу царевны съ однимъ изъ вытянувшихъ ее изъ ямы рабочихъ. Въ день свадьбы кухаркинъ сынъ вынулъ черный оленій волосъ и сейчасъ сталъ барономъ на черномъ

конѣ, отбилъ царевну отъ рабочаго и самъ повѣнчался съ ней, а затѣмъ опять сѣлъ на коня и ускакалъ обратно къ кузнецу. Черезъ нѣкоторое время объявила опять средняя царевна награду тому, кто сплететъ ей такой вуаль, какой она имѣла въ ямѣ. Кухаркинъ сынъ послалъ ей черезъ кузнеца ея вуаль и былъ также приглашенъ на ея свадьбу съ вторымъ рабочимъ, затѣмъ вынулъ сѣрый волосъ оленя и сдѣлался бариномъ въ сѣромъ мундирѣ на сѣромъ конѣ, повѣнчался съ царевной и ускакалъ опять къ кузнецу. Наконецъ, младшая царевна, которая должна была выйти замужъ за царевича, объявила тоже, что выйдетъ за того, кто сплететъ ей такое кружево, какое было у нея подъ землей. Кухаркинъ сынъ отослалъ ей кружево, а затѣмъ, въ день свадьбы, вынулъ послѣдній, бѣлый волосъ оленя и сдѣлался бариномъ на бѣломъ конѣ, нагналъ свадебный поѣздъ на дорогѣ, открылся во всемъ и, вмѣсто царевича, обвѣнчался съ царевной, съ которой уже и остался на царствѣ. Обѣихъ же старшихъ царевенъ онъ отдалъ въ жены рабочимъ, которые ихъ вытащили изъ ямы, но въ то-же время, за измѣну, изгналъ этихъ послѣднихъ вонъ изъ страны.

Параллели: Роздольскій: Казки, II, 33—35, 49—55; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 162—165, 172—176; „Наука“, 1897, IV—V, 283—290; Kaindl-Manastyrski: Die Rutenen, II, 75—94; Драгомановъ: Преданія, 255—256; Манжура: Сказки, 18—21, 43—45; Чубинскій: Труды, II, 207—214, 231—235; Гринченко: Этн. мат., I, 181—183; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 70—73, 78—92, 95—99, 102—110, VI, 318—327, 340—354, 356—360; Сумцовъ: Разб. Ром., 82—83; Шейнъ: Матеріалы, II, 86—88, 102—116, 149—151; Добровольскій: Смол. сб., I, 410—416, 630—631; Federowski: Lud bialor., I, 132—135, II, 87—90, 332—333; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 125—141, 170—181, 217—219; Худяковъ: Великор. ск., I, 7—14, II, 14—33, 40—43, III, 1—6; его-же: Матеріалы, 101—118; Эрленвейнъ: Нар. сказки, 13—22, 125—126, 163—167; Иваницкій: Мат. волог., 172—174; Ончуковъ: Сѣв. ск., 94—97, 213—219, 510—514; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 183—187; Веселовскій: Разысканія, XXII, 158—161; „Этн. Об.“, XII, 60, XIX, 217—219, XXII, 109, XXXIV, 155; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 349, IX—1, 434—435, XII—3, 377, 380—381; „Сб. Кавк.“, VI, прил., 7—28, VII, 1, 128—141, IX, 2, 189—199, X, 2, 283—287, 3, 54—61, XIII, 2, 65—70, 107—116, 123—126, XIV, 2, 102—134, XV, 2, 29—45, XVIII, 3, 47—48, 393—402, XXI, 2, 1—8, XXXV, 2, 80—85, XXXVI, 3, 157—182, XLII, 2, 71—79, 91—101; Kolberg: Lud, III, 113—115, VIII, 76—81, XIV, 94—99, 103—113, XVII, 183—185; Ciszewski: Krakowiacy, I, 153—159; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 214—232; „Lud“,

VI, 348—350; „Wisła", XI, 295—297, 455—457; „Zbiorwiad.", VII, 78—79, IX, 97—99, XI, 104—106, XV, 3—9; „Mat. antr.", V, 7—9, 34—35, 211—214, VI, 148—150, X, 267—269, XI, 40—42; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 4—23, 138—141, 304—317, 353—363, II, 73—76, 284—286, 289—291; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 393—395, II, 353—362; его-же: Anthropophyteia, III, 284—290; Добросавльевиѣ: Приповетке, 56—61; Ardalic-Polivka: Nar. prip., 43—49; Strohal: Hrv pripov., I, 93—94, 100—101, 105—106; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 290—293; „Č. Lid", V, 80—83, VI, 197—198, 239—244, 597—598; Němcova: Nár. báchorky, I, 31—39, II, 196—210; „Národop. Sb.", III, 102; „Arch. f. slav. Phil.", V, 27—32, XIX, 252—254, XXI, 268—269, 298, XXVI, 465, 468, XXXI, 267, 273; Трейландъ: Лат. ск., 62—67, 144—157; Schleicher: Lit. M., 128—140; Leskien-Brugmann: Lit. M., 407—410; Grimm: K. H. M., II, 29—34, 323—330, III, 158—166, 245; Müllenhoff: Sagen, 437—442; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 66—70; „Germania", XXXIII, 226—231; Gonzenbach: Sic. M., II, 7—13, 24—39, 50—52, 238—240; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 81—85; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 185—191, II, 49—62, 294—295; Carnoy-Nicolaides: Trad. pop. de l'Asie Min., 75—90, Schott: Wal. M., 135—138; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 281—285, 288—292; „Ung. Revue", IX, 35; Гомбоевъ: Шидди-Куръ, 21—26; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера", 188—189, 193; Потанинъ: Очерки, IV, 194—198, 529—530, 782—787; „Or. u. Occ.", II, 297—300; Landau: Die Quellen d. Dekameron, 330—331; Köhler: Kl. Schr., I, 68, 191—195, 292—296, 326, 437, 543—546.

Мотивъ о сидиѣ, встающемъ вдругъ на ноги, заимствованъ здѣсь, повидимому, изъ былинной традиціи о чудесномъ исцѣленіи Ильи Муромца. Ср. напр.: Миллеръ: Очерки, I, 362—391; Буслаевъ: Нар. поэзія, 106; Ровинскій: Р. нар. карт., IV, 6; Веселовскій: Мелкія замѣтки къ былинамъ—„Ж. М. Н. Пр.", 1890, III, 6—18; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 217, 246, 249—251; Садовниковъ: Сам. ск., 56; Иваницкій: Мат. вологод., 168; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 259, IV, 17; Добровольскій: Смол. сб., I, 397; „Этн. Об.", XII, 122; Сумцовъ: Очерки, 125, Трейландъ: Лат. ск., 144—145; „Arch. f. slav. Phil.", XXI, 283.

Мотивъ о благодарномъ мертвецѣ вообще см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 77—82; Роздольскій: Казки, II, 70—71, 107—110; Шейнъ: Матеріалы, II, 66—68; Добровольскій: Смол. сб., I, 165; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 313—317, IV, 143—146, VI, 468; Сумцовъ: Разб. Ром., 56; Weryho: Pod. białor., 45—48; Federowski: Lud białor., II, 209; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 253; Худяковъ: Великор. ск., III, 166; Садовниковъ: Сам. ск., 42—47; Ончуковъ: Сѣв. ск., 370—375, 423—425; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 149—155; „Ж. Ст., IV, 15—16; „Сборн. Кавк.", IX, 2, 199—207, XXIII, 3, 8—13, XLII, 2, 30—37, 39—42; Kolberg: Lud, XIV, 179—181; „Mat. antr.", V, 127—129, VI, 333—335; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 432—436, 448—449; Трейландъ: Лат. ск., 249—261; „Č. Lid", IX, 96—99; Němcova: Nár. báchorky, II, 142; „Летопис Мат. Срп.", CCIX, 60—73; Шапкаревъ:

Сб. умотв., VIII, 131—134, 263—265, IX, 455—457; Поливка: Бѣлѣжки, 12—13; „Národop. Sb.", VI, 217; „Arch. f. slav. Phil.", II, 632—633, V, 40—44, XIX, 251; Luzel: Leg. chrét., I, 75—77; Blade: Contes gasc., II, 67—90; „Germania", III, 199, XII, 55, XXVI, 199—203; v. d. Hagen: Gesammtabenteuer, I, 101—128; Grimm: K. H. M., III, 289; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 504—511; Landau: Die Quellen d. Dekameron, 210—211; „Or. u. Occ.", II, 174—176, 322—329, III, 93, 199—209; Benfey: Pantschatantra, I, 219—221; Simrock: Der gute Gerhard u. die dankbaren Toten, 1856; Дроздовъ: Типъ благодарнаго умершаго—„Труды К. Дух. Ак.", 1901, VII; Köhler: Kl. Schr., I, 5—32, 80—81, 131, 220—228, 424—428, 441—444, II, 263—265, 568.

Мотивъ о стеклянной горѣ см. ниже № 28.

Мотивъ о зашиваніи героя въ шкуру, въ которой его затѣмъ птица выноситъ на верхъ горы, см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 15; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 65—67; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 315, II, 118—119, 166—167; Эрленвейнъ: Нар. сказки, 160; Пыпинъ: Очеркъ, 224, 226—227; Лопаревъ: Слово о нѣкоемъ старцѣ, 18—19; „Сб. Кавк.", XVI, 1, 26, XLII, 2, 40—41; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 252; Поливка: Бѣлѣжки, 20; Gonzenbach: Sic. M., I, 30; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 132—133; „Zs. Ver. Vk.", VI, 61; Köhler: Kl. Schr., I, 260; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 165.

Мотивъ о чудесномъ рожденіи отъ вкушенія рыбы см.: Роздольскій: Казки, II, 52; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 39, V, 230; S. Baraez: Bajki, 175; Чубинскій: Труды, II, 252, 256—257; Рудченко: Сказки, I, 81; Манжура: Сказки, 24—25, 28, 33; Nowosielski: Lud ukr., I, 254—258; Драгомановъ: Розвідки, III, 245—246; Шеннъ: Матеріалы, II, 102; Добровольскій: Смол. сб., I, 405, 416—417; Романовъ: Бѣлор. сборн., III, 110—111, VI, 248, 255—256, 262—263; Сумцовъ: Разб. Ром., 80—81; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 154, 160, 162, 170; Худяковъ: Великор. ск., II, 43; Эрленвейнъ: Нар. ск., 8—9, 92; Иваницкій: Мат. вологод., 170; Ончуковъ: Сѣв. ск., 79; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XII—3, 383; Веселовскій: Разысканія, XXII, 162; его-же: Поэтика, II—1, 45, 58—59; „Zbiór wiad.", III, 69—70, XV, 10; „Mat. antrop.", X, 262, XI, 36; „Lud", V, 170; Kolberg: Lud, VIII, 63—64; Трейландъ: Лат. ск., 205; Leskien-Brugmann: Lit. M., 385—386, 546—547; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 465—466; „Arch. f. slav. Phil.", XVII, 573, XIX, 253, XXI, 298, XXXI, 266; Grundtvig: Dän. Vm., I, 279; Basile: Pentamerone, I, 124—125; Gonzenbach: Sic. M., I, 269—270; Bladé: Contes gasc., I, 277—279; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 166, II, 267—268; „Or. u. Occ.", II, 118—120; Grimm: K. H. M., I, 427; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—545; Köhler: Kl. Schr., I, 179—180, 368—369, 387.—О чудесныхъ рожденіяхъ вообще (отъ вкушенія различныхъ фруктовъ, цвѣтовъ, зеренъ, воды и т. д.) см.: Ю. А. Яворскій: Die Mandragora im südruss. Volksglauben—„Zs. f. österr. Vk.", II, 360; Игн. изъ Никловичъ: Казки, 61; Роздольскій: Казки, II, 32—33; Kaindl-Manastyrski: Die Ruthenen, II, 79; Чубинскій: Труды, I, 212; Малинка: Сб. мат., 294, 297; Гринченко:

Этн мат., II, 259—260; Драгомановъ: Преданія, 260, 432; его-же: Розвідки, III, 140—141, 244—248; Шейнъ: Матеріалы, II, 68, 86, 89; Добровольскій: Смол. сб., I, 625; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 142—152; Садовниковъ: Сам. ск., 133; Ончуковъ: Сѣв. ск., 17; „Сб. Дашк.", III, 166—167; Буслаевъ: Очерки, I, 325; Веселовскій: Разысканія, II, 121, X, 418—423, его-же: Поэтика, II—1, 58—62; „Этн. Об.", XVI, 190, XXII, 119—120, LI, 7; „Сб. Кавк.", II, 2, 121, III, 2, 118—119, VII, 1, 143, 2, 141—142, 164—165, IX 2, 189—190, X, 2, 249—251, 3, 56, XVIII, 3, 17, 23, XX, 2, 17—19, XXI, 2; 225—238, XXVI, 2, 26; „Zbiór wiad.", V, 224; Kolberg: Lud, VIII, 52; Němcova: Nár. báchorky, I, 45—46; Sobotka: Rostlinstvo, 153—154; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 19—20, IX, 334, 469; Трейландъ: Лат. ск., 193; Leskien-Brugmann: Lit. M., 542—547; Krauss: Die Zeugung, I, 259, 263, 267; „Ung. Revue", VIII, 330, IX, 34; Schott: Wal. M., 263—265; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 79—80; Schmidt: Griech. M., 104, 120; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 79, 90, II, 33—34, 186, 197, 214—215; Basile: Pentamerone, I, 239—240; Pedersen: Zur alb. Vk., 20; Остроумовъ: Сарты, II, 3, 9—10; Benfey: Pantschatantra, I, 266; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 68—73; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—545; Köhler: Aufsätze, 27—28; его-же: Kl. Schr., I, 175, 179—180, 369, 387, 512, II, 241.

25.

Медвежье-ушко.

Мужъ съ женой пошли въ лѣсъ. Тамъ медвѣдь похитилъ жену, а затѣмъ жилъ съ нею 3 года, причемъ у нея родился мальчикъ—Медвежье-ушко. На четвертый годъ она послала медвѣдя принести ей решетомъ воды, а сыну тѣмъ временемъ велѣла испытать свою силу—потрясти дубъ, но, когда онъ потрясъ, то посыпались только вѣтки. Тогда она ростила сына еще 3 года, а затѣмъ снова послала медвѣдя съ решетомъ за водой, а сыну велѣла потрясти дубъ, но теперь онъ оказался уже достаточно сильнымъ и повалилъ дубъ на землю. Тогда они стали убѣгать, а когда медвѣдь нагналъ ихъ, то мальчикъ убилъ его, послѣ чего они уже спокойно вернулись къ ея мужу—помѣщику и остались при немъ на хозяйствѣ.

По веснѣ нужно было вывозить навозъ; Медвежье-ушко велѣлъ убить нѣсколько воловъ и сшить изъ ихъ шкуръ мѣшокъ, въ которомъ и вынесъ весь навозъ на поле. Потомъ также велѣлъ продать лошадей и самъ вспахалъ все поле. Тогда баринъ, испугавшись его силы и желая избавиться отъ него,

велѣлъ ему копать колодецъ, а затѣмъ, когда онъ работалъ въ немъ, бросить на него сверху тяжелый желѣзный колоколъ; но онъ только подулъ, и колоколъ вылетѣлъ наверхъ.

Послѣ этого Медвежье-ушко ушелъ въ свѣтъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ одного за другимъ, трехъ мужиковъ, которые назывались Ломи-лѣсъ, Разсунь-гора и Заставъ-вода, и взялъ ихъ всѣхъ трехъ съ собою. Дорогой Ломи-лѣсъ проломалъ непроходимый лѣсъ, Разсунь-гора отодвинулъ въ сторону гору, а Заставъ-вода запрудилъ большую воду, послѣ чего они пришли въ лѣсную хату и стали въ ней жить. Утромъ трое отправились на охоту, а Ломи-лѣсъ остался варить обѣдъ, какъ вдругъ пришла бѣда и избила его, а затѣмъ ушла прочь. То-же самое случилось на другой день съ Разсунь-горой, а на третій — съ Заставъ-водой. Тогда уже остался дома Медвежье-ушко, а когда пришла къ нему бѣда, онъ поймалъ ее, избилъ и бросилъ въ оврагъ. Когда же вернулись товарищи съ охоты, они всѣ вмѣстѣ полѣзли въ оврагъ добивать бѣду, но встрѣтили тамъ много другихъ бѣдъ, которыя и убили ихъ всѣхъ на-смерть.

Параллели: Основной сюжетъ сказки — о богатырѣ, освобождающемъ изъ-подъ земли похищенныхъ чертями или драконами женщинъ, — въ данномъ случаѣ, къ сожалѣнію, сильно спутанный и оборванный на половинѣ, см. выше — № 24.

Мотивъ о происхожденіи богатыря отъ связи женщины съ медвѣдемъ или мущины съ медвѣдицей см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 33—39; Kolberg: Pokucie, IV, 177—178; Драгомановъ: Преданія, 255; Гринченко: Этн. мат., I, 181; Шейнъ: Матеріалы, II, 110—111; Романовъ: Бѣлор. сб., VI, 60, 340; Federowski: Lud bialor., II, 332; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 175, 179, 202, 205; Садовниковъ: Сам. ск., 150; Ончуковъ: Сѣв. сказки, 94, 213—214; „Сб. Кавк.“, XIV, 2, 125, XIX, 2, 1, XXXVI, 3, 158; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 345; „Lud“, VII, 143; „Mat. antr.“, V, 174; „Караџић“, III, 69; Krauss: Anthropophyteia, III, 284; Трейландъ: Лат. ск., 152; Hahn: Griech. u. alb. M., II, 72; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 81; Grimm: K. H. M., III, 339—341: „Arch. f. slav. Phil.“, XIX, 250, 253; XXI, 268—269, 298, XXVI, 465, XXXI, 267, 273; Köhler: Kl. Schr., I, 68, 543—544.

Мотивъ объ испытаніи силы посредствомъ вырыванія деревьевъ см.: Роздольскій: Казки, II, 49, 146; Kolberg: Pokucie, IV, 178; Шейнъ: Матеріалы, II, 111; „Lud“, VII, 143; „Zbiór wiad.“, XV, 9; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 52; Grimm: K. H. M., II, 20—21; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 66. — Ср. также испытаніе силы послѣ исцѣленія Ильи Муромца - Миллеръ: Очерки, I, 362—391.

Мотивъ о товарищахъ-сплачахъ см.: Роздольскій: Казки, II, 33—34, 49; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 162; Kaindl-Manastyrski: Die Ruthenen, II, 82—84; Драгомановъ: Преданія, 256—257; Гринченко: Этн. мат., I, 181—182; Шейнъ: Матеріалы, II, 86, 112; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 70, VI, 125, 136—137, 147—148, 320—321, 340, 356; Добровольскій: Смол. сб., I, 410—411; Federowski: Lud białor., II, 186, 332; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 176, 178—180; Худяковъ: Великор. ск., II, 40—41; Эртеневенъ: Нар. ск., 125; Ончуковъ: Сѣв. ск., 96, 215—216; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XII—3, 383, 385; „Сб. Кавк.", VI, прил., 21—22, IX, 2, 192—193, X, 3, 57, XIV, 2, 128—129, XVIII, 3, 394, XXI, 2, 4, XXXVI, 3, 166—168, XLII, 2, 72—73; Kolberg: Lud, VIII, 77—78, XIV, 95—96, XVII, 183; Cieszewski: Krakowiacy, I, 153—157; Треиландъ: Лат. ск., 146—148, 151—152, 155—156; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 67—68; Sébillot: Litt. or. H.-Bret., 81—83; Grimm: K. H. M., II, 326; „Arch. f. slav. Phil.", XIX, 253, XXI, 268—269, 298, XXVI, 468; Köhler: Kl. Schr., I, 293—294, 543—544.

Мотивъ о сплачѣ-работникѣ см. дальше № 81.

26.

Сынъ трактирщика.

Сынъ трактирщика не хотѣлъ учиться своему дѣлу, а по смерти отца и совсѣмъ бросилъ его и ушелъ въ свѣтъ, взявъ съ собою только свою любимую собаку. Въ лѣсу охотникъ застрѣлилъ его собаку, но Богъ, трикратно явившійся ему въ видѣ странника, видя его искреннее горе, подарилъ ему взамѣнъ за нее своихъ трехъ собакъ—ангеловъ, а также свистокъ, чтобы призывать ихъ въ бѣдѣ на помощь.

Съ этими собаками онъ пошелъ дальше и попалъ въ лѣсу въ разбойничій дворъ, хозяинъ котораго, подъ видомъ обученія его трактирному дѣлу, повелъ его черезъ комнаты, наполненныя разнымъ оружіемъ, а наконецъ, въ послѣдней изъ нихъ, заваленной порѣзанными людьми, подвелъ его къ наковальнѣ и тутъ хотѣлъ его тоже убить. Тогда сынъ трактирщика свиснулъ 3 раза, послѣ чего сейчасъ прибѣжали его собаки и стали рвать разбойника, который, пытаясь откупиться, отдалъ ему волшебную табакерку, сворачивавшую мгновенно, по мысли владѣльца, любую голову. Тѣмъ не менѣе, собаки тутъ-же разорвали разбойника и его жену, а затѣмъ еще другихъ 24 разбойниковъ, которые скрывались въ особой комнатѣ.

Послѣ этого собаки открылись ему, что они — духи, и, обѣщавъ являться къ нему на троекратный свистокъ, исчезли.

А сынъ трактирщика пошелъ одинъ дальше и пришелъ въ городъ, въ которомъ сатана каждый день съѣдалъ по человѣку; а такъ какъ сегодня очередь дошла до царской дочери, то ее какъ разъ понесли въ торжественной процессіи къ нему на съѣденіе. Когда ее оставили тамъ одну, сынъ трактирщика подошелъ вмѣстѣ съ нею къ сатанѣ, покрутилъ своей табакеркой и свернулъ ему голову на-смерть. Благодарная царевна назвала его своимъ женихомъ, но, по его желанію, отложила свадьбу на годъ и дала ему на память половину своего кольца и платочка. Послѣ этого они разстались, какъ вдругъ на царевну бросился цыганъ съ ножомъ и, подъ угрозой смерти, заставилъ ее признать его своимъ избавителемъ и женихомъ, причемъ, однако, свадьба опять-таки была ею отложена на годъ.

Ровно черезъ годъ вернулся въ городъ сынъ трактирщика, но, узнавъ о предстоящей свадьбѣ царевны съ цыганомъ, не пошелъ сейчасъ въ царскій дворецъ, а переодѣлся нищимъ и зашелъ въ трактиръ, причемъ побился здѣсь съ хозяиномъ объ закладъ на его трактиръ, что завтра онъ, а не цыганъ, обвѣнчается съ царевной. На слѣдующій день онъ пошелъ къ царевнѣ, которая съ радостью его признала и, примѣривъ обѣ половинки кольца и платочка, разсказала все царю. Тогда цыгана привязали къ конскимъ хвостамъ на растерзаніе, сынъ же трактирщика женился на царевнѣ, а кромѣ этого, хотя онъ у своего отца и не хотѣлъ учиться трактирному дѣлу, выигралъ въ закладъ хорошій трактиръ.

Параллели: Federowski: Lud białor., I, 122—123; Kolberg: Przemyskie, 205—209; его-же: Lud, XIV, 86—93, 113—115; „Zbiór wiad.“, XVI, 45—46; „Mat. antr.“, V, 197—203, 205—211; Świętek: Lud nadr., 344—346; Václavek: Pohádky, I, 56—58; Leskien-Brugmann: Lit. M., 386—389; Schleicher: Lit. M., 4—6; Vinson: Folklore basque, 58—60; „Germania“, XX, 317—320; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 101—107; Grimm: K. H. M., I, 314—329; Bolte-Polívka: Anm. zu Grimm, I, 531—551; Köhler: Kl. Schr., I, 303—304, 326.

Мотивъ объ освобожденіи героемъ царевны отъ змѣя или діявола вообще см.: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 18—19, 94—96; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 104—110, V, 94—96; Роздольскій: Казки, II, 35—37, 45—47; Kolberg: Pokucie, IV, 85—89, 105—106; S. Baracz: Bajki, 241—242; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 148—149; Драгомановъ:

Преданія, 284—286; Рудченко: Сказки, I, 126—129; Романовъ: Бѣлор. сборн., III, 44—45, 54—55, 76—77, 138—140, 254—259, VI, 375—376, 385—392; Сумцовъ: Разб. Ром., 80, 82; Добровольскій: Смол. сб., I, 482—488, 506—508; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 212—214, 270—271, 280—281, II, 12, 16; Худяковъ: Великор. ск., III, 157—159; Эрленвейнъ: Нар. ск., 11—13; Иваницкій: Мат. волог., 175—176; Садовниковъ: Сам. ск., 30—31; Ончуковъ: Сѣв. ск., 18—21, 41—43; „Zbiorwiad.", XI, 88—89; „Matantr", V, 24—25, 53—54, VI, 379—380; „Wisła", I, 307—309; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 340—343, 380—384; Трейландъ: Лат. ск., 194—195, 200—201, 205—206; Schleicher: Lit. M., 57—62; Němcova: Nár. báchorky, II, 55—63; Vaclavek: Pohádky, I, 54—58; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 30—33; „Arch. f. slav. Phil.", II, 638; Gonzenbach: Sic. M., I, 274—276, 302—304, II, 230; Stier: Ung. M., 4—10; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 59—77, 82—88, 108—116; Schott: Wal. M., 140—144; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 308, II, 55—57; Carnoy-Nikolaides: Trad. pop. Asie Min., 80—85; Liebrecht: Zur Volkskunde, 65—73; Köhler: Kl. Schr., I, 303—305, 326; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 531—551.— Ср. также: Кирпичниковъ: Св. Георгій и Егорій Храбрый, 1879; Веселовскій: Св. Георгіи въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ— Разысканія, II и XXII; Рыстенко: Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византійской и славяно-русской литературахъ, 1909.— См. также ниже—№ 31 б.

Мотивъ о чудесныхъ собакахъ, помогающихъ герою, см. еще: Гнатюкъ: Ент. мат. Уг. Р., IV, 27—34; Рудченко: Сказки, I, 120—129; Ястребовъ: Матеріалы, 142—143; Малинка: Сб. мат., 279—282; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 76—77; Federowski: Lud białor., I, 120—123; Эрленвейнъ: Нар. ск., 49—50; Худяковъ: Матеріалы, 88—89; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 4—5, 15—16; Němcova: Nár. báchorky, II, 48—67; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 28—31; Krauss: Нар. прип., II, 9—16; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 330—331; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 13—14, 230—232; „Ung. Revue", VI, 692—695; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 235—254, 375—377; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 531—553; Köhler: Kl. Schr., I, 303—305, 326.—Ср. также помогающихъ звѣрей ниже № 29, 30 и 31 б.

Мотивъ о разбойничьемъ домѣ см. также ниже № 27 и 29.

Мотивъ о закладѣ съ трактирщикомъ см. еще: Federowski: Lud białor., I, 123; Václavek: Pohádky, I, 57—58; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 30—31; Schleicher: Lit. M., 59—60; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 112—116.— См. также ниже—№ 31 б.

27.

Таинственный рыцарь.

Понесъ мальчикъ своему отцу обѣдъ въ поле, но потерялъ оставленные имъ по дорогѣ слѣды изъ соломы, заблудился въ лѣсу и попалъ во дворъ къ 12-ти разбойникамъ, которые и оставили его у себя для услугъ, но запретили ему при этомъ открывать дверь, которая была завязана лыкомъ. Но однажды, въ отсутствіе разбойниковъ, мальчикъ открылъ эту дверь и увидѣлъ за нею 3-хъ коней—чернаго, сѣраго и бѣлаго. По ихъ совѣту, онъ взялъ съ окна 3 яблока, сѣлъ на коней и убѣжалъ. Когда же разбойники стали его догонять, онъ бросилъ назадъ одно яблоко, изъ котораго сдѣлался лѣсъ на 100 миль, потомъ другое, изъ котораго разлилась огромная рѣка, а наконецъ, третье, изъ котораго поднялся огонь на 100 миль, такъ что разбойники должны были возвратиться ни съ чѣмъ. Послѣ этого кони разстались съ нимъ, но предварительно дали ему свистокъ, посредствомъ котораго онъ могъ бы, въ случаѣ нужды, призвать ихъ на помощь.

Затѣмъ молодецъ пошелъ въ городъ, гдѣ поступилъ на службу къ королю и сталъ носить дрова. Между тѣмъ, началась война, и непріятель сталъ одолѣвать короля. Тогда молодецъ призвалъ свисткомъ своихъ коней, одѣлся въ привезенныя ими желѣзныя латы, сѣлъ на чернаго коня и одинъ разбилъ непріятельское войско, а въ награду за это попросилъ у короля письменное обѣщаніе—дать ему старшую дочь въ жены; затѣмъ онъ незамѣтно вернулся во дворецъ и сталъ снова носить дрова. Во вторую войну дровоносъ надѣлъ серебряныя латы и сѣлъ на сѣраго коня, снова побѣдилъ враговъ и взялъ отъ короля письменное обѣщаніе—выдать за него среднюю дочь, послѣ чего опять незамѣтно вернулся къ своей работѣ. Наконецъ, въ третью войну самъ король попалъ въ плѣнъ, но дровоносъ, надѣвъ золотыя латы и сѣвъ на бѣлаго коня, разбилъ опять непріятеля и освободилъ короля, причемъ, однако, и самъ былъ раненъ въ ногу, которую король тутъ-же перевязалъ ему своимъ платкомъ; получивъ опять отъ короля письменное обѣщаніе - отдать ему въ жены младшую царевну, онъ снова, неузнанный никѣмъ, вернулся на свою службу. Здѣсь,

однако, служанка замѣтила на его ногѣ царскій платокъ и донесла объ этомъ королю, который потребовалъ отъ него по этому поводу объясненій. Тогда онъ, не скрываясь больше, призвалъ своихъ коней, надѣлъ золотыя латы, серебряную шапку и желѣзные сапоги и показалъ королю три его записи и платокъ, послѣ чего женился на младшей царевнѣ, а двумъ другимъ возвратилъ ихъ записи обратно.

Параллели: Роздольскій: Казки, II, 58—60; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 106—112, V, 57—60, 71—72; S. Baraącz: Bajki, 98—100; Чубинскій: Труды, II, 216—219, 223—226; Рудченко: Сказки, I, 105—109, 112—115; Гринченко: Этн. мат., I, 152—155; Манжура: Сказки, 11—14, 40—43; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 15—29; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 145—147, 151—154, VI, 29—36, 83—88; Добровольскій: Смол. сб., I, 476—477; Federowski: Lud białor., I, 95—96, II, 54—55; Аѳанасьевъ: Легенды, 101—104; его-же: Сказки, I, 110—111, 113, 117—118, II, 209—222; Худяковъ: Великор. ск., I, 21—25; его-же: Матеріалы, 37—38, 49, 90—94; Эрленвейнъ: Нар. ск., 161—163; Садовниковъ: Сам. ск., 77—80; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 162—169; Ждановъ: Р. был. эпосъ, 311—318; „Сб. Кавк.“, VII, 1, 150—156, XV, 2, 100—103, XVIII, 3, 384—386, XXI, 2, 216—221, XXVI, 2, 46—50, XXXV, 2, 88—92; Ciszewski: Krakowiacy, I, 84—86, 180—182; Świętek: Lud nadr., 346—352; „Zbior wiad.“, XI, 291—292; „Mat. antr.“, V, 178—179, VI, 362—363, 403—404; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 61—64, 386—388, II, 24—28; Němcová: Nár. báchorky, I, 172—177, 268—274; „Ć. Lid“, VII, 44—46; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 221—223; Strohal: Hrv. prip., I, 101—104; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 167—169, 252—255; „Arch. f. sl. Phil.“, XXI, 300; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 44—46; Müllenhoff: Sagen, 420—426; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 258—261; Grimm: K. H. M., II, 246—250, III, 218—219; Bolte-Polívka: Anm. zu Grimm, I, 183—185; Liebrecht: Zur Volkskunde, 106—107; Köhler: Kl. Schr., I, 330—334, 388.—Ср. также ниже—№ 28 и 40.

Мотивъ о бѣгствѣ съ бросаніемъ разныхъ предметовъ—преградъ см. еще: Гнатюкъ: Легенды, II, 91; его-же: Етн. мат. Уг. Р., V, 111, 120; Роздольскій: Казки, II, 59, 62; „Наука“, 1895, I—III, 159—160, 1896, VIII—XI, 605—606; Чубинскій: Труды, II, 142—143; Рудченко: Сказки, I, 119—120; Ястребовъ: Матеріалы, 155—156; Гринченко: Этн. мат., II, 346—347; Малинка: Сб. мат., 279; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 51, 60, 63—64, 178—180; Добровольскій: Смол. сб., I, 459—460, 505; Woryho: Pod. białor., 57—58; Federowski: Lud białor., I, 120, II, 68, 107, 111, 142, 327; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 69—70, 81, 84, 89, 100, 277, II, 4, 73, 75, 80—81; Худяковъ: Великор. ск., I, 3—5, II, 85; его-же: Матеріалы, 28—29, 37, 84—85, 90—92, 95, 100; Эрленвейнъ: Нар. ск., 117—118; Садовниковъ: Сам. ск., 17; Ончуковъ:

Сбв. ск., 30, 148, 190, 310. „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XII, 3, 375; „Сб. Кавк.“, VI, 2, 138—140, XVIII, 3, 41, XXXIII, 3, 28—29, XXXV, 2, 132—133, XLII, 2, 88—90; Kolberg: Lud, VIII, 24; Toeppen: Abergl. Mas., 146; „Lud“, V, 172, „Zbiorwiad.“, XI, 290—291; „Mat. antr.“, V, 242, X, 251; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 280; Трентандъ: Лат. ск., 227—228, 239; Leskien-Brugmann: Lit. M., 379—385; „C. Lid“, VII, 44; Václavek: Pohádky, I, 74—77; A. G.: Nar. prip. Sošk., III, 72; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 347—348, II, 96—97; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 165—166, 168, 204—205; Поливка: Бѣлѣжки, 14—15, 17; „Arch. f. sl. Phil.“, V, 22, XIX, 245, XXVI, 470, XXXI, 264; „Germania“, XV, 178, 183; „Zs. Ver. Vk.“, VI, 165; Grundtvig: Dän. Vm., I, 25—26, 56—57; Gonzenbach: Sic. M., I, 243, II, 55—56; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 66, II, 34—36; Stier: Ung. M., 33; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 200; Остроумовъ: Сарты, II, 18—19; Radloff: Proben, III, 383; Потанинъ: Очерки, IV, 240, 342, 350; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 95—97; Grimm: K. H. M., I, 399; Bolte-Polívka: Anm. zu Grimm, I, 97—98, 115—121; Köhler: Kl. Schr., I, 163, 166, 168, 171—174, 195, 433.— См. также ниже—№ 42.

28.

Стеклянная гора.

а). У крестьянина было три сына: два умныхъ, а третій дуракъ. Когда онъ умиралъ, то велѣлъ сыновьямъ 3 ночи по очереди караулить на его могилѣ. Оба старшихъ брата послали за себя дурака, такъ что всѣ 3 ночи ходилъ на могилу лишь онъ одинъ, причемъ получилъ отъ явившагося ему отца 3 волшебныхъ волоска.

Въ то время царь объявилъ по всему царству, что тотъ, кто поднимется на стеклянную гору, будетъ его зятемъ. Многіе юноши, въ томъ числѣ и старшіе братья дурака, пытались взобраться на гору, но безуспѣшно. Тогда дуракъ вынулъ черный волосъ, и предъ нимъ явился черный конь и черная одежда, съ которыми онъ и взъѣхалъ на гору, но потомъ вернулся домой и снова принялъ прежній видъ. Во второй разъ опять никто не успѣлъ взобраться на гору, только дуракъ, вынувъ красный волосокъ, снова выѣхалъ на нее на красномъ конѣ и въ красной одеждѣ, причемъ царевна надѣла ему на палецъ перстень, съ которымъ онъ снова скрылся домой. Въ третій разъ

дуракъ выѣхалъ на гору на сѣромъ конѣ и въ сѣромъ платьѣ, но болѣе уже не скрывался, а наоборотъ, потребовалъ обѣщанной награды за свой троекратный подвигъ, показалъ перстень, а затѣмъ уже женился на царевнѣ и самъ сталъ царемъ.

б). Семь братьевъ, изъ которыхъ шесть было умныхъ, а седьмой дуракъ, нанялись у одного барина на службу. Пошли умные братья пасти барановъ и встрѣтили по дорогѣ нищаго, но не дали ему хлѣба; въ лѣсу всѣ бараны разбѣжались, и братья вернулись вечеромъ ни съ чѣмъ. Тогда дуракъ пошелъ искать барановъ; по дорогѣ онъ встрѣтилъ того-же нищаго и далъ ему хлѣба, за что получилъ отъ него чудесную скрипку, съ помощью которой онъ собралъ всѣхъ барановъ и пригналъ ихъ домой. Потомъ опять послалъ баринъ умныхъ братьевъ стеречь лугъ отъ потравы, гдѣ къ нимъ ночью прилетѣла, прося хлѣба, сначала макотра, затѣмъ ложка и, наконецъ, миска, но они не дали имъ ничего; когда же они заснули, набѣжали какія-то лошади и потравили всю траву. На другую ночь пошелъ уже дуракъ на лугъ, причемъ онъ далъ хлѣба и макотрѣ, и ложкѣ, и мискѣ, а тѣ потомъ за это 3 раза его разбудили и дали ему каждая по золотой уздечкѣ, на которыя онъ затѣмъ поймалъ и привелъ домой трехъ коней.

Между тѣмъ, царь выстроилъ стеклянную гору и объявилъ, что тотъ, кто выѣдетъ на нее, женится на его дочери. Никто не могъ этого сдѣлать, только дуракъ, сѣвъ на одного изъ коней съ золотой уздечкой, выѣхалъ на гору, въ виду чего онъ потомъ и женился на царевнѣ.

Параллели: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 46—49; Роздольскій: Казки, I, 11—13, 36—39, II, 136—141; Драгомановъ: Преданія, 262—267; Чубинскій: Труды, II, 269—281; Гринченко: Этн. мат., I, 170—175; Малинка: Сб. мат., 300—302; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 169—175; Добровольскій: Смол. сб., I, 590—597; Романовъ: Бѣлор. сб., VI, 470—477; Weryho: Pod. białor., 75—77; Federowski: Lud białor., II, 90—96; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 287—301; Худяковъ: Великор. ск., II, 55—58; Ончуковъ: Сѣв. ск., 178—185; „Сб. Кавк.“, XLII, 2, 1—9; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 349, IX—1, 440; Смирновъ: Систем. указатель—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, XVII—3, 154—158; Kolberg: Przemyskie, 209—211; его-же: Lud, III, 127—129, VIII, 1—6, XIV, 3—7;

Cieszewski: Krakowiacy, I, 186—188, 192—195; Świętek: Lud nadr., 354—357; Toeppen: Abergl. Mas., 148—150; „Zbiór wiad.“, XI, 283—285, XII, 17—19, XIII, 202, XVI, 79—81, XVIII, 298—302, 327—331; „Mat. antr.“, V, 219—222, VI, 169—171, 343—346, 356—360, VIII, 159—162, X, 259—260; „Wisła“, VII, 32—34; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 84, 220—224, II, 281—284; Трейландъ: Лат. ск., 223—233; Leskien-Brugmann: Lit. M., 483—485, 574—575; Dobšinský: Prostonár. pov., VII, 31—38; A. G.: Nár. prip. Sošk., III, 16—26; Tille: Literární studie, I; „Národop. Sb.“, VI, 221; Kracuh: Нар. прип., II, 20—23; Шанкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 124—131; „Arch. f. sl. Phil.“, V, 21—22, XVII, 578, XXI, 268, XXXI, 271—272; „Zs. f. öst. Vk.“, II, 222; „Zs. Ver. Vk.“, VIII, 192—196; „Germania“, XV, 184—185; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 492—493; Stier: Ung. M., 91—95; Köhler: Kl. Schr., I, 551—552.—Общій мотивъ о скрывающемся дуракѣ-героѣ см. также № 27 и 40.

Мотивъ о караулѣ на могилѣ отца см. еще: Эрленвейнъ: Нар. ск., 145—146; „Сб. Кавк.“, XIII, 2, 116—117; Gliński: Baj. pol., I, 32—57; „Slavia“, 95—98; „Ung. Revue“, VIII, 330—331.

Мотивъ о волшебныхъ волоскахъ см. еще: „Ж. і Сл.“, III, 58; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 18—20; Kolberg: Pokucie, IV, 109—112; Рудченко: Сказки, I, 105; „Сб. Кавк.“, XVIII, 3, 74, XIX, 2, 3—4, XXI, 2, 216; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 93.—См. также № 24 б. и 46.

Мотивъ о стеклянной горѣ см. также выше—№ 24 а.

Мотивъ о волшебной скрипкѣ или свирѣли см. также № 14 и 55.

29.

Невѣрная мать.

Мать съ сыномъ были очень бѣдны и пошли въ свѣтъ. По дорогѣ сынъ нашелъ чудесный ремешокъ, дававшій своему владѣльцу, согласно надписи на немъ, великую силу и счастье, въ виду чего онъ тутъ-же и надѣлъ его на себя.

Въ лѣсу они зашли въ разбойничій домъ, четыре комнаты котораго были полны всякимъ оружіемъ, въ пятой же спали 12 разбойниковъ; тутъ молодецъ выбралъ себѣ лучшее оружіе, поубивалъ всѣхъ разбойниковъ и смелъ ихъ въ погребъ, запретивъ матери открывать его, послѣ чего они уже остались въ этомъ домѣ.

Но однажды, когда сынъ ушелъ на охоту, мать открыла погребъ, а оттуда выскочилъ одинъ ожившій разбойникъ, который затѣмъ, взявъ съ окна мазь, оживилъ ею всѣхъ своихъ товарищей. Потомъ разбойники велѣли матери притвориться больной и попросить сына—принести ей цѣлебныхъ яблокъ, растущихъ между двухъ горъ. По пути за яблоками сынъ заѣхалъ къ одной барынѣ, которая его полюбила и сообщила ему, что тѣ горы весь день движутся, достать же яблоки можно лишь въ 12 ч. дня или ночи, когда горы останавливаются на мгновеніе. Получивъ отъ нея-же коня, онъ поѣхалъ туда и въ указанный часъ проскочилъ между горъ, но не могъ сорвать отдѣльныхъ яблокъ, а вырвалъ цѣлую яблоню съ корнями, послѣ чего выскочилъ назадъ, такъ что вновь сомкнувшіяся горы лишь прищемили хвостъ его коню. На обратномъ пути онъ отдалъ яблоки той барынѣ, а только одно отвезъ матери. Тогда мать, по наущенію разбойниковъ, потребовала отъ него еще живой воды. По совѣту той-же барыни, онъ подстерегъ, пока змѣя, сторожившая источникъ, въ 12 ч. перестала дышать огнемъ, зачерпнулъ живой воды въ кувшинъ и затѣмъ отдалъ ее барынѣ, а матери отвезъ лишь небольшую стклянoчку на лѣкарство. Послѣ этого опять разбойники подучили мать послать сына за львинымъ молокомъ. Встрѣтивъ львицу, онъ хотѣлъ въ нее стрѣлять, но она сама дала ему своего молока, а также свистокъ, на который должны сбѣгаться къ нему на помощь всѣ звѣри. Наконецъ, по новому уговору съ разбойниками, мать предложила ему выкупаться, когда же онъ раздѣлся, разбойники схватили его чудесный ремешокъ, а затѣмъ уже легко убили его, порубили и выбросили въ мѣшкѣ на дворъ.

Между тѣмъ, барыня, обезпокоенная долгимъ отсутствіемъ молодца, стала разыскивать его, нашла его порубленный трупъ и взбрызнула его живой водой и сокомъ чудесныхъ яблокъ, послѣ чего онъ сразу ожилъ. Затѣмъ они, превратившись въ голубей, полетѣли къ разбойникамъ и сѣли на деревѣ возлѣ ихъ двора. Желая ихъ поймать, атаманъ разбойниковъ, согласно пѣнію голубки, раздѣлся и положилъ ремешокъ на землю, а самъ полѣзъ за ними на дерево, но они сейчасъ схватили ремешокъ и улетѣли. Затѣмъ, опоясавшись ремешкомъ, молодецъ возвратился къ разбойникамъ и созвалъ свисткомъ звѣрей, которые тутъ-же поразрывали и пожрали всѣхъ разбойниковъ. Послѣ этого онъ опрокинулъ и домъ съ невѣрною ма-

терью, которая въ немъ погибла, а самъ женился на своей барынѣ.

Параллели см. ниже—при № 30.

30.

Невѣрная жена.

Одна женщина, задумавъ, по подговору діявола, за котораго она хотѣла выйти замужъ, извести своего мужа, послала его, притворяясь больной, въ чертовскую мельницу, за мукой изъ-за 12-го камня.

Мужикъ отправился туда съ 3-мя своими собачками, безпрепятственно прошелъ черезъ 12 желѣзныхъ дверей и набралъ муки, а затѣмъ благополучно возвратился домой, потерявъ только своихъ собачекъ, которыя остались на мельницѣ за 12-ю дверьми.

Дома діяволъ, не скрываясь болѣе, велѣлъ ему развести огонь подъ котломъ со смолою, въ которомъ онъ собирался сварить его, но онъ, чтобы затянуть дѣло, сначала смочилъ топливо водою, вслѣдствіе чего оно плохо горѣло, потомъ, когда смола все-таки закипѣла, выпросилъ у діявола отсрочку для молитвы, а затѣмъ уже сталъ медленно раздѣваться, чтобы лѣзть въ котелъ; при этомъ все время прилетали къ нему птички и сообщали ему о постепенномъ освобожденіи его собачекъ изъ-за желѣзныхъ дверей. И дѣйствительно, пока онъ раздѣвался, собачки прогрызли послѣднія двери, прибѣжали къ нему и тутъ-же разорвали діявола.

Затѣмъ собачки велѣли мужику убить и невѣрную жену, но онъ ее пожалѣлъ и оставилъ. Когда же онъ легъ спать, жена вложила ему въ ухо зубъ діявола, вслѣдствіе чего онъ умеръ, а затѣмъ вынесла его въ лѣсъ на сосну. Собачки нашли тѣло, призвали сначала волка, а затѣмъ, когда тотъ оказался слишкомъ слабымъ, медвѣдя—свалить сосну, велѣли зайцу вытянуть зубъ изъ уха хозяина, и тотъ сразу ожилъ.

Пожалѣвъ опять жену, мужъ еще не убивалъ ея, только заперъ въ погребъ и поставилъ предъ ней для испытанія

2 ушата: одинъ порожній, чтобы она, въ случаѣ раскаянья, наполнила его слезами, а другой съ угольями, которые она должна съѣсть, если еще тоскуетъ по діяволѣ. На утро оказалось, что она ничего не наплакала, а наоборотъ, съѣла всѣ уголья до-чиста, въ виду чего мужъ велѣлъ собачкамъ разорвать ее и выбросилъ ее въ оврагъ къ діяволу.

Параллели: Общій сюжетъ о невѣрной женѣ, сестрѣ или матери см.: „Наука", 1894, I—II, 45—55; Роздольскій: Казки, II, 19—24, 45—46; Гнатюкъ: Легенды, II, 91—92; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 54—56, IV, 27—34, V, 67—73, 76—96; Драгомановъ: Преданія, 300—304; Кулишъ: Записки, II, 48—57; Чубинскій: Труды, II, 143—167, 285—290; Рудченко: Сказки, I, 120—141; Манжура: Сказки, 34—39, Гринченко: Этн. мат., I, 155—159, II, 269—271; его-же: Изъ устъ народа, 333—341, 447; Малинка: Сб. мат., 280—282; Добровольскій: Смол. сб., I, 495—498; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 38—70; Сумцовъ: Разб. Ром., 78—79, Weryho: Pod. białor., 19—24; Federowski: Lud białor., I, 120—124, II, 64—67, 69—74, 85—87, 314—315; Худяковъ: Великор. ск., I, 42—44, III, 25—29; его-же: Матеріалы, 85—89; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 5—21; Эрленвейнъ: Нар. ск., 49—50; Садовниковъ: Сам. ск., 68—72; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 347—348, XII—3, 374, 378, 389; Смирновъ: Систем. указатель—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVII—3, 163—175; „Сб. Кавк.", X, 2, 78—79, 265—277, XVIII, 3, 16—20, XXI, 2, 8—12, XXVI, 2, 109—114, XXXIII, 3, 19—23, XLII, 2, 126—135; „Этн. Об.", XXII, 104; Буслаевъ: Очерки, I, 324—327; Пыпинъ: Для люб. кн. стар., 70—71; Сиповскій: Рус. повѣсти, 90—107; Kolberg: Pokucie, IV, 64—73; его-же: Chełmskie, II, 115—117; Ciszewski: Krakowiacy, I, 89—98; „Zbior wiad.", V, 240—242, VII, 18—20, XI, 119—122; „Mat. antr.", V, 22—25, VI, 338—340; „Wisła", II, 15—20, VII, 36—37, VIII, 249—253; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 382—385; Leskien-Brugmann: Lit. M., 389—394, 396—404, 548—553; Schleicher: Lit. M., 54—57; „Č. Lid", V, 562—565; Němcova: Nár. báchorky, II, 48—67; „Národop. Sb.", II, 105, IV—V, 143; Dobšinský: Prostonár. pov., V, 52—65; Ardalic-Polivka: Nar. prip., 28—33, 41—43; Краснь: Нар. прип., I, 25—29, II, 40—46; Шанкаревъ: Сб. умотв., IX, 350—351, 406—409, 463—469; Поливка: Бѣлѣжки, 27, 32, 36; „Arch. f. sl. Phil.", XIX, 242, XXI, 283, XXIX, 471; Müllenhoff: Sagen, 416—420; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 235—254, 375—377; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 82—85, 176—180, 215—217, II, 188—190, 279—284; Schott: Wal. M., 265—279; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 312—316; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ. „Сб. Миллера", 202—203; Потанинъ: Очерки, II, 175—177, IV, 399—401; Radloff: Proben, III, 321—332; Köhler: Kl. Schr., I, 303—305; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 551—553.—См. выше—№ 29.

Чудесный ремешокъ, дающій непобѣдимую силу, ср. съ подобными же волшебными предметами въ № 33 и 40.

Разбойничій домъ см. выше—№ 26 и 27.

Мотивъ о движущихся горахъ—симплегадахъ см. еще: Етн. изъ Никловичъ: Казки, 92—93; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 262; Аѳанасьевъ: Поэт. воззр., II, 350—354; его-же: Сказки, II, 18; Худяковъ: Великор. ск., III, 40—41; „Этн. Об.", XXI, 9; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 226, 228, IX, 408; Поливка: Бѣлѣжки, 18; Köhler: Kl. Schr., I, 367, 397, 572.

Мотивъ о чертовской мельницѣ см. еще: Аѳанасьевъ: Поэт. воззр., I, 295; его-же: Сказки, II, 18.

Мотивъ о чудесныхъ собакахъ см. также выше—№ 26.

31.

Чудесная птица.

а). Одному рыбаку не везло въ ловлѣ рыбъ, и онъ рѣшилъ стать птицеловомъ. Въ лѣсу онъ поймалъ птичку, которая каждый день несла ему по алмазу, такъ что онъ вскорѣ очень разбогатѣлъ и сталъ посылать своихъ дѣтей въ школу.

Учитель этой школы, вывѣдавъ отъ дѣтей о причинѣ внезапнаго богатства ихъ отца, велѣлъ рыбаку зарѣзать для него чудесную птичку, за что обѣщалъ женить своего сына на его дочери. Рыбакъ согласился и къ свадьбѣ зарѣзалъ для учителя птичку, но, когда всѣ изъ дому ушли на вѣнчаніе, старшій мальчикъ его съѣлъ въ кухнѣ птичку, а младшій выпилъ наваръ изъ нея, послѣ чего они оба, боясь учителя, бѣжали.

По дорогѣ они встрѣтили женщину, которая приняла ихъ къ себѣ на службу. Утромъ хозяйка увидѣла подъ головой старшаго мальчика, который съѣлъ птичку, 3 милліона денегъ, но, какъ только онъ всталъ, деньги исчезли, такъ какъ они не давались никому, лишь ему одному. Затѣмъ мальчики, недовольные службой, отправились дальше.

Черезъ нѣкоторое время пришли они къ одному барину, дочери котораго въ нихъ влюбились и взяли ихъ себѣ въ мужья. Однако, вскорѣ младшая изъ нихъ вдругъ не взлюбила своего мужа и, желая его погубить, послала его въ чертовскій городъ за деньгами.

Тотъ пошелъ и, встрѣтивъ по дорогѣ Мѣсяца, Солнце, Вѣтра, Мороза и Дождя, взялъ ихъ всѣхъ съ собою. Въ чертовскомъ городѣ черти потребовали отъ него, прежде чѣмъ дать ему деньги, сперва вычерпать и осушить море, что тутъ-же сдѣлалъ за него Вѣтеръ; затѣмъ -до утра вспахать это мѣсто и посѣять на немъ пшеницу, сжать ее и сложить въ копны, что они исполнили общими силами; потомъ—опять наполнить жниво водой по-прежнему, что сдѣлалъ за него Дождь; наконецъ, черти предложили молодцу пообѣдать на раскаленной желѣзной печкѣ, которая, однако, сейчасъ, какъ только Морозъ положилъ на нее свою руку, совсѣмъ остыла. Послѣ этого черти уже ушли изъ своего города и оставили молодцу всѣ свои деньги.

Но онъ уже не возвращался болѣе къ своей женѣ, а построилъ себѣ новый городъ и остался въ немъ царемъ, благодаря тому, что выпилъ наваръ съ чудесной птички.

б). Одинъ бѣдный человѣкъ поймалъ въ лѣсу птичку съ золотыми перьями и посадилъ ее въ клѣтку. Въ это время проѣзжалъ туда баринъ съ сыномъ, увидалъ птичку и прочелъ у нея на крылышкахъ, что тотъ, кто ее съѣстъ, будетъ каждое утро находить подъ собою 2 дуката. Баринъ хотѣлъ купить птичку, но бѣднякъ согласился отдать ее только тогда, когда тотъ обѣщалъ дать ему порядочный кусокъ земли и содержать его при себѣ до смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сынъ барина женился на дочери бѣдняка.

Послѣ свадьбы поваръ зарѣзалъ и зажарилъ для барина золотую птичку, но два мальчика бѣдняка случайно перехватили и съѣли ее пополамъ. Узнавъ объ этомъ, баринъ велѣлъ охотнику отвести мальчиковъ въ лѣсъ, убить ихъ и принести ему ихъ глаза, однако, тотъ отпустилъ ихъ въ свѣтъ, а барину принесъ глаза собаки.

Братья же пошли и, проблуждавъ 2 дня въ лѣсу, зашли къ одной женщинѣ, которая приняла ихъ на ночь, а затѣмъ, найдя утромъ подъ каждымъ изъ нихъ по 2 дуката, задержала ихъ у себя совсѣмъ, причемъ, пользуясь тѣмъ, что они ничего не знали о своемъ счастьи, подбирала за ними каждое утро дукаты и, такимъ образомъ, со временемъ очень разбогатѣла. Однако, спустя нѣкоторое время, боясь наказанія за разбитый горшокъ молока,

мальчики убѣжали въ лѣсъ и, найдя тутъ утромъ подъ собою дукаты, отправились въ городъ и купили себѣ въ звѣринцѣ 2 волковъ, 2 медвѣдей и 2 львовъ. Послѣ этого они разошлись въ разныя стороны, раздѣливъ предварительно между собой звѣрей и воткнувъ въ дуплистую вербу ножъ, чтобы въ случаѣ нужды узнать, смотря по его чистотѣ или ржавчинѣ, живъ ли еще другой братъ или нѣтъ?

Старшій братъ зашелъ прежде всего въ трактиръ и накормилъ въ немъ своихъ звѣрей, причемъ медвѣдь похитилъ у трактирщика пузырекъ съ живительнымъ лѣкарствомъ.

Затѣмъ молодецъ пришелъ со своими звѣрями въ столичный городъ, въ которомъ змѣй поѣдалъ людей, а въ этотъ день была обречена на съѣденіе царская дочь. Онъ засѣлъ подъ скалой, гдѣ жилъ змѣй, а затѣмъ, когда привели и оставили тамъ царевну и змѣй вышелъ къ ней, онъ напустилъ на него своихъ звѣрей, а самъ отрубилъ ему саблей всѣ 12 головъ, вырѣзалъ изъ нихъ языки и спряталъ ихъ. Благодарная царевна обѣщала выйти за него въ теченіе года замужъ, въ знакъ чего дала ему половину своего кольца и платочка. Послѣ этого молодецъ легъ спать, но этимъ воспользовался кучеръ царевны, подобралъ головы змѣя, убилъ молодца, а царевну принудилъ признать его своимъ избавителемъ и женихомъ, причемъ, однако, свадьба, по ея настоянію, была тоже отложена на годъ.

Между тѣмъ, звѣри нашли тѣло своего хозяина и оживили его лѣкарствомъ, которое медвѣдь похитилъ у трактирщика, но, такъ какъ они при этомъ неправильно приложили отрубленную голову къ туловищу, то медвѣдь снова отрубилъ ему ее во снѣ, а затѣмъ ужъ приложилъ ее, какъ слѣдуетъ, къ тѣлу и вновь оживилъ его.

Послѣ этого молодецъ скитался со своими звѣрями по свѣту, но черезъ годъ вернулся назадъ въ тотъ-же городъ, гдѣ уже готовилась свадьба царевны съ кучеромъ. Въ трактирѣ онъ побился съ трактирщикомъ объ закладъ на его трактиръ, что они будутъ ѣсть кушанья со свадебнаго пира, и дѣйствительно, по запискѣ, отнесенной волкомъ царевнѣ, тотчасъ получилъ съ царскаго стола различныя кушанья, но потомъ, видя отчаяніе трактирщика, подарилъ ему выигранный трактиръ назадъ. Затѣмъ, по приглашенію царевны, молодецъ явился на ея свадьбу, гдѣ тотчасъ, благодаря ея кольцу и платочку и

вырѣзаннымъ языкамъ змѣя, былъ раскрытъ обманъ кучера, послѣ чего послѣдній былъ растерзанъ лошадьми, а молодецъ женился на царевнѣ.

Послѣ свадьбы молодецъ увидѣлъ однажды ночью на сосѣдней горѣ свѣтъ, отправился туда и попалъ къ Бабѣ-Ягѣ, которая тутъ-же, ударами волшебнаго прутика, превратила его и звѣрей въ камни.

Между тѣмъ, младшій братъ, узнавъ, по ржавчинѣ на ножѣ, о смерти брата, отправился искать его и пришелъ со своими звѣрями къ царевнѣ—его женѣ. Вслѣдствіе большого сходства братьевъ, царевна, какъ и всѣ вообще, приняла его за своего мужа и легла съ нимъ спать, но онъ положилъ по серединѣ кровати саблю и не тронулъ ея. Потомъ, увидѣвъ тоже свѣтъ на горѣ, онъ пошелъ туда, нашелъ окаменѣвшіе трупы брата и его звѣрей, а затѣмъ, не дожидаясь удара прутикомъ, затравилъ Бабу-Ягу своими звѣрями и велѣлъ ей достать живой воды. Она повела его сперва къ источнику съ мертвой водой, въ которой его палка сразу загорѣлась, а потомъ только указала ему живую воду, въ которой палка тотчасъ распустилась и расцвѣла. Этой водой молодецъ тутъ-же оживилъ брата и его звѣрей, послѣ чего всѣ звѣри вмѣстѣ разорвали Бабу-Ягу въ клочки.

По дорогѣ домой младшій братъ подразнилъ старшаго, что онъ спалъ эту ночь съ его женой, за что тотъ отрубилъ ему саблей голову, но затѣмъ, узнавъ отъ жены всю правду, воскресилъ его, по указанію звѣрей, водой изъ живого источника.

Послѣ этого, въ виду своего полнаго сходства, братья сговорились не открывать во дворцѣ, кто изъ нихъ настоящій царскій зять, такъ что даже царевна не могла узнать своего мужа. Тогда она привязала себѣ подъ мышку пузырь съ кровью, ударила въ него ножемъ и упала, обливаясь кровью, какъ мертвая, въ виду чего ея мужъ въ отчаяніи сталъ упрекать себя за глупую шутку и, такимъ образомъ, выдалъ себя передъ поднявшейся невредимо женой.

Съ тѣхъ поръ они уже жили счастливо вмѣстѣ, а младшаго брата и родителей богато одарили деньгами.

Параллели: Основной сюжетъ варіанта **а** и первой части варіанта **б** — о чудесной птицѣ, отъ вкушенія которой герой становится царемъ или находитъ подъ собою каждое утро червонцы,—см: Игн. изъ Никло-

вичъ: Казки, 31—35; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 42—48; Драгомановъ: Преданія, 363—366; Чубинскій: Труды, II, 424—426; Ястребовъ: Матеріалы, 148—152; Гринченко: Этн. мат., II, 247—253; Манжура: Сказки, 52—54; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 205—213; Добровольскій: Смол. сб., I, 561—563; Худяковъ: Великор. ск., I, 103—107, III, 154—159; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 333—339; Эрленвейнъ: Нар. ск., 46—47; Садовниковъ: Сам. ск., 108—110; Иваницкій: Мат. волог., 166—168; Ончуковъ: Сѣв. ск., 170—173; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 239—243, IV, 185—186; Сиповскій: Очерки, I—2, 233; „Ж. Стар.", XI, 75—77; „Сб. Кавк.", XXVIII, 2, 80—89, XXXV, 2, 101—105; Смирновъ: Систем. указатель—„Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVII—3, 137—141; „Zbiór wiad.", IX, 89—94; „Mat. antr.", VI, 371—375, 405—407, VIII, 178—182; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 85—88, 166—168; „Lud." V, 183; Němcova: Nár. báchorky, I, 192—205; Václavek: Pohádky, II, 19—32; „Slavia", 26—27; „C. Lid." VIII, 147—148; „Slov. Pohl.", 1899, 428—437; Bojinović: Priповijetke, 18—25; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 187—189; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 256—259, IX, 444—448, 538—545; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 19—24; Polivka: O zlatem ptáčku a dvou chudých chlapcích—„Národop. Sb.", VI, 94—143; „Arch. f. sl. Phil.", I, 273—275, XVI, 318, XIX, 266, XXI, 282, XXXI, 271; „Zs. ö. st. Vk.", IV, 159; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 474—477; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 19—23; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 227—233; Grimm: K. H. M., I, 311—334, III, 102—107, 307, 327; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 528—556; Miklosich: Mundarten Zig., IV, 297—300; Radloff: Proben, IV, 477—482; Потанинъ: Очерки, IV, 535—539, 923; Lidzbarski: Neuaram. Hs., 253—257; Rosen: Turi-Nameh, II, 291—306; Яворовскій: Сказки попугая, 61—86; Köhler: Kl. Schr., I, 409—410.

Къ второй части варіанта **б**, представляющей самостоятельную сказку о двухъ похожихъ братьяхъ, см.: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 92—96; Роздольскій: Казки, II, 76—81; S. Barącz: Bajki, 175—178; Манжура: Сказки, 28—33; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 107—113; Nowosielski: Lud. ukr., II, 310—327; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 137—142, VI, 60—67, 382—394; Добровольскій: Смол. сб., I, 480—495; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 211—217; Эрленвейнъ: Нар. ск., 9—13; Ончуковъ: Сѣв. ск., 16—23; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", IX—1, 428, XII—3, 375, 380; „Сб. Кавк.", II, 2, 121—128, XVIII, 3, 383—387, XXXIII, 3, 17—27; „Lud", V, 170—171; „Zbiór wiad.", II, 144—147, XI, 84—87, XV, 10—19; „Mat. antr.", X, 262—265, XI, 36—39; Ciszewski: Krakowiacy, I, 47—51; Václavek: Pohádky, I, 51—61; „Národop. Sb.", VI, 212, VII, 218; Красиѣ: Нар. прип., I, 37—42; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 415—419, 466—469; „Arch. f. sl. Phil.", XVII, 573; Трейландъ: Лат. ск., 193—196, 200—206; Bartsch: Sagen Meklenb., I, 475—477; Grimm: K. H. M., I, 313—334, 427—430, III, 102—107, 144—145; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 528—556; Cavallius-Stephens: Schwed. M., 347—357; Grundtvig: Dän. Vm., I, 277—328; Basile: Pentameron, I, 97—109, 131—133; Gonzenbach: Sic. M., I, 276—280, II, 230; Blade: Cont. gasc., I, 279—286; Stier: Ung. M.,

1—14; „Or. u. Occ.“, II, 115—120; Köhler: Kl. Schr., I, 175—181, 303—305, 347, 368—369, 387—388.

Мотивъ о чудесныхъ товарищахъ, помогающихъ герою исполнить неразрѣшимыя задачи, см. еще: Ю. А. Яворскій: Notizen zur Gesch. d. Märchen u. Schwänke—„Der Urquell“, II, 197—198; Игн. изъ Никловичъ: Казки, 72—75; „Наука“, 1896, I—III, 133—139, 1897, I—III, 142—146; Роздольскій: Казки, II, 55—57; Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., II, 48—51, 56—58, 60—61, IV, 62—64, V, 4—16, 149—151; S. Baraez: Bajki, 63—64, 91—92, Kolberg: Pokucie, IV, 101; Драгомановъ: Преданія, 274—278; Манжура: Сказки, 26—27; Nowosielski: Lud ukr., I, 270—276; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 118—119, 131—132, VI, 261—262, 272—276, 283—285, 429—432; Добровольскій: Смол. сб., I, 429—432, 441—443; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 166—167, 169, 183—188, II, 57—58; Худяковъ: Великор. ск., I, 118—121; Ончуковъ: Сѣв. ск., 83—84; Лобода: Р. былины о сватовствѣ, 11—14; „Этн. Об.“, XII, 42; „Сб. Дашк.“, III, 151—153; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, IX—1, 433; „Сб. Кавк.“, X, 3, 57, XIV, 2, 206—208, XVIII, 1, 64—69, XIX, 2, 4—7, XXVI, 2, 37—46, XXVII, 2, 131—137, XXXVI, 3, 189—194; „Zbiorwiad.“, IX, 81—84, XVIII, 401—403; „Mat. antr.“, V, 166—167, 187—190, VI, 382—383, X, 258; Ciszewski: „Krakowiacy“, I, 189—190; Bones-Tröbizsky: Nar. poh., 94—99; „C. Lid“, VI, 200; Добросавльевиh: Приповетке, 78—81; Krauss: Anthropophyteia, II, 161—162; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 14—16, IX, 399—400; Поливка: Бѣлѣжки, 5; „Narodop. Sb.“, VI, 213; „Arch. f. sl. Phil.“, II, 639—640, XXVI, 465—466; „Zs. Ver. Vk.“, XV, 456—457; „Germania“, XV, 186—187; „Ung. Revue“, V, 735—739; Grimm: K. H. M., I, 351—352, 375—380, II, 229—235, III, 120—123; Blade: Cont. gasc., III, 18—22, 38—40; Carnoy-Nicolaides: Trad. pop. Asie Min., 49—56; Radloff: Proben, IV, 460—469; Потанинъ: Очерки, IV, 201—203, 503—504, 787—788; „Or. u. Occ.“, II, 296—299; Köhler: Kl. Schr., I, 92—93, 134, 191—194, 298—303, 389—391, 396—397, 431, 438—440, II, 591—592; Benfey: Das Märchen von d. Menschen mit d. wunderbaren Eigenschaften — Kl. Schriften, II—3.

Мотивъ о ножѣ, ржавѣющемъ въ случаѣ смерти одного изъ братьевъ, см. еще: Игн. изъ Никловичъ: Казки, 37, 92; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 162, 212, 216—217, 229, 231—232; Садовниковъ: Зам. ск., 32; Ончуковъ: Сѣв. ск., 584; „Mat. antr.“, VI, 378; Ardalić-Polivka: Nar. prip., 1; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—546; Трейландъ: Лат. ск., 128, 193—194; „Or. u. Occ.“, II, 119—120; Köhler: Kl. Schr., I, 180—181.

Мотивъ о мечѣ или ножѣ между мужчиной и женщиной на кровати см. еще: Гнатюкъ: Легенды, I, 39, II, 229; его-же: Етн. мат. Уг. Р., I, 35, IV, 67; „Сб. Кавк.“, XLII, 2, 138; Веселовскій: Изъ ист. ром. и пов., II, 199, 231; Ждановъ: Р. был. эпосъ, 166; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказокъ—„Сб. Миллера“, 194; Grimm: K. H. M., III, 311; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 534—555; Köhler: Kl. Schr., II, 443—444; Wesselsky: Mönchslatein, 152, 241.

Мотивъ о притворномъ самоубійствѣ, съ цѣлью обнаруженія настоящаго мужа или родственника, см. еще: Weryho: Pod. bialor., 58—59; „Mat. antr.", V, 242.

Мотивъ объ испытаніи живой воды см. еще: Аѳанасьевъ: Сказки, I, 343, 349, 351.

Мотивъ о неразрѣшимыхъ задачахъ см. также ниже—№ 41 и 98.

Мотивъ о звѣряхъ, помогающихъ герою, см. также № 26, 29 и 30.

Мотивъ о закладѣ съ трактирщикомъ см. также № 26.

Мотивъ объ освобожденіи героемъ дѣвицы отъ змѣя или діявола см. также № 26.

32.

Чудесная рыба.

Однажды рыбакъ поймалъ красноперую рыбу безъ хвоста, но затѣмъ, когда она обѣщала ему горшокъ каши, отпустилъ ее на свободу; тѣмъ не менѣе, каши дома у него не оказалось. То-же самое произошло и въ другой разъ, на третій же разъ рыба обѣщала ему не только каждый день горшокъ каши, но также исполненіе всякаго его желанія по словамъ: „Божьей властью на помощь!"

Рыбакъ сейчасъ пожелалъ себѣ возокъ-самокатъ и поѣхалъ на немъ. Затѣмъ, увидѣвъ въ окнѣ царевну, запертую тамъ отцомъ, пожелалъ, чтобы она забеременѣла и родила ему мальчика. Въ 7 лѣтъ мальчикъ сталъ говорить, а когда царь собралъ весь народъ и велѣлъ мальчику узнать своего отца, онъ указалъ прямо на рыбака. Тогда царь бросилъ рыбака и царевну съ сыномъ въ темницу и морилъ ихъ тамъ голодомъ, однако, по желанію рыбака, тутъ-же явился горшокъ каши, потомъ стали окна въ темницѣ, а наконецъ, и сами они мгновенно перенеслись въ великолѣпный дворецъ, который вдругъ явился для нихъ на высокой горѣ.

Однажды царевнѣ захотѣлось увидѣть своего отца, въ виду чего, по слову рыбака, сдѣлалась отъ ихъ дворца до царскаго прямая дорога, по сторонамъ которой стояли клѣтки съ птицами и цвѣли розы. Когда царь увидѣлъ новую дорогу, онъ поѣхалъ по ней, но у него не хватило хлѣба, вслѣдствіе чего онъ вернулся, взялъ запасу на 2 года и поѣхалъ снова, причемъ

однажды, когда онъ попытался по дорогѣ взять одну клѣтку съ птицей, кто-то невидимый ударилъ его по лицу. На самую гору царь, по слову зятя, полѣзъ на колѣняхъ, такъ что у него потекла кровь.

Въ гостяхъ у дочери и зятя прожилъ царь 3 года, но они ему не открылись. Потомъ же, по желанію зятя, онъ мгновенно былъ перенесенъ въ свой дворецъ, дорога же провалилась въ болото. А рыбакъ съ царевной и сыномъ оставались въ своемъ дворцѣ до самой смерти.

Параллели: „Наука", 1894, I—II, 42—45; Чубинскій: Труды, II, 88—90; Рудченко: Сказки, II, 85—89; Романовъ: Бѣлорус. сб., VI, 254—255; Federowski: Lud białor., I, 175—176, II, 37—38, 93—94; Ровинскій: Р. нар. картинки, I, 204—213, IV, 179—180; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 250—258; Худяковъ: Матеріалы, 20—22, 39; „Ж. Стар.", VIII, 109—110, XII, 469—470; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 345—346, 349—350; Смирновъ: Систем. указатель — „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVII—3, 141—143; „Сборн. Кавк.", XV, 2, 45—47, XXXVII, 2, 48—50; Kolberg: Lud, XIV, 51—56, 62—68; Ciszewski: Krakowiacy, I, 190—192; Gliński: Baj. pol., I, 161—171; „Mat. antr.", V, 116—119, X, 261, XI, 44—46; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., II, 28—34; Шапкаревъ: Сборн. умотв., VIII, 169—171; Поливка: Бѣлѣжки, 15; „Národop. Sb.", IV—V, 145, VI, 224—225, VII, 221; „Arch. f. sl. Phil.", XXVI, 463; Müllenhoff: Sagen, 431—432; Grundtvig: Dän. Vm., I, 115—124; Basile: Pentameron, I, 43—55; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 103—109; Luzel: Lég. chrét., II, 59—66; Radloff: Proben, IV, 7—10, 405—407; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 485—489; Köhler: Kl. Schr., I, 405, 587—588.

Ср. также родственную, обработанную Пушкинымъ, сказку о рыбакѣ и рыбкѣ: Ю. А. Яворскій: Къ исторіи Пушкинскихъ сказокъ, 17; Майковъ: Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ Пушкина и ея источники — „Ж. М. Н. Пр.", 1892, V, 146—157; Сумцовъ: Пушкинъ, 287—299; „Ж. Стар.", III, 91—95; Polivka: Rybař a zlatá rybka—„Národop. Sb.", I, 49—63; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 138—148.

33.

Платокъ, шляпа и топоръ.

Въ одномъ городѣ кто-то каждую ночь воровалъ у министра деньги изъ кассы, караульныхъ же солдатъ всѣхъ убивалъ. Наконецъ, вызвался сторожить младшій изъ 3-хъ братьевъ, взявъ съ собою освященное колесо съ золотыми буквами и

освященный мѣлъ. На посту онъ сталъ на этомъ колесѣ и не сходилъ съ него, хотя ночью поднялся страшный вихрь и шумъ и посыпало на него огнемъ. Тутъ пришла къ нему какая-то барыня, которой онъ позволилъ спать въ будкѣ, а въ 12 ч. ее разбудилъ, за что она подарила ему платокъ-невидимку. То-же самое повторилось и на другую ночь, причемъ барыня оставила ему на этотъ разъ шляпу, которая, если только повернуть ее на головѣ влѣво, давала владѣльцу множество войска. На третью ночь надлетѣли и все каркали надъ нимъ вороны, а пламя обжигало ему волосы и брови, барыня же, уходя, оставила ему топоръ, изъ котораго, если потрусить его, всегда сыплются деньги.

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, обладателемъ трехъ такихъ волшебныхъ предметовъ, солдатъ покинулъ свою службу и отправился къ другому царю, который объявилъ, что тотъ, кто проиграетъ съ его дочерью цѣлую ночь въ карты, женится на ней. На деньги изъ волшебнаго топора солдатъ игралъ съ царевной до 3 ч. ночи, но затѣмъ послѣдняя, видя, что не можетъ обыграть его, напоила его снотворнымъ напиткомъ и подмѣнила ему топоръ другимъ, поддѣльнымъ, послѣ чего онъ скоро проигралъ всѣ деньги и былъ избитъ и выгнанъ вонъ. Тогда онъ, съ помощью волшебной шляпы, собралъ большое войско и пошелъ приступомъ на царскій дворецъ, но царевна лестью заманила его въ свою комнату и отняла шляпу, а его снова велѣла избить и прогнать. Тогда солдатъ, накрывшись платкомъ-невидимкой, пробрался во дворецъ подъ столъ и сталъ опрокидывать царскія кушанья, но часовой высмотрѣлъ его и сорвалъ съ него платокъ, послѣ чего его опять побили и прогнали прочь.

Тутъ уже солдатъ пошелъ и поступилъ на службу къ одному барину, который, уѣзжая изъ дому, запретилъ ему входить въ одну комнату, что завязана лыкомъ. Однако, онъ все-таки пошелъ туда и увидѣлъ по серединѣ комнаты столикъ, въ ящикѣ котораго онъ нашелъ коробку съ домовымъ своего барина. Взявъ эту коробку съ собою, онъ опять пошелъ въ тотъ городъ, гдѣ жила коварная царевна. Ночью онъ велѣлъ домовому принести къ себѣ царевну въ кровать, что тотъ сейчасъ и исполнилъ, на утро же отнесъ ее назадъ во дворецъ. Чтобы узнать, куда ее уносятъ, царь велѣлъ на другую ночь насыпать ей въ кровать маку, который, разсыпаясь, указалъ-бы дорогу, но домовой понесъ ее по такимъ дебрямъ, что нельзя было открыть

слѣда. На третью ночь приставили къ ней стражу, но домовой потушилъ лампы, побилъ часовыхъ и опять унесъ царевну къ солдату, на утро же отнесъ ее обратно. Тогда уже царь объявилъ, что тотъ, кто бралъ къ себѣ ночью его дочь, женится на ней, въ виду чего солдатъ открылся ему, а затѣмъ уже и женился на царевнѣ.

Параллели: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., IV, 38—42; Гринченко: Этн. мат., II, 253—257; Малинка: Сб. мат., 302—304; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 181—195; Сумцовъ. Разб. Ром., 83; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 328—333; Худяковъ: Великор. ск., I, 40—42; Эрленвейнъ: Нар. ск., 78—82; Иваницкій: Мат. волог., 177—178; „Ж. Стар.", VIII, 105—106; „Этн. Об.", LIII, 101—108; „Сб. Кавк.", XXIII, 3, 35—38, XXXV, 2, 99—101, XLII, 2, 65—68; „Пам. Древн. Письм.", 1879, II, 140—147; „Mat. antr.", V, 45—47, 139—142; „Wisła", VIII, 531—535; Chełkowski: Pow. Przasn., I, 103—112; Ciszewski. Krakowiacy, I, 184—186; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. zim., II, 299—306; Трейландъ: Лат. ск., 196—199; „Č. Lid", VI, 194—195, 237—239; Václavek: Několik pohádek, 39—41; Ристич-Лончарски: Нар. прип., 83—90; „Arch. f. slav. Phil.", XXVI, 460—461; „Zs. ost. Vk.", II, 221, III, 376, IV, 160; Carnoy: Litt. or. Picard., 292—307; „Ur. u. Oec.", II, 124—125; Grimm: K. H. M., I, 274—280, II, 173—180, III, 90—94, 201—205; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 464—485; Köhler: Kl. Schr., I, 186—187; Oesterley: Gesta Rom., 466—470, 731.

Мотивъ о домовомъ или чертѣ, носящемъ дѣвицу къ герою, см.: Гнатюкъ: Етн. мат. Уг. Р., V, 190—194; Добровольскій: Смол. сб., I, 556—559; A. G.: Nar. prip. Sošk., III, 56—60; Radloff: Proben, IV, 275—276; Grimm: K. H. M., II, 152—153, III, 196—197.— Ср. также любовный заговоръ у Чубинскаго: Труды, I, 91.—О домовомъ вообще см. выше—стр. 251—255.

34.

Собака, кошка и змѣя.

Выслужилъ парень за годъ 3 гроша и пошелъ съ ними въ свѣтъ. По пути онъ выкупилъ за одинъ грошъ у мужика собаку, которую тотъ собирался убить, затѣмъ за другой грошъ— кошку, которую другой мужикъ несъ топить, наконецъ, за послѣдній грошъ—змѣю, которую били мальчики. Послѣдняя велѣла ему взять ее къ себѣ на шею и нести къ ея отцу, въ награду же требовать у него не что иное, какъ только волшебный камышекъ изъ-подъ его языка, отъ котораго, если только повернуть его подъ языкомъ, исполняются всѣ желанія.

Получивъ этотъ камышекъ, парень пошелъ дальше и встрѣтилъ у большого болота толпу господъ, которымъ царь объявилъ, что выдастъ свою дочь за того, кто перейдетъ черезъ это болото. Парень взялъ 2 доски и, переставляя ихъ впереди себя, перешелъ черезъ болото къ царю. Однако, тотъ велѣлъ ему еще построить за ночь дворецъ въ 3 этажа, а въ немъ 12 погребовъ и въ каждомъ изъ нихъ по столику. Тутъ, благодаря камышку, явились къ нему 3 черта, которые до утра исполнили эту задачу, послѣ чего уже царь отдалъ ему свою дочь въ жены.

Черезъ нѣкоторое время жена вывѣдала у него тайну о камышкѣ, а затѣмъ во время сна вынула у него камышекъ и положила его себѣ подъ языкъ, когда же къ ней явились 3 черта, то приказала имъ соединить ее съ прежнимъ любовникомъ и отнести ихъ обоихъ вмѣстѣ, съ цѣлымъ дворцомъ, за море, а мужа оставить одного, лишь съ его собакой и кошкой, на мѣстѣ.

Покинутый мужъ пошелъ и нанялся гдѣ-то на службу, а его собака и кошка отправились искать камышекъ. Переправившись черезъ море, они пришли къ царевнѣ и стали здѣсь ловить крысъ, которыя, чтобы избавиться отъ этихъ преслѣдованій, заставили царевну во снѣ, посредствомъ щекотанія въ носу испачканнымъ хвостомъ, выплюнуть камышекъ на землю, а затѣмъ отдали его сейчасъ кошкѣ. Взявъ камышекъ въ ротъ, кошка пустилась вмѣстѣ съ собакой въ обратный путь, однако, на морѣ, отвѣчая на вопросъ собаки, уронила камышекъ въ воду. Выйдя на берегъ, она бросилась ловить рыбъ, пока одна краснопёрая рыбка безъ хвоста не принесла ей камышка обратно, послѣ чего они уже благополучно доставили его своему хозяину.

Получивъ опять свой камышекъ, мужъ тотчасъ велѣлъ явившимся къ нему тремъ чертямъ принести къ нему назадъ его дворецъ съ женой, но послѣднюю прогналъ прочь, а самъ уже остался жить во дворцѣ.

Параллели: Роздольскій: Казки, I, 13—17, II, 39—44, 95—98; Гнатюкъ: Етн. мат. Ук. Р., V, 197—202; S. Barącz: Bajki, 95—97, 113—120; Чубинскій: Труды, II, 52—63; Гринченко: Этн. мат., I, 195—198; Манжура: Сказки, 56—57; его-же: Малор. сказки—„Харьк. Сб.", VI, 163—164; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 135—144; Малинка: Сб.

мат., 311—315; Шейнъ: Матеріалы, II, 15—18; Добровольскій: Смол. сб., I, 607—615; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 345—350, VI, 404—412; Federowski: Lud białor., II, 75—81; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 316—328; Эрленвейнъ: Нар. ск., 98—101; Худяковъ: Великор. ск., I, 35—40, III, 61—65; Садовниковъ: Сам. ск., 41—50; Ончуковъ: Сѣв. ск., 153—157; „Ж. Стар.", XI, 79—80; „Этн. Об.", XXII, 123; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", IX—1, 437; Смирновъ: Систем. указатель — „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", XVII—3, 146—154; „Сб. Кавк.", XV, 2, 179—184, XXXVI, 3, 194—208; „Zbiór wiad.", IX, 94—97, XVI, 43—44, XVIII, 339—344; „Mat. antr.", V, 92—96; „Lud", II, 56—62; „Wisła", VII, 152—155; Kolberg: Pokucie, IV, 281—286; его-же: Lud, III, 139—141; Ciszewski: Krakowiacy, I, 115—116; Gliński: Baj. pol., II, 101—114; Świętek: Lud nadr., 361—362; Vaclavek: Pohádky, I, 28—29; „Č. Lid", VI, 377—378; „Národop. Sb.", I, 144, II, 10—11, III, 116, 122; „Sl. Pohl.", 1896, 221—227; „Zb. Juž. Sl.", I, 124—128; Стефановић: Срп. прип., 50—56, 111—129; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 163—168; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 155—159, IX, 303; Поливка: Бѣлѣжки, 14, 23; „Arch. f. slav. Phil.", V, 26—27, 38—40, XVII, 575, XIX, 244, 248, 263, XXI, 269, XXVI, 462; Leskien-Brugmann: Lit. M., 460—464, 572—573; „Zs. öst. Vk.", II, 221, III, 189, 377, VII, 95, 98; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 109—114; Carnoy-Nicolaides: Trad. pop. Asie Min., 63—74; „Сб. Миллера", 174; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера", 201; Гомбоевъ: Шидди-Куръ, 62—67; Radloff: Proben, I, 88—117, III, 396—402, IV, 162—164; Клингеръ: Сказ. мот. Герод., 119, 124; Köhler: Kl. Schr., I, 63, 398, 437, 440—441; Dähnhardt: Natursagen, IV, 147—160.—Ср. также ниже № 35.

Мотивъ о благодарной змѣѣ вообще см. еще ниже—№ 38.

35.

Чудесная свѣча.

Бѣдный человѣкъ записалъ чертямъ свою душу, послѣ чего получилъ отъ нихъ волшебную свѣчу, отъ которой, если зажечь ее, исполняются всѣ желанія. Съ помощью послѣдней онъ сразу разбогатѣлъ и сдѣлался войтомъ.

Однажды зашелъ къ нему жидъ-тряпочникъ и вывѣдалъ у него тайну его успѣха, а затѣмъ, въ другой разъ, воспользовавшись его отсутствіемъ, купилъ у его жены, вмѣстѣ съ тряпками, и самую свѣчу, благодаря которой тутъ-же самъ сдѣлался войтомъ, а его пустилъ съ сумой.

Пошелъ человѣкъ со своей собачкой въ свѣтъ. По дорогѣ собачка вырыла кольцо, благодаря которому, когда человѣкъ

повернулъ его на пальцѣ, явился къ нему чертъ, возвратившій ему затѣмъ и чудесную свѣчу, и прежнее богатство и званіе войта. Коварный же жидъ былъ казненъ.

Параллели: Роздольскій: Казки, II, 28—32; Гнатюкъ: Етн. мат. Ум. Р., II, 26—29, IV, 154—159, V, 194—196; S. Baracz: Bajki, 88—89, 113—120, 188; Добровольскій: Смол. сб., I, 524—525, 557—559; „Zbiór wiad.", V, 247—248; Kolberg: Lud, III, 133—136; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. zie., I, 177—181; Dobšinsky: Prostonar. pov., II, 74; A. G.: Nár. pop. Sŏsk., II, 20—33, III, 56—60; „Č. Lid", XI, 291—294; „Z. o st. Vk.", II, 188; Grimm: K. H. M., II, 150—154, III, 196—197.—Ср. также выше—№ 34.

36.

Охъ.

Въ лѣсу, въ большомъ дубѣ, жилъ чертъ по имени Охъ, у котораго въ ученіи было 11 учениковъ. Къ нему привелъ одинъ отецъ своего глупаго сына, котораго Охъ тоже принялъ въ ученіе, но поставилъ при этомъ условіе, что черезъ годъ, если отецъ его не узнаетъ, онъ оставитъ его у себя совсѣмъ.

По уходѣ отца Охъ зажегъ 4 сажени дровъ и бросилъ мальчика въ огонь, гдѣ тотъ превратился въ яйцо, а затѣмъ, когда онъ бросилъ имъ объ землю, сдѣлался опять мальчикомъ, но оказался еще недостаточно умнымъ. Тогда Охъ зажегъ 6 саженей дровъ и бросилъ его снова въ огонь, послѣ чего онъ превратился въ орѣхъ, а затѣмъ, отъ удара объ землю, сдѣлался опять мальчикомъ. Такъ какъ онъ, однако, еще не былъ достаточно умнымъ, то Охъ зажегъ еще 8 саженей дровъ и бросилъ его третій разъ въ огонь, такъ что онъ превратился въ маковое зерно, изъ котораго опять вышелъ мальчикомъ, причемъ, однако, уже былъ мудрѣе самого Оха.

Послѣ этого Охъ заперъ своего ученика за 12 дверей, но тотъ обратился въ муху, вылетѣлъ въ замочную скважину и предупредилъ отца, что Охъ при опознаніи превратитъ его и другихъ 11 учениковъ въ 12 одинаковыхъ лошадей, въ 12 утокъ, въ 12 собакъ и въ 12 мухъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ также указалъ отцу примѣты, по которымъ онъ можетъ узнать его.

Затѣмъ онъ возвратился такимъ же образомъ назадъ къ Оху, а на другой день отецъ, по условленнымъ примѣтамъ, узналъ сына и взялъ его съ собою домой.

Дома сынъ превратился въ золотого коня и велѣлъ отцу продать себя за 9 сотенъ, но безъ узды. Между тѣмъ, отецъ продалъ его Оху вмѣстѣ съ уздой, а тотъ привязалъ его въ конюшнѣ такъ туго, что онъ едва задними ногами доставалъ до земли. Когда, однако, Охъ куда-то ушелъ, остальные его ученики освободили коня, который тутъ-же, топнувъ ногою, превратился въ муху и улетѣлъ къ отцу.

Черезъ нѣкоторое время онъ превратился опять въ золотую птицу въ золотой клѣткѣ и велѣлъ отцу продать себя за 5 сотенъ, но безъ клѣтки. Однако, отецъ снова продалъ его Оху съ клѣткою, а тотъ заперъ его у себя въ желѣзную клѣтку, но ученики опять выпустили его на свободу. Превратившись въ муху, онъ снова улетѣлъ къ отцу, избѣжавъ погони Оха.

Послѣ этого онъ превратился въ желѣзную перчатку (?), которой Охъ уже не хотѣлъ купить, въ виду чего отецъ продалъ ее за 3 сотни старому солдату. Ночью же онъ сдѣлался опять человѣкомъ и пошелъ въ свѣтъ.

Напечатано, съ указаніемъ важнѣйшей литературы предмета, въ „Живой Старинѣ“, VII, 443—445. Ср. нашу же рецензію на ст. Ю. Н. Поливки—тамъ-же, X, 589—591.

Параллели: Гнатюкъ: Знадобы, I, 169; его-же: Етн. мат. Уг. Р., II, 30—33; Драгомановъ. Преданія, 326—328; Чубинскій: Труды, II, 368—379; Рудченко: Сказки, II, 107—114; Мордовцевъ: Малор. сб., 359—361; Лесевичъ: Опов. Чмихала, 48—54; Nowosielski: Lud ukr., I, 301—304; Шейнъ: Матеріалы, II, 57—60; Добровольскій: Смол. сб., I, 615—619; Federowski: Lud białor., I, 91—93, 136, II, 78—79, 145—149; Худяковъ: Великор. ск., I, 65—69, III, 71—76; Эрленвейнъ: Нар. ск., 87—91; Садовниковъ: Сам. ск., 212—217; Иваницкій: Мат. волог., 182—184; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 127—136; „Ж. Стар.“, V, 456—459, IX, 140—143; „Этн. Об.,“ XXVIII, 131, XXXIV, 167—168, LVI, 1—24; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.“, VIII—4, 348, 352—353; „Сб. Кавк.“, VI, 2, 197—200, VII, 1, 125—128, 2, 110—117, X, 2, 322—324, XVIII, 3, 23—26, XLII, 2, 151—156; Ждановъ: Р. был. эпосъ, 178—180; „Zbiór wiadom.“, V, 254—255, XI, 107—109, 241—243, XII, 38—40, XVI, 68—70; „Mat. antr.“, V, 21—22, X, 255—256; „Wisła“, XIV, 270—272; Kolberg: Lud, III, 136—138, XIV, 46—51; Ciszewski: Krakowiacy, I, 73—75; Gliński: Baj. pol., I, 172—185; Dow.-Sylwestrowicz: Pod. żm., I, 417—421, II, 58—60, 385—389; Трейландъ: Лат. ск., 50; „Č. Lid“, VI, 182—184, IX, 91—94; „Národop. Sb.“, VII,

222; „Slov. Pohl.“, 1896, 328—330; Václavek: Pohádky, II, 71; „Slavia“, 22—23; Krauss: Sagen u. M. Südsl., II, 243—245; Шанкаревъ: Сб. умотв., VIII, 262—263, IX, 315—316, 349, 450—452; Strausz: Die Bulgaren, 273—274; Поливка: Магьосникътъ и неговиятъ ученикъ, 1898; „Arch. f. slav. Phil“, XVII, 574, XIX, 242, XXVI, 459; „Zs. Ver. Vk.“, XV, 455; Grimm: K. H. M., I, 366—368, III, 117—119, 287—288; Müllenhoff: Sagen, 466—467; Haltrich: D. Vm. Siebenb., 51—53; Schott: Wal. M., 193—198; Hahn: Griech. u. alb. M., II, 34—38; Stier: Ung. M., 102; Gonzenbach: Sic. M., I, 93, 139—140; Гордлевскій: Обзоръ тур. сказ.—„Сб. Миллера“, 195, 210; „Or. u. Occ.“, III, 374—375; Потаниинъ: Очерки, IV, 198—199, 531—533; Radloff: Proben, IV, 157—160; Гомбоевъ: Шидди-Куръ, 7—9; Köhler: Kl. Schr., I, 138—140, 556—558; Dähnhardt: Natursagen, III, 460—462; Cosquin: Les Mongols et leur pretendu rôle dans la transmission des contes indiens vers l'Occident européen, 1912.

Мотивъ о чертовской школѣ см.: Jagić: Die südslav. Volkssagen von d. Grabancijaš dijak u. ihre Erklärung—„Arch. f. slav. Phil.“, II, 437—481, IV, 611, VII, 281—290; „Сб. Кавк.“, XVIII, 3, 348—349; Václavek: Pohadky, II, 72; Müllenhoff: Sagen, 192—193; Grundtvig: Dän. Vm., II, 280—308; Vinson: Folklore Basque, 6; „Albina Carpatilor“, III, 54; Schmidt: Das Jahr Rum., 16; Graf: Naturgesch. d. Teufels, 249—250.

Къ мотиву о превращеніи мальчика въ яйцо вообще см.: Ю. А. Яворскій: Omne vivum ex ovo, 1909.

Мотивъ о превращеніяхъ во время борьбы или погони вообще см.: Чубинскій: Труды, V, 574—575, 704; Манжура: Сказки, 27; Перетцъ: Малор. вирши и пѣсни, II, 119; Романовъ: Бѣлор. сб., III, 119, IV, 114, 118; Аѳанасьевъ: Сказки, I, 167, 189, 195; Худяковъ: Великор. ск., III, 18—19; Ончуковъ: Сѣв. ск., 4—7; „Ж. Стар.“, XII, 240; „Этн. Об.“, II, 9, XXVIII, 131; Пыпинъ: Очеркъ, 109, 294—295; его-же: Памятники, III, 67; Тихонравовъ: Лѣтописи, IV, 118; Сиповскій: Русск. повѣсти, 12, 19—20; Веселовскій: Сол. и Китовр., 232—233; его-же: Разысканія, VI, 43—44, 67—78, X, 430—432, XIII, 198—199; Буслаевъ: Нар. поэзія, 33—34; Миллеръ: Очерки, I, 184—185; Шамбинаго: Къ лит. ист. старинъ о Вольгѣ—„Ж. М. Н. Пр.“, 1905, XI, 140—145; Kolberg: Mazowsze, II, 54—56, III, 247, IV, 274—275; его-же: Lud, I, 134—135, IV, 19—20, XII, 97—100, XXI, 27—28, XXII, 102—103; Swiętek: Lud nadr., 193; Трейландъ: Лат. ск., 50; Stier: Ung. M., 102; Petriceicu-Hasdeu: Cuvinte din bĕtrânŭ, 501—566, 694—705; Radloff: Proben, IV, 33.—Ср. также ниже—№ 41 и 98.

Мотивъ объ уздѣ, какъ орудіи или оберегѣ превращенія человѣка въ лошадь, см. еще: Гнатюкъ: Русины Пряш., 56; его-же: Етн. мат. Уг. Р., III, 41—42; „Сб. Кавк.“, XIII, 2, 11; Krauss: Slav. Volksforschungen, 52—53; Трейландъ: Лат. ск., 125.—См. также ниже—№ 37.

37.

Птичій языкъ.

Пошелъ парень искать службы и встрѣтилъ діявола, который сначала, узнавъ, что онъ грамотенъ, не хотѣлъ его принять на службу, но затѣмъ, когда онъ забѣжалъ впередъ и притворился неграмотнымъ, взялъ его съ собой и поручилъ ему стирать пыль съ книгъ и кормить коня впроголодь, а самъ уѣхалъ на цѣлый годъ изъ дому. Но парень прочелъ всѣ книги и выучился изъ нихъ понимать языкъ животныхъ, коня же холилъ и кормилъ вдоволь. Незадолго до возвращенія діявола конь велѣлъ парню накормить себя получше, чтобы онъ могъ бѣжать съ нимъ отъ діявола, который по возвращеніи превратилъ-бы и парня въ коня, какъ превратилъ когда-то и его самого. Затѣмъ конь вывезъ парня за границу, послѣ чего, когда тотъ снялъ съ него узду, сдѣлался сѣдымъ старикомъ, а уходя, запретилъ ему говорить кому-либо, даже собственной женѣ, правду о своемъ чудесномъ знаніи.

Парень пошелъ и встрѣтилъ 3-хъ купцовъ съ сукнами, къ одному изъ которыхъ онъ и нанялся на службу. Когда купцы, по случаю яснаго дня, рѣшили провѣтрить на солнцѣ свои сукна, новый слуга, узнавъ изъ разговора птицъ о предстоящемъ ливнѣ, убѣдилъ своего хозяина не раскладывать сукна, а наоборотъ, поскорѣе заѣхать въ корчму; другіе два купца не повѣрили, и дождь совершенно промочилъ ихъ и ихъ товары. Ночью парень опять подслушалъ разговоръ птицъ о томъ, что въ корчму ударитъ вскорѣ молнія, предупредилъ объ этомъ своего хозяина и выѣхалъ съ нимъ изъ корчмы, которая тутъ-же загорѣлась. Наконецъ, на ночлегѣ въ лѣсу парень снова услышалъ отъ птицъ, что дома у его хозяина разбойники украли дочь, а жена его съ горя хочетъ повѣситься. По указанію слуги, купецъ поспѣшилъ домой и предотвратилъ самоубійство жены, самъ же парень отправился въ лѣсъ къ разбойникамъ и освободилъ дѣвушку, на которой онъ затѣмъ и женился.

Однажды жена стала допрашивать мужа — откуда у него такое знаніе будущаго? Тотъ не хотѣлъ открыть ей правду, говоря, что долженъ-бы умереть, но жена все-таки настаивала. Тогда мужъ передъ смертью пошелъ еще осмотрѣть свое хозяйство и тутъ услышалъ, какъ пѣтухъ, клюя куръ, говорилъ

лмъ, что онъ не такъ глупъ, какъ ихъ хозяинъ, и сумѣетъ управиться съ ними. Пристыженный мужъ побилъ тогда свою жену, послѣ чего она уже оставила его въ покоѣ.

—

Параллели: Основной разсказъ—о человѣкѣ, пріобрѣвшемъ (отъ змѣи, изъ волшебныхъ книгъ и т. п.) знаніе языка животныхъ, благодаря которому онъ узнаетъ будущее и предотвращаетъ угрожающія ему или его хозяину или другу опасности, а наконецъ, въ одной группѣ варіантовъ, избавляется также отъ опаснаго для него любопытства жены,—вообще см.: Гнатюкъ: Легенды, I, 215; его-же: Етн. мат. Уг. Р., II, 96—101; Роздольскій: Казки, II, 86—88; „Наука", 1897, I—III, 135—141; Сабовъ: Христоматія, 212; S. Baracz: Bajki, 124; Драгомановъ: Преданія, 75—76, 311—313; Манжура: Сказки, 72—73; Гринченко: Этн. мат., II, 121—122; „Кіев. Стар.", XLIX, 2, 109—111; Романовъ: Бѣлор. сб., IV, 140—142, 217—219; Добровольскій: Смол. сб., I, 354—355; Federowski: Lud białor., II, 38—39; Аѳанасьевъ: Сказки, II, 124—127; Худяковъ: Великор. ск., I, 135—144; Владиміровъ: Введеніе, 163; Ровинскій: Р. нар. карт., I, 258—260, IV, 190—191; „Ж. Стар.", IX, 195; „Изв. 2 Отд. Ак. Н.", VIII—4, 346; „Изв. Каз. О-ва Археол.", XIV—3, 251—258; „Сб. Кавк.", VII, 2, 98—110, IX, 2, 181—183, XVIII, 2, 151—154, XXIV, 2, 72—81; „Lud", IV, 299—304; „Wisła", II, 179, 474—475, VI, 134—137; „Zbiór wiad.", XI, 43—44, XVI, 4—5, XVIII, 479; „Mat. antr.", IV, 115, VI, 352—353, VIII, 169—172, X, 281—282; Kolberg: Lud, VIII, 216—218; „C. Lid", VIII, 150—151; Dobšinsky: Prostonar. pov., III, 83—86; Krauss: Sagen u. M. Südsl., I, 439—444; его-же: Slav. Volksforschungen, 72—73; Шапкаревъ: Сб. умотв., VIII, 249—252, IX, 306—307, 321—322, 377—378; Поливка: Бѣлѣжки, 20, 24; „Národop. Sb.", II, 100, III, 102, 122, IV—V, 134; „Arch. f. slav. Phil.", VII, 318, XXI, 278—279, 300, XXIX, 474; Hahn: Griech. u. alb. M., I, 218—219; Pedersen: Zur alb. Vk., 82—88; Fleury: Litt. or. B.-Normandie, 123—124; „Zs. Ver. Vk.", VI, 339; Grimm: K. H. M., I, 93, 172—174, III, 27, 289, 364—367; Bolte-Polivka: Anm. zu Grimm, I, 131—134; Radloff: Proben, IV, 492—495; Rosen: Tuti-Nameh, II, 238—241; Benfey: Ein Märchen von d. Thiersprache—„Or. u. Occ.", II, 33—171; его-же: Kl. Schr., II—3, 234—286; Oesterley: Gesta Rom., 208, 213, 221, 230; Liebrecht: Gerv. v. Tilbury, 155; Клингеръ: Животное, 162; Köhler: Kl. Schr., II, 336, 340, 342, 610—611, III, 539.—См. также ниже—№ 38 и въ особенности—№ 96.

Мотивъ о наймѣ діяволомъ неграмотнаго слуги см. еще: „Zbiór wiad.", XI, 107—109; Трейландъ: Лат. ск., 49—50; Grimm: K. H. M., III, 117—118.

Мотивъ объ освобожденіи отъ волшебнаго превращенія посредствомъ снятія узды см. выше—№ 36.

BINDING SECT. OCT 9 1969

PG
3927
I38
vyp.1

IAvorskii, IUlian Andreevich
Pamiatniki galitsko-russkoi narodnoi slovesnosti

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY